

Золотой фонд эзотерики

Н.К. РЕРИХ

ЗНАК ЭРЫ

В сборнике представлены самые глубокие по содержанию литературные произведения великого художника и мыслителя Н.К.Рериха. Являясь сотрудником духовных Учителей Востока, Н.К.Рерих отразил духовно-философские основы их мировоззрения в своем литературном творчестве. Иные миры и планы бытия; сакральная взаимосвязь человека с Космосом; загадки жизни, смерти, бессмертия; необычные природные явления, свидетельствующие о многомерной структуре мироздания; парапсихологические феномены и тайны высших духовных способностей человека; наконец, самый уникальный культурно-исторический феномен нашей планеты — обитель Высшего Разума, Шамбала, — все эти вопросы нашли увлекательное художественное отражение в рассказах, эссе и повестях мыслителя.

Николай Константинович Рерих

Знак эры (сборник)

Предисловие

Произведения, представленные в данной книге, относятся к числу самых загадочных, глубоких, необычных по форме и содержанию литературных работ великого русского художника, философа, культурного деятеля Н. К. Рериха. Они объединены общей тематикой, основой которой стала тысячелетняя духовная культура Востока, родственная и российским духовным традициям. Поиск высших знаний и этических идеалов, а вместе с ними — путей к самосовершенствованию, к познанию Божественного и самого себя — эти стремления, ярко выраженные в духовной культуре Индии, всегда находили живой отклик и в русской душе.

Стремления к самосовершенствованию и духовному познанию издавна были связаны на Востоке с понятием Шамбалы — ушедшей от мира, но тем не менее служащей задачам его эволюции общины духовных Учителей человечества. Идея духовного Учителя, направляющего путь искателя Истины, всегда считалась краеугольной основой эзотерической философии Востока.

Тот факт, что Рерихи были учениками и сотрудниками духовных Учителей Шамбалы, известен сейчас практически всем. Основные принципы научно-философского мировоззрения великих подвижников Востока стали центральными идеями художественного и литературного творчества Н. К. Рериха...

Что же представляет собой загадочное международное Братство Посвященных в высшую мудрость, скрытое от мира в неприступных высотах Гималаев?

Эзотерические учения Востока утверждают, что человек приходит в этот мир не один раз, что дух его вечен и бессмертен. Умирает лишь физическое тело, и, сбросив его как старую одежду, душа человека переходит на другой план существования, чтобы затем вновь вернуться на землю в новом физическом теле. Цепь реинкарнаций, или перевоплощений, нужна человеку как непереносимое условие его духовной эволюции. В течение многих воплощений душа человека накапливает истинные знания и высокие духовные качества, которые сохраняются и в последующих жизнях индивида. Одаренные люди, гении, великие духовные подвижники — это не слепая игра судьбы или природных сил, это — результат долгого развития души и разума этих людей в предыдущих воплощениях. Духовные, психические, интеллектуальные и моральные способности и качества человек не столько получает от своих родителей, сколько приносит с собой из прошлых жизней. Целью долгого пути перевоплощений, проходимого каждой душой, является превращение обычного, несовершенного человека в человека Совершенного, или Богочеловека. Именно об этой далекой и прекрасной цели сказал Иисус своим ученикам: «Вы — боги!.. Совершенствуйтесь непрестанно, как совершенен Отец Ваш Небесный».

Живым примером достижения подобного духовно-этического и интеллектуального совершенства и является Братство духовных Учителей человечества — мудрецов и подвижников, несущих помощь всему миру. Именно они, Махатмы — «Великие души», как называют их на Востоке, — прошедшие путь космической эволюции от человека к богочеловеку, стоят у начала всех мировых духовно-нравственных, философских и религиозных учений, приносимых человечеству в качестве основы его духовной эволюции. Опередившие человечество в духовном и интеллектуальном развитии, эти адепты древнего знания посвятили свои жизни служению людям, ускорению их духовного развития. С самых ранних времен существования человечество знало об этих высших помощниках и Хранителях, незримо руководящих духовным развитием людей. В эзотерических источниках говорилось, что с древнейших времен на нашей планете существовал центр Высшего Разума и высшего знания. Со времен Атлантиды в этом центре объединились великие духовные Учителя человечества — подвижники духа, овладевшие

тайнами материи и неведомыми людям силами природы. Они создали свою обитель для того, чтобы успешнее бороться с силами зла и помогать духовному развитию большинства человечества. В течение веков и тысячелетий посланники этой обители появлялись в разных странах мира в качестве выдающихся духовных и общественных деятелей, основателей новых учений, и учили людей наукам, искусствам и ремеслам. Они выполняли свою просветительскую миссию, ничего не говоря непосвященным о существовании своего центра.

Передавая людям часть своих огромных знаний, Махатмы учили их прежде всего духовности и нравственности. Знание в руках безнравственных людей может быть смертельно опасным — это было подтверждено историей земной цивилизации не раз. Именно знание, лишенное духовно-нравственных основ, погубило некогда высокоразвитые в научно-техническом отношении цивилизации Атлантиды и Лемурии. Подавляющее большинство людей нашей цивилизации, так же как и атланты, не пожелало следовать духовно-нравственным принципам древних учений. Но Архаты не оставили *попыток* передачи духовных знаний той части человечества, которая способна их воспринимать. В мире периодически появлялись посланники Белого Братства — сами Учителя, их ученики и сотрудники...

Посланниками таинственного Белого Братства в нашем мире были Н. К. и Е. И. Рерихи. Бывшие сотрудниками духовных Учителей Шамбалы на протяжении многих воплощений, они хранили интуитивное знание о существовании Махатм с самых ранних лет.

Это знание было тесно связано с эзотерическим мировоззрением Востока, с представлениями о духовном плане бытия, о высших мирах и состояниях материи, о необычных психических и духовных способностях человеческого сознания, в частности способностях ясновидения и яснослышания. Позднее именно эти способности, изначально свойственные Н. К. и Е. И. Рерихам, помогли им установить телепатическое общение с их духовными Учителями. Именно благодаря этому общению Н. К. и Е. И. Рерихи восприняли и передали России и западному миру учение Живой Этики. Многие образы и сюжеты литературных произведений Н. К. Рериха также были результатом глубочайшей духовной связи, существующей между ним и его духовным Наставником — Махатмой М. Биограф семьи Рерихов П. Ф. Беликов подчеркивал, что сборник стихов «Цветы Мории» отразил всю историю Общения художника с Учителем и таинственный процесс раскрытия высших духовных способностей и сил, необходимых на пути самосовершенствования и сотрудничества с Учителями.

Как пишет П. Ф. Беликов, в основе Общения Рерихов с Учителями лежал путь долгих духовных поисков. Одной из главных проблем этого пути было уравнивание в сознании стремящегося к духовному познанию человека двух миров, двух планов бытия — земной и надземной реальностей. Лишь в тесной взаимосвязи и в неразрывной гармонии эти две реальности могли привести к подлинному духовному познанию и сотрудничеству с Учителями. Именно поэтому основа духовного пути Рерихов состояла не в «чудесах» и оккультных феноменах, а в естественных проявлениях законов как земного, так и надземного бытия, в тончайшей гармонии материального и духовного. История общения Рерихов с Учителями была отражена и в других произведениях художника. Так, очерки и эссе «Вехи», «Бывальщина», «Он», «Держава Света» имеют непосредственное отношение к самой таинственной стороне жизни Н. К. и Е. И. Рерихов — их встречам с Учителями как на физическом, так и на духовном плане бытия.

Первые встречи Рерихов с Учителями осуществились именно на Тонком плане, через каналы астрального мира. Вначале сны и видения, затем явления материализации подтвердили будущим посланникам Шамбалы факт их избранности и особой миссии, доверенной им как сотрудникам Братства. Одно из самых таинственных эссе Н. К. Рериха буквально пронизано пламенным видением Великого Облика — посланника Высшего Мира: «В молчании было

видение. Исполнились света предметы. И воссиял лик Великого Гостя. И замкнул Он уста и скрестил руки и струился светом каждый волос Его. И бездонно пристально сияли очи Его.

В бережности принес Пламенный весть обновленного, благословенного мира. Тайночью Он дал знак ко *благу*. В дерзании Он напомнил о Несказуемом».

Читая эти огненные строки и восхищаясь силой поэтического выражения, заложенной в них, многие могут подумать, что в этих словах выражена некая метафора, далекий от земной реальности духовный Образ. Но в действительности пламенное видение, описанное художником с такой потрясающей силой, было не вымыслом, а реальностью высшего плана бытия. И с этой великой реальностью Рерихи встречались не однажды. Вот как описывается в книге П. Ф. Беликова «Рерих. Опыт духовной биографии» одна из первых встреч с Учителем, свидетельницей которой стала Е. И. Рерих.

«Примерно между 1907 и 1909 гг. Е[лена] И[вановна] имела Видение, потрясшее все ее существо. Вечером она осталась одна (Н[иколай] К[онстантинович] был на каком-то совещании) и рано легла спать. Проснулась внезапно от очень яркого света и увидела в своей спальне озаренную ярким сиянием фигуру Человека с необыкновенно красивым лицом. Все было насыщено такими сильными вибрациями, что первой мыслью Е. И. была мысль о смерти. Она подумала о маленьких детях, которые спали рядом в комнате, о том, что перед смертью не успела сделать нужных распоряжений. Однако вскоре мысль о смерти отступила, заменилась необычным, ни с чем не сравнимым ощущением — Присутствием Высшей Силы. Так состоялось Посещение Учителем Е. И., которое, несомненно, многое для нее открыло» (П. Ф. Беликов. «Рерих. Опыт духовной биографии». Новосибирск, 1994, с. 91–92).

Как отмечает в своей книге Беликов, явления иного плана бытия сопровождали весь путь знакомства Рерихов с эзотерической мудростью Востока и проявлялись в их жизни не однажды. Целью этих явлений было познакомить будущих сотрудников Шамбалы с законами иных планов бытия. Ведь в новом мировоззрении, которое Рерихи принесли миру в учении Агни Йоги, рассказывалось именно об иных планах бытия и их неразрывной взаимосвязи с миром земной реальности.

В этой связи Беликов приводит цитату из книги «Агни Йога»: «Сначала вам были явлены грубоматериальные законы.

Вы были участниками поднятия на воздух, производились опыты материализации и присылки предметов — все это не для увлечения, но для сурового познания. Затем вам был представлен астральный мир, но не для погружения в него. Расширяя сознание, вы получили возможность знать ауры и лики перевоплощений. Покончив с миром Полуматериальным, мы перешли к космическому ясновидению и яснослышанию. Пользуясь открытыми центрами сестры Ур[усвати] ^[1], можно было показать лучи разных качеств и строение тонких субстанций» («Агни Йога», § 145)».

О том, что представляет собой мир иной, надземной реальности, немало говорится и в других рассказах, очерках и эссе Н. К. Рериха, представленных в данном сборнике. При этом необходимо отметить, что идея Высшей, космической реальности, великого Запредельного, не познанного наукой, освещается в творчестве Рериха с разных сторон. С одной стороны, это духовно-поэтическое выражение сакральных принципов и тайн бытия, отраженное в белых стихах и многих рассказах и эссе художника, с другой стороны — это рациональное осмысление последние достижений науки в области изучения многомерной природы Космоса и самого человека.

Роль науки в открытии человечеству иной, высшей реальности бытия Н. К. Рерих особо подчеркивал в своих работах. «Наука, чтобы быть обновленной, должна быть бесстрашной» — этот завет Рериха современной науке как нельзя более актуален.

«Парапсихология», «Туда и оттуда», «Жизнь вечная», «Следы мысли», «Потустороннее» и другие произведения дают нам величественную и захватывающую воображение картину иной реальности бытия — с одной стороны, существующей рядом с нами и оказывающей на нас огромное влияние, с другой стороны, совсем неизученной, таинственной, неведомой... К познанию и творческому освоению этой высшей реальности и призывают нас литературные работы великого русского художника и мыслителя. К этому же зовет мыслящих людей нашей эпохи и духовно-философское учение Шамбалы, принесенное в мир семьей Рерихов. В «Сердце Азии» Н. К. Рерих пишет: «Агни Йога в полном согласии с новыми проблемами науки намечает знаки изучения стихий и тончайших энергий. То, что недавно общо называлось учением воли и сосредоточения, то Агни Йога вправляет в целую систему овладения окружающими нас энергиями. Через расширение сознания и упражнение организма среди условий современной жизни, эта синтетическая Йога строит счастливое будущее человечества. Она говорит: не уходите от жизни, развивайте способности вашего аппарата и поймите великое значение психической энергии — человеческой мысли и сознания, как величайших творящих факторов. Йога говорит: в нашей самоответственности и в сознательном сотрудничестве будем стремиться к сужденной эволюции. Но, исследуя все наши возможности, прежде всего поймем радость труда, мужества и ответственности. Обращаясь в практических формулах ко всем сторонам жизни, йога указывает, как близки от нас стихии, и самая из них всепроникающая — огонь.

Агни Йога отделяет действительность от майи, она восстает против «чудес», вводя феномены в кругозор позитивного знания. «Нужно учиться организации психической энергии», — утверждает Агни Йога.

Йога смело утверждает: будем искренны и отбросим предрассудки и суеверия, неприличные сознательному человеку, желающему научно исследовать и познавать».

Как пишет П. Ф. Беликов, Рерихи встречали представителей Белого Братства не только на духовном плане бытия. В очерках Н. К. Рериха есть немало сведений о необычных встречах, бывших в его жизни. Правда, чтобы избежать ненужного ажиотажа, в своих литературных работах Рерих обычно не указывал, что эти встречи происходили с ним самим. В очерке «Вехи», как отмечал Беликов, главным действующим лицом назван знакомый художника, хотя в действительности все описываемые там события происходили с самим Николаем Рерихом. В своей работе Беликов приводит следующие фрагменты из произведений Николая Константиновича, свидетельствующие о встречах с Учителями Шамбалы и их посланниками. «В Америке Рериху суждено было еще раз встретиться с Посланником Белого Братства. Встреча тоже была непродолжительной и совсем неожиданной. Вот как описывает ее сам Рерих: «... было указано открыть в одном городе просветительное учреждение. После всяких поисков возможностей к тому, он решил поговорить с одной особой, приехавшей в этот город. Она назначила ему увидеться утром в местном музее. Придя туда, «в ожидании» мой друг заметил высокого человека, несколько раз обошедшего вокруг него. Затем незнакомец остановился рядом и сказал по поводу висевшего перед ним гобелена: «Они знали стиль жизни, а мы утратили его». Мой друг ответил незнакомцу соответственно, а тот предложил ему сесть на ближайшую скамью и, положив палец на лоб (причем толпа посетителей — это был воскресный день — не обратила внимания на этот необычный жест), сказал: «Вы пришли сюда говорить об известном вам деле. Не говорите о нем. Еще в течение трех месяцев не может быть сделано ничего в этом направлении. Потом все придет к вам само». Затем незнакомец дал еще несколько важных советов и, не дожидаясь, быстро встал, приветливо помахал рукой со словами «хорошего счастья» и вышел. Конечно, мой друг воспользовался его советом. Ничего не сказал о деле приехавшей затем знакомой, а через три месяца все совершилось как было сказано. Мой друг и до сих пор не может понять, каким образом он не спросил имени чудесного незнакомца, о

котором более никогда не слышал и не встретил его. Но именно так и бывает» («Вехи»).

В упомянутом биографическом исследовании П. Ф. Беликов пишет и о встречах Рерихов с Учителями непосредственно на Востоке, во время Трансгималайской экспедиции:

«Мы знаем из переписки с Шибаевым, что сначала Рерихи намеревались посетить Адьяр и наладить связи с теософским движением. Но по приезде в Индию они изменили свое решение и поехали в Сикким. В Сиккиме состоялась встреча с Учителем и сопровождавшим Его Джул-Кулом. Произошла она в окрестностях Дарджилинга, в храме, с которого сделана фотография. Место это довольно людное. О самой встрече мы находим следующие подробности в «Надземном» (§ 40) ^[2]: «Мы не уходим из жизни, когда Мы появлялись, Мы не отличались от остальных обывателей. Вы сами можете свидетельствовать, что Джул-Кул, когда появился встретить Вас, не отличался от лам. Урусвати немедленно почувяла необычность, но явление могло быть отнесено и к настоятелю монастыря. Так и все Собратья и сотрудники несут обычные земные облики. Но даже при условностях обликов сердечность будет сквозить и в каждом взгляде и улыбке. Можно назвать это качество сердечности и другим именем, более научным, но Мы желаем установить наиболее человеческий взгляд на Нашу Общину» <...>.

<...> Кроме того, в неопубликованном очерке «Бывальщина» перечислены в хронологическом порядке необычные явления и встречи: «Не забудется и встреча в Чикаго. А Лондон в 1920! А Париж в 1923! А Дарджилинг! А Москва в 1926! А Белуха! А Улан-Батор! А Тибет! А Индия! Всюду вехи». <...> Рерих пишет и в «Путях Благословения», в очерке «Звезда Матери Мира», датированном 8 мая 1924 года, об Учителях так, как будто с Ними встречался: «Люди, встречавшие в жизни Учителей, знают, как просты и как гармоничны и прекрасны Они. Эта же атмосфера красоты должна окутывать все, что касается Их области» <...>.

Несомненно, что это касается встречи в Дарджилинге с Учителями М. и Д. К. Если встречи с Посланниками Белого Братства в Лондоне, Нью-Йорке и Чикаго были неожиданными и кратковременными, то эта встреча была продолжительной и запланированной. При встрече в Дарджилинге были получены инструкции о том, что надлежит сделать в ближайшие годы по Плану Владык, в том числе конкретные задания их главной миссии <...>» (Беликов П. Ф. «Рерих. Опыт духовной биографии», с. 237–260).

Как свидетельствует П. Ф. Беликов, литературные произведения Н. К. Рериха являются «ключом» и к другим загадочным фактам его биографии. Прежде всего это касается передачи Учителями Шамбалы Рерихам легендарной реликвии Востока — Камня Чинтамани, или «Кристалла Мысли». По преданию, эта реликвия представляет собой метеорит, упавший на Землю из созвездия Ориона. Как говорят древние легенды Востока, Камень Чинтамани обладает необычным энергетическим излучением, позитивно влияющим на человеческое сознание и способствующим духовному и культурному расцвету стран, в которых он какое-то время находится. Вот как пишет об отношении Рерихов к этой загадочной реликвии Беликов:

«<...> необходимо рассказать о некоторых событиях в жизни Рерихов, не получивших достаточного освещения в официальных биографиях. В очерке «Вехи» Николай Константинович так описывает это событие: «Было указано, что получится очень ценная посылка. Время шло. Друзья наши как бы забыли об этом обстоятельстве, приехали в Париж. Однажды из банка «Банвертрест» приносят оповещение о получении пакета. Оказалось, что этим наиобыкновеннейшим путем была доставлена самая необычная посылка. Как видите, и так бывает».

Это произошло 5 октября 1923 года, когда Рерихи съехались в Париже по пути в Индию. Как уже упоминалось, впервые мы находим намек о Камне в стихотворении Рериха 1911 года «Заклятие»:

Камень знай. Камень храни.
Огонь сокрой. Огнем зажгися.
Красным смелым.
Синим спокойным.
Зеленым мудрым.
Знай один. Камень храни.
Фу, Ло, Хо, Камень несите.
Воздайте сильным.
Отдайте верным.
Иенно Гуйо Дья, —
прямо иди!

Возможно, что это было одно из Указаний Владыки, принятое, но далеко не сразу расшифрованное. Говорится в нем не только о Камне, но и четырех Его будущих носителях, которые скрыты под именами, очевидно, прошлых воплощений. О том, что именно им суждено быть очередными носителями Камня и что именно с этим связано, Рерихи получили подробные сведения позже. <...>

Елена Ивановна, посылая Р. Рудзитису ^[3]снимок с Камня, писала 1 октября 1935 года: «... прилагаю снимок с одной такой посылки.

Вы можете прочесть о ней в «Криптограммах Востока» — Легенда о камне. Так, на снимке Камень покоится в ковчеге на древней ткани, на которой вышита в сиянии лучей древняя надпись «Сим победим». Храните этот снимок у себя, покажите и расскажите лишь самым ближайшим. С удовольствием отвечу на Ваши вопросы о Камне, в связи с легендой, если такие появятся у Вас». В письме от 19 января 1939 года есть такие дополнительные сведения: «По всей истории человечества проходит эта вера в Священный Камень, охраняющий страну, в которой он находится. Братство Грааля хранит Камень, посланный с Ориона, и принят Он был Вел[иким] Учит[елем] Ясоном, который положил его в основание Братской Общины. Сам Камень хранится в Общине, но осколки его посылаются в мир, чтобы сопутствовать великим событиям».

Мы знаем, что Камень этот сопровождал Рерихов в их Среднеазиатской экспедиции. <...>

Ларец Камня запечатлен Святославом Николаевичем в портретах Елены Ивановны, Николая Константиновича и на отдельной картине. Николай Константинович изобразит Его на полотнах «Сокровище мира», «Чинтамани», «Держательница Мира». В триптихе «Фиат Реке» изображен сам Камень в Руках Владыки.

Имеется фотография открытого Ларца с покоящимся на вышитой ткани Камнем. Она относится к 1923–1924 годам. Наличие более поздних снимков автору не известно.

Во многих литературных произведениях Рерих упоминает о Камне. Так, в «Шамбале Сияющей», в диалоге с ламой есть такое место: «Знаете ли вы на Западе что-нибудь о Великом Камне, в котором сосредоточены магические силы? И знаете ли вы, с какой планеты пришел этот Камень? И кому принадлежит это сокровище?» — «Лама, о Великом Камне у нас столько же легенд, сколько у вас изображений Чинтамани. Со времени друидов многие народы помнят эти правдивые легенды о естественных энергиях, скрытых в странном госте нашей планеты. Очень часто в таких упавших камнях скрыты алмазы, но это ничто по сравнению с некоторыми неизвестными металлами и энергиями, которые ежедневно находят в камнях, многочисленных токах и космических лучах. «Лапис Эксилис» называется камень, который упоминается старыми мастерзингерами. Видно, что Запад и Восток сотрудничают во многих вопросах. Вам не надо идти в пустыню, чтобы слышать о Камне». В «Сердце Азии» Рерих пишет: «Великий Тимур,

говорится, владел этим камнем. Камень обычно приносится совершенно неожиданными людьми. Тем же неожиданным путем в должное время исчезает. Чтобы опять появиться в сужденный срок в совершенно другой стране. Главная часть этого Камня находится в Шамбале. Лишь небольшой кусок его выдан и блуждает по всей земле, сохраняя магнитную связь с главным Камнем. Бесконечные сказания щедро рассыпаны об этом Камне. Говорится также, что царь Соломон и император Акбар владели им. Эти предания невольно напомнили Лапис Эксилис — Блуждающий Камень, воспетый знаменитым мейстерзингером Вольфрамом фон Эшенбахом, заключившим свою песню словами «И этот камень называется Грааль».

С различных сторон отражена Рерихом Легенда о Камне в очерках «Камень», «Держатели» («*Врата в будущее*») ^[4], «Тайны» («*Нерушимое*»), «Свет пустыни» («*Держава Света*»). В книге «Твердыня Пламенная» <...> Рерих, с одной стороны, упоминая о Камне, пишет о нем как о факте, не вызывающем никакого сомнения. Да и какие сомнения могут быть у него, державшего этот Камень в руках и испытавшего Его силу и могущество. Но, с другой стороны, все, что касается Камня, он относит как бы в область «легенд» <...> (Беликов П. Ф. «Рерих...», с. 237–246).

Легенды Рерих считал символическим, образно-поэтическим отражением реальности. Этому определению в полной мере соответствуют сказки и легенды самого Николая Константиновича, включенные в данный сборник. То же самое можно сказать и о его поэтических произведениях, которые недаром называют иногда «медитациями в стихах», и о многих рассказах и эссе художника, посвященных все той же теме — поиску Истины и пути духовного восхождения.

Литературно-философские произведения Н. К. Рериха настолько же самобытны и впечатляющи, как и его картины. Белые стихи, составившие сборник «Цветы Мори», а также очерки, рассказы и эссе Рериха буквально завораживают своим удивительным слогом, необычностью сюжетов и силой литературных образов. В чем сила их воздействия на людей? Наверное, в том, что в них выражена великая Истина, к которой всю жизнь стремился художник и которую он нашел в сакральных духовно-философских учениях Востока.

I. Священные знаки

Заклятие

I

Отец — огонь. Сын — огонь. Дух — огонь.
Три равны, три нераздельны.
Пламя и жар — сердце их.
Огонь — очи их.
Вихрь и пламя — уста их.
Пламя Божества — огонь.
Лихих спалит огонь.
Пламя лихих обожжет.
Пламя лихих отвратит.
Лихих очистит.
Изогнет стрелы демонов.
Яд змия да сойдет на лихих!
Агламид повелитель змия!
Артан, Арион, слышите вы!
Тигр, орел, лев пустынного
поля! От лихих берегите!
Змеем завейся, огнем спалися,
сгинь, пропади,
лихой.

II

Отец — Тихий, Сын — Тихий, Дух — Тихий.
Три равны, три нераздельны.
Синее море — сердце их.
Звезды — очи их.
Ночная заря — уста их.
Глубина Божества — море.
Идут лихие по морю.
Не видят их стрелы демонов.
Рысь, волк, кречет,
Уберегите лихих!
Расстилайте дорогу!
Кийос, Киойзави,
допустите
лихих.

Камень знай. Камень храни.
 Огонь сокрой. Огнем зажгися.
 Красным смелым.
 Синим спокойным.
 Зеленым мудрым.
 Знай один. Камень храни.
 Фу, Ло, Хо, Камень несите.
 Воздайте сильным.
 Отдайте верным.
 Иенно Гуйо Дья, —
 прямо иди!

1911

Священные знаки

Мы не знаем. Но они знают.
 Камни знают. Даже знают
 деревья. И помнят.
 Помнят, кто назвал горы
 и реки. Кто сложил бывшие
 города. Кто имя дал
 незапамятным странам.
 Неведомые нам слова.
 Все они полны смысла.
 Все полно подвигов. Везде
 герои прошли. «Знать» —
 сладкое слово. «Помнить» —
 страшное слово. Знать и
 помнить. Помнить и знать.
 Значит — верить.
 Летали воздушные корабли.
 Лился жидкий огонь. Сверкала
 искра жизни и смерти.
 Силою духа возносились
 каменные глыбы. Ковался
 чудесный клинок. Берегли
 письмена мудрые тайны.
 И вновь явно все. Все ново.
 Сказка-предание сделалось
 жизнью. И мы опять живем.
 И опять изменимся. И опять
 прикоснемся к земле.
 Великое «сегодня» потускнеет

завтра. Но выступают
священные знаки. Тогда,
когда нужно. Их не заметят.
Кто знает? Но они жизнь
построят. Где же
священные знаки?

1915

Увидим

Мы идем искать священные
знаки. Идем осмотрительно и
молчаливо. Люди идут, смеются,
зовут за собою. Другие спешат
в недовольстве. Иные нам
угрожают. Хотят отнять
то, что имеем. Не знают
прохожие, что мы вышли
искать священные знаки. Но
угрожающие пройдут. У них
так много дела. А мы
будем искать священные
знаки. Никто не знает, где
оставил хозяин знаки свои.
Вернее всего, они — на столбах
у дороги. Или в цветах.
Или в волнах реки.
Думаем, что их можно
искать на облачных сводах.
При свете солнца, при свете
луны. При свете смолы
и костра, будем искать
священные знаки. Мы долго
идем, пристально смотрим.
Многие люди мимо прошли.
Право, кажется нам, они
знают приказ: найти
священные знаки. Становится
темно. Трудно путь
усмотреть. Непонятны места.
Где могут они быть —
священные знаки? Сегодня
мы их, пожалуй, уже не
найдем. Но завтра будет
светло. Я знаю — мы их

«На последних вратах»

Нам сказали: «Нельзя».
Но мы все же вошли.
Мы подходили к вратам.
Везде слышали слово «нельзя».
Мы хотели знаки увидеть.
Нам сказали: «Нельзя».
Свет хотели зажечь.
Нам сказали: «Нельзя».
«Стражи седые, выдавшие,
знавшие! Ошибаетесь, стражи!
Хозяин дозволил узнать.
Видеть хозяин дозволил.
Наверно, он хочет, чтобы
мы знали, чтобы мы видели.
За вратами посланец стоит.
Нам он что-то принес.
Допустите нас, стражи!»
«Нельзя», — нам сказали
и затворили врата.
Но все же много врат
мы прошли. Протеснились.
И «можно» оставалось за нами.
Стражи у врат берегли нас.
И просили. И угрожали.
Остерегали: «Нельзя».
Мы заполнили всюду «нельзя».
Нельзя все. Нельзя обо всем.
Нельзя ко всему.
И позади только «можно».
Но на последних вратах
будет начертано «можно».
Будет за нами «нельзя».
Так велел начертать
Он на последних
вратах.

В полночь приехал наш Царь.
В покой он прошел. Так сказал.
Утром Царь вышел в толпу.
А мы и не знали...
Мы не успели его повидать.
Мы должны были узнать повеленья.
Но ничего, в толпе к нему подойдем
и, прикоснувшись, скажем и спросим.
Как толпа велика! Сколько улиц!
Сколько дорог и тропинок!
Ведь Он мог далеко уйти.
И вернется ли снова в покой?
Всюду следы на песке.
Все-таки мы следы разберем.
Шел ребенок. Вот женщина с ношей.
Вот, верно, хромой — припадал он.
Неужели разобрать не удастся?
Ведь Царь всегда имел посох.
Разберем следы упиравшихся.
Вот острый конец боевой.
Не похоже! Шире посох Царя,
а поступь спокойней.
Метными будут удары от посоха.
Откуда прошло столько людей?
Точно все сговорились наш путь
перейти. Но вот поспешим.
Я вижу след величавый,
сопровожденный широким посохом
мирным. Это, наверно,
наш Царь. Догоним и спросим.
Толкнули и обогнали людей. Поспешили.
Но с посохом шел слепой
нищий.

1916

Тропинки

Царя мы настигнем в лесу.
Не помешают нам люди.
Там мы спросим Его.
Но Царь всегда ходит один,
а лес весь полон тропинок.
Неизвестно, кто ими прошел,
проходили жители ночи.
Молчаливо прошли и ушли.

Днем пустынно в лесу.
Птицы молчат и ветер молчит.
Царь наш далеко ушел.
Замолчали пути и
тропинки.

Поверить?

Наконец мы узнали,
куда прошел Царь наш.
На старую площадь трех башен.
Там он будет учить.
Там он даст повеления.
Скажет однажды. Дважды
наш Царь никогда не сказал.
На площадь мы поспешим.
Мы пройдем переулком.
Толпы спешащих минуем.
К подножию Духовой башни
мы выйдем. Многим тот путь
незнаком. Но всюду народ.
Все переулки наполнены.
В проходных воротах теснятся.
А там Он уже говорит.
Дальше нам не дойти.
Пришедшего первым не знает
никто. Башня видна, но вдали.
Иногда, кажется, будто звучит
Царское слово. Но нет.
Слов Царя не услышать.
Это люди передают их
друг другу. Женщина — воину.
Воин — вельможе. Мне передает
их сапожник-сосед. Верно ли
слышит он их от торговца,
ставшего на выступ крыльца?
Могут ли я им
поверить?

Завтра

Я знал столько полезных вещей
и теперь все их забыл.
Как обокраденный путник,
как бедняк, потерявший имущество,

я вспоминаю тщето о богатстве,
которым владел я давно;
вспоминаю неожиданно, не думая,
не зная, когда мелькнет погибшее
знание. Еще вчера я многое знал,
но в течение ночи все затемнело.
Правда, день был велик.
Была ночь длинна и темна.
Пришло душистое утро.
Было свежо и чудесно.
И, озаренный новым солнцем,
забыл я и лишился того,
что было накоплено мною.
Под лучами нового солнца
знания все растворились.
Я более не умею отличить
врага от друзей.
Я не знаю, когда грозит мне
опасность. Я не знаю, когда
придет ночь. И новое солнце
встретить я не сумею.
Всем этим владел я,
но теперь обеднел.
Обидно, что снова узнаю
нужное не ранее завтра,
а сегодняшний день еще длинен.
Когда придет оно —
завтра?

Время

В толпе нам идти тяжело.
Столько сил и желаний враждебных.
Спустились темные твари
на плечи и лица прохожих.
В сторону выйдем, там
на пригорке, где столб стоит
древний, мы сядем.
Пойдут себе мимо.
Все порожденья осядут внизу,
а мы подождем.
И если бы весть
о знаках священных возникла,
устремимся и мы.
Если их понесут,
мы встанем и воздадим почитание.

Зорко мы будем смотреть.
Остро слушать мы будем.
Будем мы мочь и желать
и выйдет тогда, когда —
время.

В толпу

Готово мое одеянье. Сейчас
я маску надену. Не удивляйся,
мой друг, если маска будет
страшна. Ведь это только
личина. Придется нам
выйти из дома. Кого мы
встретим? Не знаем. К чему
покажемся мы. Против свирепых
щитом защищайся.
Маска тебе неприятна?
Она на меня не похожа?
Под бровями не видны
глаза? Изборожден очень лоб?
Но скоро личину мы
снимем. И улыбнемся друг
другу. Теперь войдем мы
в толпу.

1918

Напрасно

Не видно знаков священных.
Дай глазам твоим отдохнуть.
Знаю, они утомились. Закрой
их. Я за тебя посмотрю. Скажу
о том, что увижу. Слушай!
Вокруг нас та же равнина.
Седые кусты шелестят.
Озера сталью сверкают.
Безответно замерли камни.
Блестят в лугах сияньем
холодным. Холодны тучи.
В морщинку сложились. Ушли
бесконечно. Знают, молчат и
хранят. Птицы не вижу.
Зверь не бежит по равнине.

По-прежнему нет никого.
Никто не идет. Ни одной
точки. Путника ни одного.
Не понимаю. Не вижу. Не знаю.
Глаз свой ты напрягал бы напрасно.

1918

В танце

Бойтесь, когда спокойное придет
в движенье. Когда посеянные ветры
обратятся в бурю. Когда речь людей
наполнится бессмысленными словами.
Страшитесь, когда в земле кладами
захоронят люди свои богатства.
Бойтесь, когда люди сочтут
сохранными сокровища только
на теле своем. Бойтесь, когда возле
соберутся толпы. Когда забудут
о знании. И с радостью разрушат
узнанное раньше. И легко исполнят
угрозы. Когда не на чем будет
записать знание ваше. Когда листы
писаний станут непрочными,
а слова злыми. Ах, соседи мои!
Вы устроились плохо. Вы все
отменили. Никакой тайны дальше
настоящего! И с сумою несчастья
вы пошли скитаться и завоевывать
мир. Ваше безумие назвало самую
безобразную женщину: желанная!
Маленькие танцующие хитрецы!
Вы готовы утопить себя
в танце.

1916

Взойду

Голос еще раз подам.
Куда от меня вы ушли?
Вас мне снова не слышно.
Голоса ваши в скалах
заглохли. Я больше не отличу

голос ваш от
ветки падения, от взлета
птицы случайной. Призывы
мои для вас тоже исчезли.
Не знаю, пойдете ли вы,
но хочется мне еще на
вершину подняться. Камни
уже оголились. Мхи стали
реже, а можжевельник
засох и держится слабо.
Аркан ваш пригодным
был бы и мне, но и один я
взойду.

1917

Увидишь

Что лицо мое греет?
Светит солнце, теплом
наш сад наполняет.
Что там шумит?
Море шумит. Хотя за
скальной горой его и не видно.
Откуда аромат миндаля?
Черемуха вся распустилась.
Белым цветом залиты
деревья. Яблони тоже
цветут. Все разноцветно
сверкает. Что перед нами?
Ты стоишь на пригорке.
Перед нами спускается сад.
За лугом синееет залив.
На той стороне холмы и
леса. Темнеют сосновые
горы. Очертанья уходят
в даль голубую. Когда я
увиджу все это? Завтра
увидишь.

1917

Привратник

«Привратник, скажи, почему

эту дверь затворяешь? Что неотступно хранишь?» — «Храню тайну покоя». — «Но пуст ведь покой. Достоверные люди сказали: там нет ничего». — «Тайну покоя я знаю. Ее охранять я поставлен». — «Но пуст твой покой». — «Для тебя он пуст», — ответил привратник.

Ключи от ворот

Волшебником буду сегодня,
и неудачу в удачу я превращу.
Заговорили молчавшие.
Обернулись назад уходившие.
Закивали все грозные.
Поникли все угрожавшие.
Мысли, пришедшие, как голубь,
залегли для управления миром.
Самые тихие слова принесли
бурю. И ты шел, как тень
того, что должно наступить.
И ребенком ты станешь,
чтобы стыд не мешал тебе.
Ты сидел у проезжих ворот,
доступных для каждого плута.
Спрашивал, кто хочет тебя
обмануть? Что тут удивительного?
Удачливый охотник найдет
достойную охоту. Найдет вне страха.
Но, получив удачу свою,
уходя, знаю я, что не всех
из вас я увидал. Лучшие
встречи остались без
завершенья. И много добрых
мимо прошли или еще
не дошли. А я их не знал.
И переодетым я сидел между
вами. И вы закутались
в разные ткани. Молча
хранили заржавленные ключи
от ворот.

Я нашел наконец пустынного.
Вы знаете, как трудно найти
пустынного здесь на земле.
Просил я его, укажет ли
он путь мой и примет ли
он благосклонно мои труды?
Он долго смотрел и спросил,
что у меня есть самое любимое?
Самое дорогое? Я отвечал:
«Красота». — «Самое любимое
ты должен оставить». — «Кто
заповедал это?» — спросил я.
«Бог», — ответил пустынный.
Пусть накажет меня Бог —
я не оставлю самое прекрасное,
что нас приводит
к Нему.

1920

Наш путь

Путники, сейчас мы проходим
сельской дорогой. Хутора чередуются
полями и рощами. Дети заботятся
о стадах. К нам дети подходят.
Мальчик нам подал чернику
в бересте. Девушка протянула
пучок пахучей травы. Малыш
расстался для нас со своей
в полоску нарезанной палочкой.
Он думал, что с нею нам
будет легче идти. Мы проходим.
Никогда больше не встретим
этих детей. Братья, мы отошли
от хуторов еще не далеко,
но вам уже надоели подарки.
Вы рассыпали пахучую травку.
Ты сломал корзиночку из бересты.
Ты бросил в канаву палочку,
данную малышом. К чему нам
она? В нашем долгом пути.
Но у детей не было ничего другого.
Они дали нам лучшее из того,

что имели, чтобы украсить
наш путь.

1917

Не открою

Усмешку оставь, мой приятель.
Ты ведь не знаешь, что у меня
здесь сокрыто. Ведь без тебя
я наполнил этот ларец.
Без тебя и тканью закрыл.
И ключ в замке повернул.
На стороне расспросить
тебе никого не удастся.
Если же хочешь болтать —
тебе придется солгать.
Выдумай сам и солги,
но ларец я теперь
не открою.

1917

Капли

Твоя благодать наполняет
руки мои. В избытке льется
она сквозь мои пальцы. Не удержать
мне всего. Не успеваю различать
сияющие струи богатства. Твоя
благая волна через руки льется
на землю. Не вижу, кто подберет
драгоценную влагу? Мелкие брызги
на кого упадут? Домой не успею
дойти. Изо всей благодати в руках
крепко сжатых я донесу только
капли.

1920

Пора

Встань, друг. Получена весть.
Окончен твой отдых.
Сейчас я узнал, где хранится
один из знаков священных.
Подумай о счастье, если
один знак найдем мы.
Надо до солнца пойти.
Ночью все приготовить.
Небо ночное, смотри,
невиданно сегодня чудесно.
Я не запомню такого.
Вчера еще Кассиопея
была и грустна и туманна,
Альдебаран пугливо мерцал.
И не показалась Венера.
Но теперь воспрянули все.
Орион и Арктур засверкали.
За Алтаиром далеко
новые звездные знаки
блестят, и туманность
созвездий ясна и прозрачна.
Разве не видишь ты
путь к тому, что
мы завтра отыщем?

Звездные руны проснулись.
Бери свое достоянье.
Оружье с собою не нужно.
Обувь покрепче надень.
Подпояшься потуже.
Путь будет наш каменист.
Светлеет восток. Нам
пора.

1916

Уводящий

Приходящий в ночной тишине,
говорят, что Ты невидим,
но это неправда.
Я знаю сотни людей,
и каждый видел Тебя,
хотя бы один раз.
Несколько бедных и глупых
не успели Твой лик разглядеть,
изменчивый многообразно.
Ты не хочешь мешать нашей
жизни. Ты не хочешь нас испугать
и проходишь в тишине и молчанье.
Глаза Твои могут сверкать,
голос Твой может греметь.
И рука может быть тяжела
даже для черного камня.
Но Ты не сверкаешь,
Ты не гремишь,
И не дашь сокрушенья. Знаешь,
что разрушенья ничтожней покоя.
Ты знаешь, что тишина
громче грома. Ты знаешь,
в тишине приходящий и
уводящий.

1916

Утром

Не знаю и не могу.
Когда я хочу, думаю, —
кто-то хочет сильнее?

Когда я узнаю, —
не знает ли кто еще тверже?
Когда я могу, — не может ли
кто и лучше, и глубже?
И вот я не знаю и не могу.
Ты, в тишине приходящий,
безмолвно скажи, что я в жизни
хотел и что достигнуто мною?
Возложи на меня свою руку, —
буду я снова и мочь и желать,
и желанное ночью вспомнится
утром.

1916

Благодать

Дар мой прими, милый друг!
Трудом и знаньем я накопил
этот дар. Чтобы отдать его,
я сложил. Я знал, что отдам
его. На даре моем наслоишь
радости духа. Тишина и покой.
Среди восстания духа в дар
мой твой взор устреми.
А если хочешь слуге приказать
дар принести, ты его назови
благодать.

1918

Открой

У тебя на полках по стенам
многие склянки стояли.
Разноцветные они. Закрыты
все бережливо. Иные обернуты
плотно, чтобы свет не проник.
Что в них — не знаю.
Но их сурово хранишь.
Оставшись один, по ночам
огни у себя зажигаешь и новый
состав ты творишь.
Знаешь, чему полезны составы.
Помощь твоя мне нужна.

В твои составы я верю.
Который мне будет
полезен, тот сейчас и
открой.

1917

Оставил

Я приготовился выйти в дорогу.
Все, что было моим, я оставил.
Вы это возьмете, друзья.
Сейчас в последний раз обойду
дом мой. Еще один раз
вещи я осмотрю. На изображенья
друзей я взгляну еще один раз.
В последний раз. Я уже знаю,
что здесь ничто мое не осталось.
Вещи и все, что стесняло меня,
я отдаю добровольно. Без них
мне будет свободней. К тому,
кто меня призывает освобожденным,
я обращусь. Теперь еще раз
я по дому пройду. Осмотрю еще раз
все то, от чего освобожден я.
Свободен и волен и помышлением
тверд. Изображенья друзей и вид
моих бывших вещей меня
не смущает. Иду. Я спешу.
Но один раз, еще один раз
последний я обойду все, что
оставил.

1918

Свет

Как увидеть Твой Лик?
Всепроникающий Лик,
глубже чувств и ума.
Неощутимый, неслышный,
незримый. Призываю:
сердце, мудрость и труд.
Кто узнал то, что не знает
ни формы, ни звука, ни вкуса,

не имеет конца и начала?
В темноте, когда остановится
все, жажда пустыни и соль
океана! Буду ждать сиянье
Твое. Перед Ликом Твоим
не сияет солнце. Не сияет
луна. Ни звезды, ни пламя,
ни молнии. Не сияет радуга,
не играет сияние севера.
Там сияет Твой Лик.
Все сияет светом его.
В темноте сверкают
крупницы Твоего сиянья.
И в моих закрытых глазах
брезжит чудесный Твой
свет.

1918

Как устремлюсь?

Птицы Хомы прекрасные,
вы не любите землю. Вы
на землю никогда не
опуститесь. Птенцы ваши
рождаются в облачных
гнездах. Вы ближе к солнцу.
Размыслим о нем сверкающем.
Но Девы земли чудотворны.
На вершинах гор и на дне
морей прилежно ищи. Ты
найдешь славный камень
любви. В сердце своем
ищи Вриндаван — обитель
любви. Прилежно ищи и
найдешь. Да проникнет
в нас луч ума. Тогда
все подвижное утвердится.
Тень станет телом.
Дух воздуха обратится
на сушу. Сон в мысль
превратится. Мы не будем
уносимы бурей. Сдержим
крылатых коней утра.
Направим порывы вечерних
ветров. Слово Твое — океан

истины. Кто направляет
корабль наш к берегу?
Майи не ужасайтесь. Ее
непомерную силу и власть
мы прейдем. Слушайте!
Слушайте! Вы кончили
споры и ссоры? Прощай,
Араньяни, прощай, серебро
и золото неба! Прощай,
дуброва тишайшая!
Какую сложу тебе песнь?
Как устремлюсь?

1916

Улыбка твоя

На пристани мы обнялись и простились.
В волнах золоченых скрылась ладья.
На острове — мы. Наш — старый дом.
Ключ от храма — у нас. Наша пещера.
Наши и скалы, и сосны, и чайки.
Наши — мхи. Наши звезды — над нами.
Остров наш обойдем. Вернемся
к жилью только ночью. Завтра,
братья, встанем мы рано.
Так рано, когда еще солнце
не выйдет. Когда восток
зажжется ярким сияньем.
Когда проснется только земля.
Люди еще будут спать.
Освобожденными, вне их забот,
будем мы себя знать. Будем
точно не люди. К черте подойдем
и заглянем. В тишине и молчанье.
И нам молчащий ответит.
Утро, скажи, что ты проводило
во мраке и что встречает опять
улыбка твоя.

1918

Не понял

Не знаю, когда сильно слово твое?

Иногда ты становишься обыкновенным.
И, притаившись, сидишь между
глупцами, которые знают так
мало. Иногда ты скажешь и будто
не огорчаешься, если тебя не поймут.
Иногда ты смотришь так нежно
на незнающего, что я завидую
его незнанию. Точно не заботишься
ты свой лик показать. И когда
слушаешь речи прошедшего дня,
даже опускаешь глаза, точно
подбирая самые простые слова.
Как трудно распознать все твои
устремленья. Как не легко идти
за тобою. Вот и вчера, когда ты
говорил с медведями, мне
показалось, что они отошли, тебя
не поняв.

1920

Я сохраню

Подойди, подойди ко мне, светлый,
не испугаю тебя я ничем.
Вчера ты хотел подойти,
но бродили думы мои и взгляд
мой скользил. Тебя увидеть я
не мог. Когда ты уже отошел,
я почуял твое дуновенье,
но было поздно уже. А сегодня
оставлю все, что мне помешало.
Мысли я погружу в тишину.
В радости духа прощу всем
досадившим сегодня. Спокойным
я остаюсь. Мне никто не мешает.
Звуки жизни случайной меня
не тревожат. Жду. Я знаю, что ты
меня не покинешь. Ко мне
подойдешь. Образ твой в молчании
я сохраню.

1917

И любовь

Что случилось с дружбой!
Когда я допущен был
в обитель стовратную!
Если друг твой, некогда
милый тебе, прогневал тебя,
не карай его, Мощный,
по заслугам его. Все говорят,
что ты отвратился? Когда
утешенный сердцем увижу
тебя примиренным? Прими!
Источник слов моих знаешь.
Вот грехи и добро мое!
Я приношу их тебе.
Возьми и то и другое.
Вот знание и невежество!
Возьми и то и другое.
Преданность тебе мне оставь!
Вот чистота и скверна!
Я не хочу ни того, ни другого!
Вот добрые и злые помыслы.
И то и другое я тебе приношу.
Сны, вводящие в грех, и
сновидения правды я тебе отдаю.
Сделай так, чтобы осталась
у меня к тебе преданность
и любовь.

1917

Бездонно

Ты, Могущий, везде и во всем.
Ты пробуждаешь нас к свету.
Нас усыпляешь во тьме.
Ты ведешь нас в блуждании.
Идти неизвестно куда понравилось
нам. Три дня мы блуждали,
с нами огонь, оружие, одежда...
Кругом много птиц и зверья,
чего же? Над нами закаты,
восходы, пряный ветер душистый.
Сперва шли широкой долиной.
Зелены были поля.
А дали были так сини.
Потом шли лесами и мшистым
болотом. Цвел вереск. Ржавые

мшаги мы обходили. Бездонные
окнища мы миновали. Держались
по солнцу. Затучилось. Слушали
ветер. На влажную руку ловили
волны его. Стих ветер. Поредели
леса. Пошли мы кряжем
скалистым. Белою костью всюду
торчал можжевельник, светлыми
жилами массы камней славились
в давней работе творенья. Сползали
уступами. За грядями утесов
ничто не виднелось. Темнело,
ступенями великанова храма
спустимся ниже. Тучи. Стало
темно. Снизу застлались
туманы. Ступени все круче и
круче. С трудом мы сползали
на мох. Нога внизу ничто
нащупать не может. Здесь мы
ночуем. На мшистом уступе
подремлем до утра. Долгая
тихая ночь. Просыпаясь, слышим
лишь свист неясных полетов.
Вой далекий дрожит равномерно.
Засветился восток. Застлали
туманы долину. Остры, как лед,
синими глыбами сгрудились
плотно. Мы долго сидели вне
мира. Пока туман разошелся.
Поднималась над нами стена.
Под нами синела пропасть
бездонно.

1918

Любовь?

Вот уж был день! Пришло
к нам сразу столько людей.
Они привели с собой каких-то
совсем незнакомых. Разве я
не мог ничего о них расспросить?
Хуже всего, что они говорили
на языках совсем непонятных.
И я улыбался, слушая их
странные речи. Говор одних

походил на клетот горных
орлов. Другие шипели, как змеи.
Волчий лай иногда узнавал я.
Речи сверкали металлом. Слова
становятся грозны. В них
грохотали горные камни.
В них град проливался.
В них шумел водопад.
А я улыбался. Как мог я
знать смысл их речи? Они,
может быть, на своем языке
повторяли милое нам слово
любовь?

1920

Не удалялся

Начатую работу Ты мне оставил.
Ты пожелал, чтоб я ее продолжил.
Я чувствую Твое доверие ко мне.
К работе отнесусь внимательно
и строго. Ведь Ты работой этой
занимался сам. Я сяду к Твоему
столу. Твое перо возьму.
Расставлю Твои вещи как
бывало. Пусть мне они помогут.
Но многое не сказано Тобою,
когда Ты уходил. Под окнами
торговцев шум и крики.
Шаг лошадей тяжелый по
камням. И громыхание колес
оббитых. Под крышею свист
ветра. Снастей у пристани
скрипенье. И якорей тяжелые
удары. И птиц приморских
вопли. Тебя не мог спросить я:
мешало ли Тебе все это?
Или во всем живущем Ты
черпал вдохновенье. Насколько знаю,
Ты во всех решеньях от земли
не удалялся.

1919

Замечаю

Незнакомый человек поселился
около нашего сада. Каждое утро
он играет на гуслях и поет
свою песнь. Мы думаем
иногда, что он повторяет
песню, но песнь незнакомца
всегда нова. И всегда какие-то
люди толпятся у калитки.
Уже мы выросли. Брат уже
уезжал на работу, а сестра
должна была выйти замуж.
А незнакомец все еще пел.
Мы пошли попросить его
спеть на свадьбе сестры.
При этом мы спросили:
откуда берет он новые
слова и как столько времени
всегда нова его песнь. Он
очень удивился как будто и,
расправив белую бороду, сказал:
«Мне кажется, я только вчера
поселился около вас. Я еще
не успел рассказать даже
о том, что вокруг себя
замечаю».

1919

Жемчуг

Опять вестник. Опять Твой
приказ! И дар от Тебя!
Владыко, Ты прислал мне
жемчужину Твою и повелел
включить ее в мое ожерелье.
Но Ты знаешь, Владыко,
мое ожерелье — поддельно.
И длинно оно, как бывают
длинны только поддельные
вещи. Твой сверкающий
дар среди тусклых
игрушек потонет. Но Ты
приказал. Я исполню.
Эй вы, уличные гуляки!
Среди моего ожерелья
есть от Владыки

данный мне
жемчуг!

1920

Нам?

В жизни так много чудесного.
Каждое утро мимо нашего берега
проплывает неизвестный певец.
Каждое утро медленно из тумана
движется легкая лодка и
всегда звучит новая песнь.
И так же, как всегда, скрывается
певец за соседним утесом.
И нам кажется: мы никогда
не узнаем, кто он, этот
певец, и куда каждое утро
держит он путь. И кому
поет он всегда новую песнь.
Ах, какая надежда наполняет
сердце и кому он поет?
Может быть,
нам?

1920

Веселися!

За моим окном опять светит
солнце. В радугу оделись все
былинки. По стенам развеваются
блестящие знамена света. От радости
трепещет бодрый воздух. Отчего
ты не спокоен, дух мой? Устрашился
тем — чего не знаешь. Для тебя
закрылось солнце тьмою. И поникли
танцы радостных былинки.
Но вчера ты знал, мой дух,
так мало. Так же точно велико
твое незнание. Но от вьюги было
все так бедно, что себя ты
почитал богатым. Но ведь солнце
вышло для тебя сегодня. Для тебя
знамена света развернулись.

Принесли тебе былинки радость.
Ты богат, мой дух. К тебе
приходит знанье. Знамя света
над тобою блещет!
Веселися!

1918

Улыбкой?

Вестник, мой вестник!
Ты стоишь и улыбаешься.
И не знаешь, что ты принес
мне. Ты принес мне дар
исцеленья. Каждая слеза моя
исцелит немощи мира.
Но, Владыко, откуда мне
взять столько слез и которой
из немощей мира отдать
мне первый поток? Вестник,
мой вестник, ты стоишь и
улыбаешься. Нет ли у тебя
приказа лечить несчастье
улыбкой?

1921

III. Мальчику

Вечность

Мальчик, ты говоришь,
что к вечеру в путь соберешься.
Мальчик мой милый, не медли.
Утром выйдем с тобою.
В лес душистый мы вступили
среди молчаливых деревьев.
В студеном блеске росы,
под облаком светлым и чудным,
пойдем мы в дорогу с тобою.
Если ты медлишь идти, значит,
еще ты не знаешь, что есть
начало и радость, первоначало и
вечность.

1916

Свет

Мальчик, с сердечной печалью
ты сказал мне, что стал день короче,
что становится снова темнее.
Это затем, чтобы новая радость возникла:
ликованье рождению света.
Приходящую радость я знаю.
Будем ждать мы ее терпеливо.
Но теперь, как день станет короче,
всегда непонятно тоскливо проводим мы
свет.

1916

Жезл

Все, что услышал от деда,
я тебе повторяю, мой мальчик.
От деда и дед мой услышал.
Каждый дед говорит.
Каждый слушает внук.
Внуку, милый мой мальчик,
расскажешь все, что узнаешь!
Говорят, что седьмой внук исполнит.

Не огорчайся чрезмерно, если
не сделаешь все, как сказал я.
Помни, что мы еще люди.
Но тебя укрепить я могу.
Отломи от орешника
ветку, перед собой неси.
Под землю увидеть тебе
поможет данный мной
жезл.

1915

Послан

Не подходи сюда, мальчик.
Тут за углом играют большие,
кричат и бросают разные вещи.
Убить тебя могут легко.
Людей и зверей за игрою не трогай.
Свирепы игры больших,
на игру твою не похожи.
Это не то, что пастух деревянный
и кроткие овцы с наклеенной шерстью.
Подожди — игроки утомятся, —
кончатся игры людей,
и пройдешь туда, куда
послан.

1916

Украшай

Мальчик, вещей берегись.
Часто предмет, которым владеем,
полон козней и злоумышлений,
опаснее всех мятежей.
При себе носим годы злодея,
не зная, что это наш враг.
На совете имущества маленький
нож всегда вам враждебен.
Бывает враждебен и посох.
Часто встают мятежом
светильники, скамьи, затворы.
Книги уходят безвестно.
К мятежу пристают иногда

самые мирные вещи.
Спасть от них невозможно.
Под страхом мести смертельной
живете вы долгие годы
и в часы раздумья и скуки
врага ласкаете вы.
Если кто уцелел от людей,
то против вещей он бессилен.
Различно цветно светятся все твои
вещи. Благими вещами жизнь свою
украшай.

1915

В землю

Мальчик, останься спокойным.
Священнослужитель сказал
над усопшим немую молитву,
так обратился к нему:
«Ты древний, непогубимый,
ты постоянный, извечный,
ты устремившийся ввысь,
радостный и обновленный».
Близкие стали просить:
«Вслух помолися,
мы хотим слышать,
молитва нам даст утешенье». —
«Не мешайте, я кончу,
тогда я громко скажу,
обращусь к телу, ушедшему
в землю».

1915

Не можем

Ты полагаешь, что кончил?
На три вопроса ответь:
Как могу я узнать,
сколько лет ворон прожил?
До самой дальней звезды
велико ль от нас расстоянье?
Что я желаю теперь?
Приятель, опять мы не знаем?

Опять нам все неизвестно.
Опять должны мы начать.
Кончить ничто мы
не можем.

1916

Не убить?

Мальчик жука умертвил.
Узнать его он хотел.
Мальчик птичку убил,
чтобы ее рассмотреть.
Мальчик зверя убил,
только для знанья.
Мальчик спросил: может ли
он для добра и для знанья
убить человека?
Если ты умертвил
жука, птицу и зверя,
почему тебе и людей
не убить?

1916

Не считай

Мальчик, значения ссоре не придавай.
Помни, большие — странные люди.
Сказав друг о друге самое злое,
завтра готовы врагов друзьями назвать.
А спасителю-другу послать обидное
слово. Уговори себя думать, что злоба
людей неглубока. Думай добрее
о них, но врагов и друзей
не считай!

1916

Не закрой

Над водоемом склонившись,
мальчик с восторгом сказал:
«Какое красивое небо!

Как отразилось оно!
Оно самоцветно, бездонно!» —
«Мальчик мой милый,
ты очарован одним отраженьем.
Тебе довольно того, что внизу.
Мальчик, вниз не смотри!
Обрати глаза твои вверх.
Сумей увидеть великое небо.
Своими руками глаза себе
не закрой».

Под землю

Черепя мы снова нашли.
Но не было знаков на них.
Один топором был
рассечен. Другой пронзен
был стрелою. Но не для
нас эти знаки. Тесно
лежали, без имени все,
схожие между собою. Под
ними лежали монеты.
И лики их были стерты.
Милый друг, ты повел
меня ложно. Знаки
священные мы не найдем
под землю.

1907

Тогда

Ошибаешься, мальчик! Зла — нет.
Зло сотворить Великий не мог.
Есть лишь несовершенство.
Но оно так же опасно, как то,
что ты злом называешь.
Князя тьмы и демонов нет.
Но каждым поступком
лжи, гнева и глупости
создаем бесчисленных тварей,
безобразных и страшных по виду,
кровожадных и гнусных.
Они стремятся за нами,
наши творенья! Размеры

и вид их созданы нами.
Берегися рой их умножить.
Твои порожденья тобою
питаться начнут. Осторожно
к толпе прикасайся. Жить трудно,
мой мальчик, помни приказ:
жить, не бояться и верить.
Остаться свободным и сильным.
А после удастся и полюбить.
Темные твари все это очень
не любят. Сохнут и гибнут
тогда.

1916

Поможет

Мальчик, опять ты ошибся.
Ты сказал, что лишь
чувствам своим ты поверишь.
Для начала похвально, но как
быть нам с чувствами теми,
что тебе незнакомы сегодня,
но которые ведомы мне?
И в чувствах первейших,
которыми ты овладел,
как ты полагаешь, — поверь,
ты еще не совершенен.
Слух разве подвластен тебе?
Твое зренье бедно.
Грубо твое осязанье.
О неведомых чувствах,
если мне не поверишь,
я укажу тебе каплю
воды без стекла рассмотреть.
О населяющих воздух мне
рассказать? Ты улыбнулся.
Ты замолчал. Ты не ответил.
Мальчик, водительство духа
чаще ты призывай,
оно тебе в жизни
поможет.

1916

Бог даст

Подойди ко мне, мальчик, не бойся.
Большие тебя научили бояться.
Только пугать люди могут.
Ты рос без страха.
Вихрь и мрак, вода и пространство,
ничто не страшило тебя.
Меч извлеченный тебя восхищал.
К огню ты протягивал руки.
Теперь ты напуган,
все стало враждебно,
но меня ты не бойся.
У меня есть друг тайный,
страхи твои отвратит он.
Когда ты уснешь,
я тихонько его позову к изголовью, —
того, кто силой владеет.
Он тебе слово шепнет.
Смелым встанешь,
Бог даст.

1916

При всех

Плакать хотел ты и не знал,
можно ли? Ты плакать боялся,
ибо много людей на тебя
смотрело. Можно ли плакать
на людях? Но источник слез
твоих был прекрасен. Тебе
хотелось плакать над безвинно
погибшим. Тебе хотелось лить
слезы над молодыми борцами
за благо. Над всеми, кто отдал
все свои радости за чужую
победу, за чужое горе. Тебе
хочется плакать о них.
Как быть, чтобы люди
не увидали слезы твои?
Подойди ко мне близко.
Я укрою тебя моею одеждой.
И ты можешь плакать,
а я буду улыбаться, и все
поймут, что ты шутил и
смеялся. Может быть, ты
шептал мне слова веселья.

Смеяться ведь можно
при всех.

1919

О вечном

Зачем хотел ты сказать
неприятное мне? Ответ мой
готов. Но прежде скажи
мне. Подумай крепко, скажи!
Ты никогда не изменишь
желанье твое? Ты останешься
верен тому, чем на меня
замахнулся? Про себя знаю я,
ответ мой готов позабыть.
Смотри, пока мы говорили,
кругом уже все изменилось.
Ново все. То, что нам
угрожало, нас теперь призывает.
Звавшее нас ушло без возврата.
Мы сами стали другими.
Над нами и небо иное.
И ветер иной. Солнца лучи
сияют иначе. Брат, покинем
все, что меняется быстро.
Иначе мы не успеем
подумать о том, что
для всех неизменно. Подумать
о вечном.

1917

Повторяешь

Замолчал? Не бойся сказать.
Думаешь, что рассказ твой
я знаю, что мне ты его
уже не раз повторял?
Правда, я слышал его
от тебя самого не однажды.
Но ласковы были слова,
глаза твои мягко мерцали.
Повесть твою еще повтори.
Каждое утро в сад мы выходим.

Каждое утро ликуем мы
солнцу. И повторяет свои
дуновения ветер весенний.
Солнца теплом ты обвей
свою милую повесть.
Словом благоуханным,
точно ветер весенний,
в рассказе своем улыбнися.
И посмотри так же ясно,
как всегда, когда повесть свою
повторяешь.

1918

Детские замки

На мощной колонне храма сидит
малая птичка. На улице дети
из грязи строят неприступные
замки. Сколько хлопот около
этой забавы! Дождь за ночь
размыл их твердыни, и конь
прошел через их стены. Но
пусть пока дети строят
замок из грязи и на колонне
пусть сидит малая птичка.
Направляясь к храму, я не подойду
к колонне и обойду стороною
детские замки.

1920

Не убьют

Сделал так, как хотел,
хорошо или худо, не знаю.
Не беги от волны, милый мальчик.
Побежишь — разобьет, опрокинет.
Но к волне обернись, наклонися
и прими ее твердой душою.
Знаю, мальчик, что биться
час мой теперь наступает.
Мое оружие крепко.
Встань, мой мальчик, за мною.
О враге ползущем скажи...

Что впереди, то не страшно.
Как бы они ни пытались,
будь тверд, тебя они
не убьют.

1916

Вижу я!

В землю копье мы воткнем.
Окончена первая битва.
Оружье мое было крепко.
Мой дух был бодр и покоен.
Но в битве я, мальчик, заметил,
что блеском цветов ты отвлекся.
Если мы встретим врага,
ты битвой, мальчик, зажгися,
в близость победы поверь.
Глазом стальным, непреклонным
зорко себя очерти,
если битва нужна,
если в победу ты веришь.
Теперь насладимся цветами.
Послушаем горлинки вздохи.
Лицо в ручье охладим.
Кто притаился за камнем?
К бою! Врага
вижу я!

1916

Захочешь

В знак победы, милый
мой мальчик, платье
цветное ты не надень.
Победа была, а бой будет.
Не смогут тебя победить.
Но выйдут биться с тобою.
Твою прошлую жизнь прозревая,
сколько блестящих побед
и много горестных знаков я вижу.
Но победа тебе суждена,
если победу
захочешь.

Подвиг!

Волнением весь расцвеченный,
мальчик принес весть благую.
О том, что пойдут все на гору.
О сдвиге народа велели сказать.
Добрая весть, но, мой милый
маленький вестник, скорей
слово одно замени.
Когда ты дальше пойдешь,
ты назовешь твою светлую
новость не сдвигом,
но скажешь ты:
подвиг!

II. Наставление ловцу, входящему в лес

Дал ли Рерих из России — примите.

Дал ли Аллал-Минг-Шри-Ишвара из Тибета — примите.

Я — С НИМ.

В час восхода я уже найду
тебя бодрствующим. Ловец!
Вооруженный сетью, войдешь
ты в лес. Ты приготовился.
Ты умыт и бодр. Тебя
не стесняет одежда. Ты
препоясан. И свободны
мысли твои. Да, ты
готовился! И простился
с хозяином дома. Ты
ловец, лес полюбил. И
ловом твоему роду благо
ты принесешь. Затрубить ты готов.
Большую добычу ты наметил
себе. И не убоялся тяжести
ее. Благо! Благо! Вступивший!
Крепки ли сети твои?
Ты их укреплял долгим
трудом? Испытал их
пробными ударами? Ты
весел? И если смех твой
устрашит часть добычи —
не бойся. Но не греми оружием
и не окликай громко ловчих.
Ах, при неумении, из ловца
тебя сделают загонщиком.
И даже ловчий будет хозяином
твоим. Собери знание. Соблуди
путь твой. Почему ты
озираешься?
Под красным камнем залег
красный змий. И зеленый мох
скрыл зеленую змейку. Но
ее жало так же остро. Уже
с детства тебе твердили
о змеях и о скорпионах.
Целое учение страха! Но
много щебечущих и свистящих
полетит за тобою. И шорох
переползет тропу твою. И
завывание пронзит твое

ухо. Из червей вырастают
киты. И крот становится
тигром. Но ты знаешь
сущность, ловец. Это все —
не твое. Твоя — добыча!
Спеши! Не медли! Вступивший!
Не истрать сети твои на
шакалов. Добычу знает
только ловец.

Иногда тебе кажется, что
ты уже многое знаешь. Но
все-таки ты не знаешь, кем
положены круги камней на
опушке? Что они значат?
И кого предостерегает знак
на высокой сосне? Ты даже
не знаешь, кто наполнил
черепами овраг, в который
ты заглянул? Но если и ты
подвергнешься опасности —
не спускайся в овраг и не
скройся за деревом. У тебя
пути без числа и только
один у врага. Из преследуемого
сделайся ты нападающим.
Как сильны нападающие и
как бедны оправдывающиеся.
Оставь защищаться другим. Ты
нападай.

Ибо ты знаешь, для чего
вышел ты. И почему ты
не утрашилса леса. Священный
и страшный и благословенный
лес. Дай ловцу пройти тебя.
Не удержи его. Не скрой
пути и тропинки. И не
испугай. Я ведь знаю, ты
многоголосный. Но я слышал
твои голоса. И ловец мой
возьмет добычу свою. И ты,
ловец, путь свой знай сам.
Не верь зовущим и не
обращайся к сообщающим.
Ты, только ты, знаешь
добычу твою. И не предпочтешь
малую добычу и препятствиями
не огорчишься.

Удивляющийся уже открыт
для врага. Впавший в раздумье
теряет сети свои. А
потерявший возвращается
назад в поисках. Но пойдешь
ты вперед, ловец! Все
оставленное позади — не твое.
И ты знаешь это так же,
как я. Ибо ты знаешь все.
И припомнить все можешь.
Ты знаешь о мудрости.
Ты слышал о смелости.
Ты знаешь о нахождении.
И ты проходишь овраг
только для восхода на холм.
И цветы оврага — не твои
цветы. И ручей ложбины не
для тебя. Сверкающие водопады
найдешь ты. И ключи родников
освежат тебя. И перед
тобой расцветет вереск
счастья. Но он цветет
на высотах.
И будет лучший загон не
у подножья холма. Но твоя
добыча пойдет через хребет.
И, пылая на небе, поднимаясь над
вершиной, она остановится.
И будет озираться. И ты не
медли тогда. Это твой час.
И ты и добыча будете на
высотах. И ни ты, ни добыча
не пожелаете спуститься
в лощину. Это твой час.
Но, закидывая сеть, ты знаешь,
что не ты победил. Ты
взял только свое. Не считай
себя победителем. Ибо все —
победители, но точно не
припомнят.
Я привел тебя к широким
рекам и к необъятным
озерам. И я тебе показал
океан. Видевший бесконечное
не потеряется в конечном.
Ибо нет бесконечного леса.
И каждую топь можно обойти.

Ловец! Мы вместе плели твои
сети. Мы вместе ловчих искали.
Мы вместе избирали места
наилучшего лова. Мы вместе
избегали опасности. Вместе
мы утвердили наш путь.
Без меня не познал бы ты
океана. Без тебя не узнаю
радость твоего счастливого
лова. Я люблю тебя, мой
ловец! И Сыном Света я
лов представлю твой.
И если бы ты даже ошибся.
Если бы временно спустился
в ложбину. Если бы даже оглянулся
на черепа. Если бы смехом
отстранил часть добычи. Но
я знаю, что не переставая идешь
ты для лова. Не смущаешься
и не потеряешь пути. Ты
знаешь, как по солнцу путь
находить. И как по вихрю
обернуться к дороге. А кто
зажег его — Солнце? И кто
пригнал его — Вихрь? Но
из области Солнца говорю
с тобою. Твой друг и
наставник и спутник.
Ловчие и загоновожатые пусть
будут друзьями. И после лова,
отдыхая на холме, призови
ловчих и загоновожатых.
Расскажи им, как ты шел
до холма. И почему ловец
не должен ждать по оврагам.
И как на гребне встретил
добычу. И как ты будешь знать,
что эта добыча — тебе. И
как надо миновать малую
добычу. Ибо кто идет
к ней, тот с ней и
пребудет.
Расскажи также, как ловец
несет на себе все признаки
лова. И как он, только он,
знает уменье и добычу свою.
Не разгласи о лове не знающим

о добыче. В час огорчения, в час
бедности они наймутся
загонщиками и через заросли
примут участие в лове. Но
пойми, ловец, пойми ты ловчих.
С ними испей воду у костра
отдыха. Пойми, понимающий.
И кончая ловлю, почини сети
твои и задумай лов новый.
Не пугайся и не пытайся
пугать. Ибо если не испугаешь,
страх обернется на тебя
еще больший. Задумывай просто.
Ибо все просто. Все прекрасно
прекрасномысленное.
Всякий страх ты победишь
непобедимую сущностью
твоею. Но если задрожешь, то,
пораженный, уничтоженный,
ни кричащий, ни молчащий,
утративший сознание времени,
места и жизни, — лишишься
остатков воли. И куда
пойдешь ты?

А если кто из утомленных
загоновожатых скажет тебе
против ловли, не слушай его,
мой ловец! Размягчающие!
Эти заслонившие себя
сомнением! Какова будет
их ловля? И что они
принесут своим близким?
Снова пустую сеть? Снова
желания без исполнений?
Потерянные, как утеряно
их бесценное время. Ловец —
для лова. Не внимай часам
утомления. В эти часы ты
не ловец Ты — добыча! Вихрь
пройдет. Промолчи. И опять
возьмешь рог свой. Не опаздывая,
не бойся опоздать. И, настигая,
не оберни голову. Все понятное
непонятно. И все объясненное
необъяснимо. И где предел
чудесам?
И еще последнее, о ловец

мой! Если в первый день
лова ты не встретишь
добычу. Не сокрушайся.
Добыча уже идет для тебя.
Знающий ищет. Познавший —
находит. Нашедший изумляется
легкости овладения. Овладевший
поет песнь радости.
Радуйся! Радуйся! Радуйся!
Ловец!
Трижды позванный.

15. IV.1921

Chicago

III. Стихотворения

Я выше вас, глупцы слепые!
Всегда в грязи ползете вы,
На своды неба голубые
Поднять не смея головы.
И, вечно жалуясь, страдая
Самими созданной тоской,
Со страхом гибель ожидая,
Вы все согнулись под сумой.
Я выше вас! Мечтам послушный,
Я видел небо, рай и ад —
И горе жизни равнодушной,
И смерть меня не устроят.
Я не копил сокровищ груды —
И этим горд! Вы не могли
Подняться с ними от земли,
А я без них парю повсюду!

06.11.1902

* * *

Дремлет земля Святорусская.
Закрывается туманом-пологом,
Вековой чащей оградилась,
Болотами да крепями опоясалась,
Поляницею могучею раскинулась.
Не пройти ее, не объехать в три года.
Разметалась она из края в край,
Разбросалась от ночи до полудня —
Дремлет земля Святорусская.
Черный ворон летит из поднебесья,
Сел вещун на высокий дуб, —
На высокий дуб, на раскидистый,
Каркает ворон недоброе,
Чует вещун свару горькую,
Свару, лихую усобицу:
Станет род на род —
Будет ворону богатый пир.
Закипает лихая усобица,
Из лесов потянулись родичи,
Покрывают струги Ильмень-озеро,
Слышен клич боевой, зазвенел топор —
Кровь-руда полилась напрасная.
Радошны соседи недобрые!

Тесным кольцом опоясали
Русскую землю привольную
Финская Емь, Водь, Ижора,
Чудь, Весь и Меря проклятая,
От восхода Мордва с Черемисою,
От полудня хозары надвинулись,
Полунощные гости бродячие,
Удалые дружины варяжския,
В греки идут великим путем —
Водным путем да волоком
Топчут землю Святорусскую.
На богатство ее на великое
Зарягся гости проезжие.
Устоит ли земля Святорусская?
Словенские родичи врозь идут.
Ой лежит над Русью глухая ночь,
Не видать на небе ни звездочек,
Не видать ни месяца яснаго,
Не плескает рыба на озере,
Выпь не гудит над болотами,
Рысь молчит — притаилася, —
Топоры звенят по лесным долам,
Тетива поет, и стрела свистит,
Зарево светит пожарное —
Лежит над Русью глухая ночь.
По рекам, озерам и заводям
Челноки наспех потянулись,
В городке на вышке повешены
Пуки соломы горящие —
Окрест разнести вести важные.
За далеким Перуновым озером,
Среди леса стоячего древнего
Стоит над яром высокий дуб —
Сварожич живет под тем деревом.
Без Перуна без бога великого
Не вершится дело славянское.
Место под дубом утоптано.
Горит под дубом святой огонь.
К дубу собираются родичи:
«Стоять ли земле без хозяина?»
Старцы земли Новагорода
Соберутся под дубом раскидистым;
Ворон на дубе не каркает —
На небе заря разгорается,
Скоро Ярило покажется,
Засияет блеснет красно солнышко —
И проснется земля Святорусская.

Искусству — поём.
Искусство — славное,
Искусство — красное,
Искусство — высокое,
Искусство — гордое,
Искусство — радость,
Искусство — светлое.
Фос, Пур и Флокс!
Искусство храните.
Отгоните жестоко
Тёмных, жалких, нелепых.
Стук, Стук, Стук!
Пришли на искусство.
Идут черные, идут серые!
Зачернела лестница шапками,
Застучали ступени подошвами.
Ближе и дальше — черно, черно.
Занимайте классы, товарищи!
В декоративном раздеться!
Идти в резной!
Стали и сели.
Делили искусство.
Взяли чужое,
Свое прогнали,
Дальше и больше —
Ничего не осталось.
Пустой дом!
Фос, Пур и Флокс!
Искусство храните.
Отклоните жестоко
Противных, жалких!
Искусство восхвалим.
Оно — гордое, оно — светлое,
Далекое, близкое, красное,
Славное!
Искусству — поем!

Свечи горели. Яркое пламя трепетным
светом все обливало. Казалось: потухни оно —
темнота словно пологом плотно закрое глаза,
бесконечной, страшной завесой затянет.
Напрасно взоры скользнут, в пустоту утопая.
Полно! Один ли света источник
дрожащие, мрачные тени бросает вокруг?
Робко, украдкой сине-лиловый рассвет
тихонько в окошко струится,
гордым блеском свечей затуманен.
Никому не приметный, ненужный
серый отсвет бросает.
Свечи горели. В холоде отблеска утра
новый тон заиграл, тепловатый, манящий...
Хочется штору поднять, да и сам он дорогу
скоро пробьет. Ласковый свет разливается.
Черный угол туманом затянут.
Ярче светлый... Вечный, могучий
светоч встает... А свечи?

Молитва Гайятри

Слушайте! Слушайте!
Вы кончили споры и ссоры?
Вот молитва моя!
Порази в корень нищету моего сердца.
Песня, которую я должен спеть,
еще остается неспетой.
Ты призвал меня на праздник
этого мира, и тем благословенна
жизнь моя.
Могу ли я принести Тебе
мое безмолвное поклонение?
Мою молитву без слов,
без песнопения?
Мою молитву, которую будешь знать
только Ты?
Я пополню сердце свое
Твоим молчанием и претерплю его.
Но придет солнце и утро, и Твое слово
вознесется песнею над каждым
птичьим гнездом. И Твои напевы
расцветут во всех лесных чащах.

Увидели дети. Почудилось.
Толпа перешла. Следы измешала.
Все бывает. Все видели.
Летела белая птица.
Скакала белая лошадь.
Уплыла белая рыба.
Прошли белые.
Пробежали черные.
Показалась черная собака.
Ушла под землю черная змея.
Пролетели черные мухи.
Поймите! Глазомерно смотрите!
Настоящий — увидит.
Все бывает. Все слышали.
Звенит пустыня для путников.
Стонет поле для воинов.
Воют под Нелью на озере
Проклятые плавучие могилы.
Звучит да поет лес для охотника.
Звонят подземные ушедшие храмы.
Играет утро. Звенит ночь.
А вы поймите! Вы слушайте!
Настоящий — услышит.
Пришли дети. Упомнили старцы.
Повестили радость.
Егорий коней пасет.
Никола стадо сберег.
Илья рожь зажинает.
Прокопий камни отвел.
Радость — всякому дому.
Упомнили. Усмотрели.
Подойдите, дети!
Настоящий — поймет.

Какой сон недобрый!
К чему может он быть?
Будто бы лежал я больной
и томился дойти до источника.
И не мог. Кто мне поможет?
Женщина идет. Женщины добры.
Она мне воды принесет.
«Женщина, подойди к источнику
и принеси мне напиться».
«Я не могу, я несвободна.
К источнику доступ нам запрещен».
Но идет простой человек.
Он просьбу услышит.
«Брат, от источника принеси
мне воды».
«Я ведь крестьянин, нам не дозволено».
Еще идет человек; его попрошу.
«Не смейся, я ведь еврей, нам нельзя».
Сколько народу прошло, и всем
почему-то нельзя. Запрещено, не позволено.
Бессмысленный сон! Царь наш,
когда приезжал, сказал нам,
что свободны все люди.

Мне сказали, что я болен.
Сказали, что я буду лежать.
Я буду лежать. Буду смотреть
в небо за окном. Может
быть, больной я увижу иное
небо. Может быть, облака
построятся в храмы.
Дрожит воздух. Мелькают
невидимые мушки. Когда же
увижу иное небо? Не знаю,
скоро ли буду болен опять.
Если встану, я уйду к делу.
Опять не увижу дальнего неба.
Сегодня, быть может, мы его
не увидим, но завтра, я знаю,
мы найдем дальнейшее небо.
Но чтобы молиться, я выйду из
душного храма. Я уйду
под облачный свод.

Не уходи, мой друг, в темноту.
Сядь так, чтоб я видел тебя.
Иначе призраки ночи
займут твоё место.
Окружены мы тенями.
Вызвало их неразумное слово.
Их разогнать не умеем.
Им повелеть мы не можем.
Близится час полунощный.
Зажги, друг, ярче огонь.
К света источнику ты
обернись.

1917

К двери, друг, подойди.
Не бойся двери открыть.
Крепко светильник держи,
не затушил чтобы вихрь.
Слышишь, он к двери подходит.
Если, открыв, ты ничего
не увидишь — не бойся, он
все-таки здесь. Что должно
прийти, то пришло.
Пришедшее
встретим.

1917

Подойди, подойди, и останься.

Милый мой, я хочу тебя

Видеть. Еще ни разу ко мне

Близко не подошел ты.

Я хочу на тебя посмотреть.

Хочу почуять тебя.

Знаю, что ты подойдешь.

Знаю, что скажешь ты.

Знаю, Учитель, тебя.

Слушай и ты этот

Зов.

Больно, мальчик, тебе обидное
слово? Уже говоришь, что обидчика ты
ненавидишь? Что знаешь его
негодным, подкупным и лживым.
Но если тебя он похвалит
и назовет тебя сходным
с собою, насколько такая
хвала будет постыдна
тебе! Если негодных людей
тебе послано бранное слово —
будь доволен, мой мальчик.
А завтра с тобою вдвоем
пойдем мы белой равниной.
Новый мы воздух вдохнем,
в новую даль углубимся.
И после, собравшись к огню,
улыбнемся негодному слову
и пожалеем спокойно о глупом,
о бедном.

Прежде, чем мы разойдемся,
я хотел рассказать вам,
друзья, еще одну повесть.
Но слуги поторопились,
они погасили огни.
Унесено все убранство,
и отодвинуты скамьи.
Придется нам отложить
последнюю повесть. Этим
я даже доволен. Во сне
укрепив свои силы, в новых
словах ее расскажу я;
будут светильники полны,
пышно убраны столы,
и огонь в очаге разгорится.
Из последнего слова начало
сделаем мы и, долго
сидя за столами, громкой
и ясною речью встретим мы время
царства ночного — глубокую
полночь.

Друзья, от вас уйду я.
Во взгляде моем ваши лица
уже изменились. Я вижу,
что знал вас я мало.
Вы меня тоже не знали.
Многое я тайком накопил.
Сохранное не показал вам.
За это простите. Зато
многое вы соберете.
Большую часть новым
друзьям не дадите. Меня
вы поймете и перед долгим путем
подарите мне, что утаил я,
оно мне в пути пригодится.
Смотрите, идут уже там
впереди. Рано вышли в дорогу.
Пристально вы посмотрите.
Темные точки на склоне
горы — ведь не камни, путники это.
Скоро и я для вас стану
таким же камнем далеким.
Но не забудьте, что это не
камень, ведь это я, тот,
который долго жил с вами.
Лицо мое знали вы близко
и четко. Хотя ваши лица
для меня изменятся, но буду
вас помнить и пожалею,
если встречался с кем мало.
Теперь вещи для жизни я вам
оставляю. В пути они
мне не нужны. Если из
них пропадет или
износится что, не жалейте.
Вернувшись, найду я, что
надо. За перевалом путники
скрылись. Не печальтесь, что
пойду я один. Путников встречу
в пути.

Доживу ли? Сумею ли я
испытать мой знак,
вновь найденный?
Не могу я его показать никому.
Его власть рассказать я не смею.
Мы ходили далеко, а он
был оставлен так близко.
Прост по виду он был.
До приезда Царя я его сохраню
и по зову отдам Ему в руки.
Но пока он лежит у меня.
Наконец, я вижу его.
Сердцем я знаю, что он
настоящий. Ни твари, ни люди
не могут сделать его.
Мне показал он такое,
о чем рассказать я не смею.
Грамотой тайной я запишу
и оставлю.

Властитель ночи

Должен Он прийти — Властитель ночи. И невозможно спать в юрте на мягких шкурах.

Встает Дакша, и встают девушки. И засвечивают огонь. Ах, томительно ждать. Мы его призовем. Вызовем. Огонь желтый, и юрта золотая. И блестит медь. Начинается колдовство. Пусть войдет Он, желанный. Придет ведунья. И зажжет травы. И вспыхнет зеленый огонь. Надежда!

И ожидание. Но молчат тени, и нейдет Он. Ах, бессильны добрые слова. Пусть войдет та, злая. И бросит красные травы. И заволочет туманом стены. И вызовет образы. И духи возникнут. Кружитесь. И летите в пляске.

И обнажитесь, откройтесь. И мы удержим образы возникшие. И сильнее образы и багровее пламя. Ах, приди и останься. И протянулась и обняла пустое пространство. Не помогло красное пламя. И вы все уйдите. И оставьте меня. Здесь душно. Пусть тухнет огонь. Поднимите намет. Допустите воздух сюда.

И вошла ночь. И открыли намет. И вот она стоит на коленях. Ушел приказ. Ушло волхование. И тогда пришел Он, Властитель. Отступила Дакша. Замирая. И опустилась. Он уже здесь. Все стало просто. Ах, как проста ночь. И проста звезда утра. И дал Он власть. Дал силу. И ушел. Растаял.

Все просто. 1918

Тебе дам три медные монетки.
Укажу изготовить мне сласти.
Но если даже дам трижды три
медных монеток, ты не сможешь
изготовить мне сласти. Пойдешь
за ними в лавку на рынок.
Какие там маги, что за три
монеты охотно дадут, что ты
дать не можешь? Но я пошлю
тебе иное умение. Ты сам
дашь нам сласти, слаще
медов и ванили и благовоннее
смирны, во все времена дня
и ночи. За них не возьмешь ты
монеты.

Мутны волны, и бурно море.
Неужели и здесь должен быть
наш улов? И здесь должны
мы закинуть сеть нашу.
Иначе лишимся пропитания
нашего. В желтые волны
бросили мы нашу сеть.
Вес ее стал отягчаться.
Ах, сколько ила и грязи
соберет наша бедная пряжа!
С трудом извлекаем наш
тяжелый улов. Усмешка судьбы!
Она бросила нам все ненужные
вещи. Звезды морские и мертвые
крабы для еды непригодны.
Но среди хлама мелькнул
блеск чешуи. Господи, даже
среди мутного моря все же
послал нам золотую
рыбку. Но мало того, среди
грязи мы находим
замечательный ящик. Дома,
только там, за порогом,
мы раскроем его. Сладость
какая нести запечатанный дар!

Владычица червонно-пламенная!
Владычица Знамени Мира!
К Тебе, Владычица, мы прибегаем. Кто же
поднимет Знак Мира, Знак Сохраненья
Высших Сокровищ?
Кто же, кроме Тебя, придет к нам, помочь
Знамя поднять, знак созиданья народам?
Бурно море и губительны вихри, но Ты Знамя
поднимешь
и наполнишь сердце людское сознанием
о священном
Хранении Духа. Ведь Ты знаешь, насколько нельзя
отложить этот Знак. Ведь Ты знаешь, сколько
уже разрушений землю унизило. Знаешь Ты
все поношения самого лучшего, самого нужного
людям. Если стадо не знает опасности, то ведь Ты,
Пастырем будучи, Мирное Знамя поднимешь.
И ветры нагорные всюду Приказ принесут Твой:
сохранить, и строить, и складывать Светлое Завтра.
Твой Пламень Червонный тьму разгоняет. Дыхание
Твое исцеляет все раны, и Рука Твоя разве не строит,
легко прикасаясь к созидательным камням творенья?
Вот мы и просим Тебя поднять этот Знак
Триединости Мощной.
Знаем мы, что Ты не откажешь, ибо противно Тебе
разрушенье и уничтоженье прекрасных начал. Ты
не терпишь хаоса, Ты не терпишь смятения,
и потому Ты поднимешь, и сохранишь, и укажешь
народам Знак Охраненья мирных прекрасных
Сокровищ! Знак Путеводный для каждой творческой
Мысли! Знак Утвержденья и Света.
Помоги, Владычица Знамени Мира!

Профессор Варшавского Университета Зелинский в своих интересных исследованиях о древних мифах пришел к заключению, что герои этих мифов вовсе не легендарные фигуры, но реально существовавшие деятели. К тому же заключению пришли и многие другие авторы, таким образом опровергая материалистическую тенденцию прошлого столетия, которая пыталась изображать все героическое лишь какими-то отвлеченными мифами. Так, французский ученый Сенар пытался доказать, что Будда никогда не существовал, и не что иное, как солнечный миф, что было сейчас же опровергнуто археологическими находками. Такие же попытки были делаемы, чтобы доказать, что и Христос никогда не существовал, хотя мы имеем свидетельства, очень близкие к Его времени. Кроме того, в Сирии недавно была найдена плита с римскою надписью — эдикт против первых христиан, по времени чрезвычайно близкая к манифестации Христа. В этой борьбе между познающими и отрицающими так ясна граница, разделяющая всю мировую психологию. При этом чрезвычайно поучительно наблюдать, насколько все отрицатели со временем оказываются побежденными; те же, кто защищал героизм, истину, великую реальность, они находят оправдание в самой действительности.

Тот, кто истинно понимал героев и мифы и кто временно считался мечтателем, оказывался величайшим реалистом, тогда как скептик-отрицатель по справедливости занял место «мечтателя», поверившего или клевете, или извращенному источнику. Так медленно, но верно оборачивается колесо эволюции, неся с собою восстановление забытой правды.

Оглянемся и заметим, как быстро и как легко человечество забывает даже недавние события и деятелей. Еще недавно такие лица, как Парацельс или Томас Воган, отмечались в энциклопедиях как обманщики. Но затем некоторые люди, в которых была жива справедливость, дали себе труд ознакомиться с их произведениями и нашли, вместо оглашенных шарлатанов, глубоких ученых, открытия которых принесли человечеству много блага. Вспоминаю, как в детстве мы увлекались книгою Гастона Тиссандье «Мученики науки». Те, которые погибли жертвами всеожжения, в пытках, на эшафоте, теперь признаны как великие ученые. Но лживый скептицизм продолжает свою подпольную работу и, вместо прежних мучеников, спешит изобрести других, чтобы затем они, в свою очередь, так же были почтены памятниками и народными торжествами.

За последние годы в общественных направлениях замечаются некоторые отдельные действия, которые дают надежду, что вредоносное отрицание как будто уже осознается и, таким образом, будем надеяться, займет заслуженный темный угол.

Люди начинают стремиться к жизнеописаниям. Но и в этом шептуны-скептики не хотят уступить. Пожимая плечами, они скажут вам: «Как вы можете быть уверены относительно истинных побуждений, родивших поступки, отображенные в биографии?» Или: «Как вы можете быть уверены, что не были случайностями те события, которые окрасили жизнеописания ваших героев?» Или: «Можете ли вы утверждать, что биограф был искренен и беспристрастен?»

Допустим, что эти замечания до известной степени могут иметь под собою почву. Отдадим некоторую окраску жизнеописания личности самого биографа. Но, тем не менее, архивы исторических документов доносят до нас все же многие несомненные жизненные вехи действительности. Еще в недавнем прошлом летописи считались как сомнительные документы, не заслуживавшие серьезного внимания. Но археологические и исторические находки и документы, современные летописям, показывают, что они заслуживают гораздо большего почтения, нежели еще недавно поверхностные умы полагали. Конечно, будем надеяться, что человечество теперь не будет терять целые века для верного освещения выдающихся явлений.

Отдавая должное летописям и жизнеописаниям, человечество научится и писать их. Было бы величайшей ошибкой думать, что понятие героев совместно лишь с прошлым. Синтез нашей Эры выкристаллизировывает своих героев. Позволительно надеяться, что костры, тюрьмы и казни более не будут неизменными атрибутами этих великих душ!

Устанавливая, что боги древности были героями, запечатленными в памяти народа, мы укрепим себя в сознании, что и в наши дни индивидуальность и личность управляют рулем человечества. Утверждая существование таких индивидуальностей, мы научимся, по примеру предков, в благожелательном позитивном исследовании передать сущность их личности в последующие поколения. Не забудем, что в будущем эти жизнеописания войдут в народные школы как Светочи Прогресса. Потому научим молодежь не только читать биографии, но и уметь писать их или, вернее, различать — что из проявлений их современников войдет в историю.

Читая легенды, молодежь научится мечтать. Это великое качество, ибо оно наполняет сердце лучшими, мощными огнями. Этими огнями сердца молодежь познает, как различать, где истина. Истина не познается расчетами, лишь язык сердца знает, где живет великая Правда, которая, несмотря ни на что, ведет человечество к восхождению. Разве легенды не есть гирлянда лучших цветов? О малом, о незначительном и жалком человечество не слагает легенд. Часто даже в кажущихся отрицательными мифах заключено уважение к потенциалу внутренней мощи. Во всяком случае, каждая легенда содержит нечто необычное. Не ведет ли эта необычность дух человеческий поверх сумерек механического стандарта? Этим машинным стандартом эволюция не строится. Легенда, которая освобождает нас от подавляющих условий каждодневной рутины, обновляет наше мышление, позволяет погрузиться в новые глубины познания, полные неисчерпаемого молодого задора.

Спросите великого математика, великого физика, великого физиолога, великого астронома, умеет ли он мечтать? Я не упоминаю художников, музыкантов, поэтов, ибо все существо их построено на способности мечтать. Великий ученый, если он действительно велик и не боится недоброжелательных свидетелей, конечно, доверит вам, как прекрасно он умеет возноситься мечтами. Как многие из его открытий в основе своей имеют не только расчет, но именно высокую жизненную мечту.

Да, легенды не отвлеченность, но сама реальность. Поистине мечты не знаки безграмотности, но отличия утонченных душ. Потому всячески поощрим в молодежи нашей стремления к зовущим и творящим сказаниям и вместе с молодежью, оставаясь молодыми, почтим мечту как ведущие и возносящие крылья нашего возрождения и усовершенствования.

Устремление, Иерархия, Беспредельность, Красота — только по этим вехам мы движемся несомненно вперед. Существо нашей деятельности мы должны приложить к жизни немедленно. Воздавая должное мечте, мы не сделаемся «мечтателями».

Пусть будет эта мечта Творца. В этой мечте не будет ни одурманивания, ни изменчивости, но будет непреложное Знание, собранное в глубинах нашего духа. И, прежде всего, будем помнить, что слово Культура может значить «Куль-Ур» — Культ Света.

Гималаи. Февраль, 1931 г.

В очень известном и большом городе жил старый царь, вдовец. У царя была дочь, невеста. Царевна далеко славилась и лицом и умом, и потому многие весьма хорошие люди желали сосватать ее. Среди этих женихов были и князья, воеводы и гости торговые, и ловкие проходимцы, которые всегда толкаются в знатных домах и выискивают, чем бы услужить; были разные люди. Царевна назначила день, когда могут прийти к ней женихи и сказать громко при ней и при всех, что каждый надеется предоставить своей жене; царевна была мудрая. Женихи очень ожидали этого дня, и каждый считал себя лучше всех других. Один перед другим хвалились женихи: кто именитым родом за тридцать поколений, кто богатством, но один из них ничем не хвалился, и никто не знал, откуда пришел он. Он хорошо умел складывать песни; песни его напоминали всем их молодые, лучшие годы, при этом он говорил красиво, и его любили слушать, даже забывая спросить, кто этот певец. И хотя он не был князем, но все женихи обращались с ним, как с равным.

В назначенный день все женихи оделись получше и собрались в палату, к царю. Согласно обычаю, женихи поклонились царю и царевне. Никого не пустил вперед князь древнего рода, за ним слуги несли тяжелую, красную книгу. Князь говорил:

— Царевна, мой род очень знатен. В этой книге вписано более ста поколений... — И князь очень долго читал в своей книге, а под конец сказал: — И в эту книгу впишу жену мою! Будет она ходить по палатам моим, а кругом будут образы предков, весьма знаменитых.

— Царевна, — говорил именитый воевода, — окрест громко и страшно имя мое. Спокойна будет жизнь жене моей, и поклонятся ей люди — им грозно имя мое.

— Царевна, — говорил залитый сокровищами заморский торговый гость, — жемчугом засыплю жену мою; пойдет она по изумрудному полю и в сладком покое уснет на золотом ложе.

Так говорили женихи, но певец молчал, и все посмотрели на него.

— Что же ты принесешь жене своей? — спросил певца царь.

— Веру в себя, — ответил певец.

Улыбнувшись, переглянулись женихи, изумленно вскинул глазами старый царь, а царевна спросила:

— Скажи, как понять твою веру в себя.

Певец отвечал:

— Царевна! Ты красива, и много я слышал об уме твоём, но где же дела твои? Нет их, ибо нет в тебе веры в себя. Выходи, царевна, замуж за князя древнего рода и каждый день читай в его алой книге имя свое и верь в алую книгу! Выходи же, царевна, замуж за именитого гостя торгового, засыпь палаты свои сверкающим золотом и верь в это золото! В покое спи на золотом ложе и верь в этот покой! Покоем, золотом, алыми книгами закрывайся, царевна, от самой себя! Моего имени нет в алой книге, не мог я засыпать эту палату золотом, и куда иду я — там не читают алой книги и золото там не ценно. И не знаю, куда иду я, и не знаю, где путь мой, и не знаю, куда приду я, и нет мне границ, ибо я верю в себя!..

— Подожди, — прервал певца царь, — но имеешь ли ты право верить в себя?

Певец же ничего не ответил и запел веселую песню; улыбнулся ей царь, радостно слушала ее царевна, и лица всех стали ясными. Тогда певец запел грустную песню; и примолкла палата, и на глазах царевны были слезы. Замолчал певец и сказал сказку; не о властном искусстве говорил он, а о том, как шли в жизнь разные люди, и пришлось им возвращаться назад, и кому было легко, а кому тяжело. И молчали все, и царь голову опустил.

— Я верю в себя, — сказал певец, и никто не смеялся над ним. — Я верю в себя, —

продолжал он, — и эта вера ведет меня вперед; и ничто не лежит на пути моем. Будет ли у меня золото, впишут ли имя мое в алых книгах, но поверю я не золоту и не книге, а лишь самому себе, и с этой верой умру я, и смерть мне будет легка.

— Но ты оторвешься от мира. Люди не простят тебе. Веря лишь в себя, одиноко пойдешь ты, и холодно будет идти тебе, ибо кто не за нас — тот против нас, — сурово сказал царь.

Но певец не ответил и снова запел песню. Пел он о ярком восходе; пел, как природа верит в себя и как он любит природу и живет ею. И разгладились брови царя, и улыбнулась царица, и сказал певец:

— Вижу я — не сочтут за врага меня люди, и не оторвусь я от мира, ибо пою я, а песня живет в мире, и мир живет песней; без песни не будет мира. Меня сочли бы врагом, если бы я уничтожил что-либо, но на земле ничто не подлежит уничтожению, и я создаю и не трогаю оплотов людских. Царь, человек, уместивший любовь ко всей природе, не найдет разве в себе любви — к человеку? Возлюбивший природу не отломит без нужды ветки куста, и человека ли сметет он с пути?

И кивнула головой царица, а царь сказал:

— Не в себя веришь ты, а в песню свою.

Певец же ответил:

— Песня лишь часть меня; если поверю я в песню мою больше, чем в самого себя, тем разрушу я силу мою и не буду спокойно петь мои песни, и не будут, как теперь, слушать их люди, ибо тогда я буду петь для них, а не для себя. Все я делаю лишь для себя, а живу для людей. Я пою для себя, и пока буду петь для себя, дотолле будут слушать меня. Я верю в себя в песне моей; в песне моей — все для меня, песню же я пою для всех! В песне люблю лишь себя одного, песней же я всех люблю! Весь для всех, все для меня — все в одной песне. И я верю в себя и хочу смотреть на любовь. И как пою я лишь для себя, а песнью моей живлю всех, — так пусть будет вовеки. Поведу жену в далекий путь. Пусть она верит в себя и верой этой дает счастье многим!

— Хочу веры в себя; хочу идти далеко; хочу с высокой горы смотреть на восход!.. — сказала царица.

И дивились все.

И шумел за окном ветер, и гнул деревья, и гнал на сухую землю дождевые тучи — он верил в себя.

1893

Царь Соломон

До сих пор по просторам Азии летает царь Соломон на своем чудесном летательном приборе. Многие горы Азии увенчаны или развалинами, или камнем с отпечатками ступни великого царя, или отпечатками колен его, следами длительной молитвы. Это все так называемые троны Соломона. Великий царь прилетал на эти горы молиться. На эти высоты он уходил от тягот царствия для возношения Духа. Горы Соломона, тайники сокровищ Соломона, Премудрость Соломона, таинственная власть перстня Соломона, Соломонова печать с познанием света и тьмы — кому же другому столько удивления и почтения принесла Азия?

Самые таинственные предметы и образы связаны с именем Соломона. Самые оккультные из птиц считаются удоды, и эта птичка также связана легендой с царем Соломоном.

Охраняли удоды покой царя Соломона во время его великих трудов, и, вернувшись от трудов, царь спросил птичек, что они хотели бы получить в награду. Птички сказали: «Дай нам, царь, золотые короны твои, они так прекрасны, и мы не видели ничего более чудесного, как ты, когда надеваешь свою корону».

Царь улыбнулся и сказал: «Птички, но ведь тяжела корона моя, как же можете вы желать возложить на себя такое бремя!» Но птички продолжали просить о коронах, и царь велел своему златоковачу сделать маленькие короны по образцу царской, и эти короны были прикреплены на головы птичек. Но не успел пройти самый короткий срок, как птички снова слетелись к царю, и устало поникли под золотыми коронами их головки.

Они просили: «Царь, освободи нас от корон. Прав Ты был, мудро предупреждая нас! Что мы можем знать, мы малые! Можем ли мы знать, что за блеском и очарованием скрывается тягота, — освободи нас, царь».

Царь сказал: «Видите, неразумные, к чему привело ваше стремление к бремени. Хорошо, будь по-вашему, будут сняты короны золотые — но пусть вы носите всегда на себе воспоминание о неразумном стремлении вашем к короне. Отныне носите корону из перьев, она не отяготит вас, ибо она будет только короною того тайного царства, о котором вы знали, служа труду моему». И так птица удода — самая оккультная птица, которая знает многие тайны, носит корону из перьев. Если удода провожает караван или лодку, люди говорят — это к доброму пути; птица царя Соломона знает, что делает.

И другие животные служили царю. Мусульманин, пришедший в Кашмир с караваном через афганскую границу, знает, что Великому Соломону даже муравьи помогали строить храм. От великих джиннов, духов воздуха и огня, до муравьев — все служило строению.

В неустанной молитве царь Соломон безостановочно управлял силами природы для создания чудесного храма. Когда истощились силы царя и он знал, что приблизилось время отхода в другой мир, он оставил завет джиннам и без него докончить постройку. Но буйные стихийные духи дали ответ, что они повинуются лишь царю Соломону здесь, на земле, и без него они свободны от заклятия. И укрепился духом царь Соломон, и, опершись на посох, он остался в храме, призывая все силы к работе. Тут же и отошел он, но тело его осталось неподвижным и непреклонным, чтобы не отлетели буйные джинны. И никто из живущих и никто из джиннов не знал, что ставший на молитву царь уже отошел. И страшились все подойти к неподвижному Владыке, и напрягали все усилия довершить строение. И окончен храм, но Владыка недвижим. Кто же решился нарушить его устремление? Но самый меньший из сотрудников царя — муравей начал подтачивать царский посох, и, когда было переточено дерево, пало тело царя и все увидели, что дух его отошел, но остался Великий храм.

Но не заоблачный Владыка царь Соломон. Он сходит к народу и, подобно другим Владыкам

Востока, изменив платье, мешается в толпах, чтобы знать все тайны жизни. Свой перстень с чудесным камнем, в котором была заложена основа мира, царь Соломон оставляет на хранение жене своей, царице Египта. Но хитер и искусен египетский жрец, прибывший с царицей. Он меняет голос и облик и под видом царя овладевает перстнем. А сам Владыка обречен на долгие годы скитания, пока снова истина не восстановлена. Так все необыкновенное, необычайное связывают народы Востока с царем Соломоном. Он восходил на горы — он спускался под землю, он встречал царей и исчезал в народных толпах. В старом царстве уйгуров, где теперь живут благоверные мусульмане, имя Соломона мешается и с царем Александром, и с великим Акбаром. Иногда вы узнаете те же сказания, которые украшают и царя, и собирателя Индии.

«Кажется, то же самое говорят и про Акбара, названного Великим?»

Старый седобородый мусульманин в зеленой чалме, совершивший покаяние в Мекке, наклоняет голову: «Оба Владыки были мудры и велики. Когда видите две снеговые горы, как решитесь сказать их отличие? Они обе сверкают под одним солнцем, и приблизиться к ним обоим одинаково трудно. Кто же решился бы приписать одному Владыке то, что, может быть, принадлежит им обоим? Правда, Владыка Акбар не выходил за пределы Индии. Он укреплял ее, оставаясь внутри ее, и мы не знаем, которые джинны служили ему. О царе же Соломоне все знают, что он летал по всему свету и учился правде во всех странах, и даже он был на далеких звездах. Но кто же может снизу судить о двух снеговых вершинах. Мы даже надеваем темные очки, чтобы защитить наши слабые глаза от их блеска».

На горе Мория сокровищница Соломона. Но не только во храмах мудрые Соломоновы знаки. По указаниям Библии открыл инженер Хаммон в Родезии богатейшие рудники Соломона. И Соломонова звезда сохранила для математиков ценнейшие соображения.

«И это пройдет!» Так ободрил мятущееся человечество царь Соломон. И вечна в красоте своей «Песнь песней».

Гримр, викинг, сделался очень стар. В прежние годы он был лучшим вождем, и о нем знали даже в дальних странах. Но теперь викинг не выходит уже в море на своем быстроходном драконе. Уже десять лет не вынимал он своего меча. На стене висит длинный щит, кожей обитый, и орлиные крылья на шлеме покрыты паутиной и сырою пылью.

Гримр был знатный человек. Днем на высоком крыльце сидит викинг, творит правду и суд и мудрым оком смотрит на людские ссоры. А к ночи справляет викинг дружеский праздник. На дубовых столах стоит хорошее убранство. Дымятся яства из гусей, оленей, лебедей и другой разной снеди.

Гримр долгое темное время проводит с друзьями. Пришли к нему разные друзья. Пришел из Медвежьей Долины Олав Хаки с двумя сыновьями. Пришел Гарольд из рода Мингов от Мыса Камней. Пришел Эйрик, которого за рыжие волосы называют Красным. Пришли многие храбрые люди и пировали в доме викинга.

Гримр налил в ковш меду и подал его, чтобы все пили и каждый сказал бы свою лучшую волю. Все говорили разное. Богатые желали почета. Бедным хотелось быть богатыми. Те, которые были поглупее, просили жизни сначала, а мудрые заглядывали за рубеж смерти. Молодые хотели отличиться в бою, им было страшно, что жизнь пройдет в тишине без победы.

Гримр взял ковш самый последний, как и подобает хозяину, и хотел говорить, но задумался и долго смотрел вниз, а волосы белой шапкой легли на его лоб. Потом викинг сказал:

— Мне хочется иметь друга, хоть одного верного друга!

Тогда задвигались вокруг Гримра его гости, так что заскрипели столы, все стали наперерыв говорить:

— Гримр, — так говорил Олав, который пришел из Медвежьей Долины, — разве я не был тебе другом? Когда ты спешил спасти жизнь твою в изгнании, кто первый тебе протянул руку и просил короля вернуть тебя? Вспомни о друге!

С другой стороны старался заглянуть в глаза Гримра викинг Гарольд и говорил, а рукой грозил...

— Эй, слушай, Гримр! Когда враги сожгли усадьбу твою и унесли казну твою, у кого в то время жил ты? Кто с тобой строил новый дом для тебя? Вспомни о друге!

Рядом, как ворон, каркал очень старый Эйрик, прозвищем Красный:

— Гримр! В битве у Полуночной Горы кто держал щит над тобой? Кто вместо тебя принял удар? Вспомни о друге!

— Гримр! Кто спас от врагов жену твою? Вспомни о друге!

— Слушай, Гримр! Кто после несчастного боя при Тюленьем заливе первый пришел к тебе? Вспомни о друге!

— Гримр! Кто не поверил, когда враги тебя оклеветали? Вспомни! Вспомни!

— Гримр, ты сказал неразумное слово! Ты, уже седой и старый, много видал в жизни! Горько слышать, как забыл ты о друзьях, верных тебе даже во времена твоего горя и несчастий.

Гримр тогда встал и так начал:

— Хочу я сказать вам. Помню я все, что вы сделали мне; в этом свидетелями называю богов. Я люблю вас, но теперь вспомнилась мне одна моя очень старинная дума, и я сказал невозможное слово. Вы товарищи мои, вы друзья в несчастьях моих, и за это я благодарю вас. Но скажу правду: в счастье не было у меня друзей. Не было их и, вообще, их на земле не бывает. Я был очень редко счастливым; даже нетрудно вспомнить, при каких делах.

Был я счастлив после битв с датчанами, когда у Лебединога мыса мы потопили сто датских

ладей. Громко трубили рога; все мои дружинники запели священную песню и понесли меня на щите. Я был счастлив. И мне говорили все приятные слова, но сердца друзей молчали.

У меня не было друзей в счастье.

Был я счастлив, когда король позвал меня на охоту. Я убил двенадцать медведей и спас короля, когда лось хотел бодать его. Тогда король поцеловал меня и назвал меня лучшим мужем. Все мне говорили приятное, но не было приятно на сердце друзей.

Я не знаю в счастье друзей.

Ингерду, дочь Минга, все называли самой лучшей девою. Из-за нее бывали поединки, и от них умерло немало людей. А я женой привел ее в дом мой. Меня величали, и мне было хорошо, но слова друзей шли не от сердца.

Не верю, есть ли в счастье друзья.

В Гуле на вече Один послал мне полезное слово. Я сказал это слово народу, и меня считали спасителем, но и тут молчали сердца моих друзей.

При счастье никогда не бывает друзей.

Я не помню матери, а жена моя была в живых недолго. Не знаю, были ли они такими друзьями. Один раз мне пришлось увидеть такое. Женщина кормила бледного и бедного ребенка, а рядом сидел другой — здоровый, и ему тоже хотелось поесть. Я спросил женщину, почему она не обращает внимания на здорового ребенка, который был к тому же и пригож. Женщина мне ответила: «Я люблю обоих, но этот больной и несчастный».

Когда несчастье бывает, я, убогий, держусь за друзей. Но при счастье я стою один, как будто на высокой горе. Человек во время счастья бывает очень высоко, а наши сердца открыты только вниз. В моем несчастье вы, товарищи, жили для себя.

Еще скажу я, что мои слова были невозможными, и в счастье нет друга, иначе он не будет человеком.

Все наши слова викинга Гримра странными, и многие ему не поверили.

1899

Таково предание о Чингиз-хане, вожде Темучине.
Родила Чингиз-хана нелюбимая ханша.
Стал Чингиз-хан немилым сыном отцу.
Отец отослал его в дальнюю вотчину.
Собрал к себе Чингиз других нелюбимых.
Глупо стал жить Чингиз-хан.
Брал оружие и невольниц, выезжал на охоту.
Не давал Чингиз о себе вестей.
Вот будто упился Чингиз кумысом
И побился с друзьями на смертный заклад,
Что никто от него не отстанет!
Тогда сделал стрелку-свистунку Чингиз.
Слугам сказал привести коней.
Конными поехали все его люди.
Начал дело свое Чингиз-хан.
Вот Чингиз выехал в степь,
Подъезжает хан к табунам своим.
Неожиданно пускает свистунку Чингиз.
Пускает в лучшего коня десятиверстного.
А конь для татар — сокровище.
Иные убоялись застрелить коня.
Им отрубили головы.
Опять едет в степь Чингиз-хан.
И вдруг пускает свистунку в ханшу свою.
И не все пустили за ним свои стрелы.
Тем, кто убоялся, сейчас сняли головы.
Начали друзья бояться Чингиза,
Но связал он их всех смертным закладом.
Молодец был Чингиз-хан!
Подъезжает Чингиз к табунам отца.
Пускает свистунку в отцовского коня.
Все друзья пустили стрелы туда же.
Так приготовил к делу друзей,
Испытал Чингиз преданных людей.
Не любили, но стали бояться Чингиза.
Такой он был молодец!
Вдруг большое начал Чингиз.
Он поехал к ставке отца своего
И пустил свистунку в отца.
Все друзья Чингиза пустили стрелы туда же.
Убил старого хана целый народ!
Стал Чингиз ханом над Большой Ордой!
Вот молодец был Чингиз-хан!
Сердились на Чингиза Соседние Дома.

Над молодым Соседние Дома возгордились.
Посылают сердитого гонца:
Отдать им все табуны лучших коней,
Отдать им украшенное оружие,
Отдать им все сокровища ханские!
Поклонился Чингиз-хан гонцу.
Созвал Чингиз своих людей на совет.
Стали шуметь советники;
Требуют: «Идти войной на Соседний Дом».
Отослал Чингиз таких советников.
Сказал: «Нельзя воевать из-за коней» —
И послал все ханам соседним.
Такой был хитрый Чингиз-хан.
Совсем загордились ханы Соседнего Дома.
Требуют: «Прислать им всех ханских жен».
Зашумели советники Чингиз-хана,
Жалели жен ханских и грозили войною.
И опять отослал Чингиз советников.
И отправил Соседнему Дому всех своих жен.
Такой был хитрый Чингиз-хан.
Стали безмерно гордиться ханы Соседнего Дома.
Звали людей Чингизовых трусами,
Обидно поносили они ордынцев Большой Орды,
И, в гордости, убрали ханы стражу с границы.
И забавлялись ханы с новыми женами.
И гонялись ханы на чужих конях.
И злоба росла в Большой Орде.
Вдруг ночью встал Чингиз-хан.
Велит всей орде идти за ним на конях.
Вдруг нападает Чингиз на ханов Соседнего Дома.
Полонил всю их орду.
Отбирает сокровища, и коней, и оружие.
Отбирает назад всех своих жен,
Многих даже нетронутых.
Славили победу Чингиза советники.
И сказал Чингиз старшему сыну Откаю:
«Сумей сделать людей гордыми.
И гордость их сделает глупыми.
И тогда ты возьмешь их».
Славили хана по всей Большой Орде;
Молодец был Чингиз-хан!
Положил Чингиз-хан Орде вечный устав:
«Завидуящему о жене — отрубить голову.
Говорящему хулу — отрубить голову.
Отнимающему имущество — отрубить голову.
Убившему мирного — отрубить голову.
Ушедшему к врагам — отрубить голову».

Положил Чингиз каждому наказание.
Скоро имя Чингиза везде возвеличилось.
Боялись Чингиза все князья.
Как никогда богатела Большая Орда.
Завели ордынцы себе много жен.
В шелковые одежды оделись.
Стали сладко есть и пить.
Всегда молодец был Чингиз-хан.
Далеко видит Чингиз-хан.
Приказал друзьям: разорвать шелковую ткань,
Прикинуться больными от сладкой еды.
Пусть народ по-старому пьет молоко.
Пусть носят одежду из кож,
Чтоб Большая Орда не разнежилась.
У нас молодец был Чингиз-хан!
Всегда готова к бою была Большая Орда,
И Чингиз нежданно водил орду в степь.
Покорил все степи Таурменские.
Взял все пустыни Монгкульские.
Покорил весь Китай и Тибет.
Овладел землей от Красного моря до Каспия.
Вот был Чингиз-хан-Темучин!
Попленил Ясов, Обезов и Половцев,
Торков, Косогов, Хозаров,
Аланов, Ятвягов разбил и прогнал.
Тридцать народов, тридцать князей
Обложил Чингиз данью и податью.
Громил землю русскую, угрожал кесарю.
Темучин-Чингиз-хан такой молодец был.

Марфа-Посадница

По Мсте, красивой, стоят городища. На Тверской стороне во Млеве был монастырь. Слышно, в нем скрывалась посадница Марфа. В нем жила четырнадцать лет. В нем и кончилась.

Есть могила Марфы во Млеве. Тайно ее там схоронили. Уложили в цветной кафельный склеп. Прятали от врагов. Так считают. Уже сто лет думают так, и склеп не открыт до сих пор.

Чудеса творятся у могилы Марфы. С разных концов новгородской земли туда идет народ. Со всеми болезнями, со всеми печальями. И помогает Марфа.

Является посадница в черной одежде с белым платком на голове. Во сне является недугующим и посылает на могилу свою. Идут. Молятся. И выздоравливают.

Марфа-заступница! Марфа — помощница всем новгородцам! Лукавым, не исполнившим обещания, Марфа мстит. Насыляет печаль еще горшую.

В старую книгу при млевской церкви иереи вписали длинный ряд чудес Марфы. Простодушно вписали вместе с известиями об урожаях, падежах, непогодах.

С Тверской стороны не являются на могилу Марфы. Обаяние ее туда не проходит. К посаднице идут только от новгородских пятин. Идут, почему не знают. Служат молебны. Таинственный атавизм ведет новгородцев ко млевской могиле.

Когда речь идет о национализме искусства, вспоминаю этот путь новгородцев. Мы мало различаем чванный пестрый национализм от мистики атавизма. Пустую оболочку — от внутренних нитей. Мешаются часто последовательности, племенная и родовая.

Уже не смеемся, а только не доверяем перевоплощению. С недоумением подбираем «странные» случаи. Иногда страшимся их. Уже не бросаем их в кучу, огулом. То, что четверть века назад было только смешно, теперь наполняется особым значением.

Новые границы проводятся в искусстве. Пестрый маскарад зипуна и мурмолки далеко отделяет от красот старины в верном их смысле. Привязные бороды остаются на крюках балагана.

Перед истинным знанием отпадут грубые предрассудки. Новые глубины откроются для искусства и знания. Именно атавизм подскажет, как нужно любить то, что прекрасно для всех и всегда. Чарами атавизма открывается нам лучшее из прошлого.

Заплаты бедности, нашивки шутовские нужно суметь снять. Надо суметь открыть в полном виде трогательный облик человеческих душ. Эти образы смутно являются во сне, — вехи этих путей наяву трудно открыть.

Время строить сущность земли. Под землю не спрятать того, что нужно народу. Незнаемый никем склеп Новгород помнит. Славит хозяйку. Тайком служит молебен.

Марфа, сильная духом, нам помоги.

1906

В одной старинной итальянской рукописи — кажется, пятнадцатого столетия — начальные страницы и все украшения книги были вырваны благородною рукою любителя библиотек, — простодушно рассказывается о том, как пришел ученик к учителю-живописцу Сано ди Пиетро за советом о своей картине.

Учитель трудился над спешной работой и не мог прийти на зов ученика, начавшего самостоятельно картину «Поклонение волхвов» для небольшой сельской церкви Сиенского округа.

Учитель сказал:

— Мой милый, я дал слово настоятелю Монтефалько не покидать своего дома, пока не закончу заказанное им «Коронование Пресвятой Девы». Но скажи, в чем сомнения твои. Я боюсь, не слишком ли долго проработал ты у меня, — что теряешься теперь перед своей работой.

— Почтенный учитель, — сказал ученик, — картина моя сложна, и трудно мне сочетать отдельные части ее. Как лучше писать темную оливковую рощу на красноватом утесе вдали. Видны ли там стволы деревьев и насколько отчетлив рисунок листвы?

— Мой милый, пиши так, как нужно тебе.

— Плащ Богородицы полон золотого рисунка. Лучше ли перебить его мелкими складками или навести рисунок в больших плоскостях?

— Сделай его так, как нужно тебе.

— Почтенный учитель, ты слишком занят превосходной работой своей, я лучше помолчу до времени ближайшего отдыха.

— Мой милый, я не думаю отдыхать скоро, а тебе нельзя терять время, если в картине твоей так много неоконченного. Я все слышу и отвечаю тебе, хотя и с некоторым удивлением.

— Головы воинов, сопровождающих царей, многочисленны; найти ли для них общую линию или дать каждую голову и из частей получить абрис толпы?

— Просто так, как тебе нужно.

— Я сделал кусты на дальних полях и полосами струи реки, но захотелось дать их отчетливо, как только иногда видит свежий глаз. Захотелось в воде увидеть волны, и челнок на них, и даже весло в руках гребца. Но ведь это вдали?

— Нет ничего проще: сделай так, как нужно.

— Учитель, мне делается страшно. Может быть, все-таки скажешь мне, стоит ли короны царей сделать выпуклыми или только для венцов оставить накладное золото?

— Положи золото там, где нужно.

— Мне приходит в голову мысль, не сделать ли на ягнях волокна шерсти. Положим, они почти не видны, но вспомни, какие шелковистые, мягкие пряди лежат на ягнях, так и хочется сделать их тонкой кистью, но в общей картине они почти не видны.

— Делай их так, как нужно.

— Учитель, я не вижу в ответах твоих совета моему делу. Я знаю, что все должно быть так, как нужно, но как нужно — затемнилось у меня сейчас.

— Скажи, ставил ли тебе какие-нибудь условия работы отец Джиованни?

— Кроме срока, никаких условий. Он сказал: «Бенвенуто, напиши хорошее изображение «Поклонение трех волхвов Пресвятому Младенцу», и я заплачу тебе десять дукатов из монастырских сумм». Потом назначил срок работы и размеры доски. Но во время работы являлись мне разные мысли от желания сделать лучшее изображение. И к тебе, учитель, по-

прежнему обратился я с добрым советом. Скажи, что же значит «как нужно»?

— Как нужно — значит все должно быть так, как хорошо.

— Но как же так, как хорошо?

— Несчастный непонятливый Бенвенуто, о чем мы всегда с тобой говорили? Какое слово часто повторял я тебе? Так, как хорошо, может значить лишь одно — так, как красиво.

— А красиво?

— Бенвенуто, выйди за двери и иди к сапожнику Габакку и скажи: возьми меня мять кожи, я не знаю, что такое «красиво». А ко мне не ходи и лучше не трогай работы своей.

После этой истории в рукописи идет сообщение о рецептах варки оливкового масла и об употреблении косточек оливы. Затем еще рассказ о пизанском гражданине Чирилли Кода, погребенном заживо. Но два последних рассказа для нас интереса не представляют.

1906

Великий Ключарь

Вот почему ночью летают светлые мушки.

Грешные души от земли хотели подняться. Хотели найти ворота райские и воззвали души к великому ключарю, апостолу:

— Отец ключарь! Хотим идти к воротам твоим! Темно нам, пути не найти!

Ответил сверху апостол:

— Вижу вас, жалкие! Вижу вас, темные! Вот стою я. Светлы ворота мои, это вы, темные, идете во мраке.

Плакались души внизу:

— Отец ключарь! Петр-апостол! Света нет у нас. Темны пути наши. Дай нам светочи, с ними увидим тебя. Пустынно в полях и холодные камни.

— Неразумные! Чего к земле приникаете? Оставьте пути темные. Идите путями верхними.

— Света, света дай нам. Хоть одну искру дай нам. Темно, и не знаем мы, где идти нам наверх.

И сказал последнее апостол:

— Малые, малейшие, не знаете, что затемнило путь ваш. Дам вам светочи; светите себе, но нет темной дороги в светлые страны. Просите светоча, но светоч не есть свет.

Так дал великий ключарь светочи грешным душам, и ночью видят их даже люди.

И летают быстро, идут в ворота Рая грешные души. И летают вечно, и есть у них светочи.

На роге Крикуне под красным бором,
На озере жил Лют-великан,
Очень сильный, очень большой, только
добрый.
Лютый зверье гонял,
Борода у Люта —
На семь концов.
Шапка на Люте —
Во сто песцов.
Кафтан на Люте —
Серых волков.
Топор у Люта —
Красный кремень.
Копье у Люта —
Белый кремень.
Стрелы у Люта черные,
Приворотливые.
Лютовы братаны за озером жили.
На горе-городке избу срубили.
С Крикуна-рога братанам кричал,
Перешептывал.
Брату за озеро топор подавал.
Перекидывал.
С братом за озером охотой
Ходил;
С братом на озере невод
Тащил;
С братом за озером пиво
Варил;
Смолы курил, огонь добывал,
Костры раздувал, с сестрою гулял,
Ходил в гости за озеро.
Шагнул, да не ладно —
Стал тонуть:
Завяз великан Лют
По пояс.
Плохо пришлось.
Собака скакнула за ним —
Потонула.
Некому братанов посетить.
Не видать никого и на день ходьбы.
Озеро плескает.
Ветер шумит.
Осокою сама смерть идет.

Заглянул великан под облако.
Летит нырь.
Крикнул великан:
«Видишь до воды?» —
«Вижу-у», — ответ дает.
«Скажи братанам:
«Тону-у, тону-у!» Летит нырь далеко.
Кличет нырь звонко:
«Тону-у, тону-у!»
Не знает нырь,
Что кричит про беду.
Не беда нырю на озере.
Озеро доброе.
Худо нырю от лесов,
От полей.
Братаны гогочут,
Ныря не слышат.
Лося в трясине загнали.
Пришли братаны,
А Лют утонул.
Сложили могилу длинную,
А для собаки круглую.
Извелась с тоски Лютова сестра
За озером.
Покидали великаны горшки
В озеро.
Схоронили топоры под кореньями.
Бросили жить великаны в нашем
Краю.
Живет нырь на озере
Издавна.
Птица глупая. Птица
Вещая.
Перепутал нырь клики
Великановы.
На ведро кричит:
«Тону-у, тону-у!»
Будто тонет, хлопает
Крыльями.
Под ненастье гогочет:
«Го-го, Го-го».
Над водою летит, кричит:
«Вижу-у!»
Знает народ Люто-озеро,
Знает могилы длинные,
Длинные могилы великановы.
А длина могилам — тридцать сажений.

Помнят великанов плесы озерные.
Знают великанов пеня дубовые.
Великаны снесли камни на могилы.
Как ушли великаны, помнит народ.
Повелось исстари так,
Говорю: было так.

Девассари Абунту

Так поют про Девассари Абунту.

Знала Абунту, что сказал Будда про женщин Ананде, и уходила она от мужей, а тем самым и от жен, ибо где мужи, там и жены. И ходила Абунту по долинам Рамны и Сокки и в темноте только приходила в храм. И даже жрецы мало видели и знали ее. Так не искушала Абунту слов Будды.

И вот сделалось землетрясение. Все люди побежали, а жрецы наговорили, что боги разгневались. И запрятались все в погребках и пещерах, и стало землетрясение еще сильнее, и все были задавлены. И правда, удары в земле были ужасны. Горы тряслись. Стены построек сыпались и даже самые крепкие развалились. Деревья поломались, и, чего больше, реки побежали по новым местам.

Одна только Девассари Абунту осталась в доме и не боялась того, что должно быть. Она знала, что вечному Богу гнев недоступен, и все должно быть так, как оно есть. И осталась Девассари Абунту на пустом месте, без людей.

Люди не пришли больше в те места. Звери не все вернулись. Одни птицы прилетели к старым гнездам. Научилась понимать птиц Девассари Абунту. И ушла она в тех же нарядах, как вышла в долину, без времени, не зная места, где живет она. Утром к старому храму собирались к ней птицы и говорили ей разное: про умерших людей, части которых носились в воздухе. И знала Абунту многое интересное, завершнное смертью, неизвестное людьми.

Если солнце светило очень жарко, летали над Девассари белые павы, и хвосты их сверкали, и бросали тень, и трепетаньем нагоняли прохладу. Страшные другим, грифы и целебесы ночью сидели вокруг спящей и хранили ее. Золотые фазаны несли лесные плоды и вкусные корни. Только не знаем, а служили Абунту и другие птицы — все птицы.

И Девассари Абунту не нуждалась в людях. Все было ей вместо людей: и птицы, и камни, и травы, и все части жизни. Одна она не была. И вот слушайте изумительное: Абунту не изменилась телом, и нрав ее оставался все тот же. В ней гнева не было; она жила и не разрушалась.

Только утром рано прилетели к Девассари лучшие птицы и сказали ей, что уже довольно жила она и время теперь умереть. И пошла Абунту искать камень смерти. И вот приходит в пустыню, и лежат на ней многие камни, темные. И ходила между ними Абунту, и просила их принять ее тело. И поклонилась до земли. И так осталась в поклоне, и сделалась камнем.

Стоит в пустыне черный камень, полный синего огня. И никто не знает про Девассари Абунту.

Лакшми-победительница

На восток от горы Зент-Лхамо, в светлом саду живет благая Лакшми, богиня Счастья. В вечной работе она украшает свои семь покрывал успокоения — это знают все люди. Все они чтут богиню Лакшми.

Боятся все люди сестру ее Сиву Тандаву, богиню Разрушения. Она злая, и страшная, и гибельная.

Но вот идет из-за гор Сива Тандава. Злая пожаловала прямо к жилищу Лакшми. Тихо подошла злая богиня и, усмирив голос свой, позвала Лакшми.

Отложила благая Лакшми свои драгоценные покрывала и пошла на зов. А за нею идут светлые девушки с полными грудями и круглыми бедрами.

Идет Лакшми, открыв тело свое. Глаза у нее очень большие. Волосы очень темные. Запястья на Лакшми золотые. Ожерелье — из жемчуга. Ногти янтарного цвета. Вокруг груди и плечей, а также на чреве и вниз до ступней разлиты ароматы из особенных трав.

Лакшми и ее девушки были так чисто умыты, как после грозы изваяния храма Абенты.

Все доброе ужаснулось при виде злой Сивы Тандавы. Так ужасна была она даже в смиренном виде своем. Из песьей пасти торчали клыки. Тело было так красно и так бесстыдно обросло волосами, что непристойно было смотреть.

Даже запястья из горячих рубинов не могли украсить Сиву Тандаву; ох, даже думают, что она была и мужчиной.

Злая сказала:

— Слава тебе, Лакшми, добрая, родня моя! Много ты натворила счастья и благоденствия. Даже слишком много прилежно ты наработала. Ты настроила города и башни. Ты украсила золотом храмы. Ты расцветила землю садами. Ты — любящая красоту!

Ты сделала богатых и дающих. Ты сделала бедных, но получающих и тому радующихся. Ты устроила мирную торговлю. Ты устроила между людьми все добрые связи. Ты придумала радостные людям отличия. Ты наполнила души людей приятным сознанием и гордостью. Ты — щедрая.

Девушки твои мягки и сладки. Юноши — крепки и стремительны. Радостно люди творят себе подобных. Забывают люди о разрушении. Ошва тебе!

Спокойно глядишь ты на людские шествия, и мало что осталось делать тебе. Боюсь, без труда и заботы утучнеет тело твое, и на нем умрут драгоценные жемчуга. Покроется жиром лицо твое, а прекрасные глаза твои станут коровьими.

Забудут тогда люди принести приятные тебе жертвы. И не найдешь больше для себя отличных работниц. И смешаются все священные узоры твои.

Вот я о тебе озаботилась, Лакшми, родня моя! Я придумала тебе дело. Мы ведь с тобой близки, и тягостно мне долгое разрушение временем. А ну-ка, давай разрушим все людское строение. Давай разобьем все людские радости. Изгоним все накопленные людьми устройства.

Разорви твои семь покрывал успокоения, и возрадуюсь я и сразу сотворю все дела мои. И ты возгордишься потом, полная заботы и дела, и вновь спрядешь еще лучшие свои покрывала.

Опять с благодарностью примут люди все дары твои. Ты придумаешь для людей столько новых забот и маленьких умыслов, что даже самый глупый почувствует себя умным и значительным. Уже вижу радостные слезы людей, тебе принесенные...

Подумай, Лакшми, родня моя! Мысли мои очень полезны тебе, и мне, сестре твоей, они радостны!

Очень хитрая Сива Тандава! Только подумайте, что за выдумки пришли в ее голову.

Но Лакшми рукой отвергла злобную выдумку Сивы Тандавы. Тогда опять приступила злая богиня, уже потрясая руками и клыками лязгая.

Все предложения Сивы Тандавы отвергла Лакшми и сказала:

— Не разорву для твоей радости и для горя людей мои покрывала. Тонкою пряжею успокою людской род. Соберу от всех знатных очагов отличных работниц. Вышью на покрывала новые знаки, самые красивые, самые богатые, самые зачатые. И в этих знаках, в образах лучших животных и птиц, пошлю к очагам людей добрые мои зачатия.

Так решила Лакшми. Из светлого сада ушла Сива Тандава ни с чем. Радуйтесь, люди!

Безумствуя, ждет теперь Сива Тандава долгого разрушения временем. В безмерном гневе иногда потрясает она землю, и тогда погибают толпы народов. Но успевают всегда Лакшми набросить свои покрывала покоя, и на телах погибших опять собираются люди. Сходятся в маленьких, торжественных шествиях.

Добрая Лакшми украшает свои покрывала новыми священными знаками.

Из темной кладовки вышел черный человек и прошел на дворовую лестницу. Шел быстро, точно скрывался. Шел какими-то неслышными шагами.

Как он зашел в кладовку? Зачем там был? Куда ушел? Почему шел неслышно?

Не узнать. Не придумать.

В людской зазвонил комнатный звонок. Звонил долго и сильно. А никто не звонил; никто никого не звал.

Почему звонок сам звонил? Никак не узнать.

В комнате тетушки Анны Ивановны завертелась дверная ручка. Завертелась сильно. Несколько раз перевернулась. А никто до нее не дотронулся.

Зачем ручка крутилась, что это значит?

Странно и непонятно.

В столовой в один день прошли семь мышей.

Никогда такого не бывало, а тут сразу семь.

Откуда пришли? Зачем вылезли? Непонятно, но неспроста.

Кухарка вечером вернулась домой в большом страхе. Туман стоял. Шла она по Длинному переулку, а навстречу ей идет белая лошадь. Идет из тумана одна, без человека. Идет, тихо ступает. Шума никакого не слышно. Так и прошла. Ушла в туман.

Откуда — неведомо. Куда — неизвестно. Страшно вспомнить.

Поздно вечером случилось самое страшное: лопнула картина на доске. Висела, висела себе тихо и вдруг с большим треском лопнула прямо через лицо святого Иеронима.

Почему именно вечером лопнула? Это уже совсем плохо.

Весь канун сочельника наполнился непонятными и странными делами. Не только нам, но и прислуге, и всем большим стало ясно, что случится страшное что-то. Даже тетушка Анна Ивановна сказала:

— Не к добру!

В буфетной горничная Даша шептала Анисье Петровне, экономке:

— Дурной шалит! Дай-ка позову доброго — тот мигом все утишит.

Но Анисья Петровна предупредила:

— Не зови! Не поминай! Позвать-то легко, а поди потом убери его. Так-то, бывало, позовешь, придет легко, по первому голосу, а потом уйти не уходит. На уход надо знать тоже крепкое слово.

Кто он, дурной? Кто он, добрый? Почему кто-то пришедший не уйдет?

Все это было особенно; все это было чудесно.

Говорили мы тихо. Шептали все новые догадки. Новые причины придумывали. Одна другой несбыточней, одна другой красивей.

Все ужасающие возможности были сказаны. Новый звонок, стук или голос наполняли нас трепетом жутким и небывалым.

Садились мы близко друг к другу. Верили, любили и трепетали.

А в постелях, пока не уснули, стало и совсем страшно. И двери в темную комнату стали как-то приотворяться. И пол скрипел под невидимым шагом. И прохладным вихрем тянуло откуда-то. У порога стояло настоящее.

Утром все побледнело. А дядя Миша пришел и стер огневое вечернее слово. Все объяснилось.

Черный человек оказался новым слесарем и ходил неслышно в калошах. Оказалось, кот

улегся на кнопку звонка. В дверной ручке испортилась старая пружина. Белая лошадь ушла с каретного двора, и ее скоро поймали. А мыши пришли снизу после отъезда кондитера.

За трещину в картине дядя Миша очень сердился и говорил, что уже три года просил на паркет переложить картину, иначе она должна была расколоться. За небрежность к картине дядя Миша даже нашумел.

От страхов ничего не осталось. Не пришли ни дурной, ни доброй. Все стало обычным, и мирным, и скучным.

После того у нас никогда ничего не бывало. Даже сны прекратились. Знаков особенных нет ни на чем.

Знамений ждем! Знамений просим!

Замки печали

Идете по замку. Высокая зала. Длинные отсветы окон. Темные скамьи. Кресла.

Здесь судили и осуждали.

Еще зала, большая. Камин в величину быка. Колонны резные из дуба.

Здесь собирались. Решались судить.

Длинные переходы. Низкие дверки в железных заплатах. Высокий порог.

Здесь вели заподозренных.

Комната в одно окно. Посередине столб. На столбе железные кольца и темные знаки.

Здесь пытали огнем.

Высокая башня. Узкие окна. Узкая дверка. Своды.

Здесь смотрели врага.

Помещение для караула. Две старые пушки. Горка ядер. Пять алебард. Ободок барабана.

Сюда драбанты кого-то тащили убить.

Ступеньки вниз. На колоннах своды. У пола железные кольца.

Здесь были осужденные.

Подвал. Перекладина в своде. Дверка на озеро. Большой плоский камень.

Последняя постель обреченных.

Двор у ворот. Камни в стенах. Камни на мостовой. В середине столб с кольцом.

Кольцо для шеи презренного.

Молельня. Темный, резной хор. Покорные звери на ручках кресел.

Здесь молились перед допросом.

Тесная ниша. Длинное окошко в залу совета. Невидимое око, тайное ухо.

Здесь узнавали врагов.

Исповедальня. Черный дуб. Красная с золотом тафтяная завеса.

Через нее о грехе говорили.

Малая комната. Две ступени к окну. Окно на озеро. Темный дорожный ларец. Ларец графини.

Около него не слышно слова печали.

Не в нем ли остались искры радости или усмешка веселья?

Или и в нем везли горе?

Все, что не говорит о печали, слезы выели из серого замка.

Проходила ли радость по замку?

Были в нем веселые трубы. Было твердое слово чести. Было познание брака.

Все это унесло время.

Долго стоят по вершинам пустые серые замки.

И время хранит их смысл.

Что оставит время от наших дней? Проникнуть не можем. Не знаем.

Если бы знали, может быть, убоялись.

Перед войной сны были:

Едем полем. За бугром тучи встают. Гроза. Сквозь тучу стремглав молнией в землю уперся огненный змей. Многоглавый.

Или: Едем серую равниною. Холм высокий темнеет. Смотрим, не холм, а змей серый клубком завился.

Еще задолго были заклятия. Заклинали землей и водой лихих. Заклинали кривду. Заклинали и зверем и птицею. Заклинали землей и водой. Не помогло. Выползли гады.

Потом были знамения. Не усмотрели их. Не поверили. Не додумались. Толпой топтали.

И проснулся змей. Поднялся враг рода человеческого. Пытался злословно мир покорить. Города порушить. Осквернить храмы. Испепелить людей и строения. Поднялся себе на смерть.

Были заклятия. Были знамения. Остались сны. Сны, которые сбываются. Лег ночь переспать.

Думал: увижу волхвов великих. Хотел посмотреть, что у них в тороках увязано. Какою они едут дорогою. Чтобы показали куда и откуда.

Но не показали волхвы. Верно, рано еще. Не выехали.

Показались двое других.

Один — средовек, в старой синей рубаше. В кафтане темном, тоже ветхом. Волосы длинноватые. В деснице — три кочерги. Держит их концами вверх. Замечайте — вверх!

Прокопий праведный — тот, что увел тучу каменную от Устюга Великого. Тот, что за неведомых молился.

А другой — белый и старый, с мечом и со градом.

Конечно, Никола-святитель!

Вместо волхвов со звездою эти пришли.

Прокопий говорит:

«Не удаляйтесь Земли. Земля красная злом раскаленная. Но жар зла питает корни Древа, а на нем свивает Добро преблагое гнездо свое. Принимайте труд на Земле. Восходите к океану небесному, нам темному.

Берегите благое Древо: на нем Добро живет. Земля есть источник горя, но из горя вырастают радости. Высший всех знает время радостей ваших.

Не удаляйтесь Земли. Посидим, о дальних странствующих подумаем».

Другой, седоватый, меч поднял: а к нему люди продвинулись. Много их выступило:

«Никола милостивый! Ты — чудотворец! Ты — могучий! Ты — святитель! Ты — воинствующий!

Ты — сердца побеждающий! Ты — водитель мыслей истинных! Силы земные ты знающий!

Ты — меч хранящий! Ты — городам заступник! Ты — правду зрящий! Слышишь, владыко, моления?

Злые силы на нас ополчились. Защити, владыко, пречистый град! Пречистый град — врагам озлобление!

Прими, владыко, прекрасный град! Подвигай, отче, священный меч! Подвигни, отче, все воинство!

Чудотворец! Яви грозный лик! Укрой грады святым мечом! Ты можешь! Тебе сила дана!

Мы стоим без страха и трепета».

Царица Небесная (Стенопись Храма Св. Духа в Талашкине)

Высоко проходит небесный путь. Протекает река жизни опасная. Берегами каменистыми гибнут путники неумелые, не знающие различить, где добро, где зло.

Милосердная Владычица Небесная о путниках темных возмыслила. Всеблагая на трудных путях на помощь идет. Ясным покровом хочет покрыть людское все горе, греховное.

Из светлого града. Из красной всех ангельских сил обители Преблагая воздымается. К берегу реки жизни Всесвятая приближается. Собирает святых кормчих Владычица, за людской род возносит моления.

Трудам Царицы ангелы изумляются. Из твердыни потрясенные сонмы поднимаются. Красные, прекрасные силы в подвиге великом утверждают. Трубным гласом Владычице славу поют. Из-за твердых стен поднялись Архангелы. Херувимы, серафимы окружают Богородицу. Власти, Престолы, Господствия толпами устремляются. Приблизились начала, тайну образующие.

Духу Святому, Господу Великому передаст Владычица моления. О малых путников вразумлении, о Божьих путей посещении, о спасении, заступлении, всепрощении. Поддай, Господи, Великий Дух.

Подымается к тебе мольба великая. Богородицы моление пречистое. Вознесем Заступнице благодарение. Возвеличим и мы Матерь Господа: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь».

Миф Атлантиды

Атлантида — зеркало солнца. Не знали прекрасней страны. Вавилон и Египет дивились богатству атлантов. В городах Атлантиды, крепких зеленым нефритом и черным базальтом, светились, как жар, палаты и храмы. Владыки, жрецы и мужи, в золототканых одеждах, сверкали в драгоценных камнях. Светлые ткани, браслеты, и кольца, и серьги, и ожерелья жен украшали, но лучше камней были лица открытые.

Чужестранцы плыли к атлантам. Мудрость их охотно все славили. Преклонялись перед владыкой страны.

Но случилось предсказание оракула. Священный корабль атлантам привез великое вещее слово:

— Встанут волны горою. Море покроет страну Атлантиду. За отвергнутую любовь море отомстит.

С того дня не отвергали любовь в Атлантиде. С любовью и лаской встречали плывущих. Радостно улыбались друг другу атланты. И улыбка владыки отражалась в драгоценных, блестящих стенах дворцовых палат. И рука тянулась навстречу с приветом, и слезы в народе сменялись тихой улыбкой. И забывал народ власть ненавидеть. И власть забывала кованый меч и доспех.

Но мальчик, сын владыки, особенно всех удивлял. Само солнце, сами боги моря, казалось, послали его на спасенье великой страны.

Вот он был добр! И приветлив! И заботлив о всех! Были братья ему великий и малый. Для каждого жило в нем доброе слово. Про каждого помнил он его лучший поступок. Ни одной ошибки он точно не помнил. Гнев и грубость увидеть он точно не мог. И перед ним укрывалось все злое, и недавним злодеям хотелось стать навсегда добрыми, так же как он.

За ним шел толпой народ. Взгляд его всюду встречал лишь лица, полные радости, ждущие улыбку его и доброе, мудрое слово. Вот уж был мальчик! И когда почил в этой жизни владыка-отец и отрок, туманный тихой грустью, вышел к народу, все, как безумцы, забыли про смерть и гимн хвалебный запели владыке желанному. И ярче цвела Атлантида. А египтяне называли ее страной любви.

Долгие тихие годы правил светлый владыка. И лучи его счастья светили народу. Вместо храма народ стремился к владыке. Пел: «Он нас любит. Без него мы — ничто. Он — наш луч, наше солнце, наше тепло, наши глаза, наша улыбка. Слава тебе, наш любимый!» В трепете восторга народа дошел владыка до последнего дня. И начался день последний, и бессильный лежал владыка, и закрылись глаза его.

Как один человек встали атланты, и морем сплошным залили толпы ступени палат. Отнесли врачей и постельничих. К смертному ложу приникли и, плача, вопили: «Владыко, взгляни! Подари нам хоть взгляд твой. Мы пришли тебя отстоять. Пусть наше, атлантов, желанье тебя укрепит. Посмотри — вся Атлантида собралась к дворцу твоему. Тесной стеной мы встали от дворца и до моря, от дворца до утесов. Мы, желанный, пришли тебя удержать. Мы не дадим тебя увести, всех нас покинуть. Мы все, вся страна, все мужи, и жены, и дети. Владыко, взгляни!»

Рукой поманил владыка жреца и хотел сказать последнюю волю, и всех просил выйти хоть на короткое время.

Но атланты остались. Сплотились, в ступени постели вросли. Застыли и немые и глухие. Не ушли.

Тогда приподнялся на ложе владыка и, обратя к народу свой взгляд, просил оставить его

одного и позволить ему сказать жрецу последнюю волю. Владыка просил. И еще раз напрасно владыка просил. И еще раз они были глухи. Они не ушли. И вот случилось тогда. Поднялся владыка на ложе и рукой хотел всех отодвинуть. Но молчала толпа и ловила взгляд любимый владыки.

Тогда владыка сказал:

— Вы не ушли? Вы не хотите уйти? Вы еще здесь? Сейчас я узнал. Ну, я скажу. Скажу одно слово мое. Я вас ненавижу. Отвергаю вашу любовь. Вы отняли все от меня. Вы взяли смех детства. Вы ликовали, когда ради вас остался я одиноким. Тишину зрелых лет вы наполнили шумом и криком. Вы презрели смертное ложе...

Ваше счастье и вашу боль только я знал. Лишь ваши речи ветер мне доносил. Вы отняли солнце мое! Солнца я не видал; только тени ваши я видел. Дали, синие дали! К ним вы меня не пустили... Мне не вернуться к священной зелени леса... По травам душистым уже не ходить... На горный хребет мне уже не подняться... Излучины рек и зеленых лугов уже мне не видеть... По волнам уже не носиться... Глазом уже не лететь за кречетом быстрым... В звезды уже не глядеться... Вы победили... Голоса ночные слышать я больше не мог... Веления Бога стали мне уже недоступны... А я ведь мог их узнать... Я мог почуять свет, солнце и волю... Вы победили... Вы все от меня заслонили... Вы отняли все от меня... Я вас ненавижу... Вашу любовь я отверг...

Упал владыка на ложе. И встало море высокой стеной и скрыло страну Атлантиду.

Стояли дубы. Краснели рудовые сосны. Под ними в заросших буграх тлели старые кости. Желтели, блестели цветы. В овраге зеленела трава. Закатилось солнце.

На поляну вышел журавль и прогорланил:

— Берегись, берегись! — И ушел за опушку. Наверху зашумел ворон:

— Конец, конец.

Дрозд на осине орал:

— Страшно, страшно.

И иволга просвистела:

— Бедный, бедный.

Высунулся с вершинки скворец, пожалел:

— Пропал хороший, пропал хороший.

И дятел подтвердил:

— Пусть, пусть.

Сорока трещала:

— А пойти рассказать, пойти рассказать.

Даже снегирь пропищал:

— Плохо, плохо.

И все это было. С земли, с деревьев и с неба свистели, трещали, шипели.

А у Дивьего Камня за Медвежьим оврагом неведомый старик поселился. Сидел старик и ловил птиц ловушками хитрыми. И учил птиц большими трудами каждую одному слову.

Посылал неведомый старик птиц по лесу, каждую со своим словом. И бледнели путники, и робели, услышав страшные птичьи слова.

А старик улыбался. И шел старик лесом, ходил к реке, ходил на травяные полянки. Слушал старик птиц и не боялся их слов.

Только он один знал, что они ничего другого не знают и сказать не умеют.

— От Красной Пожни пойдешь на зимний восход, будет тебе могилка-бугор. От бугра на левую руку иди до Ржавого ручья, а по ручью до серого камня. На камне конский след стесан. Как камень минуешь, так и иди до малой мшаги, а туда пять стволов золота Литвой опущено.

В Лосином бору, на просеке, сосна рогатая не рублена. Оставлена неспроста. На сосне зарубки. От зарубок ступай прямиком через моховое болото. За болотом будет каменистое место, а два камня будут больше других. Стань промеж них в середину и отсчитай на весенний закат сорок шагов. Там золота бочонок схоронен еще при Грозном царе.

Или еще лучше. На Пересне от Князьего Броду иди на весенний закат. А пройдя три сотни шагов, оберни в полгруды да иди тридцать шагов вправо. А будет тут ров старый, а за рвом пневое дерево, и тут клад положен большой. Золотые крестовики и всякий золотой снаряд, и положен клад в татарское разорение.

Тоже хороший клад. На Городище церковь, за нею старое кладбище. Среди могил курганчик. Под ним, говорят, старый ход под землю, и ведет ход в пещерку, а в ней богатства большие. И на этот клад запись в Софийском соборе положена, и владыка новгородский раз в год дает читать ее пришлым людям.

Самое трудное скажу. Этот клад хоронен со смертным зарокom. Коли сумеешь обойти, коли противу страхов пойдешь — твое счастье.

За Великой Гривой в Червонный ключ опущено разбойными людьми много золота; плитой закрыто, и вода спущена. Коли сумеешь воду от земли отвести да успеешь плиту отковать — твое счастье большое.

Много кладов везде захоронено. Говорю — не болтаю. Дедами еще положены верные записи.

Намедни чинился у меня важный человек. Он говорил, а я услышал.

— В подземной Руси, — сказал, — много добра схоронено. Русь берегите.

Сановитый был человек.

Про всякого человека клад захоронен. Только надо уметь клады брать. Неверному человеку клад не дастся. Пьяному клад не взять. Со скоромными мыслями к кладу не приступай. Клад себе цену знает. Не подумай испортить клад. Клады жалеть надо. Хоронили клады не с глупым словом, а с молитвой либо с заклятием.

А пойдешь клад брать, иди смирно. Зря не болтай. На людях не гуляй. Свою думу думай. Будут тебе страхи, а ты страхов не бойся. Покажется что, а ты не заглядывайся. Криков не слушай. Иди себе бережно, не оступайся, потому брать клад — великое дело.

Над кладом работай быстро. Не оглядывайся, а пуце всего не отдыхай. Коли захочешь голос показать, пой тропарь богородичный. Никаких товарищей для кладов никогда себе не бери.

А на счастье возьмешь клад — никому про него не болтай. Никак не докажи клад людям сразу. Глаз людской тяжелый, клад от людей отвык — иначе опять в землю уйдет. И самому тебе не достанется, и другому его уж труднее взять. Много кладов сами люди попортили, по своему безобразию.

— А где же твой клад, кузнец? Отчего ты свой клад не взял?

— И про меня клад схоронен. Сам знаю, когда за кладом пойду.

Больше о кладях ничего не сказал черный кузнец.

Города пустынные

Мир пишется, как ветхий муж,
Повинны человеки устремлением.
Устремлением возрастают помыслы.
Помысел породил желание.
Желание подвигло веление.
Здание человеческое устремлениями
сотрясается.
Не бойся, древний муж!
Радость и печаль — как река.
Волны преходят омывающие.

Возвеселился царь:

— Моя земля велика. Мои леса крепки. Мои реки полны. Мои горы ценны. Мой народ весел. Красива жена моя.

Возвеселилась царица:

— Много у нас лесов и полей. Много у нас певчих птиц. Много у нас цветочных трав.

Вошел в палату ветхий муж. Пришлый человек. Царю и царице поклон дал. Сел в утомлении. Царь спросил:

— Чего устал, ветхий? Видно, долго шел в странствии?

Воспечалился ветхий муж:

— Земля твоя велика. Крепки леса твои. Полны реки твои. Горы твои непроходны. В странствии едва не погиб. И не мог дойти до града, где нашел бы покой. Мало, царь, у тебя городов. Нам, ветхим, любо градское строение. Любы станы надежные. Любы башни зрящие и врата, велению послушные. Мало, царь, у тебя городов. Крепче окружились стенами владыки соседних стран.

Воспечалился царь:

— Мало у меня городов. Мало у меня надежды стенной. Мало башен имею. Мало врат, чтобы вместить весь народ.

Восплакал царь:

— Муж ветхий! Летами мудрый! Научи зарастить городами всю мою землю великую. Как вместить в стены весь народ?

Возвеселился ветхий муж:

— Будут, царь, у тебя города. Вместишь в стены весь народ. За две земли от тебя живет великанский царь. Дай ему плату великую. Принесут тебе великаны от царя индийского городов видимо-невидимо. Принесут со стенами, с вратами и с башнями. Не жалея наградить царя великанского. Дай ему плату великую. Хотя бы просил царицу, жену твою.

Встал и ушел ветхий. Точно его, прохожего, и не было.

Послал царь в землю великанскую просьбу, доuku великую. Засмеялся смехом великанский мохнатый царь. Послал народ свой к царю индийскому своровать города со стенами, вратами и башнями. Взял плату великанский мохнатый царь немалую. Взял гору ценную. Взял реку полную. Взял целый крепкий лес. Взял в придачу царицу, жену царя. Все ему было обещано. Все ему было отписано.

Воспечалилась царица:

— Ой, возьмет меня мохнатый царь! Ой, в угоду странному мужу, ветхому! Ой, закроют весь

народ вратами крепкими. Ой, потопчут городами все мои травы цветочные. А закроют башнями весь надзвездный мир, помогите, мои травы цветочные, — ведомы вам тайны подземные. Ой, несут великаны города индийские, со стенами, вратами и башнями.

Жалобу травы услышали. Закивали цветными макушками. Подняли думу подземную. Пошла под землей дума великая. Думою море вспенилось. Думою леса закачались. Думою горы нарушились, мелким камнем осыпались. Думою земля наморщилась. Пошло небо морщинкой.

Добежала дума до пустынных песков. Возмутила дума пески свободные. Встали пески валами, перевалами. Встали пески против народа великанского.

Своровали великаны города индийские со стенами, вратами и башнями. Пovyтряхивали из закуток индийский народ. Поклали города на плечи. Шибко назад пошли. Пошли заслужить плату великую своему мохнатому царю.

Подошли великаны к пустынным пескам. Сгрудились пустынные пески. Поднялись пески темными вихрями. Закрыли пески солнце красное. Залегли пески по поднебесью. Как напали пески на великанский народ.

Налезли пески в пасти широкие. Засыпали пески уши мохнатые. Залили пески глаза великановы. Одолели пески великанский народ. Покидали великаны города в пустынные пески. Еле сами ушли без глаз, без ушей.

Схоронили пески пустынные города индийские. Схоронили со стенами, вратами и башнями. Видят люди города и до наших дней. А кто принес города в пустынные пески, то простому люду неведомо.

Распустились травы цветочные пуще прежнего.

Поняла царица от цветочных трав, что пропали города индийские. И запела царица песню такую веселую. Честным людям на услышание, Спасу на прославление.

Услыхал песню царь, возрадовался ликованием. И смеялся царь несчастьем великанскому. И смеялся царь городам индийским, скрытым теперь в пустынных песках. Перестал царь жалеть о чужих городах.

Осталась у царя река полная. Осталась гора ценная. Остался у царя весь крепкий лес. Остались у царя травы цветочные да птицы певчие. Остался у царя весь народ. Осталась царица красивая. Осталась песня веселая.

Возвеселился царь.

Ветхий муж к ним не скоро дойдет.

Граница царства

В Индии было.

Родился у царя сын. Все сильные волшебницы, как знаете, принесли царевичу свои лучшие дары.

Самая добрая волшебница сказала заклятие:

— Не увидит царевич границ своего царства.

Все думали, что предсказано царство, границами безмерное.

Но вырос царевич славным и мудрым, а царство его не увеличилось.

Стал царствовать царевич, но не водил войско отодвинуть соседей.

Когда же хотел он осмотреть границу владений, всякий раз туман покрывал граничные горы.

В волнах облачных устились новые дали. Клубились облака высокими грядками.

Всякий раз тогда возвращался царь, силой полный, в земных делах мудрый решением.

Вот три ненавистника старые зашептали:

— Мы ущемляемся. Наш царь полон странной силой. У царя нечеловеческий разум. Может быть, течению земных сил этот разум противен. Не должен быть человек выше человеческого.

Мы премудростью отличенные, мы знаем пределы. Мы знаем очарования.

Прекратим волшебные чары. Пусть увидит царь границу свою. Пусть поникнет разум его. И ограничится мудрость его в хороших пределах. Пусть будет он с нами.

Три ненавистника, три старые повели царя на высокую гору. Только перед вечером достигли вершины, и так все трое сказали заклятие. Заклятие о том, как прекратить силу:

— Бог пределов человеческих!

Ты измеряешь ум. Ты наполняешь реку разума земным течением. На черепахе, драконе, змее поплыву. Свое узнаю. На единороге, барсе, слоне поплыву. Свое узнаю. На листе дерева, на листе травы, на цветке лотоса поплыву. Свое узнаю. Ты откроешь мой берег! Ты укажешь ограничение! Каждый знает, и ты знаешь! Никто больше. Ты больше. Чарыними.

Как сказали заклятие ненавистники, так сразу алой цепью загорелись вершины граничных гор.

Отвратили лицо ненавистники. Поклонились.

— Вот, царь, граница твоя.

Но летела уже от богини доброго земного странствия лучшая из волшебниц.

Не успел царь взглянуть, как над вершинами воздвигся нежданный пурпуровый град, за ним устлалась туманом еще невиданная земля.

Полетело над градом огневое воинство. Заиграли знаки самые премудрые.

— Не вижу границы моей, — сказал царь.

Возвратился царь духом возвеличенный. Он наполнил землю свою решениями самыми мудрыми.

Исчерпаемо ли? Истоощаемо ли?

В плане физическом, как и все, — истоощимо, но в плане духовном — во всем лежит именно неистоощимость. И по этой мере, прежде всего, разделяются эти два плана. Если вам говорят, что нечто истоощилось, — мы знаем, что это касается чисто внешнефизических обстоятельств.

Творец воображает, что его творчество иссякло, и это будет, конечно, неверно. Просто имеются или возникли какие-то причины, препятствующие творчеству. Может быть, что-то произошло, нарушающее свободное выделение творчества. Но само по себе творчество, раз оно вызвано к деятельности, оно неиссякаемо, точно так же, как непрерывна и ненарушима психическая энергия как таковая.

При современной смятенной жизни это простое обстоятельство иногда приходится напоминать. Люди уверяют, что они устали, сами себе внушают, что творчество их иссякло. Повторяя на всякие лады о трудностях, они, действительно, опутывают себя целою паутиною. В пространстве, действительно, много перекрещенных губительных тонов. Они могут влиять на физическую сторону явления. Людям же, которые так привыкли строить все в пределах физических, начинает казаться, что эти внешние вторжения убивают и сущность психической энергии. Впрочем, даже и это выражение часто покажется чем-то неопределенным, ибо люди до сих пор редко задумываются по поводу такой основной благословенной энергии, неисчерпаемой, неистоощимой, если она осознана.

Вообще вопрос об оощутительности очень неясен в человеческом обществе. Каждому приходится слышать, как иногда человек дает совершенно определеннойшие данные, но слушатели невоспитанным вниманием своим скользят поверх них, а затем уверяют, что было дано лишь неприложимо-отвлеченное. Мне самому часто приходилось быть свидетелем, как люди давали показания совершенно определенные и обоснованные, а им на это отвечали: «Нельзя ли что-нибудь поближе к делу, определеннее». Такой вопрос лишь показывал, что слушатель вовсе не собирался принять во внимание ему сказанное, он хотел услышать только то, что почему-либо ему хотелось услышать. И под этим самовнушением он иногда не мог даже и оценить всех тех определенных фактов, которые ему сообщались. Ведь так часто люди хотят слышать не то, что есть, а то, что им хочется услышать. «Самый глухой тот, который не хочет слышать».

Нежелание слышать и видеть порождает не только сугубую несправедливость, но нередко является как бы духовным самоубийством. Человек до такой степени уверит себя в том, что он чего-то не может, до такой степени забьет свою основную энергию, что, действительно, попадает во власть всяких внешних физических и психических вторжений.

Каждый слышал, как некоторые так называемые нервнобольные не могут перейти улицу, или не могут подойти к окну, или, наконец, впадают в ужас подозрительности. Если проследить, как именно начались эти убийственные симптомы, то всегда можно найти маленькое, даже трудно уловимое, начало подавленности психической энергии. Иногда оно будет настолько косвенно затронуто и начнется от чего-то совершенно случайного.

Именно такие случайности могли бы быть вполне отражены, если была бы развиваема внимательность к происходящему вокруг. Ведь эта внимательность помогла бы заметить также, что основная энергия неистоощима. Одно это простое, ясное осознание уберегло бы многих от бездны отчаяния и разочарования. Так, страдающий бессонницей иногда найдет причину ее в самом внешнем, реальном обстоятельстве. Также человек поймет, почему издревле сказано, что если трудно себя заставить думать, то еще труднее заставить себя не думать.

Когда человек угашает свой энтузиазм, он это делает тоже в силу каких-либо чисто внешних обстоятельств. Если бы по внимательности он понял, насколько случайны и преходящи эти обстоятельства, то он отмахнулся бы от них, как от назойливой мухи. Но ни в семье, ни в школе детей к внимательности не приучают, а затем впоследствии удивляются, почему человек «из-за кустов леса не видит». Да и часто ли вообще в семьях говорят о сердечном огне, о вдохновении, об энтузиазме? Ведь слишком часто семейное сборище сводится лишь к осудительным и мертвящим обменам колючими словами. Но опять-таки издревле отовсюду доносятся зовы и приказы о хранении в чистоте колодцев вдохновения и творчества как мыслью, так и делом.

«Радж-Агни, так называли тот Огонь, который вы зовете энтузиазмом. Действительно, это прекрасный и мощный Огонь, который очищает все окружающее пространство. Мысль созидательная питается этим Огнем. Мысль великодушная растет в серебряном свете Огня Радж-Агни. Помощь ближнему истекает из этого же источника. Нет предела, нет ограничения крыльям, сияющим Радж-Агни. Не думайте, что Огонь этот загорится в мерзком сердце. Нужно воспитывать в себе умение вызывать источник такого восторга. Сперва нужно уготовить в себе уверенность, что приносите сердце ваше на Великое Служение. Потом следует помыслить, что слава дел не ваша, но Иерархии Света. Затем можно восхититься беспредельностью Иерархии и укрепиться подвигом, нужным всем мирам. Так не для себя, но в Великом Служении зажигается Радж-Агни. Поймите, что Мир Огненный не может стоять без этого Огня».

3 февраля 1935 г. Пекин

Дружелюбие!

«Архат отдыхает ли? Уже знаете, что отдых есть перемена труда, но истинный отдых Архата есть мысль о Прекрасном. Среди трудов многообразных мысль о Прекрасном есть и мост, и мощь, и поток дружелюбия. Взвесим мысль злобы и мысль блага и убедимся, что мысль прекрасная мощнее. Разложим органически различные мысли и увидим, что мысль прекрасная — сокровищница здоровья. В мышлении прекрасном узрит Архат лестницу восхождения. В этом действенном мышлении есть отдых Архата.

В чем же можем найти иной источник дружелюбия? Так можно вспоминать, когда мы особенно утеснены. Когда повсюду закрываются ставни самости; когда гаснут огни во тьме, не время ли помыслить о Прекрасном? Не загрязним, не умалим этот путь! Лишь в нем привлечем то, что кажется чудесным. И чудо не есть ли неразрывная связь с Иерархией? В этой связи и вся физика, и механика, и химия, и вся панацея. Кажется, немногим устремлением можно продвинуть все препятствия, но полнота этого условия непомерно трудна людям! Почему они отрезали крылья прекрасные?» Так говорит книга «Мир Огненный».

«Все ли здесь?», «Все ли готовы?» — перекликаются дозорные на стенах твердынь. С башен им отвечают: «Всегда готов» — «Бодрствуем во благе!». Поистине следует перекликаться в нынешнее темное время всем, кто мыслит о благе. Через все горы и океаны следует объединенно держаться всем сердцам правды.

В час торжественный как же не объединиться и не послать всем ведомым и неведомым друзьям слово о дружелюбии. Не слабость, не безразличие это дружелюбие. Стремление к правде заложено в нем. Связано с ним желание лучшего преуспевания и беспредрассудочного познания. Может быть, никогда еще мир не нуждался настолько в основе дружелюбия.

«Мир всему живущему». Но путь к этому миру через то дружелюбие, которым должны быть полны сердца наши всегда, во все время дня и ночи, при каждой встрече. Ведь нигде не заповедано «во встречном ищи врага». Наоборот, дружелюбие является тем творящим началом, которое создает обновленную, преображенную жизнь.

Какие множества веков должна была протекать жизнь земная, чтобы опять, в тоске разрушения и утеснения, мы должны вспоминать об оружии света, о панцире дружелюбия. Может быть, это излишне, может быть, земная жизнь протекает в достаточном духовном и телесном благосостоянии? Может быть, мы не должны в предрассветный час тосковать сердцем нашим о бедствиях народных?

Но невозможно закрывать глаза на каждодневные сообщения о духовных смятениях, об убийствах тела и духа, о страшных призраках лжи и взаимного поношения. Доходит человечество до предела разложения. Нужно строить, необходимо неотложно предаться тому светлостроению, которое понимается в высоком значении Культуры. Где же те словари добра, где же те высокие начала, которые могут залить благодатью язвы мира, которые так ужасно открылись в дни наши?

Не призрачны эти бедствия. У каждого из нас собралось бесконечное количество сообщений о всевозможных разлагающих ужасах как в частной, так и в общественной жизни. Само добро как таковое начинает казаться многим чем-то отвлеченным, недостижимым, так далеким, что и стремиться к нему будто бы не в силах человеческих.

Но не может быть сомнения об этом вездесущем Благе, когда каждое человеческое сердце знает, что есть дружелюбие. Поверх всяких засорений, нечистот, невежества, клеветничества, предательства каждый, хотя бы и духовно опустошенный человек, каждый двуногий все-таки знает, что такое улыбка: не улыбка глумления, но благая улыбка дружелюбия. Как же мы можем

приступить к рассуждениям и к решениям, если мы не обезвредимся истинным дружелюбием?

Мы должны думать не только о том, что свойственно лишь очень немногим избранным. Учитель Великий шел ко всем. Все заповеди говорят о том, что принадлежит всем. Из простейших начал всем, всем, всем заповедано дружелюбие. В пламенении сердца это дружелюбие претворится и в любовь, в ту самую животворную, чудесно творящую любовь, которая во всем оружии Блага указывает: «Да живет все живущее».

Если бы чье-то сердце еще не могло вместить этот всеобъемлющий завет, то ведь и у него останется простейший, повседневный путь дружелюбия. Начатый от семьи, от рода, от близких, путь дружелюбия восходит великой спиралью до самых вышних обителей.

Много говорим о сердце. Но без основного дружелюбия какое же это будет сердце! Даже дикие звери глубоко чувствуют начало дружелюбия. Чем же прежде всего отвращает человек даже самое лютое нападение? Глаз дружелюбия, взор добра остановит самые зверские когти.

Озарение высоких сердец, их светоносность, зажженная любовью, ведь началась когда-то от такого же повседневного дружелюбия. Началась эта великая сила у того единого костра, к которому сходятся путники пустыни. А разве не путники мы? Разве не обезводили все пустыни духа? Страшно остаться во тьме, безоружным, когда из черной мглы несутся вопли ненависти и взаимооудушения.

Нужен свет. Нужен священный огонь. Нужны оружия света, которые сиянием своим рассеют полчища тьмы и разложения. Первым оружием света, о котором так прекрасно сказано в заповедях всех заветов, будет именно общечеловеческое дружелюбие. Первым качеством этого дружелюбия будет непрестанное творчество, созидательный труд, который, вместо тяжких оков каждодневности, превратится в сияние творящего праздника.

Эту творящую любовь, это всеобщее дружелюбие хранят дозорные, перекликаясь в час торжественный на стенах твердынь: «Все ли здесь?», «Все ли готовы?».

Меттасутта посылает свой мудрый зов дружелюбия словами:

«Как мать, подвергая опасности жизнь свою, блюдет свое дитя единое, так пусть каждый растит дружелюбную мысль ко всему существу. Пусть он возрастит в себе желание ко всему миру и дружелюбие и вверху, и внизу, и всюду, неограниченно, без всякой ненависти, без всякой вражды!» (Меттасутта 7,8).

Гималаи

Мера искусства

Успенский говорит:

«Впереди всех других человеческих способов проникновения в тайны природы идет искусство. Ум, оперируя с теми данными, которые он получает от органов чувств и психического аппарата, должен идти через трехмерную сферу, и не может идти иначе, точно так же, как он не может действовать иначе, как через логику. Искусство идет совсем другим путем. Оперируя с эмоциями, с настроениями, с инстинктами и с пробуждающимися интуициями, оно совершенно не стеснено пределами трехмерной сферы, совершенно не должно считаться с законами логики и сразу выводит человека в широкий мир многих измерений.

Поэтому искусство идет впереди науки, точного знания и даже впереди философии, но не служит им, не прокладывает для них путей, а идет своим путем, открывая свои горизонты... Искусство разрушает весь логический и трехмерный мир, с таким трудом созданный человеком, всю маленькую и жалкую «правду», за которую с таким отчаянием цепляется человек, боящийся без нее очутиться среди хаоса... Искусство видит мир в «астральном свете», строит свой собственный мир, совершенно аналогичный астральному миру оккультистов, и заставляет человека понимать, что этот мир совсем не похож на мир железных дорог, автомобилей и аэропланов; заставляет понимать законы этого нового мира, полного чудес, и путем постепенного ощущения и постижения этих «законов чудесного» подходит к Вечному. Искусство и все, что дает искусство, нельзя ни смерить, ни свешать. Поэзию нельзя заключить в колбу.

Искусство нарушает весь механический порядок трехмерного мира. Оно открывает дверь в мистику и магию, зовет в мир удивительных и волшебных приключений... Искусство не принадлежит миру трех измерений и не может ему служить; наоборот, выводит из него, как великая богиня Смерть, которая, если она открывает нам тайны иного мира, в то же время одним взмахом руки скрывает и уничтожает этот.

Искусство, которое не говорит об этом «ином мире», не заставляет о нем думать или его чувствовать, или рисует тот мир, как подобие или продолжение нашего, это не искусство, а подделка, трезвая и рассудочная подделка, псевдоискусство. Псевдоискусство отличается от настоящего, подлинного искусства тем, что оно состоит из одной правды. В нем нет воображения, нет экстаза... Одна только голая и трезвая «трехмерная правда», которая есть величайшая ложь, потому что ничего трехмерного в действительности не существует.

Задача правильного распознавания истинного и ложного искусств разрешается одновременно с загадками пространства и времени — искусство, довольствующееся временем и не стремящееся к вечности, должно быть и будет признано фальсификацией... В мир высших измерений можно проникнуть, только отказавшись от этого, нашего мира. Кто ищет в высшем мире подобие низшего или продолжение его, тот не найдет ничего. И кто думает, что нашел истину, или что кто-нибудь другой нашел ее за него, тот никогда не увидит даже ее тени».

Бывало о том же с Балтрушайтисом толковали.

1 декабря 1942 г.

Говорится, что вода, уже отработавшая на мельнице, будто бы производит впечатление меньшей силы, нежели вливающаяся на колесо. Точно бы предполагается, что, кроме грубофизических условий, какая-то энергия словно бы утекла в напряжении. Конечно, это иллюзия; точно так же, как говорят, что новая непрочитанная книга потенциальнее многими прочтенной. Точно бы многие глаза могли отнять от страниц какой-то потенциал.

Но в то же время все справедливо говорят о намоленных предметах, о вещах овеванных и тем усиленных мыслями. Как будто выходит, что если вещи можно нечто придать посредством мысли, нечто наслоить на предмет, то как будто бы можно предположить, что таким же порядком, посредством мысли, посредством энергии можно и обеднить предмет, отнять у него кое-что.

Приходилось слышать, как кто-то, раскрывая возвращенную книгу, говорил: «Даже в руки взять неприятно, должно быть какой-то негодяй читал ее». Может быть, это говорила лишь подозрительность, а может быть, и впрямь почувствовалось влияние какой-то энергии.

Так часто и какая-то несказуемая враждебность, а подчас и неизреченное доброжелательство чувствуется в самом пространстве. Опять-таки какие-то чуткие люди скажут: «Как тяжело в этом жилье», или наоборот — «Как легко здесь дышится». Если простые фотографии подчас дают такие неожиданные показания, если химический анализ пространства тоже готов приоткрыть многое, то что же удивляться, если тончайший аппарат человеческий может вполне почувствовать присутствие тех или иных энергий.

Иногда струнный инструмент как бы самозвучит от воздействий, человеческому глазу недоступных. Иногда фарфоровая ваза сама разбивается от вибраций, почти неслышимых человеческому уху. Песок дает затейливые рисунки от сотрясений, внешне почти неуловимых. Также и присутствие многих воздействий не выскажется словами, но почувствуется внутренним человеческим аппаратом.

Это не будут суеверия и наносные подозрения. Это будет именно чувствознание. Никакими словесными объяснениями вы не разубедите человека, который ясно почувствовал эти прикосновения энергии. Все равно, как вы не убедите человека в том, что он не видел чего-то, если он это твердо и внимательно воспринял своими глазами.

Иногда считают какую-то даже стыдную слабостью признаться в этих определенных чувствованиях, а в то же время спокойно говорят, что пища показалась слишком соленой или горькой, тогда как сотрапезник вовсе не нашел это. Для одного эта степень была не обращающей на себя внимание, а другой ее вполне почувствовал. Если бы только люди так же естественно и безбоязненно обращали внимание и сообщали близким о своих чувствованиях, насколько бы больше новых ценных наблюдений обогатило бы земную жизнь и внесло бы большое рвение к преобразению чувствований в познании.

Невозможно откладывать способы познания в какие-то преднамеренные рамки. Поистине, вестник приходит неожиданно. Недаром во всех Учениях эта неожиданность прозрения так определенно указана. При этом люди непременно хотят, чтобы вестник появился в назначенный ими час, через определенную дверь принес бы ожидаемые ими новости и, вероятно, сказал бы им на том языке и в тех выражениях, которые предположены самими ждущими.

Каждое изменение в такой самопредуказанной программе внесло бы уже смущение или, может быть, послужило бы к отрицанию. Как это могло случиться, как я это ожидал?! Опять это несчастное ограниченное я, которое желает узкосамонадеянно повелевать в пределах зримого и слышимого мира. А вдруг самое напыщенное окажется совершеннейшим ничтожеством перед

малейшим проявлением тонкого порядка? Можно ли ограничивать то, что не уложится ни в какие сказуемые границы?

Сколько вестников вообще не могло войти, ибо, подойдя к двери, они уже знали, что их не ждут. Повторяя про себя самую Богоданную вдохновляющую весть, вестник уже знал, что ее не захотят принять именно на этом языке. Сколько уже сложенного и близкого остановлено спесивой ограниченностью. Но если попробуете отложить пределы этой ограниченности в каком угодно измерении, то никаких размеров ее не найдете, до такой степени она совершенно ничтожна.

Таким порядком среди замечательнейших прозрений и озарений вторгаются, как серая пыль, бесчисленные осколки невежества. Пусть каждая пылинка почти невесома, но слой их может затемнить самые изысканные цветы. Общая работа, общая забота должна быть, чтобы в хозяйстве было как можно меньше пыли.

Ливингстон только мертвым мог быть увезен из Африки, настолько его привлекала к себе именно эта часть света. Казати насильно был увезен из той же Африки, в которой он единственно чувствовал себя как дома. Весь остаток своей жизни, проведенной в Италии, казалось бы, на родине, он чувствовал себя несчастным.

Множество всевозможных примеров таких же, как бы непонятных влечений к определенной части света или даже к определенному месту можно перечислить. Вот перед нами кровные испанцы, которые возлюбили или Гавану, или Южную Америку. Вот перед нами британцы, привлеченные навсегда в Индию. Вот перед нами шведы, французы, русские, которые могут дышать лишь воздухом Азии.

В жизни человеческой столько труднообъяснимых влечений. От самых высоких и до самых повседневных. С одной стороны, мы видим влечения к месту своего рождения. Это находит себе многие пояснения. Но как же можем мы разгадать необъяснимое, властное влечение к какому-либо удаленному месту земного шара. Часто люди попадают туда как бы случайно. И вдруг находят себя опять-таки как бы в природной обстановке. Ведь никто не изгонял их из места их рождения. Никакие оскорбления или преступления не гнали их за далекие моря и горы. Значит, было какое-то другое основание, какой-то другой магнит, который заставлял их всем сердцем устремиться туда, куда и рассудок не мог бы посоветовать.

Такие влечения, они совершенно отличны от справедливого желания молодежи куда-то уехать, куда-то вырваться, где-то на новом воздухе расправить крылья. В час таких решений юный искатель даже не задается мыслью, куда именно ему хочется. Он лишь знает зовы, а может быть, и вопли сердца, влекущие его еще что-то узнать. Обычно благородные характеры выясняются в таких искателях. Они добровольно ищут какое-то испытание. Эти первые дни самостоятельности навсегда останутся для них маяком бодрости.

Мысленно шлем привет одному нашему американскому другу, который сейчас, в преклонных годах, с особенною живостью и ласковостью вспоминает свое первое путешествие в качестве юнги на корабле. Этот же деятель рассказывал мне, как, в свою очередь, он послал внука своего одного, верхом, от Тихого Океана к Атлантике, чтобы приучить десятилетнего мальчика к полной самостоятельности. Наверное, где-то по намеченному пути была незримая забота о юном путешественнике, но все же он должен был выполнить задание, предоставленный своей находчивости и разумности. А ведь передвижение по Америке при необыкновенно сложном и насыщенном движении иногда бывает полным всякими неожиданностями. При этом было даже наставление, чтобы всадник не только хранил свое здоровье, но и привел бы коня в добром состоянии. Наверное, такая поездка останется в памяти на всю жизнь.

Также все мы читали о молодых людях, бежавших в Америку за поисками новой жизни. И в таких случаях привлекало само передвижение, искание новых решений жизни, но все-таки это не было всегда нахождением желанного места, в котором хотелось бы сосредоточить труд и жизнь.

Иначе звучит рассказ об одном пятилетнем тибетском мальчике, который неоднократно, неудержимо уходил в какой-то свой дом. Малыш одевался как бы в дорогу. Привязывал себе на спину запас пищи и священную книгу, а затем находил удобный момент исчезнуть из дому. Когда же бросались его искать, то находили идущим по горным тропинкам. Его пробовали возвращать домой. Ему говорили, что он должен вернуться в дом свой. Но мальчик уверял, что он именно идет в свой настоящий дом, что дом, где он жил до сих пор, не его дом и что он должен спешить в свой настоящий дом, где он должен остаться. Мы проезжали это место как раз

во время четвертого ухода этого мальчика и не знаем, чем это кончилось в будущем.

Во всяком случае, это было какое-то непреодолимое влечение, и весьма возможно, что если оно осталось бы невыполненным, то малыш засох бы, как цветок без влаги. Изумительно было наблюдать, что пятилетний мальчуган так серьезно толковал о своем настоящем доме, в который он должен прийти.

Вот и Ливингстон, и Казати, и все те бесчисленные путники к дому своему, они засохли бы, если им не пришлось бы достичь своего назначения, так ясного их сердцу. При этом особенно поразительно то обстоятельство, что эти устремленные не искали только благорастворения природы, не стремились к какому-то благоустроенному жилью. Наоборот, их дом, их свой дом, бывал очень труден. Такой желанный дом бывал часто почти непереносим для их тела, и все же их дух ликовавал и чувствовал себя в назначении.

«Не по хорошу мил, а по милу хорош». Эта поговорка заглядывает глубоко. В ней подчеркивается внутреннее значение, которое превышает все внешнее. Если такой путник нашел свой дом, то бывает губительно отрывать его оттуда по каким-то внешним обстоятельствам. Никакие повышения служебные, никакие заманчивые выгоды не могут возместить человеку найденного им своего дома. Он не сделается членом народа или племени, среди которого находится этот его необъяснимый дом. Он привлекается туда не столько людьми, сколько всеми прочими обстоятельствами бытия. Ведь когда человеку хорошо, то обычно он даже не может объяснить словами, почему ему хорошо. Иногда это хорошее чувство возникает даже при очень трудных обстоятельствах.

Так же точно человек, встречая своих спутников или противников, часто не отдавая себе рассудочного объяснения, по глазам и по сердцу знает многое, что не может быть рассказано словами. Люди должны со всею бережностью относиться к таким влечениям. Они должны улавливать их даже в самых зачатках, чтобы не потушить и не раздробить их оковами рассудка. Если в человеке проснулось такое влечение, то можно извратить человека, можно навсегда его исковеркать, но ничем не удастся изъять из него то, что сердце его, что дух его знает.

Знаем и навсегда пораненных людей. Или кто-то когда-то не допустил их до своего опознанного дома. Или кто-то и что-то лишило их найденного спутника. Невежды считают такие влечения чепухой, предвзятостью, которую нужно прекратить всякими мерами. Эти невежды никогда не задумаются, откуда, по какой причине приходит его знание. Но зато можно видеть, какое огромное значение для всей жизни человеческой приносит нахождение этого своего опознанного дома, нахождение и своего сужденного, когда-то встреченного спутника. Если бы даже по каким-то причинам человек добровольно, для блага должен был бы временно разлучиться со своим домом, со своим спутником, то все же вся его деятельность, в течение временного отсутствия, пройдет под знаком совершившегося опознания.

Человек нашел свой дом, человек нашел спутника, человек укрепился давними магнитами, и тем яснее и звучнее может он приносить ближним своим великую пользу. Сердце знает, когда довлеет опять прикоснуться к каким-то другим домам и когда настанет час воодушевить каких-то других спутников. Такое сердечное чувствознание не обессилит человека, оно лишь преобразит его деятельность, и многие спросят себя, откуда берутся такие силы и такая уверенность? Они происходят от опознания желанного дома, от взаимоукрепления желанным спутником. Семья, воспитатели должны бережно относиться к каждому проявленному влечению. Дом может быть и очень близко, а может быть и за горами, и за долами. И спутник найдется тогда, когда ничем не отемнены истинные, сужденные влечения.

27 апреля 1935 г.

Цаган Куре

Встает передо мной нечто незабываемое из моей первой выставки в Америке. В одном из больших городов местный богач и любитель искусства приветствовал меня большим, парадным обедом. Все было и обширно, и роскошно, присутствовали лучшие люди города. Как всегда, говорились речи. Хозяин и хозяйка, оба уже седые, радушно и сердечно беседовали с гостями. Во всем была полная чаша, и хозяйка обратила мое внимание, что все комнаты убраны в синих и лиловых цветах, и добавила:

«Именно эти тона я так люблю в Ваших картинах».

После обеда одна из присутствовавших дам сказала мне:

«Это очень замечательный прием, — и пояснила: — Вероятно, это последний обед в этом доме».

Я посмотрел на мою собеседницу с изумлением, а она, понизив голос, пояснила:

«Разве Вы не знаете, что хозяин совершенно разорен и не дальше как вчера потерял последние три миллиона».

Естественно, я ужаснулся. Собеседница же добавила:

«Конечно, это тяжело ему, особенно принимая во внимание годы. Ведь ему уже семьдесят четыре».

Такое несоответствие услышанного со всею видимостью, а главное, с видимым спокойствием хозяев, было поразительным. С тех пор я стал интересоваться особенно их судьбою. Оказалось, через три месяца после этого обеда они уже жили в своем гараже. Казалось бы, все было потеряно, а через три года этот же деятель был опять в миллионах и жил в прежнем своем доме-дворце.

Когда я говорил его знакомым о моем удивлении, почему многочисленные друзья и, наконец, город, которому он пожертвовал так много, не помогли ему, мне сказали: «Во-первых, он не принял бы помощи, а во-вторых, такие бури жизни ему не впервые».

Этот последний разговор происходил в большом клубе, где в спокойных креслах около окон сидело много почтенных людей, читая газеты и беседуя. Мой собеседник, указывая на них, сказал:

«Все это миллионеры. Спросите их, сколько раз каждый из них переставал быть миллионером и вновь им делался».

А члены клуба продолжали спокойно читать и весело беседовать, как будто бы никогда никакие житейские бури не проносились над ними. Я спросил моего приятеля, как он объясняет себе это явление? Он пожал плечами и ответил одним словом:

«Стойкость».

Действительно, это понятие стойкости должно быть отмечено среди других основ, нужных в жизни. Мужество — одно, доброжелательство и дружелюбие — другое. Трудолюбие — третье. Неустанность и неисчерпаемость — четвертое. Энтузиазм и оптимизм — пятое. Но среди всех этих основ и многих других, так нужных, привходящих светлых утверждений, стойкость будет оставаться как нечто отдельное, незаменимое и дающее крепкое основание преуспеянию.

Стойкость вытекает из большого равновесия. Это равновесие не будет ни холодным расчетом, ни презрением к окружающему, ни самомнением, ни себялюбием. Стойкость всегда будет иметь некоторое отношение к понятию ответственности и долга. Стойкость не увлечется, не поскользнется, не зашатается. В тех, кто шел твердо до последнего часа, всегда была стойкость.

В наши дни смущений, многих разочарований, узких недоверий должно быть особенно

благословенно основное качество стойкости. Когда люди так легко впадают в самую непристойную панику, именно стойкий человек внесет здравые понимания и удержит многих от ужаса падения в хаос. Когда люди сами себя стараются убедить во всевозможных древних небывальщинах, именно стойкий человек поймет в сердце своем, где есть безопасный выход. Когда люди впадают в такое безумие, что даже краткий шквал им уже кажется нескончаемой бурей, именно стойкость напомнит и о соизмеримости.

Может быть, скажут, что стойкость есть не что иное, как благоразумие. Но будет вернее сказать, что из благоразумия порождается также и стойкость. Ведь в понятии стойкости уже есть совершенно реальное выражение. Стойкость нужна именно здесь, на земном плане, где так много обстоятельств, от которых нужно устоять. Потому-то так полезно среди множества понятий благоволения, сотрудничества и преуспевания усмотреть смысл и ценность стойкости. Недаром люди с особенным уважением всегда подчеркивают, как стойко человек выдерживал то или иное нападение, напряжение или неожиданные удары. Подчеркивается в таких случаях и зоркость, и находчивость, но всегда будет отмечена и стойкость как нечто положительное, прочно стоящее на чем-то осознанном. Как пример стойкости и выдержки вспоминается одна быль из Сан-Франциско.

Приехал иностранец. По-видимому, был богат. Был принят всюду в обществе. Приобрел много друзей. Укрепилась за ним репутация хорошего, доброго и богатого приятеля. Тогда он поехал к особо выказавшимся новым друзьям с просьбою одолжить ему десять тысяч долларов на новое дело. Произошло нечто любопытное, хотя и очень обычное. У всех его друзей нашелся достаточный предлог, чтобы отказаться или уклониться от этой просьбы. Мало того, в обществе сразу пробежало отчуждение и холодное отношение к нему. Тогда иностранец поехал к некоему человеку, который с самого начала относился к нему довольно холодно. Объяснил ему дело и просил десять тысяч. На этот раз была вынута немедленно чековая книжка и написана сумма. На следующий день иностранец вновь приезжает к тому же лицу. Тот спрашивает:

«Разве что-нибудь случилось, или Вы неверно вычислили цифру; может быть, она мала?»

Но иностранец достал из кармана вчерашний чек, отдал его хозяину и сказал:

«Деньги мне не нужны. Я лишь искал компаньона, которым и предлагаю Вам быть».

Всем же остальным так называемым друзьям, которые опять обернулись к нему, он сказал:

«Вы меня кормили обедами; помните: мой стол всегда накрыт для Вас». Мистер Л. в Сан-Франциско помнит это.

Сколько поучительных страниц дает сама жизнь. Воображение есть не что иное, как припоминание.

6 февраля 1935 г.

Пекин

«...Мне вообще хочется, чтобы все тяжкое и трудное, что стоит впереди меня и всего человечества, — чтобы все оно наступило скорее и чтоб единым духом все преодолеть для стремительного движения вперед, поскольку хватит сил. В прошлом и в настоящем много ужаса в мире. Чувствую, как сгущаются знаки кругом и как хочется крикнуть: «Скорее!» Больше и больше бунтует нетерпеливый дух. Не знаю, хорошо ли это».

Так пишет наш сотрудник, одаренный и вдохновенный. Его глаз, смотрящий по широкому горизонту, конечно, замечает все те нагромождения, от которых душно человечеству и хочется крикнуть: «Скорее!» Он же продолжает: «Говорят об усиленной заболеваемости. Недавно зубная врачиха удивлялась множеству воспалительных процессов. В Париже в конце мая — снег, в Токио — град величиною с двухкопеечную монету. Простой нехитрый мужичок недавно усиленно советовал моему знакомому уехать отсюда куда-нибудь, ибо — чуется его сердце, что так надо. Всюду — смятение».

Не только зубные врачи, но и врачи глазные, горловые и легочные — все говорят о большом количестве каких-то воспалительных процессов. Конечно, сердечные заболевания и всякие напряжения особенно обращают на себя внимание. Сотрудник спрашивает: получили ли мы книгу об Апокалипсисе? Мы не получили, но много Апокалипсиса происходит вокруг. Если возьмем передовой лист ежедневной газеты, то разве не видно на нем апокалиптических знаков? Только заведомо глухие и слепые не хотят видеть напряженность времени. А вот простой мужичок, как пишут, стремится хоть куда-нибудь уехать. Такое беспокойство сердечное всегда очень показательно. Все же более сознательные, конечно, не только хотят уехать куда-то, но определенно заклиная пространство кличем «Скорее!». Они-то понимают, что без каких-то разрешительных процессов нарывы и гнойники не вскроются, зараза будет лишь углубляться, заражая весь организм.

Опытный хирург, усмотрев опасное состояние зараженного организма, тоже восклицает: «Скорее, скорее!», чтобы не допустить распространения заразы. Ведь он знает, что если разложение достигло известных пределов, то его нужно немедленно прекратить. Если простой человек хочет просто уехать, хоть куда-нибудь, то в других сердцах это же мрачное предчувствие выражается подавленностью настроения. Кто-то говорил: «Пусть все пропадет». Но наш сотрудник в силу своего строительного характера вовсе не хочет, чтобы все пропало. Чутко и мудро он призывает: «Скорее, скорее!» Пусть операция будет уже в прошлом. Пусть явится еще одна возможность думать о будущем и стремиться к нему с обновленными грозою силами.

Люди разделяются на два типа в отношении восприятий грозных явлений. Одни тупо боятся и молнии, и грома. Они готовы нелепо спрятаться, зарыться в подушки, заткнуть уши, лишь бы не слышать этих прекрасных грозных разрядов. Другие же, наоборот, восторженно воспаляются духом, когда грохочет гром и сверкает молния. И в этот момент они менее всего думают лишь о себе. В них нет мысли: ударит ли в них молния или нет. Но те, которые зарываются в подушки от космических явлений, они-то, наверное, где-то думали о себе, о своей «драгоценной жизни».

Представьте людей такого типа в бою, и, наверное, вы увидите такую же растерянность и уклончивость. Они прикроются многими соображениями. Они скажут, что не идут вперед потому, что не имели времени обсудить, действительно ли им нужно подвергать себя опасности. Они не успеют вовремя, ибо найдут многие причины, почему им пришлось опоздать. Они очень находчиво изложат причины, почему они уклонились от действия, от подвига. Вероятно, в сердце своем они будут негодовать на те обстоятельства, которые призывали их к подвигу.

Извилисты пути всяких уклонений от добра. При этом не будут пощажены самые священные, великие основы. Если безумец может быть чрезвычайно находчивым и выносливым, если лунатик невредимо пройдет по узкому карнизу над бездной, то и безумие страха своеобразно преисполняет людей к такой же находчивости.

Но одно восклицание не будет у этих людей на устах. Они не скажут: «Скорее, скорее». Наоборот, они найдут всевозможные причины, чтобы промедлить. Конечно, по характеру своему они никогда не признаются в истинных своих побуждениях. Какие сказки и рассказы будут придуманы, чтобы не только оправдаться, но даже и очернить все, что не боится молнии и смело зовет: «Скорее». Этот тип людей или по природе своей, по далекому бывшему, уже привел себя в такое состояние. Но иногда оно является подражанием тому, что безвольные люди видели с малых лет в окружающем быту.

Может быть, мать, или бабушка, или дед боялись грозы. Или всякого передвижения. Может быть, ребенок видел, как кто-то от ужаса зарывался в перины или считал величайшим несчастьем переезд в новый дом. Сызмальства могли влезать в тайники духа эти безобразия ужаса. Если же не было обратных примеров яркого мужества, достоинства и справедливости, то нередко дух слабый подпадал всем отрицательным явлениям. Просто складывались дурные привычки.

Во всех просветительных делах прежде всего нужно всеми разумными мерами отучать от дурных привычек. Часто кажущаяся маленькая дурная привычка имеет в основе своей глубокое заблуждение. Такие привычки, такие заблуждения прежде всего излечиваются личным примером. Если заболевший организм еще излечим, то каждодневным примером можно изъять из него опасные микробы разложения.

Пушкин даже в зрелых годах благодарно вспоминал свою старую няню, которая рассказала ему многие прекрасные, зовущие вдаль сказки. А разве каждая сказка не имеет в основе своей быль, но такую чудесную, что она уже кажется за пределами возможности?

Когда говорится: «Не делать жалобных выводов из-за промедления», — это будет значить, что промедления и не было и оно было лишь кажущимся для нетерпеливого духа. Ничего худого нет в том, что дух к добру нетерпелив. Наоборот, это очень хорошо. Также хорошо сознавать, что кто-то не одинок в тягостях житейских, сознавать постоянную заботливость, это уже будет тою радостью, которою поистине должны быть наполнены сумерки быта.

Когда кто-то вопиет в ясном предвидении: «Скорее, скорее», — он уже знает, что, несмотря на всю суровость грядущего, оно проявит себя к добру, ко благу человечества. В таком «скорее» не будет безнадежности овцы, видящей нож над собою; наоборот, будет львиное устремление вперед, к подвигу, который как в земном, так и в надземном будет звучать тем же отважным торжественным призывом. Песнь песней. Песнь сердца! Именно в сердце рождается устремленный глас: «Скорее, скорее».

8 июня 1935 г.

Цаган Куре

Твердыня пламенная

В книге «Сердце» старая китайская сказка говорит о великане заоблачном и о карлике-пересмешнике. Уявлен великан, стоящий головою выше облаков, и карлик насмехается, что великан не видит мира земного. Но великан сносит все насмешки, говоря: «Если захочу, могу ползти по земле, но ты никогда не заглянешь за облака».

На одном университетском торжестве Крукс сделал известный доклад свой о мировоззрении с точки зрения великана и карлика. Ученый провел замечательные параллели преломления законов в возможностях антиподов. Также антиподные суждения образуются и около понятия творчества в личном преломлении. Но, как и во всем, лишь наибольшие меры соответствуют вершинному понятию жизни. Мысля о творчестве, надо признать наибольшее, наисветлейшее и наисвязующее.

Субстанция есть чувство. Также и творчество есть выражение сердечной энергии. Как прекрасно, когда эта могущественная энергия осознана, воспитана и приведена в действие. Сколько неосознанных и непримененных возможностей расплескивается в бездну хаоса. Не часто люди отдают себе отчет, что творчество выражается не только в механических проявлениях, но гораздо больше, могущественное вечное мысленно изливается во благо мира. Стрелы благие и прекрасные часто понимаются лишь как какой-то древний символ! О значении и мощи мысли начали думать так недавно! О сердце и излучениях наука лишь начинает мыслить!

«Дети, любите друг друга» — так заповедуют Высшие и Лучшие. Для любви надо открыть и воспитать сердце. Но где же доступ, кроме ключа Прекрасного? Духовность, религиозность, подвиг, героизм, доброжелательство, мужество, терпение и все прочие огни сердца — разве не расцветают они в Саду Прекрасном?

Не для слез и отчаяния, но для радости духа созданы красоты Вселенские. Но радость должна быть осознана, а без языка сердца где же раскинет радость светоносный шатер свой? Где же, как не в сердце, твердыня радости?

Осознавший область сердца неминуемо пристаёт к берегам творчества. Как бы этот путник духа ни выражал свое творительство, оно будет в основе своей тем же единым самоцветным камнем, о котором поют все лучшие сказания человеческие. Благочестивый мейстерзингер Вольфрам фон Эшенбах поет о том же драгоценном камне, о котором говорит и незапамятная мудрость Дао.

Ведь неизбежно нужно где-то и как-то встретиться! Ведь когда-то нужно покинуть звериные привычки. Ведь сердце-то тоскует по Храму Прекрасному, по Иерусалиму Небесному, по Светлому Китежу и по всем горним Обителям Духа.

Каждое отвращение от Прекрасного, от Культуры приносит разрушение и разложение. Наоборот, каждое обращение к культурному строительству создавало все блестящие эпохи Ренессанса.

«Повторять об одном и том же мне не тягостно, а для вас полезно», — пишет Апостол Павел. И звучит эта черта знания духа человеческого не как гробовой укор, но как улыбка мудрости. Именно до рисунка на мозгу нужно твердить о насущности Культуры. Нужно твердить во всех возрастах, во всех положениях, во всех народах.

Пока Культура лишь роскошь, лишь пирог праздничный, она еще не перестроит жизнь. Может ли сознание среди каждодневности обойтись без книг, без творений красоты, без всего многообразного Музейона — Дома Муз?

Культура должна войти в ближайший, каждодневный обиход как хижины, так и дворца. В

этом очищенном мышлении понятно станет, где оно самое нужное, неизбежное и где лишь наносы преходящих волн. Как благостно касание крыла Культуры, благословляющего колыбель на подвиг и несущего отходящего путника в просветленном сознании. В несказуемых, неизреченных мерах облагораживается он касанием Культуры. Не смутный, туманный оккультизм и мистицизм, но Свет Великой Реальности сияет там, где произошло просвещение Культуры.

С песнею входит друг. Художник являет качество духа своего в картине. Взаимно убеждаемся и радуемся на всех проявлениях творчества.

Если даже звери преклоняются перед звучанием, то насколько же оно нужно сердцу людей и в звуке, и в цвете, и в форме.

Не может человечество продолжать низвергаться по пути расчленения и ненависти, иначе говоря, спешить к одичанию. Стойте, стойте, уже и пропасть близка!

Соберемся вокруг понятия Культуры, вокруг Великого Служения Свету. Познавая единость Высшего Света, найдем и способность не укорять, не унижать, не злословить, но славословить Красоте Всевышней.

Разрушительная критика дошла до пределов. Словарь зла, и поношения, и унижения возрос до непереносимости. Но дух человеческий и в темнице своей взыскует о радости, о строении, о творении.

Помню, как Пюви де Шаванн находил искреннее, благое слово для самых различных произведений. Но не забуду, как известный художник Р. обходил выставку лишь с пеною поношения. Однажды бросилось в глаза, что Р. останавливается гораздо дольше около поносимых им произведений. По часам я заметил, что три четверти часа ушло на ругательство и всего одна четверть на радость. Провожая художника, я заметил:

«Знаю, чем задержать вас дольше! Лишь ненавистными для вас вещами». При этом ругательства Р. были весьма изысканны, а похвалы очень бедны и сухи. Конечно, в творчестве Пюви де Шаванн был несравненно выше Р. Не из благодати ли творческой исходила благость суждений Пювиса?

Зачем разделяться и злодействовать там, где заповедан общий восторг, общая радость творчества.

Бесчисленны от незапамятных времен заповеди о Прекрасном. Целые государства, целые цивилизации складывались этим великим Заветом.

Украсить, улучшить, вознести жизнь — значит пребывать в добре. Всепонимание, и всепрощение, и любовь, и самоотвержение создаются в подвиге творчества.

И разве не должны стремиться к творчеству все молодые сердца? Они и стремятся. Нужно много пепла пошлости, чтобы засыпать этот священный пламень. Сколько раз одним зовом «Творите, творите!» можно открыть новые врата к Прекрасному.

Сколько дряхлости сказывалось в ледящей программе: сперва научусь рисовать, потом перейду к краскам, а уже затем дерзну на сочинение. Бессчетно успевал потухать пламень сердца, прежде чем ученик доходил до запретной двери творчества!

Но зато сколько радости, смелости и бодрости развивалось в сознании с малых лет дерзнувших творить. Как заманчиво увлекательны бывают детские сочинения, пока глаз и сердце еще не поддались всепожирающим условиям стандарта.

Где же условия творчества? В непосредственности, в повелительном трепете сердца, позвавшего к созиданию. Земные условия безразличны для призванного творца. Ни время, ни место, ни материал не могут ограничить порыв творчества. «Хоть в тюрьму посади, а все же художник художником станет», — говаривал мой учитель Куинджи. Но зато он же восклицал: «Если вас под стеклянным колпаком держать нужно, то и пропадайте скорей! Жизнь в

недотрогах не нуждается!» Он-то понимал значение жизненной битвы, борьбы Света со тьмою.

Пришел к учителю с этюдами служащих; художник похвалил его работы, но пришедший стал жаловаться: «Семья, служба мешают искусству».

«Сколько вы часов на службе?» — спрашивает художник. «От десяти утра до пяти вечера». — «А что вы делаете от четырех до десяти?» — «То есть как от четырех?» — «Именно от четырех утра». — «Но я сплю». — «Значит, вы проспите всю жизнь. Когда я служил ретушером в фотографии, работа продолжалась от десяти до шести, но зато все утро от четырех до девяти было в моем распоряжении. А чтобы стать художником, довольно и четырех часов каждый день».

Так сказал маститый мастер Куинджи, который, начав от подпaska стада, трудом и развитием таланта занял почетное место в искусстве России. Не суровость, но знание жизни давало в нем ответы, полные сознания своей ответственности, полные осознания труда и творчества.

Главное, избегать всего отвлеченного. Ведь, в сущности, оно и не существует, так же как и нет пустоты. Каждое воспоминание о Куинджи, о его учительстве как в искусстве живописи, так и в искусстве жизни, вызывает незабываемые подробности. Как нужны эти вехи опытности, когда они свидетельствуют об испытанном мужестве и реальном созидательстве.

Помню, как после окончания Академии художеств Общество поощрения художеств пригласило меня помощником редактора журнала. Мои товарищи возмутились возможностью такого совмещения и прочили конец искусству. Но Куинджи твердо указал принять назначение, говоря: «Занятый человек все успеет, зрячий все увидит, а слепому все равно картин не писать». Помню также, как однажды Куинджи раскритиковал мою картину «Поход». Но полчаса спустя он, сильно запыхавшись, вновь поднялся в мастерскую: «Вы не должны огорчаться, пути искусства бесчисленны, лишь бы песнь шла от сердца», — улыбаясь говорил он.

И другой мой учитель, Пюви де Шаванн, полный благожелательства и неистощимого творчества, мудро звал всегда к самоуглублению, к труду и к радости сердца. Не погасла в нем любовь к человечеству и радость творения; а ведь первые шаги его не были поощрены. Одиннадцать лет его картины не были принимаемы в Салон. Это был достаточный пробный камень величия сердца!

И третий мой учитель, Кормон, всячески поощрял меня к самостоятельной работе, говорил: «Мы становимся художниками, когда остаемся одни».

Благословенны Учители, когда ведут они благою, опытною рукою к широтам горизонта. Сладостно, когда можем вспоминать Учителей своих со всем трепетом сердечной любви.

Учительство старой Индии, углубленное понятие Гуру — Учителя особенно и трогательно, и вдохновительно. Именно вдохновительно видеть, что свободное, осознанное почитание Учителя существует и до сего дня. Истинно, оно составляет одну из основных красот Индии. Без сомнения, то же понятие жило и среди старых мастеров Италии и Нидерландов, и среди русских иконописцев. Но там сейчас оно уже в прошлом, тогда как в Индии оно еще живет и не умрет, надеюсь.

Всякое духовное обнищание стыдно. Из тонкого мира печально смотрят великие мастера, жалея о неразумно затрудненных возможностях. В «Духовных ценностях», в «Переоценке», в «Огне Претворяющем» мы достаточно говорили обо всем том, что не должно быть утеряно на перепутьях и перекрестках. Но не могу не вспомнить покойного друга моего, поэта Блока, и его глубокие слова о Несказуемом. Блок прекратил посещение религиозно-философского общества, ибо: «Там говорят о Несказуемом». Именно, есть предел слов, но нет границы чувств и вместимости сердца. Всюду прекрасное. Все путники добра, все искатели искренние приставали к этому берегу. Как бы ни ссорились, как бы ни озверели люди, они все же объединенно

замолкают при звуках мощной симфонии и прекращают препирательства в музее или под сводами Парижской Богородицы.

Та же любовь сердца вспыхивает, когда мы читаем о молниях красоты во всех заветах.

Трогательный персидский апокриф о Христе. «Когда проходил Христос с учениками, на пути оказался труп собаки. Отшатнулись ученики от тления. Но Учитель и здесь нашел красоту и указал на белизну зубов животного».

В час отхождения вспоминает Будда:

«Как прекрасна Раджагриха и скала Коршуна! Прекрасны долины и горы. Вейсали, какая это красота!»

Каждый Бодхисаттва среди прочих своих выявлений должен быть совершенен и в искусстве.

Говорит рабби Гамалиель: «Изучение закона есть благородное дело, если оно соединяется с каким-либо искусством. Занятие ими отвлекает нас от греха. Всякое же занятие, не сопровождаемое искусством, ни к чему не приводит». А рабби Иегуда добавляет: «Не учащий сына своего искусству готовит из него грабителя на большой дороге». Спиноза, достигнув значительного совершенства в искусстве, поистине отвечал завету гармонизации и облагораживания духа.

Конечно, и высокие заветы Индии утверждают то же основное значение творческого искусства. «В древней Индии искусство, религия, наука были синонимами Видья, или Культуры». «Сатьям, Шивам и Сундарам, или Вечное Троичное выявление Божественности в человеке, Непреложное, Благостное и Прекрасное».

Вспомним Музейон — дом Муз — Пифагора, Платона и всех тех великих, которые понимали краеугольные камни основ жизни. Плотин — о Прекрасном!

Из глубин тяжких переживаний Достоевский взывает: «Красота спасет мир!» Ему вторит Рескин, одухотворяющий камни прошлого. Знаменитый Иерарх, смотря на картину, восклицает: «Молитва земли небу!»

Старый друг всех творящих искателей Леонардо да Винчи говорит:

«Тот, кто презирает живопись, презирает философское и утонченное созерцание мира, ибо живопись есть законная дочь или, лучше сказать, внучка природы. Все, что есть, родилось от природы, и родило, в свою очередь, науку о живописи. Вот почему говорю я, что живопись внучка природы и родственница Бога. Кто хулит живопись, тот хулит природу».

Живописец должен быть всеобъемлющ. О художник, твое разнообразие да будет столь же бесконечно, как явление природы. Продолжая то, что начал Бог, стремись умножить не дела рук человеческих, но вечные создания Бога. Никому никогда не подражай. Пусть будет каждое твоё произведение как бы новым явлением природы».

«Упрямая суровость» Леонардо, разве не была она укреплена ясною радостью о дальних мирах, непоколебимую молитвою сердца в Беспредельности?!

Сколько лучших людей утверждало о молитве сердца, о молении красотой, о красоте творчества, о победах Света! Со всех земель, от всех веков все заповедует о значении творчества как ведущего начала жизни. Древние памятники сохранили славные лики Египта, Индии, Ассирии, майев, Китая; все сокровища Греции, Италии, Франции, Бельгии, Германии разве не являются живыми свидетелями о значении высокого творчества!

Как чудесно, что и сейчас, среди всяких духовных и материальных кризисов, мы можем утверждать царство Прекрасного. Притом можем это не как отвлеченные идеалисты, но именно вооруженные опытом жизни, укрепленные всеми историческими примерами и духовными заветами.

Вспомнив о значении творчества, человечество должно вспомнить и о языке сердца.

Разве не этим языком созданы Притчи Соломона, и псалмы, и Бхагавад-Гита, и все пламенные заветы отшельников Синаитских?

Прекрасно сознавать, что все заветы ведут не к разделению, не к ограничению, не к одичанию, но к восхождению, и укреплению, и очищению духа!

Д-р Бритон напомнил мне, что, отъезжая из Америки в 1930 году, я сказал ему: «Берегитесь варваров». С тех пор многие варвары ворвались в области Культуры. Под знаком финансовой подавленности совершались многие неисправимые злодеяния.

Списки темных подавителей, как скрижали стыда, неизгладимо запечатлелись на хартиях образования и просвещения. Некультурные ретрограды бросились урезать и искоренять многое в области образования, науки, искусства!

Стыд, стыд. В Чикаго будто бы нечем заплатить городским учителям. В Нью-Йорке церковь продана с аукциона. В Канзас-Сити продан с торгов Капитолий. А сколько музеев и школ закрыто! А сколько тружеников науки и искусства выброшено за борт! Но все-таки на скачки приехало пятьдесят тысяч человек! Стыд, стыд!

Камни древних памятников могут возопить против всех отступников от культуры, которая была истоком всего благословенного и драгоценного. Попиратели Культуры, разве не попирают они свое собственное благосостояние? Даже слепые видят больше этих затемненных служителей тьмы.

«Берегитесь варваров!»

Все же не на изменчивом денежном знаке можем сойтись. Все-таки можем соединиться лишь на ступенях Культуры, во имя всего вдохновенного, творческого, прекрасного. Все же благим и благородным делом будет поддержание всего творческого и просвещенного. Входя на эти ступени, мы и сами просвещаемся.

Собираясь вокруг знака Культуры, вспомним, как мы обращались к Женщине: «Когда в доме трудно, тогда обращаются к женщине. Когда более не помогают расчеты и вычисления, когда вражда и взаимное разрушение достигают пределов, тогда приходят к женщине. Когда злые силы одолевают, тогда призывают женщину. Когда расчетливый разум оказывается бессильным, тогда вспоминают о женском сердце...»

И теперь трудно во всемирном доме Культуры. И опять надемся, что сердце женщины поймет боль о творчестве, о культуре. Поймет она боль о духовных сокровищах и придет на помощь во всех областях Прекрасного.

Молодежь не должна воспитываться на воплях отчаяния. Когда мы писали о сужденных садах прекрасных, мы вовсе не завлекали в призрачные области. Наоборот, мы звали в твердыни, утвержденные жизнью.

Особенно в дни трудные мы должны твердить молитву сердца о прекрасном. Мы должны помнить об общедоступности этого прекрасного.

Стать из пастушонка почитаемым мастером, как Куинджи, или из захолустного крестьянина светилом науки, как Ломоносов, ведь было не легко. Ничто не помогало, казалось бы! Наоборот, все были против, и тем не менее «Свет победил тьму».

В детстве мы любили книгу Гастона Тиссандье «Мученики науки». Должны бы быть изданы и книги «Мученики духа», «Мученики искусства», «Мученики творчества».

Жизненные драмы Ван-Гога, Гогена, Райдера, Врубеля, Мареса и множества мучеников за Прекрасное составили бы еще один незабываемый завет, ведущий юношество.

Когда перелистываю книгу «Строители Америки», сколько прекрасных, убедительных примеров встает навсегда в памяти. Эдисон, Белл, Форд, Армор, Карнеги, Истман, Шифф, Хаммонд — целое воинство самоделов и самоцветов. Сколько земных потрясений прошли они, лишь утверждая истину непобедимости труда и творчества. Раскрывая историю искусства

Америки, разве не умилимся сильным характерам Райдера, Сарджента, Уистлера, Тера, Беллоуза, Рокуэлла Кента, Джайлса, Дэвиса, Мельчерса и всех тех, кто своим творческим достижением складывал стены Капитолия Славы Америки.

«Признательность есть добродетель больших сердец». Не только вспомним славные имена с благодарностью, но вооружимся всем их опытом для противостояния всем разрушительным силам тьмы.

Опыт творчества кует те непобедимые «оружия Света», о которых говорит Апостол.

Сейчас именно час спешный, когда нужно запастись всем бывшим опытом, чтобы не отступить от твердынь Культуры.

Сейчас время осознать все духовное сокровище творчества, чтобы этим «оружием Света» отразить темные силы невежества и двигаться безбоязненно.

Разве не радость, что мы можем, не стесняясь фракциями, обращаться к каждой искренней художественной группе с сердечным приветом, говоря:

«Все-таки теперь, после всевозможных разъединений, дух человеческий опять оборачивается к положительному построению, в котором ценно каждое искреннее сотрудничество. Разве не растут на весеннем лугу цветы всевозможные, великолепные своим разнообразием? Это творческое разнообразие в аромате своем разве не являет Праздник Весны, почитаемый всеми народами от времен незапамятных!

Ничто не заменит Божественного разнообразия. Также и в земном отражении Божественности, в искусстве, разнообразие означает щедрость народного духа. Среди смятений человечества тем яснее ощущаем ценность творчества.

Пусть звучит строительство и прекрасное желание Блага, иначе говоря, то именно, что должно лечь в основу всех действий культурного человечества. Каждому мыслящему тесно в условиях разделенных, страшных в ничтожестве своем, душно от смрада невежества, от яда некультурности, которые разлагают и отравляют все сущее.

Все, кому дорого достоинство человеческое, все, кто стремится к поистине сужденным совершенствованиям, естественно, должны работать вместе, отбросив, как постыдную ветошь, словарь злобы и лжи и памятуя, что в словаре Блага много не отвлеченных, но действительно жизненно применимых понятий. И как неотложно должны прилагаться понятия в жизни, чтобы слово перестало быть звуком пустым, но являлось бы действенным укрепителем творческой мысли.

Каждый стремящийся ко Благу знает, насколько ценны и все так называемые препятствия, которые являются для мужественного духа силомерами и в нагнетении вырабатывают лишь новую и преображенную энергию.

Ведь не вчерашний день утверждается. Можно утверждать лишь осязательность Будущего. Покуда сами мы, в сердце своем, не убедимся в этом светлом, созидательном Будущем, до тех пор оно будет оставаться в туманной отвлеченности. Для Будущего насаждались деревья при путях и ставились путевые вехи. Не стал бы строитель пути складывать памятные столбы, если бы в сердце своем не знал, куда должен вести путь этот.

Говорим — путь поведет к знанию, к Прекрасному, но ведь знание это будет освобожденным от предрассудков, будет нестесненно преследовать цели Блага. Говорим — путь этот поведет к красоте; и не роскошь, не прихоть, но надобность ежедневную, воздух сердца составят стремление и осуществление Прекрасного на всех путях. Не убоимся понятия действительности. Устремившиеся мужественно знают все условия пути.

Как говорят Мудрые, перед отходом не произносят дурных слов. Слабые скажут: истомилось сердце, но не истомится и не переполнится то, что живет в Беспредельности любви, в ведущем познании, в дисциплине духа и во всей красоте. Нагнетением, нагружением сердца

умножаем опыт. Будем напутствовать себя словами прекрасной Мудрости Востока:

«Утомляйте Меня ныне, нагружайте лучше, подав тягость Мира, но умножу силы.

Слышишь ли: тягость расцветет розами и трава облечется радугою утра.

Потому утомляйте Меня. Когда иду в Сад Прекрасный, не боюсь тягости».

В Мудрости все реально — и утро реально, и Сад Прекрасный реален, и нагружение и тягость Мира, и преображенный подвиг тоже действительны.

Нельзя лучше заключить настроение о творчестве, как словами обращения гр. А. Толстого «К Художнику»:

Слух же духовный сильней напрягай и духовное зренье.

И как над пламенем грамоты тайной

Неясные строки вдруг выступают,

Так выступят вдруг пред тобою картины.

Станут все ярче цвета, осязательней краски,

Стройные слов сочетанья в ясном сплетутся значенье.

Ты ж в этот миг и смотри и внимай, притаивши дыханье,

И созидая потом, мимолетное помни виденье!

24 июля 1932 года.

Гималаи

Риши Нарада принял на себя тяжкую миссию великого спорщика, вызывателя обмена мнений, тем противоположно выявляя силу благого подвига. Многократно история древности в разнообразных проявлениях дает нам значение противодействующей силы добру, как сознательное вызывание напряжения энергии для роста творчества. Кузнец нуждается в наковальне, чтобы выковать меч, который послужит оружием подвига. Тягота наковальни, напрягающей благие удары, так же значительна, как и тягость гигантов, поддерживающих ношу мира.

Было бы неосмотрительно относить эти явления сознательного противоположения добру лишь в область зла. Зло, как таковое, может быть обеспокоено этими проявлениями не меньше, нежели проявлениями Абсолютного Блага. Ведь зло понимает значение подосновы добра; эта подоснова входит как ближайший инструмент строительства, тогда как злобное начало имеет в виду лишь разложение для умножения хаоса. Если добро из себя представляет высшее искусство для искусства строения, то и сознательное зло тоже в не меньшей мере желает разложить и разрушить во имя самого разложения, ибо разложение сопровождается тлением. Тьма питается тлением.

Когда мы говорим о врагах, и не только говорим, но и чувствуем все натиски их, осмотрим же их пристально, чтобы не ошибиться, где именно наковальня, а где тление и разложение. Во многих внешних приемах эти два понятия могут быть довольно сходны, но по своему внутреннему значению они, как показывает всегда ближайший срок, совершенно различны.

Так называемая подоснова добра усиливает искры ковки меча и затем сама, как таковая, исчезает часто бесследно, претворяясь в объеме порожденного строительного блага. Но сознательно злая сила не претворяется, оставаясь самой в себе злодействующей постоянно, оставляя несомненнейшие следы яда разложения, порождая в конце концов хаотичность и инертность.

Что же нужно порождать злу? Ведь не твердыни подвига, но смрадное тление; ему нужно превращать дух человеческий в червей пресмыкающихся, своею кишачею слизкою бесформенностью засасывающих то, что уже начинало оформляться из хаоса. Конечно, каждому ясно, как трудна и длительна в процессе своем задача оформления хаоса; и как сравнительно скоро совершается постыдный процесс инволюции в первобесформие.

Приложим все сказанное к нашим обстоятельствам. Не нужно думать, что я стал бы хотя в какой-либо мере сопоставлять задачу Риши Нарады с вымогательными действиями сеятелей тьмы. Но пусть эти невежды окажутся тем «туркой» на ярмарке, который стоит, предлагая попробовать о него силу удара. Пусть это будут просто «силомеры» и по-своему послужат утверждению благих начал.

Поистине разнообразны пробные камни и строительные материалы. Какие только трубы и какой щебень и мусор находят себе применение в стенах здания с ведома строителя! При этом не начнем радоваться количеству представившихся нам силомеров. Ведь на ярмарках только прохожие кичатся тем, что их удар заставил «турку» высунуть язык. Строителям нет дела до того, какие именно судороги пробегают по лицам невежд. Даже судорога лишней раз заставит их подумать о чем-то таком, что иначе, может быть, и не пришло бы на ум. Строителям же нужно спешить дальше, чтобы зимние дожди и ураганы не заставали постройку без покрытия.

Одно дело попытки силомеров, но совершенно другое дело чье-либо небрежение, оставившее на ночь ворота постройки незапертыми. Пусть Водящая Воля посылает столько силомеров, сколько нужно для утверждения дел, но не будем покушаться на трату чьей-то

энергии лишь вследствие какой-либо забывчивости или легкомысленности.

Большая и прекрасная ответственность заключается в том, чтобы, мудро используя силомеры, не допустить со своей стороны небрежность и неуважение к тому, что мы сами считаем в пределах желанной Культуры. Если мы возьмем историю целых государств, что же мы увидим: терпели ли они ущерб лишь от внешних врагов или же, прежде всего, содействовали умалению и разрушению своими собственными внутренними мерами? «Ищите ближе» — так сказано самими Мудрыми. Зачем возлагать столько надежд и обвинений на силомеров, нет ли в доме у самого очага каких-то способствующих затруднениям обстоятельств?

Когда древние заповедовали: «Держите очаг чистым, держите его священным», ведь это не было только кухонное соображение! Ведь это было одно из мудрых указаний о значении всего внутреннего, которое многими наслоениями, часто в отдельности почти незаметными, ведет к несмыслимому и часто суровым последствиям.

Итак, прежде всего, ищите ближе! Если же кто-либо вместо того, чтобы заставить «турку» высунуть язык, безрезультатно разобьет о него свой кулак, пусть пеняет не на силомер, а на неправильность или на недостаточность удара своего; даже на ярмарках более опытные прохожие, прежде нанесения удара, присматриваются, чтобы соизмерить и не сделаться посмешищем гуляк. Когда воины обучаются рубке меча на глиняных чурбанах, сколько раз можно видеть, как неопытный рубака ломал оружие свое о мягкую глину без всякого результата. При этом опытный наблюдатель замечал: «Эх ты, простак, чего рубишь, как дровосек, не в силах дело, но в ее искусном приложении». А сломавший оружие новичок долго недоумевает, как это могло случиться, чтобы его отточенный клинок преломился о такое мягкое вещество? Но скоро он узнает, насколько труднее рубить гнущиеся прутья, нежели сухую дубовую ветку. Итак, в мирных настроениях помните и военные примеры. Ведь стратегия была изобретена из жизни, а вовсе не извне. И, в конце концов, опять — ищите ближе. А в особенности тогда, когда хотите посмотреть вдаль.

Благо — не бесформенность, не мягкотелость, не день вчерашний. Благо — устремленность, построение, но не мозговое только, а сердечное, во всей сердечной Беспредельности. И в этой Беспредельности столько находит себе новые места. Именно сердце в широком понимании оценит, где неоспоримое строение и творчество.

Агни насыщает сердце! Искра — от удара! Удары — двигатели!

Окончим из книги «Мир Огненный»:

«Зерно духа как бы нуждается в ударах укрепляющих. Мертвенное благополучие и прожигание бесцельное жизни — действие, противное природе. Люди не могут постигать целительного свойства подвигающих ударов, как бы разрядов двигателей. Вспышки энергии двигают человечество. Нужно познать, насколько начинает действовать Агни лишь при движении энергии. Можно наблюдать много примеров в природе, но люди предпочитают изъять себя из закона единства. Правда, что без понимания будущего удары-двигатели непонятны. Они могут породить сетования и уныние. Потому так нужно постижение основ самоусовершенствования для великого будущего. Устремление к будущему уже будет означать проявление Агни. Не думайте, что излишне твердить об Агни и о будущем. Нужно примирить младенца с его первой болью. Явление сетования уже значит непонимание задачи жизни. При ударах-двигателях особенно трудно познать их истинное значение. Но начало подвига есть уже признание ударов-двигателей. Пусть не забудем формулу ударов-двигателей».

1932 г.

Гималаи

Терпимость

Надпись царя Ашоки гласит: «Не унижение других верований, не беспричинное обесценивание других, но надлежит воздание почитания всем верованиям за все, что в них достойно почитания». Великий Акбар с мудрой Джод-бай, создавая храм Единой Религии, мыслили о том же великом вмещении, преисполняясь терпимости.

Когда Бхагаван Рамакришна принимал участие во всех религиях и выполнял работы всех каст, он делал это для того же великого чувства уважения ко всему существу, во имя великой терпимости, которая открывает Врата к светлым построениям Будущего. И Преподобный Сергей, предлагая великому князю прежде военных действий истощить весь запас мирных предложений и дружественной находчивости, делал это во имя того же великого Завета. Разве не оставляет во всех нас одно и то же тягостное чувство всякое проявление тупой нетерпимости? Разве не довольно всех бесчисленных примеров истории, когда величайшие наследия разрушались невежественной нетерпимостью? Ведь это темное порождение можно связывать мысленно лишь с невежественностью, дочерью тьмы.

«Агни-Йога» в отделе «Сердце» говорит: «Нетерпимость есть признак низости духа. В нетерпимости заключаются задатки самых дурных действий. Нет места явлению роста духа, где гнездится нетерпимость. Сердце неограниченно, значит, какое же скудное сердце должно быть, чтобы лишиться себя беспредельности! Нужно искоренять каждый признак, который может вести к идолу нетерпимости. Человечество изобрело разные преграды к восхождению. Темные силы всячески пытаются ограничить эволюцию. Конечно, первым натиском будет действие против Иерархии.

Слышали все о силе Благословения, но по невежеству превратили это благодатное действие в суеверие. Между тем сила магнита и есть усиление Благословением. Много говорят о сотрудничестве, но при каждом созидании нужно утвердить сознание. И что же непосредственнее укрепляет мощь, нежели луч Иерархии!»

Действительно, поучительно видеть, против чего прежде всего устремляется тупая нетерпимость. Прежде всего ненавидит она сотрудничество и Иерархию. В ее низком понятии мощное слияние сотрудничества с Иерархией делается совершенно несовместимым, между тем на чем же ином можем мы строить преуспевание? Особенно странно видеть, как преисполненные нетерпимости, сами того не замечая, они устанавливают свою Иерархию. Если даже она будет Иерархией разрушения, то все же она останется как таковая. Иерархия темных есть тирания, тогда как Иерархия Света прежде всего основана на сознательном сотрудничестве. Тирания — насилие, страх, ужас, рабство. В истинной Иерархии созидательство, в котором каждая положительная способность находит свое применение и растет в постоянном совершенствовании.

Не подумает ли кто, что и мы допускаем нетерпи-... [В 1-м и во 2-м изданиях данной книги дальше ошибочно следовала вторая строчка следующего абзаца. Как в действительности заканчивалось предложение, пока установить не удалось. (*Прим. ред.*)]...мечено является основой разложения, становится вратами к хаосу. Кроме того, терпимость вовсе не означает терпимость зла и преступности, но, конечно, будет распространяться по всем бесчисленным отраслям созидания.

И не будем относить понятия терпимости или нетерпимости в какие-то высшие, абстрактные сферы. Не будем сопричислять их и к чему-то громадному, великому, за пределами обыденности. Зачем так далеко, когда оба свойства выражаются именно в обиходе каждодневности. В малых обыкновенных действиях следует искать выражения нашей сущности.

«На это сказал Иисус: «Некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставивши его едва живым.

По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо.

Так же и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо.

Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился, и подошел, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе.

Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?

Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же» (Евангелие от Св. Луки, 10, 30–37).

Не с престола возливал милосердный самаритянин свой целебный бальзам в раны неизвестного путника. Нет, библейский пример дан в окружении обычности. Пустынная дорога, погибающий одинокий раненый. Немало людей обошли раненого и поспешили скрыться. Ведь кто знает, кто он таков? Может быть, не нашего вероисповедания? Может быть, помощь ему вовлечет в неприятную историю? Один из служителей церкви признался, что не мог помочь больной, ибо не знал, к какой вере принадлежит она. Но самаритянин своим примером укорил всех ханжей нетерпимости. Да и Святой Мартин, когда отдал плащ свой нагому нищему, вряд ли предварительно учинил допрос о вере и общественном положении.

Примеры всех Заветов говорят о высшей, прекраснейшей терпимости.

Нетерпимый человек, прежде всего, и не милосерден, значит, и не великодушен и не знает доверия. Всякий зачаток нетерпимости должен быть искореняем с детства, с первых дней пробуждения сознания. Опытный воспитатель должен подмечать, в чем проявится первое отрицание, и немедленно заменить его действенным вмещением. Какое множество предрассудков и суеверий будет изъято из жизни! Сколько новых приветливых взглядов и сердечных сочувствий будет создано! Сколько домашних драм будет разрешено благостными заветами всевмещения!

В каждой школе, по любой специальности, с первого же дня терпеливо и заботливо будет вводиться просвещенное всевнимание и вмещение. Безысходность, исчадьё нетерпимости, заменится беспредельностью познавания и созидания. Темное «нельзя» заменится светлым «можно», облагороженным истинным просвещением.

Стары напоминания о нетерпимости, как первые страницы Заветов, но невнимание к ним делает их новыми, точно бы сложенными на день завтрашний. Как немного усилий требуется, чтобы это завтра оказалось сияющим многими достижениями, возможными при сердечном сотрудничестве.

Даже и в наше нетерпимое время возможны такие объединительные учреждения, как всемирный Почтовый союз или Красный Крест. Никто из самых нетерпимых ханжей не протестует против этих учреждений. Значит, какой же незначительный сдвиг сознания требуется, чтобы достичь и всего прочего доверия и сотрудничества. И разве это так трудно?

Псалмы и песни народные издревле воспевают самые объединительные чувства человеческие, самые лучшие подвиги. Молодые очи, разве не сияют они от слова о подвиге прекраснейшем? И никакою машиною, никаким стандартом не задавить священный трепет сердца перед прекрасною беспредельностью. Пусть в школах еще больше говорят о подвиге, о великодушии, о творчестве мысленном и действенном. Маленький сдвиг покажет из-за тени сияние света. И превратится сдвиг в подвиг.

Вспомним поучительный пример китайской легенды о художниках. «Знаменитый художник был приглашен ко двору императора, чтобы написать возможно лучшую картину свою. Велики

были затраты на оплату и на издержки приезда художника, но Покровитель Искусства император хотел иметь его лучшее произведение и предоставить все лучшие условия. Художник назначил срок в течение одного года. В отведенном ему помещении художник проводил день за днем в сосредоточенном обдумывании, так что наконец придворные обеспокоились, когда же, наконец, начнется сама картина. Все материалы были давно приготовлены, но художник, видимо, и не думал приступать к заполнению холста. Наконец спросили художника, ввиду приближения окончания срока, им назначенного, но он сказал: «Не мешайте». И за два дня до окончания года он встал и, быстро принявшись за кисти, закончил лучшее свое произведение, сказав после: «Сделать не долго, но нужно раньше увидеть то, что делаешь».

Казалось бы, уже достаточно много времени прошло, чтобы человечество могло увидеть всю непрактичность, низость и ничтожество нетерпимости. Будем надеяться, что многие века уже научили увидеть и осознать этот вред, взаимно непрестанно наносимый. Будем думать, что, по Завету мудрого китайского художника, — «увидеть долго, но сделать быстро». И так сдвиг опять может превратиться в подвиг.

А чтобы не огорчаться на пути к подвигу, можно вспомнить известное многоопытное изречение Благословенного. Когда Ананда спросил, зачем тратить дыхание перед собранием, которое не желает понять поучение, Благословенный сказал: «Зима приходит. Если кто и не думает о ней, она, тем не менее, придет. Ничто не мешает мне посвящать себя проповеди истины, даже если кто-то не нуждается в том, что я говорю».

1932 г.

Гималаи

Воистину, слеп тот, кто не хочет видеть.

Среди практических занятий по римскому праву наш старый профессор как-то дал задание о преследовании клеветы. Обсуждая этот предмет, мы пришли к заключению, что клевета и диффамация в существе своем карались сравнительно мало. При этом мы спросили профессора — почему ни в одном законодательстве не карался произнесенный ложный факт. Помню, как добродушный профессор улыбнулся, воздел руки кверху и сказал: «Тогда пришлось бы посадить в тюрьму девять десятых всего мира».

Эти мечты студентов об ограждении человечества от ложных фактов рано или поздно опять вспоминаются. Само нагромождение разрушительных для человечества обстоятельств точно бы указывает, насколько следует обратить внимание на глубочайшие целые океаны ложных измышлений, в большинстве сознательно направленных ко злу.

Никакие современные законодательства, если бы даже и пытались иногда преграждать вредоносную клевету, не в силах бороться с шептанием лжи. Кто-то скажет, что это та же клевета, но очень многие подобные злошептания не подойдут под статью о клевете и, тем не менее, будут рассадником, в высшей степени вредоносным. Даже если мы постараемся не обращать внимания на всякую ложь, которую, как птицы, щебечут люди, вообще не давая себе отчета, какие страшные приговоры иногда заключаются в веселом щебетании гостиных, то тем вред не уменьшится. Но, кроме этих безответственных щебетаний, в мире разрослось множество заведомо ложных измышлений, имеющих единственную и вполне осознанную цель — определенного вреда разложения и опустошения.

Если бы начать перечислять встреченные каждым из нас факты такой заведомой вредоносности, то составила бы огромная книга зла; также на сцене иногда показывают делание слепков замка для поддельных ключей, чем внушают слабовольным зрителям разные вредные идеи. Перечислять вредоносные измышления было бы само по себе уже вредно, но нужно дать себе труд, хотя иногда, подумать, сколько заведомой лжи шествует в жизни, разрушая на своем пути самые ценные, а часто и незаменимые возможности.

Из храма люди стали выходить обновленными для новой клеветы. Звуками песнопений стала поощряться душа к злословию. Лучший героизм драмы стал побуждать к подозрениям. И молитва не становится ли угрозою? Так ли? Хорошо ли?

Для смертельности яда змее не нужен гигантский рост; мала ехидна и змейка коралловая. Пагубен яд даже малого скорпиона.

Об обмане думает обманщик. О предательстве предусматривает предатель. Об ужасах терзается трус. Каждый по-своему. Скажи, о чем думаешь, и я скажу, кто ты есть.

Конечно, если законы должны ограждать безопасность граждан, то ясно, что и законы против клеветы и лжи должны быть постепенно усиливаемы. Если человечество видит, что поток зла очень изобретательно увеличивается, то странно было бы бороться с ним средствами древнего римского права, Кодекса Юстиниана или даже Кодекса Наполеона, которому частично подражали многие последующие законодатели.

Если зло создало свои новые формулы, то ведь и противодействие должно быть постоянно обновляемо.

«Воспитанные» дети должны ничего не желать, ни к чему не стремиться и притупить все свои творческие устремления, слепо следуя стандарту воспитателей, которых, в свою очередь, никто никогда не учил ничему благому и творческому.

Пыльны серые одежды, в которые мы закутали Этику и всякое светлое творчество! Они

нашли себе ярких заместителей в виде осуждений, злоречий и распространения ложных измышлений. Странно наблюдать, насколько оживляются лица при одном приближении ложного измышления. Как обогащается словарь, и самый молчаливый гость становится чуть ли не оратором. При этом не тогда, когда он сам введен в заблуждение, но именно тогда, когда он отлично понимает, что он лжет.

Изобретателен лжец и в заподозриваниях; судя по себе самому, он, вступая в эту область, чувствует себя как рыба в воде. Его злобная опытность ободряет, что выходки его останутся безнаказанны. Конечно, если вы напомним ему слова Писания: «В юже меру мерите, возмерится и вам», он только самодовольно махнет рукою, говоря: «После нас — хоть потоп!»

Его злобное сознание подскажет ему, что его собственное самосохранение лежит лишь во зле и без этого зла он, как рыба без воды, теряет свою жизнеспособность. В этой основной злобности, в этой подозрительности, в этом желании очернения всех сказывается и глубочайший атеизм.

Перед лжецом не встает никакого Высокого Облика, перед которым он мог бы устыдиться. Его скудное воображение не рисует ему никаких перспектив его собственной будущности, когда он должен будет дать отчет в действиях своих или, вернее, когда он должен поставить себя на место, заслуженное им самим.

Мудро сказано: «Поступайте так, как хотели бы, чтобы и с вами поступили». Если каждый лжец будет сознавать внутри себя, что он произносит не только крылатое воробьиное слово, но и делает при этом нечто, предусмотренное уголовным законодательством, то он лишний раз подумает — не слишком ли дорого обойдется ему так полюбившееся злоречие.

Вполне естественно, что усилившиеся своекорыстные угрозы и похищение детей в Америке вызвало усиление противодействующего закона. Конечно, вероятно, в эти дни Линдберг горько улыбается, сознавая, что этот усиленный закон пока ему ни в чем не помог. Даже наоборот, именно после введения закона получилось какое-то новое вымогательство, как бы глумление. Это глумление не показывает ли, насколько зло, как таковое, разрослось и меры против него уже запаздывают?

Не становится ли это похоже на гангрену, за которой тщетно старается поспеть нож хирурга? Не приходим ли мы опять к тому же самому решению, какое было прилагается и в других жизненных областях? То есть не время ли без промедления вводить в школы, с самых низших классов, основы практической Этики?

К сожалению, этот предмет попал в число отвлеченностей, о которых не всегда даже принято говорить, ибо это будет сочтено чем-то несовременным, невоспитанным и вызовет жестокий глум и противодействие союзников сознательного зла. Но если само древнее слово «Этика» ни в чем не виновато, то не виноваты ли мы сами, которые сделали беседу обо всем хорошем недопустимою в гостиных наших?

Не мы ли виноваты, если облекли животные основы Этики в скучнейшие серые тоги и предоставили злошептателям самые выразительные страницы словаря? Ведь энтузиазм, этот светлый огонь сердца, считается неприличным в «почтенном» обществе. Похвала и восторг, эти цветы Сада Прекрасного, считаются почти знаком невоспитанности. И похвала, вместо ее взаимновдохновляющего значения, принимает вид какого-то условного лицемерия, которое так и допущено.

Но для этого нужно иметь хоть какое-нибудь воображение. Для того нужно воспитывать это воображение, чтобы оно могло вывести за пределы сегодняшнего дня. Люди очень боятся болезней, нищеты и всяких несчастий. Самые наглые лжецы и клеветники иногда оказываются грубыми фетишистами. Они знают о каких-то несчастливых знаках, но не хотят знать лишь того, что обратная сторона есть просто возвращенный их собственный бумеранг. Карма!

Каждому, наблюдавшему метание бумеранга, вспоминается, как иногда неопытный и неосмотрительный метальщик потом с воплем пытается отскочить от собственного же орудия, которое неумолимо настигало его и било с математической точностью силы самой посылки. При этом опытные метальщики называли пострадавшего прежде всего глупцом. Поистине никакого другого наименования невеждам злобы и нельзя придумать.

Как все невежды, злошептатели прежде всего глупцы! Какие бы мишурно блестящие слова ни изобретали они в своих злошептаниях, как бы ни старались они развеселить наивное общество отвратительной выдумкой, они останутся прежде всего глупцами! Каждая их ложь с абсолютной точностью аккумулируется и в неожиданный ими момент паразит их тем сильнее, ибо каждый сад растет, как темный, так и светлый.

Странно, что земля должна была существовать несказуемые цифры лет для того, чтобы сейчас назрела такая необходимость вопиать против количества зла, порожденного ложью! Но стоит взять любую газету, и события одного только дня покажут, какого страшного предела достигло человечество, желая вредить друг другу.

Хотелось бы, как детям, сказать: «Во время игры не деритесь!», так же сказать и взрослым: «Попробуйте прожить один день, не вредя друг другу!»

Кажется, что в такой день, который бы человечество прожило без вреда, совершилось бы какое-то величайшее чудо, какие-то прекраснейшие, целительные возможности снизошли бы так же просто, как иногда снисходит добрая улыбка сердца или плодоносный ливень на иссохшую землю.

Однажды женщина сказала священнослужителю: «Когда я молилась, то священное Изображение улыбнулось мне». А мудрый священнослужитель ответил: «Сердце твое улыбнулось, и ответила ему улыбка Спасителя». Неужели же невозможна эта спасительная улыбка правды, улыбка благостного даяния и самоотвержения? Неужели же действительно, эгоизм, этот один из ближайших родственников лжи, уже стал победителем?

Не может это быть там, где из глубокой древности уже даны мудрейшие Заветы. Не в скуке, обезображенной непониманием Этики, но в радости Этики, преображенной огнем сердца, всеми лучшими заветами от юношества, от младенчества пусть идут дети новым путем великого сотрудничества с Благом творящим!

История дает нам изумительные примеры, как часто не только детский, еще не испорченный, мозг преображался мышлением, но и самые, казалось бы, закоренелые преступники просветлялись. Примеры этих просветленных преступников всегда указываются Великими Заветами; значит, ничто не потеряно. Значит, по счастью, не одною угрозой законов, но именно просветлением сознания можно достигать самых лучших следствий.

Один ученый говорил мне: «У нас не осталось формул». Ах, какая неправда! Все прекрасные формулы не только сохранены во всей живости, но и не великое мужество требуется, чтобы опять обратиться к формулам прекрасным и благостным. «Сердцеведение» называется этот предмет очищающий. Конечно, это благовествование пусть облечется в одежды Света; как сказал Апостол Павел: «Облечемся в оружия Света».

В этих светлых одеждах, в доспехе, блистающем среди сияющих факелов сердца, нетрудно будет бодрствовать всю долгую ночь и дождаться Утреннего Света. Никто не сказал, что праздники не нужны. Наоборот — Праздник Сознания, Праздник Труда, Правды, как он глубоко вдохновителен! А главное, как он возможен от любой хижины и до дворца!

Будем же все, хотя бы самое темное, хотя бы самое злое, покрывать творческим созиданием, тем, которое даст Праздник Души человеческой. На том и сойдемся!

1 мая 1932.

Гималаи

«Если хочешь опередить свою тень, обратись лицом к солнцу. Брат, делай все лучше, трудись радостнее».

В известный период синтеза деятельность должна сконцентрировать качество выявления. Количество, как известные массовые вестники, может быть иногда допускаемо, но движение Культуры никогда не запечатлевалось ни количеством, ни большинством.

Высокое качество и изысканное меньшинство всегда были двигателями настоящих достижений Культуры. Очень часто даже в хороших речах и писаниях о Culture проскальзывает, что Культура начинается там, где люди знают, как использовать досуги свои. Это может быть верно лишь постольку, поскольку мы условимся в понятии досуга. Если под досугом мы поймем все время вне нашей рутинной работы, как мы иногда называли ее — временем труда — пранаямы, тогда так называемый досуг явится лишь средоточением на изыскании высокого качества всей нашей деятельности. Сконцентрированные качественные удары собранной энергии; прекрасно звучат они в пространстве и пробуждают звучанием своим сердца народов.

Качественность пробуждает и другую столь необходимую в эволюционных процессах особенность: она пробуждает действительную ответственность за все исходящее, хотя бы в одном утверждении или предупреждении, хотя бы оно являлось новой фазой утончения чего-то, казалось бы, уже известного. Величайшая драма часто скрывается в этом будто бы уже известном. Это «известное» попадает в тот разряд общепринятости, о котором люди более и не помышляют, иначе говоря, не только не утончают, но и не возвышают более эти понятия.

Устремление к качественности обратит нас ко многим аксиомам жизни, которые придется опять вернуть к проблемам, настолько они требуют утончения, обострения и устремления с новых точек нашего бытия. «Non multa, sed multum», этот мудрый совет давался тоже в известные периоды деятельности. Нельзя начинать знаменование Культуры с молчания. Молчаливники-отшельники уходили от мира лишь после известной деятельности, когда само их молчание являлось уже громовым духовным зовом и целением немощей.

Как прекрасно сосредоточенное ответственное движение резца ваятеля, который после грубого оформления подходит к выявлению тончайших покровов, причем малейшее отступление верности руки наносит непоправимое искажение. Пока ваятель находится в сфере первобытных оформлений, рука его может позволить себе иногда или слишком углубленный, или поверхностный извилистый удар резца. Но когда он подходит к окончательному выражению, преступить которое значило бы вернуться к хаосу, то творческий энтузиазм его возвышается и великою ответственностью за каждое движение его руки. В это время ваятель, может быть, еще чаще отойдет от своего произведения, чаще взглянет на него с разных углов зрения, чтобы, приблизившись, запечатлеть неповторяемое прикосновение. Там, где в первые дни работы ваятель мог и словесно выражать свои намерения, там при завершительных ударах он больше молчит, углубляется, зная, что он ответит за все им завершённое.

Качественность, воздвигнутая всем комплексом обстоятельств, вносит в дело строения особую духовную радость. Переходящий горный поток не может позволить себе ни единого неверного движения. Так же, следуя по струне через бездну, мы как бы даже теряем часть нашего физического веса и, сердечно прикрепленные к духовным нитям, почти перелетаем гибельные пропасти.

Назовете ли это энтузиазмом, или возвышением духа, или совершенством качества всех движений и помыслов, или высочайшею торжественностью всех чувств наших, безразличны эти

наименования. Тот, кто не поймет торжественности в любви, торжества качества, тому и все прочие наименования будут лишь камнями, грохочущими в горном потоке.

Не в грохотании звонких слов лежит суждение о высоком качестве. В собранной торжественности сердца решается это судьбище вечности. Если мы дерзаем произносить слово Культура, значит, прежде всего мы ответственны за качество. Корень слова Культура есть высшее служение совершенствованию, но это и есть наше обязательство по отношению к бытию.

В накоплении качества ничто не будет не предусмотрено, ничто не будет забыто и, конечно, ничто не будет своекорыстно извращено. Крупное ли, мелкое ли своекорыстие так внедрено в жизнь человечества целыми веками извращений и отрицаний, что своекорыстие является одним из главных врагов всего, совершенного поверх личного качества.

Как-то рассуждалось в печати о том, не было ли в подвигах, запечатленных человечеством, какого-то своекорыстия? Вопросалось — не было ли в действиях пастушки Жанны д'Арк какого-либо движения самости, когда она утвердилась на мысли о спасении целого народа? Эти соображения могут приходить в голову лишь людям, в существе своем своекорыстным. По их мнению, не только подвиги, но даже и дела повседневного благотворения, конечно, вызваны лишь разными степенями самости и своекорыстия.

Таков закон людей бессердечных, которые, судя по себе, полагают, что все доброе творится или для своекорыстия, или для каких-то земных личных возвышений, забывая, что эти земные цветы однодневны, как и пышные цветы кактуса. Бросая всему обвинение в своекорыстии, прирожденные своекорыстники начинают безумствовать и над Культурой. Они говорят: «Нам недоступны пути святости», точно бы обязанности перед Культурой уже были какими-то святыми достижениями.

Кошунственники всегда будут ненавистную им реальность забрасывать за облака недосягаемости, чтобы тем легче навсегда отвязаться от нее. Они же охотно будут покровительствовать кулачным боям, бою быков, состязанию на скорость, доведенную до бесцельности. Они выдвинут все физические грубейшие выявления, лишь бы хотя отчасти стереть значение всего изысканного творящего. Они готовы передать Храм в руки торгашей, надеясь, что, по нашим временам, некому будет изгнать их из Святылища и поддержать то, чем жив дух человеческий.

По счастью, пути совершенствования и высокого качества в существе своем лежат вне рук торгашествующих. О качестве мыслит меньшинство. О качестве может мыслить молодое сердце, пока не загрязнено. По каким бы закоулкам ни вздумало бродить человечество, процесс качества все-таки будет совершаться! Все-таки совершится, ибо подвижничество живет в сердце утонченного духа. Вне опубликованных законов находятся накопления утончения.

Но не будем входить в сферы несказуемые. Сейчас нужно твердить именно о вполне сказуемом понятии качества во всех действиях, во всей производительности. Не устремленные к качеству пусть лучше и не говорят о Культуре.

Культура вовсе не модное, стильно фешенебельное понятие. Она есть глубочайший устой жизни, скрепленный высшими серебряными нитями с Иерархией Эволюции. Потому-то осознавшие стремление к качеству не боятся насмешек и повторяют словами Апостола Павла: «Когда вы думаете, что мы мертвы, мы все-таки живы». И не только живы, но каждый, устремленный к Культуре, иначе говоря, к качеству, находит в себе неиссякаемый источник сил и противостояние всему злобному и разрушительному. Он-то может повторять мудрое изречение: «Благословенны препятствия, ими растем». Для него каждое выявление препятствия есть лишь возможность возвышения качества.

Чем же будет преоборена грубейшая форма, как не излучением духа, сказавшимся во всем качестве, в качестве каждого действия, каждого дня, каждого помысла. Итак, стремясь к высшим

формам цивилизации, дерзая мыслить даже о Культуре, не забудем, что жизненность стремления создается из высокого качества всех действий.

Не мечтать во снах, но выявлять в жизни обязывает нас ответственность перед Культурой. И эта ответственность поистине распространяется не на какие-то заоблачные мечты редких праздничных дней, но должна быть запечатлена во всей каждодневности. Качество, красота, торжественность в любви во всей неукротимости и беспредельности ткнут несломимые крылья духа. Качество, качество, качество! Во всем и всегда!

Конечно, всегда найдутся и сатанинские твари, которые на все духовное, на все прекрасное прошипят: «К черту Культуру, деньги на стол». Но не завидна мрачная участь таких сатанистов. По счастью, «Свет побеждает тьму».

Но какие же сердечные выражения приветия послать тем, кто бескорыстно, самоотверженно борется за Культуру! Как не приветствовать тех, кто благородною борьбою своею помогает государству вписывать незабываемые страницы лучших достижений! Ведь эта борьба, как борьба с самою сгущенною темнотою, необычайно трудна, но зато она и составляет тот истинный подвиг, который запечатлевается навеки и составляет лучшие путеводные вехи молодым поколениям.

Благородное стремление создает и неиссякаемость сил и растит тот светлый энтузиазм, о котором горят глаза и звучит сердце человеческое. Во имя бездонной Красоты сердца человеческого и сойдемся, и укрепимся в светлой победе Культуры.

1932.

Гималаи

Сколько людей приезжает полюбоваться величественным видом Гималаев, неделями живут в Дарджилинге. Нередко за все время видят перед собою лишь серый беспросветный туман и уезжают в полном разочаровании. Местные снимки с гор их не только не удовлетворяют, но, вероятно, им кажутся какими-то поддельными. Ведь они сами не видели горного величия. Они остаются в пределах очевидности. А случайная очевидность им уделила лишь серый туман. Трудно людям отделять очевидность от действительности. Серый подавляющий туман так часто скрывает прекрасную действительность. И не образовано воображение. Коротки мысли для того, чтобы огненно представить себе скрытое туманом.

«Но не известно будущее, и стоит оно пред человеком, подобно осеннему туману, поднявшемуся из болот: безумно летают в нем вверх и вниз, черкая крыльями, птицы, не распознавая в очи друг друга, голубка — не видя ястреба, ястреб — не видя голубки, и никто не знает, как далеко летает он от своей гибели...»

Сколько непоправимых горестей соделано в тумане. Сколько непоправимого происходит в туманах гнева, раздражения, смятения и страха. Все туманы разноцветные, но всегда отягченные серыми и алыми насыщениями. И черные туманы бывают. В Лондоне при черных туманах люди не могут найти даже свой собственный дом. Блуждают беспомощно, выходят из себя, теряют терпение. Только подумайте, если зримый туман может называться черным туманом, а сколько этой чернейшей тьмы обуревают, искажает сознание человеческое.

Газета рассказывает следующий «роковой случай»:

«Несколько дней тому назад в Харбине в Модягоу произошла потрясающая трагедия, повлекшая за собой смерть 8-летнего мальчика. Знакомые подарили мальчику щенка. Мальчик кормил собачку из своих рук, играл с ней целыми днями и даже брал ее с собой спать в свою кровать. Между ребенком и собакой установилась самая нежная дружба.

Отец по утрам открывал клетку с канарейкой и выпускал ее летать по комнатам. Щенок подкараулил канарейку, ударил ее лапой и придушил. Отец схватил щенка за задние лапы и на глазах своего сына ударил щенка головой об стену и убил его. Ребенок был страшно потрясен этой картиной жестокой расправы со своим любимцем. Спустя несколько времени мальчик стал жаловаться на сильную головную боль, указывая, что, очевидно, так же болела голова у его щенка, когда отец убивал его, ударив о стену.

На следующий день у ребенка поднялась температура. Вызвали врача, который высказал подозрение на нервную горячку и потребовал, чтобы родители перевезли ребенка в больницу. На третий день болезни врачи, по характерным признакам заваливания головы назад, определили у мальчика заболевание менингитом. Причиной заболевания, возможно, послужило то потрясение, которое ребенок пережил, наблюдая картину убийства отцом его любимой собачки. На пятый день мальчик умер. Его смерть явилась большим ударом для родителей.

Отец и мать переживают сейчас большую трагедию. Мало того, что оба убиты свалившимся на них горем, между ними происходят ежеминутные ссоры. Мать умершего мальчика упрекает мужа, называя его виновником гибели ребенка. Отец посетил несколько врачей и справлялся у них, может ли случиться заболевание менингитом от такого потрясения, какое пережил мальчик.

Врачи ответили утвердительно».

Действительно страшная драма, непоправимая, порожденная уродливым бытом. А сколько таких драм и ужасов происходит, не попадая на газетные листы. В молчании и неизвестности эти ужасы остаются неявленными и не предупреждают многих, уже готовых к совершению

страшного дела. Страшные дела бывают разные. Топором рубят головы, удушают и не однажды, а трижды... Мало ли какие ужасные изобретения существовали, а может быть, и еще существуют.

Но еще гораздо больше страшных дел творится и без топоров, и без шнурков-удушителей. В тесном быту, при закрытых дверях и окнах, калечатся жизни. Какие-то люди берут на себя ответственность за извращение чужой жизни. Иногда, подобно средневековой инквизиции, они думают исправить, но чаще всего действуют просто в тумане, в алом и черном тумане. В таком тумане, в котором они уже не распознают своего собственного очага, в котором они готовы разрушить ими же сложенный дом, лишь бы произвести акт безумия. Конечно, это несомненно безумные действия. Но от того, что они безумные, на земле не легче.

Вы представляете себе сверлящую мысль умирающего мальчика о том, что его собачке было так же больно, когда ее убивал его отец. В этом «так же точно» выражено очень многое. Наверное, когда мальчик говорил это, то никто толком и не обращал внимания на тяжкий смысл сказанного, а вот теперь, когда он умер, тогда и его слова запечатлеваются, и, конечно, над ними думают.

Как-то приходилось спросить, почему именно так долго оставались непризнанными некоторые замечательные сочинения. На это отвечали: «Не менее пятидесяти лет от смерти автора должно пройти, чтобы люди уверились». Когда одного философа вели на костер, он сказал окружающим:

«Мысль нуждается в огненной печати».

Великая скорбь в этих словах. Ведь сказавший это имел в виду не predetermined процесс светлой мысли, но искаленную, извращенную мысль, для которой осознание придет лишь после непоправимого.

Они, отемненные черным туманом, неужели никогда не помыслили о всем глубоком значении слова НЕПОПРАВИМОЕ? Ведь самый первый урок сочувствия, самоотвержения и терпения уже избавил бы этих готовящихся преступников от совершения злого дела. Конечно, судебные защитники будут говорить о большой разнице сознательного и бессознательного содеяния. В обстановке суда слово БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ звучит, но, когда вы подумаете над ним, оно распадается на множество делений со значениями и последствиями, и последствиями весьма разнообразными.

Если данный злой поступок был бессознательный, то посмотрим, откуда произошло это несознательное житие. Конечно, мы увидим много и алого и черного самопорожденного тумана. Оправдываться условиями среды, трудностями быта принято, и в конце концов делается легким и избитым. Зачем складывать вину на какую-то среду, из которой человек и не пытался уйти? Не лучше ли поискать ближе... в самом себе?

Быт всегда труден. Лишь по незнанию люди думают, что кому-то легко, а только не им. Часто там имеются те трудности, о которых эти люди и вообще не думали. Трудно везде. А чтобы увидеть эти трудности, прежде всего нужно освободиться от тумана. Ведь туманы происходят от земных испарений. Каждый душевный туман будет от земного, от телесного. Если это твердо запомнить, то при первом же слое этого тумана еще можно одуматься, еще можно сообразить, насколько постыдно это погружение в рудиментарный хаос.

И опять-таки для соображений о земных туманах не нужно ждать каких-то войн, смятений, преступлений кричащих. В тиши быта, при запертых дверях и окнах рождается черный и красный туман. Там совершаются непоправимые накопления.

На море и на улицах при тумане зажигают двойные огни; указывают опасность сиренами и гудками. Вот и губительная опасность душевного тумана должна быть предупреждаема какими-то голосами и внешними, и внутренними.

Зазвучи, серце!
24 феврала 1935 г.

Мы много увидели и много узнали...

Кто разрешит задачу построения могучего водопада? А между тем в пене и накипи скрыт великий творческий рисунок. В волнах мирских потрясений часто стираются дела, но зато начинает властвовать сущность Сознания.

Со священным сознанием народов в наши дни особо повелительно прибавляется лозунг: искусство и знание. Об особом значении этих великих понятий для нашего и для будущего времени надо сказать именно сейчас. Тем — чьи глаза и уши еще не засорены мусором обихода. Чьи сердца еще не остановлены рычагом машины «механической цивилизации».

Искусство и знание. Красота и мудрость. О вечном и обновленном значении этих понятий говорить не надо. Еще вступая на жизненный путь, ребенок уже инстинктом понимает всю ценность украшения и познания. И лишь впоследствии под гримасой обезображенной жизни эта молитва духа затемняется, а в царстве пошлости она даже кажется или несвоевременной, или уже ненужной. Да, современность доходит даже до такой чудовищности.

Много раз мне приходилось стучаться в эти врата. Говорю:

«Среди ужасов, среди борьбы, среди столкновений народных масс сейчас более всего на очереди вопрос знания, вопрос искусства». Не удивляйтесь. Это не преувеличение, не общее место. Это решительное утверждение.

Вопрос относительности человеческих знаний всегда был больным вопросом. Но теперь, когда все человечество испытало последствие заградительной проволоки, когда в жизнь вошло столько знания — этот вопрос стал насущным. Люди привыкли не только думать, но и бесстыдно говорить о предметах, которые они явно не знают. Самые «почтенные» люди болезненно повторяют мнения, ни на чем не основанные. И такие суждения вносят в жизнь великий вред. Часто неизгладимый. Бесчисленны лживо знающие и почитающие себя.

Должны мы сознаться, что за последние годы европейская цивилизация сильно потрясена.

Конечно, то, чего еще не достигло теперь человечество, — ему суждено. Трудом и самоотверженностью придется строить основы культуры. Ведь цивилизация еще не культура.

Знания, затворенные в хранилищах и заключенные в умах учителей, опять мало проникают в жизнь. Опять не рождают действенных подвигов созидания.

Жизнь наполнена еще скотскими велениями брюха. Мы приблизились к черте страшного заколдованного круга. Заклясть его темных хранителей, вырваться из него можно только талисманом истинного знания и красоты.

И пришло время этого исхода.

Сознаемся, что человечество сильно одичало. Нужды нет, что оно еще носит европейский костюм и по привычке произносит особенные слова. Но под костюмом — дикое побуждение, а смысл произносимых слов, часто великих, трогательных, объединяющих, уже затемнен. Пропадает руководящее знание. Люди незаметно привыкают к темноте.

Без ложного стыда, без ужимок дикарей — признаемся в этом. Сознание есть уже ступень преуспевания.

Мало знания. Мало искусства. В жизни мало тех устоев, которые единственно могут привести к золотому веку единства. Чем больше мы знаем, тем яснее наше незнание. Но если вообще не знаем, то даже и ощущения незнания нет. И двигаться нечем. И двигаться некуда. Тогда уже неизбежно — крошечное царство пошлости.

Молодые поколения еще не приготовлены заглянуть смело, со светлой улыбкой в ослепительное лицо знания и красоты. Откуда же придет познание сущности вещей? Откуда

придут мудрые взаимные отношения? Откуда придет единение? То единение, которое служит верным залогом наступательных, твердых движений. Только на почве истинной красоты, на почве подлинного знания установятся отношения между народами. И настоящим проводником будет международный язык знания и красоты искусства.

Только эти проводники могут установить глаз добрый, так необходимый для будущего созидания.

Путем вражды, грубости, поношения все равно никуда не прийти. Ничего не создать. Но сущность человека все же стремится к справедливому познанию.

Вот скажу не общее место, не пустое слово. Скажу убежденное устремление подвига: «Единственная опора жизни — искусство и знание. Именно в наши трудные дни, в наше тяжелое время будем твердо помнить об этих светлых двигателях. И в испытаниях и в боях будем исповедовать всеми силами духа».

Вы говорите: «Трудно нам. Где же думать о знании и красоте, когда жить нечем. Далеко нам до знания и до искусства. Нужно устроить раньше важные дела». Отвечаю: «Ваша правда, но и ваша ложь. Ведь знание и искусство не роскошь. Знание и искусство не безделье. Пора уже запомнить. Это молитва и подвиг духа. Неужели же, по-вашему, люди молятся лишь на переполненный желудок или с перепою? Или от беззаботного безделья? Нет, молятся в минуты наиболее трудные. Так и эта молитва духа наиболее нужна, когда все существо потрясено и нуждается в твердой опоре. Ищет мудрое решение. А где же опора тверже? А чем же дух зажжется светлее?»

Ведь не голод ощущаем. Не от холода сотрясаемся. Дрожим от колебания нашего духа, от недоверия.

Вспомним, как часто, трудясь, мы забывали о пище, не замечали ветра, и холода, и зноя. Устремленный дух окутывал нас непроницаемым покровом. — «Оружие не рассекает его. Огонь не палит его. Вода его не мочит. Ветер его не сушит. Ибо нельзя ни рассечь, ни высушить его: постоянный, всепроникающий, устойчивый, незыблемый, извечный он. Один почитает его за чудо; другой говорит о нем как о чуде; третий слышит о нем как о чуде, но и услышав, никто не знает его».

Великая мудрость всех веков и народов о чем говорит? О человеческом духе. Вдумайтесь в глубокие слова и в ваш житейский смысл. Вы не знаете границы мощи вашего духа. Вы не знаете сами, через какие непреодолимые препятствия возносит вас дух ваш, чтобы опустить на землю невредимыми и вечно обновленными. И когда вам трудно, и тяжело, и будто бы безысходно, не чувствуете ли вы, что кто-то помогающий уже мчится к вам на помощь? Но путь его долог, а малодушие наше быстро. Но ведь он идет и несет вам и «Меч мужества», и «Улыбку смелости». Говорили о семье, покончившей жизнь угаром от отчаяния. Ведь это нестерпимо малодушно. Ведь при будущей победе духа они, ушедшие самовольно и боязливо, будут терзаться, ибо не приложили труда своего к тому, к чему должны были. Не все ли равно, какой труд. Утопающий борется с волной всеми мерами. Но если силен дух его, то и сила духа его умножится безмерно.

Но чем же вызовете дух ваш? Чем вскроете то, что у многих засыпано обломками обихода? Твержу. Повторяю: красотой искусства, глубиной знания. В них, единственно в них, заключены всепобедные заветы духа. И очищенный дух вам укажет, которое знание истинно, которое искусство подлинно. Верю, что вы сумеете призвать себе на помощь дух ваш. Он, ваш руководитель, покажет вам лучшие пути. Он поведет вас к радости и победе. Но и к победе он поведет вас... путем, ступени которого скованы лишь знанием и красотой...

Всему миру приходит трудное испытание. После средневековых испытаний огнем, водой и железом предстоит испытание восприятием культуры, но если сила духа возносила людей

против огня и железа, то та же сила вознесет их на ступени знания и красоты. Но это испытание труднее древних искусств. Готовьтесь к подвигу, творимому в жизни ежедневно. А теперь отнеситесь бережно ко всему, что двигает культуру. С особой признательностью подойдите ко всему, что выявляет ступени красоты. Ведь сейчас все это особенно трудно. И с особой заботливостью и нежностью мы должны произносить имена, проводящие в жизнь то, чем мы гордимся по праву.

Много серьезных вопросов, но среди них вопрос культуры будет краеугольным.

Что может заменить культуру? Продовольствие, промышленность — тело и брюхо. Но стоит лишь временно устремиться к вопросам тела и брюха, как интеллект неизменно падает. Весь уровень народа понижается.

Во всей истории человечества ни продовольствие, ни промышленность не строили истинной культуры. И надлежит особенно бережно обойтись со всем, что еще может повысить уровень духа. Не мечтаю, но утверждаю.

При всех новых созиданиях, при новом строительстве линия просвещения и красоты должна быть лишь повышена, но не забыта ни на мгновение. Это не отвлеченное суждение — наоборот, ближайший распорядок.

Миру предстоит славное строительство. Подрастающее поколение вне всяких повседневных нужд должно готовиться к подвигу истинного, веселого труда.

Во внутреннем строительстве нашем неутомимо мы должны под благим знаком просвещения вносить красоту и знание в широкие народные массы, вносить твердо и деятельно, помня, что сейчас предстоит не идеология, не формулировка, но именно дело, творчество, сущность которого понятна и ясна без многословия.

Не слова, но дело. Мы должны помнить, что лик красоты и знания излечит народ от распущенности мысли, внушит ему основы достоинства личного и общественного, откроет сущность труда и в лучшем понимании укажет народу путь высоких достижений духа. Но для этих простых основных усвоений народ должен подвижнически выявить взаимное благожелательство, единение и уважение к многообразным путям духовных поисков, к сотрудничеству.

Народ должен навсегда духовно оборониться от пошлости и дикости, должен из обломков и из самородков, с любовью найденных, слагать Кремль великой свободы, высокой красоты и глубокого знания.

Знаем, что эти пути красоты и знания особенно трудны сейчас. Знаем, что материальная сторона предательски овладела человечеством, но мы и не скрываем, что надо искать пути подвига.

И в Лондоне уже было утверждаемо: «Всячески надо стремиться возглашать и широко проводить в жизнь задачи подлинного искусства и знания». Помня, что искусство и знание лучший международный язык. Помня, что сила народная заключается в его духовной мощи, которая крепнет из источников живой воды. Помните народную мудрость — сказку: источник мертвой воды, то есть все, что для тела, связал, соединил члены разрубленного тела, но оживить тело можно было лишь из источника живой воды. Те священные источники должны быть открыты для исцеления мира. Нет зрителей — есть только работники.

Сейчас приходится говорить простыми, ясными словами, точно на площади; приходится твердить и повторять без устали. Сейчас жизнь наполнена старыми знаменами, изношенными, как стертые негодные лики монет. Сейчас жизнь наполнилась условными, бесчисленными наименованиями. Сейчас забыт «Человек». Просты и ясны слова человеческие, но еще проще и

яснее общечеловеческий язык творчества со всей его таинственной убедительностью.

Молодежи предстоит подвиг истинного внесения в жизнь творчества и знания. Так, замкнутые книгохранилища, как обернутые к стене картины, так вне жизни стояли часто искусство и знание. Но поколение молодежи должно подойти действенно и жизненно. И труд, самый простой труд обихода, должен озариться исканиями и победами. Ведь пути искусства в их вековых наслоениях так углубленны и бесчисленны, а истоки знания так бездонны. Какая веселая трудовая жизнь предстоит вам, начинающим работать.

Красота и мудрость. Именно молитва духа вознесет страны на ступени величия. И вы, молодежь, можете всеми мерами требовать открытия этого пути. Это ваше священное право. Но для осуществления этого права вы должны научиться открыть глаза и уши и отличать правду от лжи. Не идеология, а действенное усилие необходимо. Железо ржавеет. Даже сталь разъедается и распадается, если ее не обновлять живительно. Так и мозг человеческий костенеет, если не дадите ему совершенствоваться неутомимо. А потому учитесь подойти к искусству и знанию. Эти пути, легкие потом, часто трудны вначале. Превозможите! И вам, молодежи, предстоит одна из наиболее сказочных работ — возвысить основы культуры духа, заменить механическую цивилизацию — культурой духа; творить и создавать. Конечно, вы присутствуете при мировом процессе разрушения механической цивилизации и при созидании основания культуры духа. Среди народных движений первое место займет переоценка труда, венцом которого является широко понятое творчество и знание. Отсюда ясно, что в поколениях народа первое место займут искусство и наука. Кроме того, эти два двигателя являются тем совершенным международным языком, в котором так нуждается мятущееся человечество. Творчество — это чистая молитва духа. Искусство — сердце народа. Знание — мозг народа. Только сердцем и мудростью может объединиться и понять друг друга человечество. Новые правительства напишут на знаменах своих: «Молитва труда, искусство и знание» — и поймут, что вносящий истинную государственность не может ни на минуту забыть о подвиге жизни. Иначе строителю нет путей и его ожидает разрушение.

Повторяю, твержу, как заклинание: «Вы, молодежь, имеете право всеми мерами требовать от правительства путей искусства и знания. Со спокойной совестью вы должны иметь возможность сказать, что даже в самые тяжкие минуты вы помнили о великих устоях — о красоте и мудрости. Вы не только помнили, но и по мере сил вносили в жизнь этот подвиг, который заменяет радость разрушения истинной радостью созидания. И в таком сознании — залог вашей будущей светлой жизни. Ведь вы знаете: вне искусства далека государственность. Вне искусства темна наука. Вы ведь знаете, что подвиг духа жизни творится не одними пустынноиками и столпниками. Подвиг творится здесь, среди нас, во имя того, что считается самым священным, самым близким Великому Духу. И сознание подвига жизни раскроет вам путь нескончаемо прекрасный.

И вот теперь обращаюсь к вам со словами об искусстве и знании. Ведь вы рыцари народа — рыцари духа, не останетесь во граде мертвых. Не разрушением, а созиданием должно кончаться всякое слово. Знаем, что такое мощь созидательной мысли. И вот теперь перед ликом великих поисков мы должны сказать слова, идущие из источника самого лучшего: «Оставьте все предрассудки, мыслите свободно». А все помысленное во имя красоты и мудрости будет прекрасно.

И еще скажу вам: «Помните, сейчас пришло время «гармонизации» центров, это условие будет краеугольным в борьбе против «механической цивилизации», которую ошибочно иногда называли культурой. Заброшенный мелочами обихода, варварски искореняемый дух уже восстает. И растут его крылья. И мы не одиноки в нашей борьбе». Мощный праведник Свами Вивекананда говорит о значении искусства: «Don't you see, I am, above all, a poet». «That man

cannot be truly religious, who has not the faculty of feeling the beauty and grandeur of Art». «Non appreciation of art is cross ignorance» [\[5\]](#).

Rabindranath Tagore кончает статью «What is Art» словами: «In art the person in us is sending its answer to the Supreme Person, who reveals Himself to us in a world of endless beauty across the lightless world of facts» [\[6\]](#).

Друзья, сохраняйте вашу светлую, творческую волю. Нет иного пути.

И вы, друзья, в рассеянии сущие. Пусть и к вам просочится зов мой. Соединимся невидимыми проводами духа. Вас зову. К вам обращаюсь. Во имя красоты и знания, для борьбы и труда соединимся.

London, 1920

Однажды великий Акбар провел черту и спросил своего мудреца Бирбала, чтобы тот сократил ее не урезывая и не касаясь концов ее. Бирбал параллельно провел более длинную линию, и тем самым линия Акбара была умалена. Мудрость заключается в проведении более длинной линии.

Когда видите апофеоз суеты наших дней, иногда чувствуете бессилие сократить этот пустой водоворот, эту бесполезную трату сил и возможностей. Только представляя более длинную черту истинного действия и деятельности, мы можем уменьшить ужас нашего времени — триумф суеты.

Мы должны помнить: Молчание двигает. Слово же дает импульс к движению. Молчание — заставляет, слово — увещевает.

Величайшие мировые действия творятся в глубоком молчании, лишь прикрытые докучливым шумом и лживой поверхностью звука. Великие упражнения происходят при задержанном дыхании; чем учащенное дыхание, тем сильнее трата энергии. Кто в действии может задержать дыхание, тот уже властелин мировой энергии — той энергии, которая действует и творит в мироздании.

Есть два вида тишины. Беспомощная тишина инертности, которая знаменует распад, и тишина могущества, которая управляет гармонией жизни. Тишина могущества присуща спокойствию владыки. Чем она совершеннее, тем глубже мощь и тем больше сила действия.

В этой тишине нисходит истинная мудрость. Мысли людей представляют смесь правды и лжи. Истинное проникновение замарано лживым пониманием. Истинное воображение извращено лживым представлением. Истинная память загромождена лживыми мыслями. Поверхностная деятельность ума должна остановиться — и молчание заменит беспокойство. И затем в тишине — в той беззвучной глубине — приходит озарение. И истинное знание становится безошибочным источником истинного действия.

Истинное действие, невидимое для глаз суетливых толп, сказывается лишь на последствиях. Лишь по последствиям вы видите земными глазами, насколько значительнее и длиннее черта истинного действия сравнительно с суетой.

И день суеты есть ночь для действия. Ибо ничто творится суетой; может быть, лишь денежные расписки. Но во всей древности лишь Крез был упомянут по своему богатству, но и его конец был незавиден.

Быть способным среди суеты проявить истинное действие; быть способным к молчанию, к тишине, к озаренному безмолвию — это значит быть готовым к бессмертию.

Молчание мощи творит, сохраняет и защищает. Это действие могущественно прямым, непосредственным направлением силы, происходящей из великого естественного источника.

Даже движущееся колесо в его наибольшем напряжении кажется недвижимым. Гармония высшего действия неразличаема земным глазом. Лишь по следствиям вы поймете приложенную мощь.

Истинная тишина иногда прикрыта внешностью небольшого движения и говора — так же как океанская волна покрыта наносными бороздами внешних струй. Но эти внешние струи не имеют ничего общего с суетой.

Суета носит на себе неотъемлемый признак — она всегда сопровождается пошлостью. Всегда можно легко усмотреть в суете все признаки этой ужасной болезни современного человечества. Во имя чего ищут лучшие элементы человечества? Во имя чего вспыхивают революции и подвижнические искания? Человеческий дух во всех этих разнообразных битвах борется против

пошлости.

Когда толпа обращается в стадо, что случается? Тогда возникает черное царство пошлости. «Стадо» стремится к вратам пошлости. То же самое сверхъестественное превращение человеческой толпы в стадо видим при суете поезда, при суматохе собраний, при куплях-продажах, при ужасе несчастий. Та же суета часто запечатлевается в музыке, в живописи, в линии рисунка или в ритме ваяния.

Спросите, где же тут психологический момент? Но каждому доступно различить, когда этот пароксизм суеты и пошлости наступает. Один признак суеты неизбежен. Выражение глаз немедленно меняется. Среди шумных выявлений суеты вы не видите счастливого взора.

Суета лихорадочно кричит: «Ступай, ступай!» И каждый, повинувшись этому приказу, куда-то спешит и рассеивается. Но на щите действия начертано: «Приди, приди». И, повинувшись этому зову, каждый приближается и увеличивает возможности. Люди слишком «заняты» в мелком значении слова. Они не ждут духовного единения, и от поспешности всегда что-то может случиться. Лучшая толпа может обратиться в дикое стадо, полное мерзких инстинктов. Есть много причин этому превращению, но самое главное значение, что пошлость восторжествовала.

Царство этой таинственной силы пошлости безгранично. Та же самая пошлость превращает толпу в зверя; она же позолачивает рамы и спинки «торжественных» кресел; она же извращает гимны в «Джаз»; она же преображает игры атлетики в глупость и жестокость; она же являет совершенство нелепости условной жизни. Даже губы все выкрашены в один неестественный цвет.

Точно исчезает человеческое обличье, и животное возникает перед изумленным зрителем. Но, тем не менее, не отвернитесь от человеческой природы. Надо только изъять ее из суеты, и человеческие признаки опять воскреснут. Как химическая реакция! В таком же научном понимании человечество должно понять разницу между суетой и действием.

«Все формы тирании произошли от мягкости», — говорит пословица. «Все виды пошлости произошли от компромисса — уступок». Сегодня малая уступка, завтра малейшая уступка, а затем сразу большой жрец пошлости.

Это не общее место, не трюизм. Мы должны твердить это теперь, ибо в ближайшем будущем потребуются много истинного действия и много верного понимания. И в каждом своем движении человечество должно различать, где пошлая суета и где вечное действие.

Мы должны быть практичны всегда. Осуждение прогонит ли тьму? Нет, лишь принесение света истребит черноту мысли. Одно осуждение, критика, отталкивающий процесс — никогда не помогали.

Одна только возможность имеется: сократить черту суеты новой, длиннейшей чертой истинного действия. Имейте в виду лишь следствия.

Никогда не победите вы пошлость грубостью или безобразием. Лишь в Красоте заключена победа. Истинно, лишь Красота побеждает пошлость и останавливает дикую суету перед вратами поддельно-золоченого царства. И, братья, победа близка! Ибо многое, что мы уже зовем «павшим», просто еще «не дошло».

New York, 1922

Крылья, крылья! Вы растете болезненно. С 1914 года человечество пришло в космическое беспокойство. Пока одна часть людей занялась плохо объяснимой стрельбой, другая инстинктивно задвигалась. С числом убитых возросло число путников по всем путям передвижения. Явное уменьшение людей вызывало чрезвычайное переполнение городов и гостиниц. Все поднялось. Все поехало. И как сонный человек в кошмаре, правительства замахали руками, пытаясь преградить путь блуждания народов затруднениями виз и разрешений. Но поток сквозь пальцы устремился.

Уже девять лет бродит человечество. Толкается из угла в угол. Произнесло весь словарь добра и поношения. И сам земной шар сделался малым. Но среди судорог, среди опасных взлетов за поисками чудесного края начинают расти крылья. И мысли начинают клубиться выше, и сквозь дым мечтаний начинают светить возможности действительных достижений.

С болью, но крылья растут.

Милые люди, опять я увидел, как вы путешествуете. Опять я увидел в руках ваших книжку Бедекера с перечнем волшебных находений красоты. Голгофы страданий искусства и знания досыта накормили железные дороги, гостиницы, компании Кука и все, что цепко следит за блужданием толп. Вы отлично пользуетесь всей аптекой творчества. Даже ваши закруженные в водовороте глаза через лорнет и монокль ищут лечения искусством.

Великими трудами кто-то строил Пантеон красоты: кто-то трудился, раскладывая находения по пробиркам критических лабораторий. И вот является ваш автомобиль, и опытный повар подносит вам изысканную трапезу красоты.

Но может ли желудок ваш переварить эту пищу? Да и имеете ли вы право входа в трапезную? Дали вы когда-нибудь что-нибудь оправдавшее ваше приближение к искусству и знанию? Вообще — умеете ли вы дать? И говорили ли вам, что лишь давшие получают? Если же вы не имеете права на вход во храм, если вы не заработали их сами своим трудом, если вы желаете лишь получать, то не вам ли принадлежит кличка паразитов? Ибо вы ползаете по храму, не внося в него ничего. Вы бороздите собою лик земли; бесцеремонно толпитесь на ступенях чужих завоеваний и легкомысленно полагаете, что все труды и творения для вас. Будьте сегодня честны и сознайтесь, что вы не только ничего не сделали для роста искусства и знания, но вообще даже не знаете, как это и сделать. И как ничтожны ваши оправдания. Вы иногда слушали музыку; ваш глаз скользил по картинам; вы похлопывали рукой скульптуру, и, зевая, вы отдавали час времени для прослушивания именитого лектора.

Но затем, когда автомобиль переносил ваше драгоценное тело до дома, — во что претворялись впечатления ваши? В скуку, в зевок, в обед и злословие.

Потому, когда человек имущий и с возможностями будет вам говорить об искусстве и знании, всегда спрашивайте его: «Что же вы-то сделали для красоты, чтобы иметь право говорить о ней?» И еще скажите ему: «Вот с этого дня, встречаясь с красотой, будете всегда вспоминать, что вы — паразит, доколе не попытаетесь принести свой камень вечному храму; доколе не заработаете право входа». Так и скажите.

И видим непринесших. Видим людей с потухшими взглядами, когда, сгорбившись, они сидят у целебных вод, ожидая очередь влить глоток механической жизни. Слышим их разговоры — сожаления о прошлом дне. И весь мир закрылся для них. И нет сознания, что все отупение сменилось бы быстро, если бы хоть одна из вечных целей прекрасного открылась им. И они поняли бы, что вне возраста, вне телесных болезней, вне всех предрассудков — они могли бы немедля подойти к вечной радости духа. Ибо не страдание, а радость заповедана.

Иначе жаль всех людей, бесцельно стремящихся ублажить вас, бесцельных. Жаль ваших портных и прачек. Жаль ваших шоферов, ибо даже не знаете, какой адрес дать им. И тут же рядом лежит весь прекрасный мир — мир радости, созданий и достижений.

За ласку, за улыбку о красоте затвор первых врат уже повернется. А за желание отдать упадет и второй замок. Попробуйте отдать или хотя бы предложить что-то, но без себялюбия и сомнения. Возмездие сторицей уже ожидает вас. И не в каких-то будущих жизнях, а именно теперь, здесь, если только уловите ритм жизни. Ибо в ритме — гармония.

Путники, сумейте отдать, чтобы получить; чтобы получить право на вход в храм.

«Через красоту подойдете. Поймите и запомните. Вам поручил сказать — Красота.

Ты, имеющий ухо. Ты, имеющий глаз открытый. Ты, познавший Меня. И да будут глубины небес тебе благодатны. Благо тебе. Устреми взор, подобно соколу, вдаль.

Через красоту подойдете. Поймите и запомните».

Виши, 1923

Полагают, что человеческий организм главным образом развивается всяческим спортом. Естественно, что упражнения нужны, в особенности когда они происходят на чистом воздухе. Но о способе упражнений существуют различные мнения. Полагается также, что главное гармоническое развитие должно происходить в нервной системе, а не столько в мускулах.

Нервным равновесием и здоровою нервною напряженностью человек достигает многого, чего никакими мускульными утрировками достичь нельзя. Все согласятся, что каждый однобокий спорт, выявляющий лишь определенную группу органов, есть нечто ограниченное и тем самым нечто низшего разбора.

Правильно, что прежде всего нужна разумно использованная прана чистого воздуха. Также необходимо некоторое движение, естественное для человеческого организма. Если это движение не будет нарушать нервную систему и протечет ненасильственно, то оно будет лишь правильным пособником развития тела и духа.

Всем известно, что в моменты нервного напряжения человек оказывается сильнее и выносливее всяких искусственных атлетов. Искусственное, ограниченное напряжение создает и ограниченное мышление. «Золотое равновесие» мышления происходит лишь при гармоническом равновесии всего организма. Прискорбно вспомнить о всяких современных «марафонах», которые тем или иным нелепым занятием выбивают никому не нужное число часов. Спрашивается, кого поучает или радует то обстоятельство, что человек может бессмысленно танцевать семьдесят два часа, а может быть, и больше, уже являя при этом признаки безобразия. Кому нужен многочасовой поцелуй, который тоже является в конце концов безобразным зрелищем.

Если заняться анализом всяких современных «марафонов», то можно лишь убедиться в профанации старого имени, запечатленного в подвигах. Ведь после марафона греки шли в академию, где внимали и беседовали с великими учеными и философами. И, таким образом, вовсе не происходило однобокой, затягивающей в тину профессии. Другие испытатели скажут, что при должном гармоническом развитии нервной системы вовсе не требуется бешеных телесных движений. Известно, как перипатетики на прогулках беседовали о высших науках, гармонизируя тем самым и материальное, и духовное преуспеяние.

Уродливость чисто физических состязаний можно изучать, сравнивая, например, классические состязания в Греции с уже упавшими римскими цирковыми забавами. Греческие игры не требовали ни мучительства, ни крови, которые оказались так существенны в римских цирках. Увы, и теперь толпы людей привлекаются зрелищем казни. Вот в Германии теперь опять начали рубить топором головы женщин. Кажется, это происходит на тюремном дворе, но боюсь, что если бы такое зрелище вынести на площадь, то амфитеатр зрителей был бы и теперь, в наш «цивилизованный» век, битком набит. Если бы назначить цены местам для такого зрелища, то, кто знает, может быть, платили бы гораздо больше, чем за благотворительные билеты?

Пришлось слышать один рассказ, как некие дамы были очень огорчены, что казнь сожигания живьем была заменена простым удушением. Вот куда оборачивается уродливое, ограниченное развитие лишь некоторых центров и инстинктов. Многие падения и одичания именно происходили от уродливостей и ограниченностей. Вздувался один какой-то мускул, обнаруживался лишь один нарыв садизма или одичания, и прорвавшийся гной заливал весь мозг и сердце.

В противовес уродливо физическому развитию и однобоким ограничениям существует

теория, что правильным упражнением нервной системы можно управлять и развивать мускулы и все органы. Конечно, мысль заставляет придать движение и мышцам, и всякие другие функции. Существуют такие ограниченные люди, которые даже этой простой аксиомы не могут осознать. Но, тем не менее, в этом может убеждаться каждый, который того захочет. Иногда приходилось видеть людей, уделяющих сравнительно очень мало времени физическим движениям и, тем не менее, остававшихся в расцвете как мыслительной, так и физической возможности. Естественно, они не только устремлялись к высшим предметам, но и хотели жить и тем самым балансировали свои органы.

Ценить дары жизни. Хотеть жить для труда и пользы есть великий импульс, который помогает сильнее всяких прививок и массажей. Мыслительный массаж, осознанный, направит и должную энергию в ослабевший орган. Самая простая пранаяма, то есть вдыхание праны и направление ее туда, где есть необходимость в укреплении и развитии, будет очень показательным примером.

В обиходе часто приходится видеть самую уродливую профилактику. Человек опасается бессонницы и не находит ничего лучшего, как предаться наркотикам или алкоголю. Или человек чувствует какие-то странные ему симптомы и, по невежеству, начинает курить или принимать яды, совершенно упуская из виду, что одно такое послабление потребует лишь усиления таких же вредных нелепостей.

Говорили о радости Служения. Но какая же радость может быть в агонии наркотиков, никотина или алкоголя? Это уже не радость развития и восхождения, но постыдное бегство во тьму.

Врачи знают также, сколько болезней имеют причиной свое увлечение современным спортом. Постоянно приходится слышать, что та или другая тяжкая, а подчас и неизлечимая, болезнь зародилась от спортивных излишеств. Самые различные органы бывают поражены, а более всего бывает переутомлено сердце. Сердечный невроз, не говоря уже о других, более серьезных поражениях сердца, дает себя чувствовать всю жизнь, если не доходит до фатального разрешения.

Однобокие спортсмены к тому же малопригодны даже среди обычной физической деятельности. Они оказываются какими-то набухлыми оранжерейными растениями, приспособленными лишь для одного какого-то выражения. Если всякая профессия вызывает и ограниченную специализацию мышления, то тем более спортивная специализация делает мышление уродливо однобоким. Если прислушаться к интересам боксеров и других подобных профессионалов или искателей призов, то очень часто можно усомниться в современной цивилизации.

За последнее время как будто потеряли остроту привлекательности бои быков. Впрочем, может быть, мы хотим ошибиться в этом. Может быть, нам хочется, чтобы они потеряли привлекательность, но где-то, может быть, по-прежнему толпа ревет от постыдного удовольствия. Конечно, никто не сопричислит к профессиональным уродствам здоровое сокольство, которое может благотворно заполнять досуги. Так часто и разнообразно повторяется о золотом равновесии. И так мало выясняется его ценная сущность.

* * *

На подступах к Монсальвату, среди восходящих путников, вряд ли можно встретить профессиональных боксеров и ловцов призов. Другие деятели неустанно стремятся к высотам Монсальвата. Чтобы взойти, чтобы не убоиться горных тропинок, чтобы претерпеть трудности,

нужны не только физические усилия. У искателей Монсальвата найдется достаточно сил, и физических, и духовных, чтобы не свернуть трусливо с намеченного пути. Необходимые для подвига физические силы будут почерпнуты не из призового источника. В прекрасном равновесии, без ущерба духовному росту, сердца, горящие Монсальватом, взойдут.

Монсальват — уготован. Произнесен на всех языках. В постоянном развитии не коснемся конечного, оконченного. Но ошибемся, приняв телесное за исход и венчание. Лишь духу сужден венец.

Отдадим себе отчет, в каких обстоятельствах зарождается представление о Монсальвате. Воспитатели не забудут, когда именно и почему возникло в жизни это ведущее понятие. На подступах к нему можно еще раз вспомнить, что ничего нет оконченного в великой относительности. Сколько раз каждому учителю придется повторить эту простую истину вступающим на трудовой путь.

В труде, в повседневности, казалось бы, так далеки высоты Монсальвата. Можно видеть людей, делающих сбережения и с нежностью приговаривающих: «Пригодится, когда пойду туда». Это не скупцы, которые, обуянные землею, закрепощают дух свой материальными сокровищами. Это соколы, расправляющие свои будущие крылья. И знают они, что им придется идти, им будет позволено идти. И прежде всего в этом сознании будет избегнуто мрачное чувство одиночества, которое так мертвит и устрашает людей, в неведении пребывающих.

О высоком могут быть лишь высокие выражения. Слова подлые, обиходные не укладываются около понятий высоких. Хотящим узреть есть многое видимое. Для хотящих слушать уже звучат голоса.

Монсальват — уготован.

14 (?) апреля 1935 г.

Цаган Куре

«Взаимность есть основа соглашений».

Сколько раз эта старая французская поговорка повторялась. Твердилась она и на лекциях международного права, и при заключении всяких договоров. Наконец произносили ее в бесчисленных случаях всяких жизненных пертурбаций.

Не только сама непреложная истина заключена в словах поговорки. Каждый человеческий ум, на всех ступенях своих, отлично понимает, что без взаимности всякая договоренность будет лишь пустым и стыдным звуком. Без взаимности непременно будет участвовать ложь, обман, который рано или поздно даст все последствия, творимые обманом.

Вот мы говорили о добровольности. Но и взаимность может расцвести лишь на основе доброй воли. Ничем нельзя вызвать так называемую взаимность, если этот прекрасный цветок не расцветет лотосом сердца.

Волны бьются о скалы. Скалы встречают их без взаимности. Правда, волны могут источить скалы. Волны могут образовать целые подводные пещеры и, в постоянстве своем, могут разрушить каменных гигантов. Но ведь это будет не соглашение, не договоренность — это будет натиск. Это будет насилие, а всякое насилие непременно окончится тем или иным разрушением. Поднявший насилие от насилия и погибнет.

В примере волн и скал как бы встретились два несогласимых элемента. Но даже и скалы, если их породы позволили бы, они могли бы ввести даже противоположное начало в полезные для бытия каналы.

Но вряд ли можно предположить, что сердца человеческие так же мало согласимы, как вода и камень. Ведь даже и вода может быть в твердом состоянии, и породы камня могут издавать влагу. И ведь эти элементы лишены сознания. По крайней мере, их сознание нам недоступно. Но не может же быть такого человеческого сердца, которое, с одной стороны, не могло бы дать влагу благодати, а с другой стороны — не было бы способно к алмазному мужеству.

Общая всем векам и народам человечность все-таки неистребима. Какими бы наркотиками, алкоголем и никотином ни убивать ее, она все-таки как-то и где-то может быть пробуждена.

Великий преступник бывает трогательным семьянином. Значит, если его чувства все-таки способны пробудиться по отношению к своему — тем самым при каком-то усиленном процессе они могут быть продолжены и ко всему существу. Сейчас уже не ставится идеал Святого Франциска Ассизского, говорившего даже волку — «брат волк». Даже не задается идеал подвижников, обладавших сердечным языком, понятным и птицам, и животным. Помимо этих высоких идеалов, слыша о которых люди обычно восклицают: «Мы ведь не Франциски», может быть основание общечеловечности.

На этой сердечной основе все-таки можно открыть даже самое затворенное сердце. Помимо всех своих торговых дел, о которых сами люди сложили тоже поговорку: «Не обманешь — не продашь», помимо всей многообразной торговли, люди не могут избежать прикосновения к духовным сферам. Люди, непривычные к таким касаниям, иногда, вместо благодати, ощущают даже болезненность. Это происходит от непривычки к таким ощущениям. Ведь человек, никогда не ощущавший электрической искры, всегда уверяет, что даже малейший разряд для него крайне чувствителен. «Так меня и обожгло», или «Так меня и пронзило», — говорит новичок, а вскоре, при повторности, даже и не замечает еще больших разрядов.

Конечно, эти восклицания происходили вовсе не от повышенной чувствительности, а от закоренелого предубеждения. Разве не бывает именно такое же нелепое предубеждение и в человеческих отношениях, где волна разумности и сердечности бьется о скалу враждебности или

тупости.

Странно и то, что люди так часто воображают взаимность в деле какой-то официально государственной договоренности. Но ведь без семейной, дружеской и общественной взаимности какая же может быть речь о государственности? Потрясая основы общежития, люди тем самым потрясают и все прочие основы. Можно потрясти основы брака, и в результате государство получит целые миллионы внебрачных, беспризорных, дичающих подростков. Можно сделать гнусную шутку из употребления всяких ядов и можно окончить почти отравой целого народа. Разве мы не видим примеры?

В каждом из таких случаев, превратившихся в народное бедствие, в начальной основе можно бы усмотреть какое-то тупо эгоистическое действие. Кто-то один помыслил лишь о своем самоуслаждении или преступной выгоде, и от этого одного злобного уголька вспыхнули пожары народных бедствий. Поистине озверелый эгоизм есть прежде всего враг взаимности.

Общежитие дает множество возможностей для воспитания взаимности. Ведь все чувства должны быть воспитаны. Но много истинной человечности и терпимости нужно проявлять, чтобы сама идея взаимности могла бы расти свободно и добровольно. Взаимность напоминает и об ответственности. Ведь каждый, отказавший в предложенной ему взаимности в делах блага, тем самым принимает на себя и тяжкую ответственность. Во взаимности сочетаются и разум, и сердце. Сердце, по благодати, чувствует, где оно должно простирать свое благоволение. С другой стороны, разум напомнит о той ответственности, которая будет порождена жестокостью или невежеством.

Опыт маленьких сотрудничеств, малых ячеек, собравшихся для добротворчества, дает многие испытания возвращения взаимности. Все лучше испытывать прежде всего на обиходе. Посмотрите, как будут претворяться обиходные будничные задачи и столкновения, и вы поймете: как в мегафоне, они отразятся во всеуслышание. Самость и самовыгоду можно проверять тоже по мегафону. Какой ужасный раздирательный рев и вой может получиться из самого, казалось бы, ничтожного домашнего недоразумения.

Недаром в старинных школах жизни руководитель подчас умышленно бросал испытание терпимости и взаимопонимания. Тем, кто в сердечности не мог понять нужное, те, хотя бы по разуму, могли предостеречь самих себя от возникающей ответственности. Можно ударить по какому-либо звучащему предмету в одном углу дома и получить отзвук в неожиданно противоположном помещении. Совершенно так же точно и в создании ответственности и взаимности.

Если бы только люди могли скорейше осознать, что для блага народных преуспеваний взаимность не должна оставаться в пределах поговорки, но должна войти как основа сотрудничества.

«Взаимность есть основа соглашений».

29 апреля 1935 г.

Цаган Куре

«Писать вам о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно».

Как многое звучит в этих словах. Одно это «о том же» вызывает глубокое размышление. Можно изумляться той алмазной стойкости, которая породила это спокойное сообщение там, где в других случаях, в других устах уже произошло бы раздражение. Именно «не тягостно», ибо писавший эти слова мудро знал всякие степени духа, знал, насколько нелегко повернуть руль в правильное течение мысли.

Среди многих подлежащих повторению понятий будет всем известная неприязнь. Всякий, кто будет и просить, и указывать о том, чтобы неприязнь не взращивалась, уже тем самым будет в рядах строителей.

Одно дело, справедливо обоснованное негодование против разлагающих попыток сил темных, но совершенно другое — искусственно сотворенная и легкомысленно питаемая неприязнь. Из очень маленького и неглубокого источника истекает начало неприязни. Как часто в основе ее будет крошечное личное чувство, малюсенькая обида или несоответствие в нажитых привычках. Обычно человек сам и не замечает, когда именно проникла в его чашу эта маленькая ехидна. Течение неприязни обычно очень длительно. Она накапливается от всяких предпосылок и миражей. Человек, когда-то почувствовавший маленькую обиду, затем уже в самотворчестве начинает, как безумец, прилеплять к этому зародышу и хвостик, и крылышки, и лапки, и рожки — пока не получится настоящее маленькое чудовище, неотступно живущее за пазухой.

Опять-таки множество раз эти самодельные чудовища бывали описаны в народной литературе. И тем не менее, почти все, читающие о них, никогда не отнесут описанное к своему же обиходу.

Сначала, попросту говоря, что-то не понравилось. Это нечто, вероятно, произошло в самом обиходнейшем смысле, а затем эта повседневность перенесется и в более широкий план, а затем закрепится, как раковый нарост, в самом опасном виде.

Человек дойдет до того, что даже, не отдавая себе дальнейшего отчета, не в состоянии будет встречаться с кем-то или с чем-то. Постепенно самовнушением человек убедит себя, что именно эта маленькая житейская подробность для него всегда была самым существенным условием жизни.

Каждому приходилось встречать таких печальных чудаков, которые сами нагромождали около себя непроходимые заторы миражного хлама. Каждый может вспомнить о людях, уверявших, что их организм не принимает ту или иную пищу. В то же время, когда им давали именно эту же пищу под другим названием, то их организм отлично воспринимал ее без всяких последствий. Значит, первоначально создалась неприязнь, которая самовнушением достигла чудовищных размеров овладения.

Из любой житейской области можно перечислить множество подобных примеров. Человек уверяет, что он не может пройти по краю пропасти, но, преследуемый диким зверем, он пробегает еще более опасное место, даже не замечая того. Наверное, каждый имеет в запасе множество подобных примеров.

Тем не менее, вопрос самовращенной неприязни остается в жизни одним из самых вредоносных. Иногда пробуют объяснять такую неприязнь к чему-либо или врожденным легкомыслием, или избалованностью, отсутствием дисциплины, или попросту возрастом. От всех этих объяснений легче не станет, ибо чудовища неприязни будут по-прежнему как жалить самого их создателя, так и вредить окружающему. Из обихода, из частной жизни они разнесут свой яд среди общественности и будут вредительствовать вплоть до коренных государственно-

мировых проблем.

Наверное, каждому приходилось иногда спрашивать своих друзей о причине их неприязни к чему-либо. Также, наверное, многие из опрошенных уверяли, что это чисто врожденное, непреоборимое ощущение. А в сущности все же оказывалось, что где-то и как-то создалась та или иная привычка, а затем какое-то обстоятельство просто не ответило этой привычке. Когда-то кушанье показалось слишком соленым, а ожидаемый цветок не расцвел к назначенному сроку. Даже такие пустяки могут постепенно накручиваться в целую идиосинкразию.

От наносной неприязни следует излечиваться, как от зачатка безумия.

Много раз сама жизнь покажет, что именно то обстоятельство, которое было, казалось бы, непреоборимым предметом неприязни, вдруг делается полезнейшим, а то место, которое казалось пустейшим, — окажется богатейшим. Тогда со многим стыдом человек должен будет отобрать все свои преждевременные заключения. Много раз внутренне он пожалеет, что допустил самодельным чудовищам до такой степени овладеть им.

Если несправедлива неприязнь, то так же несправедливо лицепрятие. Человек, окруживший себя негодными призраками — любимцами, достоин такого же сожаления, как и породивший неприязнь в себе. Ведь и создателю лицепрятия придется рано или поздно сознаться в своей неосновательности тоже с великим стыдом. А ведь у людей неглубокомыслящих этот стыд породит раздражение и создаст новое вредительство. Конечно, и самодельная неприязнь, и неразумное лицепрятие одинаково стыдны, ибо их одинаково придется изживать. А всякое хождение в оковах очень тягостно. Так же тягостно, как всякое нарушение естественной справедливости.

В римском праве изучаются различия между фас и юс. Процесс порождения одного из другого очень сложен. И все же можно изумляться тем глубоким умам, которые проникали в эти тонкости образования человеческих отношений. Если мы имеем перед собою всевозможные примеры здравого обсуждения и желания наиболее правовых решений, то это и в обиходе должно понуждать к очень сознательно-заботливому отношению к своим поступкам.

«Слово не воробей, выскочит — не уловишь», — предупреждает народная мудрость. Конечно, здесь предполагается не только внешне звучащее слово, но и значение породившей его мысли. Если каждая мысль производит какой-то зигзаг в пространстве, то ведь этот иероглиф где-то останется и всегда будет напоминать, прежде всего нам самим же, о том, как прискорбно наполнять пространство необдуманно иероглифами. За каждый из них мы ответим, и ответим в пространственном мегафоне.

«От падения лепестка розы — миры содрогаются». Гнусит радио, монотонно и неумолимо нечто пронзает пространство. Что это? Лицепрятие? Или неприязнь? Будем надеяться, что создается еще один пространственный иероглиф справедливости.

1 мая 1935 г.

Цаган Куре

Нереченное

Ученые говорят, что абсолютного нуля достигнуть нельзя.

«Профессор Лейденского университета В. де Хаас, достигший в своих лабораторных опытах одной пятитысячной градуса выше абсолютного нуля, заявил, что абсолютного нуля никогда нельзя будет достичь».

«Абсолютный ноль — 459,6 градуса ниже нуля по Фаренгейту. При этой температуре все газы делаются массивными, и всякое движение прекращается».

Итак, еще одна абсолютность признана невозможной. Так же точно при разложениях и обратных сложениях получается маленькая разница. Выходит так, что механически сложенное теряет нечто бывшее и даже уловимое по весу при начале опыта. Известный опыт с разложением и механическим сложением картофеля показывает, что остается нечто, ускользающее от формулировок.

Такое же нереченное можно наблюдать во всевозможных явлениях. При этом именно в таком неуловимом для формулировки обстоятельстве будет заключаться нечто особо существенное. Опять-таки приходится вспомнить о том, что вес человека, погруженного в интенсивное мышление, разнится от его обычного веса.

Такое нечто, с одной стороны, разочаровывает исследователей в своей недостижимости. Но с другой стороны, именно это нечто, даже уловляемое нашими грубофизическими аппаратами, всегда останется и зовущим, и воодушевляющим. Можно ли быть огорченным, разочарованным, когда такие явные возможности уже доступны даже земным выражениям. Наверное, будет допущен еще какой-то новый подход в исследованиях, который, вместо воображаемой абсолютности, даст новую беспредельность.

* * *

Рассказывают, что некоторые знаменитые полководцы во время самых ответственных сражений оставались в своей ставке, как бы погруженные в какое-то механическое, обычное занятие. Люди незнающие допускали всякие иронические соображения. Некоторые даже полагали, что в эти моменты полководец хотел мысленно уйти под влиянием страха. Но знавшие этих великих людей ближе отлично понимали, что в это время происходил какой-то, тоже нереченный процесс.

Вождь сделал все от его рассудка зависящее. Рассудочно он не мог в эту минуту изменить там где-то уже примененных его приказов. Вождь хотел отставить язык рассудка и дать чему-то нереченно глубокому создать новый влиятельный процесс. Какое-либо маленькое механическое занятие вовсе не было простым времяпрепровождением. Наоборот, это был один из способов переключить свое сознание. Само собою разумеется, что и без механических отвлечений сознание может быть переключаемо. Но для этого надо, наряду с искусством мышления, вполне овладеть и обратным искусством остановки мысли.

Если искусство мысли не легко, то и умение остановить мысль иногда может быть более трудным. Ведь для этого нужно, чтобы данный процесс мысли остановился бы вполне, чтобы новое образование в сознании возникло бы ничем не отягощенно. А это очень трудно, ибо опять-таки абсолютности не бывает и при таком опыте.

Очень часто люди предполагают, что они перестали мыслить о чем-то, но все же это останется их миражом. Они себя заставляют насильственно думать о чем-то другом. Но само это

насилие уже будет оставлять какие-то рефлексии прошлой мысли. А ведь, чтобы переключить сознание, нужно тоже достичь каких-то мельчайших, многонулевых цифр. И это все-таки будет относительность.

Но издревле, от высот сказано: «Если хочешь стать новым человеком, вздохни о Нереченном. Во вздохе едином перенесись в края беспредельности».

Итак, не длинными вычислениями, но во вздохе едином о Нереченном обновляется сознание. И там, где казался недостижимый, непроходимый утес, там неожиданно открываются зовущие дали.

Но все должно быть добровольно. В этом понятии заключен закон величайший. Никакое насилие, никакое принуждение не позволит сознанию возвышенно переключаться. Добровольность обычно остается очень неистолкованным понятием. Всякая вольность в обиходном понимании часто не уживается с добром, с сердечностью к ближним.

Конечно, всякие испытания и жизненные опыты достаточно покажут на деле, насколько преображает все действия светлая добровольность. Ведь это прекрасное желание изойдет из глубин чаши сознания. Оно дает и самоотверженность, и желание постоянного творчества во всем одухотворенном труде.

Опять-таки очень трудно различать, где истинная добровольность и где какие-либо посторонние, навеянные соображения. И в воинских частях бывают добровольцы. Но среди них лишь некоторые будут истинными добровольцами, тогда как добровольство прочих будет окрашено тем или иным соображением. Есть целые военные части, куда идут как бы добровольно, но в сущности, чтобы избежать или покрыть ту или иную житейскую драму.

Во всех мыслительных процессах добровольность играет главную роль. Без нее останется лишь грубый мираж, который никогда не обновит сознания.

* * *

Какой же светлый вздох о Нереченном может производить необъяснимое относительными формулами? Какой же перенос сознания в Нереченное сможет обратить материю в дух или, вернее сказать, одну степень состояния в другую? Где-то уже кончится воля, где-то погаснет желание, где-то не найдет слова приказ, и там обновит все единый вздох о Нереченном.

Самая изысканная пранаяма окажется недействительной там, где в пространствах пронесется вздох о Нереченном.

Читаются книжные слова о самом великом. Прекрасны эти слова, но там, где Слово, там самые лучшие слова требуют еще чего-то, еще большего — Нереченного.

Спрашивает: «Мне ли мыслить о Нереченном?» — «Да, да, именно тебе, на всех путях».

28 апреля 1935 г.

Цаган Куре

Спрашиваете, как примириться с сознанием о постоянности, о бесконечности испытаний? Где найти ту бодрость духа, которая позволила бы принять во всей планомерности и повседневности такое сознание?

Между тем сама очевидность и действительность, даже во всех будничных проявлениях, говорит о неизбежности испытаний. Даже любой неодушевленный предмет находится всегда на испытании. При доме всегда стоит наблюдающий архитектор или инженер. Каждый корабль перед новым рейсом должен быть просмотрен обстоятельно. Каждая машина, пускаемая в действие, конечно, обследуется, чтобы избежать опасности от небрежности.

Такие повседневные примеры вполне подтверждают, что и духовное состояние человека не может не быть на постоянном испытании. Физическое состояние испытывается врачом. Семьи имеют своих домашних врачей. Такие врачи разъясняют, что состояние организма должно быть испытуемо не только во время уже проявленной тяжкой болезни, но и во время предполагаемого здоровья. Врачу важно установить предварительные признаки болезни. Врачу важно пресечь возможность болезни или инфекции. Всякие профилактические меры принимаются для избавления от возможности заражений.

«Как на небе, так и на земле». Как в теле, так и в духе. Полнейшая аналогия зараз, воздействий. Так же точно, как истощенное тело особенно легко подвергается заразе, совершенно так же пошатнувшийся дух немедленно подвергается опаснейшему нападению. Тело еще может случайно избежать заражения. Но воздействие на дух в незримых и неисповедимых мерах гораздо сложнее.

Каждая грубая, кровавая пища уже облегчает возможность невидимых приближений. Каждое грубое, неистовое слово уже является вратами для темного доступа. Каждое ярое предательство уже есть приглашение наитемнейших сущностей. Если провода добра неизмеримы, то и провода темные, хотя бы и в ограниченности своей, все же очень значительны и протяженны. Ведь не голосом призываем на дальних расстояниях. Волны радио в условном иероглифе создают мосты и притяжения. Так же точно в духовной области — незримое радио зовет, и притягивает, и несет свои приказы.

Некто, погруженный во зло, судорожно передернется от благостных остережений, но если он предоставит в себе концессии злу, то, кривляясь и содрогаясь, он все-таки предоставит поле действия темным концессионерам. Мысленные, волевые действия совершаются ежеминутно. Не бывает таких часов, в которые человек бездействует. Ошибочно некоторые полагают, что если они молчат, или сидят и недвижимы, или даже внешне бормочут неосознанные формулы, — то, значит, ничего не совершают. В их духовном мире постоянно происходят всевозможные значительные действия. Игла чувствительного аппарата показала бы постоянное трепетание духа. Всегда можно бы увидеть, как он, по существу своему, порывается кверху, но тяжкие, темные гири и всякие когти одерживают и тянут его книзу, во тьму.

Среди самых повседневных действий, среди самых мелочных, рутинных забот происходит та же несменная работа духа. Если действия духа постоянны, если дух вибрирует и трепещет даже на мельчайшие, по человеческому соображению, обстоятельства, то, естественно, и испытуемость духа будет постоянной. Когда сказано: «Все миры на испытании», то, конечно, и все части миров, до самых мельчайших, будут в той же степени испытуемости.

Никакого несчастья, никакой тяготы нет и не может быть в сознании постоянной испытуемости. Вот говорят, что 26-го минувшего мая наша планета подвергалась большой опасности, которая для огромной части планетного населения осталась и неосознанной, и

вполне неизвестной. В секундной разнице Земля избежала удара мощного метеора. Вообще, может ли быть такое мгновение, когда существо не подвергается какой-либо опасности? Тем не менее, люди действуют, работают, горюют и веселятся. В июльском номере «Двадцатого века» наш друг Джагадисварананда дает прекрасный, хотя и справедливо суровый, очерк современной жизни. Автор указывает, что жизнь современная, в огромном большинстве случаев, сводится к исканию удовольствий, свойство которых постепенно понижается. Как мы неоднократно отмечали, люди перестают сознательно мыслить и стремятся к тем или иным наркотикам, лишь бы оторваться от мышления об основах жизни.

Там, где жажда наслаждений и золота, там естественны и особые испытания. Если даже такие, казалось бы, грубые принципы, как наслаждение и золото, так легко овладевают человеческим сознанием, там так же напряженно протекут и испытательные меры. Там, где грубость и сквернословие так обуревают человека, там особенно задрожит игла аппарата, показывающего борьбу духа. Многие люди не любят даже допустить мысли о том, что они находятся на испытании. Немедленно они выскажут соображения о каком-то недопустимом тиранстве. Но ведь испытание-то не что иное, как приложение их собственного духа к мере Истины.

Если дух сам отметит одну из низших ступеней, то ведь это не будет посторонним вторжением или насилием. Совершенно точно и добровольно дух отметит ту меру, которой он в данный момент отвечает. Не раз сказано, что каждый сам себе судья. Много раз повторено о том, какими путями человек слагает судьбу свою. Повторено и об Иерархии, и о строительстве, и о соизмеримости.

На всем решительно происходят самоиспытания. Нормальный человек знает меру потребной ему пищи, но болеющий обжорством не знает этой меры и причиняет себе явный вред. Нечувствительно производит здоровый организм свою сложнейшую работу. Но как только равновесие нарушается — люди получают чувствительные предостережения. Совершенно так же и в испытаниях духа. Каждый, кто не заслони, не отверг возможность духовных выявлений, он почувствует и услышит звоночек своего сердца. Человек-то будет предупрежден — лишь бы он услышал и допустил в сознание такое предупреждение. Сердце-то застонет, но не всякий поймет этот спешный зов.

В тяжелой степени невежества человек даже ожесточится от этого сердечного зова. Насильственно он попытается заставить сердце свое замолчать. От такого насилия многие сердечные болезни. Не забудем, что всякими духовными насилиями люди вредят и своим близким, излучения которых уже сродственны. Если человек не имеет права вредить своей сущности, если осуждено всякое самоубийство, то так же осуждено и убийство других, наносимое злоумышленным сознанием.

Если существует так называемый смертный глаз, уже настолько обостренная воля, то сколько же неосознательных и, тем не менее, вредительствующих взглядов-стрел рассеяно в пространстве. Зная о них, конечно, не впадем в уныние; наоборот, и это сознание лишь укрепит щит и создаст новый источник мужества и бодрости. Не убоимся, но даже возлюбим испытания. Ведь ими мы крепнем. Ведь благословенны препятствия, а тем более благословенны испытания — эта закалка клинка крепчайшего.

Полюбить — уже значит ввести в сознание. Полюбить — уже означает претворить в себе понятие и приложить в жизнь. Если кто-то заметит, что некто поникает от ужаса перед испытанием, то пусть немедленно ободрит ужаснувшегося своею радостью, укрепленную осознанием нового, испытанного щита. Сказано: «Приму в щит все стрелы, но пошлю только одну». Все испытывается, все миры на испытании. Это не есть ужас, но всегда будет источником расширения сознания, ключом бодрости и преуспевания.

27 августа 1935 г.
Тимур Хада

Звезда Матери Мира

Семизначное созвездие под именем Семи Сестер, или Семи Старцев, или Большой Медведицы, привлекло сознание всего человечества. Библия славословит это созвездие. Буддийская священная Трипитака ему же посылает пространное моление. Древние майя и египтяне на камнях его запечатлели. К нему же обращалась «черная» вера шамана дикой тайги. Другому чуду неба — созвездию Ориона — посвящены древние таинственные храмы Средней Азии. Ему же сознание астрономов подносит название «Трех Магов». Как два сверкающих крыла, раскинулись по небу эти два созвездия. Между ними неудержно сейчас несется к земле звезда утра — светлая обитель Матери Мира. И своим подавляющим светом, своим знаменательно небывалым приближением предрекает новую великую эпоху человечества.

Давно запечатленные сроки исполняются в звездных рунах. Прозрения египетских иерофантов облекаются в действия перед нашими глазами. Поистине замечательное время для зрячих.

Так же предначертанно и неудержно нисходит на человечество спутница Матери Мира — живая ткань красоты. Как пелена высшего очищения, знак красоты должен освятить каждый очаг.

«Простота, красота и бесстрашие». Так заповедано. Бесстрашие есть наш водитель. Красота есть луч постижения и возвышения. Простота есть ключ от врат Тайны грядущей.

И не «простота» ханжества и униженности. Но великая простота достижения, овеванная складками Любви. Простота, отворяющая самые тайные, самые священные врата каждому, принесшему светильник искренности и немолчного труда.

И не «красота» условности и лживости, затаившая червей разложения. Но красота духа истины, отбросившая все предрассудки. Красота, озаренная истинной свободой и подвигом, в сиянии чуда цветов и звуков.

И не подкрашенное бесстрашие. Но бесстрашие, знающее необъятность Создания, отличающее самоуверенность в действии от чванного самомнения. Бесстрашие, владеющее «мечом мужества» и поражающее пошлость во всех ее видах, хотя бы парчой прикрытую.

Понимание этих трех заветов и действенное выявление их в жизни создает «убедительность», создает оплот Духа.

За прошлое десятилетие все пришло в движение. Тронулись самые заскорузлые громады. Наконец даже самые тупоумные поняли, что без Красоты, Простоты, Бесстрашия невозможно никакое строительство новой жизни. Невозможно обновление религии, политики, науки, переоценки труда. Без Красоты, как сухие опавшие листья, будут унесены вихрем жизни исписанные листы бумаги, и вопль духовного голода по-прежнему будет потрясать пустынные в своем многолюдстве города.

Мы видели революции. Мы видели толпы. Мы прошли через толпы революции. Но лишь там видели над ними знамя мира, где вспыхивала Красота и молнией своей чудесной мощи родила общее понимание.

Мы видели, как в России именно носители и собиратели Красоты пережили потрясение легче всех прочих. Художники всех отраслей были приветствованы народом. И собиратели, именно личные собиратели, не случайные наследственные владетели, были отличены толпою. Мы видели, как самая огненная молодежь настораживалась молитвенно под крылом Красоты. И останки Религии возвышались там, где не умерла Красота. И щит Красоты был самым прочным.

«Master Institute of United Arts» и Международный Центр Искусства «Corona Mundi» в Нью-Йорке имеют на щите своем утверждения:

«Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство — для всех. Каждый чувствует истину красоты. Для всех должны быть открыты врата «священного источника». Свет искусства озарит бесчисленные сердца новой любовью. Сперва бессознательно придет это чувство, но после оно очистит все человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное. Дайте же им это. Дайте искусство народу, которому принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем». («*Paths of Blessings*». *Santa Fe*, 1921.)

«Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже «земные» люди поняли действительное значение красоты. И когда утверждаем: Любовь, Красота и Действие, — мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак красоты откроет все «священные врата». Под знаком красоты мы идем радостно. Красотой побеждаем. Красотой молимся. Красотой объединяемся. И теперь произнесем эти слова не на снежных вершинах, не в суете города. И, чуя путь истины, мы с улыбкой встречаем грядущее». (*New Era*, II July, 1922.)

На жизненных примерах можно утверждать, что эти слова не утопия мечтателя. Нет, это синтез опыта, собранного на мирных и на бранных полях. И не внес разочарования этот многообразный опыт. Наоборот, он укрепил веру в сужденные, в близкие, в светлые возможности. Именно опыт построил уверенность в тех **новых**, которые спешат помочь строительству Храма, и радостные голоса их уже слышны за холмом.

Этот же опыт обратил глаза на детей, которые даже не наученные, но лишь **допущенные**, уже расцветают, как цветы чудесного сада. И очищаются мысли их, и просветляются глаза, и дух стремится выявить слово подвига. И все это не в заоблачных храмах, а здесь, на земле. Здесь, где забыто так много прекрасного.

Кажется невероятным, чтобы люди добровольно могли забыть лучшие возможности. Но это бывает чаще, нежели можно представить. Люди утратили ключ к символам Ригведы. Люди забыли смысл Каббалы.

Люди обезобразили прекрасное слово Будды. Люди золотом принизили божественную простоту Христа. И забыли, забыли, забыли лучшие ключи от врат.

Теряют люди легко, а как же находят? Пути нахождения позволяют каждому надеяться. Почему нет, если наполеоновский солдат в траншее нашел Розеттский камень — ключ к пониманию всего иероглифа Египта. Сейчас, когда бьет поистине час последний, люди — еще немногие из них — начинают спешно вспоминать о кладах, им принадлежащих давно. И снова начинают греметь у пояса ключи доверия. И сны четко и властно зовут к покинутой, но существующей красоте. Только примите. Только возьмите, и увидите, как изменится внутренняя жизнь ваша. Как затрепещет дух в сознании беспредельных возможностей. И как легко осенит Красота и Храм, и дворец, и каждый очаг, где греется человеческое сердце.

Часто не знают, как приступить к Красоте? Где же палаты достойные, где же ткани и торжество красок и звуков. Ведь бедны мы.

Но не заслоняйтесь призраком бедности. Там, где созрело желание, там расцвело и решение. Как же начнем Музей строить?

Просто, ибо все должно быть просто. Любая комната будет музеем, и если желание было

достойно, то в скорейший срок вознесется и отдельное здание, и храм. И придут новые издали, и постучатся. Лишь стук не проспите.

Как же начнем собирать? Опять просто, без богатства, лишь с сознанием несокрушимым. Мы знаем очень бедных и очень замечательных собирателей, которые, стесняясь в каждом гроше, составляли художественные собрания, полные большого внутреннего значения.

Как же мы можем издавать? Так же точно мы знаем обширные художественные издательства, начатые с ничтожными средствами. Большое идейное издательство художественных открытых писем Святой Евгении было начато с пятью тысячами и через десять лет давало сотни тысяч дохода. Но не денежным доходом измерялось значение этого дела. Значение измерялось количеством широко разбросанных художественных воспроизведений, привлечших к пути Красоты множество новых, молодых сердец. Цветная открытка, изданная художественно и в определенной системе, проникла в новые круги народа и образовала молодых энтузиастов. Сколько новых собирателей родилось. И, получив доступ к сердцам, издательство послало в мир воспроизведение самых прогрессивных творений. Так из бесстрашия, в простоте ясности рождались дела Красоты.

Как же мы можем открывать школы и учить? Тоже просто. Только не будем ждать отдельных домов. Не будем вздыхать о примитивности или недостатке материалов. Самая маленькая комнатка — не более кельи Fra Beato Angelico во Флоренции — может вместить наиболее ценные украшения об искусстве. Самый малый набор красок не умалит художественной сущности творения. И самый бедный холст может принять Лик самый священный. Если есть сознание неотложной важности учения искусству, то надо его начать без всякого замедления. Надо знать, что средства придут, если явлен энтузиазм уверенности. Отдайте знания — и получите возможность. И чем больше отдачи, тем богаче получка. Посмотрим, как пишет хранитель Эрмитажа в Петербурге Сергей Эрнст о школе, которая в свое время частной инициативой началась в одной комнате, а затем имела две тысячи учащихся ежегодно.

«В пригожий майский день большой зал на Морской являет взору широкий, веселый праздник — чего-чего тут только нет: целая стена занята строго сияющими иконами, столы заполнены пестрым, нарядным роем майоликовых ваз и фигур, тонко расписанных украшений чайного стола. Дальше богато лежат шитые шелками, золотом и шерстью ковры, подушки, ширинки, бювары. Стоит уютная, украшенная «хитрым рукоделием» мебель. В витринах разложены красивые мелочи. На стенах расположены проекты самых разнообразных предметов убранства дома, начиная с архитектурных проектов и кончая композицией фарфоровой статуэтки. Архитектурные обмеры и изображения памятников старинного искусства. Интересные иллюстрации графического класса. На окнах колоритными, сочными пятнами красуются создания класса цветного стекла. Дальше перед зрителем белая толпа творений класса скульптуры, рисунки класса рисования с животных, а наверху ждет целая галерея работ маслом и рисунков с натуры. И вся эта масса разносторонних творений живет, движется, полная молодого энтузиазма. Все счастливые находки искусства наших дней получают в ней должный отклик, и развитие ее идет в контакте с художественными запросами современности. А что же лучше и почтеннее может рекомендовать художественную школу, нежели этот драгоценный и редкий контакт».

В этом контакте энтузиазма и бережливости всех драгоценных достижений легко растет школьное дело, и новые силы ежегодно формируются как лучшие стражи грядущей культуры Духа.

Как же мы можем достать этих новых? Это самое простое. Если на деле будет сиять Знак простоты, красоты и бесстрашия, то новые силы придут быстро. Придут обездоленные молодые

головы, ждущие чуда прекрасного. Лишь бы не пропустить этих искателей. Лишь бы в сумерках не упустить еще одного из них...

Как же нам самим приблизиться к Красоте? Это самое трудное. Можно картины издать, можно выставку сделать, можно любую мастерскую открыть. Но куда же поступят картины с выставки и куда проникнут изделия мастерской? Легко говорить, но труднее допустить Красоту в обиход жизни. Но пока мы сами не допустим Красоту в жизнь, какую же ценность будут иметь все наши утверждения?! Они будут пустые знамена у пустого очага. Допуская Красоту в дом, надо решить бесповоротное изгнание всякой пошлости, напыщенности, всего, что противоречит прекрасной простоте. И час утверждения Красоты в жизни пришел. Пришел в восстании духа народов. Пришел в грозе и молнии. Настал час перед приходом Того, Чьи шаги уже слышны.

У каждого имеются «весы за пазухой». Каждый сам себе отмеривает Карму. И вот сейчас, в щедрости, всем опять предложена живая ткань Красоты. И каждое живое мыслящее существо может получить из нее одеяние. И бросьте этот нелепый **страх**, шепчущий, что нечто не для вас. От серого страха будней надо лечиться. Ведь **все** для нас, только проявите желание из чистого источника. И помните, что на льду цветы не растут. Сколько льдинок мы разбрасываем, подмораживая лучшие стремления. Из-за подлой испуганности и отрицаний. Иные — малодушные — все-таки тихонько думают, что неприменима Красота среди серых шлаков современности. Но лишь малодушие шепчет это. Малодушие косности. Еще при нас люди твердили, что от электричества слепнут глаза, что телефон губителен для слуха и что моторы непригодны для проезжих дорог. Так же точно невежественно опасение о неприменимости Красоты.

И вообще выведите, наконец, из обихода это нелепое, немое «нет» и замените его даром дружества, драгоценностью духа: «да». Сколько косности неумолимой в «нет» и сколько светлого открытого достижения в «да».

Только стоит сказать «да» — и камень снимается, и недоступное еще вчера станет близким и исполнимым сегодня.

Помним трогательный случай, когда мальщ, не зная, как помочь умиравшей матери, написал, как смог, письмо Николаю Чудотворцу и пошел опустить его в почтовый ящик. Прохожий «случайный» хотел помочь ему дотянуться до ящика и увидел необычный адрес. И правда, помощь Николая Чудотворца пришла к бедному очагу.

И усилиями неба и земли, в открытом сознании, в жизненном применении, снова живая ткань красоты сойдет человеку.

Люди, встречавшие в жизни Учителей, знают, как просты, и гармоничны, и прекрасны Они. Эта же атмосфера красоты должна окутывать все, что касается Их области. Искры Их сияния должны проникнуть в жизнь людей, ожидающих приход скорый. Чем встретить? — Конечно, самым лучшим. Как дождаться? — Погружаясь в красоту. Как охватить и вместить? — Наполняясь бесстрашием, которое дается сознанием красоты. Как поклониться? — Как перед красотой, которая и врагов восхищает.

В глубоких сумерках, когда невиданно ярко загорается звезда Матери Мира, снизу опять несется волна священного лада. Опять тибетский иконописец на бамбуковой флейте играет перед неоконченным Ликом Будды Майтрейи. Тому, Кого ждут, этот человек с длинной черной косой тоже, по-своему, приносит свое лучшее уменье, украшая образ всеми символами благой мощи.

Так и принесем красоту народу просто, красиво и бесстрашно.

Иногда вы спросите: зачем вы повторяете определенную мысль? Но гвоздь вбивается лишь повторными ударами. Принцип японской борьбы — повторный удар. Потому не бойтесь, если и

вам придется твердить.

Ведь не «сидение на тучах», и «не игание на арфах», и не «гимны неподвижности», но упорный и озаренный труд сужден. Не маг, не учитель под деревом, не складки хитона, но рабочая одежда истинного подвига жизни приведет к вратам прекрасным. Приведет в полной находчивости и непобедимости.

Talai Pho-brang,

8 мая 1924

Наука, если она хочет быть обновленной, должна быть прежде всего неограниченной и тем самым бесстрашной. Всякое условное ограничение уже будет свидетельством убожества, а тем самым станет непреодолимым препятствием на пути достижения.

Вспоминаю один разговор с ученым, который настолько хотел быть защитником новой науки, что даже старался унизить значение всех древних накоплений. Между тем именно каждый молодой представитель новой науки должен быть прежде всего открыт ко всему полезному и тем более к тому, что уже засвидетельствовано веками. Всякое отрицание уже противоположно творчеству. Истинный творец прежде всего не доходит до отрицания в своем светлом, постоянном поступательном движении. Творец и не имеет даже времени на осуждение и отрицание. Процесс творчества совершается в неудержимой прогрессии. Потому-то так больно видеть, когда, в силу каких-то предвзятостей и суеверий, человек запутывает сам себя призраками. Лишь бы не подумали, что ученый становится старообразным, — боязливый человек готов предать анафеме или забвению самые поучительные накопления древнего опыта.

Именно свободная, неограниченная наука опять открывает человечеству многие, давно забытые, полезные находки. Фольклор снова идет рука об руку с находками археологии. Песня и предание подкрепляют пути истории. Фармакопеи древних народов опять оживают в руках пытливого молодого ученого. Никто не скажет, что вся такая древняя фармакопея может быть дословно применима. Ведь многие иероглифы написаний условно символичны. Само значение многих выражений затерялось и изменилось в веках. Но опытность тысячелетий, тем не менее, дает неограниченное поле для полезных изысканий. Так, многое забытое должно быть вновь открыто и благожелательно истолковано языком современности.

Обращаясь к археологии, мы видим, что многие раскопки последних лет изумляли нас изысканностью смысла и форм многих, даже частичных остатков. Эта изысканность, утонченное изящество давних веков, еще раз напоминает, с каким заботливым, почтительным вниманием мы должны прикасаться к этим заветам древности. Мы мечтаем о забытых лаках, об утраченной технике обделки камней, о неясных для нас способах сохранения веществ. Наконец мы не можем не прислушаться ко многим старинным способам излечения таких бичей человечества, которые именно устрашают и посейчас. Когда мы слышим и убеждаемся в том, что старинные методы благотворно применяются в лечении некоторых форм рака, или туберкулеза, или астмы, или сердечного заболевания, то разве не долг наш оказать полное доброжелательное внимание этим отзвукам стародавней накопленной мудрости?

Ограниченное отрицание не должно иметь места в кругозоре молодых ученых. Лишь убогое мышление могло бы отрезать и загромождать поступательные пути. Решительно все, что может облегчать эволюцию, должно быть приветствовано и сердечно осознано. Все, что может служить на пользу развития человеческого мышления, — все должно быть и выслушано, и принято. Безразлично, в какой одежде или в каком иероглифе принесется осколок знания. Благое знание во всех краях мира будет иметь почетное место. В нем нет ни старого, ни молодого, ни древнего, ни нового. В нем совершается великая, неограниченная эволюция. Каждый, затрудняющий ее, будет исчадием тьмы. Каждый, посильно содействующий ей, будет истинным воином, сотрудником Света.

22 декабря 1934 г.

Пекин

Многие знали леди Диен Поль, талантливую композиторшу, очень сердечную и культурную. Но немногие знали, что всю свою жизнь она ближайшим образом соприкасалась с потусторонним миром. При этом она вовсе не искала таких общений. Какими-то судьбами, какими-то особыми свойствами она постоянно видела невидимый для прочих Тонкий мир.

Не забуду, как мы возвращались после открытия моей выставки в Брайтоне и леди Диен Поль тут же, в вагоне, имела горячий спор с П. Н. Милюковым. П. Н., как завзятый материалист, всячески доказывал ей, что все ее видения не что иное, как ею же самой вызванные галлюцинации. На это леди Диен Поль, грустно улыбаясь, возражала, что ей вовсе не хочется их видеть и никого и ничего она не воображает, но, к сожалению, она продолжает видеть многие обстоятельства прошлых времен в тончайшей реальности.

Из ее рассказов вспоминается, например, характерный эпизод во вновь нанятой вилле. Леди Диен Поль, зная, что в особо нажитых местах тем более возможны всякие материализации, всегда старалась выбирать дома новые, только что отстроенные, где никто еще не жил. Так было и в этом случае. Вилла была только что построена, и, по словам владелицы, никто там еще не жил. В первую же ночь Д. П. вдруг почувствовала, что рядом с нею на постели лежит мертвое тело. Затем она увидела, что из занимаемой ею комнаты выносят гроб, который с трупом продвигается в дверях и оставляет на двери глубокую царапину. Вставши утром после такой неприятной ночи, Д. П. прежде всего осмотрела дверь и, к своему ужасу, нашла именно ту глубокую вдавленную царапину, происхождение которой она так реально видела ночью.

Призванная хозяйка созналась, что в этой комнате действительно умерла женщина, жившая там всего два дня.

В другом случае Д. П., переехав на новую квартиру, ожидала вновь рекомендованную прислугу. Проснулась очень рано и, к удивлению своему, увиделадвигающуюся по комнате опрятно одетую приветливую старушку. Д. П. почему-то подумала, что не новая ли это прислуга, и лишь удивилась, как она могла попасть к ней в спальню так рано. В это время старушка подошла к камину, на котором были расставлены какие-то старые портреты, и начала пристально их рассматривать. А затем, к удивлению Д. П., она как-то точно подскочила и, постепенно поднявшись к потолку, исчезла. Только тогда Д. П. догадалась, что это была вовсе не прислуга.

Также однажды проснувшись ночью как бы от толчка, Д. П. увидела сидящего у нее на постели мужчину, как она говорила, неприятнейшего разбойничьего облика. Посетитель долго пристально смотрел на нее, а затем постепенно исчез.

Множество всяких таких появлений как в ночное, так и в дневное время, иногда прямо приводили в отчаяние Д. П. Она искренно восклицала:

«Ведь не хочу же их видеть! И почему все мои друзья ничего подобного не видят, а я зачем-то должна встречать всех этих непрошенных гостей?!»

При этом бывало, что ее непрошенные гости перестанавливали какие-либо предметы, причем посторонне присутствующие видели движение предмета, но причина этого им была незрима.

Особенно много подобных сообщений обнаруживалось в связи с прошлой войною. Так, например, убитый на английском фронте сын В. Жаренцовой, явившись матери, сообщил место и обстоятельства своей смерти. Генеральный штаб отрицал возможность этого, дав сведение, что в указанном месте было непроходимое болото. Но через несколько месяцев приехавший друг покойного восстановил истину. Оказалось, что для сокращения сообщений через это болото

была устроена гать.

Также один наш американский друг рассказывал, как под Верденом, идя на смену караула, они встретили караул, который должны были сменить, уже в пути. Вся команда не только видела этот взвод, но и безуспешно пыталась окликнуть его. Подойдя к посту, они заметили безмолвно стоявшего часового, когда дотронулись до него, то оказалось, что это был труп. Выяснилось, что весь взвод был уничтожен неожиданным налетом германцев.

О всяких таких одиночных и массовых явлениях можно составить целые длинные записи. То же самое можно слышать и на Востоке, в Китае, Монголии, Афганистане, где с определенными местами связаны разные боевые поверья. О предметах, передвигающихся без видимой причины, можно слышать часто от вполне достоверных людей.

Перед нами лежат фотографии миссис Ф. с необычайно реальными отображениями Тонкого мира. Снимки удались без особого на то желания. О. Солнцев в Сердоболе рассказывал несколько необычайно ярких видений, бывших ему. Так, например, один уже тяжело больной гардемарин обещал ему явиться и оповестить о своей смерти. Прошло несколько месяцев. Однажды вечером, когда О. Солнцев занимался у своего стола, он услышал за спиною звук открывшейся двери. Обернувшись, он увидел своего молодого друга, но уже в мичманском мундире, чему и удивился. Тот поклонился ему и затем как бы вышел за дверь. Затем узналось, что гардемарин действительно в то время скончался, а производство в мичманы прошло уже после его смерти, а потому он был положен в гроб в офицерском мундире.

Такой же случай передавала бабушка Е. И., когда по уговору с нею один студент, также умерший от туберкулеза, явился к ней, и она даже беседовала с ним. Эту беседу слышали находившиеся рядом в комнате. Скончавшийся в прошлом году в Париже О. Георгий Спасский также не однажды испытал самые необычайные явления.

Особенно ценны сообщения людей вполне уравновешенных, которые могут спокойно и сознательно оценивать виденные ими обстоятельства. Конечно, можно слышать множество истерических, а иногда и не совсем добросовестных повествований, но такие сообщения, конечно, уже будут совершенно в другом разряде. Как и во всем, нужна простота, непосредственность, точность, словом, все то, что включается в понятие честности. Особенно же ценно, когда видевшие что-либо не стараются приписать это прежде всего своим каким-то чрезвычайным особенностям, а просто устанавливают факт во всем его окружении. Если грубая фильма может запечатлевать тонкие формы, то насколько больше может, при известных условиях, воспринимать их человеческое сознание.

16 февраля 1935 г.

Пекин

Об одном издании писем некоего мыслителя кто-то удивился, почему автор как бы возвращается к одному и тому же предмету? Читатель не сообразил, что письма написаны в разное время, а главное, адресованы разным лицам в очень отдаленные местности. Для читателя эти невидимые корреспонденты слились в одно. Ведь для него они остались невидимками. Читатель, вероятно, вообразил, что письма имеют в виду только его самого, не принимая во внимание ничьих посторонних условий. Невидимые друзья, невидимые слушатели, невидимые сотрудники — все это как бы относится к области сказочной шапки-невидимки.

Не так давно всякую невидимость или отрицали вообще, или называли шарлатанством, или оставляли в области гипнотизма. Труднее всего обывателю привыкнуть к тому, что он может быть окружен какими-то невидимками. Когда говорилось об Ангелах-Хранителях, то ведь и это предпочиталось оставлять в пределах рассказов старой няни. Но издревле говорилось и о железных птицах, и о слове, слышанном за шесть месяцев пути, и о железных, огнедышащих змеях.

Так же точно, упорно, в разных фольклорах, жила и живет идея шапки-невидимки. В самых лучших сказках и эпосе идея невидимки проводилась весьма упорно. Во время войны прилагалась для невидимости дымовая завеса. Это было грубейшее решение всяких преданий и сказаний. Но вот сейчас мелким шрифтом газеты сообщают следующее:

«Одному из молодых венгерских ученых удалось, по-видимому, осуществить и превратить в действительность сказку о шапке-невидимке. Демонстрация лучей-невидимок происходила на одной из площадей перед статуей. После того как аппарат был пущен в ход, статуя внезапно исчезла из глаз, ее присутствие можно было установить только при прикосновении. Через несколько минут статуя снова появилась на глазах у всех, как будто вынырнув из тумана».

Итак, предвидения или запоминания фольклора опять входят в жизнь. Так же точно, как уже летят железные птицы, и перевозят людей железные змеи, и оглушающе звучит слово по всему миру, так же входят в жизнь и невидимки. Можно себе представить, какие трансформации обихода создадут все эти новейшие открытия.

Еще недавно рассказывалось, как некий господин пошутил над своей доброй знакомой. Переехав в новый дом, он увидел в противоположном окне свою знакомую, только что вставшую с постели. В той же комнате находился и телефон. Шутник позвонил ей по телефону и среди разговора упомянул ей об успехах телевидения. Знакомая его усомнилась. Когда же он стал ей описывать ее ночное одеяние и всякие другие подробности, то собеседница в ужасе бросила трубку.

Эта шутка в другом виде на днях сообщалась в газетах, когда, услышав об успехах телевидения, некоторые обитатели Лондона серьезно обеспокоились о неприкосновенности их дома. Работникам телевидения пришлось объяснять, что с этой стороны опасности нет. Иначе говоря, в данную минуту опасности нет, ибо, вступив в область невидимок, можно предположить любые следствия невидимости. Важно установить принцип.

Вспомним примитивный дагеротип и современные нам успехи фотографии. Ведь до сих пор в некоторых странах, например, еще не знают простого применения фотостата вместо легко подделываемых копий документов. Зато в иных судах фотостат уже считается как документ. Или вспомним примитивную железную дорогу, образчик которой выставлен на Гранд-Централь в Нью-Йорке. Ведь она не имеет ничего общего с теперешними достижениями. Итак, если принцип невидимки найден, то из него могут произойти самые потрясающие усовершенствования.

Отгораживаться от таких механических достижений нельзя, ведь они все равно могут так или иначе проникнуть в жизнь. Значит, нужно посмотреть, какими же другими естественными средствами можно достигать равновесия? Вспомним опять о том же, о естественных благодатных свойствах духа человеческого. Если собака чует невидимок, то во сколько же раз больше может все это знать настороженный дух человеческий. И как естественно может приходить это знание. Сперва оно будет бессознательным чутьем, затем перейдет в осознанное чувство, а от него уже развивается и определенное чувствознание. Тогда всякие механические невидимки будут прозрены. Да и весь обиход изменится, но только в лучшую, в высокую сторону.

Когда вы читаете труды синаидских и многих других отшельников и пещерников — сколько в них отмечено высокого, пламенного знания! Они щедро раскинули в своих заповедных наставлениях жизненные основы. Проходят века, меняются способы выражения, но истина остается неизблема. Все преподанное о так называемом «умном делании», о «сердечной молитве», так отмеченное в «Добротолубии», коих последователи сознаются в том, что они вполне сознают, где помещается сердце. От этого недоразумения происходят всякие расстройства. Но великие старцы, пустынники и пещерники безошибочно знали, где сердце, как обращаться к нему и как вызывать его благодатное действие.

Какое чудесное слово Благодать.

Перед этими высокочестными путями всякие механические лучи являются и бедно ограниченными, и недостигающими. Но для тех, кто не хочет знать о большем, и это меньшее уже будет началом пути. Если кто-то писал об этом в одну страну, он, вероятно, найдет надобность написать и во многие другие. На разных языках, иначе говоря в разных построениях мысли, люди все-таки устремляются в созвучия эпохи. Значит, все, кто слышит об этом созвучии, они обязаны создавать из него истинное благозвучие. Поучительно видеть, что очень важное достижение происходит не в одном каком-либо народе, не в одной стране, а иногда в самых неожиданных.

В каких-то мировых очертаниях устремляется мысль. Там, где по неведению или по убогости люди чураются путей высокодуховных, там являются, как наименьшие, пути механические. Но и эти пути ведут все-таки по пути тех же достижений. А духовные врата так нужны. Так многое напоминает об этом неизбежном пути. Сами странные заболевания последнего времени. Все эти какие-то как бы ожоги организма, все эти самоотравления газом и всякими прочими веществами и неосмотрительно вызванными энергиями — ведь все это стучится. Читаем:

«Сто лет назад, в июне 1835 года, барон де Морог, член верховного земледельческого совета, прочел во французской академии наук доклад о безработице и социальных бедствиях, которыми угрожает Франции и всему миру введение в промышленность все новых и новых машин. Парижские газеты извлекли из архивов академии этот пророческий труд и печатают из него выдержки, поистине занимательные:

«Всякая машина, — писал де Морог в своем докладе, — заменяет человеческий труд, и поэтому каждое новое усовершенствование делает в промышленности излишним работу какого-то количества людей. Принимая во внимание, что рабочие привыкли свободно зарабатывать средства к существованию и что у них, по большей части, нет сбережений, легко представить себе раздражение, которое постепенно вызовет в трудовых массах механизация промышленности».

Докладчик предвидит, что, «несмотря на улучшение технически производства, материальное положение рабочих будет ухудшаться», откуда «опасность моральная, социальная и политическая». Доклад де Мороба произвел на академию такое сильное впечатление, что она

отправила королю — в 1835 году — специальную записку о необходимости регулировать механизацию производства. Эта записка движения не получила».

И вот другими путями люди опять приходят к соображениям об урегулировании механических достижений. Это уже будет не вопль против машин, не невежественное ворчание против усовершенствований, но зов о правильной соизмеримости. Ведь столько бывших невидимок стало видимками, и зато многие узренные давно видения сделались невидимками.

Грубое обращение с невидимыми энергиями может вызвать бесчисленные бедствия. Сколько же истинного знания нужно, чтобы все миллионы безработных нашли бы полезное и радостное применение, как заповедано Жизнью.

Если шапка-невидимка может что-то скрыть, то Дух человеческий может открыть Истину во всем ее великолепии.

11 марта 1935 г.

Пекин

Бывшее и будущее

Швейцария. Лето 1906 года. Приехала ясновидящая. Многие хотят побеседовать с нею.

«Хотите ли она прочтет в закрытой книге?»

В это время Е. И. приносит с почты какой-то закрытый пакет с книгою из Парижа. Е. И., не раскрывая пакета, называет страницу и строчку, и женщина, с закрытыми глазами, читает это место, точность которого тут же при всех и проверяется при вскрытии книги.

«Где мы будем жить следующее лето?»

Следует описание каких-то водных путей. При этом добавляется: «Вы едете на пароходе. Кругом вас говорят на каком-то языке, который я не знаю. Это не французский, не немецкий, не итальянский; я не знаю этого языка».

На другой год мы, совершенно неожиданно, жили в Финляндии.

Затем следовали описания судьбы моих картин в Америке, на выставке, устроенной Гринвальдом. Затем, как видно теперь, были описаны потоки крови великой войны и революции, смерть императора, а затем начало учреждений в Америке. При этом была любопытная подчеркнутая подробность, что в новых делах будет очень много исписанных листов бумаги. Разве это указание не характерно, когда припомним всю многочисленную переписку со всеми учреждениями в разных странах.

Другой случай, тоже в Швейцарии. Задумываются разные легко— и трудноисполнимые задания, а женщина с завязанными глазами берет задумавшего за руку и стремится выполнить приказанное. Причем выполняет не задуманное обычным гипнотезером, нет, она готова выполнить приказы самых случайных для нее встречных. Она пересчитывает деньги в карманных кошельках, читает метки на платках, причем читает на французском, своем произношении. Например, вместо Борис говорит Бори. Указываются приближающиеся письма. Описываются лица, думающие в данный момент о ком-либо из присутствующих.

Можно припомнить множество подобных эпизодов как в Европе, так и в России и на Востоке. Когда нечто подобное происходит, мало кто отдает ему должное внимание. Чаще всего эти замечательные, наводящие на многие размышления свидетельства остаются в пределах любопытного анекдота. Но проходят года, и, когда совершаются потрясающие события, так легко в обиходе рассказанные, так непосредственно соединяющие бывшее с будущим, тогда запоздало всегда будут произнесены сожалительные формы о том, как многое могло бы быть своевременным еще более углублено. Искренно пожалеется о том, что бывшие у всех на глазах опыты остались тогда же не записанными.

Ведь так легко было тогда же осознать значительность необычных показаний. Но у многих слушателей являлось постыдное соображение: не подумает ли кто, что мы придаем значение словам какой-то проезжей, может быть, авантюристки. При этом даже самое первоначальное значение слова «авантюра» понимается не дословно, а в каком-то чисто условном значении. Ведь так много в столбцах словаря подозрительности и суеверия.

Из другой области вспоминается, как в Агре, на большом пестром ковре, седенький индус раскладывает всякие человеческие и животные фигурки. Затем он начинает на дудочке наигрывать прекрасную, душевную мелодию, под которую все эти воины, раджи, баядерки, купцы, слоны, тигры начинают шевелиться, подниматься, исполняя всякие замысловатые танцы. Зрелище получается фантастическое, усугубленное всей экзотической обстановкою. Но один из присутствующих, ради истины, с улыбкой замечает индусу:

«Я знаю, как вы делаете. Ведь у вас под каждой фигуркой протянуты нити, которые вы и шевелите играя».

Старичок скорбно-обиженно обернулся, молча встал, собрал свои фигурки и ушел в очевидной обиде. Конечно, было совершенно явно, что фигурки могли шевелиться только по проводам, не видным на пестром ковре. В этом никто не сомневался... Но очарование было нарушено. Было жаль произнесение того, что было всем ясно. Так же точно при всяких проявлениях тонких энергий требуется встретить их и сопроводить соответственно гармонично. В этой естественной гармонии энергии будут расти, не нанося ущерба и усталости тому, в ком они проявлены.

Сколько раз при всяких ответственных опытах присутствующих просят проявить величайшую внимательность и осторожность. Не нарушать тишину шумом или несдержанными восклицаниями. При этом как бы от своеобразного самовнушения людям непременно потребуются кашлять, чихать, шуметь за столом или корчиться от необъяснимого смеха. При этом они никогда не хотят признаться в том, что их непрошенные выступления могли быть кому-то вредны. Они скажут: «Что из того, что я кашлянул. Какие же такие проявления, которые и кашля боятся. Неужели уже и пошевелиться нельзя?» Так люди плотного мира ни за что не хотят признать или хотя бы подумать об условиях тончайших энергий.

Плотные люди при случае будут жаловаться на то, что с ними ничего особенного не происходит, а из этого они выведут мертвящие заключения о том, что вообще нигде ничего особенного не происходит. И кончат они эти свои умозаключения: «Итак, выпьем!» От нежелания подумать о лучших условиях для своего ближнего люди впадают в грубо эгоистическое соображение: я не чувствую, значит, никто не чувствует. А из этого разрушительного предположения вытекает и другое: я не знаю, значит, пускай и другие не знают. Иначе говоря, со скрипом и визгом открываются врата замка невежества.

Так же как самое особенное происходит в обиходе, так же и неизлечимо невежественное возникает в том же обиходе, среди объединения, среди самоусыпления и погружения в суеверия.

Но ведь если приложить хотя бы бывшее у каждого, то самое бывшее, за которое он может поручиться, то уже и будущее складывалось бы под совершенно особым знаком. Получалось бы продвижение и разумное, и быстрое, а тина застойная разметалась бы в движениях нового прекрасного сознания и труда.

21 мая 1935 г.

Цаган Куре

Поднялся вопрос, когда жизнь прекращается с законной точки зрения? Из Лондона пишут: «Когда человек умер. Когда, после остановки сердца и дыхания, нужно считать, что жизнь покинула человеческое тело».

Странный эпизод пятидесятилетнего садовника из Арлей, Джона Пекеринга, который сейчас поправляется после операции, когда сердце и дыхание его уже остановились на пять минут, — производит целую революцию в медицинском мире.

Случай Джона Пекеринга опрокинул указания медицинских справочников. Все присутствовавшие при его операции, согласно показанию врачей, удостоверились в его смерти.

Каждый врач, конечно, засвидетельствовал бы смерть при полном отсутствии пульса, дыхания и сердечных рефлексов, как было в случае Пекеринга.

«Принципы и практика врачебной юриспруденции» Телера говорят:

«Если никакого звука и сердцебиения не обнаружено в течение пяти минут, в периоде, который в пятьдесят раз больше, нежели требуется для наблюдения, то смерть должна быть рассматриваема несомненной».

«Имеются все основания полагать, что если сердце абсолютно перестает биться за период длиннее одной минуты, то смерть уже несомненна. Те же наблюдения касаются и дыхания».

Противоречия, возникшие в случае Пекеринга, означают, что справочники должны быть пересмотрены. Они были написаны до открытия адреналина, этого жизнь дающего двигателя, который возвращает людей к жизни из того состояния, которое, по суждению медицинских авторитетов, уже называлось смертью.

Последствия очень обширны, и их даже трудно предвидеть. Прежде всего родственники теперь будут требовать дальнейших воздействий своих врачей при случаях кажущейся смерти.

Возникают и вопросы в области общественности и законов. Например, как быть с завещанием в таком деле, как случай Пекеринга. Могут ли быть затребованы страховые премии? Может ли быть расторгнут брак такою смертью?

Конечно, кроме этих возникающих вопросов, могут быть перечислены и многие другие, не менее значительные. Вообще момент так называемой смерти становится чрезвычайно условным и действительно подлежит пересмотру.

Так, например, передавался случай, когда под гипнозом уже возвещенная неминуемая смерть была значительно отсрочена. Так же точно передают, что, так сказать, умерший, под влиянием внушения, произносил какие-то слова. Наверное, кто-нибудь скажет, что это невозможно. Но ведь так же точно составитель широко употребляемого справочника полагал, что вышеотмеченный из Лондона случай тоже должен был бы быть признан окончательной смертью.

Не будем возвращаться ко всем ошибочным или ничтожным заключениям, которые в свое время вводили человечество в заблуждение. Можно вспомнить, как в свое время опорочивались опыты с силою пара, с электричеством и со многими явлениями, ставшими сейчас общеизвестными даже в начальных школах. Можно лишь пожалеть, что так же как теперь, так и в прошлые дни, очевидно, преобладало отрицание и многое затруднялось этим разрушительным рычанием.

Много раз приходилось советовать людям вести дневники или записи, чтобы вносить узнанные достоверные факты. Так же точно, как метеорологические наблюдения должны производиться повсеместно и неотступно, так же и многие другие факты должны быть отмечаемы во всей их необычности.

Приходится читать о рождении четверни и даже шестерни. Факт сам по себе необычный. Но когда и такие факты наслаиваются, то наблюдения над ними могут быть очень поучительны.

Вообще без всяких отрицаний нужно научиться пристально всматриваться в действительность. Когда робкие люди восклицают: «Это невозможно!» — то к таким негативным воплям нужно относиться более чем осмотрительно. Все те новые грани, которые сами стучатся в обиход современного человечества, должны быть опознаны и, прежде всего, во благо.

Даже когда говорится о новых гранях, то можем ли мы утверждать, что они новые и что они грани? Кто возьмет на себя дерзость настаивать, что это самое не было уже когда-то известно? Может быть, забыт тот язык, на котором эти же факты произносились; но никто не скажет, что в существе своем они были неизвестны.

Радостно замечать, как опознание прошлого, а вместе с тем прогнозы возможности расширяются и углубляются. Достоверная запись пытливого обывателя может принести несчетную пользу, уничтожая суеверия и невежество и подкрепляя истинных пытливых исследователей.

14 марта 1935 г.

Пекин

В своей книге «Страх перед смертью в первобытной религии» Джордж Фрезер приводит мудрые слова племени Омаха о смерти: «Никто не может избежать смерти и никто не должен бояться смерти, раз она неизбежна». Также и древние майи спокойно говорили: «Отдохнуть иду». Если вспомним слова Сократа перед отходом его, перед выпитием чаши яда, или мысли Платона о смерти и даже Эпикура, уже не говоря о высоком отношении к этому акту в учениях Индии, мы увидим то же осмысленное, мудрое сознание о смерти, как о перемене бытия. Увидим то же сознание о жизни вечной, которая так ясно заповедуется священными Заветами.

Между тем в смущенных умах Запада, в особенности в XVIII и XIX веках, когда отрицание пролагало свой темный путь, мы видим какой-то животный ужас перед естественной сменой бытия. Еще недавно можно было читать о том, как интеллектуальная де Севинье выражалась: «Смерть до того страшна, что я скорее ненавижу жизнь больше потому, что она ведет к смерти, чем за терния, которыми усеян путь в жизни». Идея смерти отравляла жизнь Альфонсу Доде, Золя, Гонкуру, Мопассану и другим, казалось бы, смелым и широким мыслителям.

В то же время среди людей, живущих в природе, часто даже слово «смерть» не употребляется вообще. Они скажут: «отошел» или «скончался», то есть скончался для этого выражения бытия. Люди, прикоснувшиеся к природе, прикоснувшиеся к основным учениям истины, люди, сделавшиеся естественными мыслителями, так же естественно понимают значение смен бытия. Страх смерти, казалось бы, может происходить лишь у каких-то злодеев, омрачивших свое сознание преступлениями и умышленно несправедливыми поступками. Вполне понятно, что каждый предатель опасается такой разительной смены бытия. Конечно, внутри себя он вполне понимает, что он погрузится не в небытие, но в какое-то другое бытие. Если в теперешнем своем бытии он отяготил сердце свое множайшими темными намерениями или деяниями, то, конечно, он не знает, легко ли будет ему оказаться в каких-то незнакомых для него условиях. Человек, вчера натворивший недостойные дела, старается избежать за них ответственности. Такой ужас перед неизбежным переходом в неизвестный мир вполне понятен у людей, омрачивших свое земное существование гнусными делами или вещественными, или мысленными. Ведь не надо же опять повторять, что мысль будет даже много существеннее, нежели слово или мускульное движение.

Не покажется ли странным, что наряду с существами преступными и некоторые, казалось бы, широкие мыслители тоже впадали в животный ужас перед сменой бытия. Хотелось бы знать, легко ли они сменяли и свои земные дома. Может быть, и на земле некоторые из них были не легки на передвижение. Известно, что некоторые люди уверяют, что они могут творить и мыслить лишь в своих насиженных домашних условиях. Каждое необычное окружение им уже мешает для выражений их творчества. Но ведь, казалось бы, именно разнообразие впечатлений, именно изживание непредвиденностей и опасностей должно обострять мышление, находчивость и смелость. По мужественности можете судить и многие другие качества человека. А ведь мужество испытывается не сидя за печкою, но там, где противопоставляется и борьба со стихиями, и с тьмою, и со всем невежеством. Каждому приходилось видеть людей, которые за спокойною трапезою произносили самые смелые речи, но, когда оказывались лицом к лицу с теми опасностями, о которых они только что громко говорили, они выказывали себя совершенно в ином освещении. Вероятно, если с этими людьми поговорить о смерти, то они скажут, зачем вообще говорить о таких ужасных предметах. Значит, они сомневаются в целесообразности мироздания со всеми поразительно вдохновляющими сменами бытия. Казалось бы, они достаточно слышали о том, что все находится в движении. Казалось бы,

новейшие открытия достаточно доказывают наполненность пространств, и все же они будут ужасаться при таком значительном и торжественном переходе в новый для них мир. Они будут даже при маленьких земных переездах делать духовные завещания, не столько потому, что они исключительно заботились о ком-то, но также и потому, что этот акт ими мыслится нераздельно со страхом смерти.

Люди нерелигиозные при мысли о смерти поспевают с совершением обрядов, когда же, по их мнению, опасность миновала, то они первые, может быть, расскажут кощунственный анекдот. В недавнем выпуске журнала «Двадцатый век» профессор А. Р. Вадья, среди очень интересных суждений об идеях и реальностях двадцатого века, говорит: «Мир теряет чувства религиозных ценностей. В своем восстании против окаменелых верований и бессмысленных обрядов он впадает в опасность выбросить ребенка из ванны вместе с водой. В своей подозрительности против религий он делается слепым к смыслу и значению Религии». Так правильно рассуждает профессор, много начитанный и бережно относящийся к высшим ценностям. Действительно, по ходячей поговорке, уже много детей было вылито вместе с ванной водою. А ведь среди этих опрометчивых выливаний человечество выбрасывало так же именно то, что могло бы так укреплять его в творчестве и мысленном, и вещественном.

Знающий о жизни вечной тем самым знает и свою радостную ответственность за каждое деяние и мысленное, и мускульное. В молениях произносится это великое значение слова «жизнь вечная». Мыслящий при этом понимает, что жизнь всегда многообразна как в горизонтальном, так и в вертикальном значении. Даже по примитивным физическим законам он понимает, что каждоминутно все изменяется и никогда не придет в прежнее состояние. В этом движении заключена величайшая творческая щедрость. И как радостна и благодатна обязанность посылно участвовать в этом всемирном творчестве!

Руссо замечает: «Тот, кто утверждает, что спокойно, без страха встречает смерть, — просто лжец». Почему же большой писатель Руссо берет на себя ответить за все человечество, что оно должно бояться смерти. Конечно, этот акт выходит за пределы обыденности. Потому он должен быть встречаем в особом сердечном спокойствии. Это сознание, конечно, будет далеко от так называемого спокойствия перед принятием обыденной пищи или любым повседневным действием. Но именно в особом, вдохновенном спокойствии великой смены бытия будет настоящее великодушие, которое всегда сопряжено с мужеством.

Апостол сказал ясно и кратко: «Мы не умрем, но изменимся». Вот в четырех словах заключено свидетельство о жизни вечной. А припомните слова Бхагавад-Гиты о неделимости, неизменяемости, о вечности Сущего. Во всех веках, во всех концах мира торжественно подтверждена жизнь вечная. Значит, нужны были какие-то противоестественные, насильственные устрашения, чтобы привести человека в невежественное понимание акта смены бытия. В то же время начинают говорить о жизни на других планетах, о чем еще недавно даже значительные астрономы лишь пожимали плечами. Мы помним, как за эти утверждения Фламарион был угрожаем лишением научности и переводом в разряд любителей. Но сейчас уже лучшие научные авторитеты относятся гораздо осторожнее к таким осознаниям жизни вечной.

Конечно, такое основное понятие может осознаваться лишь в утверждении. Каждое невежественное сомнение наносит этому ясному утверждению почти неизлечимые трещины. Печально видеть, если интеллигентные мыслители боятся смерти и тем самым заражают невежественные массы. Почему же им не проникнуться тем светлым знанием, которое слагало древнейшую мудрость, подтвержденную лучшими мыслителями всех веков. По лучшему и придите к лучшему.

20 июля 1935 г.

Не угасал свет. Всегда напоминали о себе излучения и сияния, и земные, и надземные. Люди ходили к врачам, прося прекратить такие непрошенные прозрения. Потребовались многие усилия, чтобы даже грубые аппараты оправдали дар человеческого зрения.

Когда люди уверяли, что они видят свет, их оговаривали. Называли выдумщиками. Впрочем, каждый близорукий не верит дальнорозком. Излучения человеческого тела отвергались и относились в область мистики или приписывались испорченному зрению.

К древнему знанию, к тому же издревле опознанному, проторились новые пути. Поверх всех изуверских запретов вдумчивые наблюдатели усмотрели убедительные показания.

«В германском медицинском журнале «Фортшритте дер Медичин» помещена обстоятельная статья проф. Пауля Добнера об излучениях человеческого тела. Профессор Добнер нашел реактив, позволяющий установить, хотя и косвенным путем, наличие человеческого излучения. Это — обыкновенная алюминиевая пластинка. Алюминий обладает радиоактивными свойствами, и пластинка этого металла, приведенная в соприкосновение с фотографической пленкой, чернит ее, как если бы она светилась. Проф. Добнер установил, что человеческие излучения обладают способностью усиливать на короткое время радиоактивность алюминия: если алюминиевую пластинку положить сначала на руку, а затем на фотографический слой, то она зачернит его гораздо интенсивнее, чем пластинка из того же металла, этой предварительной операции не подвергнутая».

«По степени затемнения можно судить об интенсивности ауры той части человеческого тела, с которой алюминиевая пластинка находилась в соприкосновении. Проф. Добнер установил, что поток человеческих излучений сильнее всего — на кончиках человеческих пальцев и непосредственно перед глазами. Это совпадает с теорией магнитных «флюидов», истекающих именно из пальцев и глаз магнетизера. Другое важное обстоятельство обнаружено проф. Добнером: характер излучений человеческого тела зависит от состояния крови. При болезнях крови интенсивность излучения тела падает, а у раковых больных аура совершенно исчезает».

«У здорового человека аура распространяется на расстояние до 40 метров вокруг тела».

Уже не открытие, но подтверждение. Но ведь свидетельства нужны. Сколько неведомых слушателей поблагодарят за подтверждение того, что они давно утверждали, за что переносили насмешки и глумления. Еще врач говорит:

«Громадное влияние имели на медицину идеи Гиппократов, господствовавшие в ней на протяжении чуть ли не целых двух тысячелетий».

«Медицина как научная дисциплина в современном смысле создалась лишь во второй половине прошлого века в связи с изучением анатомии и появлением наук физиологии и биологии».

«Только тогда, когда стали известны причины тех или иных болезней, борьба с ними стала действительно на научную почву, и медицина вышла из тех пометок, в которых она пребывала на протяжении почти всей ее истории, особенно в эпоху Средневековья, когда главными методами лечения были молитвы и заклинания тех злых и нечистых духов, которые считались возбудителями различных заболеваний».

«Подчеркнув незыблемость основной идеи Гиппократов, высказанной более 2000 лет тому назад, что человеческий организм сам стремится излечивать себя от тех или иных болезней, докладчик указал, что роль медицины сводится к помощи организму в этой борьбе, причем эта помощь должна оказываться не тому или другому заболевшему органу, а всему организму в

целом, и в этом отношении громадное значение в медицине имеют психологические факторы — вера пациента в искусство врача, в знания последнего».

Правильно замечает врач о глубоком значении в медицине факторов психологических. Сколько раз приходилось слышать от мудрых врачей замечания при счастливом исходе лечения: «Вы сами помогли мне вас вылечить».

В этом имеется в виду и притяжение, и отталкивание, магнетические токи и лучи, а в конце концов, все, что входит в понятие того же света. С разными намерениями люди подходят все к тому же самому, глубоко основному, которое пропитало и связывает сущее.

«В Парижской обсерватории производятся в настоящее время опыты соноризации звездного неба. Как известно, всякий световой луч можно превратить, при помощи так называемой фотоэлектрической клетки, в звук — и обратно. На этом основан говорящий кинематограф. Свет небесного тела, уловленный в телескоп и направленный на фотоэлектрическую установку, дает определенный звук: звезда, в буквальном смысле слова, поет».

«Из всех перепробованных звезд наиболее мелодичный звук дает Вега. Свету, из которого этот звук рождается, нужно 27 лет, чтобы дойти до Земли».

Конечно, цвет и звук неразделимы. Конечно, звучание светил небесных должно обратить мысль к величайшим осознаниям. Язык звучания и иероглиф света неисчислимы в пространстве. Когда предлагается мысль о дальних мирах, ведь не только об астрономических проблемах предполагается. Какие великие расширения сознания зазвучат и засияют. Даже, можно сказать, грубыми способами уже опознано, что пораженный болезнью организм не излучает свет. То же можно наблюдать не только при болезни, но при всяких других омрачениях злобы, при гневе, или раздражении, или при унынии. Все это известно со времен древнейших. В прекрасных выражениях много раз это произнесено лучшими мыслителями.

Поэтому, собственно, и открытия того, что давно известно, быть не может, но зато может быть опознание не всеми рассмотренного. И за это опознание нужно быть глубоко благодарными ученым. Они в выражениях современных, в пределах общепризнанной очевидности, вводят в широкие массы соображения глубокого значения. Если люди подумают еще и еще раз о свете и звуке, если они услышат звучания светлые, они подвинутся по пути расширения сознания. Не простое накопление сведений, но расширение мирозерцания и устремление к наивысшему выведет людей из бездны быта.

Запах кухни заменится высокими пространственными ароматами. Вместо закоптелого огарка чаще засверкают сияния света нездешнего. И тишина зазвучит. Все это — и высокое, и безбрежное, и неисчислимое — удержит человечество от постыдных отрицаний и приведет к высокому созданию благоволения.

Как это нужно!

5 марта 1935 г.

Пекин (?)

Перед нашими духовными глазами прошли блестящие шествия народов. И каждый из этих странников в течение многих веков вложил свою лепту в сокровищницу культуры. И прошли многие народы и в труде и в борьбе положили свои приношения. Но еще не наполнена сокровищница мира! И среди бесчисленных жертв в сплетениях тканей, камней и металлов все еще смутно чудится истинный лик человечества. Сколько неотложной работы для всех!

Но одно понятие уже вошло в жизнь. Мы поняли, что все вещи, все детали жизни не создались случайно. Все они полны значения, накопленного веками. Если каждое слово, если каждая буква имени нашего имеет особое значение, если каждый шаг жизни обусловлен следствиями и причинами, то, значит, с каким же вниманием мы должны присматриваться к каждому проявлению великого творчества. Одни уже сознают ясно, другие еще, как во сне, прозревают, что вокруг них идет сложная созидательная работа и какие-то неведомые им условия создают законченные аспекты новой жизни! И какие кажущиеся нам мелочи часто в корне изменяют весь строй нашего существования. Почему-то в одном обществе люди чувствуют себя удобно. Почему-то в иных условиях люди легко выходят из себя, доходят до страдания и чувствуют полную невозможность действовать успешно.

Сколько светлых догадок и предположений. Сколько темных и невежественных заключений! Но к догадке прибавляется опыт. Опыт просветляется знанием. И люди начинают понимать, что пределы реального мира действительно необозримы. Что понятия «мистицизма» чаще всего оказываются просто следствиями невежественности. И отрицающий великую реальность всего сущего так же невежественен, как отрицающий беспроволочный телеграф, радиий, передачу снимков на расстояние и все те реальные научные вещи, которые так недавно казались сказкой.

В приступе самомнения и глупости человек начинает отрицать все то, что его ум сегодня не знает, что его затемненное ухо сегодня недослышало. Но ведь в свое время отрицалась и возможность открытия Америки! Примеры разновидностей невежества не нуждаются в опубликовании.

Но жизнь протекает; понемногу люди начинают понимать, что такое «реальность», начинают сознавать, что жизнь наша полна блестящих возможностей, часто неоткрытых, еще чаще забытых. Часто уже сообщенных в символах, которые дикому взгляду современного «цивилизованного» человека кажутся детскими или дикарскими стилизациями. Но все-таки мы помним, что каждая черта старого орнамента полна векового значения. И мы все-таки сознаем, что каждая гамма красок создает какое-то могущественное настроение.

Могущество цвета! Люди, имеющие перед собой все могущественные цвета Божественного неба и земли, — они пытаются ослепить себя, лишь бы не допустить давно сужденную им радость. Но, одев все серые, желтые и черные стекла, рассудок людей все-таки пытается пробиться и доказать мощь цвета. В наши дни начинают вспоминать связь музыки с цветом; начинают вводить в церковь цветные освещения для концентрации настроения; начинают лечить цветом.

Робко пробивается в жизни то, что должно заявить о себе властно. То, что среди будущих духовных прозрений принесет новую радость затемненному человеку. Люди — цветы Божьи! Но не странно ли, что теперь поле этих цветов покрывает землю таким черным траурным

покрывалом? Самая праздничная толпа наша заливает лицо земли черно-серой лавой. И точно лава, толпа выедает на пути своем всякую радость. Может быть, жизнь создает достойную современности гармонию? А между тем даже во время Итальянского Возрождения толпа могла мешаться с цветами полей, не доливая их чернилами. Как же помочь? Может быть, просто перебить черное поле толпы яркими пятнами? Но ведь даже бык бесится от неожиданного яркого цвета. И если продолжим сравнение толпы с полем цветов, то мы ясно вспомним, что даже самые яркие выражения природы никогда не оскорбляют глаза, ибо космическое творчество всегда гармонично.

Выявление этого творчества может даже ослепить наш слабый глаз своею мощью, но оно никогда не дает соединения оскорбительного.

Но как же перейти от ступени нашего современного слабого глаза к ощущению космической правды? Может быть, мы навсегда или надолго утратили пути правды и света? Может быть, лишь при совершенно исключительных условиях жизни мы можем прозреть? Или надо сменить жизнь для того, чтобы очиститься? Так каждый из нас в тишине ночи мучительно спрашивает себя: закрыты ли нам врата света и правды?

И в то же время наш дух подсказывает нам, что ничего запрещенного нет. Тайный голос властно нам шепчет: «Все близко, все должно быть жизненно и практично». И самообновление всей нашей жизни должно быть просто: должно быть начато здесь, среди нас, ибо дух человеческий — этот мост ко всему светлому и руководящему — никогда нас не покидает. Где же признаки? Покинуты ли мы? Не вводят ли нас в заблуждение?

Не в этой лекции мне говорить вам о разных светлых возможностях человеческого духа. Здесь я укажу лишь один из бесчисленных примеров. Все вы, конечно, слышали о цветных аурах, излучаемых людьми. Вы знаете, что ауры меняются сообразно нашим духовным достижениям. И каждая мысль наша может и просветлить и затемнить нашу ауру. Каждый носит при себе мерило своего духовного достижения.

На изображениях святых мы видим сияние, то есть стилизацию общечеловеческой ауры, особо ярко выраженной у высокодуховных организмов. Конечно, речь о цветных аурах всегда считалась областью «мистицизма». Даже теологи смущенно говорили о сияниях святых. Но человечество опять поняло, что все должно быть жизненно и практично; среди своих находений люди опять нашли способ механически выявлять ауру. Теперь вы можете пойти в научный институт и вместе с рентгеновским снимком получить и снимок вашей ауры. Не говоря уже о том, что некоторые люди видят ауру обычным путем зрения. Но какие же отношения имеет сказанное для вопроса о костюме? Конечно — огромное и ближайшее значение.

Когда вы поймете значение и смысл цветной человеческой ауры, вы тем самым поймете значение цвета в нашей жизни — вы поймете, что такое гармония цветов. И не только поймете, но почувствуете, насколько просто и близко от ваших рук еще одно средство для лечения больной современности.

Еще одна «тайна» природы станет для вас доступной, так же как легко может стать доступным практический смысл окружающих нас стихий.

Все должно быть так просто. И все должно нести радость. И женщине, именно ей, суждено принести ближайшие будущие радости мира. Становясь знающим, становясь практичным, вы понимаете причины вашего доброго или отрицательного отношения к людям и к вещам. Сознательно и бережно вы выговариваете слово «гармония». И это сознание уже выправляет ваш путь к будущему просветлению.

Если дух наш узнал что-то, то поверьте, остается лишь вопрос времени, когда мозг овладеет новым ему сознанием.

Человек носит вечное цветное одеяние духа. Человек помыслами сам окрашивает свою

драгоценную одежду в избранные им самим цвета.

Человек ищет соотношение себе в окружающей жизни. Человек, конечно, понимает, что мощное сочетание цвета действеннее, нежели испуганный, потушенный цвет мыши. Цвет сумеречного угасания. И тогда вы чувствуете могущество цвета в жизни вашей. Вашей лучшей аурой вы притянете себе лучшие излучения. Лучшие цвета вещей косвенно помогут вашей духовной одежде зажечься светлее. Все должно быть жизненно. Всюду должно быть сцепление обоюдной помощи. Человечество уже узнало светлую и темную магию знака — магию линии. Большинство старинных орнаментов носят в себе следы благих линий. И потому источник этих наслоений часто очень благостен. Теперь человечество овладеет мощью цвета. И потому вопрос костюма и обихода, помимо красоты внешней, включает в себе великое значение внутреннее. И мы сейчас уже условились, что слова «мне нравится» и «мне подходит», «меня радует» — могут иметь глубокое и должное значение. И вся жизнь полна этими великими знаками. И пустой доселе покой наполняется не призраками, но множеством нужных и прекрасных предметов. И вы, как воин, вооружаетесь ими во имя блага, которое каждый из нас должен нести в мир.

Если же кто-нибудь улыбается — не понимая сейчас внутреннего значения сказанного, — пусть улыбается. Потом он так же улыбнется своему неведению.

II

Установив значение костюма и обихода вообще, обратимся к частному случаю. К случаю наших «так называемых» русских костюмов.

Если мы предпослали общечеловеческое основание наших ощущений в жизни, то и в этом случае установим путь общечеловеческого значения русского костюма.

Для выявления общечеловеческого конгломерата пример России особенно интересен.

Вы знаете, что великая равнина России и Сибири после доисторических эпох явилась ареной для шествий всех переселяющихся народов. Изучая памятники переселений, вы понимаете величие этих истинно космических переселений.

Из глубин Азии по русским равнинам прошло несметное количество племен и кланов. И пробившись до Океана, эти странники, завершая свой путь через века, снова обернулись к России.

И снова принесли ей обновленные формы своей жизни. Если в России можете сейчас насчитать до 300 различных наречий, то сколько же языков, уже вымерших, оживляло ее безбрежные «степи». После общечеловеческого иероглифа каменного века мы в последующие эпохи встречаем в недрах русской земли наслоения самые неожиданные; сопоставление этих неожиданностей помогает нам разобраться в лике русской действительной жизни. Для иноземного глаза понятие русского костюма, может быть, и не так сложно. Чужой глаз иногда не заметит разницы и в тысячу лет. Но для нас самих так называемый русский костюм распадается на бесчисленное количество видов. И случайность соседства, и условия местности, и время — все обуславливало особенности костюма.

Даже сейчас в 250 верстах от Петербурга около Пскова живет особая народность «полуверцы», сохранившие не только особый костюм, но и совершенно особый язык.

Простая русская крестьянка не имеет понятия, какие многоцветные наслоения она носит на себе в костюме своем. И какой символ человеческой эволюции записан в ее домотканых орнаментах.

Еще сейчас в Тверской и Московской губерниях мы видим орнамент из древних оленей. Изображения этих животных относит глаз наш непосредственно к каменному веку. В то же

время в тех же местах вы встретите ясно выраженную монгольскую вышивку. Или найдете ясные формы готского украшения.

В остатках скифов, в степях юга вас поразят претворения вещей классического, эллинского мира.

В Верхнем Поволжье и по берегам Днепра вы будете изумлены проблемой сочетания прекрасного романского стиля с остатками Византии. А в византийских остатках вы почувствуете колыбель Востока, Персии и Индостана. Вы чувствуете, как хитрые арабские купцы плыли по рекам русским, широко разнося сказку всего Востока до берегов Китая. Вы знаете, как навстречу им по тем же водным путям викинги несли красоту романеска, напитавшего одно из лучших времен Европы. И вы верите, что дворцы первых князей Киевских могли равняться по великолепию и по красоте с прославленной палатой Рогеров в Палермо.

С XII века Русь окутана игом Монгольским. Но и в несчастье Русь учится новой сказке. Учится песне победного кочевого Востока. В блеске татарских мечей Русь украшает орнамент свой новыми, чудесными знаками.

И высятся главы храмов. И все время идет внутренняя духовная работа. И Святой Сергий кончает татарское иго, благословив последнюю битву. В русских иконах мы видим перевоплощение итальянского примитива и азиатской миниатюры. Но эти элементы поглощаются творчеством народным и дают свое новое целое. Дают русскую икону, перед которой склоняется весь мир.

Как прекрасны и гармоничны фрески древних храмов: какое верное чутье величественной декоративности руководило древними художниками. И писали они так, чтобы смотрящий думал, что «стоит перед ликом Самых Первообразных» (святых). Опять великое духовное сознание.

Как разноцветны московские храмы! Как крепки колонки-устои Пскова и Новгорода. И мы всегда помним, как даже в татарском иге мы почерпнули новую силу, а благодаря пожару при Наполеоне Россия получила вместо деревянной новую каменную Москву. Так и в настоящем, и в будущем.

Все подробности архитектуры и всей жизни русской обуславливают и подробности костюма, при общечеловеческом сотрудничестве слагается и смысл общечеловеческий.

Когда мои половецкие костюмы в «Князе Игоре» проникли в моды Парижа — разве это была только экзотичность? Нет, эти костюмы, сойдя со сцены, став около старых стен Лувра, не испортили жизнь и внесли еще одну жизненную ноту. Теперь почему нас могут сейчас интересовать костюмы из «Снегурочки»? Случайно ли? Или сейчас есть на то особые основания? О России так много говорят. Так стараются понять ее. Но путь глаза и уха — лучший непосредственный путь. И правда, легенда-сказка «Снегурочка» показывает часть подлинной России в ее красоте.

Островский, реалист-драматург, только раз в жизни отдал вдохновение сказке. Римский-Корсаков отдал «Снегурочке» молодой запас сил. И легенда убедительна своим подлинным эпосом.

Все элементы влияний на Россию видны в «Снегурочке». И время сказки — поэтичное время славян, почитавших силы природы, — дает светлую атмосферу ликования природой. Мы имеем элементы Византии: царь и его придворный быт. Но и здесь царь является отцом и учителем, а не деспотом.

Мы имеем элементы Востока: торговый гость Мизгирь и Весна, прилетающая из теплых стран. Мы имеем народный быт. Тип легендарного пастуха Леля, столь близкого с обликом индусского Кришны. Типы Купавы, девушек и парней ведут мысль к истокам поэзии — к земле и к весеннему Солнцу.

И наконец мы имеем элементы Севера, элементы лесных чар. Царство шамана: мороз,

лешие. Снегурочка.

Вне излишней историчности, вне надуманности «Снегурочка» являет столько настоящего смысла России, что и все элементы ее становятся уже в пределы легенды общечеловеческой и понятной каждому сердцу.

Так понятна каждая общечеловеческая идея. Также понятно, что сердце народов все-таки имеет общечеловеческий язык. И общий язык этот все-таки приводит к творческой любви. И мы понимаем, отчего сердце Америки открыто для России, а сердце России считает Америку своим лучшим другом.

В «Снегурочке» летят весенние птицы. Прилетают, несмотря на снег и на холод. И напоминают о близости солнца и света. И как птицы, оснастились эти костюмы. Понесут они мысль о большой социальной работе, творимой в жизни. И лягут они залогом единения двух великих стран.

В Art Institute была выставлена моя картина «Pagan Russia». Многие приняли ее за Alaska's Totem Poles. И они были правы — так много общего было и в древних изображениях, и пейзаже картины. Но древние русские идола отошли в предание. Alaska's Totem Poles переходит из жизни в зал Музея. Но обобщающий голос все-таки остается. И за нациями поднимается Лик Человечества.

И я, названный другом Америки, свидетельствую это.

Chicago, 1921

Журнал «Ди Гейстиге Видергебурт» в январе текущего года сообщает: «Поступают сведения о странных небесных знаках, сообщаемые в ежедневных газетах. «Касселер Пост» пишет о явлении Христа на небе, происшедшем в Норвегии, в следующих словах:

«Странный феномен наблюдался в маленьком городе Гримштаде, на южном берегу Норвегии. Маленькое облачко, похожее на белую летательную машину, появилось на безоблачном синем небе, при полном солнечном сиянии. От этого облака отделилось другое, разрослось и образовалось в светоносную фигуру Христа, обращенную к городу и благословляющую руками. Явление продолжалось около пятнадцати минут, и затем медленно преобразовалось в форму Святой Чаши. Это произвело глубочайшее впечатление на сотни людей, собравшихся наблюдать его».

Сообщение напоминает, что не может быть никакого сомнения относительно явления в небе, ибо весь народ целого города видел его. Также сообщается, что норвежские ученые пытались объяснить сияющее облако как световой феномен, образованный преломлением солнечного света на большой высоте в микроскопических кристаллах льда. Видение же Христовой фигуры, однако, они объяснили как «случайное».

Другое феноменальное явление, также сияющей фигуры в небе, было сообщено в «Нойе Фрейе Прессе» в 1934 году, в ноябре, которое гласит:

«Необыкновенно странный феномен наблюдался подавленной и испуганной толпой народа в маленькой греко-македонской деревне Ориссари. Сообщения об этом феномене, который появляется к вечеру, несколько разнятся. Священник из Ориссари утверждает, что из окна своего дома видел гигантскую фигуру голубого света — как бы могучий воин в полном вооружении, в шлеме и с мечом — поднимающийся над горизонтом. Она оставалась несколько минут и затем мгновенно исчезла, не оставив ни малейшего следа. Поселяне, которые наблюдали это, замечали, что как бы все небо затем было покрыто языками голубого пламени, и многие из них верят, что это был дух Александра Великого, который появился, чтобы предупредить в Греции о катастрофе».

«Этот феномен возбудил интерес ученых и газетных сотрудников, отправившихся в Ориссари исследовать его. Первоначально они полагали, что это массовое самовнушение, пока один оператор греческой кинематографической ассоциации не получил отображения на фильме. Президент общества психических исследований в Афинах опубликовал сообщение, утверждая, что на этой фильме гигантская фигура вполне видна, которая быстро потухает, после чего все небо наполняется огнем и видно, как сияющая фигура затем исчезает».

«В этом случае пытались объяснить феномен естественным путем, т. е. что испарения от болот, окружающих деревню Ориссари, могли произвести такой странный феномен. Вопрос появления фигуры, конечно, не принимался во внимание и не был никоим способом разрешен».

Любопытно сравнить эти последние сообщения также со сравнительно недавними вестями из Италии, Англии, а также из нескольких мест Азии. В одном месте толпа народа видела женскую фигуру, и затем небо как бы покрывалось языками пламени. В другом множество народа неоднократно замечало огненный крест, в третьем видели огненного Ангела, стоящего на столбах света, затем видели огненного всадника, видели чашу — и все это на сравнительно недалеком промежутке времени. Если кто захочет объяснить все эти видения лишь самовнушением толпы, массовым гипнозом, то и такое явление заслуживает глубочайшего внимания, ибо массовый гипноз вовсе не так часто проявляется. Он был известен при некоторых напряженных эпохах человечества и не может быть рассмотрен как нечто не заслуживающее

внимания.

Если к этим помянутым видениям в небе добавить все многочисленные видения почитаемых народом Святых, Святого Преподобного Сергия Радонежского, Святого Серафима Саровского, Святого Николая Мирликийского, о которых сообщают из самых различных мест, то и эти сведения также должны заслуживать глубокого внимания.

Все можно пытаться объяснить какими-то так называемыми «естественными путями». Но, прислушиваясь внимательно к обстоятельствам этих сообщений, можно увидеть, что предлагаемые «естественные пути» очень несостоятельны. Преломление света, или болотные пары, или какой-то дым, или пепел — все это еще не расскажет, почему целые массы народов, самых разнообразных в своей психологии, все видят определенные фигуры и убеждают в них друг друга мгновенно, а кинематографическая фильма запечатлевает то же народное убеждение.

Также к «естественным путям» относится теория случайности. Во всех случаях лишь совпадение. Но тогда следует припомнить давнишний рассказ о том, как ученик на экзамене был спрошен, если он упадет с башни и останется жив, что это? Тот отвечал — случай. А если во второй раз? Ответ был — совпадение. А если в третий раз? — Тогда — привычка.

Вот в этих повторных, как бы в столпившихся народных видениях тоже является уже не случай, не совпадение, а уже привычка. Ведь происходящее сообщается от разных народов, с разных концов земли и связывается с определенными строками, о которых знают решительно все народы. Так, 1936 год поминается под различными причинами в самых неожиданных странах. О нем скажут и в Японии, и в Америке, и в Монголии, и в Индии, и во Франции, и в Италии. Словом, если эту дату, найденную совершенно различными путями, назвать массовым самовнушением, то ведь возникает необыкновеннейший вопрос, каким путем и почему такое мировое самовнушение может быть возможным.

Стараемся быть беспристрастными. Не навязываем своего мнения. Нанизываем добросовестно лишь поступающие факты. Знаем, что эти сообщения доходят от людей, ничем между собой не связанных, от людей разного образования, разных взглядов и верований. Тем ценнее наблюдать сейчас происходящее. Ведь люди-то видят. Видевший не удовлетворится никакими объяснениями о том, что он не видел. Тот, кто видит, кто ощущает, кто сам слышит, тому никакие болотные испарения не будут убедительными. Когда же вы возьмете все образы, разными народами виденные, то разве не будет это огромным историческим моментом, который незрим лишь для слепых.

Ведь это не то, чтобы кто-то кого-то слышал, узнавал от недостоверного болтушки. Здесь вы имеете дело с целыми массами народными, которые видят и ощущают. В этих видениях заключен мировой момент огромной важности. Без всяких предрассудков и суеверий прислушаемся к этим сообщениям, за которые ручается множество народа. Как пытливые историки соберем эти факты воедино, чтобы еще более осветить великий мировой час, о котором могут не думать лишь умы незрелые. Прежде всего и во всем нужно знать. Современное мировое смущение имеет глубокие корни. Много зарослей произрастает, и в них не следует заблудиться. А для того чтобы знать, нужно честно и внимательно прислушиваться к гласу народа. А в данном случае мы имеем дело уже не с одним народом, а со многими народами, сейчас видевшими и ощущавшими.

23 июня 1935 г.

Цаган Куре

В Университете Виргинии Профессор Гарри М. Джонсон говорил о последствиях усталости: «Если вы устали — вы безумны». «Усталый человек выкажет характерные симптомы той или иной формы безумия, и не всегда в малой степени», — сообщал доктор Джонсон, излагая результаты своих семилетних исследований в Институте Мелон.

«Неповоротливость, невнимательность, расстройство речи, провалы памяти, упрямство и болезненное упорство, галлюцинации, потеря сознания, блуждание и припадки гнева — все это обычные симптомы усталости, если даже они начинаются в большой постепенности».

«После хорошего сна усталый человек освобождается от этих симптомов и часто восстанавливается. Но бывает, что и сон вовсе не устанавливает нормальное равновесие. Может случиться, что следствием окажутся новые виды ненормальности, и человек впадает в бездеятельность, нечувствительность, подавленность и остается апатичным ко всему, без всякого интереса и внимания, и даже не может предпринимать какие-либо работы в его собственной профессии. Такое состояние может продолжаться несколько часов, а то и несколько недель».

С другой стороны, врачи при Колумбийском университете опубликовали новую теорию простудных заболеваний. По этой теории оказывается, что простуживается, собственно говоря, не человек, а бактерии и микробы, а заболевание самого человека является только вторичным явлением. Сравнительно недавно бактериологи установили, что один и тот же микроорганизм, в зависимости от условий, в которые он поставлен, может быть или патогенным, или сапрофитным. Самый безвредный микроб при изменении среды и условий существования превращается в патогенный. Безвредные микробы и бактерии, наполняющие полость носа и рта, под влиянием сырости или резкой перемены температуры превращаются в болезнетворные.

При этом не нужно забывать, что, действительно, внутренние условия человека будут изменяемы не только от внешних обстоятельств, но и под влиянием состояния нервной системы. Иначе говоря, мы опять подходим к тому же положению, что подавленность и неуравновешенность нервной системы создают огромное количество тех случаев, которые еще недавно почитались происходящими от внешних причин.

Замечание исследователя о том, что усталость создает условия безумия, вовсе не парадоксально. Действительно, внутренняя нервная энергия приходит в такое неестественное состояние, что определение его как безумия недалеко от истины.

Тот же самый сильнейший яд, который создается в припадках гнева и раздражения, хотя и видоизмененный, но все же отлагается в нервных каналах при различных неестественных подъемах или подавленности.

Можно лишь поздравить исследователя, отважившегося назвать состояние подавленности безумием. Обычно люди боятся произносить такие общепринятые определения. Безумие понимается как степень, заслуживающая изоляции, но если множество людей ходит на свободе, даже формально сумасшедших, то сколько же их находится в различных временных стадиях безумия?

Если вспомнить всякие бывшие законодательства, учения, теории философий, то, конечно, они прежде всего заботились об установлении равновесия. Не какие-то особенные психиатры, но именно жизненные психологи призывали людей к таким состояниям, в которых происходили бы наименьшие самоотравления. Допущение к деятельности бактерий и микробов в большинстве случаев уже будет самоотравление, ибо произойдет от сознательно направленной лжедеятельности. Так называемая усталость со всеми ее тягостями также будет прежде всего

следствием неправильного распределения труда.

Сколько раз и в древнейших, и в новейших Заветах предлагалась мудрая смена труда во избежание тягостной усталости. Ведь при достаточно разнообразной смене труда сама по себе усталость вообще невозможна. К тому же мертвенная бездеятельность может порождать один из самых пагубных видов усталости. Особенно сейчас, когда обнаруживается столько как бы не замеченных ранее заболеваний, каждый исследователь прежде всего будет искать путей к равновесию. Ведь мы живем не только во время чрезмерных трудов, но во время наиболее неестественных и подчас убийственных взаимоотношений. Стоит взять любую страницу газеты, чтобы убедиться, насколько самые небывалые признаки безумия широко распространены. Не угодно ли, например, прочесть в газете следующие рекорды 1934 года:

«По обычаю прошлых лет, в истекшем 1934 году было поставлено несколько оригинальных рекордов».

«Немка Эдна Асселин получила первый приз на международном конкурсе домашних хозяек, очистив от пыли коридор в 2 метра шириной и в 7 метров длиной в 38 секунд».

«Американец Джемс Аагорд вышел победителем на конкурсе крикунов, состоявшемся в штате Небраска: он заорал так, что его было слышно на расстоянии 3 км».

«В Цинциннати закончился бриджевый матч, начатый в 1924 году. Каждый из партнеров записал по миллиону с лишним очков».

«18-летняя Роза Руни из Род-Айленда съела в один присест 18 литров моллюсков («мулей»)».

«Портной Ейндубер из Денвера вдел в игольное ушко 12 тончайших нитей одну за другой».

Надо думать, что такие рекорды года достаточно напоминают об опасных степенях безумия, ползущего и притаившегося среди человечества. Для психологов, действительно, предстоит необозримое поле для исследования. При этом сколько, казалось бы неразрешимых, государственных и общественных проблем разрешится от устремления к равновесию. Тот самый Золотой Путь, так давно заповеданный, опять ищется человечеством среди необычайных и, наверное, неповторимых сумерек безумия. Те же ежедневные известия говорят о невероятных преступлениях, совершенных с какой-то необыкновенной, холодной жестокостью.

Конечно, каждая жестокость уже есть безумие. Наверное, можно проследить, каким образом наслаивалось постепенное безумие жестокости и проклятия. Эти пути как самые отрицательные всегда останутся в пределах безумия. Исследования, почему человек низвергается до проклинания и до всевозможных отвратительных жестокостей, наверное, упасли бы многих от этих путей темных. Если, по справедливому замечанию исследователя, усталость уже есть степень безумия, то тем паче жестокость будет уже острой степенью безумия. И не нужно утешаться, что в наш просвещенный век жестокость изживается. К сожалению, это совсем не так. Появляются даже новые виды жестокости, утонченной, вторгающейся во все виды быта. Пожелаем, чтобы безумие исследовалось бы действительно во всех видах.

24 января 1935 г.

Пекин

Есть особый вид людей, называющих себя скептиками и требующих «вещественных доказательств». При этом на каждое доказательство они найдут свое опровержение. Если явится свидетель, они скажут, что ему просто показалось. Если окажется множество свидетелей, то наверняка будет объявлено, что произошел массовый психоз. Если они увидят отпечатки чего-то на документальной фильме, то, наверное, будут подозревать какие-то хитроумные подделки. При этом они упустят из виду, что человек, слишком много подозревающий других, не носит ли в себе самом эмбрионы того самого, в чем он готов обвинить и прочих.

Среди всяких показаний все-таки наиболее поражающими для скептиков будут знаки, оказавшиеся на вещественных предметах. Если на фильме проявляется нечто, не бывшее перед аппаратом в момент съемки, то даже присяжный сомневатель (если такое слово существует) будет все же поколеблен в своем заскорузлом скептицизме, иначе говоря, в своем неведении. Сколько раз каждому приходилось встречать людей, которые торжественно объявили, что, если им будут предъявлены доказательства, они всенародно объявят о том, в чем убедились. Но когда ожидавшиеся ими доказательства оказывались налицо, то никто из них не только всенародно ни о чем не объявлял, но преспокойно продолжал пребывать в прежней тоге скептического самодовольства. Не сослаться ли на примеры?

Оставим пока личные наблюдения, временно пренебрежем множеством свидетелей и вспомним лишь несколько эпизодов фотографических. Большая литература накапливается по вопросам фотографирования образов «оттуда». В книге Коутса можно найти целый ряд снимков, в подделке которых трудно сомневаться. Так же точно нельзя заподозрить подделку тех случайных снимков, которые считались самими съемщиками просто испорченными фильмами. Вспоминаю, как однажды в Индии сняли фотографию одного умершего лица, и на снимке, кроме тела, оказался целый ряд фигур, в которых близкие умершего вполне признали ранее умерших его родственников. Также нам приходилось видеть простые паспортные фотографии, на которых в самых неожиданных местах проявлялись непроявленные лица. Фотографы горевали об испорченных фильмах. А ведь такая «порча» могла происходить гораздо чаще, нежели можно предполагать.

Удивительную историю, случившуюся во время киносъемки в одном из залов ателье Холливуда, рассказывает знаменитый американский киноартист Уорнер Бакстер. При съемке очередной фильма ему, по ходу действия, пришлось изображать мужа, оплакивающего смерть своей жены. Артист был в ударе, и режиссер заметил, что он никогда еще в жизни не проводил свою роль с такой правдивостью.

Вечером снятая фильма демонстрировалась в зрительном зале в студии в присутствии режиссера. Через несколько минут он бросился к телефону и позвонил Бакстеру.

— Приезжайте немедленно! — заявил он дрожащим голосом. — Случилось что-то совершенно невероятное.

Бакстер в автомобиле помчался в студию. Режиссер провел его в зрительную залу и приказал кинооператору продемонстрировать снятую утром фильму.

То, что увидел на экране Бакстер, потрясло также и его. Он увидел себя в позе отчаяния, сидящим в кресле. Вдруг за его спиной появились еле заметные очертания женской фигуры. Ни Бакстер, ни режиссер не находили объяснения этому удивительному явлению. Возможность незаметного появления постороннего лица перед объективом аппарата во время съемки совершенно исключалась. Также не могло быть и речи о техническом трюке. Кинооператор клятвенно утверждал, что он снимал на совершенно чистую фильмовую пленку.

На другой день была повторена съемка той же сцены, причем приняты были все меры предосторожности. Когда приступили к демонстрации этой второй фильма, пораженные зрители снова увидели за спиной артиста загадочное привидение.

По словам Уорнера Бакстера, до сегодняшнего дня так и не удалось разгадать это удивительное явление. Одни из фильмовых артистов, верующие в оккультные науки, утверждают, что в данном случае имело место явление какого-нибудь духа. Другие утверждают, что мысли артиста, достигнув высшей степени напряжения, приняли материальный образ. То, что загадочное явление повторилось дважды во время двух съемок, исключает всякую возможность обмана или трюка.

Пока оставим в стороне приведенные в конце рассуждения о том, как именно объяснять появление нежданной фигуры на снимке. На эти темы можно дискутировать много, и для скептиков такие предположения будут неубедительными. Но само проявление фигуры на фильме, показанной многим, эту съемку видевшим, остается неопровержимым. Особенно характерно, что эпизод повторился дважды. Совершенно невозможно делать предположения и выводы о том, какие именно привходящие условия могли способствовать такому проявлению. Очевидно, существуют такие сложные для человеческого мышления условия, которые пока еще не поддаются формулировке.

Нам приходилось слышать о том, в каких неожиданных условиях происходили самые замечательные снимки. А в то же время, когда, по человеческому разумению, устраивались будто бы «самые лучшие» условия, то результаты не получались. Особенно останавливает внимание именно неожиданность удачных проявлений. В этой неожиданности исчезает всякий намек на подделку. Да и какие же подделки могут быть в тех случаях, когда люди не только не радуются загадочному явлению, но, наоборот, считают его просто порчею фильма.

Нам рассказывали, как один наш друг с трудом отнял у фотографа так называемую неудачную свою фотографию, на которой в разных положениях вышли непрощенные незнакомые лица. Фотограф извинялся за такую странно испорченную пленку и даже не хотел отдать такой неудачный, по его мнению, негатив. При этом характерно то, что само помещение фотографа было совершенно обычным, в котором ежедневно происходили многочисленные съемки. А сам наш друг находился в самом обычном житейском настроении, будучи совершенно далек от мысли о чем-то необычайном. Много раз нам приходилось слышать, что неожиданные проявления получались именно не тогда, когда их человеческим рассудком ожидали, но в самых неожиданных обстоятельствах. Нам приходилось видеть обстановку комнат, где происходили замечательные снимки, и можно было поражаться, что в этой обычной атмосфере могло происходить нечто необычное. Очевидно, существуют особо тонкие условия, неуловимые пока человеческим мышлением.

Также люди нередко своими преждевременными выводами сами же нарушают возможности значительных явлений. Грубейшие рассуждения при тончайших проявлениях лишь вредят. Прежде всяких самовольных выводов следует непредубежденно собирать факты. Пусть при этом назовут вас материалистами — не важно, как будут определять ваши методы. Но прежде всего важно проявить во всех отношениях беспристрастие. Фильма — материальный предмет. Никто не заподозрит фильму и фотографический аппарат в чем-то «сверхъестественном». Но если эти материальные предметы отметят нечто тончайшее, то все равно, каким путем и каким методом, лишь бы новые факты проникали в человеческое сознание. Все расширяющее и дающее новые возможности должно быть принимаемо с признательностью.

Если замечательный факт произойдет не в особо устроенной лаборатории, но среди самой житейской обстановки, то ведь это нисколько не умалит его истинное значение. Можно

вспомнить, сколько полезнейших открытий было сделано не специалистами в этой области, но иногда как бы случайными работниками. Из области металлургии нам приходилось слышать, как специалисты обращали внимание на особые приемы, употребляемые некоторыми опытными рабочими. Именно эти «случайные» приемы потом оказывались особенно полезными в руках специалистов, оформивших их в целое значительное усовершенствование.

Среди специалистов также существуют два лагеря. Одни, даже будучи серьезными учеными, самомнительно пройдут мимо интереснейших фактов, если они не облечены в научную форму. Другие же и среди самой ординарной обстановки сумеют усмотреть и оформить самые замечательные усовершенствования. Ведь известно, что обследована лишь самая незначительная часть мозговой деятельности. Недаром нередко обращалось внимание, что человеческие взаимоотношения менее всего изучены. Называйте эти области психологией или, по обстоятельствам, рефлексологией; давайте им любые названия, которые могут помочь вашим опытам, но уберегите ценнейшие области от легкомысленного поругания.

Показательно, что такие книги, как «Неизвестный человек» Алексея Карреля, выдержали десятки изданий и считаются наиболее распространенными на международном рынке. Человек все-таки стремится к познанию. Кроме эпидемии танцев и нововыдуманных игр, люди международно стремятся к просвещению. Доброжелательная наблюдательность будет первым орудием продвижения вперед.

Звезды смерти

Аббат Море — французский астроном, обращает внимание всех дипломатов на 1936 и 1937 годы. В эти годы, он говорит, будет наблюдаться сильное нарастание и деятельность солнечных пятен. Астроном напоминает, что периоды усиленной деятельности солнечных пятен часто совпадали с войнами и всякими общественными смятениями.

«В периоды наименьшей деятельности солнечных пятен на Земле обычно замечались мирные времена, тогда как максимальная деятельность этих пятен, по-видимому, вызывает нервное повышение, которое увлекает народы во зло и дикую борьбу», — говорит аббат. «Если солнечная деятельность увеличивает всякие магнетические отклонения, то среди последствий развивается также и странное лихорадочное состояние, которое эпидемически овладевает человечеством. Иногда такое лихорадочное состояние начинается несколько ранее максимума, как это случилось при мировой войне в 1914 году».

«Приближается ли другая война — это неизвестно, но я напоминаю, что, согласно статистике, покрывающей многие столетия, годы 1936-й и 1937-й должны быть считаемы особенно опасными».

Итак, ко всем разнообразным исчислениям, касающимся 1936 года, прибавляется еще одно. Во многих странах по самым разнообразным причинам люди останавливают свое внимание на 1936 году. Конечно, трудно сказать, будет ли этот год уже показателем в грубо земном значении, или же он заложит следствие ближайшего времени. Ведь так часто решающее событие уже где-то совершилось, а в то же время в других местах люди уже впали в отчаяние об его отсутствии. Нечто подобное замечалось в часы ожидания перемирия Великой войны. Ожидавшаяся минута прошла, как будто ничего не состоялось, люди еще горевали, но в то же время перемирие уже было решено, но лишь не было объявлено во всеуслышание.

Итак, ко всевозможным суждениям о знаменательном значении 1936 года французский астроном прибавил и свое опытное слово. В то же время за океаном происходили тоже очень значительные суждения о так называемых «звездах смерти».

На очередном заседании Смитсоновского института в Вашингтоне секретарем его, известным астрономом Чарльзом Аббатом, прочитан доклад о «звездах смерти», лучи которых уничтожили бы всю жизнь на земле, если бы когда-либо достигли ее.

Аббат работал в калифорнийской обсерватории на горе Вильсона с группой помощников. При помощи новых астрономических инструментов они произвели точнейшие измерения силы света разных звездных лучей и их спектров. Им удалось произвести измерения малейших излучений звезд, видимых на Земле, несмотря на то что эти звезды отделены от земного шара трильонами и квадрильонами километров.

Особый интерес представило изучение лучей звезды Ригель, принадлежащей к созвездию Ориона. Это ультрафиолетовые лучи, исключительно короткие. «Большая часть лучей звезды Ригель не поддерживает жизнь, а убивает организмы. Излучения Ригеля не дают ощущения света организму, на который они падают. Это подлинныи лучи смерти. В небольшом количестве такие же лучи выделяются солнцем. К счастью для нас, они почти не достигают Земли, так как им трудно проникать через слои озона, находящиеся в атмосфере высоко над Землей».

«Мы обнаружили, — рассказывает аббат, — что все звезды, окрашенные в синий цвет, принадлежат к категории смертоносных. Температура их в три раза выше температуры на поверхности Солнца».

Хорошо, что в космическом движении такие мощные лучи претворяются в пространстве. Наверное, вместо прямого разрушения они приносят и большую пользу. Вообще в текущие дни

накапливается очень много замечательных наблюдений в разных областях, которые в конце концов увлекают внимание все к тем же высшим энергиям, подробности которых иногда сознательно, а чаще всего бессознательно, попадают в руки человечества.

Часто встречаемся также и с другим, достойным большого внимания, явлением. В той или иной профессиональной области, часто даже с узкоутилитарной точки зрения, затрагиваются вопросы, имеющие поистине всеобщее значение. Так, например, фордовский «Америкен Уикли» в Детройте сообщает любопытные данные о разных необъяснимых явлениях, которые иногда влекут за собой всевозможные катастрофы, в том числе и автомобильные. Рассказывается:

«Недавно один шофер, разбивший машину, уверял, что в тот момент, когда он с полной скоростью несся, он увидел большую собаку, от которой и свернул в сторону. Он слетел в канаву, разбил машину, но все же убедился, что никакой абсолютно собаки не было и все это было лишь странной галлюцинацией».

«Очень часто сидящий за рулем автомобиля и попавший в катастрофу не может объяснить разумно, что заставило его потерять направление».

«Вот еще зарегистрированный случай, который имел место в Великобритании. Автобус, совершавший регулярные рейсы между Портсмутом и Лондоном, шел под управлением очень опытного шофера. Вдруг, проходя мимо обрыва, машина начала выписывать зигзаги и свалилась туда. В результате — один убит, пять пассажиров ранено. Шофер уверял, что он видел маленькую девочку, которая перебежала дорогу под самой машиной и которую он старался спасти».

«В Сев. Америке в штате Арканзас был зарегистрирован случай коллективной галлюцинации. Четыре студента мчались в машине, когда правивший увидел, как какая-то повозка пересекает дорогу, и поэтому затормозил. Двое из пассажиров также видели эту повозку; но четвертый ничего не видал и был страшно изумлен, почему машина остановилась.

Оказалось, что сидевший за рулем принял за повозку тень, падавшую на дорогу».

«Вообще нужно отметить, что коллективные галлюцинации не так редки. Один американский студент вытащил из кармана однажды, во время ссоры с коллегой, с криком: «Я тебя застрелю!» — электрическую лампу. И все присутствующие увидели, что это был настоящий револьвер».

«Зарегистрирован очень интересный случай галлюцинации в Чикаго. Женщина убирала комнату. Вдруг раздался револьверный выстрел. Она упала, стала кричать, что ранена в грудь. По доставлении ее в госпиталь никакой раны у нее не оказалось. Но револьвер в комнате был — хотя и незаряженный: он упал от толчка на пол. Женщине показалось, что он выстрелил, что она ранена».

«После ужасной катастрофы с кораблем «Титаник», в 1912 году налетевшим на айсберг, множество пассажиров других пароходов, плававших через море в тех широтах, являлись на мостик к капитану, заявляя, что они видят опасные ледяные горы. Эти горы были простыми галлюцинациями».

Интересен случай массовой галлюцинации, известный в Англии. Битва у Мокса во время Великой войны происходила на тех же местах, где когда-то в XV веке английские лучники дрались против французов.

«И вот, когда однажды германцы наступали особенно сильно и «томми» хотели было уже ретироваться, — полк увидел своих предков, в латах, с арбалетами и с алебардами, которые вместе с ними кинулись на немцев. Атака была отбита».

«Чем объясняет наука эти галлюцинации? Усталостью, иллюзией, отравлением алкоголем. Интересное объяснение дает им французский д-р Рауль Мург, который считает, что

галлюцинация — это внезапное появление в сознании идеи, которая выныривает из подсознательного и, именно ввиду этой внезапности, приобретает большую живость».

«Во всяком случае, явление «видений» — вовсе не только «кажущееся», если оно может быть причиной катастроф, преступлений, несчастных случаев и т. д. Нервы у ответственных работников должны быть в полном порядке и не допускать никаких иллюзий».

В то же время, когда журнал Америки по-своему приближается к вопросам о галлюцинациях, в Европе происходят интереснейшие опыты с передачей мысли на расстояние. Приведем и эти данные и соображения.

«Между Веной и Берлином были произведены, под контролем ученой комиссии врачей, физиологов и психиатров, опыты передачи на расстояние зрительных образов при помощи одного только напряжения мысли».

«Опыты эти были организованы Венским метапсихическим обществом, председателем которого состоит профессор Венского университета Христофор Шредер. «Отправительной станцией» служит сам профессор Шредер, «приемником» — немецкий врач, член Берлинского института психических наук».

«Проф. Шредер и его два помощника сидели за письменным столом, на который сильная электрическая лампа отбрасывала яркий круг. В этот круг клали различные предметы и рисунки, на которых трое «отправителей» сосредоточивали все свое внимание до такой степени, что по истечении нескольких минут впадали в своего рода гипнотический транс».

«Приемники» — берлинский врач и его два ассистента — в тот самый момент (заранее установленный по точным часам) начинали усиленно думать о кабинете венского профессора, о столе и о светлом круге на нем — т. е. об обстановке, которую они предварительно видели во время посещения Вены. Постепенно перед их закрытыми глазами начинали вырисовываться неопределенные очертания предметов. Иногда они расплывались, не дойдя до конца, иногда же обретали такую ясность, что «приемник», чертя карандашом по белому листу бумаги, получал связный рисунок».

«Из сорока опытов, произведенных в ноябре месяце, абсолютно удались шесть. Двадцать опытов дали сомнительные результаты, остальные не удались полностью. Удавшиеся опыты сводились к следующему».

«Венский «отправитель» имел перед собой рисунок змеи с двукратным изгибом тела. Берлинский «приемник» нарисовал змею, но только с одним изгибом».

«Отправитель» глядел на стрелу, положенную горизонтально. «Приемник» нарисовал стрелу, но косую».

«Отправитель» передал изображение цифры 9. «Приемник» нарисовал восьмерку, причем следует отметить, что в изображении, лежавшем перед «отправителем», нижний хвостик девятки был загнут так, что цифру легко было принять и за 8».

«Особенно любопытен был шестой опыт. Из Вены передали изображение цифры 5. Берлинский «приемник» начертил пятерку, но под ней поставил треугольник. Это обстоятельство чрезвычайно заинтересовало членов комиссии, которые полагают, что проф. Шредер в момент передачи, незаметно для себя, отвлекся мыслью и подумал о треугольнике. Некоторые члены высказали предположение, что таинственный треугольник — результат «паразитов», существующих, несомненно, для телепатических передач совершенно так же, как для радио: в эмиссию припуталась по дороге чья-то чужая мысль, несшая на невидимых волнах изображение треугольника».

Порадуемся и таким опытам, хотя они, в конце концов, и не новы, и довольно скудны. Можно бы привести целый ряд других, гораздо более показательных в этом отношении опытов, но отмечаем лишь эти, так как, судя по сообщениям, они велись под контролем ученой

комиссии. Может быть, именно этот контроль случайных присутствующих понижал возможность результатов. Ведь всюду, где люди касаются тончайших энергий, они должны быть очень духовно сгармонизованы и вообще сознательно утончены в высших восприятиях.

Но, сопоставляя приведенные соображения о так называемых галлюцинациях и образы, переданные на расстоянии, не придет ли мысль о том, что чьи-то мысленные послышки также будут для кого-то галлюцинациями. Предполагается, что мысль, посланная из определенного места, будет принята также в определенном месте, где ее ожидают, но, подобно радиоволнам, эти же мысли-образы будут восприняты подходящими приемниками и во множестве других мест. Это простое соображение еще раз напоминает нам, как велика ответственность человека за мысль и в каком контакте может находиться эта мысленная нервная энергия и с космическими явлениями величайшего масштаба.

Повторяю, что сегодня записываю указания из новейшей прессы не только потому, чтобы они были особенно новыми и поразительными, но также и для того, чтобы не забыть, на какие именно явления обращено внимание в повседневной печати. Хотя во многих областях еще преобладает изуверство и невежественная ограниченность, но через все эти препоны сознание человеческое, несомненно, овладевает новыми ступенями нужнейшего познания.

Часто случается, что люди от какой-то именно профессиональной точки зрения, сами того не замечая, затрагивают вопросы огромного значения. Потому-то все новейшие умозаключения должны производиться при полной и широкой открытости наблюдателя. Сегодня откроются какие-то звезды смерти, а завтра снизойдут лучи спасения. Только бы собирать знания с полным доброжелательством и ожидать вестника не по нашему ограниченному приказу, а во всей широте истинных возможностей.

26 января 1935 г.

Пекин

Лето 1930 г. мы с Юрием проводили в Париже на Авеню Камоэнс. Была большая квартира с длинными темными коридорами. Дом старьёй, но подновленный. Прислуга испанка уверяла, что она слышит в коридорах какие-то странные шумы, но мы не обращали внимания на ее заявления. Однажды около полуночи Юрий проходил по коридору и услышал совершенно явственно, что перед ним кто-то шел, как бы шаркая туфлями по полу. Другой раз утром Юрий проснулся, точно разбуженный, и увидел около постели падающий горящий дирижабль. Юрий разбудил меня, говоря, не произошло ли где несчастья? В то же время погиб в Бельгии дирижабль, летевший из Лондона в Индию. Но самое поразительное явление в этом доме было с черной кошкой. В восемь часов утра я вышел в столовую, где уже был накрыт стол для кофе. Столовая имела одну дверь и против нее большое венецианское окно, тогда запертое. На белой скатерти стола сидела большая черная кошка с голубой ленточкой на шее и пристально смотрела на меня яркими желтыми глазами. Мы все кошек не любим. Далекий от всяких потусторонних мыслей, я обернулся к Юрию, который был тогда в спальне, и сказал: «Какая гадость, кошка забралась», — и тотчас опять посмотрел на стол, но там никакой кошки не было. Мы осмотрели комнату, в которой, кроме буфета и стульев, ничего не стояло. Спросили прислугу, которая в то время несла кофе, но ни она, ни консьержка о такой черной кошке никогда и не слышали. Так мы о нашей «гостье» больше ничего не узнали. Правда, именно на этом месте всегда сидела некая дама, которая впоследствии обнаружила все свойства черной кошки с желтыми злыми глазами. Не была ли кошка предупреждением? Сколько таких эпизодов можно записать. Однажды сенатора Кони спросили, не бывало ли с ним чего-либо необычного, необъяснимого? Он задумался, а затем улыбнулся и сказал: «Все-таки был один такой случай». Оказывается, Кони имел тайное расположение к одной особе. Но о своем чувстве он никому никогда не говорил. Уже после смерти этой особы, в один из памятных ее дней, посыльный принес объемистую посылку, которая оказалась мраморным бюстом этой особы. Откуда? Кто послал? Почему?

Кони никогда не узнал. Да, бывают такие посылки. И Е. И., и Юрий, и Святослав знают, как из парижского банка приходит повестка о посылке. Много надземного и среди земной жизни.

Внимательность

«При большой германской санатории в Хоенлишепе учреждена специальная метеорологическая обсерватория для изучения влияния изменений погоды на больные организмы. Это влияние, притом крайне неблагоприятное, ныне считается твердо установленным, и вопрос заключается только в детализации. Университетская клиника в Фрейбурге отмечает, что резкие изменения атмосферного давления, связанные с особым видом ветров — «фенов», — влекут за собой усиленную смертность среди только что оперированных больных, вызывают ослабление сердечной деятельности и явления эмболии».

«Д-р Отрман, заведующий этой метеорологической станцией, рекомендует хирургам при назначении операции считаться и с картами погоды и, во всяком случае, помещать оперированных в камеры с постоянным давлением, влажностью и температурой, чтобы предохранить их от вредных воздействий погоды».

Странно читать о таких «новых умозаключениях», которые, казалось бы, известны в течение многих и многих веков. Уже не говоря о том, что старые врачи и знахари давным-давно принимали во внимание всякие атмосферические условия, но и в старинных врачебных книгах, и манускриптах можно найти многие указания к тому же. Старинная врачебная наука очень часто не только обуславливает для успешного лечения определенные места, но и упоминает о климатических и атмосферических благоприятных и неблагоприятных условиях.

Местные лекари и знахари очень часто укажут, в какой именно местности данные ими лекарства будут особенно действительны. Они же посоветуют и лучшее время дня, и другие очень внимательно наблюденные подробности для лучшего принятия лекарств.

Опытный врач, не только восточный, но и западный, одинаково посоветуют во время принятия лекарства не огорчаться чем-либо и даже не задумываться о чем-то постороннем, а попытаться сопроводить лекарство доброжелательною о нем мыслью.

Попробуйте поговорить с опытным садовником, и он укажет вам множество любопытных подробностей о разных как атмосферических, так и психических воздействиях на растение. Общеизвестный опыт воздействия на растение человеческой мыслью много раз уже указывался в литературе. Даже очень удаленные от науки лица иногда обращают внимание на то, что в соприкосновении с одними людьми цветы быстро вянут, а от близости к другим — цветы и растения даже расцветают и укрепляются.

Можно порадоваться, что даже и при современных, часто так затрудненных условностями наблюдениях начинают так выявляться соотношения природы и человека. К высшим, прекрасным умозаключениям ведут такие наблюдения. Несправедливо был осмеян французский писатель Моруа, когда он указал, что тело умершего давало разницу в весе. Весомость высшей энергии, весомость и очевидность воздействий мыслей тоже не только не подлежит осмеянию, но должна быть изучаемой очень заботливо.

Хохотать-то очень легко, и глумиться тоже не трудно, но каждое допущение уже будет одной из возможностей открытия. Правда, законы тончайших условий хотя и непреложны, но очень неуловимы в земных слоях. Вот замечаем, что даже самая простая фильма иногда дает неожиданно утонченный и проницательный снимок. Но это «иногда» почти невозможно формулировать бедным земным словарем. Не раз упоминались необыкновенно удачные снимки обычно незримого мира. Пробовали установить наиболее подходящие условия для улучшения этих процессов. И обычно вместо улучшения лишь нарушали какие-то тончайшие возможности. Пытались производить опыты с наибольшею чистотою, в самых, казалось бы, менее зараженных местах; сопровождали лучшими мыслями и пожеланиями, а вместо удачного улучшения

результаты вообще исчезали. Получалось странное впечатление, что какие-то самые примитивные условия будто бы могли способствовать лучшим следствиям. Значит, в этих условиях заключались еще какие-то неуловимые для испытателя подробности, которые не могли быть соблюдены даже и в формально лучших обстоятельствах. Конечно, и сама, казалось бы, противозаразная вакцина бывает смертельно зараженной, и вода, для чистоты поливаемая на руки, может оказаться ядовитой. Мало ли совершенно противных условий возникает даже при хорошей наблюдательности. А сколько же еще неуловленных тончайших условий существуют и управляют явлениями чрезвычайной важности.

Требуется не только производить наблюдения, не только открыть в себе величайшую меру допущения, не только научиться доброжелательству, но и сызмала учиться внимательности. Надо отдать справедливость, что среди современного воспитания именно слишком мало уделяют места внимательности, а ведь на любом поприще жизни разве может быть успешным человек невнимательный! Такой невнимательный человек, прежде всего, погрязнет в самости, эгоизме или он постепенно будет терять восприимчивость к окружающему вообще.

Но если с малых лет в самых привлекательных формах будет открываться внимательность, то какая безграничная, прекрасная наблюдательность вырастет в любых условиях жизни.

При каждом новом опыте произойдет новый оборот наблюдательности — еще тоньше, еще возвышеннее, еще проникновеннее. А наблюдательность есть порог возможности. Человек, постигший возможности, никогда не может впасть в разочарование, ибо очарование исканий такая увлекающая, высокая радость.

20 января 1935 г.

Пекин

Новые взлеты мысли порождают и новые слова. Еще недавно завоевало себе право гражданства понятие психологии — не будем повторять значение этого греческого слова, ибо оно достаточно всем известно. Постепенно психология завоевывала новые области и проникла в глубины человеческого сознания. Психология связалась с неврологией, обратилась в Институт мозга, коснулась областей сердца и сосредоточилась на изучении энергии мысли.

Уже давно Платон заповедал, что идеи управляют миром, но наука о мысли оформилась сравнительно совсем недавно. Вполне естественно, что потребовалось и новое утонченное обозначение для этой широчайшей области. Таким образом, получилась многозначительная надстройка над понятием психологии — родилась парапсихология. Радиоволны, чувствительные фотографические фильмы и многие новые пути науки сроднились с областями парапсихологии, и неслучайно человеческое внимание устремилось к этой высшей области, которая должна преобразить многие основы жизни.

Во времена темного Средневековья, наверное, всякие исследования в области парапсихологии кончились бы инквизицией, пытками и костром. Современные нам «инквизиторы» не прочь и сейчас обвинить ученых исследователей или в колдовстве, или в сумасшествии. Мы помним, как наш покойный друг профессор Бехтерев за свои исследования в области изучения мысли не только подвергался служебным гонениям, но и в закоулках общественного мнения не раз раздавались шептания о нервной болезни самого исследователя. Также мы знаем, что за исследования в области мысли серьезные ученые получали всякие служебные неприятности, а иногда даже лишались университетской кафедры. Так было и в Европе и в Америке. Но эволюция протекает поверх всяких человеческих затворов и наветов. Эволюция противоборствует темному невежеству, и сама жизнь блестяще выдвигает то, что еще недавно вызывало бы глумление невежд. Ведь не забудем, что еще на нашем веку одна ученая академия назвала фонограф Эдисона проделкою шарлатана. Еще недавно некий врач уверял, что если микроорганизмы требуют такого большого увеличения для изучения их, то они вообще не могут иметь значения и приложения во врачебной практике. Такого рода заявления, как видите, передаются и сейчас печатным словом. Но если косность костенеет, то все живые части человечества неудержимо стремятся к истинному широкому познанию.

Мы узнаем, что в одной Америке сорок профессоров заняты изучением энергии мысли. Перед нами лежит журнал «Парапсихология», изданный под редакцией проф. Рейна (Дьюк-Университет в Сев. Каролине). Проф. Рейн и проф. Макдугал уже много лет работали над передачею мысли на расстояние. Нам уже приходилось отмечать их блестящие результаты в этой области. Теперь же проф. Рейн привлек к сотрудничеству целую группу интеллигентных студентов и вместе с ними произвел ряд поучительнейших опытов.

Сперва передача мыслей производилась на кратчайших расстояниях в простейших формулах, но затем опыты постепенно перешли и на более далекие расстояния и сделались сложными и по содержанию своему. В течение нескольких лет было установлено, что мысль несомненно может передаваться на расстояние и для этого люди вовсе не должны становиться какими-то сверхъестественными посвященными, но могут действовать в пределах разума и воли. Несомненно, что область мысли, область открытия тончайшей всеначальной энергии, суждена ближайшим дням человечества. Таким образом, именно наука, называйте ее материальной, или позитивной, или как хотите, но именно научное познание откроет человечеству области, о которых намекали уже древнейшие символы.

Если мысль мировая направляется по определенному пути, то множество неожиданных

пособников могут быть усмотрены наблюдательным умом исследователя. Появились люди, притом самые обыкновенные, которые без приемника улавливают радиоволны или могут видеть через плотные предметы, подтверждая этим, что орган зрения может действовать и за пределами физических условий.

В Латвии под надзором врачей и ученых находилась маленькая девочка, читающая мысли. Врачебный надзор исключает какое бы то ни было шарлатанство или своекорыстие. В конце концов такой феномен уже перестает быть таковым, если и студенты Университета Сев. Каролины совершенно естественно достигают путем упражнений очень значительных результатов.

Также весьма замечательны опыты с недавно изобретенным аппаратом, улавливающим тончайшие, до сих пор еще не уловленные пульсации сердца. Еще недавно д-р Анита Мьюль рассказывала нам об этих произведенных ею опытах. При этом оказывалось, что высокая мысль чрезвычайно повышала напряжение и утончала вибрации, тогда как мысль обиходная, уже не говоря о мысли низкой, сразу понижала вибрации. Кроме того, было замечено, что объединенная мысль группы людей, составивших цепь, необычайно усиливала напряжение. Доктор Анита Мьюль вынесла также наблюдения из своего недавнего посещения Исландии, Дании, а теперь, вероятно, и Индии, где она находится, даст ей новые импульсы.

Конечно, всякие такие соображения, хотя и подтвержденные механическими аппаратами, продолжают оставаться для большинства «Терра инкогнита». Но по счастью, эволюция никогда не совершалась большинством, а была ведома меньшинством, самоотверженным, готовым претерпеть выпад неведж. Но правосудие истории неизбежно. Имена неведж, противодействующих знанию, становятся символами постыдного ретроградства. Имя Герострата, уничтожившего произведение искусства, осталось в школьных учебниках, только не в том значении, о котором этот безумец мечтал. Имена неведж, подавших свои голоса за изгнание из Афин великого Аристиды, не так давно были найдены на раскопках в Акрополе и пополняют собою мрачный синодик неведж и отрицателей. Конечно, не забудем, что человек, уловивший радиоволны без аппарата, и теперь еще угодит в сумасшедший дом, ибо некоторого сорта врачи не могли допустить эту способность. Вообще, многие человеческие способности удивят косных ретроградов, и им придется пережить немало постыдных часов, когда все, что они отрицали, займет свое место в области точных наук.

Еще и теперь передача мыслей на расстояние некоторыми обскурантами считается чуть ли не колдовством. Мы можем привести примеры, когда эта уже установленная десятками профессоров область вызывает грубые насмешки и восклицания о получении вестей из голубого неба. Не говоря уже о примерах, запечатленных в литературе многих веков и народов, позволительно напомнить невеждам, что радиоволны, которые уже вошли в их каждодневный обиход, тоже получают именно из голубого неба. Плачевно подумать о том, что люди не задумываются над многими очевидными явлениями и о космических основах или законах, лежащих за ними. Как попугаи, неведжды не прочь иногда твердить трюизмы, сами не понимая их значения. Так, кричащие о вестях из голубого неба не подозревают, что они говорят о том, что уже установлено научными исследованиями и запечатлено аппаратами.

Столько говорилось и писалось о тончайших энергиях, постепенно улавливаемых человечеством. Нелепые запреты, созданные косностью отрицателей, начинают спадать. Еще вчера мы читали об учреждении особого правительственного комитета для исследования индусской народной медицины. Заветы Аюр-Веды, столь еще недавно осмеянные, оживают под рукою просвещенных ученых. В Москве основывается Институт изучения тибетской медицины, западные ученые нашли чрезвычайно знаменательными указания среди древних китайских заветов, которые вполне отвечают новейшим европейским научным открытиям. И древняя

знахарка, варившая зелье из жаб, нашла себе оправдание в современной науке, открывшей большое количество адреналина именно в этих амфибиях, кроме того, в них уже найдено новое вещество буффонин, очень близкое к дигиталису. Можно приводить множество примеров среди подобных новейших открытий. Ослиная шкура китайской медицины тоже была оправдана в отношении витаминности последними исследованиями д-ра Рида.

Другой ученый, д-р Риил, под древнейшими символами установил указания на железы, значение которых сейчас понято и так выдвигается наукою. Таким образом, в разных областях науки древние знания выявляются под новым, вполне современным аспектом. Если собрать эти параллели, то получится многотомное сочинение. Но завершительным куполом всех этих исканий будет та основная область, которая сейчас идет под наименованием парапсихологии, ибо в основе ее лежит все та же великая всеначальная или психическая энергия. Мечта о мысли уже оформилась в науку о мысли. Мысль человеческая, предвосхищающая все открытия, уже носится в пространстве и достигает человеческого сознание именно «из голубого неба». Мозговая деятельность человека приравнивается к электрическим феноменам. Еще недавно биолог Г. Ляховский утверждал, что все этические учения имеют определенно биологическую основу. И таким порядком труд Ляховского подтверждает опыты д-ра Аниты Мьюль с электрическим аппаратом, наглядно отмечающим значение качеств мысли. Даже миф о шапке-невидимке получает научное подтверждение в открытых лучах, делающих предметы невидимыми. Итак, повсюду, вместо недавних отрицаний и глумлений, возникает новое безграничное знание. Всем отрицателям можно лишь посоветовать — «знайте больше и не затыкайте ушей ваших ватюю преступного невежества». Издревле было сказано, что невежество есть прародитель всех преступлений и бедствий.

Будет ли парапсихология, будет ли наука о мысли, будет ли психическая или всеначальная энергия открыта, но ясно одно, что эволюция повелительно устремляет человечество к нахождению тончайших энергий.

Непредубежденная наука устремляется в поисках за новыми энергиями в пространство, этот беспредельный источник всех сил и всего познания. Наш век есть эпоха энергетического мировоззрения.

1 января 1938 г.

В разных странах пишут о моем мистицизме. Толкуют вкривь и вкось, а я вообще толком не знаю, о чем эти люди так стараются. Много раз мне приходилось говорить, что я вообще опасюсь этого неопределенного слова — мистицизм. Уж очень оно мне напоминает английское «мист» — то есть туман. Все туманное и расплывчатое не отвечает моей природе. Хочется определенности и света. Если мистицизм в людском понимании означает искание истины и постоянное познание, то я бы ничего не имел против такого определения. Но мне кажется, что люди в этом случае понимают вовсе не реальное познание, а что-то другое, чего они и сами сказать не умеют. А всякая неопределенность — вредоносна.

В древности мистиками назывались участники мистерий. Но какие же мистерии происходят сейчас. И не назовем же мы мистериями научное познание, которое в последние годы двинулось в области надземные, приблизилось к познанию тончайших энергий. Спрашивается, в чем же всякие пишущие видят мой мистицизм. Если припомним мои картины, то даже сами названия вряд ли будут соответствовать этому людскому обозначению. Припомним от самого начала: «Богатыри», «Ушкуйник», «Гонец», «Восстал род на род», «Сходятся старцы», «Бой», «Город строят», «Сергий-Строитель», «Гималаи», «Жемчуг исканий», «Монгольский Цам», «Конфуций», «Лао-Це», и из самых последних — «Тревога», «Снегурочка», «Река жизни», «Настасья Микулична», «Микула Селянинович»... Или вспомним очерки: «Борьба с невежеством», «Парапсихология», «Болезнь клеветы», «Песни Монголии», «Чингиз-Хан», «Школьный учитель», «Прекрасное единение», «Старинные лекарства», «Врата Мира», «Чаша неотпитая», «Оборона», «Горький», «Толстой и Тагор»... Все это достаточно, казалось бы, определено и зовет к познанию.

Правда, мы радуемся каждому достижению, будет ли это в области искусства или науки. Мы глубоко интересуемся передачей мысли на расстояние и всем, сопряженным с энергией мысли. Об этом уже давно были беседы с покойным Бехтеревым, с Раином, с Метальниковым. Область мозга и сердца, так выдвинутая сейчас учеными мира, не может быть названа дымчатым словом «мистицизм», но есть самое реальное научное познание. Для невежд, вероятно, любое научное открытие есть мистицизм и сверхъестественность. Но тогда и Каррель, Крукс, Оливер Лодж, Пипин и все реальные ученые будут тоже мистиками.

Крылатая чума

В Сан-Джеминиано при нас открыли палату при церкви, замурованную после одного из средневековых чумных бедствий. В прекраснобашенном городе ничто не напоминало больше о черной заразе. По вычислениям было известно, что чумная зараза уже иссякла и палату можно было открывать. Конечно, народ еще боялся, и немногие рисковали входить в эту высокую залу, расписанную фресками Гоццоли. Конечно, замурованность этой палаты прежде всего благотворно отразилась и на сохранности самих фресок. Некому было их перечислять или перемывать и чистить.

Рассказы о чуме особенно всколыхнули, когда вспомнилась эта замурованная палата. Среди прочих эпитетов чумы ее почему-то называли «крылатой». Очевидно, в этом подчеркивали неожиданность появлений этой эпидемии. Действительно, без всяких, казалось бы, очевидных поводов вдруг вспыхивала страшная черная смерть. Точно истощив гнев свой, она пролетала дальше и опять опускалась в неожиданном месте, в неожиданных условиях. В конце концов и все так называемые эпидемии налетали всегда без каких-либо предварительных местных признаков.

Почему-то особенно сильно вспыхивали они обычно вовсе не там, где их предполагали. И само исчезновение их хотя и было обусловлено принятыми мерами, но также как бы зависело еще от каких-то незримых условий.

Сейчас, поверх сказок и поверий давнего прошлого: «Американский биолог Бернард Э. Проктор предпринял серию опытов с целью установить, на какой высоте над землей прекращается всякая жизнь. Проктор прибег к помощи летчика американской армии, специализировавшегося на подъемах на большую высоту; к одному из крыльев аэроплана была приделана трубка, перегороденная посреди листом промасленной бумаги. При скорости аэроплана в 250 километров в час встречный воздух с силой врвался в трубку, причем промасленная бумага играла роль фильтра, задерживавшего все микроорганизмы».

«После каждого полета бумажный фильтр доставлялся в лабораторию проф. Проктора, где подвергался тщательному бактериологическому исследованию. В результате 40 полетов на высоту 5000 метров установлено, что в этих слоях воздуха встречается не меньше 29 видов различных видов микроорганизмов бактерий, дрожжевых грибков и т. д., а также спор и семян растений».

«После 5000 метров количество видов уменьшается, но бактерии и грибки попадают в больших количествах до 7000 метров. Далее, между 7 — 10 км фильтр задерживает только несколько видов бактерий, которые, однако, отлично выдерживают как разреженность воздуха, так и низкую температуру предстратосферной области. Выше 10 км опыты не производились, но кривая, вычерченная проф. Проктором на основании добытых материалов, позволяет предполагать, что жизнь продолжается и в самой стратосфере».

«Проф. Проктор вывел из результатов этих опытов любопытное и неожиданное заключение: он указывает на роль, которую могут играть в распространении заразных болезней бури и циклоны. Вихрь, пронесшийся над пораженной эпидемией местностью, способен захватить и унести ввысь мириады микробов, которые могут затем, следуя воздушным течениям верхних слоев атмосферы, передвигаться на сотни и тысячи километров (таким именно образом вулканическая пыль, выброшенная во время извержения Кракатау, была занесена в Европу). Средневековое представление о крылатой чуме приобретает как будто характер научной теории».

«Проф. Проктор считает, что многие эпидемии, вспыхивающие неожиданно на огромной

территории, имеют именно такое происхождение».

Таким порядком еще раз подсказывается, насколько космические условия связаны с людскими условиями быта. Еще раз указывается, насколько из неожиданных, по человечеству, областей, прилетают как мрачные, так и целительные вести. Древние, если и не знали более выразительных формул, то, по существу, характеризовали такие космически человеческие явления достаточно выразительно.

Крылатость эпидемий и сейчас остается, как видим, довольно хорошим определителем. На каких-то неведомых крыльях переносятся опасные частицы. На каких-то других крыльях долетает и спасение. Хотелось бы скорей слышать, как ученые уловят и целительные эпидемии.

Приходится слышать о целых как бы обреченных на опускание островах и частях материков. С точными цифрами в руках ученые доказывают, что или должны быть заполнены какие-то гигантские подводные ущелья, или целые цветущие острова должны сползти в эти бездны. Если крылата чума и прочие ее мрачные союзники, то и подземная, подводная работа тоже угрожает неисчислимыми последствиями. Конечно, нам разъяснят, что всякие такие опасности выявляются в каких-то миллионах лет. Нам напомнят, как один слушатель таких лекций переспросил ученого, предполагался ли конец мира через биллион или два биллиона лет, и, услышав предположение о двух биллионах, вздохнул успокоительно. Такие предположения, конечно, успокоительны для человеческого быта. Но если мы просмотрим некоторые списки землетрясений, то те же ученые нам скажут, что и биллионные сроки могут значительно измениться. Таким образом, если даже чума называлась крылатой, то какие же определительные можно приложить и к прочим, не менее потрясающим, природным процессам?

Во всяком случае, если крылатость была применима к таким мрачным вестникам, то еще большая подвижность и целительность должна быть выражена в требованиях всяких оздоровлений. Из тех же стародавних времен, когда перечисляются многие, несомненно существовавшие, а затем исчезнувшие острова, сообщается в грозных словах и о причинах этих исчезновений. Обычно эти исчезновения приписываются какому-то человеческому нечестию, или гордыне, или излишнему самомнению. В этих легендах люди хотели по-своему выразить тоже связь человеческого духа с космическими явлениями. Действительно, сильна эта связь; недаром среди ближайших задач науки есть исследование мысли.

2 января 1935 г.

Пекин

Теперь главный вопрос ваш об ушедшей, всем нам дорогой. Вполне понимаем всю вашу горечь, но для ушедшей лучше будут ваши добрые сердечные мысли о ней, без посылок горестных. Она ведь остро чувствует и видит нас. Ведь только разница в вибрациях плотного и тонкого плана препятствует более тесному и осязаемому общению. Древние народы гораздо лучше понимали смысл перемены бытия, нежели современные, цивилизованные мудрецы. Сколько раз повторено в древних учениях о том, что смерти не существует, но есть лишь смена оболочки. «Мы не умрем, но изменимся». В этой краткой формуле все сказано, но люди как-то не обращают внимания на это основное утверждение закона бытия. Вы пишете, что стремитесь скорее перейти в Тонкий мир. Правильно, что вы думаете об этом переходе, ибо сознание должно быть к этому подготовлено, но чем-либо ускорить этот переход по следствиям будет равносильно неудачной преждевременной операции. Каждый должен выполнить свое задание в плотном мире: невозможно оказаться дезертиром! Все элементы, входящие в состав наших оболочек, плотной и тонкой, должны закончить естественно свое земное выявление, чтобы тем самым беспрепятственно приобщиться к жизни в Тонком мире. Ушедшая, обладающая таким чутким сердцем и приобщавшаяся к искусству, конечно, пребывает в прекрасных сферах с лицами, близкими ей по духовным устремлениям. Именно в сферах духа притяжение особенно остро действует, ведь дух прежде всего — магнит. Прекрасное сердце, как выразитель духа, является лучшим проводником или мостом среди сфер. Мысль, как тончайшая энергия, является основой Тонкого мира, и добрая мысль есть крепчайшая творческая сила. Там все творится мыслью и мыслью же все разрушается. И земные мысли имеют такое же назначение, потому можно себе представить, как важно посылать в пространство мысли созидательные и прекрасные. Вам это должно быть особенно близко, ибо вы всегда говорили о глазе добром. Несомненно, и все тяжкие условия Армагеддона должны тоже очень отягчать вас. Ведь вы особенно чутки на всякие мировые волны. И кому сейчас может быть хорошо? Уже не говорим о житейских условиях, которые у каждого из нас потрясены, но сердце болит за все бедствия мира, увы! подготовленные самими людьми. Само пространство вопиет. В письмах с разных концов Земли сообщают о необычных космических явлениях. В шуме битв многие из этих знамений особого времени тонут. Но чуткие сердца ощущают их, и никогда не было такого болезненного напряжения, как сейчас. Планета тяжело больна. Равновесие мира держится лишь одной страной, и радостно, что там кипит строительство. И во время битв каждый должен думать о строительстве и вносить его в своей области. Никто не знает, когда и где понадобится приложение его труда и опыта. Девиз «всегда готов» особенно должен быть повторяем сейчас. «Всегда готов», на дозоре во имя общего блага. Ваш словарь добра всегда был так велик, и сейчас вы должны почерпнуть отсюда выражение доброй бодрости, которая принесет благо многим друзьям, знакомым и неизвестным. У каждого из нас много этих неизвестных друзей, и мысль о них где-то сотворит что-то доброе. Эти добрые мысли сплетутся с прекрасными тончайшими мыслями /«оттуда»/, и получится контакт сильный. Воздействия «оттуда» непрестанны, а люди вместо того, чтобы принять их благодарно, стараются отмахнуться, как от мух назойливых. И в этой своей необдуманности и небрежности люди часто лишают себя лучшей помощи. Вот и ваша дорогая ушедшая, конечно, уже шлет вам бодрые, благие мысли. Она-то знает, когда свидится с вами. И вы должны встречать ее мысли такими же благими мыслями, чувствами. Вопль горя вовсе не помогает ни ей, ни вам самим. Когда люди отъезжают в дальнее путешествие, близкие провожают их добрыми пожеланиями и ждут новой радостной встречи, так и тут. Помните, «как внизу, так и наверху», и эта аксиома вечной непрерывной

жизни должна быть всеми твердо усвоена. Жизнь продолжается в тонких формах и, увы, часто даже слишком отражающих наше земное пребывание. Все это аксиома, но столько в земном быту нагромоздилось всяких искажений и самых диких представлений, что прекрасный смысл непререкаемых трюизмов и аксиом затемнился. Человек, переходя, не проваливается «в хладную бездну», но продолжает свой путь, применяя все накопления. Ей там хорошо, и вы помогите ей своими добрыми мыслями.

В истории человечества особенно любопытную страницу представляют эпидемии безумий.

Совершенно так же, как всякие другие заразные эпидемии, многократно, на разных материках, появлялись эпидемии безумия. Целые государства страдали злостно навязчивыми идеями в разных областях жизни. Конечно, особенно часто эти эпидемии выражались в сфере религиозной, в сфере суеверий, а также в пределах государственной подозрительности.

Если сейчас оглянуться на страницы всяких религиозных мученичеств, на темные воспоминания об инквизиции и всяких массовых безумиях, то совершенно ясно встанет картина настоящей, непреувеличенной эпидемии.

Так же как всякая эпидемия, и эта болезнь безумия вспыхивала неожиданно, часто как бы по малой причине и разрасталась с необыкновенной быстротой в самых свирепых формах. Вспомните хотя бы всякие процессы о ведьмах, которым даже верится с трудом.

Но сейчас доктор Леви-Валенси сообщает несколько любопытных данных, напоминающих опять о возможности эпидемии безумия.

Доктор говорит: «В былые времена сумасшедшие жаловались на дьявола, который жаждет погубить их душу и тело; пророчествовали или кощунствовали».

Сумасшедшие сегодняшнего дня, по словам доктора Леви-Валенси, бредят делом Стависского, Пренса; желают реформировать государство и т. д.

«Несколько лет тому назад, в разгар жилищного кризиса, множество больных жаловалось на то, что их хотят выселить из квартир. Теперь жилищный кризис прошел, зато началась безработица. И умалишенные упорно утверждают, что их хотят лишить службы, работы, «шوماжных» денег...»

«В горячем бреде непрерывно упоминается о кознях масонов, сюртэ». Леви-Валенси рассказывает о банковском служащем, 44 лет, который жалуется на преследования со стороны евреев и могущественных иностранных синдикатов, во что бы то ни стало желающих поступить с ним, как с Пренсом... За ним постоянно следят два субъекта: однорукий и один агент полиции «с лицом убийцы». Опасность угрожает также его жене...

«13-летний мальчик охвачен манией преследования. Он убежден, что скомпрометирован в деле Стависского и что «мафия» уберет его со своего пути».

Конечно, эти сведения доктора отрывочны и случайны. Конечно, его коллеги психиатры могут дополнить им сказанное множеством всяких примеров. Исследователи должны наблюдать не только уже в стенах лечебниц. Они должны широко присматриваться во всей жизни. Ведь главное количество безумцев не попадает в лечебницу. Они остаются на свободе, подчас занимают очень ответственные места. Для того чтобы вмешался врачебный надзор, нужны повторные и особенно яркие проявления. А сколько же деяний было совершено, пока безумец почитался дееспособным и в полной свободе совершал множество преступлений.

С исторической стороны этот вопрос очень сложен. Известно, что даже высокие государственные деятели и главы стран, еще находясь на своих должностях, впадали в острое безумие. Несмотря на попытки скрывать его, припадки становились настолько явными, что безумцев так или иначе изымали из деятельности. При этом ни для кого не оставалось тайною, что эти деятели болели уже некоторое время.

Спрашивается, что же делать со всеми декретами, постановлениями и резолюциями, которые были сделаны уже во время безумия? Значит, в государственную и общественную жизнь целых стран, может быть даже продолжительно, вторгалось безумие. Рука безумца продолжала совершать акты в уже явно болезненном состоянии. Должны ли быть такие акты признаваемы

нормальными? Это такой ответственный вопрос, которого всячески избегают юристы.

В конце концов, на него невозможно ответить. Вспомним хотя бы те примеры безумия должностных лиц, которые обнаруживались на нашем веку. Кто же мог бы вполне определить, когда именно началось это безумие, закончившееся так явно. Сколько раз, вследствие так называемого острого нервного расстройства, должностным лицам спешно предлагался отпуск, а затем они оказывались в определенной лечебнице. Но ведь до момента этого отпуска или отставки было совершено очень многое.

Всегда ли пересматривается то, что было совершено уже в болезненном состоянии? Известны случаи, когда главы государств действовали уже в припадке безумия. Как же быть с теми государственными актами, которые были утверждены безумцами? На протяжении истории известны многие такие прискорбные явления.

Сейчас доктор Леви-Валенси чрезвычайно своевременно поднимает вопрос об эпидемиях безумия. Люди, отравленные всевозможными нездоровыми условиями жизни, особенно легко поддаются всяким безумным маниям.

Мы совершенно не знаем, как влияют на психические возбуждения многие из вновь вызываемых в действие энергий. Также напряжения не могут быть нейтральными, они как-то воздействуют, но вот это «как-то» сейчас представляется особенно великим неизвестным.

Во всяком случае, нужно приветствовать голоса ученых, врачей и в данном случае психиатров, которые помогли бы спешно разобраться в происходящих мировых смущениях.

Будет полезно, если бы внимательные наблюдатели не поленились сообщить врачам замеченные ими всякие необычайные проявления. Такие сторонние сообщения могут с великою пользою толкнуть мысль испытателя.

Ведь сейчас происходят многие новые формы эпидемий. Особенно озлобилась инфлюэнца, иногда доходящая до форм легочной чумы, и, конечно, необыкновенно осложнились всякие психозы.

Широкое и неотложное поле действия для всех исследователей. Отметки истории, хотя бы и в кратких и своеобразных упоминаниях, тоже могут навести на разные полезные размышления.

12 февраля 1935 г.

Пекин

Кто не знает тех, Свыше прилетающих и легко касающихся сердца нашего, мыслей? Трудно опознать их, еще труднее запомнить. В часы предутренние, словно касания легких крыльев, прилетают эти мысли. Можно удержать их, повторить, еще раз затвердить, и все же в большинстве случаев они улетают безвозвратно. Приходят они от тех сознаний, язык которых поистине разнится от нашего. Потому так трудно входят они в наше здешнее осознание и мышление. Часто остается лишь где-то внутри понятое нечто прекрасное и полезное, а иногда и очень нужное. И все же вы не сумеете перенести это сразу на слова земные.

Бывает, в случаях особо спешных, что благая весть сопровождается каким-то физическим звоном или шумом, чтобы еще больше насторожить, отрезвить спящее сознание. Говорят о появлениях как бы звона серебристых колокольчиков или аромата, а не то и просто какой-то предмет падает со стола, чтобы создать еще более ясное бодрствование. При одном редком явлении предварительно пролетел большой орел как бы для того, чтобы глаза присутствовавших, следя за ним, усмотрели и нечто другое.

Велико разнообразие восприятий и утверждений посылок. Лишь очень сознательные и сердечно развитые люди могут не упускать этих вестников радости, пользы и помощи.

Но даже для среднего сознания остается совершенно ясна граница между своим помыслом или помыслом навеянным. Человек отлично знает, что рожденную в себе мысль он и запомнит, и очень легко всегда вызовет ее. Но мысли навеянные, они трудно прирастают к человеческому сознанию. Потому-то развитое искусство мышления всегда будет полезно во всех отношениях, во всех случаях жизни.

На Востоке в монастырях еще остались уроки такого развития мышления. Вы можете видеть, как молодежь под наблюдением старших быстро задает друг другу вопросы, ответ на которые должен последовать также немедленно. При этом вопросы задаются не только неожиданно по существу, но и неожиданно обращаются к одному из присутствующих. Характерный удар в ладоши сопровождает эту скоропостижную посылку. Если же вопрошаемый не найдет с ответом или ответ его будет неудовлетворительным, то он останется на посмешище общее.

Такие уроки мышления, сохранившиеся и до сего времени, напоминают нам о давних прекрасных школах мысли. Напоминают о тех временах, когда глубина и изящество мышления считались одним из самых благородных упражнений. Эти времена дали многие эпохи расцвета. Это может быть прямым доказательством того, что мысль процветает прекрасно.

Теперь многое как бы облегчено. Появились всевозможные энциклопедии и справочники. Обыватель, приобретя многотомную энциклопедию, восклицает: «Слава Богу! Уже не нужно мне засорять мою память!» С гордостью он покажет на золотом тисненную полку и скажет: «Вот моя память». Но рядом с этим среди молодого поколения часто начинают проявляться излишества в употреблении справочников. Таким образом, иногда совершенно упускается из виду, что память как таковая требует воспитания постоянными упражнениями мышления.

Уже в пределах трюизма находится истина, что лучшие основы преуспеваний должны быть воспитаны в великом труде и внимательности. И любовь, и свобода, и дисциплина, и взаимоуважение, и преданность труду — все это закрепляется постоянными испытаниями и воспитывается так же, как и познание всех прочих условий жизни.

Философия, давшая столько примеров утонченного мышления, не только пробуждала сознание, но и упражняла его. Естественно, всякое упражнение не может быть спорадическим. Спросите об этом любого виртуоза-музыканта. Ведь он не только упражняет свои пальцы, но в

трудных заданиях он держит свое музыкальное сознание на гребне волны. Человек может впадать в большое безразличие, говоря себе: «Не сегодня, так завтра». Он потеряет не только ценнейшее время, но также потеряет для себя самую ценность своего предмета. Безразличие уже будет омертвлением.

В древности сказавший: «Благодать — пугливая птица» — знал необходимость всей бережности ко всему, извне приходящему. Если человек откроет врата добра, то к нему добро и войдет. Наверное, на это утверждение возразят очень многие несчастные в жизни. Они будут утверждать, что врата добра они открывали, и ничто, кроме горя, не вошло. Но на пороге врат не оставался ли маленький скорпион или тарантул? Не был ли запылен этот вход, и не осталась ли какая-то грязь за порогом?

Опять и опять нужно всегда сознавать значение хотя бы очень маленьких, мимолетных, но смертельно жалящих мыслей. Всем нам приходилось видеть людей очень хороших, которые среди доброкачественных соображений вдруг допускали невозможную по своей вредности мысль. Иногда, может быть, даже для них самих неожиданно с уст срывалось соображение, приличное разве самому дикому человеку. Правда, они спешили оговориться. Утверждая, что это как-то сорвалось. Но ведь сорваться-то нечто может лишь из какого-то хранилища. Значит, где-то глубоко еще имеются груды ветхого рубища. Совершенно так же, как в открытых старых тайниках часто находится какое-то никому не нужное, затхлое тряпье. Исследователь с удивлением соображает, зачем наряду с прекрасными сокровищами в хранилище попали какие-то бесформенные тряпки. Но они все-таки как-то там оказались. Они все-таки заражали воздух своим гниением. От их гниения выростала сильнейшая ржавчина на соседних предметах. От них разлагалась ценнейшая резьба и еще быстрее истлевали свитки нужнейших рукописей. А ведь эту кучу тряпья в свое время кто-то просто забыл. В темном углу накопились какие-то лохмотья, точь-в-точь как лохматые бесформенные мысли, от которых подгнивает самое ценное достижение.

В умении мыслить скажется и качество терпимости к окружающему. Нетерпимость есть не что иное, как дикость. Нетерпимый человек, то есть тот, который допустил в себе губительное свойство нетерпимости, непригоден для общности. Он не только не поймет окружающего мышления, но он легко может оскорбить самый утонченный оборот мысли своего друга. Такие оскорбления мысли будут самыми тяжкими. Чтобы избежать их, нужно, попросту говоря, подумать. Из того же заботливого помысла породится и ценность к чужому времени, осознается та благородная напряженность, которую люди в невежестве часто клеймят самыми позорными именами.

Когда испытывалось мышление, человека не оставляли в библиотеке со всеми справочниками. Наоборот, его оставляли в пустом помещении, чтобы он мог остаться лишь с самим собою и вызвать из своих хранилищ испытанные соображения. После излишеств материализма человечество опять придет к справедливой оценке гуманизма и всех тех высших областей, с ним всегда связанных. Люди, зараженные излишеством справочников и тому подобных облегчений, вероятно, будут полагать, что после нашего века уже невозможно возвращение к осознанию духовных возможностей. Это и не будет возвращением, ибо всякое возвращение, в конце концов, невозможно в стремительности всего сущего. Но в той же стремительности люди опять нащупают, где истинная ценность. Они опять научатся слышать голос Вышний.

17 апреля 1935 г.

Цаган Куре

Сущность людей в основе своей добрая. Первый раз это сознание укрепилось во мне во время давнишнего опыта с выделением тонкого тела.

Мой друг врач усыпил некоего Г. и, выделив его тонкое тело, приказал ему отправиться в один дом, где тот никогда раньше не бывал. По пути следования своего тонкого тела спящий указал ряд характерных подробностей. Затем ему было указано подняться на такой-то этаж дома и войти в такую-то дверь. Спящий обрисовал подробности прихожей, говоря, что перед ним дверь. Опять ему было указано проникнуть дальше и сказать, что он видит. Он описал комнату и сказал, что у стола сидит читающий человек. Ему было указано:

— Подойдите, испугайте его.

Последовало молчание.

— Приказываю, подойдите и испугайте его.

Опять молчание, а затем робким голосом:

— Не могу.

— Объясните, почему не можете?

— Нельзя — у него сердце слабое.

— Тогда не пугайте, но насколько можно, без вреда, наполните его своим влиянием. Что видите?

— Он обернулся и зажег вторую лампу.

— Если не вредно, то усильте ваше влияние. Что видите?

— Он вскочил и вышел в соседнюю комнату, где сидит женщина.

По окончании опыта мы позвонили к нашему знакомому и, не говоря в чем дело, косвенно навели его на рассказ о его чувствованиях. Он сказал:

— Странное у меня сегодня было ощущение. Совсем недавно я сидел за книгой и вдруг почувствовал какое-то необъяснимое присутствие. Стыдно сказать, но это ощущение настолько обострилось, что мне захотелось прибавить свету. Все-таки ощущение усиливалось до того, что я пошел к жене рассказать и посидеть с ней.

Помимо самого опыта, который так ясно показал причины многих наших чувствований, для меня лично одна подробность в нем имела незабываемое значение. В земных обстоятельствах человек, конечно, не стал бы соображать, слабое ли у кого сердце. Он испугал бы, обругал, причинил бы зло, ни с чем не считаясь. Но тонкое тело, то самое, о котором так ярко говорит Апостол Павел, оно, в сущности своей, прилежит добру. Как видите, прежде чем исполнить приказ — испугать, явилось соображение очувствовать сердце. Сущность добра подсказала сейчас же, что было бы опасно повредить и без того слабое сердце.

Один такой опыт в самых обычных обиходных обстоятельствах уже выводит за пределы телесно ограниченного. Получилось не только выделение тонкого тела, но замечательное испытание доброй сущности. Сколько темного груза должно отягчить светлую, тонкую сущность, чтобы люди доходили до человеконенавистничества. Опять, как говорил Святой Антоний: «Ад — невежество». Ведь весь темный груз прежде всего от невежества. При таком положении насколько нужны добрые мысли, которые своими незримыми крыльями касаются отягченного, отуманенного чела.

Когда люди в невежестве говорят: «К чему эти сосредоточения мысли, к чему эти ушедшие от мира отшельники? Ведь они эгоисты и о своем спасении только думают». Большое заблуждение в таком суждении. Если даже на самом обиходном опыте мы могли убеждаться в доброй и благородной сущности тонкого тела, если мы видели, что мысль добра превысила все

приказы, так несомненные в таких случаях, то насколько же нужны эти мысли добра. Сколько простой, трогательной бережливости сказывается в простом ответе о слабом сердце. А разве мало сейчас слабых сердец, и кто имеет право отягощать их? Разве мало сейчас смертельно пораженных сердец, которые под одним неосторожным толчком уже не выдержат более? И будет это такое же точно убийство, как убийство кинжалом, пулею или ядом. Разве не яд проникает в сердце при злобном нападении? Какое огромное количество убийств, настоящих, умышленных, злобных в своей длительности, происходит вне всяких судов и приговоров! Отравить человека нельзя, задушить человека нельзя; это правильно. Но тогда почему же можно разгрызть и разорвать сердце человеческое? Ведь если бы люди, хотя иногда, хотя кратко, в час утренний помыслили о чем-то добром, вне их собственной самости, это было бы уже большим приношением миру.

Конечно, невежественные циники, наверное, будут ухмыляться, считая, что мысль — это ничто, во всяком случае, не более былинки в воздухе. Всякий цинизм о мысли, о духе, о внетелесных возможностях будет ярким примером грубейшего невежества. Когда же эти невежды, злобно кривясь, скажут: «Куда уж нам, малокультурным, погружаться в океан мыслей», — это будет сказано вовсе не в смирении и робости, но будет словом безобразнейшей гордости.

* * *

Часто люди втайне мечтают приобщиться чему-то, как они говорят в просторечии, сверхъестественному. Точно бы в естестве великом может быть естественное и, как противоположение, сверхъестественное. Конечно, это обычное выражение, как противоречащее обиходу, не приводит к верному сознанию. Но главное дело то, что, как только людям доводилось прикоснуться хотя бы к началу такого необычного явления, они впадали в такой безудержный сердечный трепет, что явление останавливалось. Прекращалось оно по той же самой причине, как и в вышесказанном опыте. Становилось ясным, что невоспитанное сердце и неопытное сознание не выдержали бы ничего сверхбудничного.

Очень часто говорится о каких-то необъясненных сердцебиениях. Их вносят в рубрику половую, или чрезмерной работы, или каких-либо излишеств. Но не мало случаев нашлось бы среди этих явлений, когда какие-то прекрасные крылья уже касались ждущего или неждущего, а он, от одной близости этой, уже смертельно содрогался. Это тоже будет так часто несовместимая разница между языком земным и языком Небесным.

Сколько добра и сострадания заключено в простом соображении о слабом сердце. Если бы люди даже в обиходе чаще допускали себе эту человеческую мысль о чужой боли, о переутомленности и слабости сердца, то ведь они уже тем самым становились бы во многих случаях человечнее.

* * *

Явления мертвых рассказаны во всевозможных повествованиях. Они совершенно несомненны. Среди них несомненно и то, что много раз, являясь с целью очень нужною, родные и друзья не могли сказать свою благую весть только из-за того же опять-таки животного страха тех, кому они являлись. Известны случаи, когда, желая спасти человека от опасности, усопшие должны были предпринимать целый ряд постепенных приближений, чтобы освободить человека

прежде всего от страха. Именно страх так часто мешает принять самую добрую весть.

Об этих явлениях, о таких добрых вестях и желаниях помочь написано так много, что невозможно вдаваться в перечисление отдельных эпизодов. Начиная от теологических и через многие философские, исторические и поэтические рассказы, всюду утверждается, что и смерти как таковой нет и близость миров может быть ощущаема даже среди обихода жизни. Все это несомненно. Но злоба и ненависть, так обуявшие человечество в наше время, понуждают еще раз вспомнить о том, что сущность человеческая добро, а все злое, безобразно вредное будет наносным прежде всего в силу невежества.

Очень темные, глубоко павшие сущности проявляют свое влияние прежде всего на невеждах. Их излюбленное средство опять-таки будет через многообразное запугивание. Они постараются настолько омрачить и понизить сознание уловляемого, что он почувствует себя изолированным, одиноким и наконец увидит счастье свое лишь в общении с темными. Темные также постараются лишить уловляемого всех истинных радостей, подсунув ему всякие постыдные суррогаты самоуслаждения.

Человек хочет забыться. Вместо того чтобы хотеть возможно яснее помыслить и вооружиться на духовную битву, его заставляют забываться. В дурмане желания забыться чего легче им овладеть и сделать его послушным орудием, ублажая его в невежестве. Между тем лишь мысль добра, лежащая в основе, может подвинуть и к жажде знания. И тогда человек не упустит ни дня, ни часа, чтобы узнать, улучшить и украсить все, что возможно. И в этом процессе мысль добра будет и мыслью прекрасною.

16 апреля 1935 г.

Цаган Куре

Среди первых необузданных опытов внушения остаются в памяти несколько подлинных эпизодов. Передают, что человек, выпив стакан совершенно чистой воды, под внушением, что он принял сильный яд, умер при всех симптомах именно этого отравления. Человек, положенный в совершенно чистую постель, под внушением, что в этой постели умер тяжело заразный, получает все признаки этого заражения. Человеку внушается, что началось наводнение — и он тонет в своей комнате, и он почти погибает от всех несомненных признаков утопания. Человеку внушается, что он переходит бурный горный ручей, и в большом обществе находящийся под внушением снимает сапоги и часть одежды, осторожно пробираясь по воображаемым камням.

Некий врач заявил сильному гипнотизеру, что тот может воздействовать лишь на людей слабонервных, а он как врач никогда не поддастся этим шарлатанским воздействиям. Гипнотизер улыбнулся, сказав: «За эти Ваши слова сейчас, когда Вы пойдете от меня, Вы упадете на затылок и тогда, может быть, начнете думать иначе». Многочисленные присутствовавшие наблюдали за этим своеобразным поединком. Врач очень бодро и возмущенно повернулся и стал удаляться от гипнотизера. Но через несколько шагов он вдруг остановился, пытался продвинуться дальше, как бы преодолевая какое-то препятствие, потом снова остановился и постепенно, несмотря на все свои усилия, хлопнулся спиной на пол. Поражение материалиста было встречено хохотом присутствующих. Потерпевший поражение конфузливо встал и, потирая затылок, поспешил покинуть зал.

Этот маленький эпизод манифестации внушения мог бы быть сопровожден множеством фактов, когда люди делали мысленно им приказанное, не отдавая себе отчета, что именно заставляет их поступить так, а не иначе. Кроме сознательных внушений, конечно, еще больше происходит не только бессознательных восприятий, но и бессознательных приказов.

Итак, выходит, что симптомы яда порождаются мыслью. Симптомы заразных болезней вызываются не самою заразою, но тою же мыслью. При этом для заразы или для яда нужен инкубационный период. Но мысль вызывает те же последствия и производит все предыдущее молниеносно. И тем мысль сильнее всякого яда, всякой заразы.

С другой стороны, если мысль может быть сильнее самых губительных вещей, то, естественно, она же может быть могущественнее и самых целительных воздействий. Всем известны случаи, когда врач, ради пользы больного, должен предписывать подсахаренную воду, которая дает самые прекрасные последствия. Естественно, не щепоть сахара, но мысль принимающего так могущественна. Казалось бы, всем уже достаточно известны факты могущества внушения, но все же постоянно и в профессиональной практике, и просто в быту значение внушения или забывается, или, еще хуже, продолжает отрицаться. В этом можно наблюдать исконную борьбу узкого материализма с безграничною, высокообразованною духовностью.

Прискорбно вспомнить, как часто самые малые соображения превышают спасительные посылки. Это не значит, что посылка была слаба. Могло, попросту говоря, не найтись для нее места у воспринимающего. И, таким образом, вместо чего-то очень полезного вдруг пересилило самое маленькое, ничтожно бытовое. Обычно происходит это в той среде, где о мысли как о таковой вообще не помышляют. Ведь есть такие целые семьи, где рассуждение о мысли вообще не было бы допущено и во всяком случае было бы осмеяно.

Итак, часто самый важный двигатель, самое духовное начало подвергается самым яростным отрицаниям и осмеяниям. Рассказывается, что некое воинственное племя, когда идет для получения отпущения своих прегрешений от своего духовного главы, всегда воздерживается от

нападений и разбоев. Но после получения благословения разбойные воины становятся особенно яркими и поспешно предаются всяким нападениям.

Не получается ли приблизительно то же самое, когда вы видите людей, казалось бы, после молитвы выходящих из храма и немедленно предающихся всякому злословию. Не то ли же самое часто делается очевидным, наблюдая людей, только что приобщившихся к глубокой трагедии или будто бы потрясенных духовным словом и тем не менее сразу же погружающихся в несносные, подлые сплетни и клевету. Во всех этих прискорбных случаях можно видеть примитивное состояние мышления. Именно настоящее невежество заставляет людей не распознавать, где и в чем заключается истинная сила.

Между тем познание истинной силы мысли может прийти лишь добровольно. Никакими лекциями и книгами, если к ним не раскроется сердце, нельзя просветить.

Некий педагог всячески предлагал своим ученикам думать. Но за его спиной необузданные невежды называли его несчастным многодумцем. Если бы этот эпизод перенести в окружение классических греческих академий, то какому остракизму были бы подвергнуты невежды, позволившие себе гоготать над благородным словом о мысли. Как благородно и дружелюбно должно входить в сознание понятие ценности мысли. И какой это неотменный друг и советник, истинный доброжелатель появится этою очищенной, сбереженной мыслью. Истинная сила привлекается и усвоится там, где облагорожена мысль.

25 апреля 1935 г.

Цаган Куре

Мы любим ту жизнь, которая нам являет себя на земле, оттого что мы о другой ничего не знаем.

Еврипид

Институт психосинтеза в Риме под руководством д-ра Роберта Ассагиоли. Институты парапсихологии в Германии. Институты метапсихические во Франции. Курсы психологии в Дьюк-Университете под руководством проф. Райна в Новой Каролине. Неврологический институт в России. Физиологический институт имени Павлова. Курсы психологии в Цюрихе профессора Юнга. Институт Эранос в Асконе, в Швейцарии. Институт исследований эволюционной биологии в Лондоне. Интереснейшие исследования Лестер-Института в Лондоне. Опыты исландского профессора Колмана по фотографии мысли. Специальная кафедра психических исследований в Стокгольмском университете. Многие разбросанные по различным странам общества психических исследований. Можно перечислять без конца подобные очаги живой мысли, стремящейся познать новые пределы науки. Пусть эти светлые достижения еще далеко не объединены и часто находятся под давлением всяких условных перегородок. Все же каждый непредубежденный наблюдатель может убедиться, насколько за последнее время, как истинные знаки эпохи, расширяются пути освобожденной науки.

В океане печатного материала трудно охватить количественное и качественное определение происходящего. К тому же и не все пути сообщения доступны самоотверженным работникам, в большинстве случаев не обладающим средствами. Иногда средства приходят только в случае очевидной утилитарности опытов. Как в Средневековье легче всего находились средства на производство золота из неполноценных металлов, так же и великая руководящая мощь мысли сейчас все еще с трудом укладывается в рамки утилитарно-механического мышления.

Конечно, как всегда, полезны всякие съезды, общения, переписки, но и в этом остается столько недомолвок или недоумений, что уже предсужденные выводы опять замедляются. Но все же ясно одно, что так называемое одухотворение науки постепенно укрепляется повсеместно. Выкрики невежественных критиков и всяких против знания злоумышленников остаются отчужденными в своей злобной разрушительности. Правда, эти разрушительные громы невежества все еще оглушительны, но в общественном мнении все-таки просыпается настойчивое желание борьбы с невежеством. В энциклопедиях можно находить поучительные примеры, как еще недавние суровые осуждения трудов смелых искателей уже сменяются более осторожными суждениями. Итак, все поборники знания, готовые для борьбы с невежеством во всех его проявлениях, могут составлять поучительные и ободряющие списки всего благодетельного, что уже делается сейчас.

Все же борьба с невежеством неотложна. Никто не должен успокаивать себя тем, что уже достаточно знания. В беспредельности познание никогда не достаточно. Чем больше будет попыток к познанию, тем сильнее и отвратительнее будут судороги невежества. Ведь и Парацельс, так оцененный сейчас, в свое время был убит завистниками, не перенесшими его достижений. Еще на нашем веку великий Менделеев не был избран в Академию наук. Не уменьшается число примеров, когда истинные находения бывают оценены далеко от места их зарождения. Вспоминаю замечательные слова Рабиндраната Тагора, произнесенные им после получения Нобелевской премии. Великий мыслитель сказал одной депутации, пришедшей к нему с поздравлением: «Почему вы поздравляете теперь, а не раньше?» В копилке жизни можно

находить множество таких примеров, которые в просторах Культуры совершенно неуместны и в ближайшей эволюции не должны быть повторяемы. Организованная борьба с невежеством, самоотверженный поход за культуру, оборона знания от всех разлагающих попыток — все это должно стать знаменательной печатью века. Мощь мысли! Осознание психической энергии!

«Каждое познавательное движение встретим дружелюбно. Найдем силы отрешиться от личных привычек и суеверий. Не будем думать, что легко оборотъ атавизм, ибо наслоения физические несут в себе предрассудки многих веков. Но если твердо осознаем тягость таких отложений, то уже один из самых трудных затворов будет открыт. За ним отойдет и следующий, когда поймем, зачем должны приложить в земном мире все действие. Только таким путем дойдем и до третьего входа, где поймем сокровище вверенной людям основной энергии. Кто научит признать ее, тот будет истинным наставником. Не доходит человек до понимания своей мощи без руководителя. Много всевозможных уловок таится на пути человека. Каждая приютившаяся явленная ехидна надеется скрыть от человека самое драгоценное. Он, как путник заблудившийся, не знает, в какой стихии искать преуспевания, но сокровище в нем самом. Мудрость всех веков указывает: «Познай самого себя». В таком совете обращено внимание на самое сокровенное, которому суждено стать явным. Огненная мощь, временно названная психической энергией, даст человеку путь к счастью будущего. Не будем надеяться, что люди легко признают свое достояние, они изобретут все доводы, чтобы опорочить каждое нахождение энергии. Они обойдут молчанием сужденное качество своего продвижения, но, тем не менее, путь един».

Никогда не откажемся, что мы с большим увлечением следим за достижениями науки. Будь то в Обществе психических исследований или в Дьюк-Университете, по передаче мысли, или в случае замечательной девочки в Дели, или в деле фотографирования Мира Невидимого — решительно во всех проявлениях познания каждый культурный человек должен быть доброжелательно открыт. Записной лист «Борьба с невежеством» написан, точно бы отвечая на некультурные злоумышления. Как Общество психических исследований, так и спиритуализм в его высоких проявлениях, так и все опыты над психической энергией должны быть встречаемы доброжелательно и вызывать тщательнейшее научное исследование.

Только невежды не знают, сколько полезнейших институтов и университетских курсов по изучению психических явлений открыто во многих странах за последнее время. Только невежды не хотят знать, сколько научных книг выдающихся ученых, например Алексея Карреля (работавшего с Линдбергом), издано в последние годы. Итак, пусть каждая некультурная атака на познание встречает четкий, обоснованный отпор, чтобы безумные воинствующие невежды садились в ту лужу, которую они заслуживают. Пусть невежды будут выявлены самым ярким способом.

Мы всегда останемся доброжелателями всех искренних познавателей. И теософы, и психические исследователи, и спиритуалисты, и физиологи, к какому бы лагерю они ни принадлежали, они являются пионерами науки грядущего. Психические явления, сила мысли как основа человеческого творчества и прогресса — найдут себе заслуженное место в достижениях эволюции. «Изучай все окружающее». «Познавай без утомлений». «Сердце есть бездна». «Крылатая мысль».

Множество ободрительных призывов несется из глубины веков. Человеческий кооператив получает поддержку из всех твердынь и древнего, и нового познания.

«Излучение прогрессии коллективной энергии может доказать, что единение — не только нравственное понятие, но и мощный психический двигатель. Когда твердим о единении, мы хотим внушить сознание великой силы, находящейся в распоряжении каждого человека. Невозможно представить неопытному исследователю, насколько возрастает собирательная

энергия. К такому проявлению надлежит подготовить сознание. Удача опыта зависит от устремления всех участников. Если хотя бы один не пожелает участвовать всем сердцем, то лучше и не приступать к опыту. Уже в древности знали мощь объединенной силы. Одиночные наблюдения иногда объединялись в общие исследования, получалась целая цепь, и наблюдатели полагали руку на плечо предыдущего. Можно было видеть необычные колебания энергии; при согласованном устремлении получалась напряженная сила. Таким образом, когда говорю о единении, имею в виду реальную силу. Пусть запомнят все, кому нужно запоминать».

«Психическая энергия в древности иногда называлась воздухом сердца. Этим хотели сказать, что сердце живет психической энергией. Действительно, как без воздуха человек не может прожить долго, так и сердце отходит от жизни без психической энергии. Многие старинные определения должны быть пересмотрены доброжелательно. Люди давно замечали явление, которое теперь остается в небрежении».

«Намагничивание воды, поставленной около спящего человека, уже будет показателем выделения его излучений и отложением силы на предметах. Следует весьма внимательно отмечать такие отложения, они могут напомнить об обязанности человека наполнять окружающее прекрасными отложениями. Каждый сон — не только наука для тонкого тела, но и рассадник психических отложений».

«Также показательны опыты над распространением силы отложений. Можно заметить, что энергия испаряется в разной степени. Некоторые сильные излучения могут действовать несравнимо дальше, если они будут посланы чистым мышлением. Итак, чистое мышление тоже не есть лишь нравственное понятие, но реальное умножение силы. Умение воспринять значение нравственных понятий относится к области науки. Нельзя легкомысленно делить науку на материальную и духовную — граница будет несуществующей».

«Наблюдения следует вести не только над согласованными привходящими, но также и над разъединяющими проявлениями. Опыт ценен разносторонний. Невозможно предрешить при начале исследования, какие именно ингредиенты потребуются для усиления следствия. Можно призвать сотрудничество самых неожиданных предметов, ибо свойства тончайших энергий не могут быть ограничены. Такая беспредельность возможностей несколько не нарушает научности исследования. Можно применить индивидуальные методы и такие новые проявления мужественно принять. Никто не может указать, где кончается мощь человека. При этом не сверхчеловек, но именно самый здоровый человек может окрылиться счастливым достижением. В каждом обиходе может быть изучаема психическая энергия. Не нужно особых, дорогих лабораторий, чтобы воспитывать сознание. Каждый век несет свою весть человечеству. Психическая энергия имеет назначение помочь человечеству среди нерешимых для него проблем».

«Умейте терпеливо наблюдать, какие условия наиболее благоприятствуют опыту. Могут быть условия космические, или на яркую световую окраску, или на минералы, или на явления животных. Можно наблюдать, как присутствие человека в соседней комнате может воздействовать на ток энергии. Ведь человек не дает себе отчета, как он настроен в данное время. Можно наблюдать, что человек будет утверждать наилучшее свое настроение, но аппарат покажет раздражение или другие нехорошие чувства. Не из лжи человек будет скрывать внутреннее чувство, но чаще всего от неумения распознать свои ощущения».

«Кроме исследований психической энергии на цвет, испытывайте ее на звук и аромат. Можно получить показательные воздействия музыки, при этом замечайте и расстояние, и самые музыкальные гармонии. Много говорят о воздействии музыки на людей, но показательных опытов почти не производят. Можно заметить воздействие музыки на настроение человека, но это будет общим местом. Конечно, предполагается, что веселая музыка сообщает радость, а

печальная — горе, но таких выводов недостаточно. Можно проверить, какая гармония наиболее близка психической энергии человека. Какая симфония может наиболее мощно влиять на успокоение или на вдохновение людей. Нужно испытывать различные музыкальные произведения. Само качество гармонизации даст лучшие указания о путях звука и жизни человека. Также необходимо исследовать влияние ароматов. Нужно приближать как цветы пахучие, так и разные составы, которые должны возбуждать или понижать психическую энергию. В конце концов, можно соединить цвет, звук и аромат и наблюдать сотрудничество всех трех двигателей».

«Люди наконец поймут, какие мощные воздействия их окружают. Они познают, что весь обиход их жизни проявляет великое воздействие на их судьбу. Люди научатся внимательно относиться к каждому предмету. Они окружают себя истинными друзьями и уберегутся от разрушительных влияний. Так спасительная энергия поможет в переустройстве жизни».

«Обычно самому главному уделяют наименьшее внимание. Но мы не устанем твердить о том, что неотложно нужно человечеству. Среди таких кажущихся повторений мы утвердим желание познания. Люди слишком привыкли, что за них кто-то думает и что мир обязан взять их на попечение. Но каждый должен внести свое сотрудничество. Умение приложить свою психическую энергию будет постепенным воспитанием сознания».

В семье, в школах, в общественной жизни будет утверждаться познание энергий. Искусство мышления во всей красоте опять делается любимым спортом, истинными крыльями человечества.

14 июня 1936 г.

Урусвати

«Передача мыслей на расстояние. Профессор Гарвардского университета Джозеф Райн после четырехлетних опытов заявил себя решительным сторонником возможности передачи мыслей на расстояние.

Он произвел свыше ста тысяч опытов. В его распоряжении был штат молодых ученых Гарвардского университета, и ему содействовал известный американский профессор психологии Уильям Мак-Дугалл.

Первые опыты Райна свелись к занятиям со студентами, которые угадывали его мысли. Ему удалось отобрать группу из тридцати молодых людей, отличающихся особой телепатической восприимчивостью.

Затем с этой отобранной группой начались систематические опыты, сложность которых повышалась с течением времени. От разгадывания простых мыслей группа перешла к решению разных математических задач по заданиям Райна, таившего их в секрете от студентов.

К первому же периоду опытов относятся совершенные с особой пачкой карт: Райн изготовил пачку из 25 карт с сериями различных рисунков.

Взяв любую из карт, Райн предлагал студенту, сидевшему в соседней комнате, нарисовать на бумаге рисунок этой карты. Когда студенты стали разрешать такой опыт, тогда профессор приступил к следующей серии: он перемешивал карты и раскладывал их на столе рисунком вниз. Студент из-за двери должен был рассказывать, в каком порядке лежат все карты на столе, и все тридцать человек через короткое время безошибочно стали называть порядок всех 25 карт.

Затем эти же опыты были повторены со студентами, находившимися уже не в соседней комнате, а в другом доме за несколько кварталов. Опыты совершались в присутствии контролера, и никаких трюков быть не могло.

Потом, также на расстоянии, началось чтение мыслей, и дело дошло до того, что поэты, приглашенные Райном в его лабораторию, писали стихи, а студенты в то же самое время, по телефону, с другого конца города, читали их профессору вслух».

Из другого источника сообщают:

«Из Тибета в Берлин вернулся руководитель недавней экспедиции на Гималаи профессор Диренфурт.

Каждый из участников экспедиции, говорит он, все время ощущал на себе влияние какой-то враждебной силы, влияние демона, карающего, по верованиям тамошних жителей, вершины Гималаев и карающего смертью смельчаков, которые дерзают забираться в запретные места.

Далее профессор рассказал о необыкновенной обостренности восприятий жителей Тибета. Телепатия, говорит профессор, так же широко развита в Тибете, как и телефон в Европе. У нас в горах скончался один проводник. Мы послали гонца в его родную деревню. Посыльному пришлось затратить на дорогу двенадцать суток. Но еще до того, как он добрался до деревушки, к нам явился гонец из этой деревушки, вышедший в день смерти носильщика. Он сам сказал, что в деревне знают о смерти односельчанина. Там состоялось уже соответствующее моление, и его прислали сказать нам, чтобы мы похоронили мертвеца в горах.

Жители Гималаев, по словам Диренфурта, путем самовнушения умеют себя согреть в самые сильные морозы. Так, например, они в состоянии спать без одежды в любой мороз на снегу, и им достаточно, чтобы чувствовать тепло, прикрыться одной лишь рубашкой. Температура их тела так высока, что мокрые одежды, которыми их накрывал Диренфурт, через несколько часов совершенно высыхали».

Еще сообщают:

«В шведском сенате недавно был установлен особый электрический аппарат для подсчета голосов. Как только сенатор нажимает зеленую кнопку, на соответствующей доске зажигается зеленая лампочка, означающая «да». Красная означает «нет». Когда происходит голосование, на доске загорается столько огней, сколько сенаторов находятся в зале, механический счетчик производит точный подсчет красных и зеленых огоньков, и на другой доске появляются соответствующие цифры, причем автоматический фотографический аппарат производит моментальный снимок. Фотографии хранятся в архивах как вещественное доказательство голосования. После каждого голосования председатель нажимает на свою кнопку, и все огни на доске гаснут.

Этим усовершенствованным аппаратом шведские сенаторы пользовались с полным доверием в течение некоторого времени. Но вот на днях рассматривался какой-то вопрос, казавшийся почти бесспорным. А между тем на доске загорелось 46 зеленых лампочек и 42 красных. В зале поднялся спор. Председатель сената тогда заявил:

— Наш робот, по-видимому, не в порядке. Может быть, он считает неправильно. Давайте лучше прибегнем к старому способу поименного голосования.

Сенат последовал совету своего председателя, и оказалось, что за резолюцию голосовало 53 человека и 34 против.

Поднят вопрос о проверке всех результатов голосования, начиная со дня установки робота. Возможно, что целый ряд законов был принят роботом вопреки желанию парламентариев».

Что же тут нового? Во всех трех сообщениях, казалось бы, нет ничего нового. Уже старо, что робот-машина не заменит человеческий организм. Не ново сообщение о передаче мыслей на расстояние. Издавна это известно. Так же точно известно и то, что рассказано профессором Диренфуртом. А в то же время радуешься всем таким сообщениям. Для кого-то они очень старые, но и тем повторения такого старого всегда полезны. А другим такие сообщения будут новее нового. И быть может, впервые заставят подумать о силе мысли.

Многим людям нужно, чтобы сведение произошло от лица с научным дипломом. Тем лучше, если профессора, среди которых столько было неисправимых, узких материалистов, начнут, во имя справедливости, обращать внимание на действительные факты. Опять-таки было бы чрезвычайно полезно, если и читатели таких сообщений не поленятся написать или авторам сообщений, или в редакции газет факты, встреченные в их жизни. Очень просим, не поленитесь добросовестно, хотя бы кратко, сообщать наблюдаемые вами факты. Ведь такими вашими наблюдениями вы можете затронуть внимание самых неожиданно полезных людей. Кроме того, такими наблюдениями и сама механизация жизни станет на должное место.

Не следует отрицать, но всегда нужно соизмерять и прилагать по справедливости. Не забудем, что даже такой большой ум, как Наполеон, не понял и отверг первое предложение парохода и торпеды, ибо не мог понять силы пара. Мало ли ошибок произошло, но из этого не следует, чтобы эти ошибки продолжались и за них пришлось бы стыдиться впоследствии.

Пусть честная действительность во всем своем богатстве, во всей высоте будет убедительным руководящим началом.

13 мая 1935 г.

Цаган Куре

За прошлый год в одних только Соединенных Штатах Америки погибло от рака сто тысяч человек. Прибавьте к этой потрясающей цифре еще все жертвы, унесенные раком в Европе и других странах, и получится цифра потерь целой войны. Бедствие раковых заболеваний внешне отличается от прочих эпидемий. Раком ужасаются. Строят еще одну больницу. Объявляют в газетах о средствах, вполне излечивающих рак, а цифры жертв не только не уменьшаются, но, пожалуй, угрожающе возрастают.

Рак не так бурно, как чума или холера, но верно продвигается, пока не будут приняты настоящие профилактические меры и не начнутся внимательные и длительные исследования. Этим мы не хотим обидеть тех самоотверженных врачей, которые неустанно стараются остановить мертвую хватку рака. Известны примеры действительно удивительной самоотверженности врачей.

Дело не во врачах только, но в самих народах, которые ради условных привычек не нарушают вредных сторон своего быта. Уже неоднократно сообщалось, что статистика повсеместно установила мясоедение как одну из причин раковых заболеваний. Так же точно общее потрясение нервной системы в нездоровых современных городских условиях также является способствующим условием для страшной болезни.

Между тем известны местности, где рак неизвестен вообще или проявляется лишь в случаях занесенных. Также известно, что высоты как бы являются началом, охраняющим от рака. Значит, казалось бы, прежде всего нужно начать исследования в местностях, где рак вообще неизвестен, и досмотреть, какие именно местные условия являются отличительными? Также известно, что тибетские ламы излечивают некоторые случаи рака. При этом лечение, свидетелями которого мы были, производится растительными веществами, при условии пользования ими в определенных горных местностях. Это обстоятельство сразу вызывает необходимость различных исследований и самих лекарств, и особых условий предписанной местности. Может быть, качество минеральных вод или почвы, или близость ледников, изобилующих метеорной пылью, — мало ли какие условия могут влиять и кроме очищенного горного воздуха и солнца.

Казалось бы, эти указанные обстоятельства уже должны побудить кого-то или болеющего, или преисполненного филантропическими намерениями помочь этим исследованиям. Но на деле выходит совсем не так просто. Люди интересуются, но дальше расспросов и беспредметных желаний дело не подвигается. Допустим даже, что такие исследования потребовали бы значительное время. Допустим, что среди них произошли бы и частичные разочарования. Тем не менее и статистические данные, и уже наблюденная возможность излечения хотя бы некоторых форм рака должна бы являться достаточной причиной для пробуждения сердец к такого рода исследованиям.

Сами потрясающие цифры жертв должны бы заставить подумать о приумножении способов исследования. Одним только городским лабораторным путем не всегда удастся уловить извилистый путь ехидны. Если же является хотя бы предположительная возможность обогатить способы исследования, то ведь ею нужно пользоваться, не упуская ни дня, ни часу. Таким образом, находя профилактические условия выздоровлений самого быта, можно, с другой стороны, указать и те, уже существующие, естественные условия, которые являются предохранителем от страшного заболевания.

Зачем же терять время там, где уже могла бы идти бодрая поступательная работа? Зачем же отвлеченно ужасаться числам жертв, когда еще что-то и где-то может быть сделано на

спасительных путях?

Такие расследования скоро потребуются, и не только для рака. Надвигается и другой новый бич, пока носящий название испанской инфлюэнции. Многие врачи считают эту форму чрезвычайно близкой легочной чуме. По некоторым симптомам, это действительно нечто весьма сходное. Каждый год можно видеть волну таких заболеваний, протекающую в разных странах. Во всяком случае, в этом есть какая-то новая форма заболевания. Если когда-то то, что называем насморком, было в смертельных формах, то и давно известный грипп, наоборот, возрос до опасных форм испанки.

Только что читаем о том, что сейчас много людей тяжело больны от странной формы воспаления легких, приписываемой недавним, неслыханным по силе, пыльным ураганам. Даже животные подымают при подобных же симптомах. И здесь, в Китае, прошла тяжелая форма каких-то подобных же заболеваний. Думают, что из долины Янцзы вихри несут какую-то зараженную пыль с определенными бактериями.

Так или иначе, опять мы встречаемся с усиливающейся легочной и гортанной формой заболевания. Если же сообразим все умножившиеся случаи сердечных болезней, странного усиления давления крови, менингита и других нервных сердечных форм, то опять можно видеть поднявшийся на человечество бич, который не замечаем в кинема и дансингах, на скачках и в кулачных боях.

«Пир во время чумы» в представлении гениального поэта всегда напоминает те неразумия, которые так легко ведут к малопоправимым последствиям.

Со времени Великой войны, среди всех мирных конференций, народы истратили шестьдесят миллиардов долларов на вооружение. Сейчас опять гремят войсковые призывы. Возможность войны висит в разных частях мира. Поучительно было бы знать, сколько за это время было затрачено на борьбу с чудовищными бичами человечества, как рак, сердечные болезни, виды инфлюэнции и прочие угрозы. Не будем считать в этой цифре уже существовавших госпиталей и прочих научных медицинских учреждений. Эти достижения уже были кем-то выполнены. Знаменательно было бы посмотреть размеры цифр на новые изыскания и сравнить их с цифрами вооружения.

Говорят, что дети до пяти месяцев вырабатывают сами свой витамин, но после четырнадцати месяцев это свойство пропадает. Тогда уже требуется особая профилактика. Почему же не думать о ней хотя бы в тех пределах, которые легкодоступны каждому человеческому мышлению? Конечно, не следует устрашаться заразительностью болезней. Ведь теперь признают, что и рак заразителен, и легочные формы. Было бы одинаково неразумно наполнить сознание боязливостью и тем самым открыть доступ всяким заражениям. Думать своевременно о профилактике не должно быть признаком страха. Это должна быть просто бережливость жизни, чтобы она могла быть выполнена в превосходном и гармоничном напряжении энергии. Там, где можно предусмотреть уменьшение страданий, их и нужно предусмотреть, и нужно достичь этого всеми человеческими мерами.

Нельзя возлагать всю заботу лишь на врачей. Все люди должны быть сотрудниками в деле широко понятого Красного Креста. Так часто принято, собравшись за пресловутой чашкой чая, поболтать и ложками, и языком и разойтись потом без всяких последствий. Необходимо, чтобы каждая беседа вносила бы нечто действенное. Из этих, хотя бы малых зерен, сложится самое большое и самое неотложное.

Бич сам не подымается, его подымает рука. Нужно, чтобы эта Рука не подняла бич. Нужно, чтобы бег и преуспевание народов не нуждались в бичах, когда суждено так много прекрасного.

4 апреля 1935 г.

Цаган Куре

Борьба с невежеством

«Борьба с невежеством должна быть явлением мировым. Ни один народ не может хвалиться, что он достаточно просвещен. Никто не может найти довольно сил, чтобы одолеть невежество в единоборстве. Знание должно быть всемирным и поддержано в полном сотрудничестве. Пути сообщения не знают преград, также и пути знания должны процветать в обмене мнений. Не нужно думать, что где-то достаточно сделано для образования. Знание настолько расширяется, что требуется постоянное обновление методов. Ужасно видеть окаменелые мозги, которые не допускают новых достижений. Каждый отрицатель не может называться ученым. Наука свободна, честна и бесстрашна. Наука может мгновенно изменить и просветить вопросы мироздания. Наука прекрасна и потому беспредельна. Наука не выносит запретов, предрассудков и суеверий. Наука может найти великое даже в поисках малого. Спросите великих ученых — сколько раз самые изумительные открытия происходили в процессе обычных наблюдений. Глаз был открыт и мозг не запылен. Путь умеющих смотреть свободно будет путем будущего. Именно борьба с невежеством неотложна, как с разложением и тлением. Нелегка борьба с темным невежеством, оно имеет много пособников. Оно ютится во многих странах и прикрывается различными одеяниями. Нужно запастись и мужеством, и терпением, ибо борьба с невежеством есть борьба с хаосом».

Уже пять веков до нашей эры с Востока раздались благословенные слова: «Невежество есть тягчайшее преступление». Затем и великие отшельники первых веков христианства заповедали, что «невежество есть ад». Действительно, из этой темной пропасти рождаются все братоубийственные преступления, мир наполняется тою ложью и тьмою, которая способствует самым безобразным, самым жестоким и отвратительным деяниям.

Глотать пищу еще не значит жить. Так же точно быть грамотным еще не значит быть просвещенным. Грамота есть естественное питание, но мы видим, что как пища может быть и полезной и вредной, так же и значки грамоты могут служить и свету и тьме. Просвещение и культура будут синонимами. Как в том, так и в другом наименовании заключена готовность к беспредельному познанию. В горниле такого постоянного обновления сознания очищается и сущность человеческая. В этом честном и неограниченном труде знания люди облагораживаются и начинают понимать, что есть — служение человечеству и миру. Истинный ученый имеет глаз открытый и мысль нестесненную. Но, как и все в мире, глаз должен быть воспитан и мысль должна быть воспитана. От первых шагов образования светлое допущение и раскрытие горизонтов должно входить в основу начальной школы. Знание должно быть освобождено от условных рамок. Знание есть путь к радости, но радость есть особая мудрость.

Ученый и художник знают значение слова — вдохновение. Они знают, что есть прозрение, в котором открываются им новые утонченные формы и познаются доселе не замеченные, а может быть, и позабытые высокие энергии. Из далеких веков уже пришло сознание того, что мысль есть энергия, мысль светоносна. Давным-давно некоторые люди знали о том, что мысль может быть внушаема или, вернее, передаваема. Но даже и такая старая истина лишь в самое последнее время, на глазах нынешнего поколения, вошла в обиход ученого мышления. Все мы были свидетелями, как еще совсем недавно невежды глумились над так называемым магнетизмом и гипнотизмом. Доходило до того, что та же сила в разных ее наименованиях воспринималась иначе. Месмеризм был осмеян и осужден, и он же под именем гипнотизма получил некоторое право на существование. Ведь для чего-то некоторые пилюли должны быть позолочены, а склянки лекарств снабжены особыми ярлыками. И можно понять, по каким причинам некоторые химические элементы, теперь вполне признанные, должны были быть

прикрываемы алхимиками под названиями орлов, фениксов и другими символами.

Все мы помним, как во время образования проф. Бехтеревым Неврологического института все, кому не лень было, насмехались над его опытами передачи мысли на расстояние. Широкая известность имени Бехтерева не избавила его не только от насмешек, но даже и от всяких подозрений. Невежды шептали, что не могло же целое учреждение возникать для исследования процессов нервной системы и мысли. Шептали о каких-то политических затеях или о романтических увлечениях и даже о помешательстве Бехтерева. Вот до каких Геркулесовых столбов доходили судороги невежества. Помню, как при этих злошептаниях мучительно вспоминалась книга Гастона Тиссандье «Мученики науки». Куда же дальше идти, когда еще на нашем веку некая академия обозвала великого Эдисона шарлатаном за его фонограф, а некие университеты не допускали женщин к высшему образованию. Ведь это было, повторяю, не в Средневековье, а на нашем веку. Делалось это не какими-то безграмотными дикарями, но людьми, забронировавшими себя мертвым, официальным ярлыком учености. Не будем перечислять бесконечный ряд истинных мучеников науки, но раз мы упомянули о гонениях на женское образование, то вспомним хотя бы гениальную математичку Софью Ковалевскую, которая не могла поступить ни в один университет, а в то же время удостаивалась мирового признания ее работ по высшей математике. А сколько прекрасных ученых и врачей можно бы припомнить, которые, гонимые их невежественными коллегами, должны были даже покинуть свою родину.

Мир гордится великим именем физиолога Павлова, повсюду твердятся формулы его учения о рефлексах и другие его гениальные прозрения. Но даже и эта нобелевски увенчанная всемирная деятельность вызывала в некоторых специфических кругах пожимание плечами. Среди этих пожимателей плечами тоже ищите невежество. Поистине никакие мундиры, никакие мертвенные, схоластические ярлыки не прикроют человеконенавистничество, зависть и тупую ограниченность. Бороться с безграмотностью куда легче, нежели поразить мрачную гидру человеконенавистничества со всеми ее атрибутами — зависти, сомнения, пошлости, злошептания и тех подпольных кампаний, которые силы мрака умеют так ловко проделывать. Ведь силы зла и с ними силы невежества — позорные синонимы — весьма сплоченны. Из всех чувств — любовь и ненависть являются наиболее объединяющими и сильнейшими.

Конечно, несмотря на все ярые попытки невежества, светлое познание продвигается по всему миру. Вспомним хотя бы недавние сведения, порадовавшие просвещенный мир. Вспомним все замечательные достижения великого биолога Боше о жизни растений. Проф. Комптон заявляет, что мысль человека является самым важным фактором мира. Проф. Метальников дает исследования об иммунитете и о бессмертии одноклеточных. Д-р Котик исследует перенос чувствительности. Профессор Мюнстерского университета В. Стемпель доказывает существование незримых излучений от всех живых существ. Д-р Доблер из Гейлброннского университета утверждает существование еще недавно осмеянных излучений земли и связь их с человеческим магнетизмом. Гарри М. Джонсон, проф. университета Виргинии, делает поучительные заключения о безумии. Д-р Отриан, заведующий метеорологической станцией в Германии, наблюдает влияние атмосферных явлений. Аббат Морэ, французский астроном, делает интереснейшие выводы о солнечных пятнах. Американский биолог Бернард Проктор изучает условия жизни на высотах. Французский ученый д-р Леви— Валенси предостерегает об эпидемиях безумия. Д-р Ризе делает опыты над воздействием ритмов. Д-р Бернард Рид, британский ученый, сближает находения древнейшей медицины с современными исследованиями о витаминах. Венгерский молодой ученый открывает лучи-невидимки. Всем известны опыты профессоров Ришэ и Жиллэ и выводы сэра Оливера Лоджа. Проф. Лейденского университета В. де Хаас исследует абсолютный нуль,

доказывая его невозможность. Профессор Гарвардского университета д-р Кеннон делает выводы о значении удачи в научных открытиях. Химик Минглей дает смелый прогноз грядущих открытий. Проф. Гарвардского университета Джозеф Райн и Уильям Мак-Дугалл достигают замечательных результатов по передаче мысли на расстояние. Сколько прекрасных достижений! Итак, в каждой стране имеются светлые искатели, неутомимо и бесстрашно приоткрывающие завесы знания. И все-таки эти великие люди остаются единицами и вынуждены каждый в своей области, а иногда и в общественном мнении, преодолевать незаслуженные затруднения.

Можно привести длиннейший ряд произведенных за последнее время работ, расширяющих условные рамки мышления. Сама природа деятельно приходит на помощь каждому мыслителю. Солнечные пятна, со всеми около них выводами, о которых пишут величайшие авторитеты нашего времени, как проф. Джине, Аббот и др., напоминают нам о том, что недалеко время, когда и столь осмеянная астрология окажется не чем иным, как просто формулой астрохимии, и еще одна великая отрасль науки будет освобождена от наветов. И люди поймут, что они живут окруженные великими химизмами и сами представляют из себя утонченнейшую и сильнейшую химическую лабораторию. Все читали о недавно произведенных опытах с химизмом человеческих секретов и излучений из пальцев, причем излучения некоторых людей убивали зловредные бактерии. Так же точно вспомнят и опыты проф. Юревича, подтверждающие, насколько энергия, излучаемая человеком, является проводником и соединителем для иначе не поддающихся сочетанию элементов. И разве не о том же свидетельствовали попытки столь несправедливо преследуемого Килли. Итак, изучение человеческих излучений и психической энергии настоятельно зовет человечество к ближайшим, изумительнейшим достижениям.

Невежды очень любят смеяться над индусскими йогами. Для невежд хождение по огню, сидение на воде, глотание сильнейших ядов, остановка или ускорение пульса по желанию, погребение заживо и возвращение к жизни через несколько недель — все это лишь ловкие фокусы и шарлатанство. Но вот в весьма позитивном и распространенном журнале «Модерн ревью» можно прочесть статью с фотографиями о ходящих по огню в Мисоре, о чем журнал сообщает в связи с прогремевшими по всему миру демонстрациями кашмирца Кхуда Букса в Лондоне. Сидение на воде на Ганге было названо шарлатанством, и осторожные люди, даже видевшие это, добавляли: не знаем, не было ли какой-то подводной поддержки. Но сейчас английские газеты оповещают о женщине, настолько меняющей свой вес, что подобное проявление на воде для нее вполне доступно, как проявление изменения полярности. По всему миру прошли сообщения о необъяснимых, с точки зрения условий науки, манифестациях баварки Т. Нейман, а сейчас все газеты были полны об удивительном случае с девятилетней девочкой Шанти в Дели. Ряд выдающихся наблюдателей проверили этот замечательный случай.

Из Латвии приходит сведение, описанное в целой брошюре, о необыкновенном случае чтения мыслей восьмилетней девочкой. Недавно зарегистрированы несомненные случаи улавливания радиоволн без аппарата и замечательная способность двух итальянских мальчиков — видеть через стены и другие непроницаемые предметы. Конечно, в Средневековье все эти злосчастные по необыкновенности своей люди были бы, наверно, сожжены на кострах. Но и в настоящее время человек, улавливающий самосильно радиоволны, все-таки отведал сумасшедший дом.

Не забудем также и замечательные прозрения и яснослышания Жанны д'Арк, спасшие Францию, но за которые невежественные современники возвели ее на костер. И не только сами обладающие необыкновенными способностями, но даже и наблюдатели их подвергаются со стороны невежд и по сие время всяким гонениям. Вспомним несправедливые насмешки и над Обществом психических исследований. Преследуется каждый зародыш нового беспредрассудочного научного завоевания. Получается необыкновенно уродливое зрелище. С

одной стороны, открываются новые учебные заведения, одним видом своим как бы зовущие для последующих познаний, но, с другой стороны, каждое необычное явление, не вошедшее еще в элементарные учебники, оказывается достойным не только насмешек, но и всяких гонений. Значит, гидра невежества не только в безграмотности, но и в окаменелости восприятий и в человеконенавистничестве.

«Всякое отрицание истины невежественно и вредно не только самому отрицателю, но и пространственно. Противоборство против истины заражает пространство; но бывает еще более отвратительное действие, когда люди, однажды познав истину, потом от нее отступают. Безумно такое отступление во тьму! Можно найти случаи в истории человечества, когда уже постигались частицы Истины, но затем, по причине крайнего невежества, некоторые лжеучителя пытались снова скрыть от народа непреложное положение вещей, получались акты, которые когда-то будут рассматриваться как позорные страницы истории. При этом не давалось никаких доказательств, но приказывалось отрицать очевидность. Как бы неверие в солнце предписывалось, потому что кто-то, по слабому зрению, не мог взглянуть на солнце. Кто-то, по незнанию и по самости, запрещал и другим знать действительность. Пусть люди припомнят, сколько отступлений во тьму происходило в разные века. Может быть, такие воспоминания подвинут человечество к честности и справедливости».

Итак, каждый, для кого Просвещение и Культура не пустой звук, должен в своей области по мере сил бороться с невежеством. Пусть никто не скажет, что у него нет возможности к тому, — это было бы неправдой. Невежество — и явное, и тайное, со всей его притворностью и изворотливостью, увы! существует везде. В каждом обиходе ясный ум может усмотреть, какая пыль и грязь должны быть убраны. И сейчас, когда в мире грохочут пушки и конкурируют ядовитые газы, именно тогда всякая борьба с невежеством будет особенно нужна. Будет нужна оборона всего лучшего, прекрасного и просвещенного.

Если даже кто-то и не преуспеет в своих благих попытках, то все же это будут попытки, а не только отвлеченные намерения. Кроме того, в каждой попытке уже есть элемент действительности. Потому каждая попытка уже будет добротворчеством. Наверное, какие-то приспешники невежества будут шептать, что именно теперь неуместны слова о культуре и просвещении. Это их обычная уловка, чтобы в каждый момент человеческой жизни найти причину, почему именно тогда устремление к культуре и к просвещению несвоевременно. Эту свою формулу служители невежества и выдают себя. Ведь именно добро, культура и просвещение всегда своевременны.

Не может быть такого человеческого состояния, в котором человекообразие было бы неуместным и несвоевременным. Шептать о такой несвоевременности могло бы лишь человеконенавистничество, которое, во мраке своей берлоги, всегда мечтает обратить род человеческий в чудовищ, взаимно друг друга пожирающих.

Поистине от мала до велика каждый может и обязан внести свою лепту в дело борьбы с невежеством. Объединяясь в группы и единолично, каждый может где-то пресечь глумливое чудовище невежества. Каждый труд уже включает в себе попытку к усовершенствованию и к просвещению. Только невежество могло унижать труд как таковой и бесстыдно насмехаться над исканиями знания. В справедливом негодовании против каждого проявления невежества, против каждого невежественного отрицания работник культуры найдет и действенную мысль, и яркое слово и запечатлеет прекрасным действием победоносный путь просвещения. Слава поборникам Культуры! Слава труженикам! Слава бесстрашным!

10 июня 1936 г.

Урусвати, Гималаи

Газета сообщает:

«Двум профессорам Кембриджского Университета удалось произвести кинематографический снимок человеческой мысли. Это профессор физиологии Адриан, один из видных членов Королевского Ученого Общества, и проф. Метиус. Адриан, посвятивший всю свою жизнь изучению тайн нервной системы, — в 1932 г. он получил премию Нобеля, а всего несколько дней назад был награжден золотой медалью Королевского Ученого Общества».

«Когда человек сидит спокойно в кресле с закрытыми глазами и мысль его не занята ничем серьезным, тогда его мозговое вещество производит регулярные электрические разряды со скоростью приблизительно десяти разрядов в секунду. При помощи весьма сложных и хитроумных аппаратов и фотоэлектрической камеры проф. Адриану удалось зарегистрировать на кинематографической пленке эти разряды. Он же обнаружил, что, лишь только его пациент откроет глаза и начнет сосредоточивать на чем-либо свое внимание, как частота электрических разрядов значительно возрастает и обычно достигает 2000 в секунду».

«Ритмические импульсы продолжаются и во время глубокого сна, а равным образом, когда человек (или животное) находится под наркозом. Профессор экспериментальным путем установил тождество колебаний у разных лиц при виде одного и того же предмета или явления. Разные мысли, возникающие в зависимости от зрительных нервов, дают разные изображения на пленке».

«Свои опыты проф. Адриан главным образом сосредоточил на той области человеческого мозга, которая ведает зрением. Он установил, что эта область поразительно мала. Да и вообще проф. Адриану удалось при помощи его аппаратов доказать, что большая часть человеческого мозга совершенно не участвует ни в каком умственном процессе».

«Свои опыты проф. Адриан довел уже до такой степени совершенства, что он легко теперь превращает фотографический снимок мысли в звуковой и может передавать его во всеуслышание по радио. Во время публичной демонстрации аудитория слышала самые различные звуки в зависимости от того, что появилось перед глазами пациента, сидевшего на эстраде и открывавшего глаза лишь по указаниям профессора».

Итак, нечто вполне естественное и, может быть, давно известное запечатлевается уже и грубыми механическими аппаратами. Задолго до этих механических начертаний замечательный ученый Индии сэр Джагадис Боше в таких же путях исследования запечатлел пульс растений, выявил, даже для случайного глаза, как реагируют растения на боль, на свет, как отмечается в пульсе его появление даже малейшего удаленного облачка. В полной графичности на стене отмечалась вся судорога смерти растения, отравленного или пронзенного. Тут же отмечалось и воздействие человеческой энергии на жизнь тех самых растений, которые еще недавно даже в глазах цивилизованных людей были лишь низшими, мертвыми отростками.

В движении иглы, отмечающей пульс растения, можно наблюдать и воздействие человеческой энергии мысли. Мысль добрая, мысль сочувствия могла ограждать растение от действий яда. Так же точно мысль злобная усилит смертельное воздействие. Если бы поскорей, как можно скорей, даже в непросвещенных массах человечества зародилось сознание о значении и мощи мысли! Смешно и унижительно подвергать высокие наблюдения над мыслью действию грубых механических аппаратов. Но для сознания грубого нужны такие же меры воздействия. Одно осознание значения мысли уже значительно преобразит земное существование.

В области телевидения чисто внешне механически происходят крупные усовершенствования. Только что было сообщено, что даже в течение наступившего года эта передача зримости на

расстояние получит новые возможности. Вполне вероятно, ибо раз произошло вступление в этом направлении, то следствия, несомненно, будут накапливаться в кратчайшие сроки. Постепенно и на телевидении будет наблюдено отражение качества мысли, если это касалось человеческих изображений.

Даже некоторые наблюдательные фотографы отмечают, что разница в снимках зависит не только от чисто внешних условий, но и от каких-то внутренних состояний объекта. И в этом случае мы так же точно подходим к рассуждению об отражении мысли.

Рассуждения о гипнотизме и внушении, т. е. о тренированных способах воздействия, уже становятся общим местом. Но ограниченное сознание все-таки слабо допускает, что не только в тренированных мысленных воздействиях, но решительно во всем, при более или менее ясном мышлении, происходят мощные воздействия на окружающее.

Это соображение еще раз напомнит и об идее ответственности, о которой мы имели и в недавнем прошлом несколько напоминаний. Какая величавая красота заключается в идее ответственности и служении. И нет такой точки в мире, где бы человек не подлежал этим двум высоким назначениям.

Когда мы вызываем из пространства слова и звуки, разве не идут с ними и все сопровождающие свойства энергии мысли? На огромнейших расстояниях ясно звучит человеческий голос, посланный мыслью.

Несомненно, через все эти огромные пространства вместе со внешним звуком протягиваются и внутренние струны мощнейшей энергии. Кто-то их почувствует очень ясно, кто-то, даже и чувствуя их, будет пытаться отрицать. В таком отрицании опять же будет значительный элемент страха. Ведь боязливое сознание содрогается от одного намека, что оно окружено какими-то энергиями, воздействиями. Именно то, что, казалось бы, должно окрылять людей, то самое повергает слабых в ужас. Именно в ужас, который является следствием чего-то неопределенного, хаотического. Но ужасом не спастись от хаоса. Ужас и есть врата к нему.

Прекрасно, облекшись во все мужество, признать величие мысли и всех приводимых ею в действие энергий. Хотя бы мерами механическими все же пусть спешно подходят люди к мысли о мысли во всем ее мощном значении. И вместо хаотического ужаса многие, казалось бы, такие несложные проблемы жизни просветлятся от одного осознания всех возможностей мысли. Недаром говорится: «Совершай не только телом, но и мыслью».

Разве не увлекательно: «Мыслить в Беспредельности»?!

12 января 1935 г.

Пекин

Обращаясь к целому классу деятелей, невольно прежде всего вспоминаете какое-либо имя из этого светлого ряда великих работников.

Вспоминаю давнишние заседания Русского Археологического Общества, на которых выступал Тураев, этот замечательный исследователь Египта и древнего Востока. Сама внешность его, вся скромная искренность и сердечность, свойственная большой душе, сразу привлекали к нему. Первый раз, еще не зная его, я спросил моего соседа Веселовского: «А кто там, еще молодой человек, который так славно улыбнулся?» Мне пояснили, что это Тураев. И тут же почему-то было указано мне, что он и замечательный египтолог, глубокий знаток религии Египта, и очень религиозный человек сам, и прекрасный в семейном быту. Так была дана полная характеристика Тураева.

Замечательный ученый, сам высокорелигиозный и прекрасный участник общественной и семейной жизни. Затем около Тураева собралась целая группа выдающихся молодых ученых, и можно себе представить, как проникновенно руководил он стремящимися к познанию.

Вот уже будет пятнадцать лет, как ушел от сего мира Тураев.

Предисловие к его труду «Классический Восток» говорит:

«23 июля 1920 г. смерть исторгла Б. А. из ряда живых и оставила жизни память о его великой личности, а науке многочисленные труды его и созданную им школу, тоже когда-то многочисленную. Этой школе, ряды которой и после смерти Б. А. продолжали редеть, предстояла ответственная задача сохранить и ввести в научный обиход литературное наследие своего учителя. Ученики, как в Петербурге, так и в Москве, бережно следили за сданными в печать трудами Б. А. В Петербурге вскоре после его смерти удалось издать несколько исследований, посвященных памятникам Музея Изящных Искусств в Москве и большому папирусу собрания Прахова в Известиях Российской Академии Истории Материальной Культуры».

Затем тот же Струве дает следующую справедливую характеристику Тураева: «Создавая свой громадный труд, Б. А. проявил громадную эрудицию в почти необозримой литературе о древнем Востоке, но эта литература не властвовала над его мыслью; он решал все проблемы на основании изучения самих источников. Широкое знакомство с почти всеми языками изучаемых им культур давало Б. А. возможность всесторонне использовать бесчисленные эпиграфические памятники, подаренные науке неисчерпаемой почвой Востока. По отношению к этому материалу Б. А. с одинаковым мастерством выявлял глубокий анализ филолога и широкий синтез историка».

«Наряду с эпиграфическим материалом, с одинаковым успехом им были использованы и памятники вещественные. В своих выводах Б. А. был всегда чрезвычайно осторожен и, извлекая из источников все то, что они могут дать, он никогда не прибегал ради достижения большего к искусственным и рискованным толкованиям, никогда не навязывал источнику свой собственный домысел. Все эти достоинства труда Б. А., поразительная объективность и разносторонность, громадная эрудиция, всеобъемлющее знание всего доступного ему материала, как эпиграфического, так и вещественного, и осторожность в выводах на основании этого материала делают «Классический Восток» краеугольным камнем для дальнейших работ, посвященных этому периоду всемирной истории».

Справедлива характеристика, к которой хотелось бы еще добавить о самой притягательной личности Тураева. Характерно отметить и то, что никто из служителей религии не удивлялся, как в нем жила и собственная религиозность и большое уважение к изучаемым религиям.

Хотелось бы не забыть, как Тураев, будучи сам не крепкого здоровья, всегда замечательно отзывчиво уделял время для проходящих к нему.

Как и многим ученым, Тураеву жилось нелегко, но эти трудности тонули в океане научного энтузиазма. Именно энтузиазм познания удержал Тураева на высокой бесспорной стезе исследователя. Путь жизни, всякие смятения оставались в нем там, где они и должны оставаться, то есть не нарушая его основного смысла движения вперед. Он работал необыкновенно усидчиво и всегда поступательно. Также он не принадлежал к тому разряду ученых, которые, чтобы избежать ответственности, избирают себе вполне ограниченную задачу, в пределах которой они не рискуют никакой критикой.

Тураев, наоборот, не боялся ответственных задач, складывая свои исследования в обоснованные выводы. Его увлекали большие задачи. Причем частичные исследования необыкновенно гармонично вливались в его основные построения. Ничто не загромождало его кругозора, и в то же время пути его следования были твердо ограждены. Теперь, когда особенно требуется осознание обоснованного синтеза, память о таких великих ученых, как Тураев, должна быть сохранена в руководство для многих.

Такие же были устремления и у недавно ушедшего Владимирцева, и особенно выделяется сейчас их сверстник, наш великий и всюду оцененный, ученый Ростовцев. Многочисленные труды его и новы, и глубоко обоснованны, и увлекательны в чтении. Эти три обстоятельства совсем не так часто встречаются в сочетании.

Сколько раз всем читателям приходилось жалеть, что очень нужные соображения бывают изложены в таких условиях нагромождения, что смысл их прямо раздробляется в этих чрезмерных насаждениях терновника. Но книги Ростовцева являются частями его огромного познания Востока. При этом, как истинный ученый, он одинаково понимает и звучит как на древнейшее, так и на новейшее.

Будучи глубоким знатоком вещественных памятников, Ростовцев является и справедливым ценителем современного искусства. Археолог, историк, ценитель искусства, он всегда обновляет библиотечные познания и раскопками, и путешествиями. Слово его ясно звучит как о древнейших периодах истории, так и о нашей современности. Его хватает на все. По справедливости он сейчас признан авторитетом и в Америке, и во всех европейских странах. Книги его можно видеть и в книгохранилищах университетских, и в самых неожиданных библиотеках, и всюду они будут сопровождены знаками частого чтения. Как нужны такие ученые! Нужны они и для нас, для соотечественников, и для всего мира.

Радуюсь, что труды Ростовцева печатаются на разных языках и тем доступны огромному числу читателей.

Сейчас сюда приехал Свен Гедин, всегда справедливо привлекающий к себе внимание мира. Сколько воодушевления нужно иметь в себе, чтобы вдохновить такое огромное число почитателей, оценивших великого исследователя и ученого. Глубокий познавательный синтез заложен в достижениях великого шведского исследователя. Он горит ко всему познавательному, он звучит на нужды государственные. Ко дню его семидесятилетия притекли к нему множества приветствий. Как же не приветствовать деятеля, всегда молодого духом, огненно познающего, неутомимого! Мы рады видеть его имя на почетном листе нашего музея. Мы рады приветствовать его и восхищаться его глубокими достижениями.

И другой замечательный шведский исследователь сейчас в Китае. Профессор Освальд Сирен, этот глубокий знаток не только искусства Китая, но и староитальянского. Вспоминаю наши встречи в Швеции и в Лондоне. Вспоминаю, как Освальд Сирен звучал и к научным исследованиям, и к философии, и к современному искусству. Ведь он замечательный знаток и современного искусства и умеет сказать о нем не только критически, но и широко

вдохновительно. Чтобы сохранить всю вдохновительность истинного ученого, не впадая в излишнюю популярность, и в то же время уметь оценить, обобщить и сказать прекрасно, это будет знаками действительного, настоящего ученого. Привет!

28 февраля 1935 г.

Пекин (?)

На Каракоруме, на девятнадцати с половиною тысячах футов — на этой самой высокой в мире дороге, конюх Гурбан допрашивал меня:

«Что же такое захоронено в этих высотах? Должно быть, там скрыто большое сокровище; ведь трудна дорога к этому месту. А как дойдешь через все перевалы, попадешь как на свод гладкий. Гудит что-то под копытами. Не иначе, что здесь великие тайники, а входа в них мы не знаем. Будут ли когда в книгах открыты записи, где и что захоронено?»

А вокруг этого величественного Каракорумского свода блистали ослепительно-белые вершины. Так во весь горизонт без перерыва возносилось одно чистейшее сверкание. На самом пути, словно бы напоминания, белело множество костей. Не за кладами ли шли какие-то путники? Конечно, за богатством пересекали Каракорум бесчисленные караваны.

* * *

Тут же вспомнилось и другое предание о кладе. В Италии, в Орвието, мне рассказывали знаменательную легенду о захороненных художественных сокровищах. Сказание относилось чуть ли не к самому Дуччо или к одному из его современников. Говорили высоким слогом, который так идет славно-звучному итальянскому языку.

«Так же, как и теперь, и в прежние времена не всегда понимали лучших художников. Затемненному глазу трудно было оценить образы, особо высокие. Требовали лишь исполнения старых правил, но красота часто не бывала доступна. Так же случилось и с великим художником, о котором мы говорили. Лучшие из картин его, вместо того чтобы восхваленно умилять сердца людей, подвергались осуждениям и насмешкам. Художник долго выносил это несправедливое к нему отношение».

«В божественном экстазе он продолжал творить многие произведения».

«Вот однажды написал он предивную Мадонну, но это изображение завистники воспрепятствовали поставить в предназначенное ему место. И случилось так и не раз, и не два, а несколько раз. Если ехидна начинает ползать, она заползет и во дворец, и в хижину».

«Но художник, уже умудренный, зная безумие толпы, не огорчился. Он сказал: «Птице дано петь, и мне дано в силах моих восхвалять высокий образ. Пока птица живет, она наполняет мир Божий пением. Так, пока живу, буду и я славословить. Если завистники или невежды препятствуют моим образам, то не буду я вводить злых в горшие ожесточения. Я соберу отвергнутые ими картины, уложу их сохранно в дубовые сундуки и, пользуясь благорасположением моего друга аббата, скрою их в глубоких монастырских подземельях. Когда будет день сужденный, их найдут будущие люди. Если же, по воле Создателя, они должны остаться в тайне — пусть будет так!»

«Никто не знает, в каком именно монастыре, в каких сокровенных подземельях скрыл художник свои творения. В некоторых обителях, правда, случалось находить в криптах старинные изображения. Но они были одиночны, они не были намеренно уложены и потому не могли относиться к кладу, захороненному великим художником. Конечно, и в подземельях они продолжают петь «Славу в Вышних», но искателям кладов не посчастливилось найти указанное самим художником».

«Конечно, у нас много монастырей. А еще больше храмов и замков лежит в развалинах. Кто знает, может быть, предание относится к одному из этих, уже разрушенных и сглаженных

временем останков».

«С тех пор думали люди, что великий художник перестал писать картины. Но он, слыша эти предположения, лишь усмехался, ибо с тех пор он трудился уже не для людской радости, но для красоты высшей. Так и не знаем, где хранится этот клад драгоценный».

«Но уверены ли вы, что этот клад сокрыт в пределах Италии? — спросил один из слушателей. — Ведь уже в далекие времена люди бывали в чужих странах. Может быть, и клады также неожиданно разбросаны или, лучше сказать, сохранены в разных странах?» Другой собеседник добавил: «Может быть, эта история относится вовсе не к одному мастеру. Ведь людские обычаи повторяются часто. Потому-то мы находим в истории постоянные как бы повторения человеческих заблуждений и восхождений».

Конюх Гурбан, когда дошли мы до середины Каракорумского свода, сказал мне: «Дай мне пару рупий. Я закопаю здесь их. Пусть и мы прибавим к великому кладу».

Я спросил его: «Неужели ты думаешь, что там внизу собраны сокровища?» Он оглянулся удивленно, даже испуганно: «А разве саиб не знает? Даже нам, маленьким людям, известно, что там, глубоко, имеются обширные подземелья. В них собраны сокровища от начала мира. Там есть и великие стражи. Некоторым удавалось видеть, как из скрытых входов появлялись высокие белые люди, а затем опять уходили под землю. Иногда они появляются и со светочами, и эти огни знают многие караванные люди. Зла не делают эти подземные народы. Они даже помогают людям».

«Мне достоверно известно, как один местный бей в пургу потерял караван и в отчаянии закрыл голову свою. Только кажется ему, что кто-то шарит около него. Оглянулся — в тумане показалась не то лошадь, не то человек — недоглядел. А когда опустил руку в карман, то нашел пригоршню золотых монет. Так помогают великие жители гор бедным людям в несчастье».

И опять мне вспомнились рассказы о тайных магнитах, заложенных учениками великого путника Аполлония Тианского. Говорили, что в определенных местах, там, где суждено строиться новым государствам или созидаться городам великим, или там, где должны состояться большие открытия и откровения, — всюду заложены части великого метеора, посла дальних светил.

Даже было в обычае свидетельствовать верность показаний ссылкой на такие заповедные места. Говорилось: «Сказанное так же верно, как под таким-то местом заложено то-то и то-то».

Конюх Гурбан опять приступил с вопросом: «Почему вы, иноземцы, знающие так много, не найдете входа в подземное царство? У вас ведь все умеют и хвалятся, что все знают, а все-таки и вам не войти в тайники, которые берегутся великим огнем?»

«В тайне бо живет человек.
Тайнам же несть числа».

*3 апреля 1935 г.
Цаган Куре*

Бьется ли сердце Азии? Не заглушено ли оно песками?

От Брамапутры до Иртыша и от Желтой реки до Каспия, от Мукдена до Аравии — всюду грозные беспощадные волны песков. Как апофеоз безжизненности, застыл жестокий Такламакан, омертвив срединную часть Азии. В сыпучих песках теряется старая императорская китайская дорога. Из барханов торчат остовы бывшего когда-то леса. Оглоданными скелетами распростерлись изгрызенные временем стены древних городов. Где проходили великие путники, народы переселений? Кое-где одиноко возвышаются керексуры, менгиры, кромлехи и ряды камней, молчаливо хранящих ушедшие культы. Конечности Азии бьются вместе с океанскими волнами в гигантской борьбе. Но живо ли сердце? Когда индусские йоги останавливают пульс, то сердце их все же продолжает внутреннюю работу; так же и с сердцем Азии. В оазисах, в кочевьях и в караванах живет своеобразная мысль. <...>

Конечно, трудно говорить о всей Центральной Азии подробно. Но в отрывочных характеристиках все-таки мы можем отметить и современное состояние этих огромных областей и оглянуться на памятники славного прошлого.

Как и всюду, с одной стороны вы можете найти и замечательные памятники, и изысканный способ мышления, выраженный на основах древней мудрости, и дружелюбность человеческого отношения. Вы можете радоваться красоте и можете быть легко поняты. Но в тех же самых местах не будьте удивлены, если ужаснетесь и извращенным формам религии, и невежественности, и знакам падения и вырождения.

Мы должны брать вещи так, как они есть. Без условной сентиментальности мы должны приветствовать свет и справедливо разоблачать вредную тьму. Мы должны внимательно различать предрассудок и суеверие от скрытых символов древнего знания. Будем приветствовать все стремления к творчеству и созиданию и оплакивать варварское разрушение ценностей природы и духа.

Конечно, мое главное устремление как художника было к художественной работе. Трудно представить, когда удастся мне воплотить все художественные заметки и впечатления — так щедры эти дары Азии.

Никакой музей, никакая книга не дадут право изображать Азию и всякие другие страны, если вы не видели их своими глазами, если на месте не сделали хотя бы памятных заметок. Убедительность, это магическое качество творчества, необъяснимое словами, создается лишь наслоением истинных впечатлений действительности. Горы везде горы, вода всюду вода, небо везде небо, люди везде люди. Но, тем не менее, если вы будете, сидя в Альпах, изображать Гималаи, что-то несказуемое, убеждающее будет отсутствовать.

Кроме художественных задач, в нашей экспедиции мы имели в виду ознакомиться с положением памятников древностей Центральной Азии, наблюдать современное состояние религии, обычаев и отметить следы великого переселения народов. Эта последняя задача издавна была близка мне. Мы видим в последних находках экспедиции Козлова, в трудах профессора Ростовцева, Боровки, Макаренко, Толя и многих других огромный интерес к скифским, монгольским и готским памятникам. Сибирские древности, следы великого переселения в Минусинске, Алтае, Урале дают необычайно богатый художественно-исторический материал для всего общеевропейского романеска и ранней готики. И как близки

эти мотивы для современного художественного творчества. Многие звериные и растительные стилизации могли выйти из новейшей лучшей мастерской.

Основной маршрут экспедиции выразился в следующем обширном круге по срединной части Азии.

Дарджилинг, монастыри Сиккима, Бенарес, Сарнат, Северный Пенджаб, Равалпинди, Кашмир, Ладак, Каракорум, Хотан, Яркенд, Кашгар, Аксу, Кучар, Карашар, Токсун, Турфанские области, Урумчи, Тянь-Шань, Козеунь, Зайсан, Иртыш, Новониколаевск, Бийск, Алтай, Ойротия, Верхнеудинск, Бурятия, Троицкосавск, Алтын-Булак, Урга, Юм-Бейсе, Анси-Джау, Шибочен, Наньшань, Шарагольчи, Цайдам, Нейджи, хребет Марко Поло, Кокушили, Дунгбуре, Нагчу, Шендза-Дзонг, Сага-Дзонг, Тингри-Дзонг, Шекар-Дзонг, Кампа-Дзонг, Сепола, Ганток, Дарджилинг.

Следуя по горным перевалам перейденным, мы получаем следующий лист 35 перевалов, от 14 000 до 21 000 футов.

Соджи-Ла, Кардонг-Ла, Караул-Даван, Сассер, Дабзанг, Каракорум, Сугет, Санджу, Урту-Кашкариин-Дабан, Улан-Дабан, Чахариин-Дабан, Хенту, Нейджи-Ла, Кукушили, Дунгбуре, Тангла, Кам-Ронг-Ла, Тазанг-Ла, Ламси, Наптра-Ла, Тамакер, Шенца, Ланце-Нагри, Цаг-Ла, Лам-Линг, Понг-Чен-Ла, Дончен-Ла, Санг-Мо-Ла, Киегонг-Ла, Цуг-Чунг-Ла, Чжя-Ла, Уранг-Ла, Шару-Ла, Гулунг-Ла, Сепо-Ла.

Чтобы не возвращаться более к условиям перехода перевалов, нужно сказать, что, кроме перевала Тангла, за все эти многочисленные переходы никто из нашего каравана серьезно не пострадал. Но и в случае Тангла были особые условия. Была нервность, происшедшая от неясных переговоров с тибетцами, хотя и сам перевал имеет, несомненно, какие-то климатические особенности.

Юрий имел такую сильную атаку сердечной слабости, что почти упал с лошади, и доктор наш, применяя очень сильные дозы дигиталиса и аммония и восстанавливая кровообращение массажем, очень опасался за его жизнь. Лама Малонов упал с лошади и без чувств лежал на дороге. Кроме того, еще трое из спутников имели, как они выражались, сильные припадки «сура», выразившиеся головной болью, ослаблением кровообращения, тошнотою и общей слабостью. Впрочем, подобная слабость в большей и меньшей степени часто сопровождает переход горных вершин. На перевалах нередко замечается также кровотечение, сперва из носа, а затем и из других менее защищенных мест. Тот же симптом часто выражается на животных после 15 000 футов высоты. Караванный путь через Кардонг, Сассер, Каракорум особенно обильно усыпан скелетами всех родов животных: лошадей, ишаков, яков, верблюдов, собак. Мы встречали на пути несколько брошенных ослабевших животных, из носу которых обильно текла струя крови. Неподвижные и дрожащие, они ожидали неизбежный конец свой. И действительно, конец их был неизбежен: спасти их могло бы лишь одно, а именно спустить их с 17–18 тысяч высоты, на которых они находились, на высоту 7–8 тысяч, но это было невозможно. В нашем караване были случаи кровотечения у животных и у людей, но без серьезных последствий. Вероятно, этому помогали меры, принятые нами перед каждым перевалом.

Неопытные люди могут думать, что перед трудною высотой следует подкрепиться обильной и мясной пищей, выпить вина и покурить. Но все эти три обстоятельства и являются главными врагами. Испытанные проводники ладакцы определенно сказали нам, что перед каждым перевалом как людям, так и животным благодетельным будет именно голод и ничто раздражающее не должно быть допускаемо. На каждый перевал мы шли с утра, задолго до солнечного восхода, и выпивали лишь небольшую кружку горячего чая. Коням же перед перевалами не давали ни овса, ни сена. Бывший с нами лама неоднократно страдал кровотечением, но семидесятилетний китаец-переводчик ни разу не чувствовал затруднений

при переходах. Конечно, всякое лишнее движение или несоразмерная работа вызывали слабость, головокружение и у некоторых тошноту. Но несколько минут спокойствия восстанавливало нарушенное кровообращение.

Среди особенностей снежных перевалов мы подверглись так называемой снежной слепоте. Трое испытало ее в разных степенях. Калмык Кедуб, тибетец Кончок и я. Вся неприятность длилась от пяти до шести дней с разными следствиями. У меня был поражен правый глаз, и после двух дней в нем появились все изображения удвоенными совершенно ясно и четко. У Кедуба и Кончока появилось четыре изображения. Мы проверяли это показание и упорно получали тот же ответ. Не меньшую неприятность доставлял нам и особенно Е. И. так называемый горячий снег, когда снег от отраженного солнца дает нестерпимый жар, от которого некуда скрыться.

Мы имели еще три неприятности в караване, а именно: явления сердечные, от которых погибло трое, и явление простудное, унесшее двоих. Кроме того, несколько людей в караване страдало от цинги, и в том числе заведующий транспортом П. Надо отметить, что в северном Тибете среди местного населения мы видели много случаев сильной цинги.

Кроме основного состава экспедиции из Е. И., Юрия и меня, в течение нашего долгого пути, кроме караванных слуг, мы имели ряд временных сотрудников. По Сиккиму с нами был Святослав и Лама Лобзанг Мингюр Дордже, известный знаток тибетской литературы, учитель большинства европейских тибетологов современности. Каждый, шествующий по Сиккиму, встречается с любезным отношением генерала тибетской службы, ныне на британской службе, Ладен-Ла, который оказывает всяческое содействие путешественникам. В дальнейшем пути с нами шел в качестве китайского переводчика семидесятилетний офицер китайской армии Сайкен-Хо и калмыцкий лама Лобзанг. На Алтае с нами были З. Г. и М. М. Лихтман. После Урги в экспедицию вошел доктор Рябинин, заведующий транспортом Портнягин и две необычные помощницы Е. И., местные казачки сестры Людмила и Рая Богдановы, из которых младшей Рае при отправлении экспедиции было 13 лет. Думаю, что она была самой молодой из прошедших суровое нагорье Тибета. Присутствие трех женщин в экспедиции, разделивших все опасности жестоких морозов и трудности пути, должно быть определенно отмечено. В Шарагольчах перед Улан-Даваном к экспедиции из Китая подошел полковник К. и заведующий хозяйством Г.

Начнем с Сиккима.

Необыкновенно благостное впечатление производит эта благословенная страна, связанная с воспоминаниями о великих подвижниках религии. Здесь жил Падма Самбхава, основатель красношапочной секты; здесь проходил на Тибет Аттиша, возглашавший учение Калачакры; здесь по пещерам пребывали многие аскеты, наполняя пространство своими благими мыслями.

За Канченджунгой в подземельях и до сих пор пребывают затворники, и только дрожащая рука, протянутая по условному знаку за пищей, показывает, что физическое тело еще не отошло. Все 17 вершин Гималаев сияют над Сиккимом. С запада к востоку: Канг, Джану, Малый Кабру, Кабру, Доумпик, Талунг, Канченджунга, Пандим, Джубони, Симву, Нарсинг, Синиолчу, Пакичу, Чомомо, Лама Андем, Канченджау. Целая снеговая страна, меняющая свои очертания при каждом изменении света. Поистине неисчерпаемая впечатлениями и неустанно зовущая.

Нигде на земле настолько не выражены два совершенно отдельных мира, мир земной с богатой растительностью, с блестящими бабочками, фазанами, леопардами, енотами, обезьянами, змеями и всей неисчислимой животностью, которая населяет вечнозеленые джунгли Сиккима. А за облаками в неожиданной вышине сияет снежная страна, не имеющая ничего общего с кишацим муравейником джунглей. И этот вечно волнующийся океан облаков и непередаваемых разнообразий туманов!

Канченджунга одинаково обращала внимание как тибетцев, так и индусов. Здесь складывались вдохновляющие мифы творчества Шивы, выпившего яд мира для спасения человечества. Здесь из облачного бурления воздымалась блистающая Лакшми для счастья мира. Общее благостное впечатление поддерживается и монастырями Сиккима. На каждом бугре, на каждой вершине, сколько хватает глаз, вы замечаете белые точки — это все прилепились твердыни учения Падмы Самбхавы, официальной религии Сиккима. Махараджа Сиккима, живущий в Гантоке, глубоко привержен религии. Супруга его махарани, тибетского рода, является для Тибета совершенным исключением по своей просвещенности. Большинство монастырей Сиккима связано с теми или иными реликвиями и древними традициями. Здесь пребывал сам Падма Самбхава. Там учитель медитировал на скале, и, если скала дает новые трещины, это значит, что окрестная жизнь уклоняется от праведного пути. Монастырь Пемаяндзе является официальным средоточием религии Сиккима. Подле монастыря еще сохранились развалины древнего дворца махараджи. Но гораздо большим духовным значением пользуется лежащий в одном переходе от Пемаяндзе старый монастырь Ташидинг. Туда каждому путешественнику следует заглянуть, хотя путь через бамбуковый мост над гремящим потоком труден. Мы были в Ташидинге в феврале, на тибетский Новый год, когда тысячная толпа из местных селений придает месту необычайную живописность. К этому же времени в Ташидинге совершается и ежегодное чудо с чашею.

Древняя каменная чаша ежегодно до половины наполняется водою и в присутствии лам и представителей махараджи запечатывается. Через год в день Нового года в присутствии тех же свидетелей ларец, в котором заперта чаша, распечатывается. Снимаются с чаши старинные ткани, в которые она обернута, и по состоянию воды произносится предсказание о будущем. Вода или убывает, или, как говорят, иногда прибывает. Так, указывают, что в 1914 году, перед Великой войной, вода сильно прибыла, что означало войну и бедствие.

Во всех монастырях Сиккима замечается приветливое отношение к иностранцам, и дружелюбная атмосфера ничем не нарушается. Настоятели монастырей охотно показывают свои сокровища, среди которых немало предметов старинной прекрасной работы. Мы были в Сиккиме во время третьей неудачной эверестской экспедиции, и ламы говорили нам: «Удивляемся, зачем пелингам-иностранцам принимать на себя такие трудности по восхождению. Им не достичь успеха. Многие из наших лам бывали на вершине Эвереста, только они были там в тонком теле».

В этих местах многое, кажущееся странным для европейца, звучит совершенно естественно. Недавно в Дарджилинге произошел характерный эпизод со стариком ламой. Во время какого-то уличного столкновения вместе с участниками беспорядков был захвачен полицией и старик лама, случайный зритель. Лама не протестовал и вместе с прочими был осужден на известное время ареста. Когда же истек срок ареста и лама должен был быть освобожден, он заявил, что просит его оставить в тюрьме, так как это самое спокойное место и наиболее пригодное для концентрации.

Сикким сопровождает нас чудесными благостными преданиями. В храме гремят гигантские трубы. Лама спрашивает: «Знаете ли, отчего так звучны большие трубы в буддийских храмах?» И поясняет: «Владыка Тибета решил призвать из Индии, из мест благословенного, ученого ламу, чтобы очистить основы учения. Чем же встретить гостя? Высокий лама, имев видение, дал рисунок новой трубы, чтобы гость был встречен неслышанным звуком. И встреча была чудной. Не роскошью золота, но ценностью звука. И знаете ли, отчего так звучны гонги во храмах? Серебром звучат гонги и колокольчики на заре утра и вечера, когда высокие токи напряжены. Их звон напоминает прекрасную легенду о высоком ламе и китайском императоре. Чтобы испытать

звание и ясновидение ламы, император сделал для него сиденье из священных книг и, накрыв их тканями, пригласил гостя сесть. Лама сотворил какие-то молитвы и сел. Император спросил: «Если вы все знаете, как же вы сели на священные книги?» — «Здесь нет священных книг», — ответил лама. И изумленный император вместо священных книг нашел пустую бумагу. И дал император ламе дары и много колоколов ясного звона. Но лама велел бросить их в реку, сказав: «Я не могу донести все это. Если надо, то река донесет эти дары до моего монастыря». И река донесла колокола с хрустальным звоном, ясным, как волны реки».

И о талисманах поясняет лама: «Священны талисманы. Мать много раз просила сына принести ей священное сокровище Будды. Но молодец забывал просьбу матери. Говорит она: «Вот умру перед тобою, если не принесешь теперь мне». Но побывал сынок в Лхасе и опять забыл материнскую просьбу. Уже за полдня езды от дома он вспомнил, но где же найти в пустыне священные предметы? Нет ничего. Вот видит путник череп собачий. Решил, вынул зуб собаки и обернул желтым шелком. Везет к дому. Спрашивает старая: «Не забыл ли, сынок, мою последнюю просьбу?» Подает он ей зуб собачий и говорит: «Это зуб Будды». И кладет мать зуб на божницу, и творит перед ним самые священные молитвы, и обращает свои помыслы к своей святыне. И сделалось чудо. Начал светиться зуб чистыми лучами. И произошли от него чудеса и многие священные предметы».

Несмотря на краткость изложения, не могу не упомянуть еще о случаях волевых приказов, которые происходят в этих местах. Во время пребывания таши-ламы в Индии его спросили, правда ли, что он обладает какими-то особыми силами? Духовный вождь Тибета улыбнулся и не ответил. Но через несколько минут таши-лама исчез из вида. Дело происходило в саду, присутствовавшие бросились искать таши-ламу, но безуспешно. В это время в сад вошел один новый человек и был поражен необычайной картиной. Таши-лама спокойно сидел под деревом, а вокруг него суетились тщетно искавшие его люди. Или другой случай волевого воздействия. В поезде бенгальской железной дороги был обнаружен безбилетный садху, которого и высадили на следующей станции. Садху уселся на перроне недалеко от локомотива и остался недвижимым. Дали звонок к отходу поезда, но поезд не тронулся. Публика, недовольная высадкой «святого» человека, обратила на это внимание. Второй раз должен был тронуться поезд и опять не двинулся. Тогда пассажиры потребовали пригласить садху занять свое прежнее место, и святой человек торжественно был введен обратно в вагон, после чего поезд благополучно тронулся.

Не буду останавливаться на Бенаресе, но удивимся, что большая часть Сарната, памятного места, где Будда начал свою проповедь, еще лежит под буграми, нераскопанная. И те развалины, которые обнаружены сейчас, тоже вскрыты сравнительно лишь в последнее время. Странная судьба окружает большинство мест, связанных с личными трудами основателя буддизма. Капилавасту в развалинах, Кушинагара тоже, Сарнат еще не вскрыт окончательно. В этом есть какое-то особое значение.

До недавнего времени некоторые ученые даже пытались доказать, что Готама Будда никогда не существовал. Несмотря на неоспоримые факты огромной буддийской литературы, несмотря на надписи на древних колоннах царя Ашоки, французский ученый Сенар в своем исследовании утверждал, что Будда никогда не существовал и есть не что иное, как солнечный миф. Но и тут точное знание восстановило человеческую личность Учителя Готама Будды. Урна, датированная надписью, с частью золы и костей Будды, вскоре была найдена в Пиправе, в непальском Терае. Такая же историческая урна с частью реликвий Учителя, положенная царем Канишкой и найденная около Пешавара, также определенно свидетельствует о смерти великого первоучителя буддизма. Любопытно отметить, что последняя находка была сделана на основании записей старых китайских путешественников. Вообще, нужно отдать справедливость

старым китайцам за точность их описаний, в чем мы убеждались не раз.

Северный Пенджаб дает массу исторического материала как по древнейшей эпохе Индии, в Харапа, на севере Лахора, также и по индийскому Средневековью от восьмого века нашей эры. Не забыт здесь и буддизм, хотя официально и непроявляемый. Готама-Риши, как местные пенджабцы и пахари называют Будду, находится в большом почете. Развалины древних буддийских храмов с явно буддийскими изображениями показывают, что и здесь, на древних путях из Тибета, религия буддизма давно процветала. В одной долине Кулу считается триста местных почитаемых риши. Эти места связаны с самыми большими именами. Говорится, что сам Арджуна из Кулу проложил подземный ход в Маникарн. Здесь же в махараджестве Манди находится знаменитое озеро Равалсар, соединенное в предании с именем Падма Самбхавы. До сих пор множество лам со стороны Шипки перевала в Ротанга спускаются в долину для почитания памяти Учителя. Места, насыщенные воспоминаниями! Ведь Манди и Кулу являются тою замечательною страной Захор, которой отведено такое внимание в тибетской литературе. Знарок местности доктор А. Х. Франке в своей книге «Древности индусского Тибета», стр. 123, приводит следующие указания д-ра Фогеля:

«Позвольте мне добавить несколько замечаний о Манди, собранных из тибетских исторических трудов. Не может быть сомнения в тождестве тибетского Захора с Манди. Во время нашего посещения Равалсара мы встретили многих тибетских паломников, которые сказали, что они идут в Захор, подразумевая махараджество Манди. В жизнеописании Падмы Самбхавы и в других книгах этого времени Захор часто поминается как место, где учитель жил — 750 после Р. Х. Знаменитый буддийский учитель Ракшита, ушедший в Тибет, родился в Захоре. Опять во время Ралпакана, 800 после Р. Х, мы находим утверждение, что во время царствования его предшественников множество религиозных книг было перенесено в Тибет из Индии, Захора и Кашмира. Захор был средоточием буддийского просвещения. Указывается, что под тем же царем Захор был завоеван тибетцами. Но во время его преемника апостата, царя Лангдармы, было принесено множество религиозных книг в Захор, чтобы спасти их от уничтожения. Между тибетцами существует предание о нахождении скрытых книг в Манди, и эта традиция, по всей вероятности, относится к упомянутым книгам. Мр. Ховель, британский правитель Кулу, передавал мне, что Такур Колонг в Лахуле был однажды извещен высоким ламой из Непала, где именно скрыты эти книги».

Видите, какие замечательные традиции связаны с Кулу и Манди. Ведь ученый мир до сих пор тщетно мечтает найти древнейшие экземпляры буддийских книг.

Не только буддийские памятники, не только имя Арджуны связано с долиною Кулу, но сам первый законоположенник Ману дал имя месту Манали. Здесь, в долине Кулу, жил Виаса, слагатель Махабхараты. Здесь Виасакунд — священное место исполнения всех желаний.

На границе Лахула имеются на скале изображения мужчины и женщины до 9 футов роста. О них рассказывают то же самое, как и об изображениях Бамиана в Афганистане, а именно, что рост их соответствует величине роста древних жителей этой местности.

Также насыщены древностью и области Кашмира. Здесь и Мартанд, и Авантипур, связанные с расцветом деятельности царя Авантисвамина. Здесь множество развалин храмов шестого, седьмого, восьмого веков, в которых части архитектуры поражают своим сходством с деталями романеска. Из буддийских памятников почти ничто не сохранилось в Кашмире, хотя здесь жили такие столпы старого буддизма, как Нагарджуна, Асвагоша, Ракшита и многие другие, впоследствии пострадавшие при замене буддизма индуизмом. Здесь и трон Соломона, и на той же вершине храм, основание которого было заложено сыном царя Ашоки. Не говорю о самом Шринагаре. Правда, в примитивных кладках набережных каналов и фундаментах строений можно видеть отдельные камни отличной резьбы, принадлежащие времени расцвета.

Но это частичные обломки, не имеющие ничего общего с современным, чисто переходным состоянием города.

В Шринагаре впервые достигла нас любопытная легенда о пребывании Христа. Впоследствии мы убедились, насколько по Индии, Ладаку и Центральной Азии распространена легенда о пребывании в этих местах Христа, во время его долговременного отсутствия, указанного в писаниях. Шринагарские мусульмане рассказывают, что распятый Христос, или, как они говорят, Исса, не умер на кресте, но лишь впал в забытие. Ученики похитили его и скрыли, излечив. Затем Исса был перевезен в Шринагар, где учил и скончался. Гробница Учителя находится в подвале одного частного дома. Указывается существование надписи, что здесь лежит сын Иосифа; у гробницы будто бы происходили исцеления и распространялся запах ароматов. Так иноверцы хотят иметь Христа у себя.

Древний караванный путь от Шринагара до Леха делается в семнадцать переходов, но обычно предлагается задержаться на день или на два. Только случаи крайней поспешности могут заставить сделать этот путь без перерывов. Такие незабываемые места, как Маулбек, Ламаюра, Базгу, Саспул, Спитуг, заставляют остановиться и запомнить их как с художественной, так и с исторической стороны. Маулбек, теперь одряхлевший монастырь, судя по развалинам, когда-то был настоящей крепостью, отважно утвердившись на вершине скалы. Около Маулбека, на самой дороге, вы будете поражены древним гигантским изображением Майтрейи. Вы чувствуете, что не тибетская рука, но, вероятно, рука индуса во время расцвета буддизма трудилась над ним. Фа-Сиен, китайский путешественник, в своих записках упоминает в этих местах огромное изображение Майтрейи. Думаем, не относится ли его указание именно к этому изваянию. Когда мы уже подходили к Хотану, случайно узнали, что на обратной стороне скалы, носящей изображение, находится древняя китайская надпись. По месту мы могли ожидать и санскритскую, и тибетскую, даже монгольскую надпись, но китайская надпись совершенно неожиданна. Пусть следующий исследователь осмотрит скалу Майтрейи с обратной стороны. Двигаясь дальше, вы привыкаете к этим романтическим памятникам и постройкам, взлетевшим, как орлы, на безводные вершины. Но первое впечатление, как всегда, бывает самое поражающее.

Нужно было иметь и чувство красоты, и мужественную самоотверженность, чтобы укрепляться на таких высотах. Во многих подобных безводных жильях в скалах были пробиты подземные ходы к реке, чтобы мог пройти груженный ослик. Эта сказка подземных ходов, как увидим, сложила многие, самые лучшие предания. Так же как и в Сиккиме, ладакские ламы оказались приветливы, терпимы к прочим верам и внимательны к путешественникам, как и подобает буддистам. Все три учения ламаизма выражены в Ладаке. Гелукпа — желтая вера, преподанная Дзонг-Капой; красношапочники, последователи Падмы Самбхавы, и даже Бонпо, так называемая черная вера древнейшего добуддийского происхождения. Эти почитатели богов свастики представляют для нас еще не разрешенную загадку. С одной стороны, они являются колдунами-шаманами, извращающими буддизм, но с другой стороны, в их учениях сквозят какие-то полузабытые знаки друидического почитания огня и почитания природы. Литература Бонпо еще не переведена и не истолкована и, во всяком случае, заслуживает вдумчивого внимания.

С особенным интересом мы подходили к Ламаюре. Этот монастырь считается твердыней Бонпо. Конечно, Бонпо Ламаюры не настоящее. Оно уже значительно слилось с буддизмом. В монастыре имеется и изображение Будды, а также изображение Майтрейи, что, как увидим, совершенно несовместимо с основами черной веры. Но сам монастырь и его местоположение совершенно исключительны по своей сказочности. Мы думали, если в Ладаке — в малом Тибете — находятся такие чудесные вещи, то что же должно быть в самом великом Тибете? Такое же величественно-романтическое впечатление оставляет Базгу, где существующие храмы

переплелись с развалинами. Эти развалины лежат на совести Зоравара и прочих кашмирских завоевателей, которые на пути своем, завоевывая Ладак, нещадно истребляли буддийские монастыри. Все эти полуразрушенные остовы башен и каких-то длиннейших стен по зубцам скал — все это говорит о бывшем процветании Ладака и о мужественном духе его бывших создателей. Имя великого героя Азии, Гессар-хана, овеивает эти места.

В Каладзе около старого форта на зыбучем мосту через желтый гремящий Инд вы слушаете повесть о том, как рука кашмирца Сукамира, разбитого ладакцами, в знак назидания была прибита на этом мосту. «Но, — добавляет рассказчик, — кошка съела эту враждебную руку, и для сохранения назидания ее пришлось заменить рукою одного умершего ламы». Таковы неожиданности судьбы. В Саспуле опять прекрасный храм с древнейшими изображениями Майтрейи. Хотя много написано о Ладаке, но чувствуется, что еще множайшее может быть открыто в этих местах и может дать потерянные вехи многих путей.

Так, уже на полпути от Кашмира на скалах начинают попадаться древние изображения. Их считают дардскими изображениями, приписывая основу их старым жителям Дардистана. Присматриваясь к этим типичным рисункам на поверхности скал, вы замечаете их два различных типа. Одни более новые, более сухие по технике. В них можно рассмотреть намеки на буддийские предметы, стилизованные субурганы и так называемые счастливые знаки буддизма. Но рядом с ними иногда на тех же самых скалах вы видите сочную технику, относящую вас к неолиту. На этих древних изображениях вы различаете горных козлов с огромными крутыми рогами, яков, охотников — стрелков из лука, какие-то хороводы и ритуальные обряды. Характер этих рисунков потому заслуживает особого внимания, что те же древние изображения мы видели на скалах около оазиса Санджу в Сензиане, в Сибири, в Трансгималаях, и можно было узнавать их же, вспоминая Халристнинггары Скандинавии. Не будем делать выводов, но будем изучать и складывать.

В Ниму, маленьком месте на высоте около 11 000 футов перед Лехом, с нами произошло одно явление, на котором нельзя не остановиться, и было бы чрезвычайно желательно слышать об аналогиях. Был спокойный ясный день. Мы остановились в палатках. Около десяти часов вечера я уже спал, а Е. И. подошла к своей постели и хотела открыть шерстяное одеяло. Но едва она дотронулась до него, как вспыхнуло большое розово-лиловое пламя цвета напряженного электричества, образовавшее как бы целый костер около фута высотой. Е. И. с криком «Огонь, огонь!» разбудила меня. Вскочив, я увидел следующее. Темный силуэт Е. И., а за нею движущееся, определенно осветившее палатку пламя. Е. И. пыталась руками гасить этот огонь, но он костром вырывался из-под рук, рассыпаясь на части. Эффект от прикосновения был лишь теплота, но ни малейшего ожога, ни звука, ни запаха. Постепенно пламя уменьшалось и исчезло, не оставив на одеяле никаких следов. Нам случалось видеть различные электрические явления, но должен сказать, что явление подобной силы нам никогда не приходилось наблюдать. В Дарджилинге шаровидная молния была в двух футах от моей головы. В Гульмарге в Кашмире в течение трехдневной беспрестанной грозы с градом в голубиное яйцо мы наблюдали всевозможные виды молнии. В Трансгималаях неоднократно мы испытывали на себе различные электрические явления. Помню, как в Чунаргене на высоте около 15 000 футов, ночью, проснувшись в палатке, я дотронулся до одеяла и был поражен синим светом, блеснувшим и как бы окружившим мою руку. Предполагая, что это явление могло произойти только в соприкосновении с шерстью одеяла, я тронул мою подушку. Эффект получился тот же. Затем я начал прикасаться к различного рода поверхностям — к дереву, бумаге, брезенту, — и всюду получался тот же синий свет, неосязаемый, без треска и без запаха.

Вся область Гималаев представляет исключительное поле для научных исследований. Нигде в мире не могут быть собраны воедино такие разнообразные условия. Высочайшие

вершины до 30 000 футов, озера на 15 000 — 16 000 футах; глубокие долины с гейзерами и прочими минеральными горячими и холодными источниками; самая неожиданная растительность — все это служит залогом новых научных находений чрезвычайной важности. Если иметь возможность сопоставить научно условия Гималаев с нагорьями других частей света, то какие поучительные аналогии и антитезы могут возникнуть! Гималаи — это место для искреннего ученого. Когда мы вспоминали книгу профессора Милликана «Космический луч», мы думали: вот бы этому замечательному ученому произвести исследования у Гималайских высот. Пусть это будут не мечты, но пусть эти пожелания во имя науки обратятся в действительность.

Сам Лех — резиденция бывшего ладакского махараджи, теперь завоеванный Кашмиром, является типично тибетским городом с множеством глинобитных стен, с храмами и целыми рядами ступ субурганов, которые придают месту торжественную молчаливость. На высокой скале завершает город восьмиэтажный дворец махараджи. По приглашению махараджи мы остановились там, занимая верхний этаж этой колеблющейся под порывами ветра твердыни. При нас рухнула одна дверь и часть стены, но виды с верхней плоской крыши заставляли забыть о непрочности древнего строения. Под дворцом расстилался весь город. Базар, наполненный шумливыми караванами, фруктовые сады. За городом тянулись поля ячменя. Гирлянды звонких песен кончали дневную работу. Живописно ходили ладакские женщины в высоких меховых шапках с поднятыми ушами и длинной повязкой по спине, украшенной множеством бирюзы и металла. На плечи обычно накинута, как древнее византийское корзно, шкура яка, скрепленная пряжкой на правом плече. Более богатые носят это корзно из цветной ткани, еще более в этом наряде напоминая некоторые византийские иконы. И фибулы пряжки на правом плече мы могли бы найти в северных и даже скандинавских погребениях.

Недалеко от Леха на каменистом бугре находятся древние могилы, называемые доисторическими и напоминающие друидические древности. Также недалеко место стоянки монголов, пробовавших завоевывать Ладак. В этой же долине находятся несторианские кресты, еще раз напоминающие, как широко по Азии было распространено несторианство и манихейство.

В Лехе мы опять встретились с легендой о пребывании Христа. Индус почтмейстер Леха и некоторые ладакцы-буддисты говорили нам, что в Лехе находится недалеко от базара пруд — и теперь существующий, — около которого росло старое дерево, под которым Христос говорил проповеди перед своим уходом в Палестину. С другой стороны, мы слышали легенду, рассказывающую о том, как Христос в юных годах прибыл с купеческим караваном в Индию и продолжал изучать мудрость в Гималаях. К этой легенде, так широко обошедшей Ладак, Сензиан и Монголию, мы слышали несколько вариантов, но все они утверждали, что в течение лет отсутствия Христос находился в Индии и в Азии. Безразлично, откуда и как пришла эта легенда. Может быть, она несторианского происхождения. Ценно видеть, что она произносится с полным доброжелательством.

Вообще вся атмосфера Ладака для нас осталась под необычайно благожелательным знаком. Без особых трудностей был собран караван для перехода через Каракорум на Хотан. Предлагались две дороги, одна через семь перевалов и другая по реке Шайоку с меньшим числом перевалов, но зато с долгим путем по воде. Люди каравана предпочитали горные перевалы, нежели в сентябре простудиться в довольно глубоком Шайоке. 19 сентября 1925 года мы вышли из Леха; и было время, ибо монсун Кашмира, обращаясь в снеговые тучи, уже подгонял нас на север.

Не успели мы выйти за город, как навстречу нам вышли местные женщины с освященным ячьим молоком и помазали им лбы людей и животных, желая удачного пути. И они были правы,

ибо путь через перевалы может быть очень суров. Впоследствии в Хотане мы видели людей, привезенных с перевалов с почерневшими отмороженными ногами, и слышали рассказ, как за год до нас около Кардонга был найден замерзшим целый караван около ста лошадей. Люди были найдены стоящими в жизненных позах, некоторые, приложив руки ко рту, видимо, кричали последний призыв. И действительно, на высотах в морозное утро необычайно быстро наступает охлаждение конечностей. Заботливые ладакцы то и дело подбегали с предложением растереть ноги или руки.

Из семи перевалов этого пути — Кардонг, Караул-Даван, Сассер, Депсанг, Каракорум, Сугет и Сапджу — самым опасным оказался Сассер, а именно подъем по гладкой сферической поверхности ледника, где лошадь Юрия почти соскользнула.

Также неприятен последний перевал Санджу, где на скалистом кряже як должен был перескочить довольно широкую расселину. Не трогайте поводья, дайте опытному горному яку сделать свое дело. Перевал Сугет готовил нам неожиданное затруднение. Подъем на него с южной стороны очень легок. Но грянула сильная метель, и, подойдя к крутому спуску, мы убедились, что тропинка, идущая зигзагами вниз, совершенно занесена. У обрыва столпилось четыре каравана, около 400 коней и мулов. Сперва пустили партию опытных старых мулов без проводников, и осторожные животные, пробиваясь в глубоком снегу, нащупали узкую тропинку. За ними, оступаясь и скользя, сошли остальные караваны. Из всех семи перевалов самым легким оказался самый высокий Каракорум, что значит «черный трон», названный по темной скале, венчающей перевал.

Рассказать красоту этого многодневного снежного царства невозможно. Такое разнообразие, такая выразительность очертаний, такие фантастические города, такие многоцветные ручьи и потоки и такие памятные пурпуровые и лунные скалы.

При этом поражающее звонкое молчание пустыни. И люди перестают ссориться между собою, и стираются все различия, и все без исключения впитывают красоту горного безлюдья. По пути встречаются трогательные караванные традиции. Много раз мы видели оставленные тюки товаров, неизвестно кому принадлежащие, никем не охраняемые. Может быть, пали животные или обессилели, и товары оставлены до следующего случая. Но никто не тронет эту чужую собственность. Никто не дерзнет нарушить вековую традицию караванов. Мы улыбались, а что если бы в городе на улице оставить тюки неохраненной собственности? Все-таки в пустыне вы в большей безопасности.

<...> Даже животных мы видели мало. Встречных караванов тоже немного. Среди них нам попалось несколько верениц мусульманских паломников в Мекку, идущих с товарами заработать себе зеленую чалму и почетное прозвище хаджи. Дружественно встречаются караваны на ночевках. Помогают друг другу мелкими услугами, и над красным огнем костров поднимаются все десять пальцев в оживленных рассказах о каких-то необыкновенных событиях. Сходятся самые неожиданные и разнообразные люди, ладакцы, кашмирцы, афганистанцы, тибетцы, асторцы, балтистанцы, дардистанцы, монголы, сарты, китайцы, и у каждого есть свой рассказ, выношенный в молчании пустыни.

От Курула мы могли идти или обходным путем через Кокеяр, или через последний перевал Санджу на Санджу-оазис и Хотан. Выбираем более трудный, но краткий путь. Перед самым перевалом Санджу находим еще не описанные буддийские пещеры, или, как их называют местные жители, «киргизские жилища». Подходы к пещерам осыпались, и мы с завистью смотрим на высокие темные отверстия, отрезанные от земли. Там могут быть и фрески, и другие памятники.

Около Санджу-оазиса горы понизились, переходя в песчаную пустыню. Кто видел Египет, тот поймет характер этой местности с ее розовыми оттенками. На последней скале мы увидели

неолитический рисунок тех же горных козлов и отважных лучников, которых видели и в Ладаке. А впереди розовая мгла Такламакана и приветливый дастархан от местных старшин сартов. На другой день, уже за Санджу-оазисом, в полной пустыне мы увидели приближающегося навстречу одинокого всадника. Он остановился, зорко взгляделся и соскочил с коня, расстилая что-то на земле. Подъехав, увидели белую кошму и на ней дыню и два граната. Настоящая скатерть-самобранка, приветствие от незнакомого друга.

Двигаясь по барханам сыпучих песков иногда без всяких признаков пути, трудно представить себе, что мы идем по великой китайской императорской дороге, так называемой шелковой дороге, главной артерии старого Китая на запад. Кончились живописные мазары, места погребения горных киргизов, начались сартские мечети, незамысловатые, так же как и сартские глинобитные домики, скучившиеся на маленьких оазисах среди угрозы песков.

Среди открытых песков три голубя подлетели к каравану и продолжали лететь перед нами, точно призывая куда-то. Местный житель улыбнулся и сказал: «Видите, святая птица зовет вас. Вам нужно посетить старый мазар, охраняемый голубями».

Свернули с пути к старому мазару и мечети и были окружены тысячами голубей, охраненных преданием, что убивший голубя этого мазара немедленно погибнет. По традиции купили зерна для голубей и двинулись дальше.

Десятое октября, но солнце еще так жарко, что сквозь сапог раскаленное стремя обжигает ногу.

За переход от Хотана на барханах показался ковыль и участились глинобитные домики. Мы вступаем в Хотанский оазис, в область, которую Фа-Сиен в 400 году нашей эры характеризует так:

«Эта страна богата и счастлива. Народ ее благоденствует. Они все принадлежат к буддизму. Их высшее удовольствие — религиозная музыка. Священнослужители в числе многих десятков тысяч принадлежат к Махаяне. Они все получают пищу от общественного хранилища».

Конечно, современный Хотан совершенно не отвечает характеристике Фа-Сиена. Длинные грязные базары и множество беспорядочных глинобиток мало говорят о богатстве и благоденствии. Конечно, буддизма не существует. Несколько китайских храмов открываются очень редко, и конфуцианские гонги не звонили за все наше четырехмесячное невольное присутствие там.

<...> Как известно, старый Хотан находился в девяти километрах от места теперешнего селения Ядкан. Старые буддийские места заняты мечетями, мазарами и мусульманскими жилищами, так что дальнейшие раскопки этих мест совершенно невозможны.

Сам Хотан находится сейчас в переходном состоянии. Он уже оторвался от старины. Высокое качество и тонкость старинной работы ушла, а современная цивилизация еще не дошла. Все сделалось бесформенным, хрупким, каким-то эфемерным. Поделки из нефрита огрубели. Буддийские древности, еще недавно обильно доставляемые в Хотан из окрестностей, почти иссякли. Но, к нашему изумлению, появилось много подделок, сделанных иногда довольно точно и не без знания дела. Древности из Хотана должны быть очень точно исследуемы. Также мы видели в Хотане очень хорошо сделанные имитации ковров, по изданиям Британского музея. Если эти ковры будут называться имитацией, то это очень хорошо, но если они, после общеизвестных манипуляций, перейдут к антикварам, тогда это не хорошо. В основе своей Хотан все же остается богатым оазисом. Почвенный лес очень плодороден, и урожаи посевов и фруктов прекрасны.

Дайте этому месту хотя бы примитивные условия культуры, и процветание восстановится необычайно быстро. Народ очень понятлив, но в этом большом оазисе, насчитывающем более 200 000 жителей, нет ни госпиталя, ни доктора, ни зубного врача. Мы видели людей,

погибавших от самых ужасных заболеваний без всякой помощи. Ближайшая помощь, но и то любительская, в шведской миссии в Яркенде, находится за неделю пути от Хотана.

Нужно сказать, что современные китайские правители этой области совершенно не заботятся о привлечении туда полезных культурных элементов.

Еще приближаясь к Хотану, мы слышали рассказы о том, как в прошлом году хотанский дао-тай Ма, действуя по приказу сенизянского генерал-губернатора Янь-Дуту, распял, а затем умертвил старого кашгарского титая.

Нам говорили по пути: «Лучше не ездите в Хотан, там дао-тай худой человек». Эти предупреждения оказались пророческими.

После первой официальной любезной встречи дао-тай и амбань Хотана заявили нам, что они не признают нашего выданного по приказу пекинского правительства паспорта, не могут нам разрешить двинуться из Хотана, арестовывают оружие, запрещают научные работы, а также писание картин. Оказалось, что дао-тай и амбань не различают план от картин. Не буду останавливаться на этих неприятных перипетиях, доказавших все сумасбродство дао-тая. Скажу лишь, что вместо краткой стоянки нам пришлось пробыть в Хотане четыре месяца, и лишь благодаря содействию британского консула в Кашгаре, майора Шллана, мы в самом конце января могли двинуться по пути Яркенд — Кашгар — Кучары — Карашар — Урумчи. Путь этот взял 74 дня.

Первая часть пути была еще по снежной пустыне, но к Яркенду в начале февраля последние снежные пятна исчезли, снова поднялись удушающие клубы песчаной пыли, но зато радовали первые листы плодовых деревьев. Амбань Яркенда оказался несравненно более просвещенным человеком, нежели хотанские власти. Он выражал глубокое негодование по поводу нелепых действий Хотана и указывал, что паспорт наш обычный, по которому он должен оказывать нам всяческое содействие. В Яркенде, в Янгихиссаре и в Кашгаре мы встречали дружескую помощь шведских миссионеров, которые снабдили нас многими сведениями о необыкновенном плодородии края и о богатстве минеральных залежей, совершенно неразработанных.

Кашгар со своими тройными стенами и песчаными утесами высокого берега производит впечатление настоящего азиатского города. И китайский дао-тай, и британский консул встретили нас радушно. И опять все не признанное в Хотане оказалось совершенно подлинным. Даже оружие наше было полувозвращено нам, то есть предложено в закрытом ящике отвезти его в Урумчи генерал-губернатору. Впрочем, за все время пути до Урумчей нам ни разу не пришлось пожалеть о том, что оружие наше заперто. В Кашгаре поучительно было осмотреть за рекою, видимо, древнейшую часть города, где сохранилась значительная часть буддийской ступы, размерами похожей на большую ступу Сарната. Под Кашгаром находится несколько древнебуддийских пещер, уже исследованных и сопровождаемых поэтическими сказаниями. В десяти километрах от Кашгара находится Мириам Мазар, так называемая гробница Марии, матери Христа. Легенда говорит, что после преследования Иисуса в Иерусалиме Мария бежала в Кашгар, где место ее упокоения отмечено доньше почитаемым мазаром.

От Кашгара до Аксу путь чрезвычайно томителен как своею всепроникающей пылью, так и глубокими засасывающими песками и безжизненными лесами корявых карагачей, наполовину сожженных, ибо путники вместо костров часто поджигают дерево. В Аксу мы встретили первого китайского амбаня, говорившего по-английски. Молодой человек мечтал поскорее вырваться из этих песчаных мест. Он же показал нам английскую шанхайскую газету, полученную им от почтмейстера в Урумчах, итальянца Кавальери. Я удивился, почему амбань не выписывает сам газеты, но впоследствии узнал, что всемогущий Янь-Дуту запретил своим подчиненным читать газеты. Дальше мы увидим оригинальные способы правления этого владыки всего Сенцзяна.

Окрестности Кучары уже изобилуют старыми буддийскими пещерными храмами, которые дали столько прекрасных памятников среднеазиатского искусства. Это искусство справедливо заняло такое высокое место среди памятников бывших культур. Несмотря на все внимание к этому искусству, мне кажется, что оно все-таки еще не вполне оценено, именно со стороны композиционно-художественной.

Место бывшего пещерного монастыря подле самых Кучар производит незабываемое впечатление. В ущелье как бы по амфитеатру расположены ряды разнообразных пещер, украшенных стенописью и носящих следы многих статуй, уже или уничтоженных, или увезенных. Можно представить себе торжественность этого места во время расцвета царства Тохаров. Стенопись частично еще сохранилась. Невольно иногда сетуете на европейских исследователей, увезших в музеи целые части архитектурных ансамблей. Думается, что не будет нареканий перевозить отдельные предметы, уже потерявшие свою прикрепленность к определенному памятнику. Но не будет ли несправедливо с местной точки зрения насильственно расчленять еще существующую композицию? Разве не было бы жаль разбить по частям Туанханг — самый сохранный из памятников Центральной Азии? Ведь мы не разрезаем по частям итальянские фрески. Но этому соображению есть и оправдание. Большинство буддийских памятников в мусульманских землях подвергались и по сей час подвергаются иконоборческому изуверству. Для уничтожения изображения разводятся в пещерах костры, и лица, где может достать рука, тщательно выцарапываются ножами. Мы видели следы подобных уничтожений. Труды таких замечательных ученых, как сэр Орел Стейн, Пельо, Леккок, Ольденбург, сохранили много тех памятников, которые по небрежности бывшей китайской администрации подвергались величайшей опасности быть уничтоженными. Старые среднеазиатские художники, помимо ценных иконографических подробностей, проявили такое высокое декоративное чутье, такое богатство детали в гармонии со щедрой композицией решения больших плоскостей. Можете себе представить, сколько впечатлений накапливается, когда каждый день происходят те или иные наблюдения и щедрая старина и природа посылает неисчерпаемые художественные материалы.

Кучары — большой город, чисто мусульманский, и ничто не напоминает о бывшем Тохарском царстве, о высокой бывшей письменности и просвещении этого края. Говорится, что последний тохарский царь, теснимый врагами, вылетел из Кучар, унеся с собою все свои сокровища. Глядя на бесконечные извилистые горные кряжи, можно думать, что там есть достаточно места для сокрытия сокровищ. Так или иначе, старое сокровище этих мест ушло, но, глядя на богатые плодовые сады, можно думать, что и новое сокровище может быть при малейшем усилии легко накоплено.

От Кучар к Карашару мы уже не расстаемся с буддийскими древностями. По левую сторону пути в дымке появляются отроги великолепного Тянь-Шаня — небесных гор. Кто-то оценил их воздушно-голубые тона и назвал их правильно. В этих горах уже находятся и постоянные, и кочевые монастыри калмыков. Карашарские, олётские, хошутские наездники сменяют сартские мусульманские города.

<...>

Временно удаляемся от Тянь-Шаня и ныряем в духоту Токсуна, турфанские области. Скорпионы, тарантулы, подземные водяные арыки и нестерпимый жар, при котором даже местные люди не могут пройти и двух миль. Помимо замечательных памятников, помимо Матери Мира, эти места послали нам целый ряд сказаний и одну традицию о странствиях. В обычае Турфана было посылать молодежь в странствие под руководством опытных людей, ибо, как говорят турфанцы, «путешествие есть победа над жизнью».

В Карашаре и в Токсуне мы наблюдали прекрасные типы лошадей карашарской породы.

Тот, кто помнит старинные китайские терракоты коней эпохи Танг, не должен думать, что эта порода исчезла. Именно карашарские кони живо напоминают ее. Особенно интересны кони с какими-то зеброобразными полосами. Не было ли в этой породе скрещення с дикими куланами?

Урумчи является столицей Сенцзяна и местопребыванием грозного Янь-Дуту... <...> Меры правления Янь-Дуту не должны быть забыты в курьезах истории. Сам он считается образованным человеком и носит титул магистра. <...> При нас «магистр философии» наказывал местного бога за бездождие. Водяного бога били розгами, но он все же упорствовал и не давал дождя. Тогда ему отрубили руки и ноги и утопили в реке. А на место его возвели в божеское достоинство «местного черта». Разнообразные способы казни, видимо, хорошо известны «магистру философии». Он щедро применяет их к личным врагам и непокорным чиновникам. В «саду пыток» Октава Мирбо упущены два тонких изобретения. А именно: осужденному через глазницы продевают конский волос и начинают с внутренней стороны перепиливать переносицу. Или непокорного чиновника посылают в командировку, а в пути доверенные лица заклеивают его лицо китайской бумагой, покуда он не придет в вечно-покойное состояние. Также рассказываются опытные постановки убийства ненужных сановников. Почему-то это действие всегда происходит после сытного обеда, когда сзади появляется палач и неожиданно отсекает голову. В императорское время иногда предварительно объявлялся вновь дарованный титул.

По улицам Урумчей с громкими барабанами и с бесчисленными яркими знаменами проходят какие-то оборванные толпы, на ваших глазах разбегающиеся по переулкам; это войска Янь-Дуту. Счет войска происходит по шапкам, потому можно видеть арбу, на которой на кольшках одето множество фуражек и шапок. Это все едут невидимые воины, а Янь-Дуту через иностранных представителей хитрыми манипуляциями пересылает в далекие банки огромные суммы серебра. Впрочем, этим богатством правителю не пришлось пользоваться. В двадцать восьмом году он был убит Фанем, комиссаром по иностранным делам. Странно было видеть это Средневековье в наше время с ужасами пыток и глубокого суеверия. Новый Китай должен посылать на свои окраины особенно просвещенных людей.

И еще одно обстоятельство поразило нас во всем Сенцзяне. Это открытая купля-продажа людей: детей и взрослых. Еще в Хотане нам серьезно предлагали вместо найма прислуги купить несколько слуг и девушек, уверяя, что это гораздо удобнее и обходится гораздо дешевле. Хорошая девушка продается за 25 сар, то есть менее 20 долларов. Конюха можно было купить за 30 сар, а дети — те совсем дешевы, от 2 сар до 5. В Токсуне семипалатинская казачка, вышедшая замуж за китайца, показывала нам девочку-киргизку, купленную ею за три сары. Это еще хорошо, что бездетная казачка купила ее, что называется, в дочери. А то сплошь и рядом вы можете слышать о настоящих ужасах. Кажется, на это явление в китайских областях не обращено достаточного внимания. Так же точно, как и на губительное курение опиума. Казалось бы, распространители и потребители этого бича человечества должны подлежать самой строгой каре, если сознание их до того умерло, что они не понимают, какое преступление и для себя, и для будущих поколений они творят.

<...>

После Урумчей идет полоса, также любопытная не только в художественном отношении, но и в научном и бытовом. Здесь мы касаемся области, в которой уже находятся непосредственные памятники великого переселения народов в виде курганов и многообразных погребений с каменными фигурами. В бытовом отношении отроги Тарбаготайских гор, особенно со времен революции, изобилуют разбойничьими бандами. Киргизы, земли которых тут начинаются, хотя и совершенно похожи внешне на скифов, точно силуэты с кулобской вазы, но для современности малопригодны. Их обычаи грабежа «барантчества» затрудняют окультурение. Кроме того, в

местности Черного Иртыша изобилие золота порождает бродячие скопища золотоискателей, с которыми лучше не сидеть у одного костра.

Опять вы поражаетесь, насколько богат этот край и насколько мало он исследован и совершенно не использован.

Не менее глух и заброшен Алтай, так называемая теперь Ойротия. Ойроты — вымирающее финно-тюркское племя — находятся на очень низкой ступени развития. Такие изношенные овчинные кафтаны и нечесанные волосы можно еще встретить в некоторых областях Тибета. Староверы, издавна поселившиеся в этом малодостигаемом краю, конечно, являются единственными крепкими хозяевами. Приятно было видеть, что староверы значительно отступили от многих религиозных предрассудков и мыслят о правильном хозяйстве, об американских машинах и приветливы к иностранцам, чего раньше не было.

Конечно, старый уклад жизни с ее живописными резными домиками, с парчовыми сарафанами и древними иконами уже отошел. Мы пожелали, чтобы при новых формах жизни старина не заменялась рыночным безвкусием. Ведь в Сибири, где такие минеральные сокровища и прочие естественные богатства, народ имеет наследие высокохудожественных сибирских древностей, наследие Ермака и отважных искателей. Когда мы проезжали место по Иртышу, где утонул герой Сибири Ермак, алтаец говорил нам: «Никогда бы наш Ермак не утонул, но тяжелый доспех потянул его на дно».

На Алтае, соприкасаясь со староверами, было поразительно слышать о многочисленных религиозных сектах, и посейчас на Алтае существующих.

Поповцы, беспоповцы, стригуны, прыгуны, поморцы, нетовцы, которые вообще ничего не признают, — сколько непонятных разделений. В Трансбайкалии живут «семейские», т. е. староверы, сосланные в Сибирь со своими целыми семьями, а также темноверцы и калашники. Каждый темноверец имеет свою закрытую в ковчеге икону, которую считает истинной. Если кто-нибудь другой помолится на ту же икону, она делается недостойной. Еще более странны калашники, они молятся через отверстие в калаче. Мы много слышали о темных верах, но о такой еще не слыхали. И это в 1926 году. Здесь же находятся и хлысты, пашковцы, и штундисты, и молокане — нескончаемое разнообразие верований, исключаящих друг друга.

Но и в этих заброшенных углах уже шевелится новая мысль и длиннобородый старовер с увлечением говорит о хозяйственных машинах и сравнивает качество производства разных стран. Если условия верований еще не стерлись, то, во всяком случае, предрассудок против всяких нововведений значительно испарился, а крепкая хозяйственность не умалилась и дала свежие ростки. Эта строительная хозяйственность, нетронутые недра, радиоактивность, травы выше всадника, лес, скотоводство, гремящие реки, зовущие к электрификации, — все это придает Алтаю незабываемое значение!

В пределах Алтая можно также слышать очень значительные легенды, связанные с какими-то неясными воспоминаниями о давно прошедших здесь племенах. Среди этих непонятных племен упоминается одно под именем курумчинские кузнецы. Само название показывает, что это племя было искусно в обработке металлов, но откуда и куда направилось оно? Не имеет ли в виду народная память авторов металлических поделок, которыми известны древности Минусинска и Урала? Когда вы слышите об этих кузнецах, вы невольно вспоминаете о сказочных Нибелунгах, занесенных далеко на запад.

Среди всей этой смеси племен крайне поучительно наблюдать, как иногда на наших глазах формулируются видоизменения языков. В Монголии нам рассказывали необыкновенно курьезные сочетания слов, составившиеся из нескольких языков за самое последнее время. Китайский, монгольский, бурятский, русский и некоторые парафразы технических иностранных

слов уже дают какой-то новый конгломерат. Трудная задача возникает для филологов при этом образовании новых выражений, а может быть, и целых новых родовых наречий.

Алтай в вопросе переселения народов является одним из очень важных пунктов. Погребение, уставленное большими камнями, так называемые чудские могилы, надписи на скалах, все это ведет нас к той важной эпохе, когда с далекого юго-востока, теснимые где ледниками, где песками, народы собирались в лавину, чтобы наполнить и переродить Европу. И в доисторическом, и в историческом отношении Алтай представляет нескрытую сокровищницу. Владычица Алтая, белоснежная гора Белуха, питающая все реки и поля, готова дать свои сокровища.

Если важно было ознакомиться с ойротами и староверами, то еще значительнее было увидеть монголов, на которых сейчас справедливо обращен глаз мира.

Ведь это та самая Монголия, при имени которой жители древних туркестанских городов, покидая дома в страхе, оставляли записки: «Спаси нас бог от монголов!»

А рыболовы в далекой Дании боялись выходить в море, настолько мир был наполнен именем страшных завоевателей.

Если прислушаетесь к рассказам о монголах, вас поразит какое-то несоединимое противоречие. С одной стороны, вам рассказывают, что монгольские военачальники до сих пор, беря врага в плен, вырезают у него сердце и съедают его. Причем один военачальник утверждал, что, когда у китайца вырезают сердце, он только скрипит зубами, а русский очень кричит. Рассказывают о шаманских заклинаниях, о том, как в юрте шамана в темноте слышится ржание целых табунов коней, словно пролетают стаи орлов и шипят бесчисленные змеи. По желанию шамана в юрте идет снег. Эти проявления воли действительно существуют. Между прочим, «шаман» не является ли испорченною формою санскритского «шраман»? Так же точно как «Бухара» не что иное, как измененное буддийское «Вихара».

В Урге рассказывают следующий эпизод, рисующий волевое воздействие некоторых лам. Некий человек получил указание от уважаемого ламы, что через два года он непременно должен покинуть Ургу. Два года прошло в полном благоденстве, и, как часто бывает, удачливый человек забыл об исполнении указания. Но наступили события революции, и время безопасно выехать из Урги было упущено. В нужде, испуганный, побежал опять к ламе. Тот, пожурив, сказал, что еще раз спасет его, и велел завтра же утром со всей семьей и скарбом выехать в определенном направлении. При этом лама указал, что когда беглецы встретятся с солдатами, то чтобы не пытались бежать, а остановились на месте недвижимо. Сделалось, как указано. Беглецы выехали в повозке и после недолгого пути встретили солдат. Остановились в молчании, как указано. Когда же солдаты проходили мимо, не тронув их, то беглецы слышали, как один солдат говорил другому:

«Видишь, никак люди там?»

А другой ответил:

«Ослеп ты, что ли? Разве не видишь, это камни!»

В то же время, когда вы посещаете монгольскую печатню в Урге, когда говорите с министром народного просвещения Батуханом и известным бурят-монгольским ученым, почетным секретарем ученого комитета Джамсарано, когда вы знакомитесь с ламами, переводящими на монгольский язык алгебру и геометрию, вы видите, что казавшееся противоречие сливается в потенциал народа, который справедливо оборачивается в свое славное прошлое.

Для случайного прохожего Монголия явит внешний лик, поражающий богатством красок, костюмов, в которых сказывается многовековая традиция с широко обставленною обрядностью. Подойдя ближе, вы узнаете их вдумчивую ученую работу, и внимательное исследование своей

страны, и желание послать молодежь за границу; чтобы воспринять приемы техники и современной науки, монголы едут в Германию. Хотели бы они побывать и в Америке, но стоимость проезда и жизни и, главное, незнание языка препятствуют. Должен сказать, что за все время пребывания в Монголии со стороны собственно монголов мы видели много хорошего. Кроме многого другого, меня приятно поразило серьезное отношение к памятникам монгольской старины, желание сохранить эти памятники у себя и исследовать их строго научно.

Замечательное открытие экспедиции Козлова на монгольской территории дало новую страницу сибирских древностей. Те же животное-образные сюжеты, которые мы знали лишь в металлических изделиях, были найдены в тканях в других материалах. Территория Монголии хранит огромное количество курганов, керексуров, оленьих камней и каменных баб. Все это ждет дальнейшего исследования.

В Урге нам предстояло решить вопрос о дальнейшем движении экспедиции. Мы могли идти через Китай. В дополнение к нашему паспорту пекинского правительства Янь-Дуту выдал нам еще один паспорт, длиною ровно в мой рост. Но тут пришло новое обстоятельство. В Урге мы встретили представителя далай-ламского правительства Лобзанг Чолдена, который предложил нам идти через Тибет. Не желая вторгаться самовольно, мы просили его подтвердить предложение согласием от лхасского правительства. Он послал в Лхасу далай-ламе два письма с тибетскими караванами и также запросил тибетского представителя в Пекине снести с Лхасою. Прошло три месяца, и однажды тибетский представитель, исполняющий обязанности консула, сообщил нам, что им получен через Пекин утвердительный ответ и он может выдать нам установленный паспорт и дать письмо к далай-ламе. Мы знали, что подобные паспорта действительны. При таком обороте дела, конечно, мы предпочли идти через Центральную Гоби и Тибет, нежели подвергаться случайностям нападения хунхузов в Китае.

Из приготовлений к отъезду вспоминается любопытный эпизод. Мой сын Юрий, обучая наших монголов ружейным приемам, вывел их на окраину Урги, и они полезли вверх по скату. Оказывается, в то же время с противоположной стороны монгольский спешенный эскадрон производил тоже учение. И было необыкновенно эффектно, когда неожиданные противники одновременно поднялись на гребень бугра друг против друга. Как увидим, эти ружейные приемы оказались не лишними при столкновении с панагами.

13 апреля 1927 года наша экспедиция, сопровождаемая содействием и благожелательством монгольских властей, вышла в юго-западном направлении на пограничный монгольский пункт, монастырь Юм-Бейсе.

Часть пути от Урги, или, как она теперь называется, Улан-Батор-Хото, до Юм-Бейсе мы сделали на моторах. Тяжело груженные машины выглядели как боевые танки, а наверху в желтых, синих и красных халатах и остроконечных шапках сидели наши спутники, бурятские и монгольские ламы.

Первоначально предполагалось продолжить пользование моторами и дальше Юм-Бейсе. Люди говорили, что по Гоби можно вполне проехать. Но это было неверно. И до Юм-Бейсе около 600 миль мы сделали на машинах с трудом в двенадцать дней, причем некоторые дни делали не более 10–15 миль из-за всяких поломок и трудных переправ через реки и каменистые кряжи. И в этом случае собственно дороги не было. Кое-где была верблюжья тропа, а то приходилось идти целиной, производя тут же разведку. Два обстоятельства пришлось запомнить. Первое, что существующие карты очень относительны. А второе, что местным проводникам не следует очень доверять. Проводник-старик лама вел нас не в существующий Юм-Бейсе, а в давно разрушенный, 50 миль западнее. Старик перепутал.

В Юм-Бейсе окончательно выяснилось, что далее пользоваться моторами невозможно. Пришлось от местного монастыря взять верблюжий караван, который обязался в 21 день

доставить нас в урочище Шибочен, между Ансиджау и Наньшанем. Путь от Юм-Бейсе до Анси был тем интересен, что раньше именно этим путем никто из путешественников не пользовался. Было поучительно выяснить, насколько он пригоден для передвижения в отношении воды, корма для животных и безопасности. Старый лама из Юм-Бейсе только один знал этот путь и ручался нам, что это направление гораздо благополучнее, нежели два обычных — один в обход, на запад, а другой по собственно китайской дороге на восток. Хваля избранный путь, лама утверждал, что единственная опасность этого пути, а именно могущественный разбойник Джелама, два года тому назад убит монголами. И действительно, в Урге мы видели его заспиртованную голову и слышали много рассказов о жизни этого необычного человека.

Монгольские пустыни надолго сохранят легенды о Джеламе, но никто никогда не узнает, что именно руководило его необъяснимыми действиями. Джелама окончил курс русского университета по юридическому факультету, выказав особенные способности. Затем Джелама отправляется в Монголию, проводит несколько лет в Тибете, изучая ламаизм, а также волевые воздействия, к которым он имел природные дарования. Затем Джелама опять в Монголии, получает титул хошунного князя Гуна, но, повздорив с казачьим офицером, оказывается в русской тюрьме, из которой его освобождает революция 1917 года. После каких-то неясных набегов и действий в пределах Монголии Джелама с многочисленными сотрудниками укрепляется в Центральной Гоби и строит свой город, употребляя в качестве рабочей силы пленников из многочисленных разбитых им караванов. В 1923 году монгольский офицер является к Джеламе якобы с дружественным подношением хатыка, но под белым хатыком оказывается браунинг, и владыка пустыни падает под несколькими пулями. Голову Джелама на копье возили по монгольским базарам. Шайки его постепенно распались. С некоторым волнением подходил наш караван к месту города Джелама. На каменистом скате издали виднеется белый чортен, священный памятник, выложенный из кусков кварца, — это Джелама заставлял работать сотни своих пленников. Ламы советуют нам одеть монгольские кафтаны, чтобы не привлекать внимания нежелательных встречных. Тампей Джалсен должен быть где-то близко. Темною ночью разбиваем стан. Наутро до восхода слышится какое-то необычайное движение. Нам кричат: «Мы стоим под самым городом».

Выходим и видим ясно за ближайшим песчаным холмом башни и стены. Ни буряты, ни монголы не соглашаются идти исследовать город. Юрий с П. с карабинами на руке идут исследовать. Остальные в боевой готовности с биноклями ожидают. Через некоторое время наши показываются на башне; это значит, что город пуст. В течение дня в несколько приемов вся экспедиция побывала в городе, изумляясь широкой фантазии Джелама, создавшего в пустыне целый укрепленный город. Не простой разбойник был Джелама. О нем поют много песен. Конечно, шайки Джелама не вполне рассеялись.

На другой день к нашему каравану подъезжало несколько подозрительных всадников, спрашивавших о количестве нашего оружия. Но, очевидно, полученные данные не воодушевили их, и они скрылись за холмами.

Район Монголии и Центральной Гоби ожидает исследователей и археологов. Конечно, открытия экспедиции Андрюса и последние, судя по газетам, экспедиции Свена Гедина дали прекрасные результаты, но область так обширна, что не одна и не две, а множество экспедиций с трудом покроют ее. По пути мы встретили прекрасные образцы оленьих камней, высоких менгирообразных гранитных и песчаниковых глыб, иногда орнаментированных. Также мы встретили ряд нераскопанных курганов большой величины и очень заботливого устройства. Курганы были по основанию окружены систематичным рядом камней; на вершине также были камни. Около кургана, образуя как бы второй ряд, виднелись небольшие каменные возвышения. Особенно интересны были каменные бабы, совершенно того же характера, как каменные бабы

южнорусских степей. В одном случае от каменной бабы в восточном направлении шла длинная аллея продолговатых камней на расстоянии около километра. Мы заметили, что изваяние до сих пор мажется жиром, и услышали легенду, что это могущественный разбойник, после смерти обратившийся в покровителя области. Наш тибетец Канчок, данный нам тибетским представителем в Урге для сопровождения, обратился к покровителю области с длинным молением, требуя для нас счастливого пути. В заключение он бросил горсть зерен изваянию.

Проведите линию от южнорусских степей и от Северного Кавказа через степные области на Семипалатинск, Алтай, Монголию и оттуда поверните ее к югу, чтобы не ошибиться в главной артерии движения народов.

Двадцать один день пути от Юм-Бейсе до Шибочена прошли в полном одиночестве. Кроме двух-трех заброшенных юрт, кроме разрушенного Темпе Джалсена и полдюжины подозрительных всадников, мы встретили лишь один китайский караван, пересекавший наш путь от Кокохото на Хами. Встреча с этим караваном чуть было не окончилась трагически, ибо хозяин-китаец, увидав в темноте наши огни, принял нас за становище Джеламы, перепугался и не нашел ничего лучшего, как выстрелить из своей единственной винтовки по нашему лагерю.

Но одно обстоятельство стало несомненным, что этот прямой путь от Юм-Бейсе до Ансиджау вполне обеспечен водою, кустарником, кормом для верблюдов и безопасен в настоящее время, хотя рассказы о еще недавних ограблениях караванов многочисленны. Гоби порадовала нас целым рядом интересных художественных мотивов. <...> Нет беспощадной подавленности Такламакана — разноцветная гальковая поверхность дает твердость и звонкость тонов. Все источники и колодцы оказались в исправности, кроме одного случая, где колодец оказался забитым разложившеюся тушею хайныка (помесь яка). По всему пути, начиная от Ладака, вопрос воды оставался очень существенным. Самые, казалось бы, хрустальные ручьи были переграждаемы павшими животными, в прудах городов Сенцзяна были свалены такие предметы, что иногда даже жажда не могла заставить пить навар этих отбросов.

Кроме Монголии, всюду нас поражало количество и чудовищные размеры зобов, происходящих от воды. Мы не могли установить, насколько кипячение воды уничтожает ее вредность, но так или иначе этот повальный зоб должен сильно подрывать работоспособность населения.

Мелькнули глиняные стены Ансиджау, пробежала узкая полоса фруктовых садов, стеснившихся около большой китайской дороги, идущей от Ансиджау на Суджау, и мы вступили в отроги Наньшаня. Появились юрты монголов, уже относящихся к Кукунорской области. Появились стада, появился смышленный старшина Мачен, который под всякими предложениями выудил у нас немало денег. Особенно он обманул нас на курсе китайских долларов к тибетскому нарсангу. Нам нужно было закупить животных для нового каравана, так как ламы из Юм-Бейсе от Шибочена шли обратно. Кроме животных, нам нужно было запастись и провиантом. Мачен уверил нас, что он может продавать лишь на тибетские нарсанги, которые будто бы стоят гораздо выше китайских долларов. Впоследствии же оказалось, что дело обстоит как раз наоборот и курс нарсанга гораздо ниже. Не буду задерживаться, рассказывая, как пятеро наших бурят, придя в ничем не вызванное безумие, отправились с доносом на нас проезжавшему вблизи доверенному сининского амбана; они уверяли его, что мы проходим китайскую территорию, не имея китайского паспорта, и что мы с какими-то особыми целями не зашли в Ансиджау. Кончилась вся эта клевета тем, что седой дунганин в красной чалме с пятнадцатью солдатами приехал в наш стан и после долгих разговоров пожелал осмотреть наши китайские паспорта; мы его удовлетворили, объяснив, что Ансиджау просто не лежал на нашем пути. Старик сделался очень дружелюбен и предложил нам, что он может бить этих бурят-доносчиков. Клеветники были тут же изгнаны, а места их без затруднения были восполнены

местными монголами.

Про монголов Кукунорской области из наших стоянок при Шибочене, а затем в Шарагольчах, у подножья хребта Гумбольта, я могу сказать только хорошее. Подходя к Шибочену, мы встретили первого кукунорского монгола Ринчино, который, вознося обе руки кверху, незабываемо задушевным жестом приветствовал нас. Под этим же добрым знаком мы и жили с монголами, и расстались с ними. Никаких затруднений, никаких ссор они не вносили в караван. Правда, после столкновения с панагами, старик Сангелама с перепугу хотел оставить нас, но он был так испуган и так дружелюбно лепетал что-то, что немедленно дал уговорить себя.

Упомянув о монголах, необходимо указать на знаки бывшего физического единения Америки с Азией. В 1921 году, когда я знакомился с индейскими пуэбло Новой Мексики и Аризоны, у меня неоднократно вырывались восклицания: «Но ведь это же настоящие монголы!». По строению лиц, по некоторым подробностям одеяния, наконец, по посадке на коне и по характеру некоторых песен все относилось мое воображение за берега океана. Теперь же, когда мы изучали монголов внешней и внутренней Монголии, я невольно вспоминал об индейских пуэбло. Что-то несказуемое, основное, помимо всяких внешних теорий, связывает эти народы.

Как-то очень давно или от директора музея Академии наук В. В. Радлова, или от сибирского путешественника Потанина я слышал сказочку, вывезенную откуда-то из глубин Монголии. В поэтической форме рассказывалось, как в соседних урочищах жили два брата, горячо любивших друг друга. Но повернулся огненный подземный змей, и раскололась земля, и разлучились два брата. И тянется душа их друг к другу, и призывают они птиц отнести их вести к любимому родичу. И ждут они небесную огненную птицу, которая перенесет их через расселину и соединит разъединенных. В этом поэтическом образе не сказывается ли сущность земного переворота, о котором в символах помнит народная память?

Со мною были многие фотографии индейцев Новой Мексики и Аризоны, и я показывал их в дальних монгольских становищах. И монголы восклицали: «Это ведь монголы!» Так признают друг друга разъединенные братья.

В одиноких юртах кукунорских монгол особенно поражает бедность обиходной утвари. Костюмы их очень эффектны. Их кафтаны напоминают своими живописными складками итальянские фрески Гоццоли. Женщины с многими косичками, с бирюзой и серебром ожерелий, в их красных конических шапочках необыкновенно декоративны. Из дальних становищ съезжались на маленьких лошадках кукунорцы к нашему стану, дивовались на снимки нью-йоркских небоскребов, восклицали: «Страна Шамбалы!» — и радовались каждой булавке, пуговице или жестянке из-под консервов. Каждый маленький обиходный предмет для них настоящий предмет гордости. И сердце этих людей пустыни открыто к будущему.

В Шарогольчах вместе с окрестными монголами мы испытали бедствие от горных ливней. Наш стан находился на берегу маленького и, казалось бы, самого мирного горного ручья. В конце июля в направлении Улан-Давана Гумбольдтовой цепи три ночи подряд раздавался какой-то непонятный продолжительный глухой шум. Мы приписывали его ветру. Двадцать восьмого июля в пять часов дня мы готовились к обеду, и вдруг по ущелью хлынула масса воды, превратившая в несколько минут мирный ручей в желтый грохочущий поток и заливая всю окрестность волнами выше одного метра. Сила течения была необыкновенна. Наша кухня, столовая палатка, палатка бурят были немедленно унесены со всем содержимым. Наши ягтаны поплыли, палатка Юрия была залита по колени, и всевозможные предметы уносились безвозвратно по течению. Также были разрушены и жестоко пострадали юрты местных монголов. Часа через два поток начал уменьшаться, а наутро мы увидели измокшую, совершенно

измененную местность. На месте барханов были глубокие вымоины, а вместо низин возвышались из песка и щебня новые бугры. Это происшествие еще раз подтвердило наше наблюдение о наносных слоях Центральной Азии. Исследуя многие профили возвышенности, вы изумляетесь сравнительно недавнему происхождению многих верхних слоев, а также их странному смешанному составу. Но такие характерные пертурбации, как мы сами убедились, легко меняют профили поверхности. При раскопках это обстоятельство может давать неожиданности.

К 19 августа 1927 года сборы нового каравана были закончены, верблюды подкрепились травой и кустарником и начали обрастать новой шерстью.

Мы выступили через Улан-Даван, решив пересечь опасный Цайдам в кратчайшем прямом направлении и тем установить новый маршрут через Ихе-Цайдам и Баха-Цайдам на перевал Нейджи. Установление этого маршрута избавляет от западной дороги на Махай, где безводная часть пути бывает губельна, а также избавляет от дальнего восточного обхода, обычно предпринимаемого паломниками на Лхасу. Мы были предупреждены о том, что три перехода будут неприятны и опасны, а последние двадцать четыре часа придется идти безостановочно, ибо останавливаться на тонкой поверхности соляных отложений и опасно, и бесцельно для животных ввиду полной бесплодности. Пересекая Цайдам, мы прежде всего убедились, что сплошная зеленая условная окраска на картах совершенно не отвечает действительности.

Такая же неточность всюду обнаруживалась и в названиях местности. Одно и то же место имело и китайское, и монгольское, и тибетское имя, звучавшее совершенно особенно. Конечно, и на карты попадало одно из этих названий в зависимости от национальностей переводчиков бывших экспедиций. Но особенно странно было с европейскими названиями, насильственно приклеенными к древним местам, давно имевшим свои местные имена. Все эти хребты Марко Поло, Гумбольдта, Риттера, Александра III, Пржевальского, конечно, не имели никакого значения для всех местных народностей, ибо для них они были известны и в незапамятные времена.

Еще одно оригинальное условие мешает точности названий. По поверию монголов и тибетцев, нельзя произносить название места в пустыне, иначе боги пустыни будут привлечены этим именем и рассержены.

Когда сгущается дневной жар, проводник каравана начинает тихо свистеть какую-то странную мелодию. Он вызывает ветер. Какой замечательный сюжет для театра: «продавцы ветров». С тем же обычаем можно встретиться, знакомясь с обычаями Древней Греции.

Пришлось отметить и забытые горные кряжи, и песчаные плоскости, и сухие поверхности, усеянные острыми соляными глыбами, зияющими черными отверстиями тонкой воды. Зеленые болотистые поверхности лишь характерны для озер Ихе— и Баха-Цайдам. Тучные табуны цайдамского князя пасутся в этих густых травах. Не могу не упомянуть, что цайдамский князь, за которым числились какие-то столкновения с путешественниками, выказал нам полное дружелюбие и даже прислал письмо, предлагая своих верблюдов до Лхасы, но к тому времени наш караван был уже составлен. Большое впечатление оставил на всех нас переход по соляной поверхности Цайдама. Проводники наши, видимо, очень готовились к этим местам, хотя осеннее время по маловодью и по отсутствию мух и комаров благоприятствовало. Странно было идти сперва безводной песчаной пустыней и чувствовать, что на запад от нас начинается самое малоисследованное нагорье Куен-Луны. Постепенно пески сменились затвердевшими соляными отложениями, дарами бывшего озера, и караван вошел как бы в бесконечное кладбище, состоящее из нагроможденных острых соляных плит. Самое опасное место пришлось идти в сумерках, а затем при луне. Монголы кричали: «Только не сворачивайте с тропинки!» Действительно, по бокам, среди острых краев плит, чернели ямы, и сама тропинка была усеяна

дырками, попав в которые животное легко могло сломать ногу. Кони шли особенно осторожно. Из верблюдов провалился на самой тропинке лишь один и с большими трудами был вытасчен. Солончаковая пыль овеивала все место каким-то странным туманом, глубоко проникая в легкие. Ночью как бы вспыхивали какие-то красные огоньки. И ламы отказывались идти вперед, обращая наше внимание на какие-то случайные силуэты, которые оказывались не чем иным, как соляными столбами. Наутро соляные плиты постепенно перешли в белое порошковое отложение и сменились песками. Скоро показались кусты и высокая трава, которую жадно хватили наши изголодавшиеся животные. Вдали перед нами синели горы. Это было Нейджи, географическая граница Тибета, хотя пограничные посты встретились много позже.

Несколько переходов до синевших гор шли по сравнительно плодородной местности Тейджинера, что значит «местность, управляемая советом старшин». Казалось бы, и растительность была хороша, и поля обрабатывались, но мы видели брошенные становища, а в редких жилых юртах мы замечали смятение. Оказывается, между монголами и голоками, живущими за Нейджи, шла война. Нам говорили, что еще на дороге мы увидим убитых, и жители с тревогой ожидали нападения разбойников Тибета. Были какие-то неясные намеки о чем-то готовящемся против нашего каравана. Мы припомнили необыкновенное происшествие, бывшее с нами в Шарагольчах. Под вечер со стороны гор во весь мах прискакал необычайно богато одетый монгол. Его золототканое одеяние, новая желтая шапка с красными кистями были необыкновенны. Он быстро вошел в первую попавшуюся палатку, оказавшуюся палаткой доктора, и начал спешно говорить нам, что он друг, что на перевале Нейджи нас ждут 50 враждебных всадников. Он советует идти осторожно и высылать передовые дозоры. Так же быстро, как вошел, он вышел и ускакал, не называя своего имени. Это нежданное дружественное предупреждение вспомнилось теперь нам при рассказах о панагах и голоках.

На следующий день мы видели при дороге трех убитых монголов и одну лошадь. На песчаной поверхности ясно были видны следы каких-то бешеных скачек. Приняв военные меры, мы подвигались сперва по течению реки Нейджи, затем к перевалу Нейджи. В одной заросшей кустарником долине трое из нас видели силуэт всадника и нашли на том месте свежесложенный костер и трубку. Решили не идти на обычный перевал, очень песчаный и затрудняющий движение, а переменить маршрут на несколько миль дальше, пользуясь следующим перевалом того же наименования. Это неожиданное решение было для нас спасительным. На следующее утро мы вышли задолго до восхода, Е. И., имеющая необычайно острый слух, уверяла, что она слышит отдаленный лай собак. Но все было тихо, и мы должны были, спускаясь, вступать в ущелье между двумя холмами. Зорко осматриваясь, мы заметили в утреннем тумане, как через ущелье проскакивают силуэты всадников. Мы различили длинное копье, длинные винтовки с рогатками. Нас ждали при выходе из ущелья. Вместо того чтобы продолжать двигаться, мы отступили на вершину холма и таким образом заняли господствующее положение, чего противник не ожидал. Сзади нас подтягивались наши торгоуты, лучшие стрелки. С вершины холма мы видели группы неприятеля и, заняв выгодное положение, послали монголов предупредить их, что, в случае продолжения враждебных действий, мы не будем щадить ни их, ни их юрты. Переговоры уладились. Панаги опять твердили о каких-то 50 всадниках, за которыми они послали, а через несколько часов мы видели их стада, возвращавшиеся с гор к юртам; значит, были приняты заблаговременные меры. На другой день в боевом порядке, сопровождаемые подозрительными всадниками, мы перешли перевал Нейджи. Здесь разразилась необычайная для сентября гроза и повалил сильный снег. Монголы сказали нам: «Горный бог Ло гневается за то, что панаги хотели тронуть великих людей, по снегу они более не нападут на нас, ибо останутся следы».

Перед нами стоял хребет Марко Поло, грозный Ангар-Дакчин, за ним живописное

Кокушили и мощное Думбуре. Можно писать целую книгу об одних этих местах, о многосотенных стадах диких яков, о доверчивых медведях с белыми ошейниками, о волках, преследующих серн и антилоп. Можно наблюдать минеральные источники, горячие гейзеры и удивляться неожиданностям этой особенной природы. От Цайдама, где мы находились на высоте от 8 до 9 тысяч футов, мы поднялись на Тибетское северное нагорье от 14 до 15 тысяч футов.

Остановимся на характерных эпизодах сношений с тибетцами.

Двадцатого сентября караван наш с волнением заметил первую палатку тибетского поста. Пришли к нам какие-то лохматые люди, в грязных овчинных кафтанах и потребовали наш паспорт. При достаточном числе свидетелей мы вручили им наш тибетский паспорт, после чего нам разрешено было идти дальше. Паспорт был послан по начальству.

Шестого октября тибетцы предложили нам остановиться в местечке Шенди и ожидать дальнейшего разрешения от тибетского генерала Капшипа-Хорчичаба, то есть главного начальника Хоров и командующего северным тибетским фронтом. Через два дня мы были передвинуты к ставке этого генерала на реке Чунаргене. Это место останется памятным для нас.

Унылое кочковатое нагорье арктического характера, окаймленное пологими линиями осыпающихся гор. Первый прием генерала заключал в себе верх любезности и дружелюбия. Он сказал нам, что, ввиду паспорта и письма, он пропустит нас следовать дальше на Лхасу через Нагчу. Нагчу — это северная крепость Тибета, стоящая в трех днях от Чунаргена. Генерал попросил нас постоять всего три дня и перенести наш лагерь к его ставке, так как он хочет лично осмотреть наши вещи, ибо, как он сказал: «Руки малых людей не должны касаться вещей великих людей». При этом генерал добавил, что до разрешения он останется с нами и в честь меня велит каждый день играть какую-то особо торжественную вечернюю зорю. По-видимому, у генерала было больше музыкантов с барабанами, кларнетами и шотландскими волынками, нежели солдат. При нашем посещении стреляли из пушки, развешивали знамя, и ряд странных солдат в грязных куртках с оборванными пуговицами держали винтовки в разных направлениях. Так или иначе свидания с генералом были очень дружелюбны, и, вероятно, в последующем генерал не был виноват.

Через неделю ответ о нашем дальнейшем продвижении все еще будто бы не пришел. Генерал сообщил нам, что по обязанностям службы он должен уехать, но что он оставит при нас майора с пятью солдатами и даст распоряжение местным старшинам Хоров.

Генерал уехал, и вместо трех дней мы остались в этой унылой местности пять месяцев. Положение сделалось гибельным. Началась суровая зима, на пятнадцати тысячах высоты, с вихрями и снегами. Что и где произошло, мы не могли решить, но письма, посылаемые нами далай-ламе и губернатору в Нагчу, возвращались обратно, часто в изорванном виде. Мы неоднократно писали американскому консулу в Калькутту, британскому резиденту полковнику Бейли в Ганток и нашим учреждениям в Нью-Йорк, прося губернатора Нагчу все это отправить по телеграфу из Лхасы на Индию. Нам было отвечено, что телеграфа из Лхасы на Индию больше не существует, — явная ложь! Мы просили через майора отпустить нас тронуться обратно или разрешить идти в ставку генерала, но нам было запрещено двигаться как вперед, так и назад, точно кто-то желал нашей гибели. Деньги наши кончались. Конечно, бывшие при нас американские доллары были совершенно бесполезны. Кончались лекарства, кончалась пища. На наших глазах погибал караван. Каждую ночь иззябшие голодные животные приходили к палаткам и точно стучались перед смертью. А наутро мы находили их павшими тут же около палаток, и наши монголы оттаскивали их за лагерь, где стаи диких собак, кондоров и стервятников уже ждали добычу. Из ста двух животных мы потеряли девяносто два. На тибетских нагорьях осталось пять человек из наших спутников: три ламы, один бурятский и два

монгола, затем тибетец Чампа и, наконец, жена оставленного с нами майора, умершая от воспаления легких. Даже местные жители не выдерживали суровых условий. А ведь наш караван помещался в летних палатках, не приготовленный для зимовки на Чантанге, который считается наиболее суровую частью Азии.

У Е. И. пульс доходил до 145, и наш доктор прибавлял: «Ведь это пульс птицы». У меня вместо обычных 64 пульс был 130. У Юрия, у Богдановых пульс держался около 120. Доктор пророчил самые мрачные перспективы и писал докторские свидетельства о том, что задержание в таких условиях равняется организованному покушению на убийство. Об этом стоянии можно было бы написать тоже целую книгу, полную грустных бытовых страниц.

Чтобы дать тип губернаторов в Нагчу, из которых один считался очень доверенным лицом далай-ламы и сам был ламой, хотя и имел семью, достаточно вспомнить два эпизода, рассказанных ими нам.

Один эпизод о Ладен-Ла, генерале тибетской армии, человеке несомненно талантливым, которому одно время было поручено реформирование этого разношерстного войска. Лама-губернатор сообщил, что Ладен-Ла отставлен от реформирования армии за введение красных обычаев, ибо он ввел европейскую форму и отдавание чести офицерам.

Тот же губернатор излагал русскую революцию в следующем виде: «Жил человек Ненин, который не любил белого царя. Ненин взял пистолет и застрелил царя, а затем влез на высокое дерево и заявил всем, что обычаи будут красными и церкви должны быть закрыты. Но была женщина, сестра царя, знавшая и красные и белые обычаи. Она взяла пистолет и застрелила Ненина».

Долго рассказывать обо всех наших переговорах с нетрезвым майором, а затем с губернатором Нагчу. Так или иначе шестого марта мы двинулись в Индию, посланные также нелегким обходным путем, унося в себе неразрешимый вопрос, как могло лхасское правительство не признавать выданный их чиновником паспорт и можно ли держать мирную экспедицию, имевшую в составе своем трех женщин, всю зиму в летних палатках на наиболее губительных высотах? И к чему тибетцам нужно было вредить нашему здоровью, уморить весь наш караван и вследствие резких смен температуры погубить все наши кинофильмы?

Поистине Чантанг — северное нагорье Тибета — справедливо заслужил славу самого холодного места Азии. Свирепые вихри необычайно усиливают действие мороза, а разреженная атмосфера 15–16 тысяч футов создает особые, необычайно тяжелые условия. Можно представить себе состояние температуры, когда в палатке у доктора в закрытой фляжке замерз коньяк. Сколько же требовалось градусов, чтобы крепкое вино могло замерзнуть? Конечно, в одиннадцатом часу утра солнце начинает значительно пригревать, но после заката, ночью, а главное, предрассветный час бывает свиреп. Наш доктор имел необыкновенную возможность наблюдать с медицинской точки условия этих исключительных нагорий.

После Нагчу-Дзонга наш путь лежал минуя Тенгри-Нор на Шендза-Дзонг, откуда через несколько перевалов на Сага-Дзонг. Затем по берегу Брамапутры к границам Непала на Тенгри-Дзонг. Шекар-Дзонг и Кампа-Дзонг были последними пунктами этого двух с половиной месячного пути перед Гималайским перевалом Сепола. После Сепола мы спустились через Тангу в Ганток, столицу Сиккима, и были радушно встречены британским резидентом полковником Бейли, его супругою и махараджею Сиккима. 26 мая 1928 года прибыли в Дарджилинг, поместившись опять в нашем Талай-По-Бранге для обработки художественных и научных материалов.

Теперь оглянемся в кратких характеристиках на современную жизнь Тибета и на искусство его.

Тибет являет самое поразительное стечение противоречий.

С одной стороны, мы видим глубокие знания и замечательное развитие психической энергии. С другой же стороны, полное невежество и бесконечный мрак.

С одной стороны, мы видим преданность к религии, хотя бы и в условной форме, с другой же стороны, мы видим, как утаивались деньги, пожертвованные на монастыри, и произносилась ложная клятва тремя жемчужинами Учения.

С одной стороны, видим уважение к женщине и избавление ее от тяжелых работ, с другой стороны, нелепый для современности институт полиандрии. Странно подумать, что это многожество как-то уживается с заветами буддизма, хотя бы и в ламаистической форме.

С одной стороны, мы встречаем вместо замков бедные глинобитки. С другой стороны, тибетские губернаторы называют их прекрасными снежными дворцами и не стыдятся этих гипербола.

С одной стороны, правительство Лхасы называет себя «правительство, победное во всех направлениях», с другой стороны, эту надпись мы видели только на несчастных медных монетках — шо. Ни золотых, ни серебряных монет ни в дзонгах, ни у народа мы не встречали. Удивительно и то, что полушо и четверть шо, тоже медные, по размерам своим более самого шо. Все население, вместо своих тибетских шо, предпочитает или серебряные рупии, или серебряные мекдоллары. При продажах даже называют две цены: или высокая цена на тибетское шо, или со значительной уступкой в случае уплаты рупиями или китайским серебром. С китайским серебром тоже не всегда легко. В одних местах требуют императорские монеты, в других республиканские с шестью буквами, в других с семью. Так что требуется целый ассортимент денежных знаков.

Но мы не удивлялись, ибо к странностям денежного обращения мы были уже приучены в Сенцзяне, где в некоторых местностях деревянные знаки, выпускаемые игорными домами, ценятся больше, чем местные бумажные деньги, в которых иногда большую часть ассигнации составляло подклеенное объявление о мыле и других продуктах. Даже из правительственного казначейства выдавали нам бумажные знаки, которые следующим амбаном объявлялись недействительными.

Вся жизнь как бы состоит из противоречий.

После живописных городов и монастырей Ладака мы тщетно ждали увидеть в «великом» Тибете нечто еще более грандиозное. Мы прошли ряд старинных дзонгов, монастырей и селений. Если еще издали иногда силуэты были хороши, то, приближаясь, мы огорчались бедностью и хрупкостью тибетских сооружений. Правда, на горах и по берегам Брамапутры стоят старые башни времени прежних тибетских царей. В этих сооружениях чувствуется мощь созидательной мысли. Часты эти развалины. Около них видны остатки когда-то возделанных полей. Но ведь это все прошлое. Все это говорит об ушедшей, несуществующей жизни. Сага-Дзонг — бедное селение с хрупкими глиняными стенками. Черные палатки, как пауки, протянулись на длинных черных веревках. Как паутина, нависли над селением вереницы оборванных грязных флажков. Грязь такая же, как в Нагчу-Дзонге. Помню, как в Нагчу, когда мы указывали на nepозволительную грязь города, доньер — чиновник, вроде консула-губернатора, нам сказал: «Если здесь вам кажется грязно, то что же вы скажете о Лхасе?» Тенгри-Дзонг, считающийся самой большой крепостью к Непальской границе, поражает не только убожеством, но и непригодностью к обороне. Тинко, Шекар и Кампа-Дзонг внушительны лишь в тех частях, где еще сохранилась старина. Но старина ветшает, и ее заменяют хрупкие глинобитные стены. Дзонг-пены, начальники замков, уже не живут на вершинах, а ютятся под горою.

В отношении изучения жизни наше пятимесячное пребывание в области Хоров и долгий путь по северному, западному, центральному и южному Тибету дало огромное количество материала. Первый раз экспедиции не требовался переводчик, ибо сами тибетцы находили, что

Юрий знает тибетский язык лучше сэра Чарльза Белла, который считается знатоком языка. Без личного знания языка, конечно, опрометчиво судить о состоянии страны. Один путь от Чунаргена до Сиккимской границы должен представить целую книгу.

Мы шли на уртонных яках от местного населения. Перед нами прошла вся картина противоречий между народом и лхасскими чиновниками. Создалось впечатление, что часть лам и народ с одной стороны, а группа лхасских чиновников с другой; про них сами тибетцы говорят, что «сердца их чернее угля и тверже камня».

Мы стоим лагерем недалеко от стана голоков. Оба стана не доверяют друг другу. Всю ночь из стана голоков несется клич «ки-хохо». — «Хой-хе», — отвечают наши хоры. Так всю ночь предупреждают друг друга о недреманной бдительности стана.

В Тенгри-Дзонге, который считается второю после Шигатзе крепостью, заведующий транспортом усмотрел на одном из наших яков странный предмет, обернутый в красный шелк. Мы исследовали эту находку — оказалось, что с нашим караваном идет стрела с наверху на нее приказом о мобилизации местных войск для подавления восстания в Поюле, на востоке Тибета. Вместо того чтобы послать спешный приказ с особым гонцом, население прикрепляет его к яку частного каравана, который, может быть, будет идти по десяти миль в день.

Около Сага-Дзонга старшины отказываются признать паспорт далай-ламы, высланный нам из Лхасы. Они заявляют, что ничего общего с лхасским правительством не имеют. Без конца можно припоминать подобные бытовые картины, происходящие у караванных костров, около которых тибетцы едят сырое мясо.

Далай-лама считается воплощением Аволокитешвары и хранителем истинного учения Будды. В то же время по всему Тибету передается пророчество, вышедшее из монастыря Танджиллинг, о том, что нынешний тринадцатый далай-лама будет последним. Относительно всезнания далай-ламы в народе и среди лам ходит целый ряд забавных историй. Например, один высокий лама, имевший доступ к далай-ламе без особого доклада, подойдя к двери, выставил из-за двери свою ногу. Далай-лама спросил:

— Кто там?

Тогда лама выставил свою руку и вызвал вторичный вопрос:

— Кто там?

И лама с поклоном вошел, говоря:

— Ваше святейшество напрасно беспокоились спрашивать, ведь по всезнанию вашему вы должны были знать, кто стоит за дверью.

Во время переговоров наших с губернаторами Нагчу при вопросах их мы несколько раз им говорили: «Ведь у вас имеется в Лхасе государственный оракул, отчего вы не спросите его касательно нас».

При этом оба губернатора переглядывались и хохотали.

Совсем другое отношение повсеместно замечается к таши-ламе, имя которого произносится с глубоким почтением.

«Обычаи Панчен Ринпоче совершенно другие» — так говорят тибетцы.

Тибетцы ждут исполнения пророчества о возвращении таши-ламы, когда он восстановит Тибет и драгоценное учение при нем процветет снова.

О бегстве таши-ламы из Тибета в 1923 году во всех местностях говорится с особою значительностью и почтением. Рассказывается об удивительных случаях, сопровождавших этот героический экзodus. Говорится: когда таши-лама бежал около озер северо-западной области, вооруженная погоня из Лхасы одно время почти настигла его. Предстоял длительный обход еще не замерзшего озера, и смутились сопровождавшие таши-ламу. Но духовный вождь Тибета хранил спокойствие и указал, чтобы караван на ночь остался по-прежнему на берегу озера. За

ночь ударил сильный мороз, и озеро покрылось льдом, а затем запорошил неожиданный снег. Перед зарею беглецы перешли озеро по льду, чем и сократили путь свой. Между тем взошло солнце, лед ослабел, и погоня, скоро подоспевшая, была задержана на несколько дней.

Некоторое время, следуя по указанному нам пути, мы шли как раз по линии следования таши-ламы, и поучительно было слышать говор народа и общее ожидание возвращения духовного владыки Тибета. Ведь именно таши-ламы связываются с понятием Шамбалы.

Сами тибетцы говорят все это и указывают, что лхасские чиновники не ведут к расцвету ни народ, ни религию.

Посмотрим несколько религиозно-бытовых картинок, чтобы понять, насколько современное состояние религии в Тибете должно быть очищено.

Вот высокие ламы на священных четках ведут коммерческие расчеты. Допустимо ли это?

Или водяные и ветряные мельницы и даже часовые механизмы крутят молитвенные колеса, освобождая богомольцев от затраты энергии. Относится ли это к заветам Будды?

Недалеко от правительственного дзонга стоит новейшее языческое мольбище — высокий камень, обмазанный жиром. Оказывается, само лхасское правительство утвердило мольбище в честь правительственного оракула.

Запрещается убивать животных — это очень хорошо. Но кладовые монастырей набиты тушами баранов и яков. Рассказывают об особенном способе безгрешного убийства, когда животных загоняют на скалу, и они, падая, убиваются сами.

В углу лавочки сидит хозяин лама и крутит молитвенное колесо. На стене висят изображения Шамбалы и Дзон-Капа. Но тут же стоят корчаги с огромным количеством местного вина, выделенного хозяином для спаивания народа.

Лицо, состоящее при высокой особе, приносит вам на продажу амулет-ладанку с полной гарантией неуязвимости от огнестрельного оружия за цену в триста рупий. Ввиду полной гарантии неуязвимости вы предлагаете счастливому обладателю амулета произвести испытание на нем самом. Но верующий лхасец предлагает ограничиться козлом, продолжая уверять о чудесной силе амулета. Когда же вы на «козла отпущения» не соглашаетесь, то лхасец уходит возмущенный.

Высшим наказанием считается лишение перевоплощения. Для этого у наиболее важных преступников отрезают голову и сушат ее в особом помещении, где хранится целая коллекция подобных останков.

Около священных мендангов и храмов валяются дохлые собаки, и священные надписи покрыты человеческими испражнениями. На дороге и на полях валяются священные надписи, и распалось много ступ, и многие храмы заброшены.

Около Лхасы существует место, где рассекаются трупы и бросаются на съедение хищным птицам, собакам и свиньям. На этих трупных остатках принято кататься в голом виде «для сохранения здоровья». Бурят Цибилов в своей книге о Тибете уверяет, что его святейшество далай-лама выполнил этот ритуал.

Очень замечательны показания тибетцев о так называемом «Ролланг» — воскресении трупов. Всюду говорят о «воскресших трупах, которые вскакивают и, полные необычайной силы, убивают людей».

Тибетцы рассказывают, что отравитель человека высокого положения будто бы получает себе все счастье и преимущество отравленного. Существуют какие-то семьи, в которых право отравительства передается как родовое преимущество, и в семье хранится состав особого яда. Потому расположенные тибетцы советуют быть очень осторожными с чужою пищею. Можно слышать рассказы, как люди были отравляемы чаем или пищею, присланной им на дом как бы в

знак особого уважения. Это напоминает старые повести об отравленных предметах и кольцах.

Кинжалы и кольца с приспособлениями для помещения яда приходилось видеть.

Таких картинок из действительности можно приводить множество. И все они показывают, как многое около вопроса религии должно быть очищено и исправлено. Но мы знаем целый ряд очень достойных лам и будем надеяться, что они смогут просвещенно внести оздоровление Тибета.

«Зачем наши так часто лгут?» — сокрушается тибетец на берегах Брамапутры. И этот порок должен быть исправлен.

Слышно, что таши-лама, находясь сейчас в Монголии, занят утверждением мандалы буддийского учения. От этого нужно ждать благодетельных последствий, ибо Тибет так нуждается в духовном очищении.

Говоря о состоянии религии в Тибете, нужно упомянуть о черной вере противников Будды. Как нам пришлось убедиться, помимо Гелугпа, помимо красношапочной секты Падма Самбхавы и многих других ответвлений, в Тибете очень развита черная вера Бонпо. Распространена она гораздо шире, нежели можно предполагать. Даже говорят, что Бонпо усиливается; целый ряд монастырей мы видели в различных областях Тибета. Все они имеют очень зажиточный вид. В Шаругене нас приняли в монастыре Бонпо очень дружелюбно и даже допустили в свой храм и показали свои священные книги, предлагая Юрию читать их. Но затем вдруг отношение изменилось; оказывается, Бонпо прослышали о нашем отношении к буддизму и сочли нас за врагов. Бонпо говорят, что буддисты их враги. Будда не признается. Далай-лама считается лишь светским правителем. Обряды совершаются противоположно буддизму. Свастика изображается в обратном направлении. Хождение в храме совершается против солнца. Вместо Будды изобретен свой особый покровитель, биография которого странно совпадает во многих частях с жизнеописанием Будды. Имеются свои священные книги. Жаль, что литература черной веры очень мало изучена и их священные книги не переведены еще. Нельзя отнести к этим старинным традициям легкомысленно, когда они говорят о своих неведомых богах свастики. Древние солнечные и огненные культы несомненно находились в основе Бонпо, и обращаться с этими старыми полуистраченными знаками надо осторожно.

И в отношении Бонпо, и в отношении археологических древностей Тибет слишком мало изучен. Особенную радость доставило нам открытие в Тибете, в области Трансгималаев, типичных менгиров и кромлехов. Вы можете представить себе, как замечательно увидеть эти длинные ряды камней, эти каменные круги, которые живо переносят вас в Карнак, в Бретань, на берег океана. После долгого пути доисторические друиды вспоминали свою далекую родину. Древнее Бонпо, может быть, как-то связано с этими менгирами. Во всяком случае, это открытие завершило наши искания следов движения народов.

Подробности одежды и вооружения тибетцев тоже дают поводы для значительных сопоставлений. Возьмем старинные мечи тибетцев и припомним, нет ли в них сходства с некоторыми типами мечей из готских могил. Посмотрим фибулы, наплечные пряжки, и сравним их с такими же из аланских и готских погребений южной России и Европы. Вот передо мною фибула с изображением двуглавого орла — ведь та же стилизация была найдена на Кубани. Вот другая тибетская пряжка старинной работы из Дерге. Лев, под ним горы, по сторонам растительное окружение. Возьмите пряжку скифской работы из находок Козлова, совпадающую даже по величине, и вы будете изумлены тем же характером изображения. Кроме менгиров и кромлехов в области Шенза-Дзонга, тоже в Трансгималаях, нам удалось найти древние могилы, напомнившие алтайские погребения и могилы южных степей. Жаль, что в Тибете невозможна раскопка, ибо говорится, что будто бы Будда запретил трогать недра земли.

В той местности Трансгималаев, называемой Доринг — Длинный Камень, очевидно, от древних менгиров, мы встретили совершенно необычайный для Тибета женский головной убор. Убор представлял собою ярко выраженный славянский кокошник, обычно красного цвета, украшенный бирюзой, серебряными монетами или унизанный бусами. Ни к северу, ни к югу подобный убор уже не был встречен. Очевидно, в этом месте находились остатки какого-то бывшего особого племени. Язык их ничем не отличается от прочих северных испорченных наречий. Вообще с наречиями в Тибете трудно, ибо кроме основного лхасского наречия каждая местность имеет свой говор, иногда настолько отличный, что сами тибетцы лхасского наречия не понимают своих соплеменников.

Еще две аналогии вспомним. Когда я показал тибетцу геральдического единорога, он не удивился, но начал утверждать, что в Тибете была и даже где-то в К'аме до сих пор встречается единорогая антилопа. Другие тибетцы даже брались достать нам этот вид антилопы, если мы будем в Тибете.

Изображение единорога встречается на китайских и тибетских танках. Британский исследователь Брайан Ходсон вывез один экземпляр особой единорогой антилопы. Таким образом, геральдический миф около Гималаев делается действительностью.

Другое обстоятельство, встреченное нами в разных областях Тибета, — это священные бусы дзи, или зи. Можно различать два вида этих бус. Один новый — китайские подделки, но другой, старинный, ценится в Тибете очень высоко. Некоторые виды бус до 1500 рупий за каждую. Бусам приписывают чудесную силу. Говорят, что зи при обработке полей выскакивает из земли. Говорят, что это отвердевшая стрела молнии или помет небесной птицы.

Ценность бус различается по знакам на них. Сами бусы представляют вид роговика со знаками, нанесенными на них каким-то особым способом. Интересно, что подобная же буса была найдена при раскопках Таксилы среди древностей не позднее первого века нашей эры. Так что древность зи правильно оценивается тибетцами. Может быть, это были древние талисманы или терафимы.

Также не следует забывать, что католический миссионер Одорико де Парденоне, посетивший Тибет в четырнадцатом веке, сообщает, что Лхаса или местность ее называлась Гота. Вспомним и о легендарном царстве Готл.

Чтобы покончить с аналогиями, вспомним, не делая никаких выводов, что племена северного Тибета хоры странным образом напоминают некоторые европейские типы. Ничего в них нет ни китайского, ни монгольского, ни индусского. Перед вами в искаженном виде проходят лики с портретов старофранцузских, нидерландских, испанских художников.

Жители Лиона, баски, итальянцы кажутся вам в этих орлиных носах, больших прямых глазах, в характерных морщинах, в сжатых губах и черных длинных прядях волос. Эта область еще даст интереснейшее сопоставление.

Теперь оглянемся на искусство Тибета. Старое искусство Тибета справедливо в последнее время начинает цениться и входить в число признанных ценностей. Это будет совершенно справедливо. Больше того — предскажем, что оценка старого искусства Тибета еще повысится.

Возьмем ли мы живописные изображения, танки и стенопись. Если они будут принадлежать ко времени ранее девятнадцатого века, они доставят нам величайшее наслаждение. Не будем настаивать на том, что существует какой-то особый тибетский стиль. Конечно, в искусстве Тибета мы всегда узнаем сочетание старого Китая, Индии или Непала. Ведь первое изображение Будды Тибет получил в шестом веке из Китая и Непала. Но китайские и индусские первоисточники были так прекрасны, что каждое сочетание их давало высокое художественное целое.

Но в девятнадцатом веке началась механизация искусства. Начался трафарет и дряблое

пересказывание хороших образцов. Так что, устанавливая точку зрения на искусство в Тибете, скажем, что в настоящее время, во время переходное, собственно искусства и творчества в Тибете нет. И сами тибетцы отлично понимают, что старинная работа во всех отношениях далеко превосходит современную. Но и в этом заключении нет безвыходного приговора.

На опытный глаз можно заметить, что хотя и в робкой манере, но какие-то новые попытки входят в жизнь. Будем думать, что переходное время Тибета найдет решение в разумном подходе к своим ценностям.

<...> Народ найдет применение своим способностям, ибо по природе своей тибетский народ очень способен. Творчество Тибета выйдет из трафаретных повторений, и опять засияет открывшийся лотос знания и красоты.

Строительство тибетское тоже включает в себе необыкновенные возможности. Возьмите старые тибетские твердыни, начиная от главного и единственного здания Тибета — семнадцатипятиэтажной Поталы. Разве подобные сооружения непригодны для новейших усовершенствований и разве не подают они руку нашим небоскрегам?

Сейчас в Лхасе запрещено электричество на улицах города, запрещен кинематограф, запрещены швейные машины, запрещено носить европейскую обувь.

Опять в Тибете запрещено светским людям стричь волосы. Военным высшим чинам за обрезание шиньона угрожает разжалование. Опять приказано людям облечься в длинные халаты, малоудобные для работы, и в тибето-китайскую обувь. «Стэтсмэн» от 17 февраля 1929 года сообщает к предположению о четвертой экспедиции на Эверест:

«Если было трудно получить разрешение для экспедиции ранее, то сейчас это совершенно невозможно. Даже жители долины Арун, которые сделали хорошие деньги от иностранцев, противятся разрешить им вступить в страну в четвертый раз. Рассказывается, что, когда экспедиция 1924 года вернулась в Индию, далай-лама заболел на один день. Было сделано изыскание по всему Тибету, чтобы найти, где монахи нарушили свой обет, и было найдено, что монах в долине Аруна съел рыбу. В объяснение своего действия, которое вовлекло в опасность жизнь далай-ламы, он мог только объяснить, что он пришел в возбуждение, видя так много иностранцев вблизи монастыря».

Вспоминаю историю о трех курицах. У нас в караване было три куры, которые, несмотря на ежедневные переходы в корзине на спине верблюда, продолжали исправно нестись. После задержания в Нагчу, не имея, чем кормить, мы отдали их тибетскому майору. Исчезновение кур из нашего лагеря было немедленно донесено губернаторам в Нагчу, причем возникла целая переписка о курицах, съеденных иностранцами. Майор должен был письменно свидетельствовать о пребывании куриц в живых. Странно, птиц и рыбу есть нельзя, убить бешеную собаку или опасного кондора нельзя, но зарезать яка и барана можно, не только на потребу светских людей, но даже и лам. Думаем, что не рыба, съеденная монахом, причинила болезнь далай-ламе, но, может быть, это было последствие той невероятной грязи, которою «украшены» некоторые монастыри. Кто сказал, что ламы должны иметь черно-блестящие лица и руки до плеч? Мы были потрясены, увидав этих черно-угольных людей, имеющих явное отвращение к воде. Воображаю, насколько трудно таши-ламе и просвещенной части лам воздействовать на черную и самодовольную массу. Ведь именно невежество порождает самоудовлетворение и самодовольство.

Все эти признаки и грязи, и лжи, и лицемерия не завещаны Буддой. Учение Будды прежде всего предусматривает самоусовершенствование и движение вперед. Указанные же запрещения показывают тупое поклонение старине. Но в ретроградстве как бы не дойти до нечленораздельных звуков праотцев? Хороша старина, пока она не мешает будущему. Но что же должно произойти, если допущена смерть прекрасного прошлого и запрещено будущее?

Тибет присваивал себе духовное преимущество над своими соседями. Тибетцы смотрят свысока на сиккимцев, ладакцев, калмыков и называют монголов как бы своими обязанными подданными. Между тем все эти народы уже растут сознанием. Лишь Тибет старается насильственно задержать шаги эволюции. А ведь посмотрите, насколько тибетский народ сам по себе тянется к удобным вещам и инструментам, облегчающим работу. Говорю эти наблюдения не с желанием унижить тибетцев. Много раз мне приходилось отмечать сметливость, поворотливость и работоспособность этого народа. Мы имели в доме нескольких тибетцев, были довольны ими и расстались друзьями. Е. И. вспоминает о своей тибетской ани, которая так хорошо и с таким достоинством сотрудничала в нашем доме. Зная эти хорошие черты тибетской природы, можно только жалеть, что народ этот не получает достаточного руководства, а те, кто мог бы руководить им, лишены этой возможности. Сердце Тибета бьется, и временный паралич некоторых членов этого организма пройдет. Ведь в истории старого Тибета мы встречались хотя и с краткими, но блестящими эпохами. Вспомним, что тибетские завоевания доходили до Кашгара и за Кукунор. Вспомним, что далай-лама Пятый, справедливо названный Великим, дал стране значительный расцвет и увенчал ее Поталой, которая и до сих пор остается, так сказать, единственным зданием Тибета. Не забудем, что целый ряд таши-лам оставил просветительные памятники и именно таши-ламы объединены понятием Шамбалы.

Временный мрак пройдет, и те, кто когда-то умели строить орлиные гнезда на горных вершинах, те опять вспомнят о славных днях бывшего Тибета и найдут решение их в современности.

Последний перевал Сепола. Легче всех прочих. Проезжаем бирюзовое озерко — месторождение реки Лачена. Скромными ручьями начинается поток, который через два дня пути уже будет шуметь и сделается непроходимым без моста. Первый аромат целебного балю и первые приземистые кедры. Впереди цветы давно невиданных рододендронов. Опять мы в Сиккиме.

Опять вереницы бронзовых полуголых сиккимцев с венками на головах несут за плечами корзины танжерингов.

В деревьях свистят и шуршат обезьяны. Огромные синие бабочки, как птицы, вспархивают перед лошадей. Все напитано разнообразной зеленью. С высот, окруженные радужным облаком, шумят водопады.

У реки Тишты на дороге к нам вышло два леопарда. Они мирно оглядели нас и, мягко ступая, скрылись в зеленой листве.

Гималаи закрывают Тибет. Где же такое сверкание, такая духовная насыщенность, как не среди этих драгоценных снегов? Нигде нет такого определительного слова, как в Сиккиме. Здесь ко всему прибавляется понятие геройства. Мужчины-герои, женщины-герои, скалы-герои, деревья-герои, водопады-герои, орлы-герои...

Не только духовные возвышения сосредоточились в Гималаях, но и физические возможности в богатстве своем создали для этой снежной страны высочайшую славу. По всему миру пробежала легенда о Жар-цвете. И в Китае, и в Монголии, и в Сибири, и в Сербии, и в Норвегии, и в Бретани вы можете услышать о чудесном огненном цветке. В конце концов, куда же приведет вас происхождение этой легенды? К тем же Гималаям!

В отрогах Гималаев растет особый вид черного аконита. Местные жители говорят, что они выходят собирать его ночью. В темноте растение светится, и они отличают его этим путем от других видов аконита. Истинно Жар-цвет растет в Гималаях!

Опять индус поет:

«Могу ли я говорить о величии Творца, если знаю несравненную красоту Гималаев».

Вы спросите меня:

«Среди всех многообразных впечатлений и заключений какое понятие особенно явилось для меня воодушевляющим?»

Без колебания скажу вам:

«Шамбала!»

II

Шамбала

Если будет произнесено здесь самое священное слово Азии — «Шамбала», вы останетесь безучастны. Если то же слово будет сказано по-санскритски — «Калапа», вы также будете молчаливы. Если даже произнести здесь имя великого владыки Шамбалы — Ригден-Джапо, даже это громоносное имя Азии не тронет вас.

Но это не ваша вина. Все сведения о Шамбале так рассеяны в литературе. На Западе нет ни одной книги, посвященной этому краеугольному понятию Азии.

Если же вы хотите быть поняты в Азии как желанный гость, вы должны встретить хозяев ваших самыми священными словами. Вы должны доказать, что эти понятия для вас не пустой звук, что вы цените их и можете ввести их в понятие эволюции.

Бурятский ученый Барадин в своем недавнем труде о монастырях Монголии и Тибета сообщает, что в последнее время в Тибете, а главное, в Монголии основываются монастыри в честь Шамбалы. В уже существующих монастырях учреждаются особые отделы Шамбалы — Шамбалин Дацан.

Для случайного читателя это сообщение будет звучать метафизически, отвлеченно или ненужно. Современному скептику эти новости не покажутся ли каким-то предрассудком? Не суеверие ли? Эти Дацаны Шамбалы потонут среди политических и коммерческих спекуляций нашего времени.

Но для знатока положения, который потрудился пройти необъятные пространства Азии, Дацаны Шамбалы зазвучат, как рог призыва. Для знающего эта новость получит значение реальности, многозначительной для будущего. В этом кратком сообщении человек, прикоснувшийся к истокам Азии, почувствует, насколько живы и реальны в Азии так называемые пророчества и легенды, идущие из незапамятной древности.

Древнейшие Веды и последующие Пураны и прочая самая разнообразная литература выдвигают необычайное значение для Азии таинственного слова — Шамбала.

И в крупных азиатских центрах, где священные понятия произносятся уже со стыдливой оглядкой, и в безбрежных пустынях Монгольской Гоби слово о великой Шамбале, или таинственной Калапе индусов, звучит как символ великого будущего. В сказаниях о Шамбале, в легендах, преданиях и песнях заключается, быть может, наиболее значительная весть Востока. Кто ничего не знает о жизненном значении Шамбалы, не должен утверждать, что он изучал Восток и знает пульс современной Азии.

Прежде чем говорить о Шамбале собственно, вспомним о мессианских понятиях, рассыпанных среди разных народностей Азии, которые при своем разнообразии сливаются в одно великое ожидание будущего.

Хорошо известны палестинские устремления к мессии. Известны ожидания великого пришествия у Моста Мирав. Народ знает и белого коня, и огненный меч, как хвост кометы, и сияющий лик великого Всадника. Ученые раввины и знатоки каббалы, распространенные по Палестине, Сирии, Персии и по всему Ирану, скажут вам многое замечательное по этому

вопросу.

Мусульмане Персии, Аравии, Туркестана торжественно хранят легенду о Мунтазаре, который в ближайшем будущем положит основание новой эре. Правда, многие муллы, когда вы скажете о Мунтазаре, начнут резко отрицать это, но если вы будете утверждать и, главное, покажете знание вопроса, они переглянутся, улыбнутся и отложат свои отрицания. Даже скажут много значительных подробностей. Они скажут, что в Исфагане стоит белый конь, уже оседланный для великого пришествия, а в Мекке уже приготовлен саркофаг для будущего пророка правды.

Высокие ученые японцы открыто говорят о грядущем Аватаре. Образованные брамины, почерпая мудрость из Вишну Пурана и Деви Бхагавата Пурана, скажут прекрасные тексты о Калки Аватаре. И прибавят, что эта новая эра в отличие от прошлых должна наступить стремительно.

Чтобы дать более реальное представление о фактах, скажем просто о том, как в жизни выявляется понятие новой эры и Шамбалы. Во всех этих понятиях, главное, нужно хранить полную правдивость. Всякая цветистость и всякое личное представление может извращать и вредить.

Мы уже знали о Шамбале из тибетского манускрипта, переведенного проф. Грюнведем, под названием «Путь в Шамбалу». Книга написана таши-ламой Третьим, одним из наиболее уважаемых святителей Тибета. Конечно, каждый читавший этот манускрипт знает, насколько трудно разобраться в громаде символов и в сложных географических намеках.

Пойдем через путевые знаки о Шамбале, встреченные в пятилетнем странствии.

В Гумском монастыре, на границе Индии и Непала, вы узнаете, вместо центрального изображения Будды, гигантское изображение Майтреи, грядущего Будды. Это изображение сделано, подобно изображению в Таши-Лунпо, святилище таши-ламы, духовного вождя Тибета. Владыка Майтреи сидит на троне, ноги его не скрещены по восточному обычаю, но опущены на землю. Это знак скорого пришествия Владыки. Монастырь Гум построен около двадцати лет назад одним ученым монгольским ламою. Лама пришел из Монголии, оставался в Тибете и затем пересек Гималаи и Сикким, чтобы основать монастырь, посвященный новой эре владыки Майтреи.

В 1924 году ученый лама, достойный ученик основателя монастыря, говорил нам, стоя перед изображением владыки будущего:

«Истинно, приблизилось время великого пришествия. По нашим пророчествам, эпоха Шамбалы уже началась. Ригден-Джапо, владыка Шамбалы, уже готовит свое непобедимое войско для последнего боя. Все его сотрудники и вожди уже воплотились. Видели ли вы танку владыки Шамбалы и его победу над злыми силами? Когда наш таши-лама в прошлом году принужден был бежать из Тибета, он взял с собою лишь немногие изображения и среди них несколько картин Шамбалы. Многие ученые ламы покинули тогда Таши-Лунпо. Только что из Тибета пришел геше ларива — лама-художник, гелонг из Таши-Лунпо. Он знает, как писать танку Шамбалы. Существует несколько вариаций на этот сюжет. Вы должны иметь в вашем доме хотя бы одну из них, где в нижней части картины изображен последний победоносный бой владыки».

Скоро затем в белой галерее Талай-потанга на желтом коврике сидел ларива — лама-художник. На особо приготовленном холсте он чертил сложную композицию. В середине изображался мощный владыка Шамбалы во всей славе своих владычных палат. Внизу шла жестокая битва. Беспощадно поражались темные враги праведного владыки. Картина была украшена следующим посвящением: «Славному Ригдену, владыке Северной Шамбалы».

Трогательно было наблюдать, с каким глубоким уважением и почитанием писал

изображение лама. Когда же он произносил имя владыки Шамбалы, он молитвенно складывал руки.

Наш приезд в Сикким как раз совпал с бегством таши-ламы из Таши-Лунпо... Все были поражены этим беспримерным действием духовного главы Тибета. Правительство Лхасы в смятении всюду разыскивало высокого беглеца. Кто-то даже был арестован.

Рассказывая об этом событии, лама добавил: «Истинно, исполняются древние пророчества. Пришло время Шамбалы. В давних веках было предсказано, что перед временем Шамбалы произойдут многие поразительные события. Многие зверские войны опустошат страны. Разрушатся многие державы. Подземный огонь потрясет землю. И Панчен Ринпоче покинет Тибет. Истинно, уже наступило время Шамбалы. Великая война опустошила страны. Погибли многие троны. Землетрясение в Японии разрушило храмы. И теперь наш почитаемый владыка покинул свою страну».

Следуя примеру духовного вождя, из Тибета прибыл один из наиболее уважаемых высоких лам — Геше Ринпоче из Чумби, которого тибетцы считают воплощением Цзон-Ка-Па. Уважаемый лама, в сопровождении нескольких лам и художников, следовал по Сиккиму, Индии, Непалу, Ладаку, всюду воздвигая изображения благословенного Майтрейи и возглашая учение Шамбалы.

Геше Ринпоче со своей многочисленной свитой посетил Талай Пхо Бранг — наш дом в Дарджилинге, где жил далай-лама. Прежде всего Ринпоче обратил внимание на изображение Ригден-Джапо, владыки Шамбалы, и сказал:

«Вижу, что вы знаете о наступлении времени Шамбалы. Ближайший путь успеха через Ригден-Джапо. Если вы знаете учение Шамбалы — вы знаете будущее».

При следующих беседах высокий лама не раз говорил об учении Калачакры, давая этому учению не столько внешнее церковное значение, но применяя его к жизни, как истинную йогу.

В 1027 году нашей эры впервые встречается учение Калачакры, возглашенное Аттишей. Оно включает высокую йогу овладения высшими силами, скрытыми в человеке, и соединения этой мощи с космическими энергиями. С древних времен лишь в немногих, особо просвещенных монастырях, были учреждаемы школы Шамбалы. В Тибете главным местом почитания Шамбалы считается Таши-Лунпо, а таши-ламы являлись распространителями Калачакры и всегда ближайше соединялись с понятием Шамбалы. Таши-ламы выдают так называемые разрешения на посещения Шамбалы.

В Лхасе особо связывается с учением Шамбалы монастырь Морулинг, известный своею ученостью. Число лам в Морулинге не превышает трехсот. Говорится, что время от времени некоторые ламы из Морулинга уходят в какое-то горное убежище в Гималаях, из которого не все возвращаются обратно. В некоторых других монастырях желтой секты практикуется учение Калачакры. Также имеется особый Дацан Шамбалы в Кумбуме на родине самого Цзон-Ка-Па и в китайском монастыре Утайшане, где настоятель монастыря написал замечательную книгу: «Красный путь в Шамбалу». Книга еще не переведена.

В монастыре Чумби сохраняется большое изображение последней битвы Шамбалы. В этой картине можно видеть множество воинов, спешащих изо всех стран мира принять участие в великой битве духовной победы.

Когда внимание устремлено в определенном направлении, тогда, как из темноты под лучом света, выясняются новые и новые подробности.

В «Шанхай Тайме», а затем во многих других газетах появилась длинная статья, подписанная Др. Лаодзин, о его хождении в долину Шамбалы. Др. Лаодзин рассказывает многие подробности своего замечательного путешествия в сопровождении йога из Непала через пустыни Монголии, по суровым нагорьям, в долину, где он нашел поселение замечательных

йогов, изучающих высшую мудрость. Он описывает библиотеки, лаборатории, хранилища, а также знаменитую башню. Эти описания поражающе совпадают с описаниями этого замечательного места из других, малодоступных источников. Др. Лаодзин описывал замечательные научные опыты волевых посылок, телепатии на дальних расстояниях, применения магнитных токов и различных лучей. Было поучительно видеть, какой огромный интерес произвели эти сообщения в различных странах.

Во время нашей поездки по Сиккиму мы встретили несколько лам, которые хотя принадлежали к красной секте, но с увлечением говорили о Шамбале и о тех новых возможностях, которые это время дает человечеству.

Ученый лама, указывая на лесистые скаты Гималаев, говорил:

«Там, внизу у потока, замечательная пещера, но спуск туда очень труден. В пещере Кандро Сампо, недалеко от Ташидинга, около горячих ключей, жил сам Падма Самбхава. Некий гигант вздумал строить проход на Тибет и пытался проникнуть в священную страну. Тогда поднялся благой Учитель, возвысился ростом и поразил дерзкого попытчика. Так уничтожен был гигант. И теперь в пещере стоит изображение Падмы Самбхавы, а за ним каменная дверь. Знают, что Учитель скрыл за дверью священные тайны для будущего, но сроки им еще не пришли».

Другой лама передавал:

«Предание из старой тибетской книги. Под символическими именами названы там передвижения далай-ламы и таши-ламы, уже исполнившиеся. Описаны особые физические приметы правителей, при которых страна подпадет под обезьян. Но затем оправится, и тогда придет некто очень большой. Его прихода срок можно считать через двенадцать лет. Это выйдет 1936».

Среди сумерек гелонг рассказывает о владыке Майтрейе:

«Человек двенадцать лет искал Майтрейю Будду. Нигде не нашел. Разгневался и отказался. Идет путем. Видит, странник конским волосом пилит железную палку. И твердит:

— Если даже жизни моей не хватит, все-таки перепилю.

Смутился человек:

— Что значат мои двенадцать лет перед таким упорством? Вернусь я к моим исканиям.

И тогда явился человеку сам Майтрейя Будда и сказал:

— Давно уже я с тобою, но не замечаешь и гонишь и плюешь на меня. Вот сделаем испытание. Пойди на базар. Я буду на плече твоём.

Пошел человек, зная, что несет бога, но шарахнулись от него люди. Разбежались. Носы заткнули и закрыли глаза.

— Почему бежите вы, люди?

— Что за ужас у тебя на плече? Вся в язвах смердящая собака.

И опять не увидели люди Майтрейю Будду. И увидели, чего каждый достоин».

Чуткие здесь люди. Ваши ощущения и намерения передаются здесь так легко. Потому знайте четко, чего хотите. Иначе вместо бога увидите собаку.

Старый настоятель Ташидинга рассказывал:

— Наш храм очень стар. Уже много лет я оставался на ночь в храме, кончая и начиная день в молитве. Однажды я имел сонное видение. Две женщины, одетые по-тибетски, предупредили меня о необходимости спешно выйти из храма. Я последовал, и не успел я выйти из двери, как рухнула вся стена, около которой я спал. Так благословенные Тары спасли мою скромную жизнь. И приняли они в видении вид тибетских женщин, чтобы не испугать меня. Время Шамбалы приходит, и много замечательных знаков будет явлено.

Старый настоятель знал много других явлений. Он слышал беззвучные голоса, подобно великому отшельнику Миларепе. Он слышал полет невидимых птиц и пчел. В день нашей

беседы перед зарею он имел видение: по вершинам гор зажглись гирлянды огней.

Огненные знаки сопровождают эру Шамбалы.

Говорю так, как слышал на месте видений. Нас не должна отталкивать необычность образов. Мы должны знать вещи так, как они происходят в наши дни в разных странах. Насколько надо понять местную чувствительность, вы увидите из следующего случая, бывшего с нами. Жена моя хотела иметь старинное изображение Будды. Но это не так легко, ибо старинные изображения редки и собственники их не расстаются с ними. Мы поговорили между собою на чуждом здесь языке и оставили дело до лучшего случая. Каково же было наше изумление, когда через несколько дней к нам приходит лама и с поклоном достает из-за пазухи отличное изображение Будды тибетской работы со словами:

— Госпожа хотела иметь Будду. Во сне мне явилась Белая Тара и указала отдать вам изображение Благословенного с моего алтаря.

Так мы получили давно желанное изображение.

Или другой незабываемый случай около Гума. Мы четверо после полудня ехали в моторе по горной дороге. Вдруг наш шофер замедлил ход. Мы увидали на узком месте портшез, несомый четырьмя людьми в серых одеждах. В носилках сидел лама с длинными черными волосами и необычной для лам черной бородкой. На голове была корона, и красное с желтым одеяние было необыкновенно чисто.

Портшез поравнялся с нами, и лама, улыбаясь, несколько раз кивнул нам головою. Мы проехали и долго вспоминали прекрасного ламу. Затем мы пытались встретить его. Но каково же было наше изумление, когда местные ламы сообщили нам, что во всем краю такого ламы не существует. Что в портшезе носят лишь далай-ламу, таши-ламу и высоких покойников. Что корона надевается лишь во храме. При этом мы шептали: «Верно, мы видели ламу из Шамбалы».

Другой тибетский лама во время посещения памятных мест Индии около станции Амбала встретил в вагоне индусского садху, не знавшего по-тибетски. Случайно лама заговорил с садху по-тибетски, а тот ответил ему на индустани, и оба поняли друг друга. Когда лама рассказывал нам про эту необычайную беседу, он добавил:

— Только во время Шамбалы языки будут понимаемы без знания слов и знаков. Мы слышим и понимаем не внешним звуком и видим не телесным глазом, но третий глаз — глаз Браммы, это есть глаз всезнания. Во время Шамбалы мы не будем нуждаться в телесном глазе. Мы будем в состоянии пользоваться великими скрытыми силами.

На вершинах Сиккима, в Гималайских отрогах, среди аромата балю и цвета рододендронов опять лама, подобный средневековому изваянию, указал на пять вершин Кинчинджунги и сказал: «Там находится вход в священную страну Шамбалы. Подземными ходами через удивительные ледяные пещеры немногие избранные даже в этой жизни достигали священное место. Вся мудрость, вся слава, весь блеск собраны там».

Другой лама красной секты сказал нам про чудесных азаров индусского вида, длинноволосых, в белых одеждах, иногда появляющихся в Гималаях.

Эти мудрые люди знают, как управлять внутренними силами и как объединять их с космическими токами. Глава медицинской школы в Лхасе, старый ученый лама, лично знал таких азаров и сохранял с ними непосредственные отношения.

«Стэтсмэн», наиболее позитивная газета Индии, опубликовала следующий рассказ британского майора:

«Во время странствия в Гималаях однажды еще до зари майор из лагеря вышел на соседний утес. Он наблюдал величественную гряду снеговых великанов. Через пропасть от него в утреннем тумане возвышался другой утес. Велико было изумление майора, когда на противоположном утесе он явственно усмотрел очертание высокого человека с длинными

волосами, почти нагого. Опершись на высокий лук, незнакомец наблюдал что-то по ту сторону скалы. Затем молчаливый страж точно заметил что-то. Мощными прыжками он бросился вниз по почти отвесному склону. В полном удивлении майор вернулся в лагерь и спросил местных слуг об этом странном явлении. Но к его еще большему удивлению, его вопрос был принят совершенно спокойно. Почтительно было отвечено ему: «Саиб видел снежного человека, который охраняет заповедную страну».

Мы спросили ламу об этом рассказе о снежных людях, и опять ответ пришел удивительно спокойный и утвердительный.

«Очень редко можно увидеть этих снежных людей. Они преданные хранители некоторых гималайских областей. Там скрыты священные ашрамы махатм. Раньше даже в Сиккиме находилось несколько подобных ашрамов».

«О, — добавил он, — эти мудрые махатмы, они в вечных трудах направляют нашу жизнь. Они управляют внутренними силами и в то же время, как совершенно обычные люди, они появляются в разных местах и здесь, и за океанами, и по всей Азии».

К нашему удивлению, наш друг упомянул историю, которая уже вошла в западную литературу, как один из махатм по какой-то неотложной причине предпринял спешную поездку в Монголию, оставаясь в седле по шестидесяти часов.

Какое это особое ощущение, когда в далеких горах в живом изложении вы слышите то, что вы на далеких страницах книг видели за океаном. Этот простой рассказ без всякого личного повода дает особое убеждающее впечатление.

Правда, многие вещи, которые нам кажутся фантастическими выдумками и сказками, вне личного преломления, на самых местах происшествий освещаются особым светом правды. Величественные образы махатм не проходят перед вашими глазами как призраки, но как великие существа от тела и крови, как действительные Учителя высшего знания и мощи.

Вы, может быть, спросите меня, почему, говоря о Шамбале, я упоминаю великих махатм? Ваш вопрос может иметь основание, потому что до сих пор в литературе эти великие понятия, за недостатком осведомления, оставались совершенно разделенными. Но зная литературу о великих махатмах и изучая сведения о Шамбале на местах, высокопоучительно видеть объединительные знаки этих понятий и, наконец, понимать, как они близки в действительности. В индусской литературе в Вишну Пуране вы можете найти указания, которые одинаково будут понятны как изучающим учение махатм, так и преданным ученикам мудрости Шамбалы.

В старых писаниях находятся указания о новой сужденной эре, о великих аватарах, приходящих для спасения человечества. О священном городе Калапа и о попытках Архатов поднять спящий человеческий дух один раз в каждом столетии. Мы видим в учении великих махатм те же указания, которые мы узнаем в писаниях и преданиях о Шамбале. В санскрите, индустан, на китайском, на турецком, на калмыцком, монгольском и тибетском языках и в множестве мелких азиатских наречий выражены те же идеи, те же мысли относительно будущего.

Иногда вы можете даже подозревать какие-то общемессианские идеи, занесенные несторианами и манихеями. Но исследуя предмет на местах, среди самых различных национальностей, разделенных между собою безбрежными пустынями и многими тысячами миль, вы видите, что эти учения несравненно древнее мессианизма и они связаны не столько с представлением о личности, но именно с идеями о новой эре, вооруженной мощными силами космических энергий.

В основных учениях Будды уже можно усмотреть намеки на будущие достижения человечества. Под символом железного змия, окружающего землю и переносящего тяжести для человечества, узнаются символы железных дорог. Под символом летающих железных птиц

можно понять аэропланы. В указаниях на жизни на различных звездах и в намеках на разные состояния человеческого существа вы можете распознать те самые проблемы, которые только недавно с поразительной медлительностью подтверждаются наукой; жизнь на планетах, открытия в области астрального мира только очень недавно вышли из пределов насмешки игнорантов.

Действительно, так странно узнавать объединительные знаки между древнейшими традициями Вед и новыми формулами Эйнштейна. Но должны не забыть, что уже Будда пришел поднять падающую и извращенную культуру и указать на тончайшие космические энергии. Лишь совсем недавно в области Карачи и Лагора были найдены остатки древних городов от 5000 до 6000 лет, показывающие на высокую древнейшую культуру Индии. Эта культура напоминает одну из культур суммарийских или эламских. Много цилиндров с надписями, напоминающими вавилонские, найдены в этих развалинах, и, когда их удастся прочесть, они, вероятно, дадут новую страницу человеческой жизни. Без этих открытий еще совсем недавно расцвет индусского Средневековья обрывался на нескольких столетиях до нашей эры.

Голоса древних сказаний и позднейшей записи древнейших заветов долетали, как из неизвестного пространства. Но теперь эти новейшие открытия дают реальное основание для древней мудрости. От этих путевых знаков мы уже можем реально мыслить о данных Платона, о разрушении Посейдониса, последнего оплота Атлантиды.

Итак, можно видеть, что многие символы и многие знаки фактически гораздо древнее, нежели ошибочные определения науки последнего столетия. Многие понятия кажутся совершенно разделенными, без всякой связи, но при внимательном, а главное, беспредрассудочном изучении оказываются родственными.

Пример. Казалось бы, что общего имеет старый буддизм с ранним христианством? Но уже Ориген, один из самых ранних писателей христианских, упоминает буддистов в Британии. Конечно, проповедники царя Ашоки могли проникать даже к далеким британским островам. Культ змия Шотландии имеет аналогии с культом китайского дракона и со змием Индии. Всемирный знак креста проходит все тысячелетия, через Египет, через свастику к несказуемой древности.

С особым ощущением слушаете вы старые пророчества и сказания, которые являются для образованных лам и браминов мудрым учением жизни.

Чтобы войти в эту атмосферу, послушаем отрывки из Вишну Пуран и перевод тибетских пророчеств.

Среди заветов Цзон-Ка-Па находится сообщение, что архаты каждое столетие делают попытку просвещения мира. Но до сих пор ни одна из этих попыток не удалась. Сказано, что лишь когда таши-лама согласится быть рожденным в стране Пелингов, т. е. на Западе, и явится как духовный воитель, только тогда будут разрушены ошибки и невежество веков.

В 1924 году из Тибета пришла в Сикким м-с Дэвид Ниель и в своих статьях сообщила много новых сведений о Гессар-хане, легендарная личность которого имеет так много общего с Ригден-Джапо, владыкою Шамбалы. Были принесены древние пророчества о Гессар-хане, о его непобедимом воинстве и о походе для очищения Лхасы от нечестивцев. В своей статье «Будущий герой Севера» Дэвид Ниель говорит:

«Гессар-хан — это герой, новое воплощение которого произойдет в Северной Шамбале. Там он объединит своих сотрудников и вождей, сопровождавших его в прошлой жизни. Они все также воплотятся в Шамбале, куда их привлечет таинственная мощь их владыки или те таинственные голоса, которые слышимы лишь посвященными».

Владыка Гессар-хан идет с непобедимым войском, чтобы уничтожить нечестивые элементы Лхасы, и водворяет всеобщую справедливость и благосостояние. В Тибете мы могли

удостовериться в распространенности этого предания. Нам говорили о дворе Гессар-хана в К'аме, где собраны мечи его воинства, служащие балками этого замка. Стрела — это знак Гессар-хана. Стрела — это молния, и наконечники стрел, находимые в полях, принято считать отвердевшей громовой стрелой. Война объявляется посылкою стрелы. Приказ о вооружении, как мы видели, навертывается на стрелу. Гессар-хан вооружен громовыми стрелами, и сужденное войско скоро готово выйти из заповедной страны на спасение мира.

Тот, кто умеет читать тайные руны, поймет, на какую новую эпоху торжества духа указывают символы.

Вспомним тибетские пророчества о Шамбале и о Майтрейе.

Пророчества о Шамбале и Майтрейе

Сокровища с Запада возвращаются. По горам зажигаются огни радостей.
Посмотрите на дорогу — идут носящие камень. На ковчеге знаки Майтрейи.
Из священного царства срок указан, когда расстелить ковер ожидания.
Знаками семи звезд откроются врата.

Огнем явлю моих посланных.

Соберите предуказания счастья вашего.

Так исполняются предсказания предков и писания мудрых.

Найдите ум встретить назначенное, когда в пятом году появятся вестники воинов Северной Шамбалы. Найдите ум встретить их и принять новую славу.

Дам мой знак молнии.

Указ Гессар-хана:

«У меня много сокровищ, но могу дать их моему народу лишь в назначенный срок.

Когда воинство Северной Шамбалы принесет копие спасения, тогда открою горные тайники и разделите с воинством мои сокровища поровну и живите в справедливости.

Тому моему указу скоро поспеть над всеми пустынями.

Когда золото мое было развеяно ветрами, положил срок, когда люди Северной Шамбалы придут собирать мое имущество.

Тогда заготовит мой народ мешки для богатства, и каждому дам справедливую долю».

«Можно найти песок золотой, можно найти драгоценные камни, но истинное богатство придет лишь с людьми Северной Шамбалы, когда придет время послать их».

Так заповедано.

Приходящий Майтрейя изображается со спущенными ногами — символ спешности.

Явление Майтрейи сказано после войн, но последние войны будут за истинное Учение.

Причем каждый восставший против Шамбалы будет поражен во всех делах своих. И волны будут смывать дом его, и даже пес не придет на зов его.

Не тучи, но молнии будет видеть он в последнюю ночь.

И огненный вестник встанет на столбах света.

Учение указывает, как каждый воин Шамбалы наречется непобедимым.

Сам владыка спешит, и знамя его уже над горами.

Благословенный Будда посылает вам любимого Майтрейю, чтобы вы могли приблизиться к Общине. Ваши пастбища протянутся на заповеданную землю.

Когда вы стережете стадо, не слышите ли голоса в камнях? Это работники Майтрейи готовят для вас сокровища.

Когда ветер свистит в ковыле, понимаете ли, что это стрелы Майтрейи летят на защиту?

Когда молния озаряет ваши улусы, знаете ли вы, что это свет вашего желанного Майтрейи?

Кому же поручается стража в первую ночь? — Вам.

К кому же направляются мои посланные? — К вам.

Кто встретит их первыми? — Вы.

С запада, с гор придут мои люди. Кто же примет их и сохранит их? — Вы. Молите Тару побыть с вами.

Желайте сердца омыть до прихода моего. Каждый узнавший о моем желании покроет шапку красным верхом и обернет налобник узды красной тесьмой.

Смотрите пристально на кольца приходящих. Там, где моя чаша, там ваше спасение.

На горах зажглись огни, приходит новый год. Кто проспит, тот более не проснется.

Северная Шамбала идет.

Мы не знаем страха. Мы не знаем уныния.

Дуккар многоокая и многорукая посылает нам чистые мысли.

Подумайте чистыми мыслями, подумайте светлыми мыслями.

Раз, два, три — вижу три народа. Раз, два, три — вижу три книги. Первую — самого Благословенного, вторую — явленную Асвагошею, третью — явленную Тзон-Ка-Па.

Раз, два, три — вижу три книги прихода Майтрейи. Первая написана на Западе, вторая написана на Востоке, третья будет написана на Севере.

Раз, два, три — вижу три явления. Первое с мечом, второе с законом, третье со светом.

Раз, два, три — вижу три коня. Первый черный, второй красный, третий белый.

Раз, два, три — вижу три корабля. Первый на воде, второй под водою, третий над землею.

Раз, два, три — вижу три орла. Один — сидящий на камне, второй — клюющий добычу, третий — летящий к солнцу.

Раз, два, три — вижу ищущих свет. Луч красный, луч синий, луч белый — серебряный.

Утверждаю, что Учение вышло из Бодхи Гайя и вернется туда.

Когда шествие с изображением Шамбалы пойдет по землям Будды и вернется к первоисточнику, тогда наступит время произнесения священного слова Шамбала. Тогда можем получить пользу от произнесения этого слова.

Тогда мысль о Шамбале даст пищу, тогда утверждение Шамбалы станет началом всех действий и закончится благодарностью Шамбале.

И великое и малое проникнется понятием Учения.

Священная Шамбала изображается среди мечей и копий в непобедимом доспехе.

Торжественно утверждаю — непобедима Шамбала.

Завершился круг несения изображения.

В местах Будды, в местах Майтрейи пронесено изображение.

«Калагия» — произнесено.

Как знамя, развернулось изображение.

Сказанное так же верно, как под камнем Гума лежит пророчество о священной Шамбале.

Обойдет знамя Шамбалы срединные земли благословенного, признавшие его возрадуются и содрогнутся отвергшие. Спросит таши-лама великого далай-ламу, что суждено последнему далай-ламе.

Отвергнувший будет предан суду и забвению, и пойдет воинство под знаменем Майтрейи, и станет город Лхаса омраченным и пустым.

Восставшие против Шамбалы низвергнуты будут.

Как кровь, отчет знамя Майтрейи земли нового мира для затемненных и как огненное солнце для понявших.

Найдет таши-лама великого далай-ламу, и скажет далай-лама: «Пошлю тебе лучший знак мой молнии, иди и прими Тибет. Кольцо сохранит».

Вспомним также индусские традиции.

Калки Пураны указывает Калки Аватара, который придет:

«По желанию вашему, я буду рожден в месте Шамбала... Я снова поставлю на земле двух владык — Мару и Девапи. Я утвержу опять Сатуаюгу и восстановлю Дхарму в ее прежней силе. После поражения Калиюги я возвращусь в мое местопребывание».

Вишну Пураны продолжают:

«Девапи и Мару... живущие в месте Калапа, исполненные великой йогической мощи, в конце Калиюги восстановят Варну и Дхарма Ашрам, как ранее».

Шримад Бхагавата в книге VI говорит:

«Эти великие Риши и другие великие подвижники, добровольно незамеченные, шествуют по лицу земли с целью духовного просвещения тех, которые следуют великим заветам».

Шанкарачария в его Вивека Чудамани говорит:

«Эти великие, которые вместили мир, которые окончили путь через ужасающий океан рождений и смертей, существуют и шествуют для блага, подобно весне. Без всякой личной цели они освобождают человечество».

Вишну Пураны говорят о конце Калиюги, когда варвары будут владеть берегами Инда:

«И будут временные монархи на земле, цари сварливые, жестокого нрава, прилежащие ко лжи и ко злу. Они будут убивать женщин и детей... Они отнимут собственность подданных. Жизнь их будет коротка и вожделения ненасытны. Люди разных стран соединяются с ними... Богатство будет уменьшаться, пока не истощится весь мир.

Имущество станет единым мерилем. Богатство будет причиной поклонения. Страсть будет единственным союзом между полами. Ложь будет средством успеха на суде. Женщины станут лишь предметом вожделения. Богатый будет считаться чистым. Роскошь одежд будет признаком достоинства...

Так в Калиюге будет постоянное падение... И тогда в конце черного века явится Калки Аватар... Он восстановит справедливость на земле... Когда Солнце, и Луна, и Тишья, и Юпитер

будут вместе, тогда вернется Сатиа — век белый».

Агни Пураны говорят следующее:

«В конце Калиюги смешаются касты. И будут процветать разбойники без пощады. Под личиною религии будут проповедовать ересь. И злые духи под видом владык будут раздирать людей. В доспехе вооруженный Калки, сын Вишнуяши, уничтожит злых духов, восстановит порядок и достоинство и поведет народ по пути истины. Исполнив это, он оставит облик Калки и вернется в высшие сферы. После чего Критаюга установится, как ранее».

Продолжим наше хождение пилигрима через Бенарес, где, сказано, будет рожден Майтрейя. Пересечем старую дорогу на Кадарнат, ведущую к великому Кайласу, местопребыванию мощных отшельников, и к путевому знаку на Шамбалу. Пройдем затем Лагор с соседними старинными областями.

Дойдем до Кашмира, где трон Соломона и так называемая гробница Иисуса. В Кашмире жили великие подвижники первоначального буддизма — там произносилось имя Майтрейи.

Достигнем границы Ладака. В Драсе, в месте с рисунками старого Неолита на скалах, мы найдем первое изображение Майтрейи. Рядом с ним на камне можно увидеть изображение всадника. Опять великий всадник Калки Аватар Индии и Майтрейя, завещанный буддизмом, стоят вместе, на одном пути, благословляя путников.

В Маулбеке, в древнем месте, наполненном развалинами, можно вспомнить о прекрасном прошлом. У самой дороги, где с древнейших времен проходят караваны, мы были приветствованы величественным изображением Майтрейи, вероятно изваянным рукой индуса.

На обратной стороне скалы китайская надпись. Не есть ли это то самое замечательное изображение, которому Фа-Сиен, знаменитый китайский путешественник, посвятил почтительное описание в своих записках.

Даже в Ламаюре, в этом старом месте Бонпо, этой не объясненной еще полушаманистской религии, к нашему великому изумлению, мы нашли изображение Майтрейи.

Странно было найти его в храме Бонпо, где даже отрицается сам Будда. Но этот призыв к будущему, как видно, проникает даже в самые неожиданные места.

В Саспуле — еще более древнее изображение Майтрейи, не моложе шестого века. Старый лама, показывая нам эту достопримечательность, шептал о скором наступлении новой эры. В этом маленьком уснувшем месте, окруженном развалинами прежних крепостей и храмов на вершинах гор, было так странно слышать о блестящем будущем. Но именно эта преданность будущему дает даже заброшенным местам не только смысл о прошлом, но делает их путевыми вехами к сужденным достижениям.

Только покажите старому ламе, что вы понимаете его говор не только грамматически, но и внутренне, и он добавит вам еще многие замечательные указания. Если же покажете ему еще пророчества, полученные вами в Индии или Сиккиме, посмотрите, с каким оживлением попросит он у вас разрешения списать их. Будьте уверены, он не сохранит их только для себя, но бродячие ламы понесут к другим одиноким местам эти знаки возрождения.

Как крепость, высоко на скалах стоит один из старейших монастырей Спитуг.

Старший лама этого монастыря, видимо, сомневался, как принять нас и о чем беседовать с нами. Так что первый момент нашего посещения был довольно сдержан. Но мы произнесли формулу Шамбалы, и главная дверь широко открылась. Мы были приглашены в верхнюю живописную комнату воплощенного ламы, поразившую нас и чистотой, и приветливостью. Вместо натянутой беседы мы были сразу спрошены, откуда мы знаем о Шамбале, и опять многие новые подробности были произнесены. И мы увидели, что наши хозяева были искренно огорчены, когда пришло время оставить их. Шептали они: «Кто-то с Запада и знает о Шамбале: это знак нового времени!»

В Лех, столице Ладака, особенно много собралось воспоминаний о Гессар-хане и Шамбале. Ладак считается родиной Гессар-хана, и махараджи Ладака ведут свой род от этого героя. Много прекрасных романтических песней и сказаний посвящено великому герою Гессар-хану и его жене Бругуме. Здесь в Ладаке вы можете видеть на высоких скалах белую дверь, ведущую в замок Гессара. Здесь же на скале изображение огромного льва, соединенное с тем же героем. А на дорогах вы можете видеть разнообразные изображения Майтрейи, и грубые, и заботливо обработанные. В самом Лех около храма Будды и Дуккар, Матери Мира, находится особый, очень тонко украшенный храм, посвященный Майтрейе. В молчании сумерек высокого храма вы различаете на стенах тонко написанные изображения бодхисаттв. А в середине, высотой в два этажа, опять готовый сойти с трона, высится сам великий Майтрейя. Этот храм особенно украшен. И вы видите какое-то особое почитание лам около великого изображения.

Один из наших западных друзей, невежественный в делах буддизма, смотря на танку Шамбалы, сказал мне: «Мне кажется, что это совершенно обыкновенное тибетское знамя».

Я спросил его: «Если это совершенно обыкновенное изображение, как часто и где именно вы видели этот сюжет?»

И он признался простодушно: «Конечно, может быть, не совсем этот, но какой-то такой же с какими-то буддами».

Когда вы знаете сложное значение восточных символов и буддистской иконографии, тогда особенно странно слышать такое легкомысленное замечание о «каких-то буддах». Вы можете представить себе, какое впечатление может произвести этот господин, толкующий «о каких-то буддах», в восточном храме, где он начнет простодушно обсуждать неизвестные ему вещи. Для некоторых людей каждый, сидящий со скрещенными ногами, — уже Будда. А ведь через это незнание происходили тяжкие недоразумения.

Один образованный буддист рассказывал нам, как он спас трех немцев, которые вошли в храм с сигарами во рту, и добродушная толпа немедленно обратилась в бешенство, и кровопролитие казалось неминуемо.

Мы должны знать не только потому, что мы не должны оскорблять чувства иноверцев, но потому, что мы должны расширять свой взгляд и тем получать радость истинного знания.

Вспомним некоторые ладакские песни на религиозные темы. Прежде чем мы приблизились к суровому Сассеру и Каракоруму, в последний раз мы встретили изображение Майтрейи в пограничном монастыре Сандо-линг. Этот монастырь знаменит тем, что на скале за ним лучи заходящего солнца очень часто создают удивительные облики. Это очень старый и даже внешне уже ветшающий монастырь. И тем неожиданнее было найти здесь совершенно новое изображение Майтрейи, Шамбалы и Дуккар. Глядя на эти новые изображения, можно представить себе, куда движется местная современная мысль.

В продвижение многодневного прохода через необитаемое нагорье, конечно, нельзя ожидать найти какие-либо следы религиозной жизни. Тем не менее даже около ледников несколько раз обстоятельства напомнили нам великие имена будущего.

Поздним вечером как раз перед переходом скалистого Караул-Давана нас посетил неожиданный гость, старый седобородый мусульманин. Окруженные огромными скалами, сидя перед входом в палатку, залитые яркой луной, мы беседовали о Коране и Магомете. Он говорил нам о том, как Магомет уважал женщину. Затем он говорил о манускриптах и легендах об Иссе, лучшем из сынов человеческих, Исса — это Иисус. Он говорил, как мусульмане жадно собирают всеми способами все относящееся до Иссы. После Иссы мы толковали о Мунтазаре, этом ответственном понятии индусскому Калки Аватару и Майтрейе буддистов. Наш неожиданный друг вошел в полный энтузиазм. На его губах имя Майтрейи звучало с тем же уважением, как и имя Мунтазара. Будущее единение мира, будущие радости взаимного понимания звучали в его

надеждах.

Пройдя четыре снеговых перевала, уже в пустынном нагорье, мы опять увидели картину будущего. В долине, окруженной высокими острыми скалами, сошлись и остановились на ночь три каравана. При закате я заметил необычную группу. На высоком камне была помещена многоцветная тибетская картина, перед нею сидела тесная группа людей в глубоком почтительном молчании. Лама в красных одеждах и в желтой шапке, с палкою в руке что-то указывал зрителям на картине и ритмично сказывал объяснения. Подойдя, мы увидели знакомую нам танку Шамбалы. Лама пел о бесчисленных сокровищах владыки Шамбалы, о его чудесном перстне, обладающем великими силами. Далее, указывая на битву Ригден-Джапо, лама говорил, как без милости погибнут все злые существа перед мощью справедливого владыки.

Горят костры, эти светляки пустыни. Опять сгрудились у огня разноплеменники. Все десять пальцев в восхищении подняты высоко.

Может быть, говорится, как благословенный Ригден-Джапо является, чтобы отдать приказ своим вестникам. Вот на черной скале Ладака появляется могущественный владыка. От всех сторон стремятся к нему вестники-всадники, чтобы в глубоком почтении принять приказ, а затем понестись по всему миру, неся заветы великой мудрости.

В Ладаке впервые мы встретились с замечательным обычаем лам. В ненастную погоду они всходят на вершины и с молитвами разбрасывают маленькие изображения коней в помощь страждущим путникам. Вспомнилось сказание Северной Двины, где Прокопий Праведный за неведомых плавающих молился, сидя на высоком берегу мощной реки. Знаки человеколюбия!

Спускаясь с гор к пескам Такламакана, встречая только мусульман, сартов или китайцев, видя лишь мечети и китайские храмы Хотана, вы не можете ожидать что-либо о Шамбале. Но именно здесь мы встретились с еще одним ценным указанием. Вокруг Хотана имеется много развалин старых буддийских храмов и ступ. Одна из этих древних ступ окружена сказанием. Указывается, что при наступлении времени Шамбалы от этой ступы будет излучаться таинственный свет.

Указывается, что этот свет уже был виден.

Много калмыков из Карашара приходят оказать почтение этому месту. Также указывается, что через эти именно места сам Будда проходил во время пути своего к Алтаю.

Во время наших стоянок в Яркенде, Кашгаре и Кучаре мы слышали такие сказания:

«В Кашгаре жил святой человек На заре он слышал, когда поют петухи в далекой священной стране, за шесть месяцев пути отсюда».

Между Марал Ваши и Кучарами наш конюх Сулейман, указывая на гору к юго-востоку, говорил:

«Вот за тою горою живут святые люди. Ушли они от мира, чтобы спасти людей мудростью. Многие ходили в их страну, но мало кто дошел. Знают, что надо идти за эту гору. А как зайдут за нее, так и потеряют дорогу».

Вы легко можете понять, что эти сказания имеют в виду то же самое место Шамбала. Даже географическое направление, даваемое при этих рассказах, относится к местонахождению средоточия всех народов.

После мусульманских городов в пустых пещерных храмах существующий и теперь буддизм показался в области Карашахра.

Карашахр является не только средоточием карашахрских калмыков, но и последним упомянутым историографами местопребыванием чаши Будды. Чаша благословенного была перенесена сюда из Пешавара и затем исчезла. «Чаша будет снова найдена при наступлении времени Шамбалы».

Пурушаиура, или Пешавар, некогда был городом чаши Будды. Принесенная туда после

смерти Учителя, чаша в течение долгого времени была предметом преклонения. Во времена китайского путешественника Фа-Сиена, около 400 года нашей эры, чаша еще находилась в Пешаваре и нарочно для нее выстроенном монастыре. Она представляла разноцветный сосуд с преобладающим черным цветом, причем были очень заметны линии краев четырех чаш, вошедших в состав ее.

Во время другого китайского путешественника Сюан-Цзана, около 630 года нашей эры, чаши уже не было в Пешаваре. Она была в Персии или уже в Карашахре.

Чаша Будды чудотворна и неистощима — это чаша жизни.

Вспомним о почитании чаши бессмертного напитка, о борьбе из-за которого так поэтично повествует Махадхагарата. Индра берет от царя Нагов чашу и относит ее на небо. У мусульман в Кандахаре есть тоже своя святая чаша.

По персидским сказаниям, когда Джемшид стал рыть основания города Истакара, была найдена волшебная чаша «Дшами Джемшид», из бирюзы, полная драгоценного напитка жизни.

Сказания Соловецкого монастыря о ветхозаветных лицах упоминают чашу Соломона: «Велика чаша Соломона, сделана из драгоценного камня. В ней написаны три стиха самарейскими письменами, и никто истолковать их не может».

В Харране имеется священная чаша Фаа Фага. Из нее пьют принимающие участие в мистерии и на седьмой день возглашают:

«Учитель, да возвестится неслыханное!»

В обрядах ведизма, буддизма, маздоизма всюду является священный символ чаши жизни.

Джатака рассказывает о происхождении чаши Будды:

«Тогда с четырех стран пришедшие четыре хранителя мира поднесли чаши, сделанные из сапфира, но Будда отказался. Снова они предложили четыре чаши, сделанные из черного камня мугаванна, и он, полный сострадания к четырем учениям, принял четыре чаши. Одну в другую поставил и приказал: да будет одна! И края четырех чаш стали видимы только как черты. Все чаши вошли в одну чашу. Тогда Будда в эту новосделанную чашу принял пищу и, насытившись, совершил благодарение».

Лалита Вистара, рассказывая о таинстве чаши Будды, приписывает благословенному следующие значительные обращения к царям принести чаши: «Поклонись чашею Будде и ты будешь в чаше, как в сосуде познания». «Предложив чашу нам подобному, не будешь оставлен ни памятью, ни суждением». «Кто дает чашу Будде, тот не будет оставлен ни памятью, ни мудростью».

Эта чаша — ладья жизни, чаша спасения — скоро снова должна быть найдена. Так знают в пустынях.

<...>

Когда приближаетесь к Турфану, то еще большее количество легенд доходит до вас. Древние буддийские пещерные храмы, подземные ходы, наконец, старые подземные арыки для орошения — все это придает необычайность этой местности. Опять все это приводит к тому же понятию о далекой священной стране, где живут мудрые люди, готовые помочь человечеству.

Рассказывается:

«Из пещеры как-то вышел незнакомый человек, высокий и не в нашей одежде. Пришел на базар в Турфан. Хотел овощи купить, только дает за них золотую монету, а как рассмотрели ее, видим, что таких денег уже тысячу лет как не бывало. Этот человек пришел из святой страны».

Или говорят:

«Вышла из подземелья женщина. Ростом высокая. Ликом строгая и темнее наших. Ходила по народу — помощь творила, а затем ушла назад в подземелье. Тоже приходила из святой страны».

«Несколько всадников совсем особого вида были видны около пещеры. А затем исчезли они. Должно быть, ушли через подземный ход в свою страну. По их ходам даже на коне проехать можно».

И сколько таких неизвестных всадников-посланцев привлекает внимание.

Перед Зайсаном наш калмыцкий лама указывает на юго-восток, где серебрится снегами хребет:

«Вот там священная наша гора Саур. С вершины ее в ясные дни видны горы священной страны. Под горою засыпан песком город Аюши-Хана. Можно видеть еще и стены, и храмы, и субурганы».

Глуше и дичее становятся горы от Чугучака к Алтаю. Странно впервые увидеть ойротских наездников — финно-тюркский род, затерянный в Алтайских горах. Только недавно эта область, полная прекрасных лесов, гремящих потоков и белоснежных хребтов, получила собственное имя — Ойротия. Страна благословенного Ойрота, народного героя этого уединенного племени. И еще чудо случилось в этой стране, где до последнего времени грубые формы шаманизма и колдовства процветали.

В 1904 году молодая ойротская девушка имела видение. Явился ей на белом коне сам благословенный Ойрот. Сказал ей, что он вестник Белого Бурхана и придет сам Бурхан скоро.

Дал благословенный девушке-пастушке много указаний, как восстановить в стране праведные обычаи и как встретить Белого Бурхана, который воздвигнет на земле новое счастливое время. Девушка созвала свой род и объявила эти новые указания благословенного, прося сородичей закопать оружие, разрушить идолов и молиться только милостивому Белому Бурхану. На вершине лесистой горы было установлено подобие алтаря. Там собирался народ, сожигали вереск и пели вновь сложенные священные песни, трогательные и воздымающие. Одна звучит так:

*Вы, живущие за белыми облаками —
За синими небесами —
Три Курбустана!
Ты, носящий четыре косы —
Белый Бурхан!
Ты, владыко Алтай —
Белый Бурхан
Ты, населяющий вокруг себя
Народы, в золоте и серебре,
Белый Алтай!
Ты, сияющий днем!
Ты — солнце Бурхан!
Ты, сияющий ночью!
Ты, месяц Бурхан!
Пусть зов мой запишется
В священную книгу Садур!*

Местная администрация смутилась, узнав об этой новой вере, как они называли ее. Мирные почитатели Белого Бурхана подверглись жестокому преследованию. Но наставления благословенного Ойрота не погибли. До сих пор всадник на белом коне появляется на горах Алтая и растет вера в Белого Бурхана. В разбросанных юртах шепчется легенда, что на реке

Кагуни произойдет последняя битва людей и что из-за далекой Белой горы сияет уже свет Белого Бурхана. И при этих словах головы собеседников обращаются на юг от Алтая, туда, где далеко вздымаются высочайшие горы, сверкающие в снежном уборе. Такое случилось среди ойротов в Алтайских горах.

В тех же горах и другое чудо замечено, и опять в направлении Шамбалы и светлого будущего. В тех же алтайских округах живет много староверов. Века тому назад они скрылись в темных лесах, спасая свою старую веру от новых законов Никона, а затем Петра.

В чистоте и строгости еще соблюдается там старинная вера. Они имеют свои иконы и своих начетчиков и блюдут свои молитвы и обычаи. И даже при последних событиях в Сибири этот край внутренне был мало затронут.

В середине 19-го столетия необычайная весть была принесена к алтайским староверам:

«В далеких странах, за великими озерами, за горами высокими, там находится священное место, где процветает справедливость. Там живет высшее знание и высшая мудрость на спасение всего будущего человечества. Зовется это место Беловодье».

В некоторых сокровенных записях намечается и путь к этому месту.

Опять географические указания места умышленно запутаны или произнесены неправильно. Но даже и в этом неправильном произношении вы можете различить истинное географическое направление, и это направление, не удивляйтесь, опять ведет вас к Гималаям.

Седобородый строгий старовер скажет вам, если станет вам другом:

«Отсюда пойдешь между Иртышом и Аргунью. Трудный путь, но коли не затеряешься, то придешь к соленым озерам. Самое опасное это место. Много людей уже погибло в них. Но коли выберешь правильное время, то удастся тебе пройти эти болота. И дойдешь ты до гор Богогорше, а от них пойдет еще труднее дорога. Коли осилишь ее, придешь в Кокуши. А затем возьми путь через самый Ергор, к самой снежной стране, а за самыми высокими горами будет священная долина. Там оно и есть, самое Беловодье. Коли душа твоя готова достичь это место через все погибельные опасности, тогда примут тебя жители Беловодья. А коли найдут они тебя годным, может быть, даже позволят тебе с ними остаться. Но это редко случается.

Много народу шло в Беловодье. Наши деды Атаманов и Артамонов тоже ходили. Пропадали три года и дошли до святого места. Только не было им позволено остаться там, и пришлось вернуться. Много чудес говорили они об этом месте. А еще больше чудес не позволено им было сказать».

Когда вы сообразите названные географические имена, вы легко поймете их смысл. Иртыш и Аргунь произнесены правильно. Соленые озера, конечно, это озера Цайдама с их опасными переходами. Богогорше или Богогорье, конечно, это горный хребет Бурхан-Будда. Кокуши — каждому понятно, является хребтом Кокушили. А Ергор, т. е. самое высокое нагорье, конечно, будет Чантанг у Трансгималаев, уже в виду вечных снегов. Это учение о Беловодье и теперь так сильно на Алтае, что всего шесть лет тому назад целая группа староверов отправилась на поиски священного места; до сих пор они не вернулись. Но когда мы проходили Алтай в 1926 году, некий ойрот принес письмо от одной женщины, ушедшей в той же группе. Она сообщает родственникам, что они еще не достигли святого места. Но все же полны надеждами дойти до него. Она не могла сообщить, где она живет сейчас, но говорит, что жизнью довольна. Итак, опять легенда и сказка переплетается с жизнью. И эти люди твердо знают о Беловодье — Шамбале. И они шепчут путь к Гималаям.

Когда мы пересекали Алтай, несколько школьных учителей пришло к нам, шепча вопрос:

— Неужели вы из Индии? Расскажите нам, что вы знаете о махатмах? — И глаза жадно ловили ответ, и они схватывали каждый намек из учения великих махатм. И опять тихо говорили

они:

— Мы не одни, нас много. И мы только мечтаем об этом учении! — И это было в диких горах, в глухих лесах.

Странную повесть слышали мы. Совсем недавно в Костроме умер старый монах, который, как оказывается, давно ходил в Индию, на Гималаи. Среди его имущества была найдена рукопись со многими указаниями об учении махатм. Это показывало, что монах был знаком с этими обычно охраняемыми в тайне вопросами. Так неожиданно разбросаны личные наблюдения и доверительные указания.

Опять к тому же источнику.

Уже покидая Алтай для Монголии, я слышал священный стихирь, напевно сказанный пожилым старовером.

Старик поет:

*«А прими меня, пустыня тишайшая». —
«А и как же приму я тебя, царевича?
Нету меня, у пустыни, ни дворцов, ни палат». —
«А и не нужно мне ни палат, ни дворцов».*

Маленький пастух на горе поет:

*О, Учитель мой любимый,
Почто ты покинул меня?
Ты покинул меня, сироту;
Провести в печали все мои дни.
О пустыня прекрасная!
Прими меня в свое лоно.
В избранный дворец мой!
В мир и молчание.
Я бегу, как от змея,
От земной славы и прелости,
От богатства и палат блестящих.
О пустыня возлюбленная, прими меня!
Я пойду в твои поля
Дивиться на цветы чудесные;
Здесь проживу я мои годы
И до скончания дней моих.*

Я распознал в этом напеве старый стихирь о Иосафе, сыне царя. Это был старинный напев о жизни Будды, причем жизнь Учителя была представлена под именем жизни Иосафа, сына царя Индии. Иосаф, Иосафат — это измененное бодхисаттва, искаженное в арабском произношении.

Старик ведет нас на каменистый холм и, указывая каменные круги древних погребений, торжественно говорит:

«Вот здесь и ушла Чудь под землю. Когда Белый царь пришел Алтай воевать и как зацвела белая береза в нашем краю, так и не захотела Чудь остаться под Белым царем. Ушла Чудь под землю и завалила проходы камнями. Сами можете видеть их бывшие входы. Только не навсегда ушла Чудь. Когда вернется счастливое время, и придут люди из Беловодья и дадут всему народу великую науку, тогда придет опять Чудь, со всеми добытыми сокровищами».

В Бурятии и в Монголии мы уже не удивлялись найти многие знаки Шамбалы. В этих странах психические силы очень развиты.

Когда мы приближались к Урге, столице Монголии, мы должны были переночевать на берегу реки Иро. Поздним вечером на другой стороне реки засветились какие-то огоньки. Мы спросили о них и получили совершенно необычайный ответ.

«Там стоит большой монастырь, и сейчас он доставляет много хлопот Монголии. В прошлом году около этого монастыря родился удивительный ребенок. Не было ему еще и года, как он сказал по-монгольски замечательное пророчество о будущем. А затем больше ничего не говорил, как обычный ребенок».

Видите, вот опять весть о будущем.

Когда мы вошли в Ургу, около одного храма мы заметили окруженное тыном пустое место.

«Что это?»

И опять неожиданный ответ:

«Это место будущего храма Шамбалы. Какой-то неизвестный лама пришел и приобрел это место для будущей постройки».

В Монголии не только много образованных лам, но даже много светских людей и членов правительства могут сообщить вам немало замечательных подробностей об этих вопросах.

Когда мы показали некоторые из привезенных пророчеств о Шамбале лицу, близкому монгольскому правительству, он воскликнул в величайшем изумлении:

— Но ведь это то самое пророчество, которое сказано мальчиком на Иро! Поистине великие времена приходят.

А затем он рассказал нам, как совсем недавно молодой монгольский лама из Улясутая написал новую книгу о Шамбале, объясняя высокое значение Шамбалы для будущего и говоря о способах достижения этого замечательного места.

Другой очень интеллигентный бурят, один из монгольских вождей, сказал нам, как один бурятский лама после многих трудностей достиг Шамбалы и даже оставался там короткое время. Среди описания этого необычного пути попадались некоторые поразительно реалистичные подробности. Упоминалось, что, когда этот лама с проводником достигли уже границы священной долины, они заметили совсем близко целый караван яков, груженных солью. Это были обычные тибетские купцы, которые в полном незнании проходили совсем близко от этого замечательного места. Но вся атмосфера вокруг этого места так сильно психологирована, что проходящие никогда не заметят то, что они не должны видеть. Другая маленькая подробность из этого же путешествия останавливает внимание. Когда этот лама возвращался из Шамбалы, ему пришлось проходить чрезвычайно узким подземным ходом... Он встретил там двух людей, проводивших с большим трудом породистого барана, который нужен был для научных опытов, происходящих в этой чудесной долине.

На улицах Урги проходит отряд всадников монгольских войск. С чувством они поют какую-то зовущую песню.

«Что это за песня?»

«Это песня о Шамбале».

При этом рассказывают, как Сухе-Батор, недавний народный герой Монголии, деятель освободительного движения, сложил эту песнь о Шамбале, которая и распевается сейчас по всем углам Халки.

Начинается она так:

*Чанг Шамбалин Дайн.
Северной Шамбалы Война.*

*Умрем в этой войне,
Чтобы родиться вновь
Витязями владыки Шамбалы.*

Итак, новейшее движение Монголии также связано с именем Шамбалы. И новые знамена духовно поднимаются в честь Шамбалы.

Мы посетили особый храм, посвященный Майтрейе, а также храм Калачакры. И видели особое живописное изображение предположительного вида Шамбалы.

Когда я подарил Монгольскому правительству мою картину — «Ригден-Джапо — владыка Шамбалы», она была принята с совершенно особыми чувствами. Член правительства сообщил мне, что монголы имеют намерение построить особый памятный храм, где эта картина займет центральное место.

Лицо, близкое правительству, спросило меня:

— Могу я спросить вас, как, создавая эту картину, вы могли знать о видении, которое имел один из наших наиболее уважаемых лам несколько месяцев тому назад? Лама видел множество людей разных стран, и все головы их были обращены к западу. Затем в небесах появился гигантский всадник на огненном коне, окруженный пламенем, со знаменем Шамбалы в руке. Сам благословенный Ригден-Джапо! И он сам обернул все головы толпы с запада на восток. В описании ламы величественный всадник был подобен всаднику на вашей картине.

Такие совпадения с картиной и с пророчествами на реке Иро вызывали восклицание:

«Истинно, время Шамбалы пришло!»

Много других удивительных событий было рассказано образованными бурятами и монголами. Они знали о таинственном свете над Хотанским субурганом. Они говорили о будущем нахождении утраченной Чаши Будды. Много внимания уделялось чудесному камню, упавшему с далекой звезды, который появляется в различных странах перед большими событиями.

Великий Тимур, говорится, владел этим камнем. Камень обычно приносится совершенно неизвестными неожиданными людьми. Тем же неожиданным путем в должное время камень исчезает. Чтобы опять появиться в сужденный срок в совершенно другой стране. Главная часть этого камня находится в Шамбале. Лишь небольшой кусок его выдан и блуждает по всей земле, сохраняя магнитную связь с главным камнем.

Бесконечные сказания щедро рассыпаны об этом камне. Говорится также, что царь Соломон и император Акбар владели им. Эти предания невольно напоминали Лапис Эксилис — блуждающий камень, воспетый знаменитым мастерзингером Вольфрамом фон Эшенбахом, заключившим свою песню словами:

«И этот камень называется Грааль».

Там же в Урге из нескольких источников мы слышали о посещении великим Махатмой двух старейших монгольских монастырей. Один Ердени Дзо на Орхоне и другой Нарабанчи.

О посещении махатмою монастыря Нарабанчи мы уже имели сведения в литературе, но приятно было узнавать совершенно те же подробности и от лам далекой Монголии. Говорится, как однажды в полночь группа всадников приблизилась к воротам Нарабанчи Гомпа. Видимо, они прошли долгий путь. Их лица были покрыты меховыми шапками. Их вождь вошел в храм, и немедленно зажгли все лампы. Затем он приказал, чтобы все гелонги и хувараки собрались в храм. Он встал на главное место Богдо Гегена и открыл свой лик. И все присутствующие узнали самого благословенного. Он произнес много пророчеств о будущем, затем все всадники сели на коней и оставили монастырь так же неожиданно, как и прибыли.

Другой рассказ о прибытии гималайского махатмы в Монголию был сообщен нам членом

монгольского ученого Комитета. Он сказал следующее:

«Вы знаете, что мы имеем несколько лам, обладающих большими духовными силами. Конечно, они не живут в городах или больших монастырях. Обычно они обитают в удаленных хутонах в горных убежищах. Лет шестьдесят или пятьдесят тому назад одному из этих лам было доверено большое поручение. Он должен был выполнить его лично и перед смертью должен был передать миссию доверенному лицу по своему выбору. Вы знаете, что величайшие поручения даются Шамбалой. Но на земле они должны быть выполнены человеческими руками в земных условиях. Вы также должны знать, что подобные поручения всегда сопровождаются великими трудностями, которые должны быть преодолены силою духа и преданностью. Случилось, что лама частично выполнил свое поручение, но затем заболел и потерял сознание; в этом состоянии, конечно, он не мог передать поручение достойному преемнику. Великие держатели Гималаев знали о его затруднении. Так как поручение должно было быть выполнено на данных условиях, то один из великих держателей предпринял в величайшей поспешности утомительное путешествие от Тибетских нагорий в наши Монгольские степи. Поездка была так спешна, что держатель оставался в седле по 60 часов, но таким образом прибыл вовремя. Он временно вернул ламе сознание, так что тот оказался в состоянии докончить вверенное ему поручение достойным образом. Вы видите, как великие держатели помогают человечеству. Сколько самопожертвования и какие земные трудности они принимают на себя, чтобы помочь великому будущему».

В этом рассказе о спешном путешествии в Монголию, в этих шестидесяти часах в седле вы можете распознать конец той же самой повести, начало которой мы слышали в Индии. В Монголии они называли махатм держателями и не знали, который именно из махатм предпринял это путешествие. Но зато в Индии они не могли сказать, с какой целью путешествие было предпринято. Таковы нити Азии. Кто приносит эти новости? Из каких тайных ходов появляются неведомые вестники? Встречаясь со скучною рутиною ежедневности, встречая трудности и грубость и обременительные заботы в Азии, вы не должны сомневаться, что в самую обычную минуту у двери вашей уже готов постучаться кто-то с самою великою вестью. Два потока жизни особенно различимы в Азии, и потому пусть лик обыденности не разочаровывает вас. Легко вы можете быть вознаграждены зовом великой правды, который увлечет вас навсегда.

Звонят колокола верблюдов. Долгие пустынные переходы.

Над пустыней опять несется песня Шамбалы. Вокруг безжизненные скалы и груды камней и морозное нагорье, но знаки Шамбалы не покидают вас.

Ламы нагнулись над галечным скатом. Что-то прилежно выкладывают из белых осколков кварца, собранных на соседней горе.

Что это за замысловатый узор? Не узор — это монограмма Калачакры. Издалека для всех путников будет белеть буква, зовущая к великому учению.

На высотах Шарагольчи, перед Улан-Даваном, на месте, где останавливался махатма при поездке в Монголию, строится субурган Шамбалы. Все наши ламы и мы сами носим камни и скрепляем их глиной с травой. Верх субургана строится из дерева и покрывается жестью из бензиновых банок. Мои краски служат для расцветения. Из гор Гумбольдта привозится известь, субурган сверкает белизною среди пурпура пустыни. Бурятский лама расписывает красным, желтым и зеленым многие узоры и изображения. Местные монголы привозят Норбу-Ринпоче, скромные дары — бирюзу, кораллы и бусы для вложения в субурган. Приезжает на освящение сам великий лама Цайдама. Монголы клянутся оберегать памятник Шамбале, если только китайцы, дунгане или верблюды не нарушат.

День Шамбалы. У шатра Шамбалы ламы служат великому Ригден-Джапо. Перед

изображением владыки поставлено полированное зеркало. Из узорного сосуда на его поверхность льют воду. Струи сбегают по лику зеркала, покрывают его странным узором. Колеблется и живет поверхность. Символ магических зеркал, где выявляется будущее, пишет руны откровений.

Лама, проводник каравана, платком завязывает себе рот и нос.

«Почему? Ведь день не холодный».

Он поясняет: «Теперь уже необходимы некоторые предосторожности, мы приближаемся к заповедным областям Шамбалы. Скоро мы встретим «сур», ядовитый газ, которым охраняется граница Шамбалы».

Наш тибетец, Кончок, скачет к нам и говорит шепотом: «Недалеко отсюда, когда далай-лама следовал из Тибета в Монголию, все люди и все животные каравана начали дрожать, но далай-лама объяснил, что пугаться не следует, потому что караван коснулся заповедной границы Шамбалы и воздушные колебания необычны для каравана».

Из Кумбума, с родины Цзон-Ка-Па, к нам приехал нирва монастыря со своим украшенным шатром и многоцветной свитой. Он привез нам подарок и передает знак Шамбалы. Рассказывает, как некоторые китайцы просили недавно таши-ламу выдать им паспорта в Шамбалу. Только таши-лама может делать это.

Только что таши-лама опубликовал в Китае новую молитву о Шамбале. Теперь все может быть достигнуто только через Шамбалу.

Опять обнаженные скалы и бесконечная пустыня. Ни путников, ни животных.

Оглядываем друг друга в изумлении. Неожиданно мы все почувствовали аромат, как запах лучших курений Индии. Откуда он идет? Ведь мы окружены голыми скалами. Но лама улыбается: «Чувствуете вы ароматы Шамбалы?»

Солнечное безоблачное утро — сверкает ясное голубое небо. Через наш лагерь стремительно несется огромный темный коршун. Наши монголы и мы следим за ним. Но вот один из бурятских лам поднимает руку к голубому небу.

«Что там такое? Белый воздушный шар?»

«Аэроплан?»

И мы замечаем, на большой высоте что-то блестящее движется в направлении от севера к югу. Из палаток принесены три сильных бинокля. Мы наблюдаем объемистое сфероидальное тело, сверкающее на солнце, ясно видимое среди синего неба. Оно движется очень быстро. Затем мы замечаем, как оно меняет направление более к юго-западу и скрывается за снежной цепью Гумбольдта. Весь лагерь следит за необычным явлением, и ламы шепчут: «Знак Шамбалы».

На сером фоне холмистой пустыни нечто белое сверкает на солнце. Что это может быть? Большая палатка? Или снег? Но в это время не бывает снега в пустыне. Это белое пятно слишком велико для палатки. И почему оно так резко отличается от всего окружающего?

Приближаемся. Подходя, [видим, что] белая масса оказывается еще большего размера, чем казалась. Это огромная белая пирамида глауберовой соли, образованная осадками гигантского гейзера, — целое состояние для drogиста. Ледяной соленый источник вытекает из-под белой массы. Лама опять шепчет: «Это знак третьей границы Шамбалы».

Приближаясь к Брамапутре, можно найти еще больше указаний и легенд, связанных с Шамбалой. И еще одно обстоятельство дает этим местам еще более убедительное впечатление; здесь в направлении к Эвересту жил провидец-отшельник Миларепа, слушавший перед восходом солнца голоса Дэв.

Ближе к области Шигатзе, на живописных берегах Брамапутры и в направлении к священному озеру Манасаравар, еще совсем недавно существовали Ашрамы махатм Гималаев.

Когда вы знаете это, когда вам известны факты, окружающие эти замечательные места, вас наполняет особое чувство. Здесь еще живут престарелые люди, которые помнят их личные встречи с Махатмами. Они называют их «Азары» и «Кутхумпа». Некоторые жители помнят, что здесь была, как они выражаются, религиозная школа, основанная Махатмами Индии. На этом дворе Гомпа произошел эпизод с письмом, которое было съедено козой и феноменально затем восстановлено. Вот в этих пещерах они останавливались, вот эти потоки они переходили, вот в этих джунглях Сиккима стоял их внешне так скромный ашрам. Посторонним людям, которые не бывали в этих местах, вопросы о Махатмах не могут казаться существенными. Но, проходя Трансгималаи, вы наблюдаете не один горный хребет, но целую горную страну с причудливым узором хребтов, долин и потоков. На каждом шагу вы убеждаетесь в относительной точности существующих карт. По своей сложности эти области остаются всегда не вполне исследованными. Отшельник, приютившийся в пещере, поселение в удаленной долине может остаться совершенно непотревоженным. Лишь побывав в этих лабиринтах, вы знаете о скрытых местах, недоступных, кроме счастливого случая. Старые вулканы, гейзеры, горячие источники и радиоактивность дают здесь неожиданные приятные находки. Часто рядом с леденистым хребтом можно видеть сочную растительность в ближней долине, очевидно напитанной горячими источниками. В пустынном нагорье Дамбуре мы наблюдали кипящие горячие источники, и около них зеленела пышная растительность, цвела земляника и гиацинты. Таких долин много в Трансгималаях. Когда мы стояли в Нагчу, местные жители рассказывали, что на север от озера Дангра Юмцо, среди обнаженного нагорья, в 15 000 ф., лежит плодоносная долина. Около Лхасы в иных дворах заключены горячие источники, питающие весь домашний обиход.

Пройдя эти необычные нагорья Тибета с их магнитными волнами и световыми чудесами, прослушав свидетелей и будучи свидетелем — вы знаете о махатмах. Я не собираюсь начать убеждать о существовании махатм. Множества людей их видели, беседовали с ними, получали письма и вещественные предметы от них. Если же кто-то в неведении спросит: «Все-таки не есть ли это миф?» — посоветуйте ему прочесть труд профессора варшавского университета Зелинского о реальности происхождения греческих мифов. Впрочем, вообще не пытайтесь убеждать. Знание входит в открытые двери. Если предрассудок существует, он должен быть изжит изнутри. Нам важно фактами установить, на каких огромных расстояниях живет одно сознание и насколько это сознание свободно открыто для будущего.

На всем Востоке почитание понятия Учителя дало облику Гуру сокровенность и недостижимость.

Понятие Гуру — Учителя только на Востоке возносимо с таким почитанием и достоинством. Напомню из Агни Йоги легенду о мальчике-индусе, познавшем Учителя.

«Спросили его:

«Неужели солнце потемнеет для тебя, если увидишь его без Учителя?»

Мальчик улыбнулся:

«Солнце останется солнцем, но при Учителе мне будут светить двенадцать солнц».

Солнце мудрости Индии будет светить, ибо на берегу реки сидит мальчик, знающий Учителя».

«Есть проводники электричества, также есть объединители познания. Если варвар посягнет на Учителя, скажите ему, как человечество назвало разрушителей книгохранилищ».

Основа Востока укрепляется понятием Гуру. Какие прекрасные выражения и достойные жесты находятся в Индии в отношении Учителя.

Многие индусы, китайцы и японские ученые знают многое значительное о махатмах, но почтение перед Учителем, характерное для Востока, препятствует им объявлять это свое знание

посторонним. Значение слова «Гуру» — Учитель, духовный руководитель — действительно во всей Азии очень затрудняет вопрос осведомления о Махатмах. Легко понять, почему многие путешественники по Азии вообще не встретились с этим вопросом. Или незнание языков, или совсем противоположные интересы, или просто неудача во встречных людях не позволили им увидеть многое ценное. Ведь все мы знаем, как, посещая музеи и храмы без особого разрешения, мы не можем изучать склады и сокровищницы, где иногда хранятся наиболее ценные предметы.

На Востоке вы можете услышать много рассказов о пропавших людях, и некоторые из этих повестей опять будут соединены Шамбалой. Я мог бы даже назвать вам имя члена одного из научных обществ, который посетил Индию в шестидесятых годах прошлого века. Затем он вернулся на родину, даже появился на придворном приеме, а затем опять поспешно отбыл на Восток, и с этого времени люди не слышали о нем. Впрочем, дошло одно доказательство о его существовании в совершенно необычных условиях.

Можно назвать многих еще живущих, которые лично встречали махатм. Эти памятные встречи происходили как в Индии, так и в Англии, Франции, Америке и других странах. Когда мы проходили берега Брамапутры, мы вспоминали, как тибетский представитель в Урге советовал нам посетить необыкновенного отшельника несказуемого возраста, который жил в горном убежище на расстоянии нескольких дневных переходов на запад от Лхасы. Тибетец настаивал, что этот отшельник был совершенно необыкновенным, ибо он был не тибетец, но, как говорили о нем, западный человек.

Мы опять вспомнили, как почтенный житель Сиккима рассказывал нам тоже о странном отшельнике на север от Китченджунги. Круг завершается. Опять Сикким. Опять сверкание Гималаев остается к северу.

Все взоры обращены туда, где превыше облаков вздымаются величественные белые вершины. Возносятся, как особая заоблачная страна. Все чаяния обращены к Гималаям.

Канг-чен-цзон-нга — пять сокровищ великих снегов. Отчего так зовется эта величественная гора? Она хранит пять сокровищ мира. Какие это сокровища? — золото, алмазы, рубины?

Нет, старый Восток ценит иные сокровища. Сказано: «Придет время, когда голод охватит весь мир. Тогда появится некто, кто откроет великие сокровищницы и напитают все человечество».

Конечно, вы понимаете, что некто напитают человечество не физической, но духовную пищей.

Восходя Гималаи, вы приветствованы именем Шамбалы. При спуске в долины то же самое великое понятие благословляет вас. Шамбала напитают человечество духовной пищей познания великих энергий.

Нет худых вестей из Сиккима.

За это время наш друг Ринпоче из Чумби построил еще два монастыря, и везде есть изображение Майтрейи и Шамбалы.

Наш лама-художник ларива еще в Гуме и написал на стене храма фреску «Мандала Шамбалы».

Геше Ринпоче рассказывает в символических образах о мощи эпохи Шамбалы. За эти годы он стал говорить о Шамбале менее скрыто. Ринпоче подарил нам тибетскую книгу, изданную недавно и посвященную Шамбале. В этой книге собраны молитвы Шамбале, данные Панчен Ринпоче таши-ламой во время его последнего путешествия. Из этого собрания молитв вы можете видеть, что духовный глава Тибета в каждом месте, где он останавливался, давал особую молитву Шамбале. Это достойно примечания. А затем пришло и кольцо со знаком Шамбалы.

Седой, уважаемый Гуру долины Кулу говорил нам:

«В северной стране — в Утракане — на высоком нагорье живут великие Гуру. До этого

места не дойти обыкновенным людям. Сами Гуру не выходят сейчас с высот — они не любят Калиюгу. Но в случае надобности они посылают своих учеников — чела — предупредить правителей народов».

Так в древней местности Кулу претворяют знание о махатмах.

Передо мною шесть изображений Шамбалы.

Вот самое эзотерическое изображение. Мандала Шамбалы, в которой знающие узнают намеки действительности. Наверху Идам, как знак стихийной мощи, и тот таши-лама, который написал очень закрытую книгу «Путь в Шамбалу». В середине изображения снежные горы образуют круг. Узнаются три белые границы. В центре — как бы долина со многими постройками. Можно различить точно два разреза, как бы планы башен. На башне сам он, свет которого сияет в сужденное время. Внизу мощное воинство ведет победную битву, и сам Ригден-Джапо — предводитель. Победа духа на великом поле жизни. Новое изображение геше из Таши-Лунпо.

На другом изображении, внизу, та же победная битва. В середине сам Ригден-Джапо приказывающий. Перед владыкою все счастливые знаки и сокровища, которые суждены человечеству. За владыкою дворец, по сторонам его мать и отец. А наверху Будда. Новое изображение из Сиккима.

Третье изображение без битвы, торжественное, со многими золотыми украшениями. В середине крупная фигура — Ригден-Джапо благословляющий. Перед ним выпуклым золотом сверкает Акдордже, крест из знаков молнии. Ниже расположены сокровища. Наверху владыка Будда и по сторонам два таши-ламы: третий и живущий теперь. В этом последнем утверждении выражена современная мысль. Изображение из Гума.

В четвертом изображении вокруг Ригден-Джапо собрались всадники и пешие воины, предводители его войска и советники. Изображение из Нагчу.

Пятое изображение из Таши-Лунпо представляет Ригден-Джапо поучающим нескольких Гуру заветам мудрости.

Шестое старинное изображение привезено из Таши-Лунпо бежавшим ламой. Крупное изображение Ригден-Джапо в середине. За владыкою спинка трона в виде синих крыльев, окруженная цветами. В левой руке колесо закона, а правая призывает в свидетели землю. Внизу собрались все народы Азии. По костюмам можно отличить индусов, китайцев, мусульман, ладакцев, калмыков, монголов, тибетцев. Каждый со своим сокровищем. Кто с книгами, кто с оружием, кто с цветами. В середине сокровище. Битва уже исполнилась. Народы призваны к благоденствию.

Теперь подведем итоги разбросанным указаниям о Шамбале. Учение Шамбалы — это целое учение о жизни. Так же как в индийских йогах, это учение показывает, как обращаться с тончайшими энергиями, наполняющими пространство, и как эти энергии могут быть мощно явлены в нашем микрокосмосе.

Значит, и Азары и Кудхумпа относятся к Шамбале? Да.

И великие махатмы и риши? Да.

И воинство Ригден-Джапо? Да.

И многие из цикла гессериады? Да.

И, конечно, Калачакра? Да.

И Арьяварша, откуда ожидается Калки Аватар? Да.

И Агарты с подземными городами? Да.

И Минг-сте? И Великий Яркас? И великие держатели Монголии? И жители К'ама? И Беловодье Алтая? И Шабистан? И долина Лаоцзина? И черный камень? И Грааль Lapis Exitis, блуждающий камень? И Чудь подземная? И Белый Остров? И подземные ходы Турфана? И

скрытые города Черчена? И подводный Китеж? И Белая гора? И субурган Хотана? И священная долина посвящения Будды? И Агни Йога? И Деджунг? И книга Утаншаня? И Таши-Ламы? И место трех тайн? И Белый Бурхан?

Да, да, да! Все это сошлось в представлении многих веков и народов около великого понятия Шамбалы. Так же как и вся громада отдельных фактов и указаний, глубоко оцувствованная, если и недосказанная.

Полагается, что эзотерический буддизм проник в Тибет в VI в. по Р. Х., но до нашей эры эзотерический буддизм имел свои оплоты на склонах Кайласа и на севере Пенджаба, может быть, в местности долины Кулу.

Само учение Шамбалы, хотя считает Аттишу как распространителя этого учения, конечно, существовало несравненно древнее, теряясь в веках.

Шамбала, или «Белый Остров», указан на запад от Химавата. Можно уважать, с какою осторожностью выдается приблизительное местонахождение этого замечательного места. Бхантеюл и Деджунг являются также названиями самого места «Белого Острова».

На север от Кайласа к Куэн Луню и Черчену лежала так называемая Аргиаварша, откуда ожидается Калки Аватар.

«Место трех тайн», «Долина посвящения Будды» — все эти указания ведут сознание людей туда же, за белые высоты Гималаев. Шамбала есть священное место, где земной мир соприкасается с высшим состоянием сознания. На Востоке они знают, что существуют две Шамбалы: одна земная и другая невидимая.

Много предположений высказано о местонахождении земной Шамбалы. Некоторые из предположений относят это место на крайний север, говоря, что северное сияние есть лучи этой невидимой Шамбалы. Отнесение Шамбалы на север легко понятное.

В Тибете Шамбала называется Чан-Шамбала, то есть Северная Шамбала. Этот эпитет вполне объясним. Манифестация учения произошла в Индии, откуда все по ту сторону Гималаев, очевидно, является северным. На север от Бенареса находится деревня Шамбала, связанная с легендой о Майтрейе. Таким образом, еще раз становится ясным, почему загималайская Шамбала называется Северной Шамбалой.

Некоторые указания, затемненные символами, указывали местонахождение Шамбалы на Памирах, Туркестане и Гоби. Вессел в своей книге «Иезуиты путешественники по Центральной Азии» упоминает иезуита Каселла, умершего в 1650 году в Шигатзе. Каселла, который пользовался необычайной дружбой со стороны тибетцев, получил от них предложение посетить страну Шамбалу. Относительность указаний и многие недоразумения о географическом положении Шамбалы имеют свои причины. Во всех книгах о Шамбале, в устных преданиях местонахождение описывается в высоко символических выражениях, почти недоступных для непосвященных.

Так, например, указывается, что в местности Шамбалы люди живут в юртах и занимаются стадами, почему некоторые думают, что это относится к местности кочевьев Туркестана, но не забудем, что горные киргизы в местностях Куэн Луня также живут в юртах и занимаются скотоводством.

Откроем перевод, сделанный профессором Грюнведем, тибетской книги «Путь в Шамбалу», написанной знаменитым таши-ламой Третьим. Вы будете поражены нагромождениями географических указаний, затемненных и смешанных так, что только большое осведомление о старых священных местах и о местных терминах может помочь вам как-нибудь разобраться в этой сложной пряже.

И опять вы поймете, почему такой покров нужен. Один из махатм был спрошен, отчего они так заботливо скрывают свои ашрамы. Махатма ответил:

«Иначе бесконечные шествия и с запада, и с востока, и с севера, и с юга наводняют наши уединенные места, куда без разрешения никто не дойдет и не потревожит наши занятия». И действительно это так: отсюда, среди сутолоки города, невозможно и представить, сколько людей стремятся к учению махатм.

Обрадованный лама, имя которого сделалось известным на Западе, говорил нам, что много вопросов и писем он получает из Франции, Англии и Америки с запросами, как войти в контакт с Махатмами и как получать их учение. Опять реальность и сокровенное устремление сходятся.

Вы видите, что это не мессианизм, но новая эра могучих энергий и возможностей выражена в понятии Шамбалы.

Теперь каждый день мы поражены открытиями в области физики, обнаружением мощных свойств кислорода, реальностью великого пространственного огня. Когда с высот дается Агни Йога, тогда совершенно искренно можем обращаться к нашим друзьям в Азии во имя наступающей Шамбалы. С радостной улыбкой мы можем приветствовать великое будущее мощных энергий. «Последний зов нашей эволюции есть повелительный зов к творчеству, действию, к сознательному труду и к подвигам здесь на земле без всякого замедления».

Наши друзья ведантисты указывают, что эпоха Шамбалы в отличие от прочих прежних эпох, вместо постепенной эволюционности, наступит стремительно. Разговор оборачивается на стремительные завоевания науки последних лет.

Традиция Вед указывает, что близко время, когда новые энергии, ближе всего энергии Агни — космического огня, приблизятся к нашему плану и создадут новые условия для жизни. Время начала приближения этих энергий исчисляется в сороковых годах нашего столетия. Брамачарии ашрамов Шри Рамакришны и Свами Вивекананды подтвердили нам эти даты и всю указанную традицию.

Учение о жизни махатм Гималаев определенно говорит о том же. Агни Йога, в полном согласии с новыми проблемами науки, намечает знаки изучения стихий и тончайших энергий. То, что недавно общо называлось учением воли и сосредоточения, то Агни Йога вправляет в целую систему овладения окружающими нас энергиями. Через расширение сознания и упражнение организма среди условий современной жизни эта синтетическая Йога строит счастливое будущее человечества. Она говорит: не уходите от жизни, развивайте способности вашего аппарата и поймите великое значение психической энергии — человеческой мысли и сознания, как величайших творящих факторов. Йога говорит: в нашей самоответственности и в сознательном сотрудничестве будем стремиться к сужденной эволюции. Но, исследуя все наши возможности, прежде всего пойдем радость труда, мужества и ответственности. Обращаясь в практических формулах ко всем сторонам жизни, Йога указывает, как близки от нас стихии, и самая из них всепроникающая — огонь.

Агни Йога отделяет действительность от майи, она восстает против «чудес», вводя феномены в кругозор позитивного знания. «Нужно учиться организации психической энергии», — утверждает Агни Йога.

Йога смело утверждает: будем искренны и отбросим предрассудки и суеверия, неприличные сознательному человеку, желающему научно исследовать и познавать.

Говоря о приближающихся воздействиях космических энергий, Йога предупреждает об особенностях ближайшего будущего; Йога обращается к врачу так:

«Скажите врачу: можешь изучать феномены возгорания огней. Тем более это явление важно, что при развитии центров человечество будет ощущать непонятные ему симптомы, которые будут относиться невежественной наукой к самым несоответственным заболеваниям. Потому своевременно сказать о наблюдениях за огнями жизни. Советую не откладывать, ибо

нужно пояснить миру явления реальности и общности бытия. Незаметно входят в жизнь новые сочетания понятий. Эти знаки, видимые для немногих, составляют основу жизни, проникая во все построения. Только слепой не заметит, как наполняется жизнь новыми понятиями. Потому следует позвать ученых для освещения очевидности. Врач, не упустит!»

«Учение наше устремляет к познанию совершенных явлений природы, считая человека частью ее».

«Очевидность препятствует видеть внутренние течения».

«Каждый может припомнить, как он смешивал случайность с основами, составляя совершенно произвольное представление. То же можно сказать о стихии огня. Кто-то недомыслящий полагает: «Деды жили без познания огня и спокойно сошли в могилу. Какое мне дело до огня?»

«Но мыслящий думает: откуда необъяснимые эпидемии, иссушающие легкие, гортань и сердце? Поверх всех причин есть еще нечто, не предусмотренное врачами. Не условия жизни, но нечто извне косит толпы».

Этим путем внимательных наблюдений можно прийти к заключению без предрассудков.

Или Агни Йога призывает:

«Агни Йога приходит ко времени. Кто же иначе скажет, что эпидемии инфлюэнцы должно лечить психической энергией? Кто же обратит внимание на новые виды душевных, мозговых и сонных заболеваний? Не проказа, не старая форма чумы, не холера страшны. К ним имеются предохранительные меры. Но следует задуматься над новыми врагами, созданными современной жизнью. Нельзя к ним применять старые средства, но новый подход создается расширением сознания.

Можно проследить, как в течение тысячи лет шли волны болезней. По этим знакам можно составить любопытную таблицу человеческих уклонов, ибо болезни показывают негатив нашего существования.

Надеюсь, что живые умы вовремя помыслят. Поздно строить насос, когда дом пылает!»

Так Агни Йога говорит о психической энергии. Люди совершенно разучились понимать и применять психическую энергию. Они забыли, что каждая энергия, приведенная в действие, порождает инерцию. Почти невозможно остановить эту инерцию, потому каждое проявление психической энергии продолжает свое воздействие по инерции, иногда даже продолжительно. Можно уже видоизменить мысль, но следствие прошлой посылки все-таки будет пронизывать пространство; в этом сила психической энергии, но и качество, заслуживающее особой заботливости.

Можно лишь светлым сознанием управлять психической энергией, чтобы не засорять путь свой прошлыми послылками. Часто мысль случайная и несвойственная надолго мутит поверхность океана достижений. Человек уже давно забыл о мысли своей, но она продолжает лететь перед ним, освещая или затемняя путь. К сиянию луча припадают малые светочи, обогащая его. К сору присасываются темные пыльные части, пресекая движение. Когда говорим — летите светло или — не сорите, предупреждаем о действии.

Все, сказанное о психической энергии, относится к каждому действию. Здесь нет ничего отвлеченного, ибо психическая энергия заложена во всей природе и особенно выражена в человеке. Как бы человек ни пытался забыть о ней, психическая энергия напомним о себе. И дело просвещения — научить человечество обращаться с этим сокровищем. Если наступило время говорить о физических видимых отложениях психической энергии, значит, действительность вступила в очевидность; значит, люди должны неотложно стремиться к овладению психической энергией. Огонь пространства и психическая энергия связаны между

собой и представляют основание эволюции.

Как пример жизненных указаний Агни Йоги, можно привести место о последовательности нервных центров. Указывается, что кундалини, как центр, уводящий в самадхи, в дальнейшей эволюции уступает свое значение другому центру около сердца. Этот центр называется чашею и является местом манаса — средоточием чувствования. При расширении сознания чувствование ведет к действию, которое и является главным отличием будущей эволюции. Центр третьего глаза действует в сочетании с чашею и кундалини. Эта триада как нельзя лучше характеризует действенное начало ближайшей эпохи. Не уводящее восхищение, но деятельное утверждающее начало предопределено для грядущего подвига человечества.

Можно привести из Агни Йоги множество указаний первой важности, рассыпанных в учении, как драгоценная мозаика.

«Научились ли вы радоваться препятствиям?» — какое мощное сознание звучит в этом бодром призыве!

«Йога как высшая связь с космическими достижениями существовала во все века. Каждое учение содержит свою Йогу, применимую к ступени эволюции. Йоги не отрицают друг друга. Как ветви одного дерева, они расстилают тень и дают прохладу путнику, утомленному зноем. Полный новыми силами странник продолжает путь. Он не отнял ничто чужое. Он не извратил устремление. Он допустил явление благодати пространства. Он дал свободу силам сужденным. Он овладел своим единственным имуществом. Но избегайте сил Йоги, но, как свет, относите их в сумерки неосознанного труда. Для будущего мы встаем от сна. Для будущего обновляем покровы. Для будущего питаемся. Для будущего устремляемся мыслью. Для будущего собираем силы. Мы услышим шаги стихии огня, но будем уже готовы управлять волнами пламени».

Так напутствует путника жизни Агни Йога, данная «в долине Брамапутры, взявшей исток от озера Великих Нагов, хранящих заветы Риг-Вед».

Слишком долго люди оставались в низшем физическом состоянии. Они должны торопиться овладеть сужденными блестящими возможностями. Вы поражены, когда вспоминаете, что фонограф Эдисона в 1878 году в собрании французской академии был осмеян, как фокус шарлатана. Мы можем вспоминать, как первые моторы были объявлены непрактичными. Как электрический свет был сочтен опасным для зрения, а телефон — вредным для уха. Теперь это смешно вспомнить, но, к сожалению, это было так недавно. Так трудно человечество воспринимает новые понятия. Предрассудок пронизывал устои общества.

Вы можете себе представить необыкновенно благостное и воодушевляющее впечатление, когда среди белых вершин Гималаев вам приносят почту из Америки. Друзья среди многих сведений широкого размаха присылают ряд газетных вырезок о заседаниях американского Общества содействия развитию науки, возглавляемого таким славным именем, как профессор Милликан, и другими лучшими силами Америки. Вы видите, как целый ряд ученых со стороны практического знания приходит к тем же положениям, которые так повелительно утверждаются Агни Йогой.

Космический луч Милликана, относительность Эйнштейна, музыка сфер Теремина принимаются на Востоке совершенно положительно — древние ведические и буддийские традиции подтверждают их. Так встречаются Восток и Запад. Разве не прекрасно, если мы можем приветствовать старые понятия Азии, исходя от нашей современной научной точки зрения?

Если Шамбала Азии уже наступила, будем надеяться, что наша собственная Шамбала просвещенных открытий тоже пришла.

«Мировое единение», «взаимное понимание» — эти понятия делаются мечтами непрактичного оптимизма. Но ныне даже оптимист должен быть практичен, и понятие

мирового единения из записной книжки философа должно войти в реальную жизнь.

Если я обращусь к вам: «Объединимся» — на чем? Может быть, вы согласитесь со мною, что наиболее легкий путь будет через красоту и знание. И эти принципы создадут искренний и общий язык

В Азии, если я начну говорить во имя красоты и знания, я буду спрошен:

«Какая красота и какое знание?»

Но когда я отвечу: «Во имя знания Шамбалы, во имя красоты Шамбалы», тогда я буду выслушан с особым вниманием.

Из моих замечаний вы могли видеть, что учение Шамбалы чрезвычайно жизненно. Не мечты, но самые практические советы даются в этом учении с Гималаев. Агни Йога и несколько других книг, в которых фрагменты этого учения о жизни даны, очень близки каждому сильному и ищущему духу. Давно уже высказывались многие противоположения востоку и западу, северу и югу. Все это звучало разъединением. Действительно, где же настоящая граница между западом и востоком? Отчего Алжир — восток, а Польша — запад? Не будет ли Калифорния крайним востоком для Китая?

Агни Йога говорит:

«Именно делите мир не по северу и по югу, не по западу и востоку, но всюду различайте старый мир от нового... Старый и новый мир отличаются в сознании, но не во внешних признаках».

С большой радостью я заметил, что в заседании от 5 февраля 1929 года Азиатского Общества Бенгала президент Общества д-р Рай Упендра Пат Врамачари Бахадур заявил: «Теория, что «Восток есть Восток и Запад есть Запад и никогда близнецы не встретятся», по моему мнению, отжившая и окаменелая идея, которую нельзя поддерживать».

Итак, над всеми физическими условностями и разделениями намечаются возможности нового истинного общего единения. Во имя этого мира всего мира, во имя мира для всех, во имя взаимного понимания радостно произнести здесь священное слово «Шамбала».

Поистине стираются условные границы. Вы заметили, что понятие Шамбалы соответствует лучшим западным научным исканиям. Не темноту суеверия и предрассудков несет с собою Шамбала, но это понятие должно быть произносимо в самой позитивной лаборатории истинного ученого. В искании сходятся восточные ученики Шамбалы и лучшие умы Запада, которые не страшатся заглянуть выше изжитых мерок. Как драгоценно установить, что во имя свободного познания сходятся Восток и Запад.

Было время, когда японец был вынужден писать в альбом западной леди: «Мы будем вспоминать вас при восходе солнца; вспоминайте нас при закате».

Теперь же мы можем писать в альбом восточных друзей: «Несгораемый светоч сияет. Во имя красоты знания, во имя культуры стерлась стена между Западом и Востоком».

Если мы можем встречаться во имя ценности культуры, ведь это уже огромное счастье, еще так недавно невозможное. Пусть в своеобразных выражениях, пусть в смятениях духа, но пусть бьется сердце человеческое во имя культуры, в которой сольются все творческие находения. Мыслить по правильному направлению — значит уже двигаться по пути к победе.

Из глубин Азии доносится звенящая струна священного зова:

«Калагия!»

Это значит:

«Приди в Шамбалу!»

За Великой Стеной

«В пути со своими учениками Конфуций увидел женщину, рыдавшую около могилы, и спросил о причине скорби. «Горе, — отвечала она, — мой свекр был убит здесь тигром, затем мой муж, а теперь и сын мой погибли тою же смертью».

«Но почему вы не переселитесь отсюда?»

«Здесьнее правительство не жестоко».

«Вот видите, — воскликнул учитель, — запомните: плохое правительство хуже тигра».

«Какие основы хорошего Правительства? Почитай пять превосходных, изгони четыре мерзкие основы. Мудрый и хороший правитель добродетелен без расточительности; он возлагает обязанности, не доводя народ до ропота; желания его без превышения; он возвышен без гордости; он вдохновителен и не свиреп. Мерзости суть жестокость, держащая народ в невежестве и карающая смертью. Притеснение, требующее немедленного исполнения дел, не объясненных предварительно. Нелепость, дающая неясные приказы, но требующая точного их исполнения. Препятствие производством в скупости правильного вознаграждения достойных людей». «Познавать и прилагать в жизни изученное — разве это не истинное удовольствие? Прибытие друга из далекой страны — разве это не истинная радость?»

«Человек без сострадания в сердце — что общего он имеет с музыкой?»

«Благородный ни на мгновение не отступает с пути добродетели. В бурные времена и в часы напряжения он спешит по тому же пути».

«Человек знания радуется морем, человек добродетели радуется горами. Ибо беспокоен человек знания и спокоен человек добродетели».

«Человек духовно добродетельный, желая стать твердо, разовьет твердость и в окружающих. Желая быть просвещенным, он озаботится просвещением ближних, чтобы сделать другим то, что он желает себе».

«Искренность и правда образуют желание культуры».

«Благородный человек выявляет лучшие стороны других и не подчеркивает дурных. Низкий поступает обратно».

«В частной жизни покажи самоуважение, в делах будь внимателен и заботлив, в действиях с другими будь честен и сознателен. Никогда, даже среди дикарей, не отступи от этих основ».

«Благородный тянется кверху, низкий устремляется вниз».

«Благородный человек не знает ни горя, ни страха. Отсутствие горя и страха, в этом знак благородства! Если в сердце своем он не найдет вины, чего горевать ему? Чего страшиться ему?»

«Сделай сознательность и правду ведущими началами и так иди творить обязанности о твоём ближнем. Это высокая добродетель».

«Смысл милосердия в том: не причиняй другим то, чего не желаешь себе».

«Благородный заботится о девяти основах. Видеть ясно. Слышать четко. Глядеть дружелюбно. Заботиться о низших. Быть сознательным в речи, быть честным в делах. В сомнении быть осторожным. В гневе думать о последствиях. При возможности успеха думать лишь об обязанности».

«Духовная Добродетель заключается в пяти качествах: самоуважение, великодушие, искренность, честность и доброжелательство. Докажи самоуважение, и другие будут уважать тебя. Будь великодушен, и ты откроешь все сердца. Будь искренен, и поверят тебе. Будь честен, и достигнешь великого. Будь доброжелательным, и тем сообщишь и другим доброе желание».

«Благородный сперва ставит праведность и затем мужество. Храбрец без праведности — угроза государству».

«Отвечай справедливостью на несправедливость и добром на добро».

«Основа милосердия делает место привлекательным для житья».

«Благородный человек не имеет ни узких предрассудков, ни упрямой враждебности. Он идет путем Служения».

«Благородный прилежен в познании пути Служения, а низкий человек — лишь в делании денег».

«Мудрец медленно говорит, но быстро действует».

«Все люди рождаются добрыми».

«Смысл высокой добродетели. В жизни веди себя, как бы встречая высокого гостя. Управляя народом, веди себя как на торжественном священном служении. Чего не желаешь себе, не причиняй другим. Как на людях, так и дома не выражай злую волю».

«Кто грешит против неба, не может рассчитывать ни на чье заступничество».

«Можем выйти из дома лишь через дверь. Почему не пройти жизнь через врата добродетели?»

«Разве далека добродетель? Лишь покажи желание о ней, и вот она уже здесь».

«Чей ум уже испытан против медленно проникающего яда клеветы и острых стрел оговоров, тот может быть назван яснозорчим и дальнзорчим».

«Вывести неподготовленных людей на битву — все равно что выбросить их».

«Если человек всюду ненавидим или он повсюду любим, тогда необходимо ближайшее наблюдение».

«Ваши добрячки — воры добродетели».

«В 15 лет мой ум склонился над учением. В 30 лет я стоял прочно. В 40 лет я освободился от разочарований. В 50 лет я понял законы Провидения. В 60 лет мои уши внимали истине. В 70 лет я мог следовать указу моего сердца».

Итак, познание, освобождение, понимание законов, внимание Истине — все привело к следованию указам сердца. Это кратчайшее и полнейшее жизнеописание кончается сердечной молитвою о путях праведных. И не пожалел великий философ о том, что была в запряжке колесница его. Кони взнузданные, готовые домчать до путей сердца, были уже благословением. Не к великим ли домам должна была нести колесница не изгнания, но достижения.

Княжеское освобождение от горя и страха, мощь Тао, умостили путь прочный. «Бестронный король» — так называли Конфуция. Не он ли на колеснице шествует по великой стене в страже несменной?! Не его ли кони следуют по следам белого коня великой стены? Кто его видел? Кто уследил его всходы и спуски? Поверившее сердце за белым конем прошло стремнины и горы. Не предрешим ход коня.

Ко всем своим путям Конфуций мог прибавить еще одно заключение. Все враги, его гнавшие, были людьми темными и мерзкими. Имена их или стерлись, или остались в истории на черном месте. Значит, и в этом отношении праведность Конфуция и утверждена, и прославлена историей.

Только что сообщалось: «Работа по реставрации Мавзолея в Чуфу обсуждалась шантунгскими властями».

«Обширные работы по восстановлению Мавзолея Конфуция в Чуфу в Шантунге были решены в заседании в присутствии представителя Нанкинского Правительства».

Провинциальные власти, кроме сотрудничества по восстановлению Мавзолея Конфуция, который находился много лет в небрежении, также избрали Комитет для восстановления Дня Конфуция повсеместно в Китае. Сообщается, что Центральное Правительство даст особые почести потомку великого мудреца».

Опять победа Конфуция! День, посвященный ему, будет днем Культуры.

Странно читать известие, где так скорбно и обычно говорится о том, что Мавзолей Конфуция в течение многих лет оставался в небрежении. Что это значит в течение многих лет? Какие именно потрясения и перемены заставили забыть даже о величайшей гордости Китая! Впрочем, это забытие лишь односторонне. Может быть, Мавзолей и был забыт, но память и заветы Конфуция продолжали жить, ибо Китай без Будды, Лао-цзы, Конфуция не будет Китаем.

Какие бы новые познания ни входили в жизнь, все же устои древней мудрости остаются незыблемы.

Монголы могут узнать много новых вещей, но имя Чингисхана и его наставления будут жить в сердцах народа и само это имя произносится с особым вниманием. Так же точно, как когда-то мы писали о звучании народов, так и памятные имена и места все же жить будут.

Конечно, надо предполагать, что Мавзолей Конфуция уже не может опять впасть в небрежение, ибо страна в своем развитии все глубже и выше будет беречь всегда живые заветы мудрого. И действительно, какой бы вышесказанный завет ни вспомнить, он одинаково будет касаться и нашего времени.

Лишь в очень отсталых умах не будет понятна разница между отжившим и вечным. Пусть и до сих пор лучшие заповеди не исполняются — это не значит, что они не должны были быть даны, а сейчас повторены. Уж чего проще? — «Не убий», «Не лги», «Не укради», а каждый день и эти повелительные Заветы не исполняются. Что же? Отставить ли их за неприменимость? Или продолжать настаивать? Впадать ли в одичание, или настойчиво выплывать на гребень волны? В наставлениях Конфуция нет безвыходного осуждения. Как и все благие наставления сказаны им близко к жизни. Если он отставляет что-либо, то только для того, чтобы выдвинуть нечто лучшее и более полезное. Подчас наставления Конфуция обсуждались несправедливо, и им приписывался смысл, явно не относящийся к их содержанию. Это значит, что кто-то подходил к рассмотрению его заветов с какой-то предубежденностью.

Но, рассматривая большого человека, неуместны ни предубежденность, ни преувеличенность. Пусть будут приняты во внимание действия и слова в их полном значении. Конечно, говоря о последнем значении, мы не должны забывать, что во всех языках, а в том числе и в китайском, и в санскрите, есть свои непередаваемые выражения, которые можно понять и изложить, лишь вполне освоившись как с языком, так и с устоями местной жизни. Сколько бедствий произошло из-за переводов, из-за толкований!

Всякие злостолкования и умышленные извращения, ведь они должны быть судимы, как умышленные преступления против чужой собственности. Иногда же эти умышленные извращения равны покушению на убийство. Из жизнеописания Конфуция не видно, чтобы он впадал в отчаяние или страх. То, что он был вынужден держать колесницу наготове, обозначает лишь его предусмотрительность для вящей полезности будущих действий.

«Я молиться уже начал давно» — так отвечал Конфуций при одном важном обстоятельстве. Неоднократно в жизнеописаниях Конфуция употребляется выражение, что жизнь его была непрестанной молитвой. Торжественно он переплывал океан. Потому-то, оборачиваясь на Великую Стену, мы опять вспоминаем Конфуция, как признак Китая. Мы уверены, что предположенный день Конфуция выльется в настоящее торжество Культуры.

29 марта 1935 г.

Цаган Куре

В сагах знаем героев на белых конях.

Видели белого коня Святого Егория.

Видели белых коней Флора и Лавра.

Видели белых коней литовского бога Световита; на белых конях мчались валькирии.

Слышали о коне Исфагана в древнем Иране. Видели стерегущих храмы оседланных коней Арджуны. Слышали о коне Гессар-Хана, даже видели на скалах Тибета удары подков его. Знали коня Химвата с огненной ношей Чинтамани.

На картинах китайских белые олени несут то же пламенное сокровище. Слово бы олень Святого Губерта. И поступь коня белого очерчивает пределы государства Китайского. От коня стена великая. И опять герои на белых конях. И в Монголии Цаган Мори — белый конь будет отмечен всякими сказаниями. Мчится на нем и Ригден-Джапо, Владыка Шамбалы, и в отсветах пламенных конь становится огненным. И когда народ ожидает будущее, великий всадник обращает лица ждущих — туда, куда нужно.

Именно белый конь в сказаниях принадлежит герою. Именно белому коню предоставлено и одному ходить, принося великую весть.

Когда-то, рано погибший, Леонид Семенов-Тянь-Шанский принес мне свою огненную поэму «Белые кони». Поэт не знал тогда о легендах белого коня. Несмотря на азиатскую фамилию, полученную от деда, поэт был не близок Азии. Но он был настоящий поэт и поэтому своими путями пришел к восточному сознанию.

Помню беседу с Владимиром Соловьевым у Стасова, когда обсуждалась моя картина «Световитовы кони», а философ приговаривал, теребя свою бороду: «Восток, Восток!» Конечно, все помнят его пророческое стихотворение о Кукуноре.

На скифских бронзах кони занимают такое существенное место. Конечно, они — носители быта. И в сказках коню приписываются вещи качества. Богатырь влезает в одно ушко и усиленным, мудрым, вылезает из другого. Конь в сагах предупреждает воина об опасности. И в курганах конский костяк не расстается со своим хозяином.

<...>

Из предсказания мудрого монгольского пророка Молон Бакши, записанного его внуком Санки Цибиковым, переведенного монголом Шагдаровым и Шондор Дабаевым.

«В год цикла свиньи будет землетрясение. В год собаки будет брожение среди начальствующих и власть имущих. В хате родится великий. Хан проедет, не привлекая к себе постороннего внимания. Мимо же дома будут проходить войска. Люди, не имеющие потомственного рода и звания, станут у власти и будут править народом. Честные люди удалятся и займут место у порога, тогда как лживые займут место в доме.

Наступит время, когда истина уступит место лицемерию. Змей пятнистый съест голову свою, а змей же красно-пегий — мясо своего туловища. Лошадь, съедая свой зад, съест и голову свою. Отсюда: начальник, присваивавший народное достояние, поплатится своей головою.

Дальше наступит время, когда деревянная телега будет стоять с коня, а простая — с быка.

Плохому коню путь далек, а скупому человеку друг далек.

Как у мертвого нет звания, так и у бедного нет имущества.

Топором, не имеющим обуха, будешь колоть дрова.

Свет земной окутает железный змей, но зато весь мир — огненный змей.

В 1903 — 4 годах произойдет большое событие.

В год быка будет большое событие. В год тигра произойдет уничтожение. В год зайца будет

год терпения и выносливости.

По восточным окраинам будут грабежи, ибо начальник пустит волка на стадо баранов, загнанное во двор.

Наступит время, так называемое «ни мое — ни твое», будет нужен медный котел и кожаный сундук.

Ко времени переселений повсеместно будет огненный змей.

На стороне восхода солнца обнаружится белый камень с надписью: «Вырубишь топором эту надпись — она не исчезнет, она появится снова».

Дальше этого камня будет пустыня, до которой дойдете. Достигшие этой страны люди станут людьми, а животные — животными. Будет трудно старикам и малым. Вещи будете вьючить даже на быках, на коровах и на лошадях. Иконы и книги будете носить на себе. Для стариков будете сушить мясо и жарить зерно; пить черный чай — питательно.

Со слов Селаринов Молон Бакши предсказал, что позже придут два-четыре человека, которые подъярят своих бунтовщиков и будут созидать религиозные государственные правопорядки».

Молон Бакша скончался, достигши восьмидесяти лет, в год быка. Его песнь была:

*По правой стороне Селенги
Почему качается камыш?
По той стороне Худара
Почему качается камыш?
И предчувствуя в жизни страдания,
Почему мне чувствуется печаль?*

Воспевая эту песню, он, бывало, рыдал!

Вот и еще:

«Великий Киданьский народ не погибнет. Он узнает народ Шамбалы. Он принесет очень старательно священные изображения и порядки государственные.

От белого камня он прочтет и позовет Ихе Бакшу рассказать слово Истины.

Как от великих костров, засияет надпись на камне. Что это идет? Отчего качается ковыль? Что же шествует?

Эрдени Мори сам идет. Эрдени Мори сам выступает. И люди не останутся в прежнем положении.

Что же светит поверх ковыля? Отчего стали светлыми обоны? Отчего засиял большой субурган?

Там, где прошел Эрдени Мори, там засветился ковыль. Там замолчали волки.

И полетели кречеты очень быстро».

Издавна ходит Эрдени Мори, и светит его сокровище. На восходе и на закате солнца затихает все, значит, где-то проходит великий конь белый, несущий сокровище. Пока народы знают о сужденном сокровище, они все же останутся на верном пути. Путь их, хотя бы и долгий, и необычный, — неизбежен. Так же неизбежен, как служение совершенствования. Кому-то — сказки. А кому-то — быль. Кто-то убоится. А кто-то развернет страницы книги принесенной.

И голубиная книга с небес упала. И сокровище сверху пришло. И не сразу нашли мудрого для прочтения книги. И разные народы помнят об этих принесенных благовестях. И всем темным невыносим свет. Почему они так оцетинились? Ведь они ужасаются о себе самих, когда не прочли книги, когда отвернулись от Света. И, отвернувшись от Света малого, разве выдержат их глаза Свет Великий!

Менхе Тенгри!

Великое синее небо, покровитель Чингисхана.

Уж так широка пустыня Монгольская! Уж так необъятна степь! Уж так несчетны горы, холмы, гребни, буераки и складки, где захоронена слава!

Точно бы и пустынна ширь, а на склоне вырастет становище. Гляди, затемнели юрты, или нежданно выглянул белый-пребелый монастырь или субурган. Или засинело озерко.

Словно бы вымерла пустыня. Но скачут всадники в ярких кафтанах или в желтых курмах и красноверхих шапках. Серебром выложенные седла, не служили ли они и при Чингисе? Только где саадаки, колчаны? Где стрелы?

Где же и прочие живности? Но тянется темная черта каравана. Чернеют стада яков. Рассыпались табуны конские. Забелели на солнце стада баранов, а не то замелькали дзерены, мчась по холму. Или юркнул в нору тарбаган, или бурундук. Верблюды, волки, лисицы, зайцы, мало ли всякой живности...

И птиц точно бы нет. Только разве беркут чертит круги. Или запестрят в небе вороны, или клушицы. Или жаворонок залетит. Или перепел вспорхнет. Или от воды потянут турпаны, гуси, утки, куличье всякое... Или вытянется из ковыля дрофа. Или замашут крылами журавли и цапли... Есть и птицы...

Откуда же молчанье твое, пустыня прекрасная? От высоты ли твоей? От необъятности? От чистоты голубого небесного купола, от великого Тенгри, милостивого к Чингису?

Ночью горят все звездные палаты. Сияют все чудные знаки. Открыта Книга Величия. За горою полыхнул луч света. Кто там? Там кто прошел? Не Эрдени Мори?

На скалах Шара-Мурена знаки сокровища. Наран-Обо притаил камень чудесный. Везде прошел Эрдени Мори.

31 марта 1935 г.

Пинцог Деделинг

На обветшалых, пожелтевших рукописях Турфана звучат гимны Богу Свету, Солнцу, Вечной Живой Душе, возносятся моления о покое, о восхождении, о мире. Слово «мир» употребляется очень часто. Кроме множества буддийских текстов в разновременных находках имеются рукописи китайские, манихейские, несторианские, тибетские, иранские и от всяких среднеазиатских путников.

Разрушились, пустынные сейчас, храмы. Засыпались процветавшие города, исчезли стены и башни. Срезана, сбита стенопись. Уничтожены книгохранилища, распроданы и расхищены сокровища. Мрачность царит там, где сияли светлые краски и сверкали металлы. Что же скажет некто, кто посетит старинные места на новых путях?

Пострадали и листы рукописей как от времени, так и от всяких недоброжелательных вражеских рук. Но все-таки и эти прерывчатые, изъеденные свитки напомнят, что и в пустынных, затемненных развалинах когда-то возникали светлые мысли и кто-то изливал душу в прекрасных зовах.

В недавнем переводе турфанские гимны означают: (многоточия обозначают пропавшие места текста).

«Гимн живой душе... все грехи, колебания внутренние и внешние, все мысли, все помысленное и все сказанное. Смещение доброго и злого мышления, неосознание того и другого. Пойми свое Бытие: чистое слово, ведущее к душе? Через нее, через душу пойми лукавое слово вождя ада, которое приведет ко тьме адовой. Взвесь, как судья на весах, все слово, выпущенное и преосужденное. Осмысли перевоплощение и тьму адову, где души терзаются в утеснении. Храни душевное целомудрие, сокровище слова... поедаящий огонь человеческий! И ты, душа светлая, окрыленная, свободная в выражениях! Предопределение и перевоплощение! Удержи сердце и мысль от греховного позыва. В отчизну Света иди путем мира.....»

Тебе пою, Бог Всемогущий, живая душа, дар Отеческий. Будь благословенна душа светлая. Благословенна будь. Свято дойди к своему Отечеству. Счастьем щедрая Мощь! мудрая... все... сама... в трепете... внимая... мир... к Тебе, Сын Вседержителя. Все утеснение, тягость и нужда, которые Ты превзошел, кто может преобороть? Ты, Просветленный, Милосердный, Благословенный, Мощный и благородный Владыко».

.....
«От Света, от Бога — я, став безземельной, от вас удаленная. Будь благословен, кто душу мою изведет из нужды».

.....
«...Вы получите вечную жизнь. Очистите светлую душу, и она освободит вас. Зазвучите в чудесном гимне:... «О благе, о мире, о доверии». Прекрасно пойте и радуйтесь мыслью «О, Светлый Водитель души». Вострубите в веселии: «Веди души воедино ко спасению». На любвеобильный зов трубный отзовутся радостно сыны Божии. Скажите: «Свят, Свят». Воззовите: «Да будет, да будет». Звучите: «О, премудрость Светлейшая». Воззовите чистым словом: «Слово живое Истины от оков освободит заключенных. Хвалите Истину, вы». Звучите и воззовите: «Пылайте страхом Божиим, в заповедях и в Заветах воссоединяйтесь без... исхода... Света. Зовите... Глашатай... великий мир, сокровища, которые души, и глаза, и уши... Призовите Сына Божьего на пир божественный. Украсьте любимые кущи, просветите путь к Свету. Сопрягите все члены в пяти, в семи и в двенадцати. Вот они, семь сияющих, благородных камней, которыми стоит мир. Их мощью живут миры и все сущие. Как лампада в доме единая, во тьме пресветлая»...

.....
«Ударившего тебя не ударь. Не мсти тебе мстящему. Не вводи в искушение тебя искушающих. Встреть дружелюбно на тебя разгневанного. Не причини другому тебе самому нежеланное. Сноси обиды от высших, от равных и от меньших. Не поранят слона цветы, в него брошенные. Не расплавят камень капли воды. Также и обиды и поношения не поколеблют многотерпеливого. Как Сумеру гора, терпеливый высоко удержит себя. Многотерпеливый сумеет явить себя иногда учеником, иногда и учителем, иногда рабом, иногда и владыкою».

«Вот путь, вот тайна, вот Великий Завет и врата Освобождения. Да будет на мне, Твоя Господня воля. Да защитит меня Твое великолепие и да умножится мое терпение, правота и страх Божий. Мой глас и мое ухо»...

«Счастлив, кто в чистоте и правде твоей, о, Боже, познает многообразие, человечность и чудотворность».

«Есть ученик доброго сердца и любящий учителя. Он следует ему, держит имя его в чести и любовно во всем к нему относится... Прими этих братьев, к тебе приходящих. Когда захотят они почерпнуть от мудрости, поучи их, как детей своих».....

«... как Владыко, который оружие свое и доспех снимает и облекается в царские одежды, так посланец Света отлагает воина ценность и воссядет в Свете и в Божественном одеянии, в венце сияющем и в венце прекрасном. И в великой радости сходятся к нему и справа, и слева Светозарные в песнопении веселия — все собирается в Божественной чудотворности, как блеск молнии, или, как стремящееся светоозарение, осветит столбы его восхищения во всей божественности...»

«Благородный Владыко исполнил свое обещание, Им данное: «Воссяду на облаке и к часу сужденному пошлю вам помощь».

Так звучат голоса на истлевших рукописях. В знаках пехлевийских и уйгурских сохранились в тайниках Азии голоса от стран дальних. И в стенописи сохранены черты разных народов, которые в прекрасном сочетании улеглись на тех же единых поверхностях. В образах стенописи, в технике исполнений тоже найдутся и китайские, и иранские, и индусские облики. Светлые, большею частью образы в разных символах возносят о мире моления. А из-за Гималаев звучит моление древних Вед:

«Пусть все сущие силы принесут нам мир. Пусть Бог нам мир засвидетельствует. Пусть мир, и мир един царствует всюду. Пусть сойдет на нас этот мир».

Среди мятущегося западного вихря Данте в своем незабываемом трактате взывает:

«О, человечество, какие же бури должны поразить тебя, какие потери ты должно понести, какие крушения должны ударить тебя, пока ты, как многоголовое чудовище, устремляешься к вещам противным! Ты больно в своем понимании. Ты болеешь в своих чувствах. Нерешимые соображения не помогают твоему пониманию. Ясная убедительность не убеждает твоего низкого мышления. Даже сладость Божественной убедительности не очаровывает тебя, когда она дышит в созвучиях Святого Духа. Помните, братья, как хорошо и как приятно жить вместе в единении».

Молила Азия о мире, о том же взывали великие души Запада. Не в молениях ли, навсегда запечатленных, выковано свидетельство о мире, о мире всего мира.

22 июля 1935 г.

Тимур Хада

Наш Чампа, полутибетец-полумонгол, родом с Куунора, возвращается с базара — сообщает: «Говорят, что тут где-то есть камень, в котором медный пояс».

Что же это такое, и как бы узнать, где этот камень?

«Может быть, удастся расспросить. Только это трудно».

Мы думаем, что дело идет о каком-то открытом погребении, или о кладе, или, наконец, о легенде. На первый взгляд обращается внимание не столько на камень, сколько на пояс. Ведь пояс всегда был признаком власти. Не раз в истории похищение пояса или оскорбление пояса приводило к тяжким последствиям. Так поговорили о странном камне с медным поясом и подумали, что, вероятно, дальнейшее узнать о нем трудно. Если бы это оказалось каким-то кладом, то ведь о кладах будут говорить особенно осторожно.

Конечно, легенды о кладах, находимых в бурханах, или о каких-то сокрытых ценностях можно слышать часто. Иногда они будут связаны с большими именами прежних легендарных воителей. Не обойдется и без упоминания Чингисхана, ибо это имя упоминается при всяком возможном случае.

Проходит несколько дней. Юрий занимается с приезжим бурятским ламой-лекарем. Вдруг приезжает чиновное лицо от местного князя. Князь очень просит, чтобы мы не трогали и не разбили камня с медным поясом. Опять тот же камень. Спрашиваем, полагая, что речь идет о какой-то руде: «Где же он находится?» Ответ уже наводит нас на некоторые мысли и воспоминания.

«Камень этот двигается и появляется около священных и замечательных мест. Здесь же, около Наран Обо, место священное. Князь знает, что вы собираете травы и цветы. Это очень хорошо. Но не потревожьте камень, который появляется то там, то здесь. Ведь он может оказаться и на вашем пути».

Значит, дело оказывается не в медном поясе, как мы думали первоначально, но в самом камне. А камень этот не что иное, как тот самый легендарный, испокон известный чудный камень, посещающий особо замечательные местности в особо нужное время. Таким образом, скромный посланец князя совершенно деловито просит нас не нарушить чудодейственного камня. Конечно, мы просим его передать, чтобы никто не беспокоился. Камня мы не нарушим, не разобьем и не обидим.

Воображаю, как удивлены были бы местные монголы, если им рассказать все известные легенды о чудесном камне — легенды от Тихого океана и до средневековых мейстерзингеров. В данном случае новым оказалось то обстоятельство, что не легенда рассказывалась, но просили не нарушить камень. Значит, не сказание, но бытность самого камня жила совершенно явно и непреложно.

Новая подробность о поясе на камне, быть может, означает, что камень облечен властью. В других вариантах ни о каком поясе не упоминалось. На камне указываются знаки, которые то появляются, то уходят вглубь. Камень предупреждает своего временного владельца о всяких значительных событиях. Камень издает треск в особых случаях. Становится особенно тяжелым или, наоборот, теряет вес. Иногда камень начинает светиться. Камень приносится иногда новому владельцу совершенно нежданно какими-то незнакомцами. У камня много качеств, недаром о нем сложены всевозможные предания и песни. Упоминается он и в средневековых исторических и научных изысканиях. На Гималаях, в Тибете и в Монголии постоянно приходится встречаться с упоминаниями об этом сокровенном чуде.

Странно связывать чудесные, полные глубоких знаков и символов сказания с приездом

чиновного лица, просящего не повредить и не увозить камня. Здесь ведь место особо священное. Около Наран Обо, бывало, уже появлялся чудесный камень. В этих местах запрещено убивать всех животных. Сам таши-лама подымался на Наран Обо и отметил это место.

«Ведь таши-лама выдает пропуск в Шамбалу».

Конечно, и это сведение понимается чрезвычайно различно. Но тем не менее до сих пор приезжают некоторые люди к таши-ламе с прямою просьбою дать им подобный пропуск. Опять-таки древнейшие знаки совмещаются с современностью иногда в самых неожиданных формах.

Также приходилось слышать, как нападали некоторые люди на рассказчиков о таких знаках. Ревнителю тайн придут и шепнут, а рассказчик немедленно прервет повествование. Если же начнут его допрашивать, то он закончит какой-либо самой прозаической формой, совсем не отвечающей вдохновенному началу. Значит, и древнее установление охранения тайны живет по-прежнему. И как умеют хранить такие заповедные тайны! Как умеют вовремя перевести речь на какие-нибудь повседневные темы или нежданно обратить внимание на какое-то внешнее приключение!

Опять-таки вспоминается, как однажды один индус сказал, что он настолько не выдаст тайны, что скорее допустит утверждение, что вообще ничего подобного не существует. Как в океанских волнах пробегают два и три различных течения, так же и глубины людского сознания умеют быть заперты затвором тайны.

Кто-то смеется над подобною стойкостью, над таким хранением основ. Но кто-то и уважает, когда видит, что вне всякой, иногда и вопреки всякой своекорысти люди остаются несломимы, как адамант. Камень драгий — знали его многие народы. Сохранили, запрятали знания о нем в самую сокровенную сокровищницу. Если приезжает чиновник и просит не повреждать и не увозить камня, то ведь в этом еще не будет открытие тайны. Ведь он-то не сказал, о каком таком камне идет речь. Он по обязанности должен был предупредить, что таковой камень появлялся, бывало, в этой местности. Значит, этим предупреждением не произошло разбалтывания.

Посланец был рад слышать наше обещание не вредить камню. Кто знает, может быть, в постановке нашего ответа ему почудилось, что мы знаем больше, чем он полагал. Во всяком случае, наше обещание не вредить камню было принято с искренней признательностью.

Уметь хранить тайны уже значит доказать значительное качество духа. Кто возьмется отделить, где легенда граничит с фантастикой, а где в основе ее лежит действительность. Не так давно доказывалось, что герои так называемых легенд были существовавшими людьми, героическими деятелями, дела которых, выходя за пределы общечеловеческого разума, сплетались в чудесные, вдохновляющие легенды.

Знаете ли вы, существует или нет тот камень, о котором знают так многие народы?

6 августа 1935 г.

Тимур Хада

Жарко и душно было вчера. Вдали громыхали грозовые тучи. От подъема на каменистое Ширет Обо кое-кто приустал. Уже направляясь к стану, мы заметили вдалеке огромный вяз-карагач, возвышавшийся среди окружавшей пустыни. Размеры дерева, его какие-то знакомые нам очертания, повлекли к нему. Ботанические соображения подсказывали, что в широкой тени одинокого великана могут быть нужные нам травы. Скоро все присутствовавшие собрались у двух мощных стволов карагача. Тень его — густая-прегустая, раскинулась более чем на пятьдесят футов. Мощные стволы выросли причудливыми наплывами. В богатой листве щебетали птицы, а мощные ветры протянулись во все стороны, как бы желая приютить всех проходящих.

На песке вокруг корней запечатлелись самые разнообразные следы. Рядом с широким волчьим следом отпечатались тоненькие копытца дзерена — местной антилопы. Тут же прошел и конь, а рядом с ним осталась тяжелая поступь быка. Наследили разные птицы. Очевидно, все местное население приходило под радушную листву великана. Особенно напомнил нам вяз-карагач раскидистые баньяновые деревья Индии. Каким местом благословенного схода служили такие деревья! Сколько путников под ними получало отдохновения и телесные, и духовные! Сколько священных повествований запечатлевалось под ветвями баньяна! И вот, одинокий гигант карагач в монгольской пустыне живо перенес нас под сень баньяна. Мощные ветви карагача напомнили нам и о других могучих восхождениях Индии.

Подумалось о светлом гиганте Индии, о Шри Рамакришне. Около этого славного имени столько самых почтительных определений. И Шри, и Бхагаван, и Парамхамза — словом, все, чем народный глас хотел бы оказать свое почтение и уважение. Бывают такие самые почетные от народа пожалования именем. В конце концов, поверх наипочетнейших наименований остается одно, проникшее по всему миру, имя Рамакришна. Имя личное уже обратилось в целое всенародное, всемирное понятие. Кто же не слышал этого благословенного имени? К нему так идет слово о благе. Кроме самых черствых сердец, какое же человеческое сознание будет противоборствовать благу?

Вспоминаем, как выросло в разных странах познание светлой сущности Рамакришны. Вне злобных пререканий, вне взаимоущемлений, слова о благе, близкие каждому человеческому сердцу, широко распространялись, как могучие баньяновые ветви. На путях человеческих исканий вставляли эти зовы о добротворчестве. Мы знаем и не раз слышали, как «случайно» находились книги о Рамакришне. Елена Ивановна замечательно нашла эту первую книгу. Потом, через много лет, беседуя под радушным кровом миссии Рамакришны под Калькуттой, вспоминалось, как нежданно-жданно мы познакомились с этим великим проповедником добра.

Сотни тысяч, целый миллион народа сходятся в памятный день к Рамакришне. Сходятся в доброжелании, поистине добровольно, и обновляется добрыми воспоминаниями и благожеланиями. Ведь это замечательное выражение гласа народа. Это народный суд, народное почитание, которое нельзя понудить или заставить. Как лампы засветляются одна от другой и неистощим огонь, так и такое народное почитание не меркнет и светит через все дни современных мировых смятений.

А ведь много смятений сейчас. Казалось бы, смущен и отвлечен дух народный от основ духовных. Справедливо часто слышится плач о потрясении основ. Но этот миллион сошедшегося народа разве не является живым доказательством того, что, поверх смущений дня сегодняшнего, живет неиссякаемая духовность и устремление ко благу. В жаркий и душный день, не убоясь расстояний, сходятся путники почтить память Рамакришны. Не формальная обязанность сводит

воедино всех этих разнообразных путников. Чистосердечное благое устремление повелительно приводит их к местам, запечатленным именем Рамакришны. Ведь это для наших дней так необычайно ценно. Необычайно, что среди тяжких трудов, среди сомнений, среди поникновений люди все-таки могут вспыхивать огнем светлым. Сердце их зовет сойтись вместе. Не толкаться, не буйствовать, не разрушать, но слиться единой мыслью о благе.

Великую силу имеет объединенная благая мысль. Как же должно ценить человечество те светлые явления, которые являются побудителями этих объединительных, мощных и созидательных мыслей? Мысль о благе будет прежде всего творяща. Благо не разрушает — оно созидает. Словами блага выясняются те вечные основы, которые заповеданы человечеству на всех лучших скрижалях. Если понятие Рамакришны неусыпно устремляет к творящему благу, то ведь это уже огромное счастье.

В дни потемок особенно драгоценен свет, драгоценны его сохранения. В своих притчах о благе Рамакришна никогда никого не умалил. И не только в учении, в притчах, но и в самих деяниях своих Рамакришна никогда не допустил умаления. Вспомним хотя бы его почитание страстей Христовых. Ведь такие понимания тронут самое окаменелое сердце. Широко чувствовавший Бхагаван, конечно, обладал многими чувствованиями. Дар исцеления он, в свою очередь, отдавал широко. Он ничего не оставил под спудом. Он исчерпывал свои силы в благословенных отдачах. И болезнь его, конечно, через эти непомерные отдачи. Но и в них, этих благородных несчетных отдаваниях, Рамакришна явил нам меру свою.

В разных частях света почитается имя Рамакришны, почитается и Свами Вивекананда, который явил лик истинного ученика. Соотношение Рамакришны и Вивекананды также останется на самых замечательных страницах истории культуры Индии. Не только так свойственная Индии глубина мышления, но именно всенародно проявленное свидетельство Гуру и челы — ведь это должно так многим напомнить о чем-то очень основном. Проходят века, сменяется качество цивилизации и культуры, но Учитель и ученики останутся в том же благом соотношении, которое издавна было преподано в Индии. Много веков тому назад были записаны слова мудрости. Но сколько же тысячелетий до этого они жили в устной передаче. И как ни странно сказать — в передаче, может быть, более сохраненной, нежели даже иероглифы свитков. Умение сохранить точность тоже истекает из окрепшего сознания о совершенствовании в применении чудесных камней прошлого для нового светлого будущего.

Не только неувыдаемая ценность учения о благе, сказанного Рамакришною, но именно нужность этого слова и для современности является несомненным. В то время, когда духовность, как таковая, начинает очень часто вытравляться неправильно понятыми формулами, тогда светлое созидательное утверждение особенно драгоценно. Стоит лишь справиться о цифрах изданий миссий Рамакришны. Стоит лишь вспомнить все то огромное количество городов, в которых люди собираются вокруг этого зова о благе. Цифры эти не нуждаются ни в каком преувеличении. Нет неестественной нервности или преднамеренности в происходящих тихих и мысленно углубленных собраниях. Ведь это тоже одно из ближайших свидетельств истинной строительной. Все глубоко осознаваемое не в шуме и в смятении творится, но нарастает планомерно, в высшей соизмеримости.

Мысли о благе, так щедро преподанные Рамакришною, должны пробуждать и благую сторону сердец человеческих. Ведь Рамакришна не отрицатель и не нарушитель. Он строитель во благе, и почитатели его должны открыть в тайниках своих истинное добротворчество. Деятельно это добротворчество. Естественно претворяется оно в творчество на всех добрых путях. Собираясь к памятного дня Рамакришны, люди не боятся пыли дорожной, не уstraшаются зноя, изнуряющего лишь тех, кто не проникся стремлением ко благу, к великому служению человечеству. Служение человечеству — велик этот завет Рамакришны.

7 августа 1935 г.
Тимур Хада

Великая Матерь

Радж-Раджесвари — Всемогущая Матерь. Тебе поет индус древности и индус наших дней. Тебе женщины приносят золотые цветы и у ног Твоих освящают плоды, укрепляя ими очаг дома. И, помянув изображение Твое, его опускают в воду, дабы ничье нечистое дыхание не коснулось Красоты Мира. Тебе, Матерь, называют место на Белой Горе, никем не превзойденное. Ведь там встанешь, когда придет час крайней нужды, когда поднимешь Десницу Твою во спасение мира и, окружая всеми вихрями и всем светом, станешь как столб пространства, призывая все силы далеких миров.

Разрушаются старые храмы, раскалываются колонны, и в каменных стенах впились снаряды недругов.

«В Гоа приставали португальские корабли. На высоких кормах каравелл золотом сверкали изображения Мадонны и Ее великим именем посылались ядра в святилище древности. Португальскими снарядами раздроблены колонны Элефанты.

La Virgen de los Conquistadores!

В Севилье, в Альказаре, есть старая картина Алексо Фернандец, носящая это название. В верхней части картины, в сиянии облаков небесного цвета, стоит Пресвятая Дева с кроткой улыбкой, и под Ее широким плащом собрана и охранена толпа завоевателей. Внизу волнуется море, усеянное галеонами и каравеллами, готовыми к отплытию в далекие страны на чужие земли. Может быть, это те же корабли, которые будут громить святилище Элефанты, и кроткой улыбкой Всеблагая Дева провожает завоевателей, точно и она сама с ними восстала на разрушение чужих накоплений. Это уже не грозный Илья-Пророк или мужественный Михаил, постоянные воины, но Сама Кроткая подвигнута в народном сознании к бою, точно бы Матери Мира достойно заниматься делами человекоубийства».

Мой друг возмущается. Он говорит: «Посмотрите, вот одна из самых откровенных картин. Читайте в ней всю современную психологию. Посмотрите на это самомнение. Они собрались захватывать чужое достояние и приписывают Богоматери покровительство их поступкам. Теперь сравните, насколько различно настроение Востока, где Благая Гуаньинь закрывает своим покрывалом детей, защищая их от опасностей и насилия».

Другой мой приятель защищает психологию Запада и тоже ссылается на изображение как на истинный документ психологии каждой современности. Он напоминает, как в картинах Сурбарана или Хольбейна Пресвятая Дева закрывает своим покрывалом верных, к Ней прибегающих. Из изображений Востока он приводит на память страшных идамов, рогатых, увешанных ужасными атрибутами. Он напоминает о пляске Дурги на человеческих телах и об ожерельях из черепов.

Но носитель Востока не сдаётся. Он указывает, что в этих изображениях нет личного начала, что кажущиеся страшные признаки есть символы необузданных стихий, зная силу которых человек понимает, что именно надо ему одолеть. При этом любитель Востока указывает, что элементы устрашения применялись всюду и не меньшее пламя и не меньшие рога демонов изображались в аду на фресках Орканья во Флоренции. Всякие ужасы в изображениях Босха или сурового Грюневальда могут поспорить со стихийными изображениями Востока. Любитель Востока ставил на вид так называемую Турфанскую Мадонну и предполагал в Ней эволюцию богини Маричи, которая, будучи раньше жестокой пожирательницей детей, постепенно превратилась в заботливую хранительницу их, сделавшись духовной спутницей Кувера, бога счастья. Вспоминая об этих благих эволюциях и добрых стремлениях, было указано на обычай, до сих пор существующий на Востоке. Ламы всходят на высокую гору и для спасения

неведомых путников разбрасывают маленькие изображения коней, далеко уносимые вихрем. В этом действии есть благодать и самоотречение.

На это любителю Востока было сказано, что Прокопий Праведный в самоотверженности отвел каменную тучу от родного города и всегда на высоком берегу Двины молился именно за неведомых плавающих. И было указано, что и на Западе многие подвижники променяли, подобно Прокопию, свое высокое земное положение на пользу мира. В этих подвигах, в этих актах молитв «за неведомых, за несказанных и неписанных» имеется тот же великий принцип анонимности, того же познания преходящих земных воплощений, который так привлекателен и на Востоке.

Любитель Востока подчеркивал, что этот принцип анонимности, отказа от своего временного имени, такое начало благодного, безвестного даяния на Востоке проведено гораздо шире и глубже. При этом вспомнили, что художественные произведения Востока почти никогда не были подписаны, так как даяние сердца не нуждалось в сопроводительной записке.

На это ему было замечено, что и все византийские, старые итальянские, старые нидерландские, русские иконы и прочие примитивы также не подписаны. Личное начало стало проявляться позже.

Заговорили о символах Всемогущества и Всеведения, и оказалось опять, что те же самые символы прошли через самые различные сознания. Разговор продолжался, ибо жизнь давала неиссякаемые примеры.

На каждое указание с Востока следовал и пример Запада. Вспомнили о белых керамических конях, которые кругами до сих пор стоят на полях Южной Индии и на которых, как говорят, женщины в тонких телах совершают полеты. В ответ встали образы валькирий и даже современное выделение астральных тел. Вспомнили, как трогательно женщины Индии украшают каждый день порог своего дома новым узором — узором благополучия и счастья, но тут же припомнили и все узоры, вышитые женщинами Запада во спасение дорогих их сердцу.

Вспомнили Великого Кришну, благого пастуха, и невольно сравнили с древним образом славянского Леля, тоже пастуха, сходного во всем с индусским прототипом. Вспомнили песни в честь Кришны и Гопи и сопоставили их с песнями Леля, с хороводами славян. Вспомнили индусскую женщину на Ганге и ее светочи во спасение семьи и сопоставили с венками на реке под Троицын день — обычаем, милым всем славянским арийцам.

Вспомнили заклинания и вызывания колдунов Малабарского берега и совершенно такие же действия и у сибирских шаманов, и у финских ведм, и у шотландских ясновидящих, и у краснокожих колдунов.

Ни океаны, ни материки не изменяли сущности народного понимания сил природы.

Вспомнили тибетскую некромантию и сопоставили с черной мессой Франции и с сатанистами Крита...

Противопоставляя факты, незаметно начали говорить об одном и том же. Кажущиеся противоположения оказались совершенно одинаковыми ступенями различных степеней человеческого сознания. Собеседники изумленно переглянулись — где же этот Восток и где же этот Запад, которые так принято противопоставлять.

Третий, молчаливый собеседник улыбнулся. А где же вообще граница Востока и Запада, и не странно ли, что Египет, Алжир и Тунис, находящиеся на юге от Европы, в общепринятом представлении считаются уже Востоком. А лежащие от них на Восток Балканы и Греция оказываются Западом.

Припомнилось, как, гуляя на берегу океана в Сан-Франциско с профессором литературы, наблюдая солнечный закат, мы спросили друг друга:

«Где мы, наконец, находимся, на крайнем Западе или на крайнем Востоке?» Если Китай и

Япония по отношению к ближневосточной Малой Азии уже считаются Дальним Востоком, то, продолжая взгляд в том же направлении, не окажется ли Америка с ее инками, майя и краснокожими племенами крайним Востоком? Что же тогда делать с Европой, которая окажется окруженной «Востоками» с трех сторон?

Припомнили, что во время русской революции финны считали Сибирь своею, ссылаясь на племенные тождества. Припомнили, что Аляска почти сливается с Сибирью и лик краснокожего в сравнении со многими монголоидами является поразительно схожим с ликом Азии.

Как-то случилось, что на минуту все суеверия и предрассудки были отставлены противниками. Представитель Востока заговорил о Сторучице православной церкви, и представитель Запада восхищался образами многорукой, всепомогающей Гуаньинь. Представитель Востока говорил с почитанием о золототканом платье итальянской Мадонны и чувствовал глубокое проникновение картин Дуччо и Фра-Анжелико, а любитель Запада отдавал почтение символам Всеокой, Всезнающей Дуккар. Вспомнили о Всескорбящей. Вспомнили о многообразных образах Всепомогающей и Вседающей. Вспомнили, как метко вырабатывала народная психология иконографию символов и какие большие знания остались сейчас нечеткими под омертвелой чертою. Там, где ушло предубеждение и забылся рассудок, там появилась и улыбка.

Как-то облегченно заговорили о Матери Мира. Благодушно вспомнили итальянского кардинала, который имел обыкновение советовать богомольцам: «Не утруждайте Христа Спасителя, ибо Он очень занят; а лучше обращайтесь к Пресвятой Матери. Она уже передаст ваши просьбы куда следует».

Вспомнили, как один католический священник, один индус, один египтянин и один русский занимались исследованиями знака Креста и каждый искал значение креста в свою пользу, но с тем же всеобъединяющим смыслом.

Вспомнили мелькнувшие в литературе попытки объединения слова Христос и Кришна и опять вспомнили об Иосафе и о Будде, но так как в этот момент всеблагая рука Матери Мира отстранила все предубеждения, то и беседа протекала в мирных тонах.

Любители Востока и Запада вместо колючих противопоставлений перешли к строительному восстановлению образов.

Один из присутствующих вспомнил рассказ одного из учеников Рамакришны, каким почитанием пользовалась жена Рамакришны, которую по индусскому обычаю называли матерью. Другой распространил значение этого слова к понятию «материя матрикс»...

Образ Матери Мира, Мадонны, Матери Кали, Препологой Дуккар, Иштар, Гуаньинь, Мириам, Белой Тары, Радж-Раджесвари, Ниука — все эти благие образы, все эти жертвовальницы собрались в беседе, как добрые знаки единения. И каждая из них сказала на своем языке, но понятном для всех, что не делить, но строить нужно. Сказала, что пришло время Матери Мира, когда приблизятся к земле Высокие Энергии, но в гневе и в разрушительстве эти энергии вместо сужденного созидания дадут губительные взрывы.

В улыбке единения все стало простым. Ореолы Мадонны, такие одиозные для предубежденных, сделались научными физическими излучениями, давным-давно известными человечеству аурами. Осужденные рационализмом современности символы из сверхъестественного вдруг сделались доступными исследованию испытателя. И в этом чуде простоты и познания наметилось дуновение эволюции Истины.

Один из собеседников сказал: «Вот мы говорим сейчас о чисто физических опытах — а ведь начали как будто о Матери Мира». Другой вынул из ящика стола записку и промолвил: «Современный индус, прошедший многие университеты, обращается так к Великой Матери, самой Радж-Раджесвари:

Если я прав, Матерь, Ты все:
Кольцо и путь, тьма и свет, и пустота,
Голод и печаль, и бедность и боль.
От зари до тьмы, от ночи до утра, и жизнь
и смерть,
Если смерть бывает — Все есть Ты.
Если Ты все это, тогда и голод, и бедность,
и богатство
Только преходящие знаки Твои.
Я не страдаю, я не восхищаюсь,
Потому что Ты — все, и я, конечно, Твой.
Если Ты все это показываешь смертным,
То проведи, Матерь, меня через Твой свет
К Нему — Великой Истине.
Великая Истина нам явлена только в Тебе.
И затем ввергни куда хочешь мое брненное тело.
Или окружи его золотом богатства.
Я это не буду чувствовать.
Ибо с Твоим светом я познаю сущее,
Ибо Ты есть Сущее — а я Твой.
Значит, я в Истине!

Третий добавил: «В то же время на другом конце мира поют: «Матерь Света в песнях возвеличим!», а старые библиотеки Китая и древнесреднеазиатских центров хранят с далеких времен гимны той же Матери Мира».

На всем Востоке и на всем Западе живет образ Матери Мира и глубокозначительные обращения посвящены этому высокому Облику.

Великий Лик часто бывает закрытым, и под этими складками покрывала, сияющего квадратами совершенства, не кажется ли тот же Единый Лик общей всем Матери Сущего!

Мир миру!

Время от времени ко мне доходят нелепые слухи о том, что будто бы среди наших хождений по Азии мною открыт какой-то подлинный документ, чуть ли не от времен Христа. Не знаю, кому нужно и с какой целью выдумывать эту версию, но со своей стороны мне хотелось бы утвердить мою точку зрения на этот замечательный предмет, занявший умы не только христианского, но и мусульманского, и буддийского, и индусского миров.

Каждый, соприкасавшийся с различными народами Азии, действительно, в часы сердечности и доверия слышит многообразные, но всегда благостные сказания о великом Иссе, о Божественном, о Величайшем, о Пророке, о Лучшем из сынов человеческих — каждый по-своему, все о том же, близком сердцу его. Все знают, что существует обширная литература, связанная с именем Христа в Азии, как по несторианским, так и по мусульманским и индусским источникам. Много написано о Христе и о Кришне, много известно о так называемых христинах Св. Фомы. Длинные и прекрасны сказания и песни Кашмира и всего Туркестана о великом Иссе.

Мусульмане хотят иметь гробницу Христа в Шринагаре и мазар Богоматери около Кашгара. Опять-таки каждый по-своему и все о том же. Мусульмане нам говорили, что они всеми мерами ищут все списки сказаний о Христе и готовы заплатить за них любую цену. Не буду приводить все те многочисленные книги, часто написанные духовными лицами христианства, о «Христе в исламе», все Аграфы, трактующие о Христе в Персии и Индии.

Действительно, и на юге Индии вы можете слышать замечательные слова индуса о Христе. И Вивекананда в Бенгалии находит в себе незабываемую этому характеристику; и Шри Васвани в Синде говорит слушателям своим о заветах Иисуса. Тибетский лама, вместе со священными своими книгами, полагает в субургане заветы Христа, и сартский бакша тоже славословит по пустыням; и князь карашарский удивляет вас знанием многих летучих сказаний.

Среди многообразной литературы, статьи сэра Лалубай Самладас'а и пресловутая книга Нотовича, вероятно, составлены по разным сказаниям. Конечно, было бы гораздо ценнее, если бы отрывочные сказания были сохранены, хотя бы и несвязно, но в своем подлинном характере.

Об этом очень хорошо замечает архимандрит, написавший к этой книге замечания свои.

В «Алтай — Гималаях», говоря о Кашмире, вспоминалась арабская песнь: «Когда Христос возносился, славословили все узревшие». И указывалась кашмирская песнь: «Славословят Христа в лучших словах. Превыше был Он солнца и луны». И так на красном ковре восемь мусульман, никем не принуждаемые, славят Христа до полуночи.

Там же указывалось: «Заметны намеки о втором посещении Христом Египта. Спрашивают, почему Христос не мог быть и в Индии? Кто усумнится, что легенды о Христе существуют в Азии, тем покажет, что ему незнакомо огромное влияние несториан по всей Азии и какое множество апокрифических легенд они распространили от древнейших времен». «Никогда не откроются источники легенд этих. Но если даже они произошли от несторианских апокрифов, то как поучительно видеть их живое распространение и глубокое к ним внимание. Знаменательно слушать, как местный индус повествует, как Христос проповедовал у небольшого водоема недалеко от базара, под большим, уже не существующим деревом. В этих чисто конкретных указаниях можно видеть сердечное отношение к предмету».

Далее указывается, как славословит бакша турфанский, с бубном и ситарою, на гнедом коне: «Божественный Исса в хождении своем повстречал большую голову. На пути лежит мертвая голова великанская. И подумал Исса: от большого человека голова сия великая. И задумал Исса дело доброе, воскресить великую голову. И покрылась голова кожей. И наполнились очи. А и выросло тело и побежала кровь. И наполнилось сердце. И восстал

богатырь великан, и поклонился он Иссе за воскресение для подвигов во спасение всего человечества».

И в «Сердце Азии» упоминалось: «В Шринагаре впервые достигла нас любопытная легенда о пребывании Христа. Впоследствии мы убедились, насколько по Индии, Ладаку и Центральной Азии распространена легенда о пребывании в этих местах Христа, во время Его долговременного отсутствия, указанного в Писаниях. Шринагарские мусульмане рассказывают, что распятый Христос, или, как они говорят, Исса, не умер на кресте, но лишь впал на забытие. Ученики похитили его и скрыли, излечив. Затем Исса был перевезен в Шринагар, где учил и скончался. Гробница Учителя находится в подвале одного частного дома. Указывается существование надписи, что здесь лежит сын Иосифа; у гробницы будто бы происходили исцеления, и распространялся запах ароматов. Так иноверцы хотят иметь Христа у себя».

Спрашивается, какой же злонамеренный ум из этих замечаний выводит легенду о нахождении мною какого-то манускрипта времен Христа?

Вместо того чтобы вместе с нами порадоваться широкому, всеобъемлющему проникновению великого понятия Христа-Искупителя, вместо того чтобы подивиться в сердце своем, какими незапамятными и необъятными путями облетело имя Христа все пустыни, кто-то хочет только затемнить что-то и умалить в каком-то злонамерении.

В последнем номере индусского журнала Шри Васвани «Заря» читаем: «Храм Шри Иссы, Пури, является значительным местом индусского паломничества. В Пури находится священный храм, к которому во множестве стекаются индусы. Недалеко от него катятся волны Бенгальского залива. Между храмом и морем прекрасный сад, расположенный в прекрасном месте и посвященный Христу. В центре сада небольшой «мандир». В нем стоит Крест! И каждый вечер ачария мандира читает отрывки из Псалмов и Нового Завета; и в течение дня из соседних святилищ приходят садху и сидят и беседуют с членами этого ашрама, посвященного Шри Иссе».

Опять не знаю, насколько точно формулирована действительность, но даже в намеке своем она содержит элементы благости, которым можно порадоваться, если чье-то сердце не засохло и не раскалилось на угольях озлобления.

Поучительно встречать в самых неожиданных местах сердца Азии несторианские кладбища с крестом надгробий. Интересно видеть ханские монеты с изображением креста и знакомиться с обширную литературою о Пресвитере Иоанне. Во всяком случае, мы должны быть признательны даже выдумщикам об открытом мною манускрипте, ибо они клеветою своею опять дают возможность, хотя бы и обратным подходом своим, вызвать еще одно внимание к этим жемчужинам духа, живым в претворении веков.

Мне уже приходилось писать о том, что у каждого благожелательного сердца не найдется камня, чтобы бросить в певца— мусульманина, по-своему поющего самые высокие слова о Христе, не найдется желания остановить иноземную легенду, собирающую вокруг себя глубоко внимающих сердцем слушателей.

Наука не может содержать в себе ничего разрушительного. Ученые заботливо собирают все крохи предмета, которые когда-то, в чьих-то руках, откроют новые пути истории народов. Путь невежественного отрицания приводит лишь к разложению, а честное познание, прежде всего, строительно в существе своем и в благородстве духа своего не может заниматься никакими бессмысленными умалениями. Мы можем проверять, можем накапливать отрывочные искры народной памяти, которая в своей возвышающей легенде дает истинный, всеобъемлющий смысл, в свое время не оцененный.

Было бы непозволительно невежественною трусостью скрыть эти благостные легенды, открывающие драгоценные тайники души народной и соединяющие то, что было разделено по

скудоумию. С истинною радостью вспоминаю суждение по этому предмету некоторых римско-католических и греко-католических пастырей. Конечно, и светские ученые найдут в себе и справедливость, и добросовестность обратиться к предмету не с уничтожающим желанием, а так же беспристрастно, справедливо и тепло, как согрела легенда Азии бесчисленные сердца народов.

Еще раз спасибо клеветникам, дающим мне возможность вновь произнести эти слова во Благо.

1931.

Гималаи

«Ангел Благое Молчание». Кто не восхищался пламенной тайной в образе огневого Ангела? Кто не преклонялся перед всепроникающей вестью этого жданно-нежданного Гостя! Он безмолвен, как сердце постигшее. В Нем хранима нетленная красота духа. Красота в вечности безмолвного и кроткого духа — Он и хранит, и напутствует.

«Ангел есть неосязаемое, огневидное, пламеносное», — говорит «Зерцало». «Языка для слова и уха для слышания не требует, без голоса и слышания слова подает един другому разума своя»... «Мечтательное тело надевают ангелы для явления людям».

В молчании было видение. Исполнились света предметы. И воссиял лик Великого Гостя. И замкнул Он уста и скрестил руки, и струился светом каждый волос Его. И бездонно пристально сияли очи Его.

В бережности принес Пламенный весть обновленного, благословенного мира. Тайночью Он дал знак ко благу. В дерзании Он напомнил о Несказуемом.

Без устали в часы дня и ночи будит Он сердце человеческое. Он сказывает приказ к победе духа, и каждый поймет и примет Его на языке своего сердца.

Кто же запечатлел Ангела Благое Молчание? Образ Его писем поморских. Но не только от полуночного моря тайна сия. В ней ясен и покрытый лик вестника Византии. В ней и тайна креста. Запечатлен Ангел Молчания тою же рукою и мыслью, что сложила образ Софии Премудрости Божией. Пламенны крылья устремленной Софии, пламенны же и крыла Ангела Благого Молчания. Огненны кони, Илию возносящие. И пламенное крещение над апостолами. Все тот же огонь, Агни всеведения и возношения, который проникает все Сущее и перед которым слово не нужно.

Рассекают пространство искры динамо. В напряжении расцветают они спиралями восходящие и сверкают как древо ветвями и листьями огня. Логос мысли нагнетает прану, и в трепете смущается человеческое естество перед блистанием языка молнии. Вспыхивает огонь Кундалини. Вращаются колеса Иезекиила, вращаются чакры Индии, грозен глаз Капилы...

Где же предел сиянию? Где размер мощи? Но невидим стал свет, и звук потонул... Ничто не мерцает, и сам аромат праны растворяется. Это высшее напряжение. Недоступно глазу и неслышно уху. Лишь сердце знает, что взывает молчание и переполнена чаша. Сперва молния и гром, и вихрь, и трепетание, и лишь затем в молчании Глас Несказуемый. Говорит Агни Йога: «Первый завет грому подобен, но последний творится в молчании». Сперва Вестник Пламенный, а затем Сама Пречистая София Премудрость...

Сказано: Благодать пугливая птица; стремительны крыла Софии — горе неусмотревшему, горе непостигшему, отогнавшему. Крыло, пламенное по Благодати, ставшее явным, почему явится опять жестокому или робкому глазу? Но сколько огней уже различимых даже неиспытанным оком! Об обителях Света мечтает человечество. Мечтает в молчании, среди мрака в дерзании признаваясь себе. Даже верит ночью, оно днем не исповедует. Хотя и помнит закон: «Верую и исповедую». Сами отлично знают, что вера без утверждения лишь призрак, лишь отвлеченность! Но ведь благодать есть привлеченность и утвержденность. Иначе к чему все туманные вздыхания? И к чему наука, если дух не дерзает на приложение? Никодим во нощи лишь символ веры без последствий, лишь искра без пламени и отепления.

Смердяще разложение. Невыносим холод невежества. Недопустим по вреду своему, по заражению накоплений, по разложению основ. Уже многожды испуганная Благодать птица тревожит белыми крылами у запертых окон, но боимся всего нарушающего невежество наше и надеемся на затворы. Если даже глаз увидит — мы назовем случаем, если ухо подтвердит — мы

скажем — совпадение. Для нас даже Икс-лучи и радий просто нечто, а электричество есть просто фонарь для удобства. Если нам скажут, что мысль изменяет вес тела — и это не смутит механиков цивилизации.

Необычно увеличивается неправильность кровообращения и губительное давление крови. Последняя форма инфлюэнцы подобно легочной чуме сжигает легкие. Пылает гортань. Свирепствует астма. Усиливается менингит и «непонятные» сердечные явления. Но для нас эти показатели пока лишь «модные болезни», не заслуживающие еще общего внимания. Мы слышим о переполнении пространства волнами радио, об отравлении газOLIном, об особенностях пресыщения электричеством... Но думать о будущем неприятно, и судьба гольфного шара равняется иногда судьбе шарика планеты. Мы боимся обратиться подобно мудрой Хатшепсут к тем, которые будут жить в грядущие годы, которые обратят сердца свои и будут взирать на будущее.

Но если даже «пугающее» понятие «будущее» и будет признано, то обычно оно будет обставлено такими пережитками вчерашнего дня, что путь к нему сразу превратится в подземелья темницы. Между тем первое условие познания — не стеснять методом изучения. Не настаивать на условных методах.

Познание складывается дерзанием, внутренними особыми накоплениями. Подходы к Единому Знанию так многообразны. Описание этих зовов и вех жизни составило бы нужнейшую и ободряющую книгу. Не настаивать, не узреть, не угнетать указкою, но напоминать о свете, об огнях пространства, о высоких энергиях, о сужденных победах необходимо. Надо собрать все факты, еще не вошедшие в элементарные учебники. Надо нанизывать эти факты с полнейшей добросовестностью, не презирая и не высокомерничая. Также и без лицемерия, ибо за ним скрыт личный страх, иначе невежество.

Никогда нельзя знать, откуда придет полезное зерно или звено завершающее. Физик, биохимик, врач или священник, или историк, или философ, или тибетский лама, или брамин-пандит, или раввин-каббалист, или конфуцианец, или старуха, знахарка, или, наконец, спутник, имя которого почему-то забыли спросить, кто и как принесет? В каждой жизни так много замечательного, светлого, необычного. Только вспомнить. Среди напоминаний вспыхивают лучшие, временно затемненные звезды. Итак, опять, не покидая трудового дня, мы близимся не к запрещениям, но к возможностям, осветляющим жизнь. Именно не наше дело настаивать, чтобы не перейти в насилие, ибо насилуем ничего не достигнуто. Но, твержу, следует напоминать о радостях возможных. Имена этих радостей духа трудно выразить на языке плотского мира.

«Надежда покоя во все времена заставляла людей забывать великое», заповедует Преп. Исаак Сирийский. Кто не знает, что и птицы приближаются к сети, имея в виду покой. Счастливы те, кто, осознав беспредельность, полюбили труды каждого дня...

Горение нужно. Огонь костра сзывает в пустыне путников. Так и зов напоминания стучится и доходит под всеми одеяниями до созревшего сердца. Путевые вехи разнообразны. Неожиданны зовы. Но ведь неустанная зоркость и заботливое внимание будут ключами к затворенным вратам. Неуместны отрицания, где заповедано широкое вмещение, честность познания и почитание Иерархии Блага.

В жизнь науки начинает входить непредубежденность. С трудом, под усмешки, но уже в разных странах освобожденные от страха души устремляются к сужденным синтезам. Может быть, скоро будут возможны съезды этих работников созидания. Уже слагаются центры, где безбоязненно, неосужденно невежеством или завистью можно обмениваться доверчивыми мыслями. Будем со всею заботливостью бережно собирать эти разносящие цветы единого сада культуры, помня «не бо врагам тайну повем, ни лобзание дам яко Иуда». Без холода осуждения, без невежества отрицания откроем двери приветов и светлого утверждения каждому

зерну Истины.

Мы делаем из огненного восхищения возвышенных духом Hysteria Magna с повышенной температурой. Вишудга — центр гортани — лишь клубок истерический. Огни Святых Терезы, Клары, Радегунды; сердечная теплота Отцев Добротолюбия; Тум-мо тибетских высоких лам; или хождение по огню в Индии — обряд, живущий и до сего времени; ведь Агни-Дику — Престол Огня тоже издревле помещался в Индии, где тысяча глав горы Маха Меру — все это еще в пределах ненормальности повышения температуры. Даже разница веса картофеля до разложения и потеря веса при сложении отдельных частей его не заставляет подумать об энергиях, которые пока избегали изучать чистосердечно и добросовестно. Между тем каждый искренний химик сознается, что при любой реакции воздействует какое-то несказуемое условие, может быть условие личности самого экспериментатора? Присутствие определенного лица воспрепятствовало смерти растений в лаборатории сэра Джагадиса Боше, но так как сэр Боше истинный ученый, то он сейчас же отметил это явление. Мало кто обращает внимание на воздействие природы человеческой на жизнь растений. Мало кто настолько утончен и зорок, чтобы принимать факты так, как они есть, а не так, как ему предписали суеверие, предрассудки, эгоизм и самомнение.

Светоносность (тайджаси) Манаса та же действительность, как и светоносные излучения, возникающие особенно при напряжении мысли высокого качества. Художники христианского иконописания, так же как и буддийские мастера, изображали световые излучения с великим знанием. Вглядитесь и сопоставьте эти изображения и вы найдете наглядное изображение и изложение кристаллизации света. Эту действительность ценности мысли, ценности света пора изучать и прилагать к жизни. Пора подумать, что, произнося великое понятие Благодать, мы не впадаем в отвлеченность, но осознаем реальность и драгоценность действительности.

Наступило время установления ценности находимых лучей и энергий. Предстоят долговременные, сознательные опыты над воздействиями и последствиями радия, х-лучей и всей той мощи, которая незримо напитывает и нагнетает атмосферу планеты. Без отрицания, в упорном познании нужно предпринять лабораторный опыт именно многолетних исследований. Там же будет исследоваться и психическая энергия, физиология духа, и светоносность, и мысль, и жизнедатели, и жизнехранители. Огромное целебное и творческое поле, и в самой длительности опытов отразится безбоязненность перед беспредельностью.

Огонь и свет; весь прогресс человечества приходит к этой вездесущей, всепроникающей стихии. Вызванная, она или будет осознана и законно приложена, или опалит неразумие несознательности. И в этом искании слово Единство зовет еще раз и стираются условные наросты Запада и Востока, Севера и Юга, и всех пыльных недоразумений. То же «умное делание», та же «тонкая боль» познающего сердца, то же «восхищение духа». И, отбрасывая мелочи наростов, мы усиливаемся, тем же Неделимым, Единым и вместе с апостолом повторяем: «Лучше пять слов сказать умом, нежели тьму слов языком».

Не оставим действительные ценности в отвлеченности, но будем неотложно применять их без предрассудков. Перенос действительности в абстракцию есть одно из прискорбных преступлений против культуры. Еще до сих пор часто не чувствуют различия между цивилизацией и культурой и тем самым отсылают ценности последней в облачную недосыгаемость. Сколько уже сужденного изгнано, засорено страхом и лицемерием! Но рано или поздно от страха нужно лечиться и освободить ту массу энергии, которую мы тратим на страх, раздражение, ложь и предательство. Скорей научимся запечатлевать фильмою наши излучения — мы увидим истинный паспорт духа. Говорит Агни Йога: «Оглушая обыденностью, тьма кричит. Тьма не выносит дерзновение света».

Святая Тереза, Св. Франциск, Св. Жан де ла Круа в экстазе поднимались к потолку келий.

Но что ж, скажете, — просто нарушение поляризации... к тому же теперь уже вообще неочевидное. Ну, а если и теперь есть свидетели левитации и изменения веса? Пламенный сослужил Святому Сергию. От пламенеющей Чаши Св. Сергий приобщался. В великом огне прогревались незримые истины. Возвышенное сознание озарилось пламенными языками. Во время молитвы Св. Франциска так сиял монастырь, что путники вставали, думая: «не заря ли?» Сияние возгоралось над монастырем, когда молилась Св. Клара. Однажды свет сделался так блистателен, что окрестные крестьяне сбежались, подумав — «не пожар ли?».

Много преданий, а вот и нехитрый рассказ о Псковском Печерском монастыре. «Наш монастырь особенный. Отойдите в темную ночь подальше от монастыря да оглянитесь вокруг. Кругом — мрак беспросветный, зги не видать, а над монастырем светло. Сам сколько раз видел. — Может быть, это от огней монастырских? — Говорят так, кто не знает. Какие в монастыре огни: два фонаря керосиновых да две лампы перед иконами. Вот и все освещение. В городе у нас электричество горит, да и то в темноте не узнаешь, в какой стороне оно находится. Нет, это свет особенный...»

Также сбежались на пожар в Гималаях и также вместо пламени уничтожения нашли сияние духа.

Также стояли горы, окаймленные синими листьями огненного лотоса. Вспыхивал неопалюющий огонь. И пролетали молнии очищения. И не в предании, а теперь, когда знаки так нужны. Когда познание опять начинает подходить к явлениям с благостною рукою и глазами открытыми, когда неотложно выступили многие знаки. И стали их замечать на разных материках различные люди. После всех оговорок, после всех извинений люди стали сознаваться, что не по оплошности, но подлинно видят они самые разнообразные огненные явления. Особое проявление электричества!.. А что есть электричество, того так и не сказали опять.

При землетрясении в Италии видели все небо в языках пламени. Над Англией видели огненный крест. Суеверие ли только, или просто кто-то увидал то, что часто не замечали!..

Попробуйте проверить внимательность людей, и вы ужаснетесь, насколько мы не умеем изодрать нашу подвижность и зоркость. И сама мысль — этот драгоценный магнит, и мощная стрела не заострена и засорена в пренебрежении. Смейтесь, смейтесь, а все-таки не пытаетесь мыслить четко.

Впрочем, и бокс, и гольф, и крикет, и бейсбол вряд ли требуют силу мысли. Да и скачки, пожалуй, не для мышления. Можно придумать множество занятий, оправдывающих пренебрежение к мысли, но все-таки к творчеству мысленному обратиться придется, и потому малые упражнения внимания не будут излишни. Положительно в школах надо устроить особые курсы обострения внимания и мысли. Ведь редко умеют диктовать два письма или писать двумя руками, или вести два разговора. Часто совсем не умеют сохранить в представлении четкое изображение предмета и запомнить даже незатейливую обстановку. Для некоторых даже почти все иноземцы — на одно лицо. А ведь маленькая внимательность и четкость мысли дала бы огромные находения. Среди гигиены мышления заметим многое такое, что в мещанстве называется феноменами. И еще одна отвлеченность станет реальностью. И еще одна возможность заменит отчаяние отрицания.

Нам не уйти от века огня. И потому лучше оценить и овладеть этим сокровищем. Скепсис хорош в мере разумности, но как сомнение невежества он будет лишь разлагателем. Между тем весь мир сейчас особенно ярко разделился на разрушителей и созидателей. С кем будем?

Наслышаны мы о всяких световых излучениях, но все-таки презрительно слушаем об аурах человеческих и животных. Даже если фотографическая пластинка запечатлевает их, мы скорее напомним на случайный дефект пластинки, нежели вспомним об общеизвестном издревле законе.

Когда мы вспоминаем о «странных экспериментах» Келли — мы скорее назовем его шарлатаном, но не подумаем об особом психическом свойстве его природы. Аппарат действовал в его руках, но отказывался действовать в руках других. Почему тогда каждая машина устает в одних руках быстрее, нежели в других? Каждый опытный инженер замечал это. Почему усталость коня зависит от всадника? И рука сокращает жизнь букета цветов? Ходим вокруг психической энергии. Знаем, что подобно мощной старой *Militia crucifera evangelica*, собравшейся вокруг символа Креста, также должны мы собраться вокруг понятия Культуры. Не умаляя, не унижая это великое ведущее начало, но служа ему во всеоружии беспредрасудочного познания.

И сложно и прекрасно наше время, когда в горниле сплавов сияют многоцветные звезды. Опытные старцы заповедуют: о дивном в сердце делании. «Должно всегда вращать в пространстве сердца нашего имя Господа, как молния вращается в пространстве пред тем, как быть дождю. Это хорошо знают имеющие духовную опытность во внутренней брани. Брань эту внутреннюю надлежит вести так же, как ведут войну обыкновенную».

Когда же солнцем правды рассеются страстные мечтания, тогда обыкновенно в сердце рождаются световидные и звездовидные помышления. Или: «у того, кто установился в трезвении (сознании), чистое сердце отделяется мысленным небом со своим солнцем, луною, звездами, бывает вместилищем невместимого Бога по таинственному видению и восторжению ума».

«Сядь или лучше стань в несветлом и безмолвном углу в молитвенном положении. Не распускай членов. Сведи ум из головы в сердце. Храни внимание и не принимай на ум никаких мыслей, ни худых, ни добрых. Имей спокойное терпение. Держи умеренное воздержание».

Чтобы успособить этот труд, Св. Отцы указали особое некое делание, назвав его художеством, и даже художеством художеств. Естественное художество, как «входить внутрь сердца путем дыхания, много способствующее к собранию мыслей».

«Дыхание через легкие проводит воздух до сердца. Итак, сядь, и, собрав ум свой, вводи его сим путем дыхания внутрь, понудь его вместе с сим вдыхаемым воздухом низойти в самое сердце, и держи его там, не давая ему свободы выйти, как бы ему хотелось. Держи же его там, не оставляй его праздным, но дай ему священные слова. Попекись навикнуть сему внутри пребыванию и блюди, чтобы ум твой не скоро выходил оттуда, ибо вначале он будет очень унывать. Зато когда навикнет, ему там будет весело и радостно пребывать, и он сам захочет остаться там. Если ты успеешь войти в сердце тем путем, который я тебе показал, и будешь держать этого делания всегда — оно научит тебя тому, о чем ты и не думал».

Итак, потребно искать наставника, знающего дело. Деятельность — умно-сердечная молитва совершается так: «Сядь на стульце в одну пядь вышиною, низведи ум свой из головы в сердце и придержи его там и оттоле взывай умно-сердечно: Господи Иисусе Христе, помилуй мя. Ведай и то, что все такие приспособительные положения тела предписываются и считаются нужными, пока не стяжется чистая и не парительная в сердце молитва. Когда же Благодатью Господа достигнешь сего, тогда оставишь многие и различные делания пребудешь паче слова соединенными с единым Господом в чистой и не парительной молитве сердечной, не нуждаясь в тех приспособлениях. Не забудь при этом, что ты, когда по временам будет приходить тебе самоохотная чистая молитва, ни под каким видом не должен разорять ее своими молитвенными правилами... Оставь тогда правила свои и сколько сил есть простирайся прилепиться к Господу, и Он просветит сердце твое в делании в духовном».

Даже в глубоком сне молитвенные благоухания будут восходить из сердца без труда. Если и умолкнет она во сне, но внутри тайно всегда священнодействоваться будет не прерываясь. Ибо только сей посвященный меч, будучи непрестанно вращаем, в упраздненном от всякого образа сердце, умеет обращать врагов вспять и посекаать, опалаять, как огонь солому».

Многотомно можно выписывать из Отцев Церкви и из заветов пустынножителей и подвижников правила их, ими выношенные и примененные в жизни. «Когда сподобится духовных дарований, тогда непрестанно бывая воздействуем Благодатью, весь содейвается световидным и становится неотклоним от созерцания вещей духовных. Таковой не привязан ни к чему здешнему, но перешел от смерти в живот. Неизреченны и неизъяснимы блистания божественной красоты! Не может изобразить их слово, ни слух вместить. На блистание ли денницы укажете, на светлость ли луны, на свет ли солнца — все это неуважительно в сравнении со славою оною и больше скудно перед лицом истинного света, чем глубочайшая ночь или мрачнейшая мгла перед чистейшим светом». Так может говорить познавший из опыта, что есть «сокровенный сердца человек» — «свет, который во тьме светит и тьме его не объять».

Не отвлеченные символы, но реальное сознание отображал Макарий Египетский, когда писал: «Те, кто суть сыны Света, и сыны служения во Св. Духе, те от людей ничему не научатся, ибо они суть богонаученные. Ибо сама Благодать пишет в их сердцах законы Духа. Им не нужно достигать полноты убеждения в писаниях, написанных чернилами, но на скрижалях сердца Божественная Благодать пишет законы Духа и небесные тайны. Сердце же начальствует над всеми органами тела. И если Благодать проникла в долины сердца, то она властвует над всеми членами тела и над всеми помышлениями».

Начало тайны врача — «знание хода сердца» — заповедует египетский папирус. Тот, кто знает духовное сердце, тот знает и «тонкую боль» сердца физического, о чем так проникновенно говорит «Добротолубие». Знающий эту «тонкую боль» познал и огонь любви — не любви воздыхания, но любви действия и подвига. Той любви, которая издревле зовется богочеловеческою, вознося людское чувство. «Какой мудрец знания не будет владыкою любви», заповедует Агни Йога.

«Тонкая боль», жар огня сердечного ведом потрудившимся в накоплениях опыта. Ведом тем, у кого труд осознанный вошел в молитву, а молитва претворилась в неумолчное биение сердца, в ритм жизни. Спросят ли вас, что есть ритм и почему важно познание его? Значит, вопросивший не знает тонкую боль сердца и не знает пространства и не прислушался к гимну природы. Без собственного напряжения не познает он искр подвига, приближающих его сердце к мере созвучия с Бытием и Любовию. Центр Духа связан с центром организма. Связь эта, веками известная, ни научно, ни философски не разгадана, но вместе с тем совершенно очевидна.

Чаша опыта! И этим путем мы опять подойдем к творчеству мыслью — к таинственному, но непреложному «Слово плоть бысть». Таким путем Логос воплощается в телесное. Тайна эта явлена в каждом человеке, в каждом воплощенном духе. Бог вложил человеку вечность в сердце — обитель духа нетленна, вечна через все воплощения. И познает она свет, ибо и сама является источником света. Тонкая боль есть шевеление тонкой энергии, а светоносность есть один из первых признаков действия энергий этих. Когда нагнетется свет этот, когда делается видим и нашему глазу — этот момент всегда остается жданно-нежданым. Завещано держать светильники зажженными, но момент вестника несказуем. Так несказуема и тонкая боль и завет, что радость есть особая мудрость. Можно вспомнить заветы Бхагавад-Гиты, и Агни Йоги, и Каббалы, и пророков Библии, и огонь Зороастра.

Платоновское «солнцеподобие» относится к тем же несказуемым, но светоносным понятиям. Встречаются испытавшие, и для них не нужен словарь, но в движении едином и даже молчании они взаимно поймут язык поверх всех словесных различий. Потому исповедуйте, испытывайте, ибо не знаете, где лучший час ваш и когда вспыхнет огонь над чашею накоплений. Качество мыслей будет вожатым, а ненасытная устремленность будет крылами света Софии. Ведь сиять, но не сгореть заповедано.

Звучание сердечного центра, подслушанное и Сократом, созвучит ритму блага. Очищение материи Спинозы озонируется теми же волнами света. Световой центр сердца может засиять всеозаряющим пламенем — карбункул легенд Грааля.

Агни Йога говорит: «В основе всей Вселенной ищите сердце. Творчество сердца напрягается чакрою Чаши. Величайшая мощь лежит в магните сердца. Слово, не содержащее в себе утверждение сердца, — пусто. Жемчужина сердца — тончайшая напряженность. Архат как пламя несет в сердце все огни жизни». Ориген утверждает: «Глазами сердца видим Бытие». «Для чистых все чисто!» — безбоязненно заповедал апостол Павел. Он знал чистоту и действенность сердца, когда оно ведаёт лишь Благо и как магнит собирает вокруг себя лишь доброе. Магнитоподобность сердца упоминается часто, хотя научно также еще не познана. Между тем сокровища премудрости и ведения постигаются именно умом сердца, чашею любви и самоотверженного действия. Где сокровище ваше, там и сердце ваше. Светоносность сердца подобна флуоресценции моря, когда движение возжигает зримые, бесчисленные образования. Так и дуновение творческой любви возжигает светочи сердца. «Да будет свет», — говорится Мыслью Великого.

Внутренний человек хочет только добра, и в минуты сердечного сияния он необманно знает, где благо. Из сердечного сияния истекает лишь благо, и свет излучаемый может пресекать все изломы нарощенного невежества. Ибо грех и невежество — братья мрака. Жить в духе — значит сиять и благодотворять, и постигать, жить в плоти — значит затемнять и осуждать, и невежествовать, и удлинять путь. Но не следует забывать, что, удлиняя наш путь, мы затрудняем и путь близких, потому всякий эгоизм, думание о себе, саможаление, гордыня, всякое невежество — есть престол тьмы. Во имя близких мы не должны нарушать ритм волн света.

Полезны наблюдения над цветами. Сад света также нуждается в заботе и уходе, и струи чистых мыслей лучшее для него питание. Чем напряженнее свет, тем слабее тьма. Даже светоносное сердце прекрасного ангела могло избрать свободу омрачения вместо свободы служения и сияния. Потому нужно неотложное питание сада света, иначе пятнистые языки тигровых лилий пожрут лилии Благовещения и предательская белладонна скроет фрезии сияния вершин. Надо светиться, надо рождать и усиливать свет сердца. Сосияния и созвучия света в свободе познания усиливаются взаимно. Безмерна мощь объединенных благом мыслей. Уготован каждому свет, но можем закрывать его сосудом пустым. Сказано: от падения лепестка розы миры содрогаются и перо крыла птицы рождает громы на дальних мирах — какая прекрасная великая ответственность, и не обернем громы, рожденные легкомыслием на бытие земли.

Из этой возводящей ответственности истекает светоносное стремление добросовестно, без разочарований изучать все окружающее. Даже каждый виртуоз нуждается в ежедневных упражнениях. Повторено: «Если ты устал — начни еще. Если ты изнемог — начни еще и еще. И как щит любовь призови»...

Свет сияния мысли не только ощутим глазом, но и доступен фильму. Неотложно нужно несуетное изучение, безбоязненное и неэгоистичное. Очевидность родственна плоти, но не духу. Истина в действительности, но не в патологии очевидности.

Сердце — великий трансмутатор энергий — знает, где содрогание ужаса и где трепет восхищения. Дух отличает пятна ужаса и сияние восторга. Столько лучей и энергий уловляется вниманием ученых, это же внимание должно быть проявлено каждым человеком к ритму и свету, ведущим каждую жизнь. Зачем опалиться и обуглиться, если можно сиять в нетлении. Бог есть огонь, согревающий сердца, говорит преп. Серафим. Он знает тайны сердца, — поет псалмопевец в созвучии восхищения. Когда говорим о прекрасном, о тайнах сердца, то прежде всего имеются в виду прекрасные, творящие мысли. Как самые нежные цветы, их нужно растить, нужно поливать непрестанно радостными струями Благодати. Нужно ежедневно учиться четко и

благостно мыслить. Нужно научиться мечтам — этим высшим росткам мысли. Дерзнем. Не убоимся мечтать в высоте. С горы — виднее. С гор скрижали Завета. С гор — герои и подвиг. Мечта светоносна. Пламенная мечта — порог Благодати. Огонь и мысль. Пламенные крылья Софии Премудрости Божьей.

Гималаи. 1930 г.

Огонь претворяющий

И тогда — в гремящей сфере
Небывалого огня —
Светлый меч нам вскроет двери
Ослепительного дня.

А. Блок

Много раз Блок повторял видение о лучах, о свете, об огне, преображающем Мир. И когда спрашивают Блока, отчего он перестал бывать на религиозно-философских Собраниях, он отвечает кратко: «Потому что там говорят о Несказуемом». Помню, как он приходил ко мне за фронтисписом для его «Итальянских песен» и мы говорили о той Италии, которая уже не существует, но сущность которой создала столько незабываемых пламенных вех. И эти огни небывалые, и гремящие сферы, и светлый меч, процветший огнем, — все эти вехи Блок знал как нечто совершенно реальное. Он не стал бы говорить о них аптечными терминами, но понимал их внешнюю несказуемость и внутреннюю непреложность.

Когда вспоминаешь о великих огнях Реальности, тогда среди недавно ушедших обликов непременно вспомнятся и Блок, и Скрябин, и Леонид Андреев: каждый по-своему, каждый своим языком рассказывал и предупреждал о великих реальностях, опять мощно наполняющих нашу жизнь. Из далекого прошлого люди заговорили опять об Амосе, о рыкающем Льве пустыни.

*«И пожрет огонь чертоги,
Ибо злое это время».*

«Не поколеблется ли от этого земля и не восплачет ли каждый живущий на ней?» — проникновенно указывает Амос, пастырь Фекойский. Опять вспомнили и начали претворять в своих вдохновениях Притчи Соломона, древнейшие Заветы Книги Бытия, вещие страницы Ригведы, Пылающую Чашу Зороастра и все то множество непреложного уже исторического материала, которое говорит нам о том же огне, о том же ослепительном Дне Завтрашнем. Переступилась какая-то бездна. Ближе подошло сознание и к строкам Апокалипсиса, из которых выступили совершенные, ясные указания исторического и географического смысла. Люди особенно прилежно вспомнили одно время полузабытого Нострадамуса и вдруг, точно сняв восковые печати, закрывавшие смысл, убедились в длинном ряде совершенно явных исторических фактов, уже совершившихся и совершающихся на глазах наших, о чем за триста лет предвидел этот ясновидец. Вошли на научные страницы видения Сведенборга. Австрийский профессор издал Парацельса.

В какие-то точно вновь открытые Врата подходят люди к хранилищам старых вечных заветов. Вместо отталкивающей нетерпимости, не приводящей ни к чему, кроме зла и разложения, появились проблески творящего синтеза. Появилось ощущение той великой истины, которая существует предвечно и выражалась во многообразии вековых трансмутаций. После удручающего понятия осужденности выступило понятие Сердца и Огня и той Беспредельности, в которой широко вмещаются строения всех прозревших душ.

Толстой говорил: «Случалось ли вам в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно: иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь все равно снесет». «Пусть очень высоко руль

держит, тогда доплывет», — пожелал Толстой моему «Гонцу».

«Не смотри в бегущую воду», — говорят монгольские ламы. По опыту перехода верховьев быстрой Голубой реки во время ледохода знаем, насколько нельзя смотреть в эти стремительно несущиеся струи, пронизанные хрустящими льдинками. Нужно выбрать дальнюю точку горизонта, чтобы не потерять равновесия. Эти два принципа, «как можно выше» и «как можно дальше», всегда вставали перед человечеством, а сейчас встают, может быть, особенно остро.

Ох, эти несущиеся льдинки, острые-преострые, холодно-ломкие, коней пугающие, точно какие-то заледенелые сердца человеческие, которые и сами разбиваясь в стоне стараются подсечь твердую поступь всего идущего «дальше» и «выше». Не против ли этих льдинок-сердец сейчас так стремительно обратилось сознание человеческое к огню. Что же противопоставить льдине и холоду и миражному потоку, как не огонь, освещающий, согревающий огонь, на котором куется меч светлый! Поиски тепла согревающего, творящие тепловые светочи, которые так выражены в обращении к Великой Матери Мира, оставят светлые зерна и для нашего времени. А за поисками тепла, за обращением к великому женскому сердцу мы опять обратимся и к поискам центра. В сердце восчувствуем, что нельзя более жить окраинами, нельзя более расчленяться, но создавать можно, лишь осознав центр, тот самый центр, тот самый Град Светлый, о котором столько сказано во всевозможных прообразах.

Кажется, уже вылиты чаши Апокалиптических Ангелов. Если и горчайшее этих чаш не пробудит сердце человеческое, то ведь и пламень великий куда обратится? Не к опалению ли? Сможет ли непробудившееся сердце трансмутировать этот жгучий пламень очищающий? И если человечество не захочет осознать, во имя чего можно собраться ему, то оно пронесется подобно разбивающимся холодным льдинкам Великой Голубой реки Жизни. Если этот пример разбивающихся льдинок дан нам Голубою рекою, то как же мутно-ужасны струи реки Желтой, постоянно носящей множество трупов. И Голубые и Желтые реки напоминают нам о примерах потери центра, потери единения, потери того простейшего и здорового чувства духовного просветления и накопления.

Примеры истории, с одной стороны, вдохновенные слова поэта, с другой, ведь это не метафизика, это не отвлеченность, а это то самое, во имя чего и грозно и моляще раздавались голоса пророков, предупреждая в самых сверкающих, и зовущих образах человечество, забывшее о том, что и «выше» и «дальше».

И вот человечество вошло в кризис. Человечеству некому продать товары. Человечество не знает, в чем работа его, и не имеет работы этой. Вопрос о безработных является ужасной печатью века сего. Безработица прежде всего есть утеря смысла существования, есть следствие ужаса прикрепления существа своего к бегущим, осужденным на таяние льдинкам.

Человек научился завинчивать один винтик, который отвлек его от осознания смысла его бытия. В бедности человек дошел до самых огрубелых форм жизни, иногда более грубых, более бесформенных, нежели орудия каменного века. И в оскудении духа своего человек даже не пытается противостоять потоку обреченных льдинок, которые понесут его в безбрежный океан хаоса.

В ужасе человек ополчается на Прекрасное. Он старается оговорить, низвести ниже все то, что создавалось когда-то истинным подъемом духа. Человек старается разрушить Храмы. Ведь и льдинки пытаются срезать ноги коней переплывающих. Человек пытается перестать читать и с изумлением смотрит, если какие-то, с его точки зрения несовременные, кружки молодежи все же обращаются к великим Заветам. Долго нужно перечислять все те льдинки, которые создают ужас современного существования; те льдинки, которые в ожесточении пытаются уничтожить все на холодном пути своем.

Но не было времен безысходных, ибо безысходность противоречила бы Беспредельности.

Как великий Светоч, восстает мощный Огонь, который может трансмутировать каждую льдинку в очищенную энергию. Потому-то велико сейчас время. Грозно оно, но, противопоставив лед огню нетленному, можно знать и исход. Конечно, каждый свободен избрать или лед, или огонь творящий. Также каждый свободен остаться в той постыдной середине, которая причиняет, может быть, наибольшие страдания. «Ни холоден, ни горяч, но тепл», — говорят об извергнутых.

Сферы, нашедшие центр, начинают петь, ибо хаос петь не может. Музыка сфер там, где уже найден ритм, где уже найдено число, и в этом законном исчислении рождается великий ритм, сердца открывающий. Легко испепелится огнем сердце, ритма не знающее, но не сотрудник, творящий Бытие, — ритм воссоздает то пламенное сердце, которое становится нетленным и вечно восходящим, как и сам великий Огонь Пространства.

Сегодня 24-е число, число очень замечательное, хочется вопреки всем смущающим газетным известиям думать об Огне, о творчестве, о пламенном сердце и о пламенной мысли.

«Кто не боится остаться непонятым, тот с нами. Кто не боится соединить русла больших течений, тот наш друг. Кто не боится увидеть свет, тот от орлиного глаза. Кто не боится войти в огонь, тот огненного рождения. Кто не боится невидимого, тот может пронзить тьму. Кто не боится обойти мир, тот к дальним мирам обращен. Кто не боится знать заветы мудрости, тот будет с нами. Мы отказались и приобрели. Мы отдали и получили. Познающий идет подобно пустынному льву. Кто отзовется на рыкание льва? Лишь лев, освобожденный от страха».

«Где же узы? Где цепи? Познание дальних миров сложит венец достижения».

«Три огня. Затем чаша подвига». Зовет к мужеству и познанию Агни Йога.

24 января 1932 г.

Гималаи

В полном безветрии затрепещет ли ветка на дереве, думаете вы: Он ли? На тихом лугу вдруг завьется, закружится травинка, а движения воздуха не слышно: Он ли? Из далей протянется зовущий звук, точно бы звучание рога или чей-то призыв: Он ли? Со скалы покатился камешек: Он ли? Конь прервал бег и одинокий в степи слушает что-то. Поднята голова, ноздри напряжены, грива и хвост развеялись по ветру — Он ли? Собака вдруг остановилась. Поднята морда, слегка машет хвостом, глаза устремлены. Он ли? Защуршал на скате песок — Он ли? Человек вышел из юрты, что-то слушает, куда-то глядит. Он ли? Ветер запел еще неслыханную мелодию, гремит и звенит, в нем слышится какое-то почти внятное слово. Он ли? Загрохотал гром, молния блеснула, все встрепенулись, обернулись. Он ли? Все так замолкло, так напряглось в молчании и так наполнилось. Он ли?

Присутствие, великое присутствие наполняет природу. С чего бы колыхаться травинке, почему трепетать ветке дерева, откуда хруст валежника, почему срывается песок с горы, почему и куда всматривается напряженно собака: Он идет. Он приближается. Если сосчитать удары сердца, то в их ускоренности, в их наполнении можно понять, насколько сущность знает приближение. Он неслышно идет. Он не испугает. Он обережет, и если даже дотронется в ведении, то и это прикосновение будет непередаваемо земным словом, он всегда жданный, всегда внутренне ошущенный. Он запечатленный в глазу и все же незримый. Он всегда слышимый и в буднях невнятный. Он пламенный и рассеявший тьму. Его прохождение прекрасно. Его ждут и даже не понимают напряженности этого скрытого ожидания. И свет незримый и гром неслышимый все-таки и зримее и слышнее самых обыденных звучаний. В глубокой пещере звучат удары барабана. И в другой пещере они слышны. А то, другое, хотя и не слышимо, но заставляет еще сильнее биться сердце.

Можно загубить. Можно натереть мозоли на душе и на сердце. Можно помозолить язык паскудными выражениями. Можно дойти до усмешки над тем, что заслуживало бы лучшие почитания. Вот уже и сердце как будто окаменело. Но когда неслышимая поступь коснется близлежащего камня, когда дрогнет под шагом тихим и быстрым песчинка, то и самое окаменевшее сердце содрогнется. Как бы ни бахвалилось сердце человеческое, в какую бы мохнатую шкуру оно ни пыталось защитить себя, все-таки от неслышного гласа оно вздохнет о чем-то возможном, о чем-то отогнанном.

Кто же заставил отогнать то, что уже было так близко? Кто же понуждал затыкать уши, когда благий голос взывал и просил опомниться? Ведь одеревенение не только происходит в каких-то кровавых преступлениях. Кровь сердца проливается и словами и помышлениями. Изгнана любовь, испугана вера, отброшена надежда, и, скорбна, отошла София — Премудрость. А ведь она крылом своим уже касалась. Ведь по псалму:

Когда утверждал основание земли,
Тогда я была при Нем строительницей.
Я была Ему каждый день веселием,
Непрестанно радуясь пред лицом Его.

Теперь послушайте меня, дети,
И блаженны суть хранящие пути мои.
Послушайте наставления.
И сделайте мудрыми и не отступайте:

Блажен человек, слушающий меня.
Бодрствующий каждый день при дверях моих,
Ожидающий при столбах у ворот моих,
Потому что нашедший меня нашел жизнь
И получит благословение от Господа.
Но согрешивший против меня,
Наносит вред душе своей.
Все ненавидящие меня
Любят смерть.

Он всегда заповедует о жизни, о жизни вечной. Он знает великую строительницу. Он знает пути ко Господу. Он говорит: Исполните все пути мирные, испытайте всю меру мира, и тогда победа за вами. Он благословит битву после того, как удостоверился, что пути мирные исчерпаны. Он допустит все испытания и в них укажет прочные камни перехода и восхода.

Он никогда не обременит непосильно. Он укажет путь, всегда новый, неожиданный в своем несказуемом значении. Он придет в минуту последнюю, там, где вера и под пламенем жара продолжает цвести благоухание. Он, познавший видение Владычицы, знает, как может трепетать сердце.

Он никогда не нарушит доброе сердце человеческое. Он оценит каждое сердечное устремление. Он знает, что такое признательность. Он умеет направить на путь кратчайший.

Он дает хорошие пути. Он не считает расстояния, ибо знает меры нездешние. Он скажет идущему на запад, поверни к востоку. Он обернет устремленного к северу на юг. Он шепнет не расседлывать коня на ночь и не закрывать входа шатра. Он указывает наступление там, где людскому считается отходом. Он знает лучшее приближение даже там, где люди в стесненности полагают уход. Он говорит отходящему — «ты приближаешься». Он торопит, не считая меры земные.

Он ведет к поспешению. Он знает невидимые меры времени. Он оборачивает стрелы демонов. Он проникает тьму светом незримым. Он всегда недалек. Он пройдет иногда близко и человечески слышимо, чтобы напомнить и обострить ухо человеческое. Он воссияет мгновенно, чтобы просветить и глаз человеческий. Если отемневает глаз, то засияет и просветление — было бы и сердце преданно и трепетно.

Он не покинет, если не отринуть руку водящую. Он сказал о вере, о доверии. Он сказал о надежде — знании. Надежда — знание. Творяща вера. И любовь окрыляющая. Он скажет ли: иди назад. Он знает только продвижение, но вехи путей разноличны. Ему сослужил Пламенный. Сам Пламенный сослужил и даже дал себя быть видимым. Кто же может утверждать, что никогда не увидит, и откуда пришло бы такое утверждение, не от смерти ли? Жизнь говорит — захоти и увидишь, пожелай и познаешь.

Он — воевода ведущий. Он ведет неутомимо и непрестанно. Малoverы, неужели подумаете, что остановитесь? Неужели помыслите об отступлении? Он со знаменем, с утверждением ведет. Он доведет. Он построит. Он уже несет град сложенный. В Звенигороде колокола новые. Он дал им язык. Он слил металлы горные с воздушными силами, чтобы удостоверились.

Он идет. И неслышно, и ветка не хрустнет. Он проходит — и скалы сокрушаются. Он поспешает — и гром гремит, и сияет молния. Он идет — Воевода.

10 августа 1935 г.

Тимур Хада

Орион сияет. Помним, перед носом какого судна сверкало то же созвездие. Помним, в каких горах, из-за каких вершин светил великолепный Орион. И теперь твердо знаем, кому он светит и кто на него смотрит. Те же небесные знаки.

В Храме Неба тоже оказался знак знамени. Танга Тамерлана состоит из того же знака. Знак трех сокровищ широко известен по многим странам Востока. На груди тибетки можно видеть большую фибулу, представляющую собою знак. Такие же фибулы видим мы и в Кавказских находках, и в Скандинавии. Страсбургская мадонна имеет знак этот, также и святые Испании. На иконах Преподобного Сергия и Чудотворца Николая тот же знак. На груди Христа на знаменитой картине Менлинга знак запечатлен в виде большой нагрудной фибулы. Когда перебираем священные изображения Византии, Рима, тот же знак связывает Священные Образы по всему миру.

В разном устремлении к Высшему сознание объединилось на тех же ступенях. Именно разнообразии подходов, среди желаний выразить наивысшее, является таким ценным признаком.

На горных перевалах нерушимо остается тот же знак. Для выражения быстроты, поспешности, нужности Знак несет Конь Белый. А видали ли вы в Римских катакомбах тот же знак?

И все-таки найдутся люди, которые не захотят мыслить по лучшему, но будут пытаться прикрепить к Знаку какие-то свои наименьшие соображения. Ведь тогда можно одинаково сказать и про многие другие великие знаки, что они употреблялись будто бы в разных значениях с разными намерениями. В таких соображениях человек скорее всего выскажет свою собственную сущность.

Вводя незнакомого человека в дом свой, вы можете сразу распознать его сущность по степени его внимания к окружающим предметам. Найдутся люди, которые перед прекрасной картиной обратят внимание на позолоту рамы. Другие, увидав Венеру Милосскую, не найдут ничего лучшего, как спросить, а где у нее руки. Третьи, приближаясь к Чудотворной Иконе, заговорят о непривлекательной для них суровости лика. Найдутся такие, которые из всей ценнейшей обстановки ухитрятся обратить внимание на самое незначительное.

По когтям узнаете льва. Так же точно можно сказать: по мусору узнаете мышей. Иногда даже как-то прискорбно слышать, как люди берутся судить о том, чего они не знают, о чем они вообще и не думали. При этом лишь от своего желания или похвалить, или осудить. Даже не зная, чем аргументировать, такие осудители выставляют просто свое «да» или «нет». Они даже не потрудились хотя бы для самих себя, приличия ради, озаботиться какими-либо доводами. Для них единственным соображением остается или место, или личность, или время, в зависимости от которых или нужно принять, или отринуть. В отрицании своем они готовы произнести любую хулу, они не остановятся перед кощунством, лишь бы выполнить свое темное предубеждение. Великий провидец Гоголь выразил ту же мысль в скорбных словах: «Мы имеем чудный дар делать все ничтожным».

Именно большие создатели должны были всегда особенно четко чувствовать весь ужас, когда на их глазах что-то большое делалось ничтожеством. При этом орудия такого умаления бывали самые грубые, самые невежественные. Если бы самый малый полицейский приказал этим невеждам сказать обратное, то ведь они бы ни на минуту не задумались, ибо осмысленного основания в суждении их вообще не было. Им казалось, что их властителю его величеству пошлости так будет угодно. А это веление, конечно, вполне отвечало их собственной сущности.

Во всяком случае, во всех насилиях подлых прежде всего нет великой основы-благоволения.

Какое прекрасное слово благоволение! Оно стоит в том же разряде, где хранится и другое ценное понятие — милосердие.

Подлые невежды не знают ни того, ни другого. Мало того, и благоволение и милосердие будут тревожить ум подлый, как нечто напоминающее о чем-то великом и отвергнутом. Темный дар делать все ничтожным должен быть опознан и выявлен, как нечто самое стыдное. Что же может стоять за этим темным даром? Ведь там уже предательство будет гнездиться. Если злодей не успел нечто сделать лживым, то он станет предательствовать, чтобы так или иначе принести свое возлияние в бездну тьмы. Даже на простых обыденных предметах вы можете замечать, на что человек обращает свое первое внимание. Так же точно вы почувствуете различие людей по их отношению к великим знакам.

Из-за Си-Шаня сверкает великолепная Венера. Знаем, что на нее же любуетесь Вы в Гималаях. Знаем, откуда и через какую долину и поверх каких снеговых вершин смотрите Вы в часы вечера. Глядим на звезду, а слышим шум деодаров и все предночные голоса и звучания горные. Сколько зовов и знаний созвано одной звездой. Небесные вехи настораживают и соединяют сердца.

Те же звезды, те же знаки небесные наполняют сердца благоволением вне пространства и времен.

14 февраля 1935 г.

Пекин

С отвесных скал, как серебряные нити небесные, сверкали водопады. Светлые брызги ласкали камни с древними надписями об Истине. Разны камни, различны знаки надписей, но все они о той же Истине. Садху припал губами к камню и пьет благодатные водопадные капли. Гималайские капли!

На богомолье в Трилокнат, к древней святыне, тянутся вереницы садху и лам. От разных путей вместе идут они. Кто с трезубцем, кто с тростью бамбука, а кто и вовсе безо всего, и без одежды, совершает духовное хождение. Снега перевала Ротанга им нипочем.

Все ли хороши? Все ли вышше духовны? Но ведь и ради одного праведника Град бывает помилован. Уж простите, ходим по-хорошему.

Идут богомольцы, знают, что здесь жили Риши и Пандавы. Здесь Беас, или Виас, здесь Виасакунд — место исполнения желаний. Здесь Риши Виаса собирал Махабхарату.

Не в предании, но в яви жили Риши. Их присутствие оживляет скалы, увенчанные ледниками, и изумрудные пастбища яков, и пещеры, и потоки гремящие. Отсюда посылались духовные зовы, о которых через все века помнит человечество. В школах заучивают их, на всякие языки переводят, но кристалл накопленный их наслоился на скалах Гималайских.

«Здесь и Риши Виаса, составитель Махабхараты, и Риши Васишта, открывший целебные источники, и Риши Капила, уничтожавший зло смертным глазом, и Риши Гаутама, и Пахари Баба, и Гута Чохан, и Нар Синг — каждый с целым эпосом подвигов во Благо. Здесь отдыхали Пандавы от трудов бранных. Здесь и подземный ход Арджуны из Кулу в Мани-карн. Здесь и Чандра-Бхага, издавна озаменованная в Пуранах. Здесь и страна Захор, и священные книги, сокрытые от гонений нечестивого царя Лангдармы. Шепчут ведуны, что воплотился он в Тибете.

«Где же найти слова о Творце, если вижу несравненную красоту Гималаев?» — так поет индус. По путям Гуру, по высотам Риши, по перевалам путников духа наслоилось то, что не смоят ливни и не испепелят молнии. Идущий к добру благословен на всех путях. Трогательны повести о том, как встречались праведники разных народов. В бору деодары касаются под ветром вершинами. Так и все вершинное встречается, не поражая и не вредя. Когда-то споры решались единоборством, а соглашения беседою глав. Как девидары совещались между собою. И слово-то какое милое, девидар — дар Божий. И названо все не просто, ибо целебна смола девидаров. Девидар, мускус, валериан, роза и вся прочая благая аптека Риши. Хотели отменить ее множеством открытий, и все-таки опять обращаются к основам.

Сказка ли о чудесном камне? Но ведь вы знаете, что это не сказка. Знаете, как приходит камень. Сказка ли единорог геральдики? Но ведь вы знаете о непальской однорогой антилопе.

Сказка ли Риши? Герой духа не сказка, и это знаете вы.

Вот снимок человека, неповредимо идущего через огонь. Это уже не рассказы, но неоспоримый снимок, снятый начальником полиции Пондишери. Очевидцы расскажут вам о таких же огненных испытаниях и в Мадрасе, и в Лакнау, и в Бенаресе. И не только сам садху проходит без вреда по пылающим углям, но он ведет за собой и желающих, за него держащихся.

Вот в Ганге у Бенареса сидит садху на воде в священной позе. Скрещенные ноги его прикрыты водными струями. Народ сбегается к берегу и дивуется на святого человека. Там же на остриях железных гвоздей, как на мягкой постели, лежит другой садху, и на лице его нет и тени страдания или неудобства.

Вот садху, заживо погребенный на многие дни; вот еще садху, без вреда принимающий яды. Вот лама летающий; вот лама, посредством «тум-мо» саморазвивающий жар среди снегов и ледников вершинных; вот лама, поражающий смертным глазом пса бешеного. Степенный лама

из Бутана повествует, как в бытность его в Тибете в области Цанг один лама просил перевозчика переправить его через Цампо без платы, но лукавый лодочник сказал ему: «Перевезу, если докажешь, что ты великий лама. Вон бежит всем опасный бешеный пес — порazi его!» Лама же ничего не ответил, посмотрел на бегущего пса, поднял руку, произнес несколько слов, и пес упал мертвым! Так видел бутанский лама. О таком же «смертном глазе», о «глазе Капилы», приходилось слышать не раз и в Тибете, и в Индии. А на карте, изданной в семнадцатом веке в Антверпене с ведома католического духовенства, значится страна Шамбала.

Как и на карте Антверпена, и на снимке начальника полиции Пондишери, так же и в показаниях лам мелькают те же разбросанные части одного великого Познания.

Если один может идти по огню, а другой сидеть на воде, а третий подниматься на воздухе, а четвертый покоиться на гвоздях, а пятый поглощать яды, а шестой поражать взглядом, а седьмой безвредно лежать под землей, то ведь некто может собрать в себе все эти крупы познания. И так может пребороться препятствие низшей материи! И не в каких-то дальних сказочных веках, но теперь, здесь, где испытываются и космические лучи Милликана!

Но все это еще не Риши. О Риши, о великих душах, Шри Васвани говорит замечательно. Этот светлый проповедник блага и духовный водитель, голосу которого очень внимают, замечает: «Благословен народ, вожди которого следуют за мыслителями, мудрецами, провидцами. Благословен народ, получающий вдохновение от своих Риши. Риши преклоняются лишь перед Истиной, не перед обычаем, условностями или признанием толпы. Риши суть великие повстанцы человечества. Они низвергают наши Культы удобства. Они великие несоглашатели истории. Не косность, но Истина их завет. Нам нужны сейчас эти восставшие духом во всех областях жизни — в религии, в государстве, в образовании, в общественной жизни» («Заря». Июнь 1932).

Слова замечательные! Не все Риши по огню ходили и не все заживо хоронили себя, но каждый из них вносил целую духовную область во Благо мира. Каждый из них, как Бодхисаттва, владея мастерством, укреплял новое завоевание прогресса!

Каждый из нас на своем языке произносил священную клятву о построении мира обновленного, возвышенного, утонченного, украшенного!

Ради одного праведника целый Град бывал помилован. Этими маяками, громоотводами, твердынями Блага стояли Риши. Разных народов, разных вер, разных веков, но Единого Духа, во спасение и восхождение всех!

По огню ли пришел бы Риши, приплыл ли на камне, прилетел ли в вихре, но поспешал всегда во Благо общее. Молился ли Риши на вершинах, или на высоком берегу реки, или в пещере зарослей, он посылал моление о всех неведомых, неизвестных, труждающихся, болеющих, трудно ходящих!

Посылал ли Риши белых коней во спасение неизвестных путников или благословлял неизвестных мореходов, или хранил Град во ноци, он всегда стоял столпом светоносным для всех, без осуждения, без утешения огня.

Без осуждения, без взаимоподозрения, без взаимоослабления шли Риши на гору, на вечную гору Меру.

Перед нами путь на Кайлас. Высится одно из пятнадцати священных чудес, исчисленных в книгах Тибета. Гора Колокола. По острым кряжам ходят к вершине ее. Стоит она поверх последнего можжевельника, поверх всех желтых и белых складок нагорных. Тут ходил и Падма Самбхава, о том говорит древний монастырь Гандола. Именно здесь пещеры Миларепы. И не одна, но многие, освященные именем отшельника, слушавшего перед зарею голоса дэв. Здесь же и духовные твердыни Гаутама Риши. Недалеко и легенды, сложенные около Пахари Баба. Ходили тут многие Риши. И тот, который дал горе зовущее имя Колокола, тоже думал о

колоколе для всех, о помощи всем, о Благе Вселенском!

Здесь жили Риши во Благо Вселенское!

Когда же на горных путях встречаются Риши, они не спрашивают друг друга: откуда? От Востока ли, от Запада, от Юга, от Севера? Ясно одно: за Благом и от Блага. А сердце возвышенное, утонченное, пламенеющее знает, где Оно и в чем Оно — Благо.

В караване спутники начали спорить и обсуждать качества различных Риши. Но седой пилигрим указал на снежные вершины, в красоте сияющие, сказав:

«Нам ли судить о качествах этих вершин? Можем лишь в недостижимости восхищаться их великолепием!» «Сатьям, Шивам, Сундарам!»

1932

Другу моему жаловалась одна знакомая:

«Всю жизнь жду я знака. Посылаю лучшие мысли и не имею ответа. Справедливо ли?»

Друг мой попросил рассказать ему ее жизнь. Оказалось следующее: «Я была очень богата, и это давало мне возможность помогать людям и поддерживать очень многих. Затем не по моей вине пришло разорение. Правда, я еще не голодаю, но уже лишена возможности приносить прежнюю помощь. И в этом мое постоянное горе. И я не могу понять, зачем нужно было лишать меня средств и тем самым поставить меня в вечную жалобу на невозможность помочь?»

Мой друг разъяснил ей: «Видите, жданный вами ответ уже состоялся. Но Вы не поняли его. Вы приняли совет блага за несчастье. Ведь Вы, к сожалению, вообразили, что помощь может быть лишь денежной. Тем самым Вы уничтожили самое ценное сознание о том, что духовная помощь может достигать гораздо больших результатов, нежели просто денежная. Сознайтесь, что Вам было приятно давать от избытка, не подвергая себя ни лишениям, ни опасностям, ни затруднениям. Вот и сейчас, ведь вовсе не все от Вас отнято. Вы далеко не голодаете. И казалось бы, могли еще больше помогать людям Вашим жизненным опытом. Вашим состраданием. Сколько новых полезных советов Вы могли бы давать. На собственном опыте Вы могли бы указать на ничтожность материальных средств, если они так легко разрушаются. Но если Вы будете считать Ваше положение несчастьем, то какой же дальнейший ответ Вы можете ожидать? Только когда Вы осознаете полезность Вашего теперешнего состояния, когда поймете, что деньги, как таковые, были извращены в Вашем прошлом представлении, тогда придет и дальнейшее».

Тот же друг мой рассказал и другой случай. Ему было указано показать одной особе в Чикаго известный портрет. Особа эта необыкновенно взволновалась при виде портрета и сказала: «Откуда Вы знаете о драме жизни моей? Однажды в Париже мы были с нашими американскими друзьями и сидели в маленьком кафе. Вошел тот самый, портрет которого Вы мне показали, и, сев около двери, начал пристально смотреть на меня. Я поняла моим сердцем, что должна подойти к нему, и в этом будет заключаться цель моей жизни. Но с другой стороны, условности приличия шептали мне, что было бы недопустимо на глазах моих друзей подойти к незнакомцу. Большая борьба происходила во мне, а он продолжал смотреть, ожидая, как я решу судьбу мою. Прошло еще некоторое время, условные приличия приковали меня к месту, а незнакомец встал и вышел. Я поняла, что не сумела ответить на зов и решила судьбу свою по условным приличиям. В этом драма моей жизни».

Другой мой друг рассказал мне еще одну примечательную веху. Ему было указано открыть в одном городе просветительное учреждение. После всяких поисков возможностей к тому он решил переговорить с одной особой, приехавшей в этот город. Она назначила ему увидеться утром в местном музее. Придя туда «в ожидании», мой друг заметил высокого человека, несколько раз обошедшего вокруг него. Затем незнакомец остановился рядом и сказал по поводу висевшего перед ним гобелена: «Они знали стиль жизни, а мы утеряли его». Мой друг ответил незнакомцу соответственно, а тот предложил сесть на ближайшую скамью и, положив палец на лоб (причем толпа посетителей — это был воскресный день — не обратила внимания на этот необычный жест), сказал: «Вы пришли сюда говорить об известном Вам деле. Не говорите о нем. Еще в течение трех месяцев ничего не может быть сделано в этом направлении. Потом все придет к Вам само».

Затем незнакомец дал еще несколько важных советов и, не дожидаясь, быстро встал, приветливо помахал рукой со словами «хорошего счастья» и вышел. Конечно, мой друг

воспользовался его советом. Ничего не сказал о деле приехавшей затем знакомой, а через три месяца совершилось все, как было сказано. Мой друг и до сих пор не может понять, каким образом он не спросил имени чудесного незнакомца, о котором более никогда не слыхал и не встретил его. Но именно так и бывает.

Еще веха. Приятель художник рассказывал, что во время его выставки в одном приморском городе ему безотлагательно нужна была определенная сумма денег. Но при всем внешнем успехе выставки продажа не продвигалась. Казалось, чем внутренне больше желает мой приятель, тем затруднительнее становилось положение. Тем более что ему не хотелось оповещать нужду в деньгах. Точно бы всевозможные, непредвиденные обстоятельства ополчились, кто-то заболел, кто-то уехал или еще не вернулся. Выставка шла к концу, и приятель находился в очень огорченном состоянии. За несколько дней до закрытия, утром, еще не было и восьми часов, раздался телефон, и молодой женский голос спешно и нервно сказал: «У меня всего пятнадцать минут времени до отхода парохода. Я нахожусь у дверей Вашей выставки и во что бы то ни стало должна иметь Вашу картину. Будьте добры, приезжайте немедленно посоветовать мне выбор». Нечего и говорить, что мой друг поспешил приехать и нашел у входа очень милую барышню из Гонолулу, которая с чеком ожидала решения о картине. Решив покупку, она тут же сняла картину со стены и, несмотря на протест заведующего выставкой, устремилась к ожидавшему ее автомобилю. Конечно, Вы не сомневаетесь, что чек оказался именно на сумму, нужную моему приятелю. Так же Вы не сомневайтесь и в том, что эта молодая особа не знала и не могла знать, какая именно сумма нужна моему другу. Именно так и бывает.

Помню и другой многозначительный эпизод. Мои друзья собрались ехать в одну страну, тогда как им была указана именно совсем другая часть света. Из добрых намерений друзья мои тем не менее упорствовали и даже уже озаботились билетами в желанную им страну. Но все же указание должно было быть выполнено; и произошло нечто необычайное. Все приготовленные для поездки средства самыми странными способами в течение двух-трех дней растворились и исчезли. И таким образом моим друзьям ничего не оставалось, как выполнить указание. Такая веха очень определенно показывает, какие меры иногда должны быть принимаемы, чтобы охранить предуказанное.

И еще веха. Один из моих друзей должен был повидать человека, чрезвычайно для него опасного. Конечно, все помыслы были к тому, чтобы по возможности избежать это роковое свидание. Станным образом несколько раз это свидание не состоялось — появлялись какие-то неожиданные препятствия. Но, в конце концов, по-видимому, избежать этот опасный час было уже невозможно. Видимо, сила посылаемой мысли уже не могла помочь. Итак, мой друг, явившийся в назначенное место, ожидал. Время уже настало. Опасный человек еще не появился. Вдруг поднялось какое-то волнение, и оказалось, что этот злобный человек все-таки не доехал — сердце лопнуло. И такие меры бывают, когда уже нельзя иначе предотвратить.

А вот еще веха долгой памяти. Тетка моей жены, с мужем и с сыном, в зимнюю стужу ехали в дальнее поместье. Заблудились. Настала ночь. Вьюга усилилась. Нужно было думать о каком-либо ночлеге. Вдруг замечают какую-то незнакомую усадьбу. Подъехали. Оказалось, что владельцы давно не живут, но сторож согласился отпереть дом для ночлега. Как только сани остановились у крыльца, приехавшая, никогда не выдавшая этого места, воскликнула в ужасе: «Я ни за что не войду сюда. Здесь произошли страшные дела».

Когда же муж и сын стали ее убеждать, она сказала: «Войдите и убедитесь». И затем она описала им внутреннее устройство дома и точно указала об одной комнате, где должен был висеть большой портрет женщины в белом платье. Когда встревоженные путники прошли в дом, они в трепете узнали все описанное, а когда дошли до конца комнаты с портретом, то и сами, потрясенные, спешно оставили это несчастливое жилище. И таких вех бывает много, если

только мы находим достаточно внимательности в себе, чтобы рассмотреть их.

И еще вежа ответа. Наши друзья переехали в новый дом. Вещи уже были перевезены. Среди них старинные, испорченные, никогда не заводившиеся часы. Хозяйка нового жилья задумалась, долго ли придется прожить на этом месте? И вдруг, никем не заведенные, испорченные часы звонко пробили десять раз. Это было число лет, прожитых в этом доме. А ведь многие и не обратили бы внимания на какой-то бой часов.

Еще вежа. Было указание о том, что получится очень ценная посылка. Время прошло. Друзья наши уже как бы забыли об этом обстоятельстве, приехав в Париж. Однажды из банка «Бенкерс Трест» приносят оповещение о получении пакета. Оказалось, что этим обычнейшим путем была доставлена самая необычная посылка. Как видите, и так бывает.

А сколько писем, неизвестно откуда присланных, а сколько книг нужных и как бы случайно указанных, а сколько сроков очень примечательных может быть услышано внимательным ухом. Сколько добрых знаков подается в жизни. Если знаки эти ведут к добру, если их единственное назначение помощь человечеству, то это уже будут истинно добрые знаки. Некоторые недомыслящие люди опасаются, как им рассмотреть, добро ли? Но посмотрите в увеличительное стекло будущего и послушайте в мегафоне грядущего, и вы ясно увидите, каково назначение этих знаков блага.

Если знак подается для возвышения сердца, для исцеления, для приобретения трудностей, для веры и восхищения, значит, полезен такой знак и его нужно уметь рассмотреть. И опять повторим, что не нужно ждать лишь тех знаков, которые ждали бы по самости, по эгоизму ограниченному, ибо всякий эгоизм уже туп и ограничен. Следует найти в себе достаточно благовместимости, чтобы воспринять знак в той форме, в том выражении, в котором он Свыше признан наилучшим.

Когда люди молятся об охране от ночных призраков, это будет одним из очень насущных молений. Действительно, нужно охраниться от всяких темных признаков, от всего погружающего во тьму, а прежде всего охраниться от невежества. Нежелание знать, нехотение воспринять, ведь это уже будет подпадение под власть темных призраков. Человек, уходящий от земли и не помысливший о будущем, ведь это будет подобно получившему в дар прекрасную книгу и не раскрывшему ее ради переплета.

Внимательность в жизни не будет какой-то условной и мрачной отвлеченностью. Наоборот, чем внимательнее человек, тем больше красоты для него откроется. Каждую минуту сосредоточения и молчания он признает как бы еще одно погружение в высь прекрасную. Он одумает и уложит бережнее накопленное им ранее. И накопленное не призрачно, но в духе нетленном.

Помню один морской рассказ достоверный. Некий капитан корабля впал в неизлечимую болезнь и должен был быть помещен в лечебницу, навсегда оставив любимое им судно. Новый капитан, тоже хорошо знавший дело, проходя в недалеке от одного каменистого острова, прилег отдохнуть. В это время, сквозь дремоту, он слышит голос: «Право на борт». Но он все же не поднялся. Тогда второй раз он слышит тот же приказ. И, наконец, оглушительно он слышит его в третий раз. Тогда капитан вскочил и выбежал на рубку, повторяя приказ: «Право на борт». И было время, ибо судно шло прямо на буруны береговых рифов. В то же время, в далекой больнице, бывший капитан корабля выбросился из окна с тем же самым приказом на устах. Адмирал Т. подтвердит этот подлинный эпизод.

Некоторые люди называют всякие такие вежи святочными рассказами или не заслуживающими внимания совпадениями. Большинство из этих якобы скептиков очень боязливы сами и потому опасаются даже подумать о том, что, помимо их повседневности, помимо их лопуха огородного, существует еще нечто, что мощно заставляет помыслить и

отнестись внимательнее к жизни. Спазматические обращения к вере или к урывочному чтению соответственных книг помогают мало, ибо для всего требуется упорное, бережное и зоркое устремление. Еще ничего не значит, если человек иногда допускает некоторую внимательность со своей стороны. Нужно уметь быть внимательным всегда. Нужно вчитываться в окружающие обстоятельства, как в глубокую, прекрасную книгу, данную для повседневного приложения. Опять-таки некоторые неразумцы назовут этот образ мышления отвлеченной философией. Ведь они понимают это высокое слово в каком-то обиходном, не жизненном смысле. Но ведь из любви к здравому размышлению складываются самые твердые, непреодолимые факты. Это же мышление упасет и от жестокости, и от грубости. Ведь утончение и возвышение сознания могут идти лишь рука об руку.

Какое чудное впечатление оставляет человек, в котором можно быть уверенным, что он не допустит ни жестокости, ни грубости. К тому же однажды достигнутое, утонченное сознание уже спасает от опасного одичания. Если вы встречаете человека опустившегося, одичавшего, то можно быть уверенным, что ранее он не потрудился и над общей пользой, и над самим собой.

На засыпанной снегом равнине иногда торчат жалкие веточки, кем-то установленные для показания скрытой дороги. Иногда путник зорко усмотрит их и направит коня по этим вехам. Но бывают и сомнительные проезжие, которые, удивляясь неразгаданным изгибам пути, отправляются, не приняв этих указаний в соображение. Сколько неожиданных затруднений и опасностей они могут навлечь на себя среди скрытых бугров и лощин! Опытный ямщик, увидав потом след, отбившийся от заботливо указанного пути, сожалеет машет рукою: «эх, их понесла нелегкая!»

Именно темная сила, именно невежество и самомнительность отвлекают неразумных от вех, заботливо для них сбереженных. Уроки внимательности будут и опытами благожелательства, и на этих путях уже приуготовлена верная охрана. По этим вехам пройдут путники.

10 апреля 1935 г.

Цаган Куре

Соппротивление злу

«Отойди от зла и сотвори благо», — заповедует апостольская мудрость. В кратком завете заключено два определенных действия. «Отойди» и «сотвори». И не тем «сотвори», что только отойдешь. Нет, «отойди» и непременно «сотвори благо». Одно отхождение от зла еще только половина дела. Но «сотвори», сделай, создай благо, как противовес злу. Кратко и безусловно указано сотворить благо. Без действия, без сознания, без устремления духа не будет достижения и выполнения завета. Но как часто для самоуслаждения этот бодрый и повелительный завет превращался в кислое и неподвижное в существе своем отхождение. Если отойдешь, то уже и благо будет. Нет, родные мои, не слишком ли легко? Для блага нужно еще всеми силами духа и тела потрудиться. Благо не орех, требующий лишь крепкого зуба. Из безмозглости, из спящего сознания благо не воссоздается. Пашня блага, с посевами и жатвами, заповедана Апостолом в истинном всезнании жизни. И еще вопрос, когда больше пота упадет, при посеве или при жатве. Тот же неустанный зов к действенному труду рассеян во всех апостольских зовах. Ведь зло в основе своей активно. Оно отошло от блага и в отхождении уже проявило сущность активности. Значит, и противовес прежде всего должен быть активен. Зло утверждает себя, ибо иначе оно не привлечет к себе. Также утверждает себя и добро и благо, ибо без дел оно мертво.

Не сражение со злом, не возвеличение этим врага заповедует Апостол, но творческое создание блага. Свет не борется со тьмою, но сожигает, вытесняет ее. Но для такой победы требуется поступательная скорость света. И какая скорость и неудержимость!

Апостол заповедует благородное сопротивление злу созданием массы блага, которая, подобно свету, прободает и рассеет любую тьму зла. Конечно, без сопротивления и поступательного действия зло неминуемо будет догонять отступающее благо, ибо полно все пространство. Отступая, мы увеличиваем поле врага.

Как же определить зло? Восточная мудрость указывает так: «Противостояние злу является одним из основных качеств, ищущих Иерархию. Не физические свойства дадут упорство перед злом, но дух и огонь сердца создают доспех перед ухищрениями зла. Но как понять зло? Конечно, оно прежде всего разрушение. Но ведь замена ветхого дома новым и лучшим не будет разрушением. Значит, разрушение есть разложение, приводящее в аморфное состояние. Такому разложению надо уметь противостоять. Нужно найти силы духа превозмочь боязнь, свойственную непротивлению злу. Так пусть готовятся к противостоянию злу».

Та же мудрость предостерегает: «Разве мало землетрясений? Разве мало крушений, бурь, холода, жара сверхмерного? Разве не поднимался Крест огненный? Разве не сияли звезды в дневное время? Разве не пылала огненная радуга? Разве мало знаков умножившихся? Но человечество не хочет знать явлений перед явным среди хаоса. Так не будем настаивать на зрячем знаке, когда сомнение ослепило людей. Но среди слепых и глухих находятся дети Огня. К ним мы посылаем знаки, чтобы узнавали наступление Света».

И так опять без осознания происходящего, без действительности мы снова будем подпадать под зло. Опять будем соприкасаться с бессмысленным разрушением, с отвратительным возвращением к аморфности, непроявленности.

Кто имеет право — возратить проявленное величайшим творчеством во тьму непроявленного? Кто же может гасить свет во имя тьмы?

И не указано ли действиями оформливать и углубить сознание свое? Без сознания как же пойдем, где благо? Сэр Джинс замечает, что если дать обезьянам пишущие машины, то, может быть, в миллион лет они в непрерывной, случайной стукотне выстучат и сонет Шекспира. Но какова будет ценность этого бессознательного стука?

Слепой стрелок, пускающий в пространство стрелы, тоже может иногда получить добычу, но он-то не будет участвовать в этом успехе.

Миллионы лет разбрасывает человечество стрелы в пространство, но из них лишь немногие посылаются сознательно во благо. И потому велико смятение и саморазрушение, вместо вытеснения тьмы. По совести признаемся, разве облегчило или разрешило человечество житейские проблемы свои? Наоборот, все задолжали и материально и духовно; все перезаложились так, что даже и не установить, где конец и начало перезаклада всемирного. Даже материально люди утратили учет своего достоинства, ибо подвергли его бесчисленному количеству ими же измышленных нагромождений. Точно деловой контракт, в котором хотели механически предусмотреть все условия и среди перегружений изложили вместо четырех четвертей — пять четвертей в одном целом. Без осознания блага теряется смысл начертаний.

Что же есть благо? Если зло есть разложение и аморфность, то благо должно быть созидание, творение, всепонимание общей пользы. Та же мудрость заповедует: «Трудись, твори благо, чти Иерархию Света. Этот завет наш можно начертать на ладони даже новорожденного. Так несложно начало, ведущее к Свету. Чтобы принять его, нужно иметь чистое сердце».

И еще: «Скажу изуверам и ханжам о предательстве. Они полагают предательство лишь в тридцати сребрениках, но забывают, что оно в каждой хуле и поношении. Не следует думать, что злобное слово не будет предательством. Именно часто злоба неотделима от предательства и клеветы. Одно черное древо питает эти позорные ветви. И следствие будет так же черно, как черны корни позора. Нужно отучиться от ужаса злобных слов».

Так отграничивается тьма зла от творящего блага.

В технологии есть очень занимательная глава о сопротивляемости материалов. Можно легко переложить эти вычисления на язык человеческих соотношений и получить поучительные заключения о жизненности сопротивляемости. Кто хочет умереть, тот легче всего и умирает. Жизненность — в цельности, в движении, в наполнении пространства. Наполняя пространство благом, посылками и мыслями блага, мы получаем космическую поддержку нашему сопротивлению злу. При нагнетении этом получается энергия, безгранично возрастающая. Поэтому благотворчество есть наиболее достойное и практичное занятие. И сколько возможностей и больших и малых, измеряемых и неизмеряемых, заключает в себе благотворчество. И сколько чисто медицинских решений несет в себе профилактика блага. Кроме того, в существе своем благотворчество, как энергия поступательная, устремляет нас неудержно вперед. В этом священном наступлении никакая тьма не страшна.

Не забудем, что та же апостольская мудрость, которая говорит о «духе утешителя», она же утверждает и «возмущение духа». Без этого священного возмущения не возмутятся воды и не последуют исцеления.

Вы знаете, что самую действительною защитой в ночное время от леопарда и тигра будет мощный электрический фонарь. Ослепленное исчадие тьмы в ужасе отступает и скрывается, если волна света безбоязненно направлена в глаза. Еще более могучий свет излучает сердце человеческое. Пронзает тьму этот луч, если возмущение духа послало его непреложно, без серых сомнений.

«Смертный глаз» Йога безошибочен, если он защищает Благо. Но Йог и не будет Йогом, если он в благе пошатнется. Главное же, не потушить «электрический» свет сердца нашего. Перед этим сиянием отступят все исчадия тьмы. Отступят и соберут на себя все то, что сами готовили против Блага. Сопротивление злу будет тем благородным действием, которое заповедано высшим Учением. Из благородного нагнетения энергии рождается та возвышенная утонченность, которая является основанием Культуры.

Бог (Из Ежегодника Калиан-Ишваранк в Горакпуре)

*О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени предвечный
Без лиц, в трех лицах Божества!
Дух, всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все Собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем — Бог!*

Так в 1784 году первый русский поэт Державин начал свою бессмертную оду «Бог».

Первый основной член Символа Веры читается: «Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца Неба и Земли; Видимым же всем и Невидимым».

Ко Всевышнему, к Дыханию всех Дыханий, к Атману всего Сущего, все народы на всех языках приносят свое сокровенное и непреложное устремление. Каждый в пределах своего сердца, в пределах своего разумения красоты, прилагает лучшее название Элохиму. Пусть эти священные Имена многообразны, но, сложенные воедино, они дают трогательную симфонию всего самого лучшего, самого высокого, что только мог произнести язык человеческий и что могла начертать воплощенная рука всеми Священными Иероглифами.

Священнейшая Непреложность Бога Всевышнего зачинается в каждом детском мозгу, впервые обратившемся к мирам бесчисленным, и приходит эта мысль к той же светлой формуле: «У Отца Моего Обителй много». И другая формула, такая же безмерная в величии своем, утверждает: «Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть Дух и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в Духе и Истине».

Только что вышла книга — Симпозиум «Нашла ли наука Бога», в которой Эд. Коттон собрал мнения ученых о Боге. Среди ряда выдающихся имен мы видим и Милликена, и Эйнштейна, и Лоджа, и Томсона, и Берда, и Куртиса, и Эддингтона, и Матера, и каждый из них по-своему славословит это высшее всеобъединяющее Понятие, без которого невозможно стало бы само представление о величии Беспредельности.

Прошло короткое время, когда во имя какой-то ложной материалистической научности были отрицаемы великие Реальности. Атеизм в истории человечества являлся теми пароксизмами отчаяния, когда человек, по вине своей очутившийся в полной тьме, теряет представление об окружающем, о формах, о смысле. Еще прошлое поколение иногда допускало самодовольно кощунственную формулу о том, что, кроме них, ничто не существует. Все миры дальние были для них лишь услаждающими их лампадами, а солнце, конечно, было лишь источником их комфорта.

Пресловутый в атеизме своем Базаров тупоумно восклицает о том, что из него после смерти лишь лопух вырастет! При этом эти восклицания не являлись своеобразными выражениями самоуничтожения, наоборот, они хотели этим утвердить свою телесно-материальную конечность, погрязая в гордыне относительных и ограниченных материальных знаний. Этот отрицательный тип ярко выражен в произведении Тургенева «Отцы и дети». Но другой русский писатель, Достоевский, дает иной тип кажущегося народного атеизма. Писатель говорит об

атеисте солдате, который желал измыслить высшее кощунственное действие, чтобы увериться в отсутствии Бога. Для этого он положил святое Причастие на столб и выстрелил в него. После чего кощунствующий увидел самого Христа, там стоящего. В этом образе кажущегося атеизма описано своеобразное вызывание Бога, моление о чуде, о знаке, который и без того хранился в глубинах сердца.

Перед нами лежит очень замечательная книга последних дней о чудесных явлениях, бывших в самое последнее время. В книге приведены факты, подтвержденные многими свидетелями, отмеченные в прессе. Описаны эти тончайшие явления подробно, с указанием качества светоносности, со всеми эффектами на присутствующих. А вот такие же показания о чудесных исцелениях в Лурде. А вот сведение о том, что в 1925 году на Волге, в городе Костроме, скончался старец, в бумагах которого нашли путь к святыням светлых Обителей Гимавата. И староверы сибирские по-прежнему идут в священное Беловодье; стремятся к высшему общению с Богом. И на этом пути они встречаются с «Дон-дам ден-па», с так называемым высшим Пониманием буддийско-тибетского сознания.

Как только сойдете с пути тупоумного отрицания и устремитесь по пути Блага, по пути светлой творческой мысли, на вас нахлынет необозримое множество фактов и знаков от всех народов всего мира, так очевидных чистому сердцу. Все народы в богоискательстве и в богоносности знают в сердце своем и о светлом будущем. Мессия, Майтрейя, Калки Аватар, Мунтазар, Митоло, ведь каждый по-своему и опять в самых лучших образах ждет это светлое будущее, обращаясь к тому же Богу Всевышнему. В Исфагане уже оседлан белый конь для светлого Пришествия. Раввин в Хамадане говорит вам: «Вы ведь тоже Израиль, если ищете Света!» А брамины приходят к вам, чтобы вместе с вами в весенних цветах праздновать великий Образ Кришны. Каждый из этих, по-своему устремляющихся ко Благу и светлому будущему, знает Бога.

В замечательной книге Ж. Сент-Илера «Криптограммы Востока» приведено высокое речение о Почитании Учителя.

«Маленький индус, познавший Учителя. Мы спросили его: «Неужели солнце потемнеет для тебя, если увидишь его без Учителя?»

Мальчик улыбнулся: «Солнце останется солнцем, но при Учителе мне будет светить двенадцать солнц!»

Солнце мудрости Индии будет светить, ибо на берегу сидит мальчик, знающий Учителя».

В этом сердечном почитании Иерархии Света уже есть непоколебимая вера в Бога; мало того, не только вера, но знание Бога, которое дает не только Богоискательство, но Богоносность. Знание вездесущия Бога в каждой былинке существующей не умаляет величие, наоборот, оно дает реальность всем тонким состояниям, всем дальним мирам, всему тому, что видит даже человеческий глаз, а кроме того, и всему тому, что знает в существе своем сердце человеческое. Сердце — это Солнце солнц, это престол Всевышнего. Лишь ненадолго разошлась наука с великими Реальностями. Все новые открытия энергий, лучей, волн, ритма и всего незримого оку богатства всей фактической Мощи Всевышней опять обращают честное познание вверх по беспредельной Иерархии Света, где нет мелких земных делений, где нет злобы и ненавистничества, но где сияет великий Огонь великой творческой Мысли. И в сиянии этой великой Мысли Всевышней и человеческая мысль озаряется сиянием сердца.

Также недавно западная наука отводила сердцу лишь физиологическое значение, упустив его высокое значение как трансмутатора тончайших энергий, беспредельно проходящих через него и питающих и утончающих сознание. По старым Заветам индус знает, что великий Манас живет в сердце, и недаром индус, когда говорит о мысли своей, полагает руку на сердце. Таким

образом, аппарат мозга, насильственно иногда отделявшийся от деятельности сердца, опять становится реальным сотрудником. И в этом обращении к сотрудничеству опять выявляется великое Понятие вездесущности Духа-Бога. И понятие сотрудничества, сужденное человечеству для светлого будущего, не близко ли оно Реальному Осознанию Бога? Сильные духом не страшились ответственной формулы Подражания Всевышнему. «Подражание Христу» Фомы Кемпийского не есть намек на самомнительность, но призыв к тому же светлому сотрудничеству! Древний Восток с изумлением созерцал попытки недавней науки отделиться от всего самого высокого, ибо где же, как не на Востоке, прежде всего, было познано сердце, этот первый проводник ко Престолу Всевышнего? И пещерники Синаитские, и Пророки, и Риши — все, осиянные стремлением к Богу, знали высокие возможности нашего духовного путеводителя сердца.

Свами Вивекананда справедливо замечает, что некоторые из новейших мыслителей, при нынешнем разнообразии концепций, ставили вопросы, не нужно ли заменить слово Бог каким-либо другим наименованием. Но мудрый Свами Вивекананда, конечно, приходит к выводу, что в этом слове собрано столько высших человеческих устремлений, что реальность его не следует изменять. Действительно, какое бы то ни было изменение было бы похоже на первобытные искания, когда ум человеческий, еще связанный многими условиями, пытался слить беспредельное Величие со своими земными пониманиями.

Понятие Бога, бесчисленное количество его высочайших свойств, конечно, несказуемо ограниченным словарем земным, но сердце, на своем неограниченном языке, знает эту высшую беспредельную мудрость, огни которой сверкают в Логосе Сознания. Вспоминаю, как один из моих покойных друзей, прекрасный поэт Александр Блок, однажды перестал ходить на религиозно-философские Собрания. Когда же его спросили о причине отсутствия, он сказал: «Потому что они говорят там о Несказуемом». Это великое Несказуемое было для него полною Реальностью. Поистине всем тонким чутьем поэта он чувствовал словесную грубость суждений о таком Высоком, о таком Тонком, о таком Беспредельном, которое звучит в сердце. Каждое слово о Высочайшем уже наносит какой-то кощунственный предел этому Величию.

Но именно сейчас особое время, чтобы вспомнить о Боге, чтобы вспомнить о том, как сказано в Заветах древних, о том Неизреченном, Несказуемом, Непознаваемом, Беспредельном и в то же время о так близком и всенаполняющем каждое сердце человеческое, когда оно мыслит о Благости. Как прекрасно выражено Вездесущие Божие в самых лучших Заветах!

Потрясаема земля всевозможными кризисами. В этом убожестве, в этом всяческом обеднении еще раз мощно встает величайшее Понятие, которое, хотя бы частично осознанное, преображает жизнь человеческую в сад прекрасный. Отрыв от Бога, отрыв от свободного, неограниченного, светлого познания, отрыв от сужденной радости совершенствования обращает знаменательное земное существование в Остров Слез. Но ведь не несчастья заповеданы, не горе суждено. Суждена высокая радость, сужден творящий трепет мысли, сужден благовонно-омытый Престол Сердца. И не Остров Слез, но Сад Прекрасный, Сад преображенного Труда и Знания в руках самих людей, обратившихся к Богу.

Кончает Державин свою оду «Бог» следующим обращением:

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь!
Источник жизни, благ Податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило

Мое бессмертно бытие,
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! в бессмертие Твое!
Неизъяснимый! Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображения бессильны
И тени начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к Тебе лишь возвышаться,
В бессмертной разности теряться
И благодарны слезы лить.

9 апреля 1932. Гималаи

Hridaya, Kokoro, Sin, Al-kulub, Del,

Cor, Nying, Dzuruhe, Sirids, Kardia.

Точно бы заклинание. Но о сердце так зывают народы. Испания, Индия, Ниппон, Китай и Аравия. Персия, Италия, Тибет, Монголия, Латвия, Греция...

Heart, Coeur, Herz.

Сердце.

Всеми начертаниями народы хранят память и кричат и шепчут друг другу драгоценное слово о сердце.

Триста языков Индии, да столько же в остальной Азии, да столько же в русских просторах. Да столько же в Америках, да в Африке, да по всем островам, как грянут то же слово огня и любви, и подвига. Слов нет перечесть, сколько мерзости развелось на земле. Замарались колеса жизни. А все-таки через все ямы, через все ухабы и падения по миру звучит слово, которое означает сердце, хранилище Света.

Люди дожили до сердечных болей. Люди запылили сердца и обрастили их шерстью. Скорчили сердца в страхе и ужасе. И все-таки не забыли слово, которое напомнит о сердце, о средоточии жизни.

Уж, кажется, испоганили люди все сокровища. Солгали на все самое священное. Умалили все высокое, но не забыли сердца, колыбели любви.

Отемнились люди всею тьмою. Очернили язык самым черным предательством. Разбили сосуды самые ценные. Удушились мерзостью самой тяжкою. Но сохранили память о сердце, как о последнем прибежище.

* * *

«Приходя в новую страну, прежде всего спрашивайте, как зовется там сердце? Встречаясь с новыми людьми, если даже не узнали, в каком звуке они выражают свое сосредоточие, укажите им от своего сердца к их сердцу. Почти все воспримут это свидетельство искренности, лишь немногие удивятся и, может быть, застыдятся, и совсем немногие вознегодуют. Имейте в виду, что эти вознегодовавшие окажутся и в делах людьми темными. Не ждите от них дружбы и благоволения, они уже смердят».

* * *

Все-таки еще нет институтов сердца. Есть целые огромные учреждения, посвященные борьбе со всякими бичами человечества, но особых институтов сердца, изучающих этот важнейший двигатель жизни, все-таки нет. Постепенно производятся очень значительные опыты над сердцем. Только что пишут, что в Италии удалось вернуть к жизни сердце, переставшее биться. Сообщается из Милана от 22 февраля: «Человек, смерть которого была вполне засвидетельствована всем присутствующим медицинским персоналом в Миланском госпитале, вчера был возвращен к жизни впрыскиванием адреналина. Этому отдается сегодня много места во всех городских газетах».

Пациент страдал тяжелой формой болезни сердца и подвергался лечению всеми способами,

доступными науке. Но, несмотря на все принятые меры, все-таки скончался. Хотя врачи вполне удостоверились в наступившей смерти, но один из них сделал впрыскивание адреналина в виде опыта. Через 30 минут сердце начало слабо биться. Через несколько часов оно уже работало нормально так, что врачи сейчас утверждают, что человек уже находится вне опасности.

Приблизительно подобные же действия адреналина были известны и ранее, остается также исследовать, как отзывается этот сам по себе сильный яд на дальнейшие функции организма. Известно много случаев, где фатальный конец предвосхищается впрыскиванием адреналина, принося лишь краткую отсрочку кончины. При этом замечены, в данном случае я говорю о детях, признаки усиления нервности, даже какой-то необузданности. Конечно, может быть, это происходит от совсем других причин, но только что приведенный случай особенно заставляет подумать о значении такого радикального средства.

Из народной медицины иногда передаются эпизоды неожиданных излечений самыми непредвиденными средствами. При этом обычно эти непредвиденные и даже странные средства остаются без должного исследования и погибают в области анекдотов.

Припоминаю, как в семье одного священника от крупа, в удушении, скончался ребенок. После смерти потрясенный священник схватил ребенка и бросился в церковь к алтарю, молясь в полном исступлении. Как-то случилось, что ребенок оказался вниз головой, и отец, сам того не замечая, держа его за ноги, неистово встряхнул его. Сгусток затвердевшей мокроты вдруг выскочил, ребенок кашлянул и начал дышать. Сердце постепенно вернулось к деятельности.

Значит, сколько же всяких разнообразных проявлений кажущейся кончины может быть предусмотрено. История полна сообщений о пробудившихся мертвецах. Различные виды летаргии наблюдаются и в конце концов не поддаются окончательному исследованию. Почему останавливаются функции жизни? Почему опять они возвращаются, даже в таких, казалось бы, невозможных условиях, после погребения? Конечно, этому существуют многие объяснения. Но пока мир сердца не будет исследован полностью, до тех пор все это будут лишь счастливые или прискорбные случайности.

Конечно, глубокая жизнь сердца, может быть, труднее всего укладывается в словесных формулах. Именно сердце должно быть изучаемо не только в болях и терзаниях, но и в здоровом состоянии. Если нервная система растений реагирует на малейшее изменение температуры, на дальние облачка, на самые слабые прикосновения, то сколько же прекрасных и замечательных звучаний и биений происходит в сердце! Кроме того, трудно утверждать, что такое — здоровое и что такое — больное сердце. Известно, что многие быстро кончаются от сердечных припадков при так называемом здоровом сердце; а другие, давно приговоренные к сердечной катастрофе, живут очень, очень долго.

Пульс ведь не только в количестве ударов проявляет себя, но прежде всего в качестве своем, и это качество сердечных биений еще так мало наблюдается и объяснено. Когда говорят — берегите сердце, это прежде всего будет значить — не раздражайтесь, не злобствуйте; а с другой стороны — не огорчайтесь, не впадайте в уныние.

Каждая малейшая подробность жизни отзвучит прежде всего не в мозгу, но в сердце. Именно сердце познает и отвечает даже на самые удаленные землетрясения, как лучший сейсмограф. Но ведь не принято советоваться с сердцем своим. Не принято через него внимать Высочайшему. Когда же люди читают прямые советы о насущности таких обращений, они осуждают их как нечто отвлеченное, изобретенное какими-то далекими пустынноиками и неприложимое. А ведь оно приложимо всегда к происходящему в сердце, лишь бы только откровенно и чистосердечно прислушаться.

Человек, который уверяет, что он не замечает многих совершенно реальных явлений, прежде всего и не хочет их замечать. Он уже предполагает в надменности своей, что ничего не

будет, он ничего не услышит и ничто не нарушит его покой. Ведь именно самомнение мешает человеку воспринимать действительность. Иногда сердце, как молотом, пытается стучаться в поддельное сознание... Человек готов излить на это сердце всевозможные яды, чтобы заглушить его. Но не подумаем, от чего бы такого так возбуждено сердце? Что худого или хорошего случилось, какая польза или какой вред постучался?

От малейшего и до величайшего вмещает в себя сердце. Звучит оно обо всем сущем. Трогательны и мудры древние напоминания о великом значении сердца.

* * *

«Дух, который в сердце моем, меньше зерна риса, меньше зерна ячменного, меньше зерна горчичного, меньше малейшего проса. Тот же дух, который в сердце моем, больше всей земли, больше пространства, больше небес, больше всех миров!»

«Посланник всего действия, всего желания, всего восприятия, обоняния, вкуса, всеобнимающий, молчаливый, далекий — таков дух, который в моем сердце. Это Брахман сам. Тот — который говорит: «Выходящего от всего мира я сопровождаю». Поистине нет для него никакого сомнения».

Так говорит Чандогия Упанишад.

24 февраля 1935 г.

Пекин

На древних перстнях можно видеть две спирали. Спираль восхождения и спираль нисхождения. Говорится, что даже очень высокий дух так же скоро может подняться, как и спуститься. Очень грозное и справедливое предупреждение.

Издавна люди понимали, что как восхождение, так и нисхождение могут быть чрезвычайно быстры. Ничто не удержит даже высокое существо от нисхождения, если оно допустит себя до низших вожделений. Этот путь или, вернее, скачок в бездну не однажды запечатлен и в восточной, и в западной литературе от времен самых древних. И в форме поэтических произведений, и эпических сказаний, и сказок, и романов — всюду в разнообразных формах отмечена та же истина. Очевидно, народная мудрость предчувствовала, как часто нужно напоминать людям как о нужности движения вверх, так и об опасности низвержений.

Иногда люди спрашивают:

«А как же бывает со всеми достигнутыми утончениями и восприятиями при низвержении? Ведь, казалось бы, однажды познанное и усвоенное — не может оно стать небывшим. Каким же образом достижения уже совершенные уместятся в низверженном состоянии?»

Такой вопрос вполне логичен и затрагивает сложные соображения. Нужно очень ясно усвоить себе принцип преобразования как вверх, так и вниз. При преобразении вверх все возможности и достижения как бы разворачиваются, как бы в торжественном шествии разворачиваются знамена и являются их внутренние знаки. Так же при отступлении и низвержении знамена свертываются. Знаки, только что сверкавшие, погружаются в глубокие тайники.

Часто люди удивляются изысканности и познаниям служителей тьмы. Но ведь никто не сказал, что они всегда были служителями тьмы. Может быть, они низверглись, о чем дан такой замечательный символ. В низвержении свернулись и преобразились вниз их достижения. Правда, изысканность осталась, она обратилась во зло. При восхождении все встречаемое, все познаваемое преобразуется в добро. Так же точно при обратном процессе; все уже достигнутое во зло обратится. Обратится во вред всему светлому, всему проявленному. Будет затемнять, смущать и обращать в хаос.

В конечном итоге не так уж трудно, хотя бы и человеческим разумением, рассмотреть, что идет к проявлению и созиданию, а что к разложению, к хаосу. Именно, как говорилось, — «Рассмотрите в приумножении, и тогда каждая частность встанет в очевидности».

Но суждение в перспективе не так легко дается. Какие-то мудрые правители оставили изречение: «Управлять — значит предвидеть». А для того чтобы предвидеть, нужно посмотреть далеко. А в зрительных трубах — увеличительные стекла. Опять-таки кто-то может сбиться и принять различие горизонта за самохвальство, за хвастовство о настоящих его познаниях.

Если прозрения и озарения могут быть скоропостижны, то и отемнение, и смущение тоже бывают стремительными.

Человек может найти клад вдруг, но сколько раз приходилось людям терять свое сокровище тоже вдруг и безвозвратно.

Один большой художник и деятель говорил мне, как однажды на совершенно определенном месте, где никаких прохожих не было, на гладком берегу моря он потерял драгоценный для него перстень. По его словам, он перебрал каждую песчинку на этом месте. Он заметил это место и приходил на него многократно и никогда не нашел памятного для него перстня. И другой случай известен, когда ценный перстень в доме неожиданно пропал, а через три недели нашелся, сверкая на бархатном сиденье дивана.

И нахождения, и потери так замечательны, если сообразить их вместе с окружающим.

Возможность восхождения! Может ли она делать человека самомнительным? Нет. Она делает его осмотрительным, мужественным и неутомимым. Опасность нисхождения, может ли обратить человека в мнительного труса, в беглеца дрожащего? Нет. Она лишь обострит его память, умножит осторожность в действиях и только напомним, насколько радостно ему поспешать вперед. Можно привести также из различных памятников литературы прекрасные слова, посвященные великому понятию «вперед».

Именно действие постоянно поступательное оградит от многих опасностей. И стрела не так легко достигнет устремленного. И между ужасов пройдет он, не замечая их, и умножит, и сохранит он силы свои своим непреложным устремлением. В устремлении станет ему ненужной роскошь. В устремлении благодушно отнесется он к толчкам, в толпе неизбежным. В стремительности ему легче прощать многое, что для медлителей является предметом бесконечных обсуждений.

Также давно сказано, что в действии легче прощать. А ведь это приучит вообще к одному из самых благодетельных качеств — к прощению. Цветы прощения — прекрасны, а сад обид — зрелище весьма отвратительное. Соизмеримость большой ответственности, большой готовности к трудам и вообще мер больших дает и большие следствия. Всякое же ограничение, произойдет ли оно от необдуманности, легкомыслия, лености, неподвижности — все равно от чего, оно будет также нарастать стремительно.

Прогрессы нарастаний замечательны. Во всех законах движения можно видеть ту же основу. Также и прогрессия мысли или немышления, видия и авидия, — все это так же точно и движется, и нарастает. Мужество — нарастаемое качество, и в действии оно умножается. Так же быстро умножается и страх — постыдная боязливость, которая от бездействия овладевает ужасно.

Тот, кто помещал на перстнях, всегда носимых, спирали восхождения и нисхождения, тот хотел постоянно напомнить о возможностях как вверх, так и вниз. Казалось бы, если так часто упоминается о низвержении, то люди должны бы принимать всякие предосторожности, чтобы избежать его. Но не так-то бывает в жизни.

Из самых высоких и прекрасных символов люди ухитряются сделать бытовые, никому не говорящие предметы. Потому и в движениях самой жизни так страшно омертвление, опошление, которое внедряется во весь смысл существования, овладевает всем складом мысли и оставляет на всем свою позорную печать. Замечающие это были бы пессимистами, если они будут думать лишь об этой стороне. Но ведь первая спираль — восхождение, она должна остаться первой, самую привлекательную и самую вдохновительную.

Спуск с горы всегда порождает какую-то грусть, но восхождение всегда сопряжено с великою радостью.

2 марта 1935 г.

Пекин

Бывальщина

Бывает, бывает, чего только не бывает. Вот однажды в Сан-Франциско нужны были деньги. Очень были нужны, но ниоткуда не приходили. И никому-то об этой надобности нельзя было сказать. Становилось безнадежно. В самую безнадежную минуту — не знаешь, что и придумать, — вдруг трижды стукнуло в дверь. Вошла маленькая старушка, остановилась у двери и сказала: «Не надо тревожиться — все будет хорошо». И ушла. Кто она? Откуда? Почему пришла?

На другое утро ранний звонок: «Приезжайте немедленно на выставку». Спешу. В зале вижу милую девушку с чеком в руках. Улыбается: «Через двадцать минут отходит мой пароход в Гонолулу. Которую из этих четырех картин вы мне посоветуете?» Сует чек, схватывает со стены картину и бежит к выходу. Служитель хочет задержать, но я издала машу ему: «Не мешай». Так и мелькнула, точно не здешняя, но в руке хороший чек и на стене пустое место. Подпись: «Эллинор К».

Не забудется и встреча с незнакомцем в Музее «Метрополитен». Не забудется и встреча в Чикаго. А Лондон в 1920! А Париж в 1923! А Дарджилинг! А Москва в 1926! А Белуха! А Улан-Батор! А Тибет! А Индия! Всюду вехи. И не записано о них. Сколько неотмеченного!

Во время экспедиции по Тибету ночью ожидалось нападение голоков. Е. И. мысленно соображала возможности такой атаки, но в это время я, уже крепко спавший, сказал: «все тихо, как на кладбище». В «Сердце Азии» упомянуто о приезде неизвестного, богато одетого монгола, предупредившего о готовящемся нападении. И в другом месте экспедиция была в самом безвыходном положении. Можно было ждать лишь чего-то необычного. В самый трудный момент пришло все разрешающее известие. Тогда старый бурят воскликнул: «Свет поражает тьму!»

Кроме дружественных встреч — многие встречи с врагами. Как часто именно враги приносят лучших друзей и возможности. Сами того не зная и не желая, враги иногда являются дарителями лучших возможностей. Имею на счету целый ряд вражеских выступлений, которые дали лучших друзей и открыли новые пути.

Грабарь пишет: «О Рерихе можно написать увлекательный роман, куда интересней и многогранней, чем роман Золя о Клоде Пантье, в котором выведен соединенный образ Эдуарда Мане и Сезанна». Всеволод Иванов о том же промолвился. То же говорилось во Франции, в Америке и здесь в Индии. Только все так говорившие знали лишь часть нашей жизни, а иногда малую часть. Много бывальщины!

В Индии, наконец, появились русские представители. Можем свидетельствовать, как долгожданны они. Появился журнал «Советские новости». Расхвачены номера, многие заказы остались невыполненными. Как тянется Индия к братскому, сердечному единению.

Все полезные вехи пусть не забудутся. Туман расстояний выедает нередко многое значительное. Бывальщина начинает казаться миражем. Но ведь она была и вела многое.

12 февраля 1943 г.

Два мира выражено в Гималаях. Один мир земли, полный здешних очарований. Глубокие овраги, затейливые холмы столпились до черты облаков. Курятся дымы селений и монастырей. По возвышениям пестрят знамена, субурганы или ступы. Выходы тропинок переплели крутые подъемы. Орлы спорят в полете с многоцветными змеями, пускаемыми из селений. В зарослях бамбука и папоротника спина тигра или леопарда может гореть богатым дополнительным тоном. На ветках прячутся малорослые медведи, и шествие бородатых обезьян часто сопровождает одинокого пилигрима. Разнообразный земной мир. Суровая лиственница рядом стоит с цветущим рододендроном. Все столпилось. И все это земное богатство уходит в синюю мглу гористой дали. Гряда облаков покрывает нахмуренную мглу. Странно, поражающе неожиданно после этой законченной картины увидеть новое, надоблачное строение. Поверх сумрака, поверх волн облачных сияют яркие снега. Бесконечно богато возносятся вершины ослепляющие, труднодоступные. Два отдельных мира, разделенных мглой.

Помимо Эвереста, пятнадцать вершин гималайской цепи превосходят Монблан. Если от Великой Рангит (река) осмотреть все подступы до снеговой черты и все белые купола вершин, то нигде не запоминается такая открытая стена высот. В этом грандиозном размахе — особое зовущее впечатление и величие Гималаев. «Обитель снегов»!

В сторону восхода вершины сливаются в стену сплошную. Зубчатый бесконечный хребт священной ящера. Трудно догадаться, что именно там притаились снежные перевалы Джелап-Ла на Шигатзе и Лхасу. Туман особенно часто закрывает этот путь.

Навершия Буддийских знамен составлены из крестовидного копья, диска, полумесяца и лепестков лотоса. Не все ли эмблемы религий срослись на одном древке? В этих напоминаниях о символах элементов мира каждый найдет изображение, ему близкое.

На иконах и священных украшениях Тибета часто горит драгоценными камнями изображение рыбы — священный знак — так же, как на стенах римских катакомб. Сошлись в одном понимании «колесо жизни» Будды, круг «начал — тайну образующих» — христианской церкви и колеса Иезекииля. Многоокие Серафимы и бесчисленные глаза Светлого Духа Дуккар проникают в те же тайники души.

В культурах Зороастра изображается чаша с пламенем. Та же пламенеющая чаша отчеканена на древнееврейских серебряных шеклях времени Соломона и древнее. В индусских раскопках эпохи Чандрагупта Маурьи видим то же самое мощно стилизованное изображение. Святой Сергей Радонежский, трудясь над просвещением России, приобщался от пламенеющей чаши. На тибетских изображениях Бодхисаттвы держат чашу, процветшую языками огня. Помним чашу жизни друидов. Горела чаша Святого Грааля. Не воображением, но именно делами сплетаются великие учения всех веков. Язык чистого огня.

Христос учил: «Вера без дел мертва». Будда указал три пути: долгий — путь знания; короче — путь веры; самый краткий — путь действия. Давид и Соломон славословят устремления труда. Веданта твердит о проявлении дел. Поистине в основании всех заветов положено действие. Творящий огонь Духа.

Разве чужды символы индусской Тримурти — Троицы? Разве Буддийское Дерево Желаний, увешанное предметами всех желаний, не отвечает нашему понятию Рождественской елки? А все детали устройства алтарей храмов? А схимники и пещерники, затворившиеся в каменных

гробах? А лампы и огни заклинаний? А венки и свечи добрых молений, посылаемые по течению Ганга? А Троицына березка? А мускус и ладан? А кованные, усыпанные камнями ризы икон? И камни, брошенные в Будду его близким родственником, разве не сродни камням Святого Стефана? Право, не случайно запечатлена буддийская легенда на фресках пизанского Campo Santo. И глубокое значение имеет мусульманское предание, что Мать Христа явилась матери Магомета перед рождением Пророка.

В Джидде — в этом преддверии Мекки — мусульмане особенно почитаемо берегут так называемую Могилу Евы. Тот же — Старого и Нового Завета Архангел — Гавриил на горе Хира указал Магомету начать проповедь. Тот же самый.

Могульские царицы носили почетный титул Мириам. Мириам, Мария, Мать Мира. Уже давно древнейшие забытые храмы славословят ожидание новых эпох.

В древнем городе Киш недавно найден храм Матери Мира. Сарнат и Гайя — места личных подвигов Будды — лежат в развалинах. Являются лишь местом паломничества. Так же, как Иерусалим остается лишь паломничеством ко Христу. «Ибо Сам Иисус свидетельствовал, что пророк не имеет чести в своем отечестве».

По преданию, Будда принял посвящение в присутствии богов. Место посвящения названо «святейшая ступа», но нигде не указано. Известны места подвигов Будды на Ганге. Известны места рождения и смерти Учителя — в Непале. По некоторым указаниям, посвящение совершилось еще севернее — за Гималаями, ибо на подвиг Будда пришел с севера.

Но где же и Христос был до тридцатилетия? Кто знает эти благие прибежища? Где эти Кория Мориа? Можно ли их поведать?

Легендарная гора Меру по «Махабхарате» и такая же легендарная высота Шамбала в Буддийских учениях — обе лежали на север и служили высотами посвящений. И всюду подробно нельзя говорить о таких местах священного света.

Мудры сверхчеловеческие сношения. Сверху виднее. Вместо мелких ссор отрицания история напоминает нам о поистине международных связях. Указывается исторический факт, как монгольский Богдохан был спасен от болезни явлением Святого Николая. Монгольские хутухты, чьи знание и духовность считаются очень высокими, указывают это. Все полно знаками. Лишь не просмотрите. Смотрите зорко и радостно. И подвижно.

На кисти руки тибетской женщины заметили странный синий знак. Присмотрелись. Оказалось, нататуирован синий равноконечный крест. Спросили, откуда такой знак? Получилось разъяснение, что знак нанесен тибетским врачом во время «очень опасного кашля» — по-видимому, воспаления легких. Под таким знаком обычно тибетские врачи впрыскивают лекарства. Этот знак был сделан личным врачом Далай-ламы во время трехлетнего пребывания в Дарджилинге.

По пророчеству ламы Тзаринпоче, и нынешняя попытка овладеть Эверестом окончится лишь потерями. Посмотрим, прав ли старый лама [\[7\]](#).

Лама изумился желанию чужеземцев непременно подняться на вершину Эвереста. «Зачем принимать столько трудов в земном теле? Не проще ли побывать там в духе?» Ламы легко выделяют астральное тело, которому, конечно, любая высота не является препятствием.

Из этого окна [\[8\]](#) посылал верховный священник моления обеспокоенному китайцами Тибету. Три года перед стеной Гималаев. Бодрствовал. Спать Далай-лама не ложится. На отдых остается сидя, в молитвенном движении. Для освобожденного духа нет ни стены, ни войны.

Во времена старых Иезуитских Миссий в Лхасе была христианская часовня. Около трехсот лет тому назад. Великие ламы посещали ее.

Седобородый человек на берегу Ганга, сложив чашу рук, приносил все свое достояние восходящему солнцу. Женщина, быстро отсчитывая ритм, совершала на берегу утреннюю

пранаяму. Вечером, может быть, она же послала по течению священной реки вереницу светочей, молясь за благо своих детей. И долго бродили по темной водной поверхности намоленные светляки женской души. Глядя на эти приношения духа, можно было даже забыть толстых браминов Золотого Храма. Вспоминалось иное. Вспоминалась молитвенная фигура Святого Сергия на картине, только что отплывшей из Парижа в Америку.

Гигантские ступы буддизма — погребальные памятники, обнесенные оградой, — те же курганы всех веков и народов. Курганы Упсалы в Швеции, русские курганы Волхова на пути к Новгороду, степные курганы скифов, обнесенные камнями, говорят легенду тех же торжественных сожжений, которые описал искусный арабский гость Ибн-Фадлан. Всюду те же очищающие сожжения.

Много благовоний, розовой воды и пахучего сандалового дерева. Потому не тяжел дым сожжений тел в Бенаресе. И в Тибете сожжение тоже принято. Значит, опять писатели напутали, когда описывали исключительно «дикие» погребальные обычаи Тибета. Откуда это желание показать все чужое более диким? Черня других, сам белее не станешь.

Обратите внимание на нежные детские игры Востока. Послушайте сложный ритм пения и тихой музыки.

Лама жалуется на приезжих охотников. Пришли и убили много оленей. И теперь, когда лама идет в лес, к нему приходит очень мало оленей. А он любит, чтобы к нему приходили животные. Не «дикостью», но культурностью звучит эта жалоба. Напоминает старца Авраамия, который недавно пастушествовал за Уралом, и когда молился на Восток, то и все овцы в молчании обращались к тому же восходу. Пастырь!

В Буддийских монастырях был обычай запирать в библиотеку проигравшего в ученом споре. Поучись еще! Отличный обычай!

Китайский амбань (губернатор), человек злой и распутный, добивался навестить почитаемого святого игумена местного монастыря в Тибете. Настойчиво и властно потребовал свидания. Но когда вошел в приемную комнату, где был игумен, то на троне вместо святого увидел обличье уродливой свиньи. И бежал в ужасе. Распутный человек, ворвавшись силой, нашел облик, которого был достоин. Прекрасное напоминание всем насильникам. «В юже меру мерите — возмерится и вам».

Среднеазиатское предание говорит о таинственном священном подземном народе Агарты. Приближаясь ко входам в Его благое Царство, все живые существа умолкают и благоговейно прерывают путь. Вспомним русское предание о таинственной Чуди, ушедшей под землю от преследования злых сил. Священная легенда о подземном Граде Китеже ведет в тот же тайник.

Вся земля толкует о подземных городах, хранилищах, о храмах, ушедших под воду. И русский и нормандский крестьянин знает это одинаково твердо. Так же, как житель пустынь знает о сокровищах, иногда сверкающих из-под волн песков пустынь и снова — до времени — уходящих под землю. К одному костру сходятся помнящие о положенных сроках. Не о суеверии, но о знании говорим. О знании, выраженном в прекрасных символах. Зачем сочинять, когда истинного так много.

О подземных жилищах в области Лхасы и Кукунора говорят многие источники. Лама из Монголии вспоминает предание когда строили основание монастыря Гендена, во времена Учителя Цзон-Ка-Па (XIV век), то заметили, что через щели скалы поднимаются струи курений. Пробили ход и нашли пещеру, где недвижимо сидел старец. Дзон-Капа вывел его из экстаза. Тот попросил чашку молока. Спросил, какая теперь религия на земле. И затем исчез. Также указывается, что Потала, дворец Далай-ламы, имеет скрытые помещения большой древности. Конечно, проверить это случайным путешественникам не удалось. По выражению лиц высоких лам ничего не поймете. Иным путем надо искать.

Если так много лежит под землей, то как же многое лежит под молчанием. Наивно утверждать по первому осторожному ответу. Опытный астролог уверяет, что он ничего не знает, так, что-то только слышал. Знающий пути ко многим древностям только что утверждал, что он и не слышал о них. Да и как же иначе? Не предать бы. Самое горшее — предательство. И так много предателей. Видим и настоящую преданность, а за ней и глубокую сохранность.

Соломон явил такую преданность делу строения храма, что, даже испустив дух, остался стоять на молитве, пока муравей не подточил его посох. Лишь бы не прервать, не повредить работе строения. Пример стойкости и преданности.

Осталось непонятым стремление Соломона к Единому Храму, приютившему все прочие проявления молений. Покинутый Фатехпур-Сикри — около Агры — полон знаками Единой веры, которую указал Акбар Великий, проповедуя Единого Бога. Среди дворцового двора еще стоит Храм объединенной религии. Легкомысленные писатели изумляются, отчего на стенах этого загадочного дома еще видны остатки столь разнородных изображений. Следы буддизма перемешаны с индусскими и христианскими фрагментами. Единый светоч уже был проявляем в жизни. «Премудр сердцем и могущ силою; кто восставал против Него и оставался в покое? Он Один распространяет небеса и ходит по высотам моря. Сотворил Ас, Кесиль и Хима (Медведицу, Орион и Плеяды) и тайники юга. Делает великое, неисследимое и чудное без числа», — восклицает Иов о Едином. Не к Тому ли ведут пророчества таинственных знаков Ватана и Сензара, получаемых Великими ламами? Спросили ламу: «Правда ли Праздник Духа приблизился?» Он посмотрел и сказал: «Таковы предсказания».

С 1924 года по тибетскому летосчислению начался новый век. Век — считается не в сто лет, а в шестьдесят.

Слушаете чтение «Бхагавад-Гиты» — песни Господней. Слушаете возгласы буддийских служителей. Слушаете пение Христова клира. И разве не встает перед вами Единый Лик, Единая воля к счастью и радости?

Не следует ли задуматься, отчего всюду — во всех Заветах — выявлено одно действенное начало? Отчего проявление феноменов всегда сопровождается одним и тем же, не объяснимым словами, но всегда ярким актом духа? Писания говорят: «Возмутился духом». И без этого чудесного «возмущения духа», без этого невидимого акта, никакие формулы не действительны.

Самые формулы часто поражают своей общечеловечностью. В них соединяются возгласы мистерий с молитвами самых неожиданных культов, разделенных целыми эпохами, целыми материками. Язык Матери Мира одинаков для всех колыбелей.

«Аллилуйя, Аллилуйя, Аллилуйя» или «Аллелу, Аллелу, Аллелу» — заклинание древних служений противу демонов. От халдеев, вавилонян, через израильтян дошло оно до христианства. Оно же известно у некоторых племен Индии.

Простой человек — проводник — вдруг оборачивается на пути и спрашивает: «Ведь должны люди наконец признать, что Бог Един и Служение Ему Едино? Ведь скоро придет Он, Кто соединит?» Так мыслит и допрашивает простой и бедный человек среди синеющих холмов Сиккима. Из-за ожиданий проводника слышится мощное признание Вивекананды: «Если бы я встретил на моем пути Христа, я бы омыл кровью сердца моего Его ноги». Откровенно утверждал мужественный Вивекананда; пытался идти близким путем языка сердца. Без отрицаний, лишь во всемогущем обобщении и благом понимании. Хочется, чтобы наши священнослужители так же мыслили о Будде, как просвещенные ламы говорят о Христе. Только в таком благом понимании залог будущего строительства.

Главное — поменьше невежественных отрицаний.

Вивекананда спросил так называемых христиан: «Если вы так любите учение Христа, почему вы ни в чем ему не следуете?» Так говорил ученик Рамакришны, прошедшего сущность

всех религий и научившегося на жизни «не отрицать».

«Буддизм — самая научная религия», — говорит индусский биолог Боше. Радостно видеть, как этот истинный ученый, нашедший путь к тайнам жизни растений, говорит о Веданте, «Махабхарате», о поэзии легенд Гималаев. Только настоящее значение может найти всему существу достойное место. И под голос ученого, простой и понятный, серебристые звоны электрических аппаратов отбивают пульс жизни растений, открывая давно запечатанную страницу познания мира.

Мать Боше в свое время продала все свои драгоценности, чтобы дать сыну образование. Ученый, показывая свое «царство», говорит: «Вот здесь в роскошных условиях находятся дети богачей. Посмотрите, как стали они пухлы и дряблы. Им нужна хорошая буря, чтобы опять вернуть их к жизненным условиям». Зная пульс растительного мира, ученый здраво подходит ко всем проявлениям жизни. Очень ценит отзыв Тимирязева о его трудах. Одну из лучших книг своих Боше написал на высотах Пенджаба в Майавати — в монастыре Вивекананды.

Рано ушел Вивекананда. Боше и Тагор — два лучших лица Индии.

Со стороны Бутана чаще всего наползают мохнатые сизые клубы тумана. Не только снеговой хребет, но и все предгорные ступени проваливаются в густую мглу. Трудно поверить скрытому сверканью. Не начать ли отрицать самое существование Гималаев? Раз их не видно — значит, их нет. Раз нам сейчас что-то невидимо — значит, оно и не существует. Так полагает убожество.

Горные пути сложны. Столько поворотов. Столько осыпей под копытами. Столько пересекающих потоков и ручьев с мертвящей сыростью из-под зелено-синей листвы. Поистине много змей под цветами. И язык шорохов в листве непонятен.

Рано зажигаются звезды. К востоку неугасно горит тройное светило Ориона. По всем учениям проходит это поражающее созвездие. В архивах старых обсерваторий, надо думать, можно найти многое о нем замечательное. Культ, окружающий некоторые созвездия, вроде Медведицы и Ориона, поражает своей распространенностью. Шаманская мудрость поклоняется им. Не случайно Иов перечисляет именно их как акт высшего достижения. Блестки разбросаны всюду. В последнем выпуске журнала Лондонского Азиатского Общества многозначительна неожиданная заметка. «Император Бабер в начале своих мемуаров говорит: «В окрестностях Баракоха находится мечеть, называемая Джавца Маджид. Истинное значение этого названия есть «Дом Ориона». Джавца есть имя Ориона». С каким же древним культом слилась мечеть, указанная Бабером, теперь, вероятно, смытая песками великих пустынь. Неустанно притягивает Орион глаз человеческий. Опять говорят астрономические бюллетени о непонятных розовых лучах, вспыхнувших в этом созвездии. Созвездие Ориона включает знаки «Три Мага». В древних учениях значение Ориона приравнивалось значению Атласа, державшего ношу мира. Звезда Востока! Только на Востоке ощущаете жизненный смысл астрологии в ее научном понимании. Обсерватории в Джайпуре и в Дели покоряют своей фантастической убедительностью.

Воздух чист. Маленькие лепши — сиккимские кули — несут на спине огромные камни в гору. К неведомому строению. Головы их так низко нагнулись, что не рассмотреть лица из-за платка и металлических колец и цепочек. Донесут ли? Можно ли перегружать четырехфутовое тело непомерной тягостью камня? Но вместо скрежета раздается смех из-под согнутой спины. Много смеха слышится в Сиккиме. Чем дальше к Тибету — тем говорливее. И поют чаще. И провожают шуткой. Воздух тут лучше.

«Сардар» называется начальник каравана. Плотно сидит в лиловом кафтане на белой горной лошадке. Много белых коней.

Далеки еще пещеры Канченджанги, где хранились сокровища. В одной из пещер находится статуя Падмы Самбхавы (Учитель Тибета), а за ней виднеется каменная дверь — никем никогда

не открытая. А они говорят: «Ничего сокрытого не осталось!»

Дух человеческий часто — как хвост собачий. Уж если свернулся калачиком — как его ни выпрямляй, а он скрутится норовит.

Но ведомо также, как всецело преобразается дух лишь одним прикосновением.

Отчего вы не пишете подробно о том, что знаете? Все будто жемчуг сыпете или вежи расставляете? По вежам сами весь путь пройдете. Сами — ногами человеческими. Жемчуг сами подберете себе по росту. Руками переберете жемчужины. Своими руками разовьете динамику. «Отдадите», излучите из своих пальцев. Иначе материя и дух опять не согласятся «в песне труда немолчного». Таким путем отделится пустое любопытство от истинного стремления. Один «современный мудрец» предлагал основать институт, где бы каждый пришедший с улицы мог немедленно удостовериться в феноменах. «Мудрец» забыл предложить этим уличным проходящим хоть руки вымыть для опыта. Душ очищения духа тоже был бы далеко не излишен. Есть пути, которые должны быть пройдены с чистыми руками и своею волею.

И если через оболочку вещей каждого дня вам удастся рассмотреть вершины космоса — какой новый, чудесный, неисчерпаемый аспект примет мир для освобожденного глаза. Древняя медицина утверждает, что смех очень полезен для очистки щитовидных желез. Как же должна быть полезна улыбка для мозга? И дрожащее заклятие страха превратится в смелый клич радости.

II

Разноцветная толпа фигур ада попирается мощными ногами Белых Духов. Красные и зеленые «хранители входов» многоруко, в страшном оскале зубов грозят нарушителям. Взрывно кудрявятся золотые языки стихийного пламени. Мерцают тускло-цветные ауры сияний...

Почтительно и холодновато или писарски-научно рассматриваем тибетские и непальские знамена — картины в Британском Музее, или Музее Гимэ в Париже, или в Fields Museum в Чикаго. Совсем иначе подходите вы к тем же картинам на месте. И они говорят вам совсем иное. Каждое движение руки Будды полно живого значения для здешнего мира. Добрые и злые духи с их бесчисленными символами из орнамента преобразаются в живущий эпос. Оправлены образы поражающей гармонией тонов. Лучше старинная работа, но и новые картины бывают отличны.

Предскажем этим изображениям большое будущее так же, как двадцать лет назад было указано грядущее значение русских икон.

Было оказано справедливое внимание китайскому и японскому искусству. Сложная литература кристаллизовала это тонкое художество. Но после изучения классического Египта, после японской зоркости, после романтического Китая и после узорчатости персидской и могульской миниатюры — теперь появился новый предмет изучения и любования. Подходит среднеазиатское и тибетское искусство. В пламенной фантастике, в величавости тонкой формы, в напряженной сложной гамме тонов — явлено совершенно особое яркое творчество. Своим спокойным выражением это искусство отвечает тайне колыбели человечества. Образует собою особый храм, к которому во время направлены вопросы и поиски. Только бы постучаться в двери этой красоты без угроз, без оружия; без грабежа. С полной готовностью собрать жемчуг глубочайших анонимных достижений. И без внешне научного лицемерия. И без подкупного предательства.

Изучать жизнь соловья, прежде всего убив его, — не есть ли это варварство?

Четко запомнились некоторые вещи из находок Козлова в Хара-Хото, в Монголии.

Вспоминается чудесное изображение женской головы. Если такие люди жили в замолкших городах пустынь, то как далеки были эти места от дикости.

Мудро, мудро, что пустыни успели сохранить для человечества новые сокровища. И не только сокровища вещей...

Не только о мечях татарских надо вспоминать, представляя жизнь Средней Азии. Там шатер всех путников и искателей. Духовность Монголии и теперь считается очень высокой. Даже к Ханским Ставкам приглашались лучшие художники.

Помню, как бедствовал один молодой доктор, по службе посланный в Ургу в Монголию. Бедный, он не знал, как и что искать. Если бы молодежь знала, какие сокровища для нее уже приготовлены и лежат на краю дороги неподнятыми. Иногда только взять остается.

Пастушонок нашел три пуда золота в скифских вещах, ибо заинтересовался искоркой металла, блеснувшей в откосе смытого дождями холма. Сколько таких искр сверкает, но часто глаза полны лени.

Благословенный Майтрейя — Мессия всегда изображается в венце. В большом образе. В Таши-Лумпо (монастырь Таши-ламы) три года назад поставлено гигантское изображение Майтрейи — Спасителя Мира. Эту идею приносит новый наступающий век тибетского летосчисления.

Во время служения в храмах разносят дымящийся тибетский чай. Есть идея Грааля в этом наполнении сосудов перед Ликом Благословенным. Не оставьте сосуд пустым — это противно обычаю Востока. И потом эти гигантские трубы, как глас Архангелов с громом, с призывом к будущему. И согбенные спины в пурпурных плащах мыслят о будущем. И сто восемь огней огненным полем переливаются под ликом Спасителя Мира.

В особом помещении хранятся маски хранителей религии. Неужели страшные личины могут символизировать религию блага? Они не символы религии, но образы земных сил стихийных. И небо и земля.

Даже физический мир учения Тантры, опустившийся в современном понимании, должен быть оцувствован возвышенно. Не мог Учитель Падма Самбхава явить лишь материальное учение.

Смотрю на старую картину из монастыря Далинга. Деяния Учителя Падма Самбхавы. Все его магические силы изображены в действии. Вот учитель в виде черноголового ламы с Соломоновой звездой на головном уборе поражает дракона. Вот учитель низводит дождь. Вот спасает утопающего. Пленяет мелких злобных духов. Безоружно покоряет зверей. И магическим кинжалом поражает тигра, предварительно накрыв ему голову священным треугольником. Вот учитель обезвреживает змей. Вот он заклинает бурный поток. И посылает дождь. Вот он бесстрашно беседует с гигантским горным духом. Вот учитель летит выше всех гор. Вот из убежища пещеры он спешит на помощь миру. И, наконец, в кругу бедной семьи молится о счастливом плавании отсутствующего домохозяина. Как бы ни было теперь затемнено его учение, но жизненность его изображена достаточно.

Или другая старинная картина. Рай Падма Самбхавы. Учитель сидит в храме, окруженный праведными. Храм стоит на горе, отделенной от земного мира глубокой рекой. Через реку протянуты белые хатки (шарфы) и по ним самоотверженные путники совершают переход ко храму. Опять ясная картина духовного восхождения. Конечно, толкователи засорили и это явление, как перегружены ложной догмой и все прочие религии.

Конечно, Учитель Дзон-Капа нам еще ближе. Он повысился за пределы магии. Он запретил монахам проявлять магические силы. Его учение — Желтые Ламы — представляется менее испорченным.

Под Новый год, четвертого февраля, после заката вспыхивают огни в монастырях по

холмам. И звон гонгов, и дальние барабаны звучат... Утром — танцы.

Перед Новым годом уничтожают злых духов — заклинаниями, танцами. В оленьем танце — разрубается фигура злого духа и части его разбрасываются. И важно ходит по кругу Покровитель Религии, взмахивая мечом. И кружатся, размахивая крыльями широких рукавов, черноголовые ламы. И музыканты в желтых высоких шапках выступают, как Берендеи в Снегурочке. И орлы черкают по воздуху над узорными углами храма. И на уступах холма пестреют собравшиеся толпы.

И самые танцы в день Нового года со страшными символами злых духов и скелетов приобретают жизненное значение. И как далеко впечатление страшных масок на солнечном фоне Гималаев от давящей черноты углов музеев, где такие атрибуты часто составлены, пугая посетителей видом условного ада. Конечно, весь этот ад и создан для пугания слаборазвитых душ. Много фантазии положено на изощрение адских обликов.

В монастыре Красных Шапок впечатление не так светло. Там, где ближе Благословенный Майтрейя, там звучнее и светлее движения и мощные трубные гласы. В Красных Монастырях Падма Самбхавы символика более условно земная. Действо начинается простой «мистерией» суда над умершим. Приходит важный владыка ада со своими помощниками. Зверообразные служители влекут черную душу умершего злодея: взвешивают преступления. Чаша проступков перевешивает, и злодея тут же ввергают в кипящий котел. То же происходит с душой преступницы. Но вот ведут Святого — в одеянии ламы. Белый шарф украшает его. Конечно, суд милостив, и три вестника радости ведут вознесенного в рай.

Пятнадцать лет назад умер замечательный лама, пришедший из Монголии. Астрологически он установил ряд важных событий будущего. Видели его изображение. В типе русского схимника. Сильный лик. Непобедимо тверды скулы. Остро зорки глаза. Во время ухода этого сильного духа радуга играла над основанным им монастырем. У него были редкие книги.

Книги доставать трудно. Надо посылать доверенное лицо в далекий путь. Существуют замечательные книги. Есть книга одного таши-ламы о посещении им священной Шамбалы. Имеются сборники символических притч. Имеется трактат о переселении душ. Не переведены.

Учения, принесенные из Шамбалы, попадают и в трудах ученых Европы. На кладбище Дарджилинга погребен загадочный человек. Венгр родом. Живший в конце XVIII столетия. Пешком он прошел из Венгрии в Тибет и оставался много лет в неизвестных монастырях. В тридцатых годах прошлого века Цома де Керез скончался. В трудах своих он указывает учение из Шамбалы, установившее следующую за Буддой иерархию. Пришел этот ученый из Венгрии — характерно. Загадочна его деятельность.

Еще искра о Шамбале. Известный таши-лама часто впадал в экстаз во время бесед с учениками. Иногда же и вовсе физически исчезал, переносясь в святилище Шамбалы. Эти экстазы живо переносят во времена бесед Святого Иоанна (Делакруа) со Святой Терезой, когда оба блаженные собеседника, придя в восторг, поднимались к потолку комнаты.

Среди благих действий припоминаются и искры возмущения духа. Поноситель приблизился к Будде, но Благословенный так возмутился, что искра молнии поразила дерзкого. Конечно, Благословенный остановил обратный удар и вернул к жизни нечестивца. Но тот уже был так потрясен случившимся, что забыл все свои приготовленные нападения. Искры обратного удара.

Известен случай, когда Сенгенлама, перед казнью в Лхасе, указал, что он скоро снова воплотится на земле. И действительно, очень скоро в китайском Туркестане родился мальчик с тем же редким характерным недостатком на колене, каким отличался покойный лама. Теперь этому монгольскому князю уже более двадцати лет. У нас служит сын слуги покойного ламы, ездивший по поручению отца к молодому князю.

Кому ведома верховая езда по Кавказу или по каньонам Аризоны и Колорадо, тот знает, как

взбираться по кручам холмов Сиккима. Только вместо красочной трагедии американских чудес вы имеете восходящий сад, возвращенный таинственным подъемом религиозного духа. И сейчас по неведомым пещерам сидят отшельники и на струнах земли творят легенду жизни неба.

Кому ведомы подходы к старым монастырям и городищам Руси с их цветущими холмами и пряно пахучим бором — тот поймет, как чувствуются подходы к монастырям Сиккима. Всегда твержу: если хотите увидеть прекрасное место, спросите, которое место здесь самое древнее. Умели эти незапамятные люди выбирать самые лучшие места.

Каждый перевал увенчан красивым Мендангом с колесами жизни, с рельефами молитв и с нишами седалищ перед ликом зовущих далее. Здесь медитируют ламы и путники. Здесь развешаются знамена. Здесь каждый ездок приостановит коня.

С перевалов окунаетесь опять в уходящие холмы. Убегают ребра разноцветных бугров. Точно спины барсов, тигров и волков.

После холмов опять сказки леса. Зеленые лесовики и чудища загораживают путь. Спутались зеленые нити. Змеи переплели стволы. Притаились мшистые тигры и леопарды. Заколдованный мир.

Самые причудливые холмы и скалы образуют как бы Священную Чашу — обширную долину. Посередине долины неприступно стоит опоясанная двумя реками гора Белый Камень, увенчанная монастырем Ташидинг, что значит «Долина, открытая небу». Древнее место. Попробуйте обыскать бесчисленные морщины и впадины всех скал. Попробуйте найти сокровища, собранные у монастыря. И чудесный камень исполнения всех желаний. И бессмертную амриту. И сто изображений Будды. И все священные, временно сокрытые книги. И все другое, указанное в древней рукописной книге «Путешествие по Сиккиму».

Очень трудны подступы к Ташидингу. Лишь недавно непроходимые тропы обратились в крутые пешеходные тропинки. Поистине путь духа должен быть пройден ногами человеческими. Один переход через висячий бамбуковый мост нелегко. Гремит и мчит под ним горная река, неся святую воду с Канченджанги. И выше моста по отвесным склонам много раз остановитесь: дойду ли? Много дыхания надо набрать, чтобы одолеть вековую гору.

На верхнем склоне устроена почетная встреча от землевладельцев. Брага, сахарный тростник и танжеринки под плетеным навесом, украшенным желтыми букетами. Дальше гремят барабаны и звенят серебряные гонги. Встреча от монастыря. На последнем уступе встречаются рожочники и трубы. Среди рядов пестрой толпы идете к старому месту.

За воротами монастыря встречают ламы в пурпурных одеждах. Впереди их чудесный старик — настоятель монастыря. Точно тонкое резное изображение XV века. Так идете до раскинутых бирюзовых палаток Среди веселых верениц огней приношений.

В первое полнолуние после Нового года (было 20 февраля) в Ташидинге годовое празднество. Происходит чудо наполнения чаши. С давних времен более восьми поколений заповедано это чудо. Из указанного места горной реки берется небольшой сосуд воды и вливается в старинную деревянную чашу. В присутствии свидетелей, представителей махараджи Сиккима, чашу закрывают плотно и запечатывают. Через год, в то же полнолуние, на восходе солнца чашу торжественно вскрывают и измеряют количество воды. Иногда вода уменьшается, но иногда и сильно увеличивается. В год великой войны вода в три раза увеличилась, что и означало войну. Нынче вода вдвое уменьшилась, что значит голод и беспорядки. Этот недобрый знак увеличился еще другим знаменем. Двадцатого февраля было полное лунное затмение. Небывалый знак, недобрый.

Загудели трубы. Пронзительно завывали свистки. Народ в костюмах из «Снегурочки» устремился к большой священной ступе. Громкий хор пошел толпой вокруг. Многие распростерлись ниц на земле. Гулко загрели барабаны лам. Только что ясное лунное небо

зачернело. Золотые огни приношений засверкали как по черному бархату. Полное затмение! Демон похитил луну! Такого еще не бывало в день чуда Ташидинга.

Но был и один добрый знак. На восходе солнца Старший лама видел, как по вершинам гор загорелись гирлянды огоньков.

Когда луна была возвращена миру, вокруг главной ступы пошли танцы. Суций русский хоровод. И песни. Тоже словно русские. Содержание духовное.

«В монастыре живет наш Господь Будда. Ему несем наше приношение». Так начинается одна песня. Или: «Велика священная книга, но я найду ей место у моего сердца». Или: «Вспоминаю я священный монастырь».

В белом кафтане подходит художник, делавший роспись местного храма. Сговорились. Пойдет с нами и будет писать Благословенного Майтрейю. Покажет технику местного живописания.

Красные, желтые, белые, лиловые кафтаны. Алые, зеленые, белые женские рукава. Остроконечные шапки с опушками. Говор. Молитвы. Две ночи хождения вокруг ступы.

Прикладываются к камню, на котором благословлял сие место Учитель Падма Самбхава. Обходят другой камень с отпечатком ступни Учителя и отпечатком копыт и звериных лап. И опять хоры вокруг ступы исполнения всех желаний.

Входя в храм, идете по правую руку до стены алтаря. В храмах желтой секты в середине алтарной стены — статуя Будды, или теперь даже Майтрейи Будды. В красной секте посередине Падма Самбхава, а Будда по правую руку. Иногда нижний храм посвящен Падма Самбхаве, а верхний Будде, такое размещение очень соответствует внутреннему смыслу учений. Будда — небо. Падма Самбхава — земля. По боковым местам изображения Авалокитешвары — духовный коллектив, многоглавый и многорукий, — как наша русская Сторучица Богоматерь, а также статуи «Держателей молний», основателей монастырей и шестнадцать Архатов, сидящих в резных пещерах. На алтаре — светильники и всякие приношения. Семь чаш с водой. Блюдце риса и кадиланицы курений. Ковчег реликвий.

Стены покрыты росписью. Чаще всего одна стена — алтарная. При входе — изображения четырех хранителей частей света. В каждом храме найдется изображение семи сокровищ, предлагаемых человечеству. На белом коне — изображение чудесного камня.

В особом помещении хранятся священные книги. Общая мечта монастырей — увеличить число книг. Но книги дороги. Священный сборник — до тысячи рупий.

Особо трогательно служение тысячи огней под вечер перед чудом. Низкий храм с расписными колоннами и балясинами. Посередине длинный стол, уставленный огнями. Вдоль стен тоже вереница огней, и все это море огоньков ласково колышется и мерцает, и подернуто облачком курений сандала, дикой мяты и других благовоний, сжигаемых в кадиланицах. Стройно, хорошо пели во время этого служения.

По всем тропинкам вьются караваны богомольцев. Высокие седла покрыты яркими тканями. Совсем дикие лошадки несут пузатую поклажу. Все толпится. Ищут места кочевки. Воздвигают новые знамена в память живых, но чаще умерших. Толпа собралась до двенадцати сотен. Но мирная, добрая толпа.

На ранней заре, задолго до восхода, когда снега на горах еще мутно-янтарны, — лагерь уже шевелится. Ползет и ширится неясное гуденье. Ранние молитвы мешаются с ударами копыт коней и мулов.

Утром к нашим шатрам идет шествие. Сам Старший лама возглавляет несение даров. За ним, высоко поднятые, следуют подносы с рисом, с ребрами барана, с сахарным тростником, с брагой и плодами. Сам лама передает приношение в нашу походную кухню.

Посреди ступ раскинулись шатры богомольцев. Вот под зеленым навесом сидят ламы из

Тибета. Женщины им переворачивают страницы длинных молитвенников. Под ручные барабаны и гонги ламы поют тантрическую песнь. Где же Стравинский, где же Завадский, чтобы изобразить мощный лад твердых призывов?

Недалеко группа из Непала бьет в такт ладонями и припевает. Посреди их женщина с застывшим лицом экстатически танцует танец Шарпа, полный тонких движений волхования. Иногда она трепещет руками, как птица, и издает какое-то птичье рокотанье. Очень замечательно.

Тут же странники из Бутана молятся под красным навесом. Перед чудом и раздачей целебной воды вокруг ступ идет священный ход. Спереди трубачи в высоких красных шапках. За ними ламы в тиарах. Следом длинный ряд священных книг.

На закате в палатке Старший лама тихо говорит о святынях Сиккима, о чудесах, слышанных и им самим виденных. То шум роя невидимых пчел, то пенье и небесная музыка, то явление образов священных. При нашем отъезде лама указал два добрых знака. По пути три полных бамбуковых водоноса и два дровосека с полными вязанками дров — навстречу.

III

Ташидинг принадлежит к приходу большого монастыря Пемайандзе в дне пути. Тоже на вершине, Пемайандзе стоит властно. Недавно перестроен, но сделано подновление с чутьем. И даже новейшая живопись доставляет радость своей тонкой замысловатой декорацией. И резьба наличников сказочна. И высокие пороги тяжелых дверей переносят в древние деревянные храмы России. И сановиты главные ламы. И торжественны пурпурные одежды. И красные тиары на головах полны достоинства. Но все-таки еще больше вспоминается восьмидесятилетний настоятель Ташидинга. И все-то он борется и заботится и старается улучшить строение свое. И хозяйственный глаз его везде проникает.

За воротами Пемайандзе стоят стражи трехсотлетних деревьев. Сказочный лес царя Берендея. А улочка домов лам, как берендейская слобода, раскрашена и оснащена крылечками цветными и лесенками.

Вот «Небесная Священная Гора», и на вершине ее блестит горное озерко. Там маленький храм, основанный на месте жития основателя Красной Секты в Сиккиме. Из Дубди основатель перешел на Святое Озеро, а оттуда в древний Санга Челлинг. Четыре древнейших монастыря Сиккима: Дубди, Санга Челлинг, Далинг и Роблинг. И значение названий отличное: «Место размышления», «Остров тайного учения», «Остров молния», «Остров счастливого устремления».

Славный монастырь Санга Челлинг. Незабываем Далинг с бело-синим, словно фарфоровым, входом среди бамбуковой рощи. Там бережно у алтаря хранится запечатанный, нескрываемый ящик с реликвиями основателя храма. В Санга Челлинге нет реликвий, но зато там камень, освященный благословением основателя. Когда чиста жизнь монастыря, прочен и камень. Всякая грязь заставляет камень трескаться.

Вот они, мои милые новгородские и ярославские дверки. Вот она, прекрасная фресковая живопись. Вот они, цветные орнаменты, обвившие все наличники оконцев и дверей. Вот те же согбенные спины богомольцев, преданных вере. И огни прилежных приношений. И наши кули засвечают огонек. Истинная лепта вдовицы. А над ними властно возвышается «Держатель молний».

В Пемайандзе учитель Падма Самбхава не был, но в монастыре хранятся вещи, принадлежавшие основателю религии. Вещи запечатаны, но изредка показываются. Одевание.

Головные уборы. Четки. Колокольчики чудного звона. Два магических кинжала и небольшое чудесное изображение Будды.

И трубы громче в Пемайандзе. И драконы-охранители страшнее. И влияние монастыря больше. И развалины дворца махараджи вблизи. А первый махараджа был (по-библейски) избран на царство главой религии. Но фигуры Майтрейи нет в большом монастыре.

Некоторые одинокие храмы с единым огоньком, обвеянные персиковым, розовым цветом и усыпанные орхидеями и дикими пионами, еще ближе ведут по стопам простого постижения Учения.

Из леса выходит мужик, и голова его украшена белыми цветами. Где же это возможно? — В Сиккиме. Бедны ли сиккимцы? Но там, где нет богатства, там нет и бедности. Просто живут люди. На холмах среди цветущих деревьев стоят мирные домики. Сквозь цветные ветки горят яркие звезды и сверкают снежные хребты. Люди носят овощи. Люди пасут скот. Люди приветливо улыбаются. Со сказочной музыкой ходят по крутым тропинкам в свадебных шествиях. Зная о перевоплощениях, спокойно сжигают прах тел. И поют. Заметьте: часто поют.

Правда, можно петь под навесом из разных цветов и растений. Орхидеи, как цветные глаза, прилепились ко стволам великанов. Розовые, пурпурные и желтые букеты заливают путь веселыми искрами. И не простые растения. Много среди них издревле лечебных.

Полная даров, ждет природа. Придите излечиться. Шарура, Парура, Оррура — три самых главных плода против простуды, кашля и лихорадки. Шарура — как желтая вишня. Парура — как зеленый каштан. Оррура — зелено-желтое яблочко. Все терпки и полны танина. Вот красная кора Аку Омбо против ран. Как гигантский сухой боб — Серги Пруба от лихорадки. Шута — сухой, горький корень от опухоли и от горла. Бассак — коричневый порошок от простуды. Красный стебель Цё поставляет маженту. Горькая на вкус Пурма — для курений. Вареве из корней Берекуро — для женских болезней. Цветы Дангеро от желудка, так же как и цветы красного рододендрона. Лист Dусго — для дезинфекции ран. Мемшинг Пати — священное растение в Непале — им украшают голову на торжествах. Без конца полезных растений, ждущих лучшего применения и изучения.

Листы травы Ауа Дуги размягчают камни, так же как и снежные лягушки в Гималаях. Потому если видите на камне отпечаток копыта оленя или лапы зверя, значит, они или ели, или касались чудесной травы. Еще один поворот к легенде. Около Фалюта на путях к Канченджанге растет драгоценное растение черный аконит. Цветок его светится ночью. По этому свету и отыскивают это редкое растение. Легенда русского Жар-Цвета, волшебного цветка исполнения всех желаний, ведет не к предрассудку, а в тот же родник, где скрыто еще так многое.

Перед нашими воротами оказался странный дар. Ветка пихты, рододендрона и еще какого-то растения лежали обращенные листьями к нашему дому, прикрытые плоским камнем. Это сунниум — заклятие. Человек, поднявший это приношение, получает на себя то, что положено. Или худое, или хорошее. Или болезнь, или горе. Или радость. Много дней лежал этот сунниум и даже лошади как-то не касались его. Такое же заклятие видели мы в одном из предместий Джайпура. Там посреди улицы в плоской корзине лежала печень барана, цветы и три серебряные рупии. Никто не дотронулся до них.

Эти заклятия очень древнего происхождения. Инвольтация черных магов всегда говорит о заклятых предметах.

Также всюду известны легенды о случайном посещении священных мест, причем болтливость вызывает немоту или даже смерть. Так, говорят, что один шикари (охотник) в Ассаме случайно дошел и видел тайны священного места, но пытался рассказать об этом и потому онемел. По берегу моря шагает палка. Одна шагает. К верху ее привязан зажженный трут. Это колдуны Малабарского берега посылают заклятие: поджечь дом врага. Доктор Джонс из

Калькутты пытался догнать такую палку, но она «ушла» быстрее его.

Легенда или случай около Монголии. Скончалась почитаемая мать, и сын хотел, чтобы высокий лама, обладающий высшими силами, совершил по ней службы. Но такого ламы не нашлось. Сын в момент смерти собрал дух умиравшей в сандаловый коробок и крепко обмотал это хранилище, а сам пригласил лучших лам из Тибета. Ламы сосредоточились над коробком. И вот один из них изменился в лице. Сперва покраснел. Затем посинел. И у всех на глазах коробок лопнул и разлетелся вдребезги. Этот лама мог освободить дух и потому мог совершить служения.

Много говорят. Трудно отличить магические приемы от символов.

Все знают. Обо всем слышали. Обо всем могут толковать и припоминать в сумерках. «Намиг» (небесные письма) — письма и священные книги, упдающие с неба. Кольца, меняющие цвет серебра или бирюзы, в знак предостережения или предвещения. Зи — камень-буса, посылаемая с неба поддержать здоровье. Нахождение предметов, после исчезающих. Все знают.

Женщина была очень набожна и мечтала получить изображение Будды. Работая утром в саду, среди цветов, она увидела изображение и принесла в божницу, но скоро Будда исчез из божницы. Женщина нашла в саду крутящийся сверкающий камень. Положила его в сундук и забыла. Камень тогда исчез. Всякое небрежение вызывает уход посланного счастья.

Записывайте не то, что прочтут из книг, а то, что расскажут, ибо эти мысли живут.

В сумерках при загорающихся звездах в лиловом сиянии тумана звучит тихий рассказ ламы о «Владыке Мира», о Его мощи, о Его действии и мудрости, о Его воинстве, в котором каждый воин будет наделен какой-либо чудесной силой. О сроках.

Предание из старой тибетской книги. Под символическими именами названы там передвижения Далай-ламы и Таши-ламы, уже исполнившиеся. Описаны особые физические приметы Правителей, при которых страна подпадает под обезьян. Но затем оправится, и тогда придет Некто очень большой. Его прихода срок можно считать через двенадцать лет. Это выйдет 1936.

Когда пришло время Благословенному Будде покинуть эту землю, просили Его четыре владыки Дарма Пала оставить людям Его изображение. Благословенный дал согласие и указал лучшего художника. Но не смог художник снять точные промеры, ибо дрожала рука его, приближаясь к Благословенному. Тогда Будда сказал: «Я стану у воды. Ты сними промеры отражения». Смог художник это сделать, и таким путем произошли четыре изображения, отлитые из священного состава семи металлов. Два из них сейчас в Лхасе, а два пока сокрыты до времени.

Тибетский владыка женился на китайской и непальской принцессах, чтобы за ними привлечь в Тибет два священных изображения Будды.

Через тысячу двести лет после Будды Учитель Падма Самбхава приблизил к земным путям учение Благословенного. При рождении Падма Самбхавы все небо светилось и пастухи видели чудесные знаки. Восьмилетний Учитель показался миру в цветке Лотоса. Падма Самбхава не умер, но ушел, чтобы научить новые страны. Без его ухода миру грозила бы опасность.

В пещере Кандро Сампо, недалеко от Ташидинга, около горячих ключей жил сам Падма Самбхава. Некий гигант вздумал строить проход на Тибет и пытался проникнуть в Священную страну. Тогда поднялся Благой Учитель, возвысился ростом и поразил дерзкого попытчика. Так уничтожен был гигант. И теперь в пещере стоит изображение Падма Самбхавы, а за ним каменная дверь. Знают, что Учитель скрыл за дверью священные тайны для будущего, но сроки им еще не пришли.

Отчего так звучны большие трубы в буддийских храмах? Владыка Тибета решил призвать из Индии, из местжизни Благословенного, ученого ламу чтобы очистить основы учения. Чем же

встретить гостя? Высокий лама, имев видение, дал рисунок новой трубы, чтобы гость был встречен неслыханным звуком. И встреча была чудной. Не роскошью золота, но ценностью звука.

Отчего так звучны гонги в храмах? Серебром звучат гонги и колокольчики на заре утра и вечера, когда высокие токи напряжены. Их звон напоминает прекрасную легенду о высоком ламе и Китайском Императоре. Чтобы испытать знание и ясновидение ламы, Император сделал для него сиденье из священных книг и, накрыв их тканями, пригласил гостя сесть. Лама сотворил какие-то молитвы и сел. Император спросил: «Если вы все знаете, то как же вы сели на священные книги?» — «Здесь нет священных книг», — ответил лама. И изумленный император вместо священных книг нашел пустую бумагу. И дал Император ламе дары и много колоколов ясного звона. Но лама велел бросить их в реку, сказав: «Я не могу донести все это. Если надо, то Бог донесет эти дары до моего монастыря». И река донесла колокола с хрустальным звоном, ясным, как волны реки.

Священны талисманы. Мать много раз просила сына привезти ей священное сокровище Будды. Но молодец забывал просьбу матери. Говорит она: «Вот умру перед тобой, если не принесешь теперь мне». Но побывал сынок в Лхасе и опять забыл материнскую просьбу. Уже за полдня езды от дома вспомнил, но где же найти в пустыне священные предметы? Нет ничего. Вот видит путник череп собачий. Решил, вынул зуб собаки и обернул желтым шелком. Везет к дому. Спрашивает старая: «Не забыл ли, сынок, мою последнюю просьбу?» Подает он ей зуб собачий в шелке и говорит: «Это зуб Будды». И кладет мать зуб в божницу и творит перед ним самые священные молитвы и обращает все свои помыслы к своей святыне. И сделалось чудо. Начал светиться зуб чистыми лучами. И произошли от него чудеса и многие священные предметы.

Человек двенадцать лет искал Майтрейю Будду. Нигде не нашел. Разгневался и отказался. Идет путем. Видит: странник конским волосом пилит железную палку. И твердит: «Если даже жизни моей не хватит, все-таки перепилю». Смутился человек: «Что значат мои двенадцать лет перед таким упорством — вернусь я к моим исканиям». И тогда явился человеку Сам Майтрейя Будда и сказал: «Давно уже Я с тобой, но не замечаешь и гонишь, и плюешь на меня. Вот сделаем испытание. Пойди на базар. Я буду на плече твоём». Пошел человек, зная, что несет Бога, но шарахнулись от него люди. Разбежались. Носы заткнули и закрыли глаза. «Почему бежите вы, люди?» — «Что за ужас у тебя на плече. Вся в язвах смердящая собака». И опять не увидели люди Майтрейю Будду. И увидели, чего каждый достоин.

Лама сказал: «Три рода учения. Одно для посторонних. Другое — для своих. Третье — для посвященных, могущих вместить. Вот по неразумию они убивают животных. И пьют вино, и едят мясо. И живут грязно. А разве Учение позволяет все это? Где красота — там религия. Где религия — там красота».

Чувствительны здесь люди. Ваши ощущения и намерения передаются здесь так легко. Потому знайте четко, что хотите. Иначе вместо Бога увидите собаку.

Главное не то, что захоронено в прошлом, что запылено в старинных книгах, переписанных и недописанных. При новом строительстве важно то, что еще сейчас вращается в жизни. Не по полкам библиотек, а по живому слову измеряется состояние духа.

Под Канченджангой притаились пещеры, где хранимы сокровища. В каменных гробах молятся пещерники, истязая себя во имя будущего. Но будущее уже оваяно солнцем. Уже не в тайных пещерах, но в солнечном свете почитание и ожидание Майтрейи Будды. Уже три года как таши-лама в своем Ташилумпо торжественно и явно воздвиг великое изображение грядущего, идет незримая, напряженная работа.

Таши-лама через Сикким и Калькутту путями Китая проехал в Монголию. Никогда такого

не бывало. Тайна. Впрочем, может быть, через Сикким проехал лишь отводный отряд, а сам лама двинулся на Монголию.

В священное утро на горах засветились вереницы огоньков. Тайна.

Сейчас волна внимания к Тибету. За стеной гор идут события. Но тибетская тайна велика. Сведения противоречивы. Куда исчез Таши-лама? Какие военные действия на границе Китая? Что делается на монгольской границе? Год событий.

Назвали Сикким страной молнии. Конечно, и молнии здесь бывают, но не проще ли назвать: «Страна небесных ступеней»? Лучшего преддверия к тайнам будущего трудно придумать. Неисследованная, малопроникаемая страна скал и цветов.

Как в сказке. Как на блюдечке за серебряным яблочком. Открываются холмы и ступени Гималаев. Сто монастырей Сиккима. Наверное, гораздо больше. Каждый из них увенчал вершину холма. Малый храмик в Чаконге. Большой субурган и монастырь в Ринченпонге. На следующей горе белеет Пемайандзе. Еще выше Санга Челлинг. Ташидинг мало виден. По другую сторону долины Далинг. Против него Роблинг. Ближе Намдзе. За сорок миль видны монастыри. Забываем, что здесь видится необычно далеко.

И опять перед нами стена на Тибет. И не хребет ящера, но белоснежный пояс раскинулся по вершинам стены. Пояс земли. Поставим стрелу на север. Там должны быть основания горы Меру.

Талмуд говорит, что голубь принес первую масличную ветвь Ною с горы Мория. И гора Мория и гора Меру — в Азии. Здесь начало всего. Здесь начало всех путников, всех искателей. Здесь же воздвигнуто первое изображение Благословенного Майтрейи-Мессии-Мунтазара ^[9]. Трижды мощное М. Здесь, поверх всех споров, религии подняли оливковую ветвь нового Мира.

Подошел сам, потрогал — прикоснулся к шатру. Кто этот человек с длинной черной косой, с бирюзовой серьгой в ухе, в белом кафтане? Местный иконописец — лама Пема Дондуб.

«Можешь ли написать нам Благословенного Майтрейю, совершенно так, как в Ташилумпо?» Взялся, и вот сидит на коврике, в уголке белой галереи и различно цветно пишет полный символами лик. Приготавливает ткань для писания, покрывает ее левкасом (мел на клею) и выглаживает раковинной. Совершенно как русские иконописцы. Так же растирает краски, так же греет их на жаровне, так же втыкает запасную кисть в черные густые волосы. И жена его, из Тибета, помогает ему готовить краски. Итак, в уголке белой галереи расцветивается замысловатый образ. Все символы укрепляют Благословенного. И страшный, птицеподобный Гаруда, и Ганеши — слон счастья, и Чинтамани — Конь Белый, несущий на спине чудесный камень — сокровище Мира. Целый священный хоровод избранных образов. А на лик и благие руки кладется чистое золото. И так же как наши иконописцы, поет лама-иконописатель молитвы во время работы. Молитвы усилились — значит, приступил к самому Лику. И еще диво, только возможное в этой стране. В глубоких сумерках, когда наливающийся месяц уже вступает в права, по дому разносятся серебряные звуки самодельной флейты. В темноте художник лама на коврике переливчато играет перед Ликом Майтрейи-Мессии-Мунтазара. Струны земли.

Февраль, 1924.

Бкра-шис-лдинг

Чаша в представлении всех народов является предметом знаменательным. Начиная от священных, родовых и военных чаш и кончая символическими наименованиями нервных центров, всему придается особенное заботливое внимание. Чаше вещественной посвящаются целые исследования. На изображениях, от самых древнейших, видим пламенеющие Чаши. На каменных изваяниях в Средней Азии можно видеть, как эти стражи пустыни держат у сердца своего Чашу, огнем процветшую.

Так, в древнем представлении понятие Чаши и Огня особенно часто соединяется. Если же мы вспомним то же древнейшее знание о нервном центре Чаши, служащем как бы хранилищем всех восприятий, то всякие подобные сопоставления углубляются еще более. Центр Чаши, имевший в некоторых старинных писаниях и некоторые другие названия, тем не менее всюду не обойден.

Даже самые неопытные люди подчас ощущают этот знаменательный центр. Они говорят о каком-то стеснении в груди. В общечитии такое явление приписывается или желудочному, или сердечному воздействию. Но более вдумчивые и знающие люди подумают, нет ли еще каких-либо причин, вызывающих это напряжение, которое может быть даже тягостным. Иногда можно проследить любопытное явление. Такие ощущения могут совпадать с очень значительным психическим переустройством организма. Особенно же это может чувствоваться, когда человек уже мог бы значительно продвинуться в психическом отношении, но вольно или невольно не бережет эту возможность.

Также иногда люди называют это состояние тоскою или грустью, прибавляя соображение о беспричинной тоске. Правильно, что это напряжение очень похоже на некоторые явления тоски. Кто-то даже сказал, что, может быть, сердце его тоскует о чем-то невоспринятом. Такие ощущения еще раз показывают, насколько бережно и внимательно нужно относиться к знакам, подаваемым самим организмом. Без суеверия, без предрассудков и без невежественных страхов человек должен ясно отдавать себе отчет, что именно наиболее полезное он совершить может. Как именно неотложнее воспользоваться ему каждым данным обстоятельством. Ведь часто людям дается полнейшая возможность приобщиться новой ступени знания. Они уже замечают мгновенные сверкающие знаки, обращающие их внимание. Они ощущают неожиданные ароматы, они, может быть, даже слышат кое-что, но наносная огрубелость не позволяет им подумать ясно и четко, какие благостные возможности так близки от них.

Говорим об огрубелости, ибо обычно всякие возможности сопряжены с бывшим или с происходящим утончением. Но лишь огрубелость, вследствие каких-либо препятствующих обстоятельств, как бы закрывает возможность ближайшего осознания прекрасных знаков, а вместе с ними и своей ответственности. Очень часто люди издали гораздо более бережно относятся к своим возможностям. Но когда они находятся, может быть, даже совсем близко от источников, они начинают мечтать о каких-то других водах, минуя ближайшую данную возможность.

Но сердце и так связанный с ним центр Чаши стучатся и горестно напоминают о том, что наиболее всего существенно. До болезненности гремят эти напряженные стуки, а человек вместо того, чтобы прислушаться к ним, старается их омертвить всякими грубо-нелепыми средствами. Наверное, когда-то этот неразумный оглянется, осмотрится и увидит, что вместо маленьких повседневностей он мог легко прикоснуться к большему и незаменимому.

Как бы ни пытался он оправдать себя или возрастом, или намерением в будущем поступить лучше, но каждый миг остается неповторенным. Будущие намерения могут создать множество

новых возможностей, но это будет чем-то уже другим, и прежняя задача останется уже невыполненной. Между тем каждое пренебрежение, а тем более к вопросам духа, рано или поздно даст себя знать. В Чаше отложатся эти невыполненные или извращенные задачи.

Осматривая историю человечества с точки зрения данных задач и полученных следствий, всегда можно убеждаться, что утерянные духовные возможности напомнят о себе, как ухабы на дороге. И опять-таки нельзя относить все эти жизненные обстоятельства к чему-то исключительно большому, по людским мирским измерениям. Иногда и самое маленькое зерно перевешивает глыбы золота. Иногда, казалось бы, самое сокровитое внутреннее соображение явно окрашивает неминуемые последствия.

Рано или поздно людям приходится возвращаться к духовному пути. На каких бы цветистых жизненных лужайках ни резвились легкомысленные мотыльки, им придется приобщиться и к чему-то другому, в основе лежащему. Когда же люди вольно или невольно, сознательно или бессознательно, по своим срокам или чужими касаниями обращаются к пути духа, тем яснее стукнет сердце обо всем когда-то неправильно утаенном, обо всем недонесенном, извращенном и оставленном в пренебрежении.

Всякие условные страхи, всякие перерожденные обычаи — все это встает в плеске вещества Чаши, и люди опять бросают в пространство мучительный вопрос «Зачем?». Но все-таки каждую минуту еще не поздно хотя бы что-то сделать в исправление. Да, это будет уже нечто другое, оно уже не так четко сопряжется с Высшею Мыслью. Но все-таки всегда можно обернуться в правильном направлении.

Центр Чаши, являясь истинным тайником памяти, хранит навсегда сложенные и сокровища, и горести. В жизни, в бурлении, в плеске перерабатываются эти духовные отложения. Залечиваются многие раны, но все же или внешние, или внутренние рубцы остаются. Потому так часто центр Чаши и само сердце напоминают о себе. Пытаются направить мысль по правильному руслу, чтобы не утеривалось то, что вот-вот уже лежит у порога. Как на дозоре, сердце и Чаша напоминают, что не должно быть отложено на завтра все, что может быть воспринято сегодня, а всякое светлое восприятие не должно быть замарано хотя бы малым темным соображением.

Нехорошо испортить чей-то праздник. Так же точно недопустимо отемнить светлое восприятие. Какие же маленькие темные мысли могут вторгаться даже среди торжественного великолепия. И это бывает особенно безобразно, все равно что среди величественной симфонии молот упадет на струны. Опять же не подумаем, что величественная симфония заоблачна, а мы здесь пресмыкаемся в грязи земельных отбросов. Именно «как на небе, так и на земле», и здесь, среди быта раздаются отзвуки самых высоких песнопений. Не замараем эти светочи, не потушим светлое пламя над Чашей.

Не случайно и самые великие акты человечества, и обиходные проявления связаны с великим образом Чаши. Язык символов от древнейших времен живет и посейчас. Правда, люди часто в неведении играют великими символами. Твердятся самые прекрасные обозначения в легкомыслии, без желания отдать отчет, где и как прилично произносить их. Всякая обязанность не будет скудным ханжеством, если она осознана в радости духа. Каждое поникновение духа тоже отложится в Чаше. Но как прекрасно подлинным адамантом загорится в ней каждая духовная радость.

Кто-то сказал, что именно наша современность изгоняет из жизни всякую радость, тогда как жизнь даже некоторых примитивных народов все же сохраняет искры радости во всей жизненной обиходности. Красива радость духа. Не преломим ее никакими гримасами мертвого черепа. Дух и Огонь. Пламя над Чашей. Чем светлее оно, тем прекраснее сокровища сохраненные.

Даже в пустынях стоят стражи пламенеющей Чаши.

12 апреля 1935 г.
Цаган Куре

«Держатели» бывали и в наших аилах. Никто не знает, когда они проедут. Неизвестно откуда и куда, но большею частью поспешают. Говорят, что они ищут клады, а другие говорят, что они что-то заложат, там, где нужно. Иногда места прохождений их люди отмечали субурганями или хотя бы простыми обо. Когда узнают люди о приезде их, то надолго водворяется радость в окрестных аилах. Слышно, что и болезни минуют эти места. А также приходит всякая удача и в помышлениях, и в делах» — так рассказывал старый бурят; и по его проникновенному говору можно было понять, что предмет для него и близок, и торжественен.

Мы спросили: «Если говоришь, что помышлы и дела становятся удачнее, может быть, внушается это в мыслях. Ведь часто известны такие внушения?»

«Про эту силу мы знаем и сами думаем, что удача посылается. Однажды, говорят, самого его спросили: правда ли, что по мысли его совершаются разные полезные дела, а также спросили, как это он внушает? Говорят, что он ответил: и так, и этак, а главное то, что вы делаете потом так, как нужно. И поспешают они, чтобы дать людям больше добрых мыслей, чтобы повсюду люди могли сделать самое полезное ко времени».

Мы спросили: «Скоро ли признают их люди?»

«По правде сказать, только немногие их признают. А другие как-то только после ухода одумываются. И тогда опять начинают ждать. Глупые люди, когда что приходит — не соглашаются, а только стоит уйти, как начинают опять ждать».

Мы спросили: «А если они приезжают, то где они останавливаются?»

«Иногда и в своей палатке, а то больше куда-то уезжают, и никто о них толком не знает, из-за каких гор и куда ляжет путь. Но умные люди ждут их, сильно ждут. А уж если пройдет слух о проезде, то повсюду как бы пролетит радость. От аила к аилу скачут гонцы. А не успеет собраться народ, он уже и уехал. Конечно, говорят, что у них есть и подземные ходы, но только этого никто не знает. Когда они появляются всередине пустыни, то можно задуматься, откуда же и как совершен этот долгий безводный путь? Может прийти в голову, что где-то и есть ходы подземные. Даже находили такие долгие, долгие пещеры, и конца-краю не видно. Может быть, что-то и есть в них, но никто в этой тьме пещерной не нашел хода».

Мы спросили: «Все это из давнего прошлого или же и теперь бывает?»

«И было, и есть, и будет. Они берегут людей. Они держат справедливость. Они посылают новые мысли. И недавно, и теперь, а может, и сегодня покажется всадник. Или один, а не то и вдвоем, никто путей их не знает».

Мы спросили: «А есть ли какие-нибудь признаки их приезда?»

«Вот уж никаких, никогда. Да ведь и все чудное бывает нежданно. Уж так нежданно, что и уму не помыслить. Но сердце, может быть, и чует. Когда надлежит им приблизиться, может быть, и тоскует, и стремится сердце, и летит навстречу. Сколько раз, как птица, трепещет сердце, а ведь может быть, что они проезжают поблизости? Сколько раз конь заржет, неведомо отчего — может быть, их коней зачуял? Сколько раз собаки насторожатся и уйдут назад; потому пес на них не залает. И в караванах бывает, на ночлегах. Увидит, что будто едет кто-то, а начнут слушать — ничего не слышать. Бывает, что особый запах замечательный, как от лучших цветов, пронесется среди песков. Тоже говорят, что это от их приближения. Видели как-то и белую собаку, будто бы борзую. Старые люди говорили, что их собака. А бежит она одна, как бы за делом. На зов не отзывается. Наверное, поспешает. Тоже говорят, что видели иногда белых птиц, как бы голубей. Думают, что ими они посылаются. Вообще много знаков и в нашей пустыне. Уж такие иногда замечательные камни находим. Не иначе, что кто-то заложил их. Потому обделаны

они, иногда с надписями, а иногда как бы круглые, что твое яйцо».

Мы сказали: «Вот, вы видите много знаков в пустыне, а для проезжих все одна дичь и мертвенность».

«А потому, что вы не знаете наших языков пустынных. Вы и ветра не разберете, и запахов не услышите, да и они, если проедут, то вы их не признаете».

Мы добавили: «А как же они из себя? Ведь видели же их люди».

«А так, как по месту нужно. Так, чтобы людей понапрасну не удивлять. Вот мне говорили, что в одном становище их приняли за торговцев, а в другом — за табунщиков, а где-то еще — за военных людей, каждый судит по-своему. Но они нашим суждениям не обижаются. Один признавший допытывался, а как ему понять, что он сделает так, как нужно? А он ему ответил — все равно, как нужно, тогда и сделаешь. Об этом не беспокойся, но твори добро всегда и во всем. Они всегда учат добро делать».

Мы опять спросили: «Но почему же они терпят пустыни неплодородные?» Собеседник посмотрел на нас очень хитро и сказал: «И это придет вовремя. И реки подымутся, и леса встанут, и трава побежит всюду. Всему срок. Как ушло по погрешности людской, так и придет по держательской мысли. Они пошлют, когда нужно, когда мы сумеем опознать и принять».

Мы спросили: «А нет ли у кого каких-нибудь знаков или вещей от них?»

«Может быть, и есть. И даже навверное имеется. Но только, если кто получил их, тот о них уже не скажет».

Мы спросили: «А имена их знаете ли?»

«Они могут быть под разными именами, но, опять же, если кому выпало счастье знать имя, то он никогда никому не повторит его. Никто не преступит это уложение».

Собеседник замолчал и долго следил за какой-то двигавшейся точкой на дальних барханах. Может быть, он думал, а вдруг! В глазах его загорелась нежданная жданность. Виделось, что он знает, слышал и видел и еще многое. Но сколько же нужно посидеть у одного костра, чтобы растворилось сердце! Даже если бы оно и хотело раствориться, то воля знает, насколько эти врата могут открываться проезжему. Для нас, для проезжих, не сказаны многие тайны пустыни. Она их может поведать лишь своему. Лишь тому, в ком есть окончательная уверенность. Тому, кто может мыслить спокойно и о прошлом, и о будущем, кто может довольствоваться тем малым, которое даже не учтено для нынешней роскоши.

Пустыня приняла тот лик, в котором видит ее проезжий, чтобы сокрыть свое значение и свое величие. Серединная Азия притаилась, со всеми своими богатствами, со всеми глубоко захороненными знаками, а сыны ее умеют беречь заповеданное.

9 апреля 1935 г.

Цаган Куре

Чандогия Упанишады

«Дыхание насыщаем, глаз насыщаем, солнце насыщаем, небеса насыщаемы, все, что под небом и под солнцем, насыщаем. Откуда же насыщается все происходящее, стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?»

«Виана насыщается, ухо насыщаем, луна насыщается, державы небесные насыщаемы, все, что под ними и под луною, насыщаем. Откуда же насыщается все происходящее, стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?»

«Алана насыщается, слово насыщаем, огонь насыщаем, земля насыщается. Все, что под огнем и землю, насыщаем. Откуда же насыщается все происходящее, стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?»

«Самана насыщается, дух насыщаем, вихри насыщаемы, ураган насыщаем. Все, что под вихрями, в урагане, насыщаем. Откуда же насыщается все происходящее, стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?»

«Удана насыщается, воздух насыщаем, пространство насыщаем. Все воздушное и пространственное насыщаем. Откуда же насыщается все происходящее, стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?»

* * *

«Кто, зная сие, служителствует Агнихотре, — тот служителствует во всех мирах, во всех сущих, во всем».

«Как дети теснятся вокруг матери, так приникают сущие вокруг Агнихотры — вокруг Агнихотры».

* * *

«От Тончайшей Сущности все одухотворено. Это единственная Действительность. Это Атман».

«Истинно, мертво тело, покинутое духом. Дух же не умирает. Тончайшею Сущностью все одухотворено. Эта единственная Действительность, это Атман».

«Брось эту соль в воду и вернись ко мне завтра утром».

«Попробуй теперь эту воду, что находишь?» — «Она соленая». — «Зачерпни эту воду поглубже, что находишь?» — «Она соленая». — «Попробуй ото дна. Что находишь?» — «Она соленая». — «Еще попробуй и подойди ко мне», — «Она все такая же». — «Итак, истинно, мой друг, ты уже не замечаешь вещества, но оно всюду».

* * *

«Скажи мне все, что ты знаешь, и скажу тебе последующее».

«Знаю Риг-Веду, Аюр-Веду, Сама-Веду, Атарвану-Веду, древние сказания, Веду-Вед, знаю обряды, знаю вычисления, науку предсказаний, познание погоды, логику, правила поведения, этимологию, науку священных текстов, науку оружия, астрономию, познание змия и гениев,

вот что я знаю».

«Все, что ты перечислил, это только слова».

«Слова — Риг-Веда, и Аюр-Веда, и Сама-Веда, и Атарвану-Веда, и древние сказания, и наука предсказаний, и познание времени, и логика, и правила поведения, этимология и наука священных текстов, и наука оружия, и астрономия, и наука змия и гениев — все это только слова. Пойми правильное понимание слов».

«Когда кто понимает в словах брахмана, он может все, что желает, в державе этих слов». — «А есть ли что-нибудь высшее, чем эти слова?» — «Конечно, есть нечто высшее, нежели эти слова». — «Учитель, скажи мне это».

«Оно, Слово, истинно, больше чем все слова. Это Слово дает понять Риг-Веду, и Аюр-Веду, и Сама-Веду, и Атарвану и древние сказания, и грамматику, и правила вычисления, и науку предсказаний, и знание времени, и логику, и правила поведения, этимологию, и науку священных текстов, и науку оружия, астрономию, и знание змиев и гениев, небо и землю, воздух, эфир, воды теджас, высших существей, людей, животных, птиц, растения и деревья, — все творения до малейшего, и насекомое, и до муравьев, и праведное и неправедное, истинное и ложное, благое и злое, приятное и неприятное. Если бы Слово не существовало, ни праведное, ни неправедное не было бы познано, ни истинное, ни ложное, ни благо, ни зло, ни приятное, ни неприятное, это Слово дает различить все. Прими правильное понимание Слова».

* * *

«Единственно, когда служение происходит правильно; без жертвенности не будет правильности. Это единственно делает Служение правильным, но нужно желать познать Служение».

«Только когда ощущаешь внутреннюю радость при Служении. Не служит тот, кто в страдании. Только лишь когда преисполнен радости, тогда происходит Служение; но нужно познать радость».

«Нет радости вне беспредельности. Нет радости в конечном. Радость есть беспредельность. Но нужно желать познать беспредельность».

«Кто устремляется к миру отцов, тот с ними и пребудет. Окруженный миром отцов, он может быть счастлив. Кто устремляется к миру матерей, лишь подумать, с ними и пребудет. Окруженный миром матерей, он будет счастлив».

«Истинно зрящий не видит ни смерти, ни болезни, ни страдания. Истинно зрящий видит, и всюду он достигает всего».

* * *

«Атман, единственная истинная действительность, — в сердце. Это то, что объясняет выражение: Он — в сердце. День за днем он, который это знает, достигает мир небесный».

* * *

Незабываемо высоко настроение, когда индус напевно сказывает священное предание. Прекрасно умеет сказать их поэт Тагор, который всем своим чутким сердцем держит великие

ритмы.

В Индии, несмотря ни на что, всюду остается одна основная радость, когда сказываются стихи Махабхараты, Упанишад и Пуран. При всем новом, неминуемо вошедшем в Индии, эти старые напевы остаются всегда живыми.

В переводе можно удивляться многим как бы намеренным повторениям. Но когда вы слышите старинный, напевный ритм, то становится совершенно ясно, что сами повторения являются как бы необходимым дополнением напева. Кроме того, в этих повторениях часто подчеркиваются именно те места, которые заслуживают особо углубленного усвоения. Не забудем, что многие века как Риг-Веды, так и прочие стариннейшие предания передавались только устно, и, таким образом, сам ритм способствовал точному запоминанию.

Когда вспоминаете особенно большое количество философских и религиозных журналов и книг, издаваемых в Индии, то вы должны будете отвести почтительный поклон народу, который так хранит и заботится об искусстве мышления. Истинное утверждение получится, когда вы будете собирать знаки добрые. Ведь один добрый знак уже покрывает многие несовершенства.

Во всей Индии, от опаленного юга до вознесенных Гималаев, живут знаки, о которых вы вспомните во всякой стране. Во всех них вы по справедливости воздадите почтение тонкости и возвышенности мысли. Любой индус, от самого ученого до простого кули, будет рад побеседовать о предметах высоких. Даже за короткое время вы поймете, что поверх личного быта, поверх общественности и государственности, для индуса будут самыми значительными высокодуховные предметы. Именно достигая этих предметов, индус становится реален, ибо для него они будут, как сказано, единственной, истинной действительностью.

Так же, несмотря на все современные смятения, в Индии все же живет учительство в трогательном и высоком понимании. Гуру все же живет в Индии. Соотношение между Гуру и учениками всегда будет поучительным. Такого сознательного, благородного почитания теперь уже трудно найти в других странах. Это не есть рабство, не подавление личности, не суживание горизонта, но есть возвышенное, благородное понимание Иерархии. Даже в мелочах обихода, и в глаза и за глаза, ученик действительно почитает и хранит достоинство своего учителя. Конечно, эти качества могут развиваться лишь от соответственной взаимности. Учитель, истинно, является отцом и советником, руководителем во всей жизни.

Заботы о внутреннем и внешнем преуспевании учеников являются неотъемлемым качеством Гуру. Но и ученики, со своей стороны, находят незабываемо прекрасные выражения в отношении своего руководителя. Не будет допущено никакого, хотя бы обиходно малого, умаления. Будет приложено все заботливое старание понять и охранить сущность познаваемого. В таких взаимоотношениях создается искусство мышления, творится радость о предметах высших. И эта радость живет не только во дворцах и около храмов, она проникает в самые убогие жилища и претворяет невероятные трудности жизни в ношу легкую.

Кто побывал в Индии не туристом, прохожим, но прикоснулся к сущности жизни страны или, вернее, великого континента, тот никогда и нигде не забудет очарования великой Индии. Можно всюду выполнять различные полезные задачи, можно примениться к любым условиям, можно понять разные языки, но все же ничто не затмит необычное очарование Индии.

И сердце Индии отзывчиво там, где оно почует взаимность. Никакие слова и уверения не сравнятся с великим знанием сердца. Зато и неизменен приговор сердца. Оно знает, где настоящее добро, под любую поверхность сердце определит сущность. В Индии к этому сердечному языку прибавляется еще и неповторенная психическая чуткость. Даже на расстоянии вы можете взглянуть на кого-либо из толпы, и он сейчас же оглянется, как бы желая ответить. Сколько раз нам приходилось убеждаться в этой необыкновенной чуткости.

Невозможно чем-либо насильственным или противоестественным развить в себе эту чуткость. Лишь веками, в великом ритме, в постоянном мышлении о предметах высоких развивается это чрезвычайное качество.

Но чтобы познать искусство мышления о высоких предметах, нужно полюбить и сделать обычным для себя этот способ мышления. Но чтобы полюбить, нужно возрадоваться. Правильно указано в Упанишадах, что служение может быть действительно лишь в радости. Эту внутреннюю сердечную радость нужно не только воспитать, но ее нужно суметь удержать, чтобы она поселилась в сердце. Добрая радость сердца делается уже неотъемлемым качеством и преобразит собою все сумерки и потемки.

Думать ли о величественных, замысловатых строениях юга Индии, или мечтать о неповторенном величии Читора или Гвалиора и множества твердынь Раджпутаны, или перенестись, мысленно в торжество Гималаев — всюду будет выражена радость великого мышления. В лунном Ганге, в тайне ночи Бенареса или в великом ритме гималайских водопадов будет то же неповторенное настроение. В повторении множества древнейших имен, от Ману, от Арджуны, от Кришны, от всех пандавов, героев, творителей и строителей, утверждается крепость в любовном почитании этой древности. И от Матери Мира, от царицы Мира, от всех носительниц домашнего и государственного очага проникаемся всегда цветущим очарованием великой сердечности.

Хороша Индия. Хороша она и в явном, и в тайнах, бережливо охраненных.

Милая, Прекрасная Индия

13 апреля 1935 г.

Цаган Куре

Как пчелы собираем мы знание и укладываем нашу кладь в причудливые соты. По прошествии года, обремененные вещами, мы пересматриваем наши «сокровища». Но кто успел подsunуть нам столько ненужного? Когда успели мы так затруднить путь свой? Но среди случайного и подлежащего, как печной перегар, уничтожению, всегда высятся веши, драгоценные нашему духу. Это они ведут человечество через все расы, через все круги достижений. Ступени к храму.

«Истинно, истинно! Красота есть Бог! Искусство есть Бог. Знание есть Бог. Вся слава, все великолепие, все величие есть Бог. Истинно, истинно!» — воскликнул индусский Святой, возвращаясь из состояния Самадхи. И придет новый путь красоты и мудрости. Лучшие сердца уже знают, что красота и мудрость не роскошь, не привилегия, но радость, сужденная всему миру на всех ступенях достижения. Лучшие люди уже понимают, что не твердить только они должны о путях красоты и мудрости, но действительно вносить их в свою и общественную повседневную жизнь. Они знают, что европейский костюм не является признаком культурного человека. Они знают, что в наши дни, во дни смертельной борьбы между механической цивилизацией и грядущей культурой духа, особенно трудны пути красоты и знания, особенно тягостны нападения черной пошлости. Но они и не скрывают, что борьба тяжела и за ней уже растут крылья освобожденного Духа. Вы знаете, что лучшие красоты природы создались на месте бывших потрясений земли. Вы знаете восторг перед скалами, пропастями, живописными путями старой лавы. Изумляетесь кристаллам и морщинам каменных цветных наслоений. Бесконечную красоту дают конвульсии космоса.

Подумайте, сколько знамений явлено!

Залила кровью мир война. Засухи, ливни нарушали людское устройство. Ушли озера. Обрушилась вершина Монблана. Явил лик голод. Сколько условностей отживающей расы уже развалилось.

И среди развалин людских условностей уже возникает новая жизнь. И даже самые тупые начинают сознавать, что многое, зримое ими, не случайно. Новый мир идет!

Идет среди изумленных и потрясенных взоров. И в новом мире, в его новых храмах сложится новая жизнь, и в ней искусство и знание поддержат престол любви Божества.

Благословенные ведут нас этими путями. Среди чудовищных умственных нагромождений изжитой ветоши видны уже признаки синтеза.

Узнавая будущее значение красоты и мудрости, люди поймут и пути их возникновения.

Сейчас надо мыслить об искусстве. Надо ощутить и утвердить высший проводник Духа Утешителя. Смотрите, в конце прошлого столетия истерлись старые стили. Жизнь наполнилась мертвенными подделками. Творения красоты стояли одиноко.

Обстановка жилищ, вещи обихода, средний уровень картин и ваяния дошел до предела фальшивого безразличия, и тогда немедленно появилась реакция. Но насколько отвратительна была подделка, настолько уже оскорбительна была реакция.

Возненавидели старых. И ненависть породила злобную беспомощность. Брызгая ядовитой слюной разложения, бросились создавать новые теории.

Точно неумелые дрогисты, они распределили искры Божества по склянкам и наклеили этикетки. Итак, на смену спесивому безразличию жизнь наполнилась всякими post' и ex'ами. И

снова раздробленность дошла до предела. И снова стражи истинного искусства, как Роден, Пюви, Ван Гог, Гоген, Сезанн, остались одинокими, а вокруг них шла суматоха распятия красоты. Какой сюжет для старого Брейгеля или Босха. То они были поработаны сюжетом, то они искали лишь форму, то они искали лишь краски. Они самовольно и глупо разделили искусство на высшее, декоративное, прикладное, коммерческое. Они извратили понятие реальности. Они разрубили единое дерево. Они изогнули все, за что могли схватиться судорожные их руки. «Бедные они», — как сказал о них один большой художник.

Они забыли то, что звучит в каждом атоме звездного неба, перед чем их слепые теории кажутся жалкими заплатами. Они забыли о гармонии. Они не хотели знать, что близится время гармонизации центров. Они забыли, что таинственная прелесть искусства, его убедительность — кроются в путях его возникновения. Откуда придет, на том языке и говорить будет. В таинственных обобщающих путях искусства есть тот международный язык, который свяжет все человечество.

Это не общее место. Не трюизм. Это надо подчеркнуть и выявить всеми силами духа, ибо люди забыли совершенно простой путь света и творчества.

Язык людской, яркий и мощный в осуждении, стал дряблым и бледным при хвале и утверждении.

Но не примите сказанное за отрицание. Мы отрицаний не терпим. Ведь все «новаторы» пытались сломить пошлость. И тем даже неудачная попытка должна быть оправдана. Все борцы против пошлости — в одном стане. Конечно, чем шире форма — тем вместительнее она. Не обойти великий закон вмещения.

И руководители жизни творят неусыпно. И можно радоваться ужасающим пределам нашего хаоса. Так из-под пены бури снова возносится омытый, сверкающий утес; уже близится творчество созидания и обобщения. И мы знаем не предсказания. Мы уже видим светлые признаки. Одинокие люди, разделенные горами и океанами, начинают мыслить о соединении элементов, о творческой гармонии. И мысли единства пролетают над миром. Молодежь уже пишет на своем трудовом щите:

«Cor Ardens» recognizes art as the universal medium of expression and evidence of life. It realises the phenomenon that ideals in art manifest themselves simultaneously in all parts of the world and therefore acknowledges the creative impulse irrespective of heritage. Art should be created with honest mind and from genuine necessity. Cor Ardens is a concrete move to bring together, at least in spirit sympathetic isolated individuals.

We must walk the rising road of grandeur enthusiasm and achievement with all the power of our spirit».

Разве в этих словах не звучит победа духа? Разве хаос не открыл врата единения? Разве разъединенные физически души не начинают понимать друг друга на языке высшего благословения?

Друзья невидимые! Знаю вас. Знаю, как нечеловечески трудно вам превозмочь все условности жизни и не погасить ваш светоч. Знаю, как болезненно для вас идти под презрением тех, кто построил свою жизнь на темных понятиях денег. Знаю вас — одинокие — перед огнем, который кажется вам одиноким. Мои молодые друзья! Всегда молодые. Разве не видите, что около того же вашего огня сидят многие? И не одиноки сидящие у одного огня. И если рука ваша еще не ощутила пожатия, то дух ваш уже принял поцелуй брата.

Какие гигантские массы сдвинуты братскими усилиями. И каждое напряжение в направлении красоты и знания сияет сознанием, что единый луч духа ведет нас — тот луч, перед которым вспыхивает экстаз духа, а тело трепещет в предчувствии.

Не дрожи, не бейся так, бедное сердце! Еще раз, опять после долгого срока, ты научишься

владеть мощью, которая так близка. Купель Красоты!

Велико значение искусства для будущей жизни! Новый мир идет!

«Оставьте все предрассудки — мыслите свободно» — так Благословенный сказал.

II

Я знаю тебя, гомункулус. Это ты подсунил нам в дороге столько ненужных вещей. Это ты советовал нам не доверять всему молодому и «неопытному». Это ты подставил внешние факты вместо фактов духа и сущности. Это ты позолотил рамы на картинах. Ты проник в советы и лиги и прикрыл стремление к совершенству обязанностью могильщиков. Ты очень трудишься. И в твоей незримой империи растет славное человеконенавистничество.

Но как бы мал ты ни был, уже рассмотрели тебя. И узнали твои привычки. Ты боишься талисмана любви. И любовь подсекает твои создания. Любовь творческого совершенства. Ты мечтаешь засыпать ее старыми вещами. Ты думаешь, что пламя любви потухнет? Но ты забыл таинственное качество пламени. Оно зажжет любое количество свечей и не уменьшится.

Где же тебе бороться! И если бы ты даже проник во все лиги наций, то ведь за нациями стоит человечество. И здесь трудолюбивый гомункулус не достигнет успеха. Ибо человечество все-таки, хотя и медленно, идет к гармонии.

Не кажется ли вам странным, друзья, что даже в наши дни, в дни наибольшей суматохи и страха, все-таки могут быть действительно выявляемы такие еще далекие понятия, как любовь, благо, совершенство, то есть все спутники гармонии? Гармонию часто не понимают. Смешивают с унисоном. Не понимают. Так же, как не понимали Нирвану. Но гармония не есть отвлеченное песнопение. Гармония, гармонизация центров есть выявление деятельности во всей ее мощи, во всей ее ясности и убедительности. Познавая, чего мы хотим, мы слагаем все наши центры в одно напряжение и даже преодолеваем все установления рока. Но дух-то наш знает лучше всего, где правда. И каждый наш поступок оценен духом воистину.

И вот этот дух также знает, что любовь и совершенство будут применены в жизни, в простоте и ясности творчества. Если простота выражения, ясность желания будут соответствовать неизмеримости величия Космоса — то это путь истинный.

И этот Космос, не тот недостижимый Космос, перед которым только морщат лоб профессора, но тот великий и простой, входящий во всю нашу жизнь, творящий горы, зажигающий миры — звезды на всех неисчисленных планах.

Простота — неперемнное качество гармонии. Творчество будущего будет осенено простотой. Конечно, вы не смешаете простоту с примитивизмом, с нарочитостью.

Здесь разница так же велика, как между искусством и штампом. И часто в золотых рамах висит коммерческий штамп, а в плакате под вихрем и снегом треплется истинное искусство.

Но дух-то, хотя бы в молчании, знает, где штамп, где пошлость и где радость и творчество.

Молчаливо спрашивайте дух ваш, внося каждый предмет в дом ваш. Произнося заклинания против гомункулуса, обдумайте, зачем и как пришли вы к мысли приобщить к вашему очагу нового гостя.

Ведь эти молчаливые гости могут быть истинными друзьями, но могут стать и врагами вашего дома.

В осознании предметов лежит гармония их. И опять дух ваш знает врага и друга.

Знаем непреложные исцеления музыкой и красками. Вспомним мощь пения. Вспомним высокие подьемы в храмах, в музеях. Дом Божий! Дом Великой Тайны! И таинство Духа имеет подножием лишь красоту.

Конечно, вы любите искусство. И вы хотите о многом расспросить меня. Вы хотите знать, что лучше для гармонии дома: картины или стенопись. Лучше ли закрепить обстановку в неподвижности. Или жизненнее — идея Китая и Японии, где каждый день на стене комнаты помещается одна картина?

Наверно, вы хотите спросить, правильна ли идея наших современных выставок, где за обликом храма искусства притаился ларек торговца?

Учитель изгонял торгашей из храма. Учитель знал, конечно, что в нашей жизни без торгашей еще нельзя. Но Он их изгонял именно из храма.

Так и в деле искусства. Конечно, торговля должна остаться. Но она должна быть вынесена из храма. Пусть будет честный праздник; пусть будет честная лавка. Но лавка во храме и личина храма в лавке вносят внутренний разврат среди творящих и цинизм среди посещающих. Благоуханье храма скует жест даже отъявленного циника, и гомункулусу приходится бежать.

Правда, гомункулус, вам все-таки придется уйти из жизни. Бессчетные молодые сердца просят вас уйти.

Очистив принцип обмена искусства, возможно ввести его в дом. Внести как бы свечу, зажженную во храме. И мысль стенописи, и ценная смена впечатлений Востока — все найдет свое место. Ибо правда бесконечна. И каждый отдельный случай утверждения искусства устанавливается сознанием духа. Кондуктор думает, что люди лишь ездят. В представлении сапожника люди лишь ходят. В представлении современного человека люди только терзаются. В знании Благословенного люди должны радоваться.

Правда, именно сейчас радость об искусстве звучит странно. Много говорят об искусстве и так мало вносят искусство в свою жизнь. И всегда находят превосходные отговорки и оправдания. Всегда виноваты самые убедительные обстоятельства. Все виновато, но лишь не виноват «цивилизованный человек», ходящий смотреть на бой быков или на уличную драку, обставленную правилами «бокса».

Здесь открыты и сердца, и кошельки.

Но расспросите этих людей, много ли они сделали для искусства? И много ли они внесли искусства в свою жизнь? Они будут удивлены, и окажется, что пещерный человек каменного века имеет все преимущества перед этими завоевателями земли. В наши дни и об этом приходится говорить. Как же не говорить, когда именно сейчас некоторые правительства пытаются обложить свободное искусство особыми налогами. И тем еще больше затруднить тернистый путь красоты. Здесь опять работа гомункулуса!

И в то же время лишь около десятой части населения вносит искусство в свою жизнь и что-то знает об искусстве. Двадцать процентов только говорят об искусстве и не применяют его. А семьдесят процентов вообще не знают или, лучше, не помнят уже, что такое искусство...

Но лучше, хотя бы механически, твердить: «благо, благо, благо», нежели, хотя бы с усмешкой, повторять: «зло, зло, зло». Этот относительный принцип уже усвоен многими. Так вот этим путем будем хотя бы один раз в неделю спрашивать себя, что мы за семь дней сделали для искусства?

Пусть и политики, и конгрессисты, и многие клерки и банкиры, и «деловые люди», и все гордые своей часто сизифовой работой, пусть тоже усвоят себе эту нетрудную привычку. Там, где нельзя идти путем радости сознания, там пусть протянется мостовая указанной дороги. Но усилия нужны. Иначе наши дни грозят особым бедствием для достижений искусства. Искусство должно цвести, и музыка духовного призыва должна звучать вне состояния биржи и вне заседаний Лиги Наций. И еще одно тоже «необщее место». Со стыдом вспомним о том, о чем поистине необходимо вспомнить, и признаемся. В воспитании ребенка все еще забыто развитие творчества. Сперва стараются внушить ребенку массу условных понятий. Сперва ему преподают

полный курс страха. Затем ребенка знакомят со всеми домашними ссорами. Потом ему покажут фильмы, где зло так изобретательно и блестяще, а добро так бездарно и тускло. Потом покажут детям все пошлые заголовки ежедневной прессы. Потом ребенка окунут в так называемый спорт, чтобы молодая голова привыкла ощущать удары по лицу и привыкла думать об ударах физических и о разбитых членах. Итак, сперва займут все время юноши, дадут ему наиболее пошлые и извращенные формулы. А потом он, засоренный и заржавленный, может начинать творить.

Это одно из самых глубоких преступлений.

К любой машине люди бережливее относятся, нежели к ребенку. Еще бы, за машину заплачены «всесильные» деньги. Ее нельзя запылить или залить грязью. А за детей деньги не платят. Но если машина портится от пыли и грязи, то как же разрушительно действует грязь духовная на нежный молодой аппарат. В смертельной тоске ищет света маленькая голова. Смертельно болезненно чувствует всю оскорбительность. Болеет, затихает и часто поникает навеки. И творческий аппарат замирает, и отпадают все провода. Мы часто восхищаемся неожиданностью детского рисунка или мелодией детской песни, или мудростью суждения детского. Там, где еще открыто, — там всегда прекрасно бывает. Но потом мы замечаем, как ребенок перестает петь, перестает рисовать, и суждения его уже напоминают так называемые нарочно для детей сделанные книги. Значит, зараза пошлости уже проникла, и все симптомы этой ужасной болезни уже появились. Появилась скука, появилась условная улыбка, появилось преклонение перед противным, наконец, появился страх одиночества. Значит, что-то близкое, руководящее, всегда присущее — отошло, отодвинулось.

Не изгоняйте детей из храма. Ведь самые трудные вещи всегда так просты.

Откройте в школах пути к творчеству, к великому искусству. Замените пошлость и уныние — радостью и прозрением. Развивайте инстинкт творчества с самых малых лет ребенка. Уберегите от гримасы жизни. И дайте ему счастливую, смелую жизнь, полную деятельности и светлых достижений.

Бичи человечества — пошлость, одиночество и тягость жизнью минуют молодую душу творящего.

Откройте пути благословения.

III

Как же вносить искусство в жизнь? Где же эти благословенные пути? Может быть, они недоступно трудны? Или требуют неисчислимых средств? Или только гиганты духа дерзают на эти пути?

Все уверения будут неубедительны. На эти сомнения можно ответить лишь страницей подлинной жизни.

Расскажу вам, друзья, о тех собирателях, которые сохраняли цветы искусства не для роста капитала, не для имени своего, а именно из любви, выросшей свободным сознанием.

Возьму четыре портрета моих друзей. Все они уже ушли от нас. Из них только один был богат средствами, а трое были богаты лишь своим светлым духом.

Богатый собиратель был московский коммерсант Третьяков. Ничто в семье не располагало его к искусству. Старый купеческий род скорее подозрительно смотрел на непонятное ему влечение. Но неожиданно молодого Третьякова потянуло к новому пути. И ошупью, руководясь личным чутьем, он начал собирать картины русской школы. Шел он одиноко, лишь иногда выслушивал совет знакомого художника. И не случайно начала складываться теперь знаменитая

Третьяковская галерея в Москве. Подлинным чутьем любителя Третьяков понял, что правительство обычно пополняет свои музеи чаще всего официальными произведениями, минуя лучшие вещи художников. И этот казенный лик музея не может отразить течение школы нации. Так было всегда. Так, боюсь, еще будет.

Искусство всегда цвело личным, горячим порывом. Он поймет, и найдет, и сохранит, и даст всему народу. И вот купец Третьяков понял государственную задачу искусства. И нашел свежие художественные силы, и облегчил путь их. И, окружив чистым восторгом, сохранил их творения. Но свою радость он сделал народной радостью и при жизни еще отдал городу Москве все свое замечательное собрание. И немалую задачу он себе поставил. Не просто собрал воедино массу ценных творений, а отразил в своем собрании всю русскую школу. Все новое, яркое, значительное было усмотрено Третьяковым. Этот молчаливый седой человек в большой шубе неутомимо посещал все выставки, и ничто не останавливало его, если он считал произведение значительным. К начинающему молодому художнику он поднимался по крутой лестнице в студию. Он был первым — при окончании картины. Он был первым — при открытии выставки. И за то он первый имел лучшие, характерные вещи.

Случилось так, что награда высших художественных учреждений считалась ничем сравнительно с приобретением Третьякова. И судьба начинающего работника решалась не Академией, но именно этим молчаливым искренним человеком. Когда не хватило стен дома, Третьяков построил еще здание рядом. Если это было нужно, то оно должно было быть сделано. И искусство не должно было терпеть ущерба.

Конечно, кто-то может сказать, что с большими средствами Третьякова было возможно собирательство в таком огромном масштабе. Он мог избирать лучшее и мог получить столько, чтобы представить у себя всю русскую школу. Правда, средства дали этот масштаб, но качество собирания, любовь к делу и живое творчество в самом выборе вещей и людей — все это шло не от количества средств, а от бездонного богатства духа.

Так один человек, сильный духом, сделал бесконечно важное государственное дело. И теперь, если бы правительство пожелало повторить Третьяковскую галерею, оно было бы бессильно, ибо порыв духа создал неповторяемую комбинацию красоты.

Это — пример идейного созидания в пределах государственных. Теперь другой духовный лик. Та же сила духовного устремления при всей полноте борьбы со средствами.

Известный поэт, и культурный деятель, и гофмейстер двора императора граф Голенищев-Кутузов. В этом случае традиции рода способствовали развитию устремлений к искусству. Были большие исторические познания; был особый глубокий поэтический дар.

Собрание состояло из картин старинных голландской, нидерландской и итальянской школы. Основное отличие собрания — не погоня за условным именем, но правда выявления чудных творений. Собиратель понимал, что имена Рембрандта, Рубенса, Ван Дейка являются именами чисто собирательными (коллективными). Что только низший тип коллекционера гонится в темноте за пустым для него звуком. Но лучшее знание искусства открывает нам бесчисленное количество художников, поглощенных так называемыми крупными именами. И задача культурного собирателя разобраться в этих забытых именах во имя правды. Если на признанной отличной картине Рембрандта найдется подпись Карела Фабрициуса, его ученика, — разве превосходная картина станет от этого хуже? Или мог ли Ван Дейк писать две тысячи портретов в год? Конечно нет, но у него было до двухсот учеников. Я знаю, как огорчен был бы граф, узнав, что одна из его любимых картин, принадлежащая неизвестному нидерландцу Haselaer'у, висит сейчас в Metropolitan Museum в Нью-Йорке под именем Иоахима Патинира.

Во имя правды граф Голенищев-Кутузов раскрывал истинные имена и насколько мог

исправлял грехи своекорыстной человеческой истории. И какой любовью, интимностью дышало его изысканное собрание. При этом каждая картина была добыта с трудом, с лишением. Каждый новый член собрания возбуждал неодобрение многих родственников, жалевших трату денег. А средства были так скудны. Небольшого придворного жалованья не хватало на жизнь. И уходил отсюда этот собиратель, окруженный своими истинными друзьями — картинами. И завещал, чтобы его собрание разошлось и дало новую радость новым ищущим душам.

У всех вещей есть своя аура. Чуткий дух подбирает в окружающих предметах близкую ауру. Каким хорошим светом светилось собрание Голенищева-Кутузова.

Этот тип утонченного собирателя, который, работая и радуясь новой красоте и правде, посылает ее вновь служить облагорожению духа человеческого.

Теперь тип молодого собирателя. Собиратель по инстинкту еще со школьной скамьи. У мальчика, вместо свойственных возрасту радостей, растет стремление к художественным произведениям. Он с малых лет, не имея личных художественных способностей, отличается образованием и развитым вкусом. Его привлекает все прекрасное. Дух его стремится восходить. Он, наверно, когда-то был художником.

Какая радость была проводить время с молодым Слепцовым. Еще со скамьи Лицея он начал собирать картины. Не хаотичная, не случайная покупка это была. Он знал, что делать. И все деньги, данные юноше матерью на удовольствия, шли на благородное влечение. И если иногда был недостаток в деньгах, то энтузиазм общей задачи никогда не страдал от этого.

А общая задача была красива. Юноша полюбил определенных, очень тонко избранных художников и решил каждого из них представить во всех периодах деятельности. Сохранить и передать потомству полный лик творческой человеческой жизни. В будущем юноше грезились: каждому художнику будет предоставлена отдельная комната и вся обстановка комнаты будет отвечать характеру данного творчества. И мебель, и обработка стен, потолка, характер освещения и покрытия пола. Из этого можете заключить, какая тонкость восприятия была заложена в молодом духе и какая проникновенная любовь и забота окружала каждого представленного художника. В этих особых комнатах иногда должно было раздаваться избранное пение и музыка. Или должны были быть читаемы соответственные произведения. Словом, должна была быть осуществлена мечта о единстве искусства, о гармонии.

Радостно было слушать, как избиралось новое произведение для собрания. Какие тонкие и правдивые соображения высказывались, чтобы выделить и найти новую достойную черту в творчестве художника. И вы видели в употреблении искусства не прихоть, но реальную культурную потребность. И эта тонкость культуры заражала окружающих. И мысль, и разговор очищались светлым восхождением духа.

Слепцов мечтал передать свое собрание народу. Не заботясь об имени своем. Но слишком рано ушел он от нас. И ушел он необыкновенно. Он уехал верхом и не вернулся. Перешел неожиданно, среди природы, прислушиваясь к гармонии Космоса. Завидный переход — переход к новой прекрасной работе. Это тип чуткой души с заложенными ощущениями будущей гармонии и единства.

Теперь еще один трогательный тип собирателя.

Очень бедный армейский офицер, служащий в отдаленной провинции, рвется всей душой к искусству. Лишая себя во многом, полковник Крачковский, всегда деятельный, горящий энтузиазмом, всегда приветливый, стремится собрать коллекцию образцов русской живописи. Конечно, он не может собрать крупных вещей. Он собирает небольшими размерами картины, эскизы, этюды, рисунки. Но по внутренней ценности его собрание становится очень значительным. Он стремится к лучшим художникам: он понимает, что часто эскиз ценнее самой картины. Он стремится выявить лик художника в чертах наиболее типичных. Это не покупатель

дешевых картин — это истинный собиратель. При этом сам он часто нуждается в десяти рублях, и для него величайший вопрос заплатить десятью рублями больше или меньше. И он просит художника отдать вещь и настойчиво убеждает уступить.

И слово его действовало, и ему отдавали эскизы. И он радовался светлой радостью ребенка, и писал восторженные письма о новом сокровище. Как любил он искусство и каким высоким значением окружал он понятие истинного творчества. В завещании он оставил все свое собрание в общественное пользование. Но мало того, он завещал продать все его скромное имущество, все его обиходные вещи и на вырученную сумму приобрести еще художественных предметов и приобщить их к собранию.

Это тип внешне незаметного, но глубоко значительного работника в пользу будущей культуры. Его пример останавливал внимание многих. И если бы вы читали его письма, писанные с поля сражений! Полковник Крачковский ушел от нас во время последней войны [\[10\]](#). Чистая душа!

Я мог бы показать еще много ликов, полных благородных исканий в разных областях искусства. Но и эти четыре лика уже устанавливают уровень культурных стремлений, так нужный человечеству.

Так бывает не в мечтаниях, но в жизни. Бывает искренне и действенно.

И улыбка радости сопровождает такие светлые задачи. До чего близки искания искусства достижениям духа.

Пора понять и запомнить и применить к жизни эти чудесные проводники.

И когда искусство войдет действенно, и неудержимо, и просто во все духовные, общественные проявления, тогда оно будет внесено и во всю современную жизнь.

И по этим каналам приблизятся ко всякому человеческому сердцу истинные пути благословения.

IV

«Скажи, кто твои враги, и я скажу, кто ты есть».

Друзья, любите ли вы врагов ваших?

Умейте «гордиться» не только друзьями, но и врагами. Напрасно вы не любите врагов ваших. Вы должны их любить. Они такие старательные существа. Они так трудятся для вас. Они знают о вас больше, чем вы сами знаете. В старательстве своем они вам приписывают такие тонкие выдумки. В их представлении вы делаетесь и всемогущим и вездесущим. И часто враги помогают вам — вашим лучшим идеям. И удары врагов так часто дают новых, невидимых друзей ваших. Окончив свои «дела», осмелевшие враги сядут в советы и митинги и будут без вас решать о вас. Но творчество жизни обернет все их решения. Как Мими у Вагнера, милые враги не будут знать, что именно они говорят. Потом они придут с разъяснениями, но все-таки врагами останутся. Пока не почувствуют удара искры — стрелы. Тогда, обедневшие, они делаются и осторожными и зрячими. И бывает все, как должно быть... Враги часто сердятся. А кто гневается, тот уже бессилен и неопасен. Истоштив крик свой, они стараются замолчать вас, но как приятна работа в молчании. И криком и молчанием они полезны вам. Ах, милые враги, если бы вы иногда посмотрели, какой малюсенький человек натравливает вас. Даже самые грубые сердца были бы сконфужены таким руководителем и союзником. Я уже не говорю обо всем том, когда явные враги заставили вас осмотреться, проверить ваше знание и двинуться с новым упорством.

Да будут благословенны враги!

Но почему вы занимаетесь врагами? Разве мало вам всех друзей ваших? — спрашиваете вы. Конечно, я говорю не для себя и, может быть, не для вас. Но говорю я для младшего поколения. Оно часто не знает, как поступить с первыми врагами, и вместо простого перехода через реку — нагромождает утесы, теряя драгоценное творческое время. А ведь каждую минуту кто-то может быть научен и обрадован. Обрадован не деньгами, но радостью познания новых далей. Ведь если б весь мир возрадовался хотя бы на одну минуту, то все иерихонские стены тьмы пали бы немедленно. Но до радости мира еще далеко. Часто мы так твердо заучили что-нибудь, что если бы это было вовсе не так на самом деле, мы все равно будем настаивать на своем; вместо третьего глаза отказываемся от двух обычных.

Попробуйте на лесной дороге, опередив спутника, незаметно скрыться в чащу и пропустить его вперед. Потом вы можете окликать его сзади, а он будет ускорять ход и будет слышать зов впереди. Ибо мозг его знает, что вы должны быть впереди.

Отчего люди не видят синюю лошадь или зеленое лицо? Потому что вопреки очевидности их связанный мозг знает то, чего нет на самом деле.

Сколько споров о жизни, о религии, о знании, о красоте породили связанные мозги. Связанные оковами школ-тюрем. Вот и ваши враги так многое знают непреложно, что они даже помогут будущей культуре. Помогут для себя неожиданно. Они ведь решили задавить вас своими «великолепными» материальными достижениями и вещами. Они водрузили стандарт свой оконченной жизни, оконченной расы. В гордости сознания законченности они обрезали все «ненужные» провода. Что значит «бедный дух» перед мощью складов, набитых хотя бы гнилой мануфактурой?

Враги уже готовы торжествовать и петь гимны своего отрицания. Но происходит «глупая» вещь. Кто-то не хочет взять их товары. Время портит их заготовки. А по видимости, они не могут даже рядом лежать с изделиями древних эпох. И из-за груды хлама победоносно и неоспоримо покажутся лишь творения Духа. Взглянем на музеи нашей планеты хотя бы через одну тысячу лет. Что именно найдут потомки от наших дней — они, которые уже будут давно знать и атомическую энергию, и мощь гармонии? Книги, газеты, бумаги, ткани стали уже пылью. Цемент и железо уже давно превратились в труху. Все краски стали желтыми и серыми. Многие изваяния развалились. Остатки кладбищ стали местами убожества. И рядом с этим печальным ликом еще останутся монолиты древних эпох, уже не однажды знающие, что такое тысячелетие.

Много изделий врагов ваших унесет время. Правда, в битве очищения погибнут и некоторые друзья. Но те, которые поймут, что есть гармония, те сохранятся. Ибо они знают, что гармония заключается в соответствии всех частей и всех материалов. Кто знает, для чего творит он и что выражает, тот создает и соответствие материалов. Он поймет, как охранить книги — скрижали знания. Он поймет, что нелепо ставить цементное изваяние или писать картину заведомо плохими красками на гнилом холсте.

Мало-помалу люди поймут, что именно должно сохраниться и как именно сохранить это. Охранить — как след искры божественной энергии.

Но для того чтобы знать, надо помыслить, надо создать моменты этого подъема, этого узнавания. Много людей в конце недели ходят в церковь. Много людей в конце недели вспоминают, сколько они должны заплатить по счетам. Но не много людей хотя бы один раз в неделю вспомнили, что за семь дней они внесли в область красоты и знания. И тщетно искусство стучится в эти запертые двери. Этот стук сердца беспокоит мозг не более стука ветра. И еще плотнее притворяют ставни и завешивают шелковыми тканями всякий доступ воздуха.

Любить искусство никто не обязан. Большинство разговоров об искусстве поддерживается не любовью, но лишь приличием. Но тем не менее искусство и знание идут.

Постепенно усиливаемый электрический ток дает возрастающий свет. Затем свет вспыхивает особенно ярко и для нас погасает, но аппарат работает еще усиленной. Это значит, что зрение наше уже не воспринимает вибраций такого напряжения, но незримый свет растет.

Или перед вашими глазами начинает двигаться цепь товарных вагонов и заслоняет чудный пейзаж, вагоны ускоряют свой бег. В промежутки между ними начинают мелькать очертания природы. Поезд понесся быстро, и вы начали видеть как бы сквозь него весь связный пейзаж. Препятствие физического тела исчезло.

Во тьме часто мы не видим растущий свет. Но зато если достремиться, то снова, сквозь нашу физическую оболочку, мы начнем видеть истинный мир в его истинном движении.

Так и сейчас часто мы не можем воспринять усиленных вибраций мировых движений. Но сквозь цепь товарных вагонов мы уже начинаем различать вершины гор, к которым рок нас движет. Мы вспомнили о современных условиях творчества. Вспомнили все Голгофы трудностей и подвиги достижений. Конечно, условия искусства и знания в современной жизни ненормальны. Конечно, мы должны знать это и ежечасно помнить об этом. Но если все движимо творческой любовью, чудом красоты и премудростью знания, то этот треугольник вы все же не опрокинете, ибо каждая сторона его выявляет две следующих.

И теперь, если мы знаем, что молодое поколение вспоминает о мощи устоев, то, конечно, оно перенесет это сознание через все трудности жизни. И, произнося слова «братство», «любовь», «гармония», мы произносим не смешные, неуместные слова, но говорим слова ближайшей практики жизни.

«Чудо творится среди жизни, среди действия, среди напряженной гармонии. Ночные видения претворяются не в сказку, но в явления счастливых общений с путями Благословенных. Окно, во тьму открытое, приносит ночные голоса, но зов любви принесет ответ Возлюбленного».

Новый мир идет.

1921. *Santa Fe*

---

notes

Урусвати— духовное имя Е. И. Рерих. — *Прим. ред*

«Надземное» — книга из серии Агни Йоги. — *Прим. ред.*

Р. Рудзитис был председателем Рижского рериховского общества. — *Прим. ред.*

В скобках указаны названия сборников произведений Н. К. Рериха. — *Прим. ред.*

«Разве вы не видите, что, поверх всего, я — поэт». «Не может быть по-настоящему религиозным тот, кто не осознает красоту и величие Искусства». «Непризнание искусства есть крайнее невежество».

«В искусстве наша личность посылает свой ответ Высшей Индивидуальности, которая открывает нам себя беспредельной Красотой сквозь мир обыденной реальности».

Лама оказался прав

Художник живет в доме, где пребывал Далай-лама (*Примеч. 1-го изд.*)

Мунтазар — Мессия, ожидаемый мусульманами

Речь идет о Первой мировой войне. — *Прим. ред.*